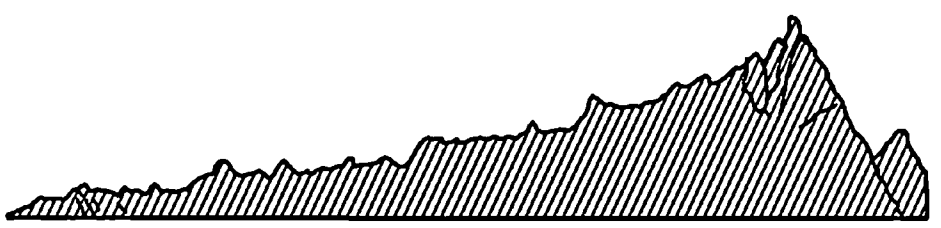
Серия: Русский Афон XIX–XX веков

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Афонское Добротолюбие о безмолвии и молитве

Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне



Святая Гора Афон
2015

Серия издается по благословению игумена
Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне
Священно-Архимандрита ИЕРЕМИИ

Главный редактор серии:
иеромонах Макарий (Макиенко) — духовник и первый эпитроп
Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Однажды, как он стоял... на молитве и говорил умом паче, нежели устами: "Боже милостив буди мне грешному", — внезапно низошло на него свыше Божественное осияние пресветлое, исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша этот, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения, и не приходило тогда на мысль ему ничто из того, что обыкновенно бывает на уме тех, кои носят плоть человеческую; но был весь сраствореn с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса, и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его»[1].

Преподобный Симеон Новый Богослов

«...Вершина всякого блага для человека Божия в мире сем есть чистая молитва. И если не умрет человек по отношению ко всем людям и не будет усердствовать в безмолвии наедине с собой, словно мертвец во гробе, не сможет он приобрести это для себя. Ибо чистая молитва требует отрешенности»[2].

Преподобный Исаак Сирин

Молитва — это беседа с Богом в любви! Она может быть выражена словами и может протекать и без них, но в любом случае ее фоном должна быть Христова любовь! Сокрушение сердца в покаянии и любви есть обязательное условие молитвы! Иначе молитва превратиться в медитацию. Медитамция (от лат. meditatio — размышление) — тип упражнений по тренировке концентрации внимания, используемый в оздоровительных целях, для выработки

---

[1] Творения преподобного Симеона Нового Богослова. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. Кн. 2: Слова и гимны. С. 223–224.

[2] О Божественных тайнах и о духовной жизни. Перевод с сирийского, примечания и послесловие игумена Илариона (Алфеева). М.: Зачатьевский монастырь, 1998. С. 37.

контроля над течением своих мыслей и эмоций или для вхождения в особое религиозно-психическое состояние «памятования» (альтернативный перевод — «осознанности» от англ. mindfulness)[3].

Мы, современные люди, часто путаем между собой молитву и медитацию. Под влиянием восточных религиозных течений даже утвердилась субкультура медитации — психологического приема воздействия на собственный мозг. Медитировать может любой человек, несмотря на вероисповедание, моральное или духовное состояние и т. п. Поэтому им занимаются все кому не лень и кто желает особых ощущений. А молиться может только христианин (в возвышенном смысле этого слова). Поэтому медитация не имеет ничего общего с молитвой, медитация — это чисто психосоматическое явление и совершается в нервной системе человека, а молитва — это транскосмическое явление и совершается вне пространства и времени. Медитация — это заключения человека в самом себе, а молитва — открытие человека для Бога, для вселенной (в духовном, а не физическом смысле этого слова).

Еще одна наша ошибка — это идеализация техники молитвы. Мы жадно изучаем разного рода способы молитвы, надеясь усовершенствоваться в ней. Если для медитации особо важны технические приемы, так как без них она невозможна, то для молитвы необходимо внутреннее духовное очищение — особый духовный подвиг! Если же при молитве используются технические приемы молитвы, то исключительно для тренировки внимания, но техника молитвы помогает нам лишь концентрироваться, но никак не компенсирует дефицит любви. Без любви же молитва — беседа с Богом — не состоится!

Теперь обратим наш взор на первый эпиграф нашего предисловия. При его чтении наверняка возникает вопрос: как достичь такого молитвенного состояния? Этот вопрос будет более закономерным, если мы уточним, что человек, так молящийся, — простой юноша, «который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не спал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но, приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился»[4]. И как он тогда смог так высокодуховно молиться?

Для такой молитвы необходимо иметь веру, надежду и любовь. Все эти три составляющие духовности в равной мере необходимы, чтобы

---

[3] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Медитация (дата обращения 15.10. 2015).

[4] Творения преподобного Симеона Нового Богослова. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. Кн. 2. С. 218.

молитва — беседа с Богом — состоялась. Без веры невозможно иметь надежду и любить; соответственно, невозможно молиться; без надежды вера неполная и любовь несовершенная, а значит, молитва не духовная; без любви вера формальная и надежда эгоистичная, поэтому и молитва неполноценная. Только искренне веруя в Бога, безгранично надеясь на Его милость и самоотверженно любя Бога и людей, возможно возводить истинную молитву, и только такую молитву слышит Бог. Наш юноша именно так молился и поэтому он был немедленно услышан! Как будто все здесь предельно ясно, но проблема в том, что каждый человек по-своему понимает все эти три компонента духовности, у каждого свое определение веры, надежды и любви.

О какой же вере мы говорим? Вера прежде всего — абсолютное доверие Богу. Без доверия вера всего лишь формальная декларация вероисповедания и не более. Мы, не задумываясь, повторяем слова молитвы Господней «Да будет воля Твоя», но почти никогда не принимаем Его святую волю, мы всеми силами стараемся «заставить» Бога, чтобы он все сделал так, как мы хотим, и только тогда радуемся, когда Его воля и наши устремления совпадают, а в остальных случаях мы всем сердцем печалимся, говоря в нашем сердце, что нам не везет или что у нас плохая судьба. Разговоры о судьбе — это человеческий вымысел, нужный нам для самооправдания. В реальности у каждого человека именно та «судьба», которая необходима для его обучения Христовой любви. Божий Промысел нас обучает именно по тем предметам, а то и по многим одновременно, по которым мы сильно отстаем: если у нас нет смирения, то нас смиряет, если нет любви, то показывает примеры милосердия, если нет молитвенного состояния, то подвигает к покаянию и исповеди и т. д. Счастлив не тот, кому удастся максимально избежать жизненных неприятностей (что практически невозможно), а тот, кто научится смиренно и спокойно принимать их (что практично и разумно). Мы забываем, что жизнь наша нам дана не для того, чтобы в ней все хорошо устроить, и не для организации беспрерывных удовольствий, а для приобретения Христовой любви, что совершенно необходимо для вечной жизни. Чтобы жить с Богом любви в вечности, нам в этой жизни надо максимально сподобиться Ему. Поэтому жизнь наша не аттракцион земных удовольствий, а учебный полигон Божественной любви! Для приобретения такой любви, как в любой другой учебке, нужна скрупулезная и тяжелая работа над собой и нужно пройти через множество испытаний. Бог, любя нас и желая видеть нас в вечности, как истинный наставник и учитель, попускает на нас эти испытания, чтобы мы через терпеливое

перенесение их обрели любовь и сподобились вечной жизни, поэтому Он, как настоящий отец, неумолим в вопросах нашего спасения и попускает все новые и новые испытания, пока мы не смиримся и не скажем радостно, даже в горе: «Да будет воля Твоя!» Вот только такая вера есть предпосылка для настоящей молитвы! Но, как мы уже сказали, даже она недостаточна, если нет правильной надежды и правильной любви. Без правильной надежды и правильной любви вера превращается в бессмысленную принципиальность и обрядоверие! Есть, к сожалению, люди, имеющие железную веру или в Бога, или в какую-нибудь идею, но не имеющие надежду на Христа и не любящие всех своих собратьев, они через напряжение собственной силы воли твердо держатся своей веры, но такая вера не приближает их к Богу, она никак не помогает им молиться, а совсем наоборот, она уводит их от Бога! Именно такая вера приводит человека в разные секты и к разного рода фундаменталистским идеям, и он служит уже не Богу любви, а божку ненависти! Такой человек начинает искренно ненавидеть во имя Бога, что совершенно абсурдно! Человек, имеющий хоть малую часть раздражения и ненависти к кому бы там ни было, не имеет никакого общения с Богом и, естественно, не может молиться!

Что мы имеем в виду, когда говорим о правильной надежде? Надежда правильная и спасительная, когда мы во всем надеемся на милость Бога, когда мы во всех делах уповаем только на Христа, без него мы не можем ничего! Он и путеводитель, и сила наша во всех испытаниях! А если мы имеем надежду на наш интеллект, жизненный опыт, образование и т. п., то мы в полном заблуждении, и при такой надежде никакая молитва наша не будет услышана Богом! Христос — Богочеловек есть наша единственная надежда, только через него мы обретаем истину нашего бытия — любовь, и только Он дает нам благодать для молитвы! Любая другая надежда уводит нас от Бога! Но имея даже такую надежду, но не имея веры в спасательный Промысел Бога и не имея любви к собратьям, мы не можем молиться — беседовать с Богом, мы просто впадем в духовное иждивенчество, и это нас приведет опять к обрядоверию. Так люди обрекают себя на ненависть во имя Христа, что есть духовная смерть, и, естественно, они не могут возносить молитвы Богу любви!

Что такое правильная любовь? Любовь правильная, когда она лишена эгоистических предпосылок, т. е. она самоотверженна и саможертвенна! Именно такую любовь показал нам наш Господь Иисус Христос, и только при наличии такой любви возможна молитва! Без такой любви молитва — лишь формальный обряд, и она никогда не будет услышана Богом. С другой

стороны, вне молитвенного подвига приобретение такой любви невозможно, и как будто здесь замыкается какой-то заколдованный круг, но Бог, зная наше несовершенство, дал нам развязку этого узла — послал нам Своего Единородного Сына, который дал нам пример совершенной любви, необходимой для молитвы! И если мы через напряжение нашей силы воли всеми силами будем стараться равняться этой любви, постоянно призывая в нашем сердце Господа нашего, то даже наша несовершенная любовь станет основой нашей молитвы и Бог услышит нас! Но одна лишь любовь без полного доверия к Богу и совершенной надежды на Христа недостаточна для молитвы. Есть люди, которые самопожертвованно любят других людей и ради этой любви совершают неописуемые подвиги, но не верят в Бога, или не доверяют Его промыслу, или не имеют надежду на Христа. Как бы ни была возвышенна их любовь, она земная, и она не приближает их к Богу, соответственно, они не могут молиться! Только имея одновременно безграничную веру в Бога, совершенную надежду на Христа и самоотверженную любовь к Богу и людям, возможна настоящая молитва — искренняя и непосредственная беседа с Богом!

Мы обсудили в нашем предисловии первый эпиграф, чтобы развеять миф о том, что молитва — это чисто монашеское делание. Молиться может и должен каждый человек, а чтобы она была услышана Богом, совершенно необходимы вера, надежда и любовь! Тогда зачем мы написали второй эпиграф, который как будто дает взаимоисключающий посыл? Конечно, это не так, просто в них говорится о разном уровне молитвы. Молитва, описанная в первом эпиграфе, — естественная молитва настоящего христианина, как бы низшая планка молитвенного состояния, ниже которого не должен опускаться человек, позиционирующий себя как христианин, а во втором эпиграфе речь идет о высшей форме молитвы — о чистой молитве, которая достигается человеком сугубыми подвигами, и она действительно возможна только в монастырских или пустынножительных условиях. Чистая молитва — это земное предвкушение будущего вечного блаженства, и приобрести ее одними человеческими усилиями невозможно — это дар Божий, но даруется она исключительно выдающимся подвижникам духовной жизни. Вот вкратце механизм обретения человеком от Бога совершенной чистой молитвы: сознание собственного несовершенства и греховности, по воле Божьей, приводит человека в глубокое покаяние, и он через силу собственной воли и в полном уповании на милость Божию решает переродиться в духе в нового человека. Через подвиги поста, бдения, молитвы и деятельной любви он очищает свое сердце

и постепенно приобретает Христову любовь, посредством чего в его сердце образуется духовный мир и святая пустота, куда неминуемо водворяется Божия Благодать, после этого человек сам превращается в молитву, и он уже не беседует с Богом время от времени, как все остальные молящиеся, а соединяется с Богом и беспрерывно находится с ним, где бы его тело ни находилось.

В этой книге мы собрали творения о молитве афонских подвижников XIX–XX веков, которые имели именно вышесказанную веру, надежду и любовь и которые особым монашеским подвигом с Божьей помощью обрели исключительный дар — чистую молитву. Они своей подвижнической жизнью очистили свое сердце, и Бог одарил их своей благодатью, и они, созерцая величие Божие, нам изложили суть своего опыта молитвенного пребывания в Боге. Через их творения мы можем более детально узнать, как молиться, чтобы Бог нас услышал. В их творениях мало говорится о той вере, надежде и любви, что необходимы для молитвы, они больше сконцентрированы на высших формах уже состоявшегося контакта с Богом, так как они все вышесказанное принимали как само собой разумеющееся.

Мы назвали это собрание «Добротолюбием». Во-первых, потому, что, смиренно соглашаясь с преподобным Исааком Сириным, тоже уверены, что высшее добро для человека — это молитва в Божественной любви — реальная возможность общения со своим создателем — Богом. Во-вторых, в нем изложен опыт афонского исихазма последних двухсот лет после издания греческого «Добротолюбия» и оно является продолжателем традиций первоисточника. Афонские старцы неуклонно придерживались 1500-летней традиции исихазма, который берет свое начало в монашеских кругах Египетской и Нитрийской пустынях. Позднее в учении преподобного Григория Синаита он обрел свои совершенные формы, а стараниями св. Григория Паламы получил официальное одобрение Православной Церкви.

Будем молиться, полностью доверяя Богу, совершенно надеясь на Христа, самоотверженно любя Бога и людей, и Бог услышит наши молитвы!

ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ (МИНИН)

Мирское имя — Александр Иванович Минин. Купец из города Чистополя Казанской губернии. Имя матери — Александра. Родился в 1823 или 1824 году. Поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь в 1857 году, пострижен в мантию 6 марта 1859 года. Рукоположен в иеродиакона 8 июня, в иеромонаха — 14 июня 1861 года.

Послушание проходил в канцелярии. С 1863 по 1869 год выезжал в Россию со святыней. В 1872 году отправился в Москву для устроения часовни, был первым ее настоятелем. Ездил на Кавказ для устройства Новоафонской обители. 25 июля 1878 года последний раз посетил обитель и прожил в ней до октября. Награжден набедренником и палицею. Его сестра Екатерина Шилова с дочерью Ольгой были насельницами Новгородского Зверинского монастыря. Преставился в Москве 17 ноября 1879 года от роду 54-х лет.

Отец Арсений был великим молитвенником и своих учеников всегда подвигал к молитвенному подвигу. Написал книгу «О молитве», которая выдержала семь изданий и широко распространилась по всей России. Это поучение о молитве не содержит указаний о конкретных формах молитвы, а является общим поучением о значении и пользе молитвы.

О молитве

Усердие ваше к удаленной от мира пустынной обители нашей побудило меня потрудиться на пользу общую, сколько было это по слабым моим силам возможно. При помощи Божией, руководствуясь Священным Писанием и указаниями св. Боговдохновенных отцов, я составил небольшую беседу о молитве — с искренним желанием принести вам душевную пользу. Труд мой состоял более в том, чтобы взять из разных сочинений и свести воедино то, что сказано о корне всех добродетелей — молитве, от которой, как от благоплодного дерева, произрастает все доброе и Богоугодное, так что без молитвенного испрашивания помощи Божией мы не можем совершить ни одной добродетели. Суеты века отвлекают нас от Бога. Избавиться от пристрастия к ним можем мы не чем иным, как ежедневным размышлением о смертном часе, о Страшном Суде Божием и о неизвестности той участи, какая назначена будет каждому из нас. Это размышление для спасения души всего необходимее: оно очистит нашу молитву от суетных помыслов, оно побудит нас во многом подумать о душе своей. Когда слышим или с усердием читаем что-либо душеполезное, тогда как бы спадает повязка с душевных наших очей и мы видим ничтожество этого земного, скоропреходящего, и стремимся духом к небесному. Но святые эти чувства, к сожалению, недолго занимают нас; суеты мирские вступают в свою силу, и мы, забыв душеспасительные вразумления, снова погружаемся в море житейских забот, снова забываем, что есть у нас душа и что она должна явиться на суд Божий. В этом случае мы уподобляемся упоминаемому в св. Евангелии камню, на котором посеянное семя не имело корня, и хотя с радостью принято было, но плода не принесло: заботы житейские уничтожили его. Если вы, возлюбленные о Господе, искренно желаете, чтобы это душеспасительное семя не погибло на почве вашего сердца и принесло плод, то скажу вам, как достигнуть этого: во-первых, призвав Господа на помощь, поставьте себе непременным правилом, от настоящего же дня, каждое утро после молитвы уделять хоть несколько минут на размышление о том, что, может быть, близок уже час, в который душа наша должна разлучиться с телом, и какая судьба ожидает ее по выходе из тела. Исполняла ли она заповеди Божии? Усердна ли была к св. молитве? Искренно

ли любила ближних? Имела ли смирение, воздержание, терпение, заботилась ли о сохранении своей чистоты? Уготовила ли она себе на небе друзей в св. угодниках Божиих, которые бы походатайствовали за нее пред небесным Правосудием и помогли бы ей при прохождении мытарств? Нет ли на ее совести тяжких грехов, неочищенных сердечным раскаянием и добрыми делами? Вот на чем надо останавливаться своей мыслью и поставить себе непременным правилом глубоко помышлять об этом каждый день, в продолжение этой жизни, ибо жизнь иногда прекращается мгновенно, смертный час постигает вдруг. Для ежедневных размышлений о спасении души всего лучше назначать время утреннее, следующее тотчас за молитвой: тогда ум бывает свежее и менее озабочен земными хлопотами. Если же мы упустим из виду это правило, если не установим определенного времени для размышлений о спасении души, то мирские заботы, как волны, могут увлечь нас в море житейское и мы кончим жизнь свою в грехах, смерть застигнет нас неготовыми. Между тем нам известно, что смерть грешников люта, а что следует за ней, то еще страшнее и мучительнее. В оправдание свое мы обычно ссылаемся на множество дел: «Некогда нам, говорим, ни помолиться с усердием, ни подумать о душе своей». Но как же быть? Разве тогда станем думать о ней, когда переселимся в вечность? Да не поздно ли будет? Для всего есть у нас время и усердие. Нет только ни того, ни другого для души. Душа считается как бы чем-то самым ничтожным, не заслуживающим нашего внимания. Бедная душа! В каком ты презрении! Тебе не посвящают ни одного часа, тогда как миру и плоти посвящаются все часы суток! Господь почтил тебя Божественным Своим образом, а мы грехами только обезображиваем этот святейший образ. Господь даровал нам при св. крещении брачную светлую одежду, а мы беззаконным житием только омрачаем и оскверняем ее. Господь сотворил душу нашу бессмертную, а мы ей, бессмертной, уготовляем только вечные мучения. Мы возлюбили телесное паче вечного, скоропреходящее — паче всегда пребывающего.

Где же хвастливый наш ум? Он изучает течение небесных светил, проникает в тайны природы, а не может и не хочет понять того, как необходимо спасти данную человеку от Бога душу!

Постараемся, братья, от этого же дня переменить свою жизнь, раскаемся в грехах наших, положим начало новой благодатной жизни, будем каждый

день уделять хотя один час на молитву и размышление о душе, — и Божия благодать осенит нас. Тогда безбоязненно предстанем на суд Божий, где каждый из нас примет воздаяние по делам своим. Кто богоугодно проводит настоящую свою жизнь, особенно кто благодушно переносит скорби, неизбежные на пути жизни, тому уготовано вечное блаженнейшее сожительство с Ангелами Господними, пресладкое лицезрение Божие и неизреченное наслаждение райскими красотами. А кто не заботится о душе своей здесь, того ожидает вечное, неутешное горе по смерти. Душа его, как сказано в Евангелии, ввержена будет в геенну огненную, где будет плач и скрежет зубов.

Призвав на помощь Господа, всегда милосердного к кающимся грешникам, и вверив себя материнскому покрову Владычицы мира и молитвам св. угодников, будем отныне жить богоугодно, поставим себе правилом каждый день помышлять о спасении души своей, и Всеблагий Господь наш не отринет нас, но вчинит с ликами праведных, Ему благоугодивших.

С таковым искреннейшим желанием был и пребуду навсегда.

Ваш смиренный Богомолец,
Иеромонах Арсений.
1875 год, св. Афон.

Беседа о молитве

«Непрестанно молитеся, о всем
благодарите. И вся, елика аще
вопросите в молитве, верующее,
примите» (1 Сол. 5, 18; Мф. 21, 22)

Как в естественном состоянии младенец не вдруг делается взрослым, но полной зрелости достигает мало-помалу, так и в состоянии духовном человек не вдруг из плотского и греховного может сделаться духовным, богоугодным, но восходит на эту высоту постепенно, подвизаясь в добродетелях, во главе коих стоит молитва, ибо молитвой мы все испрашиваем у Бога, по сказанному Им: «*Просите, и дастся вам*»; а если не будем просить, то и не получим ничего; ни одной добродетели не совершим, если не обратимся

с молитвой ко Господу, прося Его помощи. Но прежде, нежели приступим к молитве, мы должны знать, что есть молитва? Как и о чем надобно молиться?

Что есть молитва? Молитва есть благоговейное стремление души человеческой к Богу или сердечная беседа человека с Богом, во время которой человек, представляя Бога невидимо при себе находящимся, изливает пред Ним чувствования души своей и желания своего сердца. В Ветхом и Новом Завете есть множество указаний на необходимость молитвы и рассказов о ее высоком значении, которое вполне подтверждается примерами из жизни Спасителя и Его Апостолов, проводивших дни и ночи в молитве. Последователи их, упражнявшиеся в этой высокой добродетели, опытно изведав необходимость и благотворность молитвы, именовали ее царицей и ликоначальницей в лике добродетелей. Ни об одной добродетели так много они не сказали, как о молитве: она есть возвышение ума и сердца человека к Богу, благодаря ей человек вступает в сонм Ангелов и делается участником их блаженства, озаряется их мудростью. Молитва есть фимиам, благоприятнейший Господу, надежнейший мост для прохождения житейских волн искушений, необоримая стена всех верующих, безопасное пристанище, божественная одежда, облекающая душу в великое благообразие и красоту. Молитва — мать всех добродетелей, хранительница целомудрия, печать девства. Верная оборона против всех ухищрений исконного врага нашего — диавола. Поражай супостатов именем Христовым, т. е. молитвой, как поучают св. отцы, ибо крепче этого оружия нет ни на небе, ни на земле. Молитва — утверждение мира, умилостивление Бога о грехах, необуреваемая волнами пристань, просвещение ума, секира отчаяния, разрушение печали, рождение надежды, утомление гнева, заступница судимых, спасение погибающих. Она и кита сделала домом Ионе, Езекию от врат смертных возвратила к жизни, отрокам Вавилонским пламень превратила в росу. Молитвой св. Илия заключил небо: *«не одожди по земли лета три и месяц шесть»* (Иак. 5, 17). Даже и самые св. Апостолы, когда не могли изгнать нечистых духов, то Господь сказал им: *«Этой род не исходит, токмо молитвой и постом»* (Мф. 17, 21).

В жизни человека нет ничего драгоценнее молитвы; она и невозможное делает возможным, трудное легким, неудобное удобным. Молитва столько же необходима для человеческой души, сколько воздух для дыхания или вода для растения. Кто не молится, тот лишается общения с Богом

и уподобляется сухому бесплодному дереву, которое посекается и в огонь ввергается (Мф. 7, 19). Кто не молится, тот не получает благословения Божия на дела свои, по реченному: «*Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии*» (Пс. 126, 1).

Несчастие для слепца не видеть света, но гораздо большее несчастие для христианина потерять расположение к молитве, лишить душу свою Божественного света. В такой душе водворяется тьма, а по исходе из тела уделом ее будет тьма вечная.

Вот в кратком очертании значение и сила молитвы, и вместе ее достоинства, и бедственное положение, в котором находятся люди, чуждые духа молитвенного.

О чем и как нужно молиться?

Молитва Господня «Отче наш» есть высшая из всех молитв, как излившаяся из пречистых уст Самого Спасителя; в ней сокращенно изложено, о чем мы должны молиться. Как же надо молиться?

«Когда мы Царю Богу предстать и беседовать в молитве собираемся, — говорит св. Лествичник, — да не приступаем к этому не приготовившись, чтобы не выглядели мы как неимущие оружия и одеяния, приличного царского предстояния. Иначе Он повелит своим рабам и служителям взять нас и подальше от лица своего отбросить, и хартию прошений наших растерзав, бросит нам ее в лицо. А поэтому, приступая к беседе с Богом, мы должны отбросить от себя все житейское, не внимая никаким помыслам, которые во время молитвы восстают с особенной силой».

Преподобный Кассиан Римлянин касательно молитвы дает следующее наставление: «Чтобы молитва была возносима с надлежащей горячностью, надо непременно отложить всякое земное попечение, и не только заботиться, даже думать не надо о каком-либо житейском занятии и предприятии».

А св. Макарий Великий говорит так: «Когда ты устремляешь ум свой и мысли к небу, и хочешь соединиться с Господом, тогда сатана становится ниже твоих помыслов. Как в древности стены Иерихона пали от силы Божией, так и теперь стены зла, препятствующие твоему уму, низвержены будут силой Божией. Стоя на молитве, помни, пред кем стоишь! Будь глух

и нем ко всякому тебя окружающему, призывай Господа на помощь, и Он поможет тебе.

Надо исторгнуть с корнем всякое расположение к гневу, и вовсе истребить пагубное разжение плотской похоти, к чему бы она ни направлялась».

Человек, стоящий на молитве, — то же, что воин на поле брани: тут время стяжания, драгоценные минуты духовной купли для того, кто противится врагу и, не внимая внушениям его, усиливается в молитве, трудится, подвизается, призывая на помощь Подвигоположника Господа. Искушения вражеские во время молитвы бесчисленны: враг в эти минуты приводит на память такие житейские дела, исполнение которых представляется необходимым и неотложным, а неисполнение влечет за собой важные потери. Но если хочешь, чтобы молитва твоя была услышана, то весь предайся воле Божией и отложи всякое попечение о житейском. Благодать Божия напомнит тебе и после молитвы о том, что действительно тебе нужно. Но если бы и случилось ради молитвы иное забыть и потерпеть от этого упущение в житейских делах, то так как это последовало ради Бога, то Он, Всеблагий, воздаст за это сторицей. Будь во время молитвы глух, слеп и нем ко всему и всем, кроме Бога. «Начало молитвы, — как пишет св. Лествичник, — состоит в том, чтобы отгонять помыслы при самом их появлении; средина ее есть то состояние, когда ум наш не расхищается помыслами, а совершенство молитвы состоит в восхищении к Богу от всего существа нашего».

Восстав от сна, первая мысль твоя да будет благодарение Богу. С этой же мыслью и ко сну отходи, имея в уме, что одр твой, быть может, сделается гробом твоим. Прощение обид, даже самых тяжких, необходимо для успеха в молитве, памятуя слово Апостольское: «*Солнце да не зайдет во гневе вашем*» (Еф. 4, 26).

Ангелом Господним открыто было одному из монашествующих о следующем благоприятнейшем образе молитвы: прежде всего надо произнести искреннее благодарение Богу, потом исповедать грехи и с сокрушением души каяться в них, и наконец, да представляем Царю всяческие наши прошения.

Видим из св. Евангелия, что некий судья исполнил просьбу одной вдовицы, убежденный лишь неотступностью ее, так же и друг, который сначала отказал было другу своему в просьбе его, но когда тот, не отходя от него, продолжал умолять, то он, наконец, уступил его настойчивости (Лк. 18, 5).

Притчами этими Господь учит нас, что и мы должны поступать таким же образом, чтобы получить просимое.

Учители Церкви и все св. отцы заповедали во время молитвы иметь смирение и сердечное сокрушение о своих грехах и сказали: если человек в своем сердце не сознает себя грешником, то Бог не услышит его. Это мы видим из молитвы Фарисея и Мытаря. Молитва, растворенная слезами смирения и покаяния, непременно будет услышана. Изливаясь из души смиренной, она, по словам Премудрого, проникает облака и не останавливается, пока не дойдет до Господа.

Молитва смиренная отверзает небеса и преклоняет на милость разгневанное Правосудие Божие: «Смиритесь пред Господом и вознесет вас» (святитель Иоанн Златоуст).

Мытарь, когда молился, не дерзал даже и взглянуть на небо или воздевать свои руки, но ударял себя в грудь и, исповедуя грехи, смиренно просил помилования, тогда как велеречивый Фарисей исчислял мнимые свои добродетели и как бы требовал от Бога награды. Что же вышло? Тот помилован, а тот осужден. «Помыслим, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — к кому мы приступаем и зачем? Что желаем получить? — Мы приступаем к Богу, при созерцании Которого Серафимы отвращают лице, не имея сил сносить сияние. Приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном. Приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нестерпимых наказаний и даровал нам небо и его блага».

И так припадем к Нему и телом, и мыслью, чтобы Он Сам воздвиг нас лежащих, будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением (Иак. 4, 10).

Преподобный Иоанн Египетский, пустынник и затворник, называемый Прозорливым, между прочими советами пришедшим к нему за наставлением братьям дал следующую заповедь: «Никогда не надо высокомудрствовать во время молитвы, не почитать себя праведным, но со смирением и сердечным сокрушением непрестанно взывать к Богу о помиловании и помощи на трудном и скользком пути к спасению».

Не старайся многословить, беседуя с Богом, чтобы на изыскание слов не рассеялся твой ум. Мытарево одно слово, произнесенное из глубины сердца сокрушенного, умилостивило Бога, а велеречие фарисеево посрамило его.

«На кого воззрю, — говорит Господь, — *токмо на кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих»* (Ис. 66, 2).

Хотя бы ты и на всю лестницу добродетелей взошел, однако и тогда о прощении согрешений молись, слыша Апостола Павла о грешниках говорящего: *«От них же первый есмь аз»*. Многое время пребывая в молитве и не видя плода, не говори, что будто ты ничего не приобрел и ничего не исправил: ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение и исправление.

Какое благо может быть выше этого, чем беседовать с Господом и пребывать в непрестанном соединении с Ним? «Кто, занимаясь каким-либо делом, — говорит св. Лествичник, — и час молитвенный продолжает в нем упражняться, тот посмеян бывает от бесов, ибо эти воры о том и стараются, чтобы временем занятий часы молитвы у нас похищать. Оставление молитвы причиняет душе невидимую смерть. Молитвой занимаясь, будь также всегда милостив, через эту добродетель еще здесь сторицей примешь и жизнь вечную наследуешь, а связанный страстью сребролюбия никогда не может чисто помолиться. Не оставляй молитвы до тех пор, пока огонь ее и воды слез сами от тебя стремительно не отойдут, ибо может быть другого таково времени к прощению грехов твоих во всю твою жизнь не получишь. Если ты какими словами молитвы усладился, продолжай их, ибо Ангел-хранитель твой молится тогда вместе с тобою. Св. Никон видел однажды некоего инока, идущего и про себя читающего молитву, которая как пламень огненный исходя из уст его, достигала небес. Инок шел в сопровождении Ангела, имевшего в руках своих огненное копье, которым он отгонял бесов от него».

Св. Макарий Великий объясняет примером, каким образом упражнение в молитве низводит от Господа дар молитвы: «Хотя младенец, — говорит он, — ничего не может делать, однако же, он, ища матери, движется, плачет, и матерь сжалится над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее, и так как младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолеваемая любовью к младенцу за долгое его искание, подходит к нему и с великой нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душой, которая ищет Его».

Постоянно пребывающий в молитве, как учит св. Макарий Великий, как бы таинственно соединяется с Господом. Приняв Св. Духа, он воспламеняется любовью к Господу, возгорается ненасытным желанием сопребывания с Ним, по реченному: *«Ядущие Мя взалчут, и пиющие Мя вжаждутся»* (Сирах. 24, 23). Подобное состояние человека служит как

бы предызображением того блаженства, которое уготовано любящим Бога в будущем веке.

«*Непрестанно молитеся,* — говорит св. Апостол, — *да не внидете в напасть*». Но непрестанная молитва заключается не только в том, чтобы непрестанно молиться, а надо непрестанно памятовать о Боге и воображать Его всегда пред собой смотрящего на все дела, намерения и помышления наши, а потому во время всяких занятий надо приучать себя чаще мысленно произносить молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного», или: «Пресвятая Богородице, спаси меня». Об Иисусовой молитве св. отцами изложены подробные руководства в книге «Добротолюбие» и иных аскетических сочинениях. Один Богомудрый отец говорит: «Если хочешь в теле, как бестелесен быть, Богу служить непрестанно, стяжи молитву тайно в сердце твоем, — и душа твоя прежде смерти будет как Ангел». Св. Василий Великий говорит, что надобно заключать свою молитву не в словах, а напротив, всю силу ее поставлять более в душевном желании и в непрестанно продолжающихся подвигах добродетели, ибо сказано: «*Аще убо ясте, аще пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите*» (1 Кор. 10, 31).

Что ни делал бы ты, как можно чаще призывай имя Божие, за все благодари Господа — за радости и скорби, так как все посылается для нашего блага; тогда осветится вся твоя жизнь, и она будет непрестанной молитвой.

Святитель Тихон Епископ Воронежский касательно молитвы излагает следующее учение: «Молиться всегда и непрестанно не то значит, чтобы всегда читать псалмы, или молитвы написанные, и кланяться, — это невозможное дело есть: надобно всякому христианину дела по званию своему делать, и при том плоть утружденная требует успокоения, сна и проч. Непрестанно молиться значит то, чтобы часто во всяком начинании и деле ум, сердце и воздыхание к Богу возводить и просить у Него милости, помощи и заступления. Причина тому следующая: так как сатана всегда, с своими злыми слугами, злое шепчет нам, также плоть всегда похотствует на дух, а этим врагам сами мы противиться не можем, — поэтому мы должны молитвой выпрашивать помощь Божию и тем против них вооружаться, стоять и крепиться». И в другом месте говорит святитель Тихон: «Молитва не в том только состоит, чтобы стоять и кланяться телом пред Богом, и молитвы написанные читать; но возможно и без того, на всякое время и на всяком месте, умом

и духом молиться. Можно молиться когда ходишь, сидя, лежа, путем едучи, за трапезой сидя, дело делая, в народе и уединении к Богу ум и сердце возводить, и так милости и помощи от Него просить. Бог же везде и на всяком месте есть и всегда двери к нему открыты и доступ к нему удобен, — не так, как к человеку, — и всегда и везде по Своему человеколюбию, готов нас слушать и нам помогать». А святитель Иоанн Златоуст поучает: «Где бы ни был, везде можешь поставит жертвенник. Покажи только добрую волю — и не помешает тебе место и не воспрепятствует время. Хотя ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и не простреш рук к небу, а только покажешь горящую душу, так сделаешь все нужное для молитвы».

Можно и женщине, сидя за прялкой или занимаясь тканием, воззреть умом на небо и воззвать Бога пламенно; можно и мужчине, выходя на площадь или идучи куда-нибудь, совершать усердные молитвы; другому, сидя в мастерской или на лавке, можно вознести душу к Господу; можно и слуге: и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь в кухне, когда нельзя пойти в церковь и совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, Он требует только одного — пламенного сердца и целомудренной души («Нравственное Богословие» епископа Платона).

Бог не имеет нужды в нашем многословии. Он и без слов наших знает не только то, что в настоящую минуту мы думаем, но и то, чего будем желать впоследствии и о чем станем помышлять в другое время: «*Ты разумел еси помышления моя издалеча*», — говорит Псалмопевец. Не слова разверзают небо и делают молитву услышанной, а внутренний сердечный вопль ко Господу. Иные, быть может, скажут, что от молитвы отвлекают их обязанности по званию, но мы поставим им в образец св. пророков Давида и Даниила: первый, как царь управлявший обширным и многолюдным царством, который имел немало забот о благоустройстве своих подданных, однако же, несмотря на это, находил время для молитвы. По словам св. Епифания, порфироносный Давид молился в начале ночи, вставал на молитву в полночь, пред рассветом. Молился поутру, молился в полдень и вечером. Поэтому сам говорит: «*Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея!*» (Пс. 118, 164). Пророку Даниилу, когда находился он при дворе персидского царя Дария, вверено было управление всем государством (Дан. 6, 3–28). Обширные пределы персидского царства представляют полное основание думать,

что обязанности св. пророка Даниила были весьма велики. А особенная любовь, которой пользовался он у царя, преимущественно пред всеми другими вельможами, доказывает необыкновенную тщательность его в исполнении этих многочисленных и трудных обязанностей. Однако же и при всем том он, по собственным его словам, служа царю земному, каждодневно уделял немало времени и на служение Царю Небесному. Всякий день три раза преклонял колена свои, молился и исповедовался пред Богом. Но хотя бы наша молитва, по слову апостольскому, совершалась и непрестанно, но если молясь мы имеем на кого-либо злобу, то Господь не услышит нас. Припомните, что сказал Он: «*Егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесах, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец, Иже ест на небесех, отпустит вам согрешений ваших*» (Мк. 11, 25–26). И св. Отцы сказали: если кто за врагов не молится, того молитву Бог не примет. Может быть, нам иногда мнится, что мы не виноваты в происшедшей с братом ссоре или что мы желали бы помириться с ним — да он не хочет, но этого недостаточно. Надобно с усердием просить Бога, чтоб Он расположил случай к примирению, хотя бы вины с нашей стороны и действительно не было. Тогда Господь вменит нам это в заслугу и оценит то, что мы первые стали искать примирения. Но если после этого брат с нами не примирится, то мы уже не будем обвинены. Совершая домашнюю молитву, никак не должны мы оставлять и общественную, т. е. посещение храмов Божиих: там верующие сподобляются особенной благодати, там приносится Бескровная Жертва для очищения грехов этого мира, там молитвы предстоящих соединяются с молитвами священнослужителей алтаря, возносятся к Престолу Божию, как благоуханный фимиам. Если сказано, где двое или трое собраны во имя Христово, там Он посреди их, то что можно заключить о множестве верующих, собравшихся воедино? Особенно во дни праздничные нужно неопустительно посещать храм Божий. Господь из семи дней дал нам шесть, а Себе оставил только один день. Если этот священный день мы будем проводить в делах житейских или, что еще хуже, в непотребных удовольствиях, то, как говорит святитель Златоуст, осудимся как святотатцы, как нарушители заповеди Господней. День праздничный — день спасительный; обремененные суетами житейскими, мы должны в это день, оставив все земные попечения, заняться преимущественно молитвой и размышлением о спасении души

своей и наставлением вверенных Промыслом Божиим попечению нашему чад и домочадцев наших. Кто обратит грешника от пути беззакония на путь спасения, таковому простит Господь множество согрешений его. В этом удостоверяют нас слова апостольские: «*Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу свою от смерти, и покрыет множество грехов*» (Иак. 5, 19–20). Но кто совратит кого на путь нечестия, такового ожидает геенна огненная. Не пропустим без внимания и того, что при молитве надобно ограждать себя крестным знамением, которое есть апостольское учреждение. Совершать оное надо правильно, а не как иные, как будто стыдящиеся Креста Господня. Небрежное крестное знамение оскорбляет Господа и молящемуся вменяется в грех. Следовательно, не только не имеет никакой силы, но еще радует бесов, тогда как оно должно было бы служить необоримым против них оружием, ибо не столько преступник боится места казни, сколько диавол трепещет Креста и в страхе отбегает, не терпя взирать на силу его, опаляем им как огнем. Святые силою Креста Христова исцеляли болящих, воскрешали мертвых, безвредно испивали смертоносный яд, проходили сквозь огонь и воду, а нынешние христиане, подстрекаемые каким-то ложным стыдом, входя в дом или садясь за обед, даже не думают перекреститься, как будто они не знают, что сказал Господь: «*Иже бо аще постыдится Мене, и моих словес в роде этом прелюбодейном и грешном, и Сын человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца своего со Ангелы святыми*» (Мк. 8, 38). Не крайнее ли безумие, не тяжкое ли ослепление души — стыдиться Господа и Создателя своего, стыдиться честного и животворящего Креста Его, — того Креста, которым мы спасены и на котором пролита дражайшая кровь нашего Искупителя? Вникнем в следующее поучительное замечание о силе Креста: когда мы знаменуем себя Крестом, тогда между нами и Отцем Небесным, так сказать, висит на Кресте распятый Спаситель наш, тогда Божественным взорам Всевышнего предстоит уже не наше позорное чело, покрытое греховным бесславием, но увенчанная тернием глава Богочеловека; не наше коварное сердце, исполненное всяких нечистот, но прободенные ребра Искупителя нашего; не наши нечистые непрестанно делающие беззаконие, но пригвожденные к Кресту пречистые руки Всеправедного и Всесвятого Господа Иисуса Христа. Вооружившись св. Крестом, мученики шли на самые ужасные мучения

безвременно, как бы в чужих телах терпели как с восторгом ликующие. Один из древнейших писателей первенствующей христианской церкви свидетельствует, что тогдашние христиане, следуя апостольскому преданию, при каждом действии и движении ограждали себя крестным знамением: при входе, одеваясь и обуваясь, при умывании, пред трапезой и после оной, зажигая огонь, ложась на постель, садясь на место: словом, при всяком занятии.

Обратимся к продолжению беседы о молитве к тому, что надобно не тогда только молиться, когда есть расположение к молитве, но молиться и тогда, когда не хочется молиться, когда лень, сон, заботы, суеты и проч. удаляют нас от молитвы, и если, несмотря на все это темное полчище, мы молимся, подвизаемся, принуждаем себя, боремся с собою, то таковая молитва проникнет на небеса и предстанет пред Престолом Господа. Время ночное удобно для уединенной молитвы. Тогда все стихает, успокаивается, и возносимые к Богу в безмолвии ночном, из глубины сердца моления низводят на молящихся сугубые щедроты Божии. Во время таковых молитв всезлобный враг с особенной силой восстает на молящихся, подвергает их многим искушениям, страхованиям и напастям, но благодатью Божией все это превозмогается, и за борьбу с врагом отразившие искушения его сподобляются великих даров благодати Божией. Молитвы продолжительные, как ночные, так и дневные, надо совершать не иначе, как по совету и благословению опытных духовных руководителей.

Болезни, скорби и все несчастия наши суть следствия грехов. Поэтому мы должны просить Господа об отпущении их, чтобы вместе с тем исцелиться нам от болезней и избавиться от несчастий. Многие из нас в нуждах своих и скорбях ищут исключительно пособий земных, и, когда же видят, что они безуспешны, тогда обращаются к Богу и нередко не получают просимого. Причина этого скрывается, очевидно, в скупости веры, ибо мы удостаиваемся благодати Божией только по мере веры, как говорит св. Апостол: «*Да просит же верою ничтоже сумняся: сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Да не мнит бо человек он, яко примет что от Бога*». Посылаемые нам от Бога наказания, как то: голод, войны, неблаговременные дожди, засухи и проч., — все это за грехи наши. Следовательно, причина всех зол лежит в нас самих. Отсюда опять является крайняя нужда молить Господа о прощении наших согрешений, чтобы исторжением этого корня всех

бедствий избавиться нам и от всех естественных казней, посылаемых на нас в виде губительных явлений природы.

Непрестанно молитесь, братия, и в домах, и в пути, всякой молитвой и молением, молящеся на всякое время духом, и все, чего ни попросите у Господа с верой, получите: «*Вся, велика аще воспросите в молитве, верующее приимете*» (Мф. 21, 22). Хотя бы Господь и нескоро даровал просимое, терпите, ожидайте и уповайте несомненно. Сам Он уверяет нас: «*Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просящий приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется*» (Мф. 7, 7). Немощь и греховность наша не должны ослаблять во время молитвы веру и надежду нашу, ибо должны уповать не на свои силы, а на милосердие Божие. Мы видим многочисленные примеры, как милостиво приняты были Господом молитвы великих грешников, в смирении вопиявших к Нему. Необходимые и главные условия при молитве: совершенная преданность воле Божией, сознание своего крайнего недостоинства и греховности и искреннейшее желание исправить жизнь свою, а наипаче всего беззлобие. Если же и бывает, что иной просит и не получает, то это не значит, что молитва его остается не услышанной. По смотрению Божию, просящий испытывается в терпении, и потом, когда терпение выдерживается до конца, тем в большей мере удостаивается он просимого. В молитве необходимо быть терпеливым. Испрашивание у Господа тех или других благ — дело не одного дня. Святые отцы всю жизнь свою проводили в молитве и покаянии и, наконец, сподоблялись благодати Божией. Иные молятся и, не получая просимого, охладевают в молитве. А может быть, Господь уже близок был к тому, чтобы исполнить по их прошению. Может быть, оставили они молитвенный труд, когда недалеко уже была от них милость Божия. Случается и так, что мы просим и не получаем просимого потому, что оно послужило бы нам ко злу: «*Просите, и не приемлите, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете*» (Ин. 4, 3). Господь, все премудро сотворивший, устраивает истинно полезное для души нашей. Вот ты просишь себе богатства, но Бог не посылает тебе этого дара. Ты скорбишь, а знаешь ли, что, если бы исполнилось по твоему желанию, ты мало-помалу забыл бы Бога и, сделав своим идолом золото, ожесточил бы свое сердце к ближним, и развил бы в себе *дух гордости*, заразил бы тем же ядом души детей, и таким образом приготовил бы как себе, так и им неизбежную погибель в жизни

будущей. Вот ты просишь себе почестей, мирских отличий, но Бог не дает тебе сих благ, а ясно ли для тебя, из каких источников проистекает это твое желание и к какой направляется цели? Не в пользу ли чувственной, суетливой природы этот вопль твой к Богу? Не земное ли и греховное ли хочешь ты позолотить дарами небесной благости? В возгласах твоей молитвы не самолюбие ли ищет себе пищи? Что же, думаешь ли, что Бог, любя тебя и желая тебе спасения, будет питателем твоих страстей, чтобы они, усилившись, увлекли тебя от Царствия Божия и низвергли на дно адово? Нет, молись, оставив все чувственные побуждения и своекорыстные греховные цели, — и тогда, будь уверен, Бог непременно услышит тебя. Тогда, сколько бы велики ни были грехи твои, не отчаивайся, помня, что сказал Сам Господь: «*Аще будут греси ваши, яко багряное, яко снег убелю: аще же будут, яко червленое, яко волну убелю. И аще хощете, и послушаете Мене, благая земли снесте. Аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечь вы пояст: уста бо Господня глаголаша сия*» (Ис. 1, 18–20). Но иногда и так бывает, что Господь осмотрительно оставляет без исполнения молитвы Своих рабов. Так, например, просил великий Моисей Боговидец, чтобы даровано ему было войти в землю обетованную, но не был услышан. Молился Давид, усиливая молитву постом и слезами, о сохранении жизни заболевшему сыну его, но не благоволил Господь исполнить по прошению его. Смиримся под крепкую руку Божию, предав себя всецело Его святой воле, оставляющей иногда прошения наши неисполненными, уготовляющей чрез то лучшее в будущем. Будем умолять Бога о том, что всего нужнее, т. е. о спасении души, пока имеем к тому время: «*Придет нощь, егда никтоже может делати*» (Ин. 9, 4). Так как душа наша бессмертна, то о ней нужно заботиться несравненно более, чем о теле, которое есть не больше, как временная оболочка души: «*Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*» (Мф. 6, 33.). Однажды спросили св. Макария Великого: «Как спастись?» Он отвечал: «Братие, повергнемся пред Господом и будем плакать о грехах наших: малые эти слезы затушат геенну огненную, тогда как грешники, не кающиеся и не плачущие ныне, на том свете горько будут плакать и рыдать как младенцы, и слезы их будут жечь тела их, как огонь, но уже не принесут им никакой отрады». Всякая добродетель, а тем более молитва, требует принуждения, усиления со стороны нашей, как сказано: «*Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*» (Мф. 11, 12),

и св. Апостол Павел сказал: «*Всякою молитвой и молением молящеся на всяко время духом, и в сие истое Бдящее во всяком терпении*» (Еф. 6, 18). Святые отцы, разъясняя Священное Писание, поучают, как, например, св. Исаак Сирин: «Всякая молитва, в которой не нуждалось тело и не скорбело сердце, вменяется за одно с недоношенным плодом чрева», а св. Лествичник сказал: «Тем, которые не приобрели еще истинной и сердечной молитвы, помогает утомление в телесной молитве, при которой необходимо понуждение себя к сокрушению сердечному, происходящему от сознания бесчисленных согрешений своих, и всевозможное чаяние о пролитии слез, ибо ими только очищаются скверны души и насаждаются добродетели».

Молитвенное расположение есть дар Божий. Но, смотря по степени сердечной чистоты и приемлемости, иные скоро чувствуют в себе этот дар, и тогда молитва бывает неизреченно сладостна и утешительна, а другие должны много потрудиться, чтобы возбудить в себе это благодатное чувство. Различное действие благодати в этом отношении приводит к мысли о мудром домостроительстве Божием. Если дар получается без труда, то мы не всегда ценим его и легко утрачиваем, а приобретаемое усиленными трудами храним, как драгоценное сокровище. Хорошо молиться, когда Господь дарует слезы умиления. В подобные минуты всего лучше, подражая жене-грешнице, мысленно припадать к стопам Распятого и, омывая их слезами покаяния, просить отпущения бесчисленных своих согрешений, и при этом ни во что вменять ничтожные свои добродетели, но всю надежду, все упование возлагать на одно беспредельное Божие милосердие, покрывающее все грехи наши. Сколько бы ни благоугодно было, по мнению нашему, молитвенное наше приношение, сколько бы ни глубока была наша скорбь, об избавлении от которой молим мы Господа, но исполнение прошения нашего должны мы предоставить совершенно Промыслу Божию, помятуя слова Божественного Искупителя: «*Отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия: обаче не якоже аз хощу, но яко же Ты*» (Мф. 26, 39).

Вот высокий образ совершеннейшей молитвы, в которой выражается всецелая беспредельная преданность воле Божией! В случае особых нужд надо, по примеру Спасителя, молиться до трех раз, как Он молился в Гефсимании пред страданиями своими.

Для человека, обремененного скорбями, нет лучшего утешения, как молитва. «*Злостраждает ли кто в вас, да молитву деет*» (Иак. 5, 13). Если разговор с другом утоляет скорбь, то не тем ли более утоляет ее беседа с самим Создателем, истинным утешителем души. С трудом приобретается навык к внимательной, неразвлекаемой молитве, и когда он усвоится, то молитва делается источником непрестанного духовного утешения. Светило подвижников, св. Макарий Египетский, собственным опытом изведавший духовные утешения, следовавшие за молитвой, говорит об этом так: «Иногда огнь молитвенный возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда как бы слабее; светильник этот, всегда горя и светя, по временам делается яснее, более возжигается от упоения благодатью Божией, а в другое время сияние свое издает бережливо; в иное же время свет этот, явясь в сердце, отверзал внутреннейший, глубочайший и сокровеннейший свет, почему человек, всецело поглощенный этой сладостью и этим созерцанием, не владел уже собой»[5]. Описание того блаженного молитвенного состояния не вполне доступно понятиям людей, мало упражнявшихся в молитве, а кто с прилежанием и смирением подвизается в этом святом занятии, у того отверзаются внутренние духовные очи и открываются ему тайные неведомые дела Божии. Но скажем, если и всегда нужны духовные руководители, то тем более в молитвенных подвигах, чтобы по склонности нашей к возношению, вместо благодати, не принять прелесть духа злобы, преобразующегося в Ангела светлого, как сказал св. Апостол Павел.

[5] Ср.: *Макарий Египетский, прп.* Духовные слова и послания. СТСЛ, 1904. — Слово 4. С. 456.

ИЕРОСХИМОНАХ АГАФОДОР (БУДАНОВ)

Мирское имя — Александр Иванович Буданов. Купеческий сын из Москвы. Имя матери — Стефанида. Брат иеромонаха Уриила и иеросхимонаха Мины. Родился 18 января 1845 года. Прибыл на Афон и поступил в монастырь св. великомученика Пантелеимона 14 апреля 1869 года, пострижен в мантию 4 марта 1871 года, в схиму — 30 марта 1888 года.

Послушание проходил сначала в трапезной, потом в 1873–1882 годах при Российском Посольстве в Константинополе. Рукоположен в иеродиакона 21 ноября 1882 года, в иеромонаха — 10 апреля 1883 года. С 1890 года был антипросопом в Протате. Последние 25 лет своей жизни — духовником в обители. Преставился 17 ноября 1920 года.

Оставил много духовных дневников, где детально отобразил свой духовный опыт. Один из томов данной серии будет полностью посвящен его духовному наследию, а здесь мы предлагаем его краткий очерк об Иисусовой молитве и его несколько писем кавказским отшельникам, где опять обсуждаются некоторые аспекты Иисусовой молитвы.

О молитве Иисусовой

Господь сказал, что верующие в него *«именем Моим бесы изженут»* (Мк. 16, 17). Св. Феодор Студит говорит, что это может всякий делать, изгоняя всякую скверну из своего сердца именем Иисусовым. Следовательно, Иисусову молитву (Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя) и должно употреблять как средство для очищения сердца своего от страстей. Конечно, при этом надо стараться и самим делом противиться исполнению их. Как и само покаяние только то считается истинным, когда человек не только раскаивается в том, что сделал, но и обещает не повторять того, и тогда он снова сподобится от Господа соединения с Ним. Как это представлено в притче «О блудном сыне», который тотчас был введен в чертог Отца и удостоен причащения «Тельца питомаго», лишь только произнес свое покаяние. Вот к такой решимости и призывают святые отцы людей, ищущих единения с Господом чрез эту молитву. Такую молитву надо всякому творить, так как она, кроме очищения, предохраняет еще и от принятия всяких худых помыслов, как страж вооруженный не впускает входить в сердце всеваемых врагом ни помыслов, ни самых пожеланий страстных. Эта молитва должна сопровождаться крайним смирением, так как без смирения молитва будет фарисейской, плоды которой будут гордость, осуждение, самооправдание. И враг не боится такой молитвы и легко уловляет в прелести, поэтому только смиренная молитва угодна Господу, мытарева молитва приемлема бывает для Него, она охраняет от прелести. Созерцательная же молитва опасна, и на нее не надо решаться даже очистившемуся от страстей, на нее решаться можно только погасившему в себе все страсти, да и то под руководством опытного руководителя, ограждая себя от прелести недоверием к своему уму, но должно обо всем спрашивать своего руководителя, на решения которого и полагаться, а не на свои мысли и мудрования. Также на безмолвие выходить не очистившемуся от страстей опасно. В общежитии человек огражден от прелести послушанием, отсечением своей воли и тем избегает опасности. Безмолвник же этой ограды не имеет, но бывает открыт со всех сторон для нападения врага. На безмолвии можно жить только под старцем или с единодушным братом, которому надо открываться во всем, себе ни в чем не доверять. Этим откровением только и возможно избежать прелести. Повреждение от прелести бывает по недостатку смирения, которое одно только и может сохранить от такой. Бесы не находят способа обмануть смиренного, оно все их сети разоряет, как бы ни был кто малоопытен, но он чрез недоверие к себе никогда не согласится с диавольской хитростью.

Он даже и с явлением от Бога не соглашается, но скажет и Ангелу: это ты по ошибке ко мне попал, так как я недостоин такого явления. Св. Афанасий Афонский не поверил и Божией Матери, пока не ударил жезлом своим в камень и не потекла вода от него. С другой стороны, подвижник избегает прелести и через откровение своих помыслов старцу или иному руководителю.

Не надо думать, что при упражнении молитвой, что кровная теплота в сердце бывает только от благодати, так как это естественно приключается от напряжения внимания к сердцу[6]. Если такой жар усилится в сердце, тогда надо ослабить внимание и читать молитву по четке или переменить место несколько подалее от сердца, чтобы не было прилива к сердцу крови (можно вниманием своим стать пред Богом, чтобы отвлечь ее от сердца, т. е. ум был бы в памяти Божией, весь в Боге. Это средство самое лучшее. Тогда напряжение к сердцу ослабеет). А если кто считает, что эта теплота происходит только от Божией благодати, то этот человек от доверия своей к этой мысли попадает в прелесть. Теплота Божественная не жар причиняет, но согревает сердечные чувства души, усиливается любовь к Богу, надежда и вера к Нему, появляется умиление, сокрушение духа и плач, утешающий в скорби. Такие чувства бывают только от благодати Божественной, их самому возбудить невозможно. Надо только молиться, как молился мытарь в притче Евангельской, заботясь только о прощении своих грехов, а возбуждать в себе искусственное чувство, как выше сказано, не надо. И молитву оставлять не надо, какой бы жар ни случился, и только должно ослабить сильное напряжение к сердцу и переменить, перевести его на другое место или предмет, как указано выше. Так же надо поступать и в том случае, когда жар пойдет в нижнюю часть живота и в почки, а в сердце сделается боль, и только в крайнем случае заняться чтением. Можно охладить сердце и холодным компрессом, но это делают слабонервные, у которых иногда делаются и конвульсии. В прелесть впадают и повреждаются не от умной молитвы, от каковой вреда не может быть, так как святейшее имя Господа нашего Иисуса Христа вреда не причиняет, но бывает от неправильного ее употребления самовольно и от самомнения, от самовольных подвигов и доверия к своему мнению и без смирения, но никогда не может быть с тем, который все делает по благословению старца, так сказано особенно ясно в пятом поучении у св. Аввы Дорофея, который указывает, что он не знает иной причины падения монаха, кроме доверия своему мнению и своей воле, когда тот легко может быть обманут врагом.

---

[6] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Собрание писем. Письма о молитве и духовной жизни // Собрание сочинений. В 25-ти томах. — М.: Правило веры, 2008. — Письмо 21. — С.77.

Повреждение умственное чрез своеволие и самомнение случается более с отшельниками, живущими на свободе, которые подвизаются без старца и не открываются никому, верят своему мнению. В общежитии это случается весьма редко. Там люди всегда под надзором духовника, и им выделяться из общего правила не позволяется, повиновением они бывают ограждаемы, получая руководство от игумена или от него назначенного старца (духовника). Игумен пользуется правом руководить духовной жизнью и устроять каждого соответственно его духовному возрасту. Цель нашей жизни — приготовиться, усовершенствоваться в добродетелях для жизни вечной и славословить Бога вечно с Ангелами и всеми святыми. Душа наша всегда тяготеет к бесконечному добру — Богу, и только в Нем, в памяти о Нем находит себе успокоение. Чтобы быть всегда умом и сердцем с Ним, св. отцы приказывают держать в уме молитву Иисусову, наблюдая вниманием за сердцем, дабы не появились там какие-нибудь худые помыслы, так как враг особенно в это время сеет в него все худое, дабы осквернить святую беседу с Богом — молитву, но не должно прекращать оную, а всеми силами стараться не прерывать ее, так как она соединяет наш дух с Господом еще здесь на земле, чтобы, так соединившись с Ним, жить вечно в теснейшем общении с Богом.

Какое счастье и блаженство обещано человеку! Но как устроить себя, чтобы возможно было беспрепятственно шествовать этим путем? Хотя для скорейшего усовершенствования в добродетелях и способствует отшельничество, безмолвие, уединение, но с Божьей помощью возможно везде этого достичь. Св. Феодор Студит, св. Симеон Новый Богослов служат доказательством, что они и в общежитии сподобились великих даров от Бога. Св. Симеон написал даже и правило для молитвы (о трех образах молитвы). Так же и современные подвижники: Паисий Величковский, ученик его Феодор, а также Оптинские старцы: Лев, Макарий, Амвросий, Иосиф, еп. Игнатий Брянчанинов и многие другие — сподобились великих дарований от Господа, чем и доказали, что для Бога препятствий нет в деле усовершенствования людей, предавшихся Ему во всем и возлюбивших Его всем сердцем, которых Он и укрепляет и при суетливой жизни. Надо только неуклонно трудиться, за что Господь и подает Свои дары, так как молитва и вообще всякое делание духовное прежде всего зависит от труда, и как награда за этот труд — исполнение Божественной благодати. Сказано в Священном Писании, что Господь дает молитву (благодатную) молящемуся (своей трудовой молитвой). Все относящееся к нашей воле есть наш труд, который зависит от нее (воли), и он может быть направляем по нашему усмотрению и душевному расположению. Здесь могут помочь правила и руководства. Но все благодатное, зависящее

от Промысла и воли Божией, правилам нашим не подлежит, но совершено происходит от Бога, овладевающего предавшегося Ему всеми силами души человека. И куда Господь его ни поведет, он, как пленник, следует за Ним, или как дитя за материю, и собой не управляет. Это благодатное состояние есть плод трудовой молитвы и принуждения себя ко всякой добродетели, ради Господа, и понуждающие себя восхищают Царство Небесное. Правила же и руководства принадлежат нам, дабы не сбиться с истинного пути и не попасть в прелесть. Но в первую очередь надо следовать советам живого руководства. Одних книг недостаточно. На свое мнение и волю отнюдь не стоит полагаться, но на руководителя о Господе, так как своевольная жизнь приводит легко к прелести, и всю жизнь тогда проживем бесплодно.

Молитва трудовая имеет границы, а благодатная приводит к созерцанию, не имеющему границ. В созерцательную молитву своевольно вдаваться нельзя, так как враг может обмануть, показавшись светлым ангелом и проч. Одни только очистившиеся от страстей могут по влечению благодати Божией вступать на этот путь. Святые отцы велят молиться покаянной молитвой, с сокрушенным и смиренным духом, и не выходить из него, но пребывать в этой мысли и чувстве, ограждая себя сознанием своего недостоинства и недоверием к высокомудрию и каким-либо видениям, не выходя из места сердечного, откуда враг старается удалить ум наш.

Соединение ума с сердцем — соединение молитвы с чувством (скорбь, сокрушение, сожаление о своих грехах, что оскорбили Господа нарушением заповедей Его) хотя и достигается нашей волей, но с помощью Божьею, нисходящей на смиренного духом кающегося и старающегося очищать сердце свое от греховных привычек, за что и подает Господь благодать Свою. А чтобы мы могли бодрствовать, попускает Господь врагу стрелять до последнего издыхания в наше сердце, чтобы не возносился человек своим бесстрастием и чувствовал бы возможность падения и нужду в помощи Божией до самого конца жизни. Поэтому отступать мыслью от Господа не надо, но всегда следует тайно молиться к нему, прося его о помиловании и о помощи, обращаясь к Нему с кротким воплем в сердце: «Спаси мя, Иисусе мой Сладчайший, погибаю!» И тогда Господь будет в нашем сердце! Как это возможно? Но Он Сам обещал нам: *«Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим…»* (Ин. 14, 23).

Душа наша, как дыхание Божие, способна воспринимать в себя Божество и жить Им. Бывает так, что солнце, отражаясь в капле воды, пронизывает его светом и согревает теплотой. Так и Господь просвещает сердце и согревает его, когда ум пребывает в Боге и взывает к Нему: благодарностью, помощью,

покаянием и другими чувствами. Поэтому необходимо всегда помнить Господа и молиться к Нему, быть в сознании, что находимся в присутствии Его, в зависимости от Него. Всегда чувствовать, что находимся под оком Божиим, проникающим всю глубину нашего существа, все его внутренние и внешние движения.

Молитва Иисусова хотя и сама способна возжечь в сердце огонь, но при всем этом необходимо подогревать свои чувства размышлением о страдании за нас Господа, любви Его к нам, явленном нам в творении. Рассматриванием же своих грехов рождается в нас сокрушение духа, чувство покаяния и желание взывать о помиловании ко Господу, невидимо везде присутствующему, и таким только способом душа соединяется с Господом: в памяти о Нем, что и есть цель, и все способы служат лишь только средством к сему. Суета и попечение мешает много в поддержании этой памяти, почему и приглашает нас св. Церковь устраниться мира, ум на небеса возвести, отложить всякое житейское попечение.

Святые великие подвижники нашли, впрочем, способ угодить Господу и в заботах о спасении других, и при необходимых потребностях для временной жизни. Св. Феодор Студит, св. Симеон Новый Богослов, прп. Сергий, прп. Антоний и Феодосий Печерские, старцы Оптинские: Лев, Макарий, Амвросий и Иосиф и др. — многие угодили Господу и сподобились великих дарований. И в общежитии, предав себя совершенно в повиновение своим старцам, отрекшись своей воли и храня совесть в чистоте, они имели молитву, которая беспрепятственно шла у них. Так как за послушание (как за самоотвержение) Господь посылает Свою помощь, благодаря которой молитва делается уже внимательной, разогревающей чувства (как говорит Св. Симеон о юноше). Это можно видеть и из опыта. Благодати Божией ничто не препятствует усовершенствовать людей, предавшихся ради Бога старшим и хранящих свою совесть в чистоте. Они хотя и живут между людьми, по внешности ничем от них не отличаясь, но внутренне, предавшись Господу твердо, могут, при помощи Божией, и чудеса творить (Илиотропион св. Иоанна Максимовича). Благодать Божия учит их послушанию, смирению, чистоте сердечной, самоотвержению, истинной любви и вообще всякой добродетели. Конечно, и человек должен разумно поступать: терпеть все (как праведный Иов), очищать свое сердце покаянием, избирать разумное, не осуждать, быть слепым и глухим между людьми и во всем соблюдать смирение, чтобы Господь принял это делание как добро. Так как без смирения и великие добродетели не получат воздаяния от Господа, как то говорится в Евангелии: помолись в тайне, милостыню подай тайно, а также и постись тайно, и Господь воздаст тебе явно.

Совесть охраняет от всяких худых неугодных Господу помыслов, после всякого же грехопадения верующий обновляется раскаянием, и тогда восстанавливается его союз с Богом. Постоянное блюдение себя в страхе Божием приводит к преуспеянию. Таким образом человек через отсечение своей воли, пожеланий страстных приходит к бесстрастию, к совершенному смирению, без коего молитва остается без плода или приводит к прелести от самомнения (фарисейская молитва), от которой появляется боль в голове, помрачение рассудка, беснование. Причина же этому — доверие к своему мнению, к какому-нибудь явлению от врага во время молитвы и т. п. Поэтому-то и недолжно оному доверяться, но вопрошать своего старца о Господе. «Я не знаю других причин к падению, лишь когда кто поверит своему сердцу», — говорит преподобный Авва Дорофей. Прелесть не от умной Иисусовой молитвы, а от неправильного действия или доверия чему-либо или себе по вражескому обольщению, которое обманывает, что теплота, которая естественно бывает, — это от благодати. Надо поэтому непрестанно иметь руководителя, спрашивать его совета и врагу не доверять.

Как от благодати Божией вся жизнь исправляется, так от прелести — портится. Поэтому во избежание этого без руководителя не надо браться за Иисусову молитву, но молиться просто, быть в сознании присутствия Божия, возгревая чувства благоговения, страха Божия, покаяния, сокрушения о грехах, смирения, плача благодарности ко Господу и любви за все Его милости и особенно за Его страдания. Необходимо хранить сердце от всего греховного и грязного, незапачканным, мирным, в любви ко всем и даже к обидевшим, предав жизнь свою Богу и Его всеблагому Промыслу. Тогда осеняет того благодать Божия, возжигая пламень в сердце, исполняя его радостью о Боге, надеждой на спасение и всякой добродетелью. А способы, какие употребляются при молитве, сами по себе привлечь благодать не могут.

Так как чувства сердечные часто пересиливают наш ум, должно направлять их к молитве, чтобы они привлекли молитву (ума) и, соединившись с ним, удерживали бы молитву постоянно у себя, соединив ум с сердцем. Поэтому-то и нужно вышесказанным способом возгревать свои чувства. Возгревать их любовью ко Господу за Его благодеяния. Возгревать их сокрушением и покаянием, самоукорением за грехи и проч., так как необходимо быть всегда в соединении с Богом чувствами, а не только одним только умом. Тогда легко и прилоги отражать, более того — враг и совсем тогда не прикасается.

При постоянной молитве сердце согревается любовью ко Господу и оно, избавившись от страстей, прилогов, не принимает больше, чувствует некую легкость и веселие, как бы свалив некоторую тяжесть, так как от призывания

частого все чувства разогреваются и Господь делается жизнью сердца, без которого оно мертво. Надо пользоваться всяким способом достичь этого. Церковное богослужение, внимательно и с усердием воспринимаемое, весьма способствует к развитию внутренней духовной жизни и молитвы, так как оно разогревает чувства, которые привлекают ум к ним (к сердцу), и тогда начинается собственная сердечная молитва. Поэтому должно с особенным усердием следить за содержанием молитв и песнопений за богослужением, так как в этом и есть начало молитвы своей, так как иногда от благодати богослужения настолько бывает сильно впечатление, что во весь день это чувство остается, и человек без желания переходит на другие предметы и отрывается от полученного при богослужении впечатления.

Цель молитвы должна быть: благодарение Богу, умилостивление и прощение грехов и покаяние в них, и равно прошение помощи. Не надо же желать какого-либо утешения, радости, приятного ощущения, так как враг может искусственно это показать. Не надо хотеть видеть Бога — это дерзость, так как от сознания собственного достоинства, от гордости рождается это желание. Не надо также стремиться видеть свет, благоухание, пение ангелов, ощущать сладость во рту или иметь какие-либо другие чувственные ощущения, так как враг может этим обмануть. Но смирением быть в памяти Божией.

Чтением св. Евангелия необходимо возогревать чувства ко сказанному выше, так как благодать, заключенная в Божественном Слове, неотразимо действует на ум и сердце. Египетские подвижники читали ежедневно его на память между молитвами. Преподобный Серафим и старец Парфений Киевский ежедневно читали Евангелие и в неделю оканчивали его.

Также необходимо читать Апостольские послания, толкования св. отец, жития святых. Воспоминание о домостроительстве Божием для спасения рода человеческого и ради этого о воплощении Господа Иисуса Христа, воспоминание о Его жизни, страданиях, крестной смерти, положении во гроб и о тридневном Его Воскресении, о Вознесении, сидении одесную Бога и страшном втором Его пришествии — подвигает душу к благодатному состоянию.

Надо особенно вспоминать любовь Божию, явленную в страданиях Господа, вспоминать Страшный суд и вечное мучение. Память о вездеприсутствии Господа должна производить страх Божий, осторожность во всех делах, словах и помышлениях. Должно рассматривать свои поступки и всю жизнь. Не отвлекаюсь ли я чем-либо от любви Божией и вечной жизни, обольщаясь временным наслаждением и удовольствием? Не пристрастился ли я каким-нибудь делом, лицом, честью суетной и славой? Хотя доброе дело и надо

делать, но только ради славы Божией. Поступать по слову: «*Да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, иже на небесех*».

Душа наша от Бога, и поэтому и тяготеем к Нему — к своему источнику жизни, Его любви, Им наслаждаться, Его жаждать, быть всегда с Ним, находить себе успокоение только в Нем, как Он и Сам того требует: «*Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы*» — вот наша желаемая цель. Возлюбив Господа, человек не может не помнить Его, ходить вне Его присутствия, не благоугождать Ему. Жить в Боге равнозначно проживанию Бога в нем. Это соединение сердца и ума с Богом и есть венец духовного делания, духовной жизни. Средство же к сему — Иисусова молитва, разогревание чувств, жизнь по воле Божией.

Св. Симеон Новый Богослов в трех образах молитвы весьма ясно показал, какого состояния должно держаться и чего избегать, дабы не повредиться. В основание третьего образа положено послушание с полным отсечением своей воли и мудрования, а также хранение своей совести в непорочности по отношению к Богу, людям и вещам — в этом залог успеха в духовной жизни. Тому же учат и позднейшие духовные наставники, как то: великий старец Паисий Величковский, епископ Игнатий Брянчанинов, епископ Феофан, оптинские старцы: Лев, Макарий, Амвросий, Иосиф и др. Книга «Начертание христианского нравоучения» епископа Феофана весьма полезна для проходящих духовную жизнь. В ней мы находим бесподобное описание восхождения к Богу созерцанием. Так он мог написать не по учености только, но по опыту, так как сам проводил духовно-созерцательную жизнь в затворе. Книга эта учит, как надо подогревать свои чувства к Богу, каким способом. В созерцании не надо представлять вид Бога, разве только в страдальческом виде, в каком виде был Господь Иисус Христос на земле в последние дни Свои, даже полезно и благотворно устремлять взор свой в язвы Его, и следует идти за Ним на Голгофу.

Предосторожности:

Поскольку во время молитвы постигают разные вражеские искушения, в таких случаях надо иметь особую предосторожность, но более всего необходимо всегда приуготовлять себя, прося Господа так:

«Не остави мене, Господи, Боже мой, не отступи от мене, вонми в помощь мою, Господи спасения моего».

«Дух Твой, благий да поставит мя на землю праву».

Кроме этого постоянно надо соблюдать следующие правила:

1) Не надо доверять ни коим ведениям, ниже своему мышлению.

2) Не надо исходить уму из места сердечного, но пребывать в нем, не обращая своего внимания ни на какие мечтания, ни на представления хотя бы и добрые, ибо место сердечное служит уму оградой от всяческих вражеских хитростей. Но при этом надеяться более всего надо на помощь Божию, а не на свое знание, ибо всякое самомнение ведет к прелести.

3) Кроме этого надо знать, что при благодатных от Бога состояниях человек теряет свободу воли своей и благодать сколько восхищает, столько времени и пребывает с человеком, который делается ее невольником, не будучи в силах воспротивиться ее водительству. Он не может ни привлечь, ни отогнать ее, но действует она самостоятельно. Напротив, действия врага не могут таковыми быть; враг не может без соизволения самого человека овладеть человеческой волей. Почему, как бы ни были сильны впечатления от вражьих видений, но воля человека при этом всегда остается свободной, и человек может и согласиться и не согласиться с ними. Оттого в прелесть и в полное подчинение врагу человек может впасть только тогда, когда кто примет видение, мечтание, мысль врага и т. п. как бы от Бога.

4) Не надо верить врагу и себе, но исповедовать все духовнику, и что Господь положит духовнику сказать, тому и надо верить. А чтобы не было сомнения к словам духовника, то, идя к нему, надо попросить Господа, чтобы Он просветил духовника и внушил бы ему, что сказать.

Молитва умно-сердечная есть молитва с плачем, поэтому умом надо находиться в сердце или груди, где рождаются всякие чувства.

Молитва умно-сердечная происходит от соединения ума с сердцем, т. е. соединения молитвы с каким-либо сердечным чувством (например, сокрушением о грехах)[7]. Это может быть только с помощью благодати Божией, а не усилием человеческим.

Без помощи Божией может произойти от скопления к сердцу крови сильное разгорячение и даже боль в сердце. Но этого не надо допускать. Надо устремить мысль свою к Богу, сознавая себя грешником и хуже всех, чтобы смирением сим привлечь помощь Божию, без которой молитвы правильной не может быть.

Если при упражнении молитвой сделается в сердце боль или жжение, то это означает, что занимающийся ею употребляет излишнее усилие и напряжение на сердце, думая тем сохранить себя от рассеяния, но таковое мнение

[7] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О молитве Иисусовой. Беседа Старца с учеником // Полное собрание творений. В 8-ми томах. М.: Паломник, 2006. Т. I: Аскетические опыты. С. 254.

происходит от самонадеяния на свое собственное усилие, почему надо надеяться более на помощь Божию и для освобождения сердца от боли обратить ум свой к Богу, который невидимо присутствует, и тем сердце, облегчившись, перестанет болеть. В противном случае боль может дойти до конвульсий и обморока, как об этом говорится у епископа Феофана в письмах о духовной жизни. Письмо 15[8].

Молитву надо начинать только с целью принести Господу покаяние в своих грехах, поблагодарить за полученные милости от Него и испросить помощи. Господь во время молитвы иногда посылает утешения, но ради таковых не надо начинать молитвы, ибо враг легко может и фальшиво производить такие утешения, почему и можно впасть в прелесть, приняв фальшивое за истинное. Также не надо искать даров от Господа, кроме дара прощения грехов[9]. Надо считать себя недостойным благодатных даров, заслуживающим наказания и вечной муки.

Когда ум станет в сердце с Иисусовой молитвой, то человек почувствует, как происходит освобождение чрез внимание и молитву от суетных помыслов и действия страстей. Ибо чувствуемая тяжесть на сердце происходит вследствие принятия суетных греховных мыслей и допущения к действию страстей, и, пока сердце омрачается ими, дотоле будет чувствоваться и тяжесть. Но когда человек установится в сердце умом с молитвой, тогда разом сердце освобождается от них, тогда делается легко. Как бы находясь долгое время кто-либо в темной комнате и терпя чрез то скорбь и уныние, то, когда (бывает) внесут огонь в ту комнату, тотчас исчезнет тьма и сделается светло на душе у человека. То же бывает на сердце и от соединения ума с сердцем молитвой. Об этом в Псалме говорится: «Помянух Бога и возвеселихся». Почему св. пр. Давид и молился в псалме, говоря Господу: «Просвети тьму мою».

Умно-сердечная молитва есть молитва с плачем, каковая и есть истинная молитва. Св. отцы повелевают ум иметь в сердце или в груди, потому именно, что там находится дух или словесная часть души человека, рождаются разные чувства, любовь к Богу, скорбь о грехах, страх будущих мук, страх смерти[10]. Если ум с сими или другими подобными чувствами соединится, то такая молитва — правильная.

---

[8] *Феофан Затворник, свт.* Письма о духовной жизни. М.: Изд-во Трифонов Печенгский монастырь — Ковчег, 2003. С. 1100.

[9] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О молитве Иисусовой. Беседа Старца с учеником // Полное собрание творений. В 8-ми томах. М.: Паломник, 2006. Т. I: Аскетические опыты. С. 254–255.

[10] Об этом прямо говорит свт. Феофан. Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о мо-

Если при этих чувствах пойдут еще и слезы, тогда таковая молитва называется умно-сердечною. Это, впрочем, дается человеку от Бога в свое время, как дар Божий за труды, почему и надо для этого много потрудиться.

О духовном совершенстве

Путь к духовному совершенству состоит в том, чтобы упражняться в таких деланиях, которые могли бы привести к совершенству Евангельскому. В св. Евангелии говорится, что исполнение одних заповедей недостаточно для совершенства, но потребно еще отрешиться от всего, что может нас привязывать к земной жизни (как то: богатство, честь, слава и другие удовольствия), почему и заповедал Господь для получения совершенства: «Продать имение, раздать оное нищим и, взяв крест, следовать за Ним». Таким образом, этим действием отсекает от человека всякие пристрастия, ибо, имея пристрастия, невозможно освободить душу свою от страстей и достичь совершенства. Совершенное же умерщвление страстей рождается от совершенного самоотвержения, с каким человек предает себя воле Божией и отсекает свою волю и пожелания, что одно только и может привести к бесстрастию. Способ этого отсечения удобопонятнее всех указан и разъяснен в книге св. Аввы Дорофея в 5-й главе «О том, чтобы не полагаться на свой разум». Там мы читаем: «Отсечение своей воли приводит человека к истинному послушанию, смирению, самоотвержению, к чистой непарительной молитве, ибо неочищенному сердцу от страстей невозможно стяжать чистую молитву, а также и не испытавшему и не научившемуся истинному послушанию. Чистое с полной преданностью Богу послушание происходит от отсечения своей воли, так как, когда человек отсекает свою волю, то это значит, что он исполняет волю чью-либо иную, т. е. того, кому он добровольно подчинил себя»[11].

Св. Симеон Новый Богослов в 3-м образе молитвы говорит, что заниматься молитвой с успехом можно только после совершенного послушания. Самый лучший пример быстрого преуспеяния в молитве и самоотвержении представлен нам в житии св. Аввы Дорофея, который совершенно предал себя послушанию своему старцу. Авва Дорофей не захотел даже пред самой смертью своей исполнить свою волю. Он сказал старцу, что в его болезни полезно

литве и духовной жизни. Указ. соч. — Письмо 19. — С. 73.

[11] Ср.: *Авва Дорофей, прп.* Поучение 5-е. О том, что не должно полагаться на свой разум // Душеполезные поучения и послания. Шамордино: Изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1913. С. 70–78.

есть недоваренные (всмятку) яйца, но при сем просил не давать ему таковых, так как это происходило от него самого, а не от учителя.

В этом примере видно совершенное умерщвление своей воли, самоотвержение и готовность умереть, нежели исполнить свою волю, это — истинное мученичество[12]. Также он при таком отсечении своей воли и послушании преуспел и в молитве, до последнего вздоха не оставляя ее, к чему и побуждал его старец, говоря ему, чтобы он заботился о ней, и только сделал ему небольшое снисхождение — пред самым концом велел иметь одну память Божию, представляя себе невидимое присутствие Божие, без слов молитвы. Итак, книга св. Аввы Дорофея есть самая лучшая для обучения молитве, где показан путь к ней через отсечение своей воли и истинное послушание.

Здесь послушание надо понимать в смысле исполнения чьей-либо воли, но не своей. Как, например, некоторый старец приказал ученику своему поливать водой сухой кол, воткнутый в землю, для испытания его, имеет ли тот совершенное к нему по Богу послушание, без рассуждения. Ученик поливал целый год, и вот Господь, видя такую преданность ученика к старцу, повелел сухому колу процвести, что и произошло[13].

Поэтому послушание ценится не по тому, что́ делает кто, а по тому, как это делает, с должным ли самоотвержением и преданностью к повелевшему, и без всякого рассуждения.

Следовательно, надо заботиться более о том, чтобы исполнять то, что будет приказано, с полным усердием и без всякого рассуждения, но кто заботится о том, чтобы по своему желанию избрать себе какое-либо занятие, думая, что послушание состоит в том, чтобы только делать много и какое-либо важное дело, тот жестоко ошибается, не ведая того, что таковое занятие приводит к гордости, а вышесказанное — к смирению; поэтому и послушание без отсечения своей воли может принести лишь вред.

Пользует же послушание то, которое отсечением воли своей. Следовательно, послушанием называется не занятие какое-либо, а полное

---

[12] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О навыках // Полное собрание творений. В 8-ми томах. М.: Паломник, 2006. Т. I: Аскетические опыты. С. 351.

[13] Ср.: К молодым инокам о послушании (Слово от патерика о Иоанне монахе Колове и о послушании его) / Сост. протоиерей Виктор Гурьев // Пролог в поучениях. Месяц ноябрь в 9-й день. М.: Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, 1912. С. 157–159. (см. также: СТСЛ, 1992).

подчинение своей воли о. Игумену, как старцу, и тому, кому он подчинит, хотя бы пришлось ничего не делать.

Духовная переписка 1904 года духовника иеросхимонаха отца Агафодора (Буданова) с кавказскими отшельниками

19 сентября

Письмо, посланное схимонаху отцу Иллариону в трущобы Кавказа (РПМА)

Вполне разделяю Ваше мнение о неудобствах, с каковыми сопряжена была бы сюда, на Афон, поездка Ваша и физически, и нравственно. Поэтому живите там, где дух Ваш нашел себе соответствующее своему желанию. Всякому свое. Кому где Бог благословил, там и находит человек себе устроение. Я радуюсь тому, что Вы нашли себе там искомое и дух Ваш имеет уверение, что найденное — то самое, чего жаждала душа Ваша. Буди имя Господне благословенно вовеки! Да укрепит Вас Господь в Божественном смирении! Всякое наше делание и желание оценку свою получают по степени смирения своего. Поэтому и ответ на Ваши вопросы старца тоже отсюда могут быть оценены. Это, конечно, по отношению к нему самому, а к нам они неоцененны.

Касательно произнесения имени Господа нашего Иисуса Христа (т. е. формы), как Вы пишете, то, что оно произносится в изъявительном наклонении, а не в повелительном, думаю, потому именно, что по свидетельству свв. отцов, молитва от осенения благодатью останавливается и ум теряет произвольность (св. Максим Кавсокал. св. Григорию Синаиту), но бывает ведом куда не хочет или стоит в безмолвном изумлении, и если восхочет Господь, то зрит неизреченная[14]. Отречение от своего разумения предохраняет человека от прелести, как говорится в пятой главе книги св. Аввы Дорофея.

[14] Ср.: «...движения языка и сердца к молитве суть ключи, а что после сего, то уже есть вход в сокровенныя клети. Здесь да умолкнуть всякия уста, всякий язык; да умолкнет и сердце — этот хранитель помыслов, и ум — этот кормчий чувств, и мысль — эта быстропарящая и безстыдная птица, и да прекратится всякое их ухищрение. Здесь да остановятся ищущие: потому что пришел Домовладыка» (*Исаак Сирин, прп.* О разных отличиях безмолвия, о власти ума и о том, сколько властен ум возбуждать собственные свои движения при разных видах молитвы, какой предел дан молитве самим естеством, до какого предела властен ты молиться молитвою, по преступлении какого предела молитва твоя уже не молитва, хотя совершаемое тобою и называется молитвою // Слова подвижнические. Сергиев Посад: Изд-во СТСЛ, 1911. Слово 16. С. 116–117; см. также: Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова подвижнические. М.: Лепта Книга; Симферополь: Родное Слово, 2012. С. 116–117).

Старцу этому дано созерцать Имя Господа нашего Иисуса Христа, и это, конечно, потому, что душа его в таком устроении. Надо и за это благодарить Господа, и это степень восхождения к Богу, так его сердце уязвилось любовью ко Господу, и может статься, что со временем ему будет дано иначе пить воду живую, текущую в живот вечный.

Соединение ума с сердцем хорошо изложено хотя бы у епископа Феофана. Он говорит, что «оно есть соединение молитвы (ума) с чувством (сердца)». Проще это выражено у епископа Игнатия: «Соединение ума с сердцем, есть молитва при сочувствии сердца». Но, в сущности, и у них, и у Вашего старца одно и то же. У Вас написано на основании умозрительной психологии, где говорится, что ум — это и есть дух человеческий. Но есть недавно вышедшая книжка «Начало и конец нашего земного мира», где говорится о духе так: «Душа наша есть тончайший жизненный цемент, связующий то, что неминуемо распалось бы без этой опоры, ибо тело из праха земного, само по себе жить не может. Следовательно, душа есть жизнь в организме тела. Дух же есть непостижимое и неведомое проявление мысленного существа, имеющее то же отношение к душе, какое имеет душа к телу. Существо духа — разум, воля, чувство в общении со своим Творцом предназначено к вечному блаженству». «Подобие, которым был наделен Адам Духом святым, есть благодать Божия. Это ни что иное, как Божественная сила к правде и благочестию. До падения благодать в душе Адама просвещала его и душу и тело, он не чувствовал тогда наготы своей, не испытывал и тления, не имел и влечения ко греху».

Конечно, с сим духом нашим соединяется Господь в чувстве любви. Надеюсь, что Вы поделитесь и другими подробностями о всем этом, сообщенными Вам тем старцем, как Вы сами выразили желание о том.

Справедливо, что для приобретения Иисусовой молитвы необходимо всем пожертвовать как ради главной цели жизни нашей на земле, ибо она только способна соединить дух человека с Богом, она только может возбудить чувство любви к Богу.

Правда, и размышления много помогают для развития этой любви, но молитва Иисусова как вопль нашего духа восходит к Богу. Все уверяют, что при молитве этой ощущают радость, как будто тогда только человек вступает на тот путь, после долгого блуждания, который он всеми силами старался найти, и, найдя, радуется. Но суета как сильное течение влечет нас в противоположную сторону, не давая и за соломинку уцепиться. Поэтому и плодов добрых нет.

У нас многие ощущают действо молитвы при входе в церковь на Богослужение, даже еще дорогой приходят в чувство умиления от одного мысленного представления, что идут на беседу с Богом, — и так всю службу в слезах и с молитвой в сердце! Так же и от чтения св. Евангелия приходят в оживление духом и, если прочитают утром натощак, чувствуют весь день особое расположение, почему я даю благословение читать неопределенное число глав, пока охота читать не остановится сама.

Великий киевский старец Парфений читал ежедневно, кроме постоянного упражнения молитвой, всю Псалтирь и 15 глав из Евангелия. А св. Серафим Саровский читал четвероевангелие в неделю. Мне думается, делалось это по требованию духа их. Что же касается свидетельства Каллиста и Игнатия, то ко всякому применять его буквально невозможно, дарования Божии не всем одинаковы. Не все одним путем воспитываются и достигают благодатных действий, и условия разные бывают, и способности у людей.

Паисия Величковского я неоднократно читал и даже много выписал себе на память. Но более всех привлек меня епископ Феофан, который так определенно выражается и переходит к самому существу духовного делания, говоря, что «самое главное — память Божия, а молитва есть одно из средств для поддержания ее. Надо стать в сердце умом, но о сердце не думать, а о Боге»[15]. Иные как-то отвлеченно выражаются, а он говорит и указывает кратко самую сущность.

Свобода духа всегда может быть, если человек предаст себя совершенно Богу, не связывая себя ничем, тогда Сам Дух Святой воздыханиями неизглаголанными вещает в его сердце, подавая ему дарования, какие захочет. Это и несовершенный чувствует.

Благодать Божия, получаемая при крещении (говорил отец Иероним), во всю жизнь человека действует в нем умилением неожиданным, возбуждением к молитве, светлыми чувствами, просвещением мыслей и доброй воли. В это время человек делается ее пленником, это и есть свобода духа, находящаяся независимой от страстей под Божиим водительством. Так я понимаю об этом, помня слова Господа, что всяк, творящий грех, раб есть греха, и, если Он освободит (дух наш) от такового рабства, тогда воистину свободными будем.

А если не так, то вразумите меня.

Аминь.

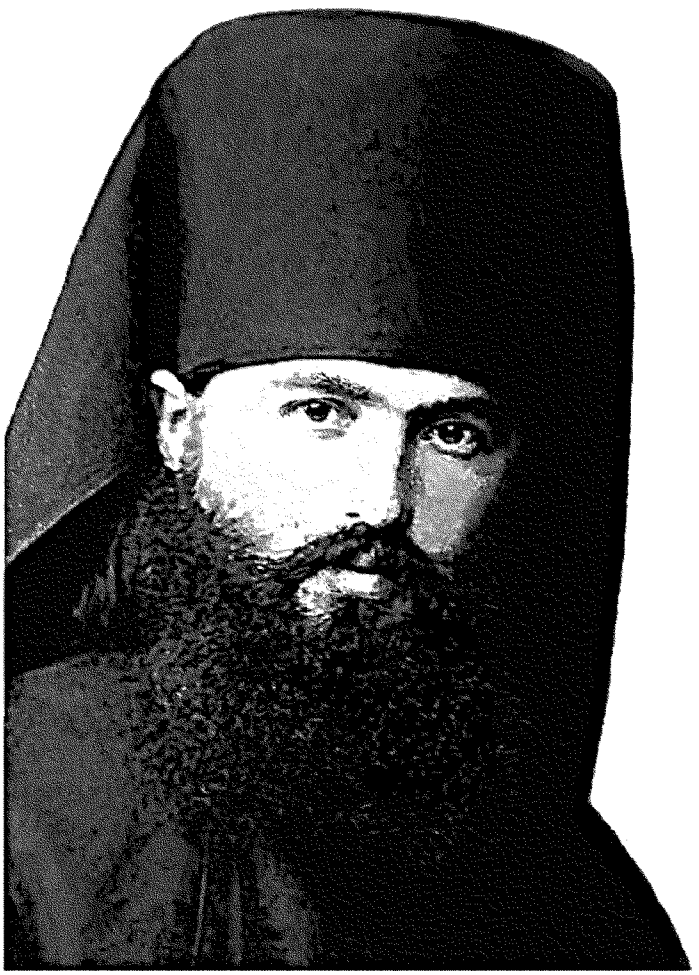
---

[15] Ср.: Собрание писем святителя Феофана. Издание Афонского Русскаго Пантелеимонова монастыря. М.: Типо-Литография И. Ефимова, 1899. Вып. 5. С.162–163.

СХИМОНАХ ЛЕОН (ВОСКРЕСЕНСКИЙ)

Мирское имя — Леонид Андреевич Воскресенский. Личный почетный гражданин Нижегородской губернии, Макарьевского уезда. Имя матери — Екатерина. Родился в 1862 году. Прибыл на Афон и поступил в монастырь св. великомученика Пантелеимона в 1888 году, пострижен в мантию 15 марта 1890 года, в схиму — 23 марта 1895 года. Послушание проходил в канцелярии, на подворье в Москве, в обители. С 1906 года уединился для безмолвия на каливу. Преставился 9 марта 1914 года.

Оставил большое количество рукописных тетрадей с духовными размышлениями, где скрупулезно фиксировал каждое движение своей души, записывал свои наблюдения за развитием собственной духовной жизни, выписывал цитаты из разных сочинений святых отцов, особенно любил размышлять над творениями прп. Макария Великого, Исаака Сирина, Григория Синаита. В рамках этой серии в особом томе будет издано его духовное наследие. Здесь же предлагаем его некоторые размышления о молитве и о Иисусовой молитве в частности. Особенность духовных записей отца Леона та, что иногда очень трудно различить, где его собственные мысли и где цитаты из святых отцов, но так как он все, и свое, и святоотеческое пропускал через свое сердце



и испытывал собственным духовным опытом, мы не стали переделывать такой его стиль изложения мысли.

Что такое монашество?

Монашество — есть добровольный, трудный подвиг, окрыленный обетом нестяжания, девства и послушания, сознательно избираемый с целью Богоуподобления.

Монах путем уединения, вообще особой жизни и подвигов, путем молитвы и упражнения, посвятивший себя Богу, старается достичь Царствия Небесного.

Монах есть тот, кто на Единого взирает Бога, Единого Бога желает, Богу Единому прилежит, Богу Единому угодить старается, мир имеет к Богу, мира между другими виновником бывает.

Монашество есть, с отречением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Самое монашеское подвижничество (аскетизм) проявляется в большом неустанном трудничестве, безответном послушании, терпеливом перенесении всякого рода скорбей и искушений, удручении, изнурении и умерщвлении разными способами плоти, чрезмерном посте, молитве, лишениях, самоозлоблении и т. п.

Аскетизм не цель сама по себе, а средство к самоотречению и совершенствованию духа и соединению со Христом. Он имеет целью, путем подавления плоти, дать простор духу. Путем заглушения (плоти) воплей животности дать человеку услышать голос совести. Путем погашения страстей возгреть в нем добродетели. Путем укрощения инстинктов зверя проявить и прояснить образ Божий. Путем перенесения произвольных скорбей научить переносить и непроизвольные. Одним словом, аскетизм имеет целью помочь подвижнику совлечься ветхого человека с его страстями и похотями, чтобы облечься в нового.

Когда внешний наш человек тлеет, то внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). Плоть сильна немощью духа и живет его смертью, и дух усиливается за счет плотского начала — возвышается и растет его стеснением и умерщвлением (Гал. 5, 17).

Монах учится умерщвлять не тело, а страсти. Нищета, скорбь, теснота и пост — вот работные орудия монашеской жизни, венец ее — смиренномудрие.

Единое, по существу, монашество в своем внешнем устройстве проявляется в разных видах: 1-е, подвижническое уединение и отшельничество, 2-е, в том, чтобы безмолвствовать с одним или с двумя, 3-е, терпеливо пребывать в общежитии[16].

Искра Божества, оставшаяся в человеке, напоминает ему о потерянном блаженстве и побуждает его снова искать везде и всячески. «*Начаток духа имуще, и мы сами в себе воздыхаем*» (Рим. 8, 23).

Главная цель домостроения Спасителя в плоти состояла в том, чтобы привести человеческое естество в единение с самим собой и Спасителем, восстановить первобытное состояние (единство). Итак, единение с Богом пришествием Христа, Его страданиями и крестной смертью — это единство было восстановлено.

Загадка жизни разрешена: человеку указана высочайшая цель — единение с Богом, указан путь к обожествлению — путь богоуподобления, самосовершенствования. В любви к Богу, святой праведной жизни — все счастье и блаженство человека (Ин. 3, 36; 17, 3).

Ни вне — не в земных благах, а внутри самого человека, в его совести чистой, в победе духа над плотью нужно искать Царство Божие.

2-е правило первого Константинопольского собора гласит о руководстве как существенной потребности монашества: «Отнюдь никого не сподоблять монашеского образа без присутствия при этом лица, обязанного принять его себе в послушание и иметь над ним начальство, и взять попечение о душевном его состоянии».

Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. И руководитель, кто бы он ни был, всегда даст точное и верное руководство, как скоро руководимый предастся ему всей душой и верой. Сам Господь уже блюдет такого преданника… и Господь научит его, как руководить тебя[17].

Добродетель не в излишестве, а в умеренности заключается (умеренному делу цены нет). Св. отцы-аскеты хвалят такую жизнь подвижников,

---

[16] Ср.: Устав Нила Сорского // *Нил Сорский, Иннокентий Комельский, прпп.* Сочинения. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 197.

[17] Ср.: Симеона Нового Богослова 152 деятельные и богословские главы // Христианское чтение. СПб.: Тип. Департамента Мин. Вн. Дел, 1823. Ч.12. Кн.10. Гл. 32. С.18.

которая течет подобно малому, но постоянно текущему ручейку, никогда не иссыхающему. Нужен отец-руководитель, как регулятор подвижничества, в особенности во второй степени совершенства подвижника, при переходе от деятельной жизни к созерцательной — по очищении страстей, когда дух парит ввысь, тогда легко впасть в прелесть по действу вражескому.

Поэтому всеми отцами решительно и заповедуется не приступать к созерцательной жизни без знающих, прошедших этот путь руководителей[18].

Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием. Послушническое предание себя старцу есть предание себя Богу и вместе с тем принятие в себя Бога, Богоуподобление, Боговмещение[19].

Послушание надо предпочитать подвижничеству: последнее подвигает к высокомерию, а первое к смиренномудрию, которое состоит в том, чтобы считать себя землей и пеплом.

Последняя степень после самоотвержения, послушания и глубочайшего смирения, которыми послушник воспаряет на небеса и собеседником Богу бывает, как естественная теплота разгоревшегося духа, есть любовь, которая есть Бог (1 Ин. 4, 8).

Любовь, уязвившая человека, заполняет всего его, приводит его к единению в себе: человек горит и питается небесным огнем, умом, сердцем и волей, живет в Боге, и естественные потребности человека не только уже не доставляют ему услаждение, но даже забываются.

Когда достигли мы любви, тогда достигли Бога, и путь наш совершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой.

Здесь, в любви и Боге, завершение всех подвигов и лестницы добродетелей, не нужно уже здесь и научение и руководство другого; тайноводителем, путеуказателем и просветителем чистой души является вечное Слово.

Упоенный любовью Божией в этом мире, то есть в доме рыдания, забывает все свои труды и печали и по причине своего упоения делается бесчувственным ко всем греховным страстям. Сердце его подкрепляется

---

[18] Эта мысль один в один заимствована из слов свт. Феофана. (Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения // Жизнь под руководством. М.: СТСЛ, «Новая книга», 1998. Ч. 1. С. 51–52.)

[19] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. Указ. соч. С. 4–33.

надеждой на Бога, душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого, парит своими помыслами и наслаждается бессмертием у Всевышнего.

Любовь есть царство (Лк. 22, 10).

О, какой великий дар Божий — принадлежать к числу спутников Христовых, идти узким путем, которым прошел Спаситель и Бог наш, нести часть креста, который для спасения моего всецело был поднят и принесен в жертву правосудию Божию Господом Иисусом! Аминь.

Телесное делание предшествует душевному, кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и духовного. Внешне телесное действие, совершаемое по принуждению, обращается при упражнении в делание внутреннедушевное и доброхотное, так, например, механическое внешнее выполнение молитвы при продолжительном и частом молитвенном положении способно вызывать сердечно-молитвенную настроенность.

Сосредоточение на каком-либо духовным предмете, например, на мысли о вездеприсутствии Божием или на памяти смерти, суда, обетов крещения и под., может возводить ум подвижника к Богу и напоминать о цели его подвига и тем подновлять его ревность и побуждать к подвигу.

Все старание должно обратить на матерь всех страстей — самолюбие и искоренить ее с чадами.

Должно насаждать в себе добродетели, которые все соединяются в одном — в самоотверженной любви.

Затем восходить к совершенству по трем ступеням:

1) Познание своей глубокой немощи и бессилия, через что душа познает Божию помощь и молится.

2) Всегда во всем и за все укорять себя. Самоукорение заменяет досады и бесчестие и приводит в покой.

3) Благодарное перенесение скорбей и искушений. Посредством искушений душа усовершенствуется.

Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верой к пастырю, не отступает от него даже до крови; особенно же если она получила через него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: «*Ни Ангелы, ни Начала, ни же Силы, ни ина тварь кая возможет нас разлучить от любве Христовы*» (Рим. 8, 38). Богу слава. Аминь.

Христианский аскетизм

Христианский аскетизм наиболее резко выразился в монашестве. Как известно, в первые века Христианства монашеские корпорации образовывались из людей, бежавших частично от гонений, частично от тяжких для них условий жизни среди общества, погрязшего в роскоши, разврате, преступлении, насилии, — общества, на которое повлиять словом или примером казалось для них невозможным. Оставив позади себя, за стенами монастыря или за пределами пустыни греховный мир, истинный монах продолжал болеть о нем и, не имея сил служить ему, молился о нем, плача в то же время о собственном грешном бессилии.

Итак, монах-отшельник в молитве сохранял связь с оставленным им миром. Он молился о спасении угнетенных и скорбящих, о прощении и обращении угнетающих и оскорбляющих.

Мало того, скорбь души его просила подвигов. Молясь за голодных, холодных, труждающихся, он добровольно делил их участь.

«Взем крест», монах добровольно следовал за Христом, приобщаясь, насколько у него было сил, страданиям своего Учителя. Девизом своим он брал слова св. Апостола: «Аз язвы Господа моего Иисуса на теле моем ношу» (надпись на парамане) — и помнил, что не за Себя страдал Христос, а за весь мир. Постоянное общение с Богом, источником любви, не могло пройти бесследно.

Божественная любовь проникала в его сердце, пробуждала в нем небывалую силу. И мы знаем, что молитвы первых христиан-подвижников не остались бесплодны. Никогда, живя в мире, не могли бы они так на него влиять, так пробуждать его к духовной жизни.

Только созерцание их удивительного отречения от всего, что привыкли люди считать за благо, могло пробуждать сознание, что есть еще другая высшая жизнь, что плотские наслаждения, для которых люди готовы были на все преступления, не исчерпывают всего данного на земле людям блаженства.

Нам ли не помянуть добрым словом монашество, создавшее великую и религиозную мощь России? Вспомним великих светил нашей Церкви. Не из пустынь ли и монастырей выходили они оглашать изумленный мир смелыми глаголами правды?

В древности монастырь был портиком, куда в глубоком смирении, трезвении и молитве возлюбившие Христа приходили искать высшей мудрости Богопознания. Правда, и из духовных академий выходят по временам монахи. Но, окончив курс наук, они сразу вступают на поприще административной деятельности, как заведующие духовно-учебными заведениями или как представители высшей церковной иерархии, — в том и другом случае, к сожалению, со всеми правами и преимуществами, повышениями и наградами, которыми обставлена всякая гражданская служебная карьера. Несомненно, из этого, если можно так выразиться, светского монашества вышло немало замечательных умов и деятелей, людей высокой жизни и истинно христианского духа. Но это только единицы, которых нравственный характер и мировоззрение выработались благодаря различным случайным обстоятельствам. С монастырской жизнью они по большей части вовсе не знакомы и никогда не проходили ее властной, незаменимой школы.

Божественная философская система, именуемая учением Православной Церкви, выработанная и изложенная на семи Вселенских соборах, развивается и уясняется все далее и далее богословской наукой, для которой, по многим причинам, лучшая, а может быть, и единственная сфера процветания — монастырь.

Десять правил монаха Леона как спасти душу

Как спасти душу?

1. Покайся и обратись ко Господу, познай свои грехи и оплачь их в сокрушении сердца.
2. Пребывай в Боге умом и сердцем, и телом трудись в исполнение своих обязанностей.
3. Блюди сердце свое от худых помыслов и чувств — гордости, гнева, осуждения, пристрастия и проч.
4. Всю жизнь свою принеси в жертву Богу и живи уже не для себя, а для Бога, творя одно угодное Богу.
5. Смиренно предай себя в волю Божию и в терпении стой твердо в порядках спасительной жизни.
6. Подпорою для этого пусть будет у тебя всегдашняя забота о стяжании живой веры, надежды и любви.

7. Орудие такой жизни — молитва, пост, бдение, уединение, труд, частое говение, чтение Слова Божия и проч.

8. Огради себя страхом Божиим: помни, последняя — смерть, суд, ад, Царство Небесное.

9. Более всего внимай себе: храни ум трезвым и сердце несмущенным.

10. Стяжи духовный огонь благодати Божией, чтобы он попалил терние страстей грехов твоих и насадил в сердце твоем семена добродетелей.

Так устройся и благодатью Божией спасайся!

Основа жизни

«Ищите прежде Царства Божия и правды Его и все приложится вам» (Мф., 6, 33).

Пред очами Бога ценны в человеке «сердце — чище злата, и воля крепкая добре». Богу не угодна и самая молитва наша, если она идет из сердца, не озаренного истиной и любовью.

Лучшие между мудрецами предлагали человеку: «Прислушайся к голосу совести». Моисей повторял: «Будь верен заповедям Иеговы, твоего Бога, ибо Он страшен». Господь Иисус Христос говорил ученикам: совесть заблуждается, закон есть иго для рабов, а вы взирайте на данный вам образ Божества. *«Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть»* (Мф. 5, 48).

Пример Его — вот наш закон. Его Дух — вот наша сила. Отныне высшим законодателем всей человеческой жизни, истинным властелином людских душ, желаний и поступков должен быть Дух Божий.

В Св. Евангелии ясно отличаются понятия о загробной жизни и о Царствии Божием или Небесном. *«Наследуйте Царство уготованное вам от создания мира»* (Мф. 25, 34). *«Да не смущается сердце ваше... В доме Отца Моего обителей много»* (Ин. 14, 1–2). В обоих случаях одинаково ясно указывается, что обычно понимаемое «Царство Небесное», царство славы уже «уготовано», есть совершившийся факт. Царство же Божие, о котором говорится и в притчах, и в молитве Господней, и в указании конечной цели деятельности человека, еще не наступило во всей полноте; оно дело более или менее отдаленного будущего.

Основанное на земле Христом Спасителем, это Царство надлежит дальнейшему устроению, имеет еще прийти. Мы просим: «Да приидет Царствие Твое!» Мы не говорим: да будет создано или да сотворится Царствие Твое, но да «приидет», потому что ему уже положено начало, но оно не охватило еще все человечество, не включило еще в свои пределы нас. Небо не освятило еще землю, Бог не вселился еще полностью в сердце человека.

Это Царство наступит, когда наше миросозерцание будет проникнуто Евангельским духом, когда весь строй нашей жизни будет соответствовать требованиям Божественной правды, когда наши симпатии будут дышать чистой Христовой любовью.

Царство Божие — это праведная, нравственно совершенная жизнь людей на земле, пробужденная Христом Спасителем и устрояющаяся по Его Евангельскому завету.

Торжество подобного Царства состоит в полной победе добра над злом в человеческом сердце.

«*Если не покаетесь,* — говорит Божественный Предвозвестник новой жизни, — *не можете войти в Царство Божие*» (Ин. 3, 5), т. е. передумайте, перемените ваши мысли, измените основную точку зрения — и жизнь свою по св. Евангелию.

Будьте в малом верны нравственному закону, как в большем. Если оно (Царство Божие) не войдет в плоть и кровь человека, не преобразит в нем духовную природу, не станет его жизнью, силой и если эта сила не будет бить ключом, Царство Божие для того не наступит. «*Царство Божие внутри вас есть*» (Лк., 14, 20–21). Таким образом, история Царства Божия — есть история людской души. Оно зарождается в тайниках человеческого сердца и должно сначала укорениться внутри нас.

Для сынов Царства Божия весь внешний мир со всеми его вещественными благами должен быть лишь средством к достижению цели, лежащей вне его и выше его. Все создано на пользу и на радость человека, но ничто созданное не должно властвовать над нами.

Проповедь Спасителя начинается и оканчивается призывом всех труждающихся и обремененных к самой полной и совершенной радости.

«*Все это сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна*» (Ин. 15, 2). Христос воскрес, а с Ним воскресли добро и правда. Да приидет, Господи, к нам Царствие Твое! Аминь.

Предостережение

Желая святотатственно и как бы насильно восхитить умно-сердечную молитву, о которой он читал у святых отцов отзывы, что она есть наше высшее благо и верх совершенства, мнимый подвижник нажимает ум на сердце, по неразумию своему думая, что именно этим способом откроется ему сердце и войдет он во святилище Божие и вкусит небесного блага, будучи к тому неспособным и не приготовленным никаким средством; и это посягательство на честь Божию, т. е. сердечную молитву, кончается тем, что в сердце он не взойдет (потому что оно открывается перстом Божиим, когда Господь находит это благовременным, именно когда человек достаточно образует себя, как в деятельной жизни — в побеждении страстей, так и в первых двух степенях Иисусовой молитвы — в устной и умственной), а разогреет кровь, которая около сердца; послышится ему сильная теплота близ сердца, он думает, что эта духовная теплота и есть плод усилий, рад бывает и еще более продолжает трудиться в этом роде. Но это — теплота чисто кровяная, тревожная и для чувства сердечного всеконечно неприятная.

Хорошо, если на этом пункте он бросит свое домогательство и выйдет умом во внешнюю молитву — тогда у него кровяное возбуждение может остаться без последствий. Но если он продолжит свое неправильное действие, то эта теплота, умножаясь, упадет на нижние части и там произведет движение плотской похоти. Тогда неразумный молитвенник, видя такую беду свою и неожиданное приключение, хулу наносит на молитву, говоря, что она является причиной такого злополучия[20].

Некоторые держат молитву в голове и от этого претерпевают сильнейший жар в головном мозгу, даже иногда с опасностью потерпеть удар. По этой же причине бывают и головные боли. Все это есть непонимание и незнание дела.

Чтобы стать на дорогу и не заблудившись дойти до Христа, прежде всего надо помолиться Богу: «Господи, научи ны молиться». И только тогда начинать с первой начальной степени: со всяким благоговением, радостно

[20] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о молитве и духовной жизни // Собрание сочинений. В 25-ти томах. — М.: Правило Веры, 2008. — Письмо 11(244) — С. 50–51.

произносить устами, т. е. языком, имя Господне, как величайшую святыню Божию. Днем и ночью при всяком занятии произносить устами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

На этой степени Иисусова молитва называется трудовой, деятельной, устной, телесной. И блажен ты, и добро тебе будет, потому что Бог не обидчив: Он даст тебе вкусить молитву душевную и духовную по времени.

Из каких слов состоит молитва Иисусова?

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!»

Цель ее — существо жизни о Христе Иисусе, жизни духовной — состоит в переложении душевно-телесности в духовность, или в одухотворении души и тела.

Момент, с которого начинается это одухотворение, есть зарождение в сердце неотходной теплой молитвы ко Господу — знак сочетания его с Господом. Сердце — корень жизни и всех проявлений ее. Когда оно возобладало духом, тогда через него дух естественно начинает проникать в весь состав естества нашего и его одухотворять, тогда ум начинает насыщаться Божественной истинной, весь ею проникаясь, во всем ее объеме, воля — святыми настроениями и расположениями, всеми добродетелями, сердце — святыми чувствами, вместе с тем и тело становится воздержанно, трудолюбиво, живо, бодренно, целомудренно.

Подвижник, трудясь и подвижничествуя, ищет очищения сердца и восстановления духа. К этому два пути: деятельный и умозрительный.

Последняя цель искания духа человеческого есть Богообщение и Боговселение; таковые суть храм Божий, и дух Божий живет в них.

Как достичь этого через Иисусову молитву?

Имя Господа Иисуса — сокровище благ, сил и жизни в духе. Св. Григорий Синайский говорит: «Бога стяжеваем или деланием и трудом, или художным призыванием имени Иисуса, и потому полагаем, что первый путь длительнее последнего. Последний скорее и действительнее».

Вследствие этого иные первое между подвигами место давали молитве Иисусовой. Она просвещает, укрепляет, оживляет, всех врагов видимых и невидимых побеждает и к Богу возводит. Такая всемогущая и вседейственная!

Отсюда само собой следует, что всякому покаявшемуся или начавшему искать Господа, можно и должно знать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с ней уже вводить во все другие, по «Добротолюбию».

Потому что этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего. Не зная этого, иные, или большая часть, останавливаются на телесных и душевных деланиях и почти что праздно тратят труды и время.

Делание это названо «художеством», и оно очень просто. Когда стоишь со знанием и вниманием в сердце, произноси непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», без всякого образа и лика, по вере, что Господь зрит тебя и внимает тебе.

Но условие высшее — вера, что Бог близ и слышит нас. Навык этот низводит теплоту в дух, а далее просветление, потом и восхищение. Но все это достигается годами и трудами.

Сначала молитва эта долго только как деятельная, как и всякое делание, потом переходит в умную и, наконец, внедряется в сердце[21].

Утвердившись внутрь, ревность свою обращает на дела самоисправления от нечистот и страстей, на высвобождение своих сил и укрепление их в деятельности богоугодной.

По мере удаления страстей является тяготение к Богу как верховному Благу. Оно возможно под условием ощущения сладости жизни в Боге или вкушения, сколь благ Бог. Восхождение ума к Богу, или тяготение к Нему, образуется по мере укрепления внутренних деланий, именно:

1) Умом ходить пред Богом; 2) все творить во славу Божию; 3) ходить по воле Божией. От этого ум навыкает стоять в зрении Бога, с Его бесконечными совершенствами, и вместе с этим совершенствуется благоговейное Богу поклонение духом, когда он, в болезненном взывании к Богу, падает пред Ним в самоуничижении, яко тварь с сознанием того, что он — приемлемый, милуемый и ущедряемый.

Вследствие этого будут появляться неудержимые влечения внутрь и к Богу восхищение. Стремление к Богу — цель. Только такого рода тяготение и показывает, что мы в своем чине, что Бог восприемлет нас, что мы идем к Нему.

Знамение этого тяготения в духе — охотное, тихое, не напряженное внутрь пребывание пред Богом, сопровождаемое чувством благоговения, страха, радости и т. п.

---

[21] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики // Собрание сочинений в 25-ти томах. — М.: Правило веры, 2008. С. 429–431.

Дух обретает внутрь себя Царство Божие, которое есть мир и радость о Дусе Святе. Такое погружение внутрь, или погружение в Бога, называется умным безмолвием или восхищением к Богу. Бог в нас. Когда дух наш в Боге истинно, ибо это есть не мысленное общение, а живое, безмолвное, отчужденное от этого погружение в Бога[22], тогда ветхий человек умирает, воскрешается же душа и является новый человек.

Простите, ради любви и послушания это начертил, и прошу Бога ради неправые мысли мои поправить и вразумить, посторонним же об этом никому не говорить.

Примечание

Монаху нет пользы от прочих добродетелей, если ум его не будет противником его желаний, который с точностью и великим благоразумием управлял бы закрытием и открытием сердца и знал бы, кого нужно изгонять и кого вводить, и злым желаниям не позволять и родиться, а зародившихся подавлять и иссушать в самом корне призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа.

Где находится тело, там пусть будет и ум, чтобы между Богом и сердцем не было никакого средостения или преграждения, помрачающего сердце и удаляющего его от Бога.

Молиться нужно так, чтобы ум был всецело собран и напряжен, и должно призывать Бога со скорбящей душой, не растягивать молитву, а говорить немного простым словом. Дело в трезвенности ума, и частая молитва, с небольшими перерывами[23], с верой и терпением просить полезного. И чтобы совесть нас не осуждала как просящего нерадиво или легкомысленно. Тогда получим как раз то, что хочет Бог.

Помысел недобрый, насильно ворвавшийся внутрь, нужно задушить внутри себя и не допускать, чтобы он обнаруживался вовне, словом или делом.

Способность к сосредоточенности внутренней жизни развивает душу к уединению, молчанию и делает человека способным к безмолвию и пустыне.

---

[22] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики // Собрание сочинений в 25-ти том. — М.: Правило веры, 2008. С. 431–434.

[23] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Созерцание и размышление. Краткие поучения. — М.: Правило веры, 2007. С. 198–199.

Разумный пустынник пребывает внутри себя, храня чистые помыслы ума своего и святые чувства сердца, стоит пред лицом Бога, которого и зрит по среде сердца своего. «*Жив Господь сил, Ему же пред предстою днесь*» (3 Цар. 18, 15). Нужно обладать уменьем побороть вражеские помыслы оружием. Победе над ними служит молитва Иисусова. Содержанием пустынной жизни служит непрестанное упражнение Иисусовой молитвой, так что и самое правило монашеское должно подчиняться ее действию. Это состояние есть выше всех наших подвигов и занятий. Оно есть цель. И если мы пребываем в этой благодатной молитве, она покажет путь к Богу.

Одна слеза истинного покаяния дороже в очах Божиих, чем бездушный формализм исполнения всей обрядности. Скорее способен к исправлению жизни человек, погрязший в грехах, нежели имеющий жизнь бездушной обрядности и формализма.

Примерами сему могут быть мытарь Матфей, также Закхей, блудница и пр., которые враз изменились изменением добрым.

«Божественный и неподражаемый, образ "Христа Спасителя", изображенный в св. Евангелии, привлекает к себе всех. Он-то и заставляет всех повергаться пред ним долу на земли». Христос явился на земле как свет Божественный и любовь беспредельная, как правда святая и источник всякого духовного совершенства. Он наполнил всю землю милосердием и любовью — видимо плотскими очами.

Весьма плодотворно действует чтение богословских книг по Причащении Христовых Тайн, а равно способствует ко внимательному трезвению Иисусовой молитвой. Несмотря на усталость тела по бдении и ранней Литургии, душа горит любовью ко всему духовному и Богу.

Великая ошибка у монахов, когда они хотят заменить приобретение Иисусовой молитвы делами послушания!.. Для молитвы Иисусовой пустыня есть родная мать и развивает умозрительное житие, которое поставляет пред лицом Бога, озаряющего нас светом лица своего. Необходимо держать все свои силы в присутствии Божества — это достойно величия Божия.

Сердце, чающее Христова утешения, надо наполнить глубокой печалью о своих грехах. Очищать его от скверных помыслов и блудных мыслей.

Сознавать себя падшим, растленным и совершенно бессильным к творению добрых дел и молить Господа — о смирении, об ожидании благодатной помощи и помиловании временном и вечном.

Молитва есть благо неоцененное в нашем сердце. И это происходит от сочетания нашего сердца с Господом, т. е. соединение с Господом наших душ и делает нас общниками Божественного естества. Вся высота нашего духовного преуспеяния открывается тогда, когда сердцем сознаешь, что хуже всей твари на земли живешь, и узришь свое окаянство во всем, и сознательно ощутишь нужду в помощи Божией.

«Спасаяй да спасет свою душу», т. е. с особенным тщанием нужно хранить себя от всего соприкасающегося с нами, не прилагать сердца к тому, что окружает нас. Ныне время, стремящееся к уничтожению всякого духовного проявления, и нужно обоими глазами познавать истину жизни монашеской: пребывать внутри себя, углубившись в делание Иисусовой молитвы, как бы будто был только ты да Бог.

Ум наш, познавши свое истинное благо в Боге, чрез свое к Нему постоянное прилепление, есть истинный мудрец, философ и зритель глубоких сокровенных тайн. Кто познал сию истину — тот ощутил силу и сокрытое Причастие Божества в имени Иисуса Христа, прилепился к Нему и водворил его в сердце своем, как любовь и Божию красоту. Вот здесь — в этом пункте и точке — исчезают, как пылинка в бесконечности, все наши существа.

Чтобы не быть отторгнутым за леность, нерадение, расточение ума и высокое о себе мнение, узнав Божие милосердие, необходимо стараться неуклонно пребывать в области духовной. А именно имя Иисус Христово носить в себе честно, благоговейно, со страхом и трепетом, как величайшую святыню Божию.

Труды монаха

Чтобы научиться быть монахом и стяжать через художество молитву к Богу и соединиться с Господом, прежде всего нужно возжечь ревность к духовной жизни, сдружиться с терпением, одеться в смирение, постоянно укорять себя во всем и, взявши меч духовный, что есть Слово Божье, встать на поле битвы и со страхом Божиим смотреть за неприятелем, оставив все попечение и суету дел и беседы, пребывать постоянно у ног Спасителя Иисуса.

При молитве не ищи у себя места сердечного, не углубляй слишком ум внутрь себя с силою, а держи его свободно и взирай за помыслами.

Имей Страх Божий, и от этого упражнения будет очищаться сердце.

Во время молитвы приходит теплота в начале: 1) очистительная, которая исходит от главы, тогда тело издает пот как в бане; 2) теплота от почек, она рождается от естественного подвига, а не есть прелесть, как иные думают; 3) исходит теплота от сердца, когда ум будет погружаться в область сердечную, — и тогда является духовная теплота. В это время ум приходит в исступление, т. е. остановится всякое мысленное движение. Ум бывает чистым и радостным во ужасе, а в сердце яко угль палящий... Тогда движение молитвы приостановится. В это время не приходит ни сон, ни уныние, ни отягощение, — все это исчезает яко дым, и дух парит сильною любовью к Богу и услаждается Божественными вожделениями.

Прелестная теплота приходит снизу от чресл, она происходит от самоуглубления во время молитвы, когда ум бывает напряжен внутрь и оттуда начинает происходить неприязненная теплота и разжигает и касается к похотной части: ум бывает тогда смущен и находит на него блудное вожделение, такая теплота от неприятеля[24].

Когда будешь приседеть[25] на молитве, то будет тебе приходить некая внутренняя боль, а именно: кроме области сердечной будет происходить такая в таком месте, как, например, в груди или под ложечкой или в животе или в другом месте. Это происходит от напряжения ума и неправильного внимания, потому что ум не достиг еще места сердечного, а ты его насильно туда втискиваешь. Этого никак не должно делать. А держи, как мы уже выше сказали, внимание на словах молитвенных вольным и свободным духом и с сердечным чувством, т. е. чтобы умное око видело слова молитвы, а сердце чувствовало, что глаголешь, или держи внимание сверху сердца, сердце имеет свое место под левым сосцом, а ты держи внимание сверху левого сосца — а в глубину его не допускай, а то ум погрузится под чрево и будет там причинять боль неприятную или будет воздвигать теплоту непотребную, и можно дойти до того, что нельзя будет и молитвы творить[26].

---

[24] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о молитве и духовной жизни. Указ. соч. С. 50–51.

[25] Это слово используется монахами-исихастами для обозначения продолжительного пребывания их наедине со Христом, что достигается ими посредством моления именем Иисусовым. (См.: *Дьяченко Григорий, свящ.* Полный церковно-славянский словарь. Репр. Изд. — М.: Изд. Отдел Московского Патриархата, 1993. С. 502).

[26] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* Приношение современному монашеству / О мо-

Когда ум сам достигнет сердца, тогда будет сердечная приятная боль, тихая, без смущения, желательная на всю жизнь, и тогда ум и внимание будут безвыходно там пребывать. Именем Иисуса очищай свое сердце от всякой суетности, трезвясь умом день и ночь до самой смерти.

От внутреннего духовного делания приходят слезы: 1) от познания самого себя — собственной худости, греховности т. п., от сокрушения сердечного прольются слезы ПОКАЯННЫЯ; 2) от чтения св. книг и молитвы, когда ум станет входить в словесную силу, то сердце приходит в умиление и рождаются слезы УМИЛИТЕЛЬНЫЕ; 3) от удаления человека от суеты собеседования всякого и погружения в некую Божественную печаль и в недоумении о самом себе внезапно приходит сильная радость, от которой человек плачет и про свою печаль забывает. «*Блаженны плачущие яко тии утешатся*», эти слезы УТЕШИТЕЛЬНЫЕ; 4) бывают слезы, называемые СОЗЕРЦАТЕЛЬНЫМИ, которые происходят от сильной любви к Богу, они тогда приходят к человеку, когда ум взойдет в некое тонкое видение, тогда сердце распаляется как огнем и простирается в сильную любовь Божию, будто оно Его видит, а душа как бы хочет вылететь из тела и не знает, что делать; одно только — радуется и от радости плачет, и от сильной любви и радости тогда человек делается как бы не свой в себе, изменился изменением десницы вышнего[27].

Когда захочешь внимать трезвенной молитве, то, севши на седалище твое, сразу не берись за молитву, а несколько минут так посиди и успокой все свои чувства, всякие волнения духа. Когда остановятся все чувства от дневного всякого рода смущений сердца нашего и дух успокоится совершенно, таким образом введешь ум свой в мысленный свет и будешь видеть, какие и откуда будут приходить ратники и ополченцы.

Мирным и не смущенным духом смотри строже за мысленными движениями и притом держи меч духовный и ополчайся на врагов и разбивай их, как Вавилонян о камень Иисуса Христа Господа нашего[28].

литве устной, умной и сердечной // Полное собрание творений. В 8-ми томах — М.: Паломник, 2003. С. 99–100.

[27] Ср.: *Иоанн, игумен Синайской Горы, прп.* О радостотворном плаче // Лествица, возводящая на Небо — М.: Изд-во «Лествица», 1999. С. 83–91.

[28] Ср.: Иже во иноцех Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Художество и правило, с Божиею помощию совершенное... // Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения... — М., 1793. Л. 64–65.

При творении молитвы ум наш должен видеть и вникать в слова молитвенные, т. е. произносить их нескорым ходом и с рассматриванием словесной силы их, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»[29]. Держи внимание непременно на сих словах и произноси их с сердечным чувством так, чтобы сердце чувствовало, что говоришь. И тогда бывает все собрано, т. е. слово, ум и сердечные чувства соединены в едином духе, тогда человек молится троичным образом, т. е. умом, словом и духом, Св. Единосущной Троице — Богу нашему.

Если хочешь достичь совершенства, то поселись в уединенном месте и безмолвствуй с разумом, тогда обрящешь молитву. Когда монах в келлии, то сеет, а как вышел, то развеет. Когда укроешься от людей и суеты и, насколько будет возможно, претерпишь келейный вар, тогда ум переработает все ближние помыслы, а в дальних будет ослабевать, потому что будет его укрощать, возвращать к себе. Когда ум все помыслы переработает, новых не будет, а старые будет забывать, тогда он волей не волей будет углубляться внутрь себя и перейдет к сердечному безмолвию. От безмолвия рождается молитва. От молитвы и уединения является сердечное сокрушение. От сокрушения происходят слезы. От слез ум переходит к созерцанию. От созерцания ум познает тварь, чрез которую познается и Творец — Бог.

Чтобы достигнуть, увидеть в своем сердце сокровища скрытые, т. е. Царство Божие, необходимо приложить труд: стяжать терпение, одеться в смирение и, укоряя во всем себя, очистить сердце от страстей. Для этого требуется внимание к помыслам, прилогам, сочетаниям, пленениям, страстям. Не давай им долго пребывать, а избивай их, отгоняй вскоре от града, т. е. от сердца удаляй беззаконие[30].

По вражескому наваждению, если будешь кем оскорблен и душа возмутится, тогда помыслы покроют тебя, как тучи, так, что и жизни не рад будешь, и отойдет сон от очей, и будешь себя видеть обиженным и правым. Тогда сделай вот что: открой св. Евангелие и читай его со всяким усилием и вниманием час и более, возьми св. Псалтирь и читай кафизмы стоя, если можешь,

---

[29] Ср.: *Иоанн, игумен Синайской Горы, прп.* О радостотворном плаче // Лествица, возводящая на Небо. — М.: Изд-во «Лествица», 1999. Сл. 28. Гл.17. С. 216.

[30] Ср.: Устав Нила Сорского // *Нил Сорский, Иннокентий Комельский, прпп.* Сочинения. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. С. 103.

и, наконец, протяни за обидчика четку. И так продолжая, наконец дойдешь до того момента, когда успокоишься по милости Божией.

Чрез умно-сердечную художественную трудовую молитву человек достигает совершенного единения с Господом, благоразумно восходя по степеням молитвы, начиная снизу вверх, как по лестнице.

1-я, деятельная — общеупотребительная, состоящая из чтения положенных церковных молитв или молитвы художественной Иисусовой (если тебя нет на службе, то повторяешь означенную молитву за службу необходимое количество раз); 2-я, трудовая — которая должна совершаться со вниманием и трезвением;

3-я, непрестанная — самодвижная, от принуждения непрестанно трезвиться она прививается;

4-я, умозрительная — бывает от великого безмолвия и мира и глубокой трезвенности;

5-я, созерцательная молитва — бывает, когда ум достигнет места сердечного, где, возненавидев злые помыслы, будет разбивать их о камень, т. е. Христа Иисуса, и ум будет восходить на созерцание тварей, в радости сердца своего познает и Бога, тогда открывается и любовь ко всему окружающему его;

6-я, духовная молитва — творится сама собой в сердце, и человек приходит в великое удивление от восторга и радости и слез умиления, сердечное чувство горит — ум входит в духовный мир;

7-я, умно-сердечная — исступление, когда человек будет субботствовать, от помыслов и мечтаний суетных;

8-я, восхитительная — которой сподобляются из рода один раз.

Если желаешь проходить мысленным путем и проводить безмолвную жизнь и иметь одну непрестанную молитву, то прежде всего пройди послушание в обители или поживи под старцем несколько лет, и когда увидишь ревность достигнуть очищения сердца, то оставь все попечение, имея веру и надежду на Господа, гряди на Крест (с советом опытных). Найди удобную пустынь и с терпением возьмись за молитвенный труд, непрестанно твори молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». С трезвением ума очищай сердце от всякой скверны и потом уже будешь чисто молиться в сердце.

Будешь просить Господа, чтобы Он подал нам свою помощь, сняв с нас ветхого человека, и отклонил различные препятствия внешние и внутренние, и помог шествовать путем праведным по пути к вечному спасению. Аминь.

Как избавиться от прелести?

Есть много таких людей, которые, достигнув совершенства в добродетелях и возгордившись, ниспали с высоты в пропасть.

Тщательно нужно наблюдать: усердны ли молитвы? Не нарушена ли чистота сердца? Не занят ли ум посторонними мыслями во время молитвы? Всею ли душою своею отвергся от мира? Наблюдая за чужими добродетелями, в то же время не тщеславился ли своими собственными мнимыми добродетелями? Заботился о том, чтобы представить собой добрый пример прочим людям?

Человеку, всегда помышляющему о Боге, должны быть чужды мысли о всем мирском и суетном, ему открываются тайны Божии, и он видит будущее как настоящее, и, подобно святым, творит чудеса, и получает в молитве своей все, что у Бога попросит.

Искушения по коварству демона постигают пустынников за добродетельную жизнь так: являются помыслы высокомудрствования — что он достойнее других пред Богом и более всех других людей имеет права на получение от Бога благодати и благ небесных и т. п.

Зарождается вскоре незначительное уныние, потом развивается и леность. Затем, если встал ото сна позднее обыкновенного времени, молитва становится короче. Помыслы говорят: необходимо отдохнуть немного. И соизволяем помыслу, сердцем же смущаемся. Являются греховные мысли и услаждение ими, является похоть любодеяния, и на постели представляется лежащая женщина. По утрам сильно смущают нечистые мысли и загорается похоть плотская. Голова наполняется множеством суетных мыслей, влекущих из пустыни в мирскую жизнь. Так высокоумие смиряет человека!

Поэтому необходимо любить смирение, как в великом, так и в малых вещах, дорожить безмолвием, пребывая в богомыслии и моля всегда Бога о том, чтобы Он даровал нам ум чистый, свободный от греховных помыслов. Достоин похвалы, конечно, и тот подвижник, который, живя в мире, упражняется

в добродетели, оказывая странноприимство; или пребывая без гнева, или подавая милостыню, или помогая другим в трудах. Такой человек достоин похвалы, потому что пребывает в добродетели, исполняя заповеди Господни, не оставляя и земных дел. Но лучше этого и достоин похвалы большей будет тот, кто, пребывая постоянно в богомыслии, от вещественного восходит к невещественному, предоставляя вещественное попечение заботе других, сам же стремясь к небесному, постоянно предстоя пред Богом, отрекшись от всего мирского и уже не привязываясь снова к миру попечениями о земном. Такой человек близок к Богу, Которого он прославляет непрестанно в молитвах и псалмопениях своих.

Человек должен бескорыстно любить, помня то, что любовь состоит не в одних сладких ощущениях, не в одних восторгах. Она (любовь) состоит и в терпении всего ради любимого и в исполнении воли любимого, хотя бы он не обращал на то внимания.

Чтобы душа постоянно ощущала радость и было легко телу, то нужно сдружиться с постом душевным — смирением.

При начале творения внутренней Иисусовой молитвы, если почувствуешь упрек совести за какой-либо поступок, а особенно за вражду и обиду, то остановись, принеси покаяние пред Богом, смири себя самоукорением. Иисус Христос есть мир и любовь. Чувствуя мир в себе и любовь, можно приближаться мысленно ко Христу с дерзновением.

1) Отчего у меня нет страха Божия, страха благодатного? Оттого, что много смелости, наглости, отважности, бесстрашия природного — естественного!

2) Отчего у меня мало благодати? Оттого, что много природы!

3) Отчего у меня мало благодатной жизни? Оттого, что много жизни естественной!

4) Отчего у меня мало благодатной радости и мудрости? Оттого, что много естественной, греховной печали и много естественного мудрования!

5) Отчего нет благодатного смирения? Оттого, что много гордости!

Душа моя загромождена природой, а благодати нет там места, где природа! — Кое общение света со тьмой?

Как начать приближаться к Богу?

Так как я нечист по причине служения страстям и сатане, то и нечего мечтать, что мне можно приступать к Богу, с сыновним дерзновением и дружественною любовью. Надо поставить себя в смирении и боязливости пред Богом — вдаль от Него, посматривая на праведный Его гнев с печалью о грехе, с самоосуждением, с благоговейным трепетом: таковым расположением духа, если оно будет искреннее, можно привлечь к себе милосердие Божие и, с терпением подвизаясь в покаянии, удостоиться ощутительно в сердце присутствия Святого Духа.

Единственная цель

Хорошо в Божьем мире. Надо любить всю ширь мироздания, любить и каждую былинку в поле.

Что из того, что материя бунтует, что одна тварь терзает другую? Над всем этим струится волна любви, и человек, осиливая веления плоти, все больше и больше проникается любовью, состраданием, жаждой уничтожить зло, оставить одну любовь.

Любите Создавшего мир, любите людей, все созданное и прощайте зло, гасите его любовью.

Придет время, и в человечестве окрепнет, уяснится сознание, что единственная в мире сила — это сила любви и что любовь — это жизнь.

То, что зло, что ненависть, то погибнет, ибо зло есть смерть.

Живет лишь любовь, и к ней, вечному Богу, сознательно стремится человечество.

СХИМОНАХ ИУЛИАН (ТРОЯНСКИЙ)

Мирское имя — Иван Михайлович Троянский. Мещанин из города Елабуги Вятской губернии. Имя матери — Екатерина. Родился в 1859 году. Прибыл на Афон и поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь в 1882 году, пострижен в рясофор с именем Иоанн 5 апреля 1884 года, в мантию с именем Иувиан 8 апреля 1886 года, в схиму — 18 марта 1909 года. Послушание проходил в канцелярии. Преставился 3 октября 1912 года.

Оставил рукописный дневник (РПМА, слав. 836), где изложено учение о Иисусовой молитве. Нам не удалось доказать, что он является автором этой рукописи, так как нет прямого указания на это и также в рукописи не указаны первоисточники. В любом случае оставленная им рукопись очень полезна и поучительна интересующимся Иисусовой молитвой, поэтому мы и включили эту рукопись в настоящий сборник.

О молитве

Молитва как стремление и возношение нашего духа к Богу и беседа с Богом есть необходимая естественная потребность нашего духа. Богоподобному духу нашему также свойственно стремиться к небу, к источнику своего бытия и первообразу своему — Богу, как телом вещественного мира тяготеть к земле — средоточию своему. И это восхождение к Богу в сердце нашем положил Сам Творец. Это течение жизни нашей в жизнь вечную провела и направила Его рука благословляющая. И здесь-то лежат основания и начатки молитвы как возношения духа нашего к Богу. Здесь-то основания, почему молитва к Тому, кто вдунул в нас дыхание жизни, также сродна и необходима для жизни нашего духа, как необходимо вдыхание воздуха для жизни телесного состава. А потому непререкаемая истина: кто не имеет молитвы, тот бездыханен по духу. Живет и здоров духом по сходству с жизнью и здоровьем тела тот, кто чувствует позыв на пищу Тела и Крови Христовой, имеет этот голод и жажду святую, чувствует желание к движению на дела благие да в них ходит и кто имеет дыхание молитвы, и дыхание легкое и свободное. Напротив, у кого нет этого движения — на дела благие — и этой алчбы и жажды, у кого и само дыхание молитвы трудное и тяжелое, тот нездоров, болен духовно. А у кого вовсе нет и самого даже дыхания молитвенного, кто живет без молитвы, тот мертв духом – бездыханен. Так необходима для нас, так естественна молитва! Но она и в другом отношении необходима для нас, необходима нравственно, как высочайшая обязанность и святейший долг наш. И этот долг, это требование, как семя, заложено даже в 1-й заповеди: возлюбишь Господа Бога и проч. Здесь в любви уже заключено стремление и возвышение нашего духа к Богу, иначе и быть не может. Любить Бога и не возноситься, не стремиться к Нему духом — невозможно. Где любовь, там и стремление. Где нет стремления, нет и любви. В этой главной начальной заповеди Господней заключается не только заповедь о молитве, но и заповедь о непрестанной молитве, возвещенная потом через Апостола, который говорит о необходимости непрестанно молиться. Ибо заповедь повелевает нам непрестанно молиться и не просто любить Бога, а любить всей крепостью своей и всем помышлением своим, т. е. любить всегда и от всей силы души — значит и стремиться к Нему любящим духом, всегда и везде. Как непрестанны дыхание и любовь!

Молитесь! Требует от нас долг любви к Богу. Сын, любящий отца и мать, желает как можно чаще видеть их, подобно этому и любящий Бога жаждет молитвенного свидания с Ним, желает предстать, явиться лицу Его и засвидетельствовать чрез то свою любовь к Нему, зависимость от Него и свою покорность Ему. Кроме того, даже неразумные твари славят Бога им свойственным образом. Можно ли человеку, который носит на себе образ Бога своего, который одарен умом, способным познавать величия, и сердцем, исполненным стремления к Нему, — можно ли такому человеку не возносить молитв, похвал и славословия Богу? Если он не делает этого, то будет ниже самых неразумных тварей и станет разрушителем священнейшего долга своего.

Кроме того, сколько у нас нужд и недостатков, для удовлетворения которых нам нужно прибегать к Богу с молитвой и прошениями! Без Бога и Его помощи сам человек весь нужда и недостаток! Как всеведущий и всещедрый, Господь и без прошений знает наши потребности и нужды и готов исполнять их во благо наше. Но как премудрый и правосудный, дающий Свои дары милостиво, Он по многим причинам положил, чтобы мы через прошение принимали от Него дар и помощь.

Просите и дастся вам! Молитва есть ключ от сокровищницы всех благ небесных, от самого всемогущества Божия. Усердная молитва отвратит бедствия, со дна моря поднимает! Нет скорбей, которых бы не уврачевала молитва. Никакими скорбями не будет подавлен тот, кто усердно и часто возносит молитву к Господу, молитва, как веревка, прикрепляет дух его к небу. Даже самая мрачная скорбь рассеется вскоре, когда человек молитвенно предстанет лицу Божию и стоит во свете Его. Молитва сама по себе есть уже величайшее благо. Она возвышает, просветляет и освещает дух наш, благоустраивает все наше существо и жизнь, при ней и печали наши не будут мрачны и радости возмущены. Молитва вводит нас в общение с Богом, являющимся источником всякого блага, благоустроения и совершенства, которое не может не сообщаться в некоторой мере и нам, всему нашему существу.

Молитва вводит нас в общение с Богом. Молитвой мы приближаемся к Богу, а Он приближается к нам Своей любовью и благодатью, вступает в общение с нами как любовь и первообраз, благоволящий к Своему образу.

В нас Он есть Бог приближающийся, а не Бог далекий, и желает с нашей стороны только соответствия Его обращению к нам. Одно уже то, что молитва есть собеседование с Богом — Царем неба и земли, Владыкой вселенной, — является честью для молящегося! Это — ангельская честь, ангельское

занятие! Поэтому без противоречия истинно можно сказать, что лучше человеку не видеть солнца, нежели не молиться истинному и ведомому Богу. Солнце освещает вещи мира этого вещественного, его свет видят животные и насекомые, а молитва приводит нас к солнцу духовному — Богу и озаряет Его светом. Этот свет доступен только Ангелам и человекам, а потому молитва драгоценнее видения солнечного света.

Опытно подтверждают эту истину те подвижники, которые именуются затворниками, лишающими себя в пещерах своих видения солнечного, чтобы удобнее насыщаться светом молитвы. Без благодати Божией не может быть в нас никакого добра. Без молитвы не придет к нам благодать Божия, тем более не может пребывать в нас и сохраняться Бог молитвы. Не приучив себя к ней здесь, не воспитав дух ее в себе и не навыкнув к ней, человеку нельзя вступить на Небо и обитать на нем. Он не может попасть туда, как вовсе не готовый и не способный к небесной жизни, потому что существо небесной жизни — молитва.

И в Церкви Христовой, торжествующей — в Царстве славы — не прекратится молитва. Прекратится молитва просительная, перестанут звучать моления «Господи, помилуй! Подай, Господи!» Но молитва благодарения и славословия: «Аллилуиа! Слава Тебе, Боже!» — там еще более возрастет и восторжествует! И потому, кто еще не имеет и начатков молитвы — не вступит туда, где полнота и торжество ее, не войдет в святилище, не вступив в преддверие.

Можно молиться в храме и дома. Молитва храмовая — молитва, установленная Богом. Потому не участвовать в ней — значит быть нарушителем воли Божией. Молитва церковная, богослужебная свята. Она, так сказать, веет и дышит с неба, и дух ее мы должны вдыхать в себя. Церковь молится и говорит святым языком святых отец. Храм и сам по себе святое место, место особенное, место присутствия Божия, где очи, уши и сердце Господни милостиво обращены к нашей молитве. Потому молитва в храме особенно сильна и приятна Богу. Уже потому, что здесь не один, а многие едиными устами и единым сердцем молятся Ему в чувстве единодушия, это столь угодно Богу.

Нужно молиться и дома, чтобы ни один день не проходил без молитвы. Молитва сама по себе, как беседа с Богом, особенно покаянная, любит уединение. Это тайна сердца — высокая, глубокая, святая. А тайна любит уединение. Нужно молиться сердцем. Бог есть Бог сердца, а не уст.

Молитву сердца Бог слышит и без молитвы уст. Ее-то, кстати, Он особенно слышит. Да и устную молитву приемлет по мере того, сколько выражается в ней молитва сердца. А молитву, в которой устами говорят, а сердце далеко отстоит, не слышит. Молитва, которую не слышит сам молящийся, небрежная и нерадивая молитва, оскорбляет величие Божие.

Нужно открыть ухо и уста сердца, чтобы привлечь этот дух молитвы. Дух молитвы не столько наше произведение, сколько дар, нисходящий свыше, и нужно молиться о самой молитве, просить духа ее, и Дающий молитву молящемуся даст нам и дух ее.

Трудна молитва! Да, это, к прискорбию, правда. Молитва, которая сама по себе, по существу своему должна быть легче дыхания, должна составлять жизнь нашу, часто в действительности бывает трудной для нашего поврежденного состояния. Так что к молитве, этому Ангельскому занятию, в котором находят блаженство свое Херувимы и Серафимы, нужно нередко принуждать себя. Но для иных она служит тяжким наказанием. Однако по благодати Божией мы имеем множество средств сделать ее легкой.

Принуждай себя чаще творить молитву — и будешь потом молиться легкой молитвой. Молитва легкая есть следствие или плод, предшествующий долговременной, самопринуждаемой трудной молитве. После навыка к ней будешь иметь чувство обученности в деле молитвы. При таком чувстве, направленном к Богу, молитва, как струя или поток, по проложенному пути будет легко и удобно, как бы сама собою, течь к небу, в жизнь вечную. Сам Сын Божий молился некогда до кровавого пота, пребывая в подвиге молитвы.

Нет времени для молитвы? Здесь вовсе почти нет правды. Неужели Господь, давший заповедь всем непрестанно молиться, дал заповедь неисполнимую. Давид, царь Израилев, семь раз в день хвалил Бога. Хвала была во устах его. Он в полуночи восставал на молитву.

Нет времени — значит нет расположения к молитве, недостает большей частью охоты к ней. Если нам дороги жизнь нашего духа и вечные блаженства, не будем оставлять молитвы, но как можно чаще и более будем посвящать ей времени, согласно с евангельской заповедью. Молитва, ни один даже вздох ее, не останется за Господом Богом без внимания и не оставит нас и здесь, и при нашем переходе в вечность.

Мы называем и почитаем подвигом молитву, которая, собственно, должна быть нашим отдохновением, покоем, снисхождением, радостью! Когда мы сидим за столом и вкушаем пищу — это не называем подвигом, а молитва — это

пища души, это дыхание духа — есть для нас подвиг. Но пусть она подвиг, тем не менее она совершенно необходима в деле спасения, весь успех в этом деле зависит от молитвы, и без молитвы нет спасения души. Без нее духовная жизнь наша и алчет, и жаждет, и умирает, как рыба без воды. И как быть иначе? Духовная жизнь наша питается и поддерживается единственно Духом Святым, а само в себе начало этой жизни мы не имеем, как не имеем начала и телесной жизни, но через пищу заимствуем ее извне. Как же привлекается жизнь духовная от Духа Святого? Так же, как и телесная от пищи: протягиваем руки, открываем уста — молитвой.

Глубочайшее основание и высочайшая цель молитвы есть стремление твари, созданной по образу Божию, к Своему Творцу, стремление человека к Богу, к общению с Ним, к приятию Его, та неудержимая пламенная и ненасытная жажда причастия Божия, которая томит сердце праведника в течение всей земной его жизни. Все Христианское Богопочитание совмещается в имени Иисус Христос. Он — Спаситель — совершитель всех молитв, возносимых от земли на небо. Всякая молитва, не во имя Его делаемая, суетна и тщетна. Молитва есть жертва, и чем совершеннее первая, тем самоотверженнее последняя.

Что может доставить нам мир без Иисуса? Быть без Иисуса Христа есть ад нестерпимый, быть с Иисусом Христом есть рай сладостный.

Кто нашел Иисуса Христа, тот нашел сокровище великое, или, лучше сказать, высшее всех сокровищ. А кто потерял Иисуса Христа, тот потерял безмерно много, потерял более целого мира.

Великая наука — уметь беседовать с Иисусом Христом, и великое благоразумие — удерживать Его с собой.

Будь смирен и миролюбив, и Иисус Христос будет с тобой.

Если ты будешь во всех вещах искать Иисуса Христа, то, верно, найдешь Его.

Верующий человек есть человек избранный. Избранный человек есть человек Божий. Божий человек есть тот, кто достоин Бога, а достоин Бога тот, кто все делает по воле Божией.

По тому, как человек разумеет Священное Писание, можно видеть, что он сам есть и чем стал. Его разумение соответствует той степени, на которой он стоит. Если он ведет еще жизнь естественную, то и в Писании находит только вещи естественные. Когда же он сам восходит выше, то и Слова

Писания делаются для него возвышеннее. Вообще, чем он стоит выше, тем возвышенней открывает таинства в словах Бога.

Помни, что человек — великое, дорогое существо у Бога. Но это великое творение, по падении в грех, превратилось в немощное создание, подверженное тысячам слабостей. Люби его, почитай его, но и вместе переноси его немощи, слабости, страсти, поступки. «Возлюбиши искреннего Твоего — грешный грешного — яко сам себе». Немощи немощного носи — и так исполнишь закон Христов. Велики эти слова, размысли о них глубже. Они то же самое означают, что слова молитвы Господней: «*Мы оставляем должникам нашим*».

Монах должен хранить пост, не рабствовать страстям и всегда хранить глубокое молчание.

Люби более того, кто смеется над тобой, нежели того, кто хвалит тебя. Этот, по Писанию, ничем не разнится от проклинающего (Притч. 27, 14).

Ничто так не изглаживает добродетели, как говорливость, шутка и празднословие; и напротив, ничто так не обновляет обветшавшую душу и ничто столько не приближает ее к Богу, как страх Божий, добрая внимательность, непрестанное занятие Словом Божиим, вооружение себя молитвой и попечением о благах бдения.

Те, которые особенно прилежат к молитве, подвержены страшным жестоким искушениям.

Сокровищницы царские наполняются золотом, а ум истинных монахов —видением.

Не садись за стол с возмущенным какой-либо страстью духом, чтобы враг не обратил тебе во вред пищу и питие, в болезнь, а не во здравие; ибо враг чрез все ищет повредить человеку. Садись всегда за трапезу с миром, благодаря Господа, и пища с питием будут тебе во благо и во здравие: потому что благословение Божие почиет и на пище и на тебе самом.

Когда во время устной молитвы диавол будет подтачивать слова дождем тончайших мыслей, говори: «*Владычество Спасителя во всяком слове и звуке: Не познал еси, яко Отец во Мне и Аз в Отце*» (Ин. 14, 9), не знаешь разве, что во время молитвы «*Отец, Сын и Дух Святый во мне и я в Них*»!

Но главнее всего любовь нелицемерная к Богу и человекам. Любовь охватывает и связывает все добродетели в единой любви. Единой любовью весь закон совершается и жизнь исполняется. Это именно та любовь, когда человек готов душу свою отдать за друзей своих, и чего же сам не хочет, другу того

не творит. Ради любви Сын Божий вочеловечился. Пребывающий в любви — в Боге пребывает, и где любовь, там и Бог.

Письмо о Внутренней Молитве

Возлюбленный друг и брат!

Сколько ни намеревался я отвечать на приятное письмо твое, но доселе не мог того сделать, и, может быть, не должен был.

Часто, при моем промедлении, я вспоминал о тебе с любовью, и эта медленность дала мне больше случаев предавать тебя Господу и молиться, чтобы Он Сам помазанием Своего Духа и сказал, и даровал тебе то, о чем я могу сказать тебе весьма мало и с большими недостатками.

Ты просил меня писать к тебе о внутренней молитве, таком предмете, о котором уже многие св. души, по Божию просвещению и собственному опыту, написали так много прекрасного.

Ты хочешь знать о спасительном упражнении в молитве не для того только, чтобы знать, но чтобы вместе со мной заняться ей и дорогое твое время, исторгнутое из рук суетности, посвятить Богу, Которому принадлежит все твое время и ты сам. О, если бы многие были одной с тобой мысли, не погружались в суетность и не теряли себя и драгоценного своего времени в призраках этой краткой жизни! Тот, Который Своей кровью искупил души Себе в собственность, да умилосердится над нами и нас да сохранит верными до смерти, чтобы никто не похитил венца нашего.

Ты спрашиваешь: в чем собственно состоит внутренняя молитва и как душа может заниматься ей? При помощи Божией я намерен в этом письме вкратце предложить истинное Евангельское основание и сущность этой молитвы и таким образом указать открытую дверь для входа во внутреннюю молитвенную клеть.

Внутренняя молитва есть приближение души к Богу, во имени Иисуса Христа, и пребывание пред лицом Его.

Чтобы хорошо узнать и испытать это приближение, для этого крайне необходимо благодатное и опытное, глубокое ощущение того, как близок к нам Бог по Своему вездесущию и как Он особенно во имени Сына Своего Иисуса Христа приблизился к нам Своим человеколюбием. Это приближение к нам Бога есть основание и действующая причина нашего к Нему приближения.

Бог непостижимым для нас образом существенно присущ нам. Он наполняет небо и землю. В Нем живем, движемся и существуем. Никакая тварь не сокрыта от Него. Он близок к самым тайным мыслям, наклонностям, желаниям и намерениям нашим. Все самое внутреннейшее в нас открыто и обнаружено пред Его очами. Но Бог как Дух преимущественно близок к нашему духу и к тому, что в нас есть самое внутреннейшее. Дух наш не принадлежит этому миру и его суетностям, он сотворен единственно для Бога, а потому и способен быть в сообщении с Богом. Он может и должен быть храмом и святою обителью вечного Божества. Созерцать и любить Святейшего, Им наслаждаться и в Нем покоиться — вот его истинное занятие! Он на то создан, и он к тому имеет способность. Бог, яко Дух, близок к нашему духу, и в нем, собственно, надо Его искать и находить.

Но это достойное любви и поклонения Существо не только присуще нам, как Бог, но и как наш Бог в Христе Иисусе, как Эммануил (с нами Бог), как наш Искупитель, Спаситель и друг, Который о нас печется и помнит о нас. Который влечет нас к Себе. Который хочет в нас жить и вечно пребывает с нами, несмотря на все недостоинство и бедность нашу, если мы только откроем Ему сердце наше. Это важная первая и основная Евангельская истина, которую надобно глубоко впечатлеть в себя и никогда не выпускать из виду, потому что в ней заключается все основание нашего искупления и спасения. Я объясню это в кратких словах.

Падший в Адаме человек по своему внутреннему человеку находится во тьме и аде, который он носит с собой в жизни и найдет по смерти, если умирает не во Христе. Бог и Царство любви Его уже давно удалено от него и крепко затворено. Бог умилосердился над ним в блаженной вечности Своей и явил человеколюбие Свое в вочеловечении, страдании и смерти Сына Своего. Когда Спаситель наш Иисус Христос пролил за нас кровь Свою, тогда любовь Божия открылась и рекою излилась на человечество, так что теперь Бог во имени Сына Своего Иисуса Христа, Господа нашего, чрезвычайно близок к сердцу нашему. После Его смерти не только разодралась завеса, отделявшая человека от Бога, но открылся ему в духе свободный путь к мирной, блаженной вечности. Божия благость, милость, любовь и общение открыты самым нечестивым грешникам, если только они обратятся ко Господу. Этот друг человеков даже предваряет их, стоит у дверей сердца и всяким образом стучится, ждет и ничего больше не желает, как только того, чтобы обратился грешник и жил. Всюду слышен глас: «*Покайтесь, ибо Царство Небесное приблизилось!*»

В этом-то приближении к Богу во имени Иисуса Христа состоит внутренняя истинная молитва. Но я говорю здесь, собственно, не о первом приближении к Богу кающегося грешника, когда он обыкновенным образом обращается к Богу и предается Ему с твердым намерением впредь жить для Того Единого, Который умер за него и воскрес.

Но истинно влекомые Богом и Богу преданные сердца не могут останавливаться на том, что они вообще предались Богу при первой перемене. И хотя они должны первое это обращение, если оно искренно, содержать всегда в памяти как великое милосердие Божие, но не могут на нем остановиться и со временем находят в себе глубоко сокрытую наклонность, которая полнее и совершеннее от всего отвлекает их и призывает к Богу. От них требуется нечто благородное, основательное и полное. Сердце их говорит им именем Бога, что Он хочет, чтобы они предались Ему чисто и всецело. Одни ощущают это сильно и ясно, другие — слабо и темно, смотря по тому, рассеян ли дух их или спокоен. Блаженна та душа, которая узнает в себе это внутреннее знание Божие и покоряется ему по-детски и беспрекословно.

Эта сокровенная наклонность происходит в нас от того, что Бог во имени Иисуса Христа тесно соединен с нами. Этот близкий к нам Бог любви Своею любовью касается нашего духа, как магнит железа, и влечет его к Себе. От того дух наш приходит в такое движение и колебания, что уже ни на чем, кроме Бога, не может остановиться. И потому если душа сосредоточена, если она самоотвержением отдаляет все то, что может остановить дух в его стремлении, и если следует этой наклонности, совершенно предаваясь в руки Божии, то наклонность эта делается как бы тяжестью, которая влечет дух к Богу, как бы рекой, которая течет в океан, как бы камнем, который падает сверху вниз на землю, к своему центру. Это значит молиться внутренне, то есть оставаться при этой наклонности и с нею, отрекшись от всего, приближаться к Богу во Христе и Ему предаваться.

Тогда дух наш есть храм, где слава Божия пребывает во святилище. Имя Иисусово — жертвенник. Жертва наша — сердце, наша воля и наше все. Любовь Божия, которая внутренним прикосновением возжигает в нас наклонность любви, есть вечный огонь, коего пламя есть истина и чистота. Сколько в нас нечистот мира, испорченности и собственности, сколько влажности в дровах и жертве, которую пламя мало-помалу иссушает. Пламя это есть то, что я сперва назвал внутренней наклонностью. Оно обнаруживается у начинающих душ и у тех, которые по темным и горестным путям покаяния

идут с глубокими воздыханиями. Если душа покорна, то оно обнаруживается в кротости. Пока много влажности, до тех пор огонь горит сильно и дает много дыма, но потом он станет гореть яснее и тише и, наконец, делается кротким и благотворным пламенем Божиим.

Я выражаю мысли свои, кажется, несколько нарядно и с украшением, но, напротив, это есть существенное выражение, и притом простое и близкое, которое иным людям покажется темно и непонятно, разве только потому, что они слишком мудрят и так далеко уходят от самих себя. Если бы я мог довольно оплакать слепоту людей, которые свои обманчивые призраки и свои тощие отвлеченные существа считают за нечто существенное, а существенные духовные существа почитают мечтой и заблуждением! Но давно сказано, что душевный человек не приемлет того, что от Духа Божия. Я оканчиваю письмо мое прекрасными словами Псалмопевца о внутренней молитве: «*Блажен, кого Ты избрал и приблизил к Себе, чтобы он жил во дворех Твоих! Мы насыщаемся благами дома Твоего, святостию Храма Твоего*» (Пс. 64, 5).

Об Истинном Христианстве

Вы просили меня несколько строк написать к Вам, но так как я ни Вас, ни внутреннего состояния души вашей не знаю, то и откладывал письмо до сих пор. Между тем, временами не забывал я о Вас в слабых молитвах моих и благодарил Бога, и теперь еще благодарю, что Он по Своему милосердию начал просвещать глаза Ваши так, что они уже стали видеть Вашу греховность, ничтожность мира и достоинство вещей вечных. Он Вам дал искреннее расположение и желание избавиться от грехов и благоугождать Богу. Если Вы находите в сердце своем такое расположение, то поставьте себе в обязанность благодарить за это Бога, ибо и малейшее начало благодати Божией важнее всего того, что мир дать может.

Первый шаг на пути благочестия есть покаяние, или обращение от вечной погибели к вечному спасению. Рассуждайте об этом чаще пред Богом. Что мало уважают, то легко теряется. И чего бы не дали мир и сатана, если бы они опять переменили Ваши мысли? Бог да сохранит от этого Вас и меня и всех Своих! Поэтому-то я не переставал и не перестаю молиться о Вас Богу, ибо я знаю, что враг не преминет употребить всех средств, для того чтобы отклонить Вас от истины или опутать своими сетями и опять возвратить Вас в состояние беспечности и сонливости. Ах! Как много людей я знал,

которые имели доброе начало, а спустя некоторое время опять предались миру и разуму и потеряли мужество. Другие, хотя не совсем возвращались назад, но останавливались на первоначальных действиях благодати, не восходя к полному возрождению и тесному соединению с Богом. А если кто шел вперед, то обретал действие чрезвычайно великой благодати Божией. Если ему показана истинная стезя, то он имеет множество преткновений, распутий на пути к благочестию. Я это говорю не с тем, чтобы отнять у кого-то мужество, но чтобы побудить к непрестанной молитве, бдительной осторожности и к большей ревности.

Вы спросите у меня: какой же путь почитаю я вернейшим? Я отвечаю: вообще тот, который указывает нам Иисус Христос в Евангелии, т. е. если кто хочет идти за Мной: 1) отвергнись себя и 2) возьми крест свой и 3) следуй за Мною (Мф. 16, 24). Вот только три слова: отвергнись, возьми, следуй! Ежели к каждому из них присоединить еще всегдашнюю молитву, то, наверное, можно сказать, что в сих трех словах заключается все истинное Христианство. Иисус Христос, изрекший их Сам, да изъяснит Вам их и да приложит к Вам в свое время, смотря по нужде Вашего состояния.

Впрочем, чтобы дать Вам некоторое руководство, представьте, что Спаситель этого дня и всякий день говорит Вам: «Отвергнись себя, где ты себя не находишь!» Находишь ли себя к чему-либо приверженным или надеющимся на какую-либо тварь, а не на Бога; находишь ли себя самодовольным, самолюбивым в вещах естественных или даже в духовных и Божественных — отвергнись себя. Не живи по своему чувству, по своей воле и похоти, но поступай вопреки им в этом, в речах, в делах и пр. не вредя, впрочем, здоровью.

Непрестанно молись о благодати премудрости и силе и возьми крест свой. Сам не выбирай, а только возьми. Мир презирает или ненавидит тебя, смеется над тобой, злословит, обижает и гонит тебя; диавол мучит тебя искушениями, сомнениями, злыми внушениями и мыслями; Бог и Его промысл попускает тебе болезни, огорчения, бесчисленные неприятности, духовные затмения и другие испытания, но ты сам, когда видишь расстроенность своего здоровья, повреждения плоти, слабость и непостоянство в делах, возьми на себя этот Крест, т. е. будь готов к тому, чтобы иметь много неприятных дней в этом мире.

Возьми и неси крест свой мужественно. Притом непрестанно молись о мужестве, силе и терпении и следуй за Христом. Предай Ему себя с полной доверенностью. Всю волю твою отдай в Его волю. Будь как дитя, которое

не может и не умеет само ходить. Закрой глаза разуму и держись за Него верой. Наблюдай движения Духа Его внутри тебя. Что Он тебе укажет, о чем напомнит и куда поведет, иди за Ним просто и безопасно. Он и Сам шел этим путем креста и самоотвержения. Он тебя поведет прямо. Он лучше всех знает, что тебе полезно, только ходи непрестанно в очах Его, и как Он прежде шел пред тобой и теперь идет внутренне и внешне, ходи за Ним. При этом молись непрестанно о вере, простоте и верности.

Так, друг мой, молитва необходимо нужна при всех делах благочестия. Частью потому, что мы сами в себе бедные и немощные твари, которые только то и имеем, что ежеминутно испрашиваем у Милосердного. Также и потому, что пища, особенно твердая, нам скоро наскучивает и делается неприятною, ежели не получит небесного хлеба.

Учение Иисуса Христа о Кресте и самоотвержении для поврежденного естества есть грубая пища, так что с какой бы алчностью мы ни приняли ее сначала, она в продолжение времени сделается для нас черствой и горькой, если не будешь услаждаем непрестанной молитвой. Но в этом случае под именем молитвы я разумею не одно только прошение и желание души получить от Бога то или другое благо, но всякое занятие духа Богом и Божиим Промыслом и вообще то, что в Священном Писании называется хождением пред Богом и в Его присутствии. Я желал бы от всего сердца, чтобы Вы почитали молитву единственным и постоянным упражнением в здешней приготовительной жизни!

Но что бы Вы лучше поняли мою мысль, я изъясню ее проще и в немногих словах. Что я здесь разумею под именем молитвы, которую так любил Иисус Христос, наш Предтеча и все истинные Его последователи? Вообще молитвой я называю дружественное общение с Богом, когда мы почитаем, признаем Бога вездесущим, особенно же пребывающим в нас. С благоговением представляем Его себе таковым часто и, где только возможно, молимся Ему во унижении духа, прославляем Его, предаем себя Ему в собственность и беседуем с Ним как с другом сердца о том, чему учит вера, любовь.

Чтобы несколько лучше успеть в этой молитве, для этого, по моему понятию, не довольно того, чтоб входить в себя только тогда, когда приметишь, что при внешних занятиях и делах ты далеко отошел от Бога. Но я советовал бы Вам назначить для того известное постоянное время, полчаса или четверть часа каждого дня, в которые, оставив внешние занятия, вы могли бы в уединении предстать пред Богом. И делать это нужно не с тем только, чтобы

предложить Ему Ваши нужды, но с тем наипаче, чтобы собрать рассеянное сердце и мысли, созерцать Бога, Его вездесущие совершенства, обнаружить пред Ним свою душу и со всевозможной тишиной ожидать, какое Ему будет угодно произвести внутри вас действие или впечатление. Все это надо делать в простоте и смирении, кротко и более сердцем, нежели головой, чтобы это было более делом Духа Божия, чем вашего собственного духа. Сначала для природы нашей это покажется скучным и тяжелым, но в продолжение времени сделается легким и, наконец, окажется даже стихией и жизнью для души. Затем эти движения души будут ей утешением во всех трудах, страданиях и горестях мира, при жизни еще тела восхитят ее на небо и доставят ей мир, превосходящий всякое понятие, и радость, которой никто у нее не отнимет.

Бог любви да даст Вам, мне и другим познать это на опыте! Аминь.

Молись и трудись

Что может быть обыкновеннее этого правила, которое так часто произносится без всякого размышления. И что может быть священнее и возвышеннее, как это правило благочестия?

На языке христианина оно имеет двоякое значение: во-первых, обыкновенное — молись и трудись, во-вторых, — молись, непрестанно трудясь, трудись, непрестанно молясь.

Наше тело имеет нужду в двояком питании: в воздухе и пище.

Так и душа наша. Ее питание и поддержание жизни есть молитва. Поэтому и молитва есть двоякая: внутренняя, непрестанная, непрерывная, и наружная, обыкновенно так называемая, молитва. Первая есть необходимое непрерывное вдыхание воздуха для здравия души, вторая есть время от времени повторяемое ядение и питие.

Священное Писание подразумевает именно ту внутреннюю, непрерывную молитву, когда советует нам во всякое время непрестанно молиться и просить, Духом, все делать во имя Иисуса, славить Господа в сердцах наших, ходить пред Богом, перед лицом Господа. Давид помышлял о своем Господе, когда засыпал, и говорил о Нем, когда пробуждался. Это пребывание пред Богом есть самое приличное и правильное определение для внутренней, непрерывной молитвы, которая есть более состояние молитвы, чем исполнение молитвы, более непрестанное направление и устроение души, чем оканчиваемое и снова начинаемое моление. И это-то состояние молитвы есть истинная

стихия, настоящая жизнь души. Вне этой стихии душа, по-видимому, жить не может, но она живет не иначе как окоченевшая; она лежит, по выражению Писания, в смерти.

С каждым облагодатствованным, который однажды достиг блаженного общения со своим Спасителем и соделался небесным существом, бывает также, как и с нежным младенцем, которому тогда только хорошо, когда он находится на глазах своей матери. Среди игр своих он непременно посматривает на мать. Он плачет, кричит, когда мать выходит. Она возвращается и утешает младенца. Младенец удовлетворен и продолжает играть. Так и облагодатствованный христианин. Среди земных занятий своих он неослабно взирает духом на Иисуса и все, что ни делает, делает пред Его очами. Так он трудится, непрестанно молясь, и молится, непрестанно трудясь. Так всякий труд его есть дело, соделанное во Господе. Всякое занятие его есть труд и венец наслаждения, напряжение и вместе отдохновение.

Однако и наружное питание и питие в определенные времена дня нужно для здоровья. Никакой христиан не должен оставлять наружной молитвы, в которой весь внешний и внутренний человек, оставив все земное, занимается Богом. Господь наш везде служит нам образцом. Он жил в непрестанном обращении с Отцом, Который никогда не оставлял Его одного. Но, несмотря на это, Христос часто ходил на гору молиться.

После дождя вновь сияет солнце. Как в царстве природы, так и в Царстве благодати. Как там, так и здесь попеременно бывают дождь и сухость, тучи и солнечное сияние. То и другое бывает для того, чтобы плод созрел. Туман и дождь как там, так и здесь есть благодеяние и благословение. Как в то время, когда он есть благодатный дождь от Господа, так и в то время, когда он есть наказание, которое хотя сперва кажется тяжким, но после производит мирный плод праведности.

В жизни облагодатствованного могут случиться дни, в которые душа не видит и не ощущает солнца, в которые она с воплем жалуется: «Ты закрылось облаком, чтобы молитва не проникала, чтобы не видеть мне!» Она может впасть в уныние и даже в сомнение: являлось ли ей действительно когда-либо солнце? То, что она почитала солнцем, не было ли иным? Может быть, это был пустой метеор или обманчивый блудящий огонь?

Блаженна ты, душа, которая не видишь, но в терпении ожидаешь Господа! Ибо великое есть дело, когда оставленный бывает терпелив и молча ожидает надежды, надежды, которая не посрамляет. Ты печалишься, что облако

скрывает от тебя солнце, которое является светильником ночам твоим и светом стезям твоим. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. И к тебе взывает голос Любви: «Я оставил тебя на минуту, но Я помилую тебя вечной милостью». Скоро, скоро ты будешь говорить с радостью: «Благодарю Тебя, что Ты смирил меня, и паки утешил!» Так после кратковременного дождя настает вечное сияние солнца. Тот не может получить милости от Бога, кто Его оставляет и служит удовольствиям.

Душе, изошедшей из тела, нагло, с угрозами и укоризнами, предстает враг, жестокий и страшный обвинитель в грехах. Но можно видеть, как тогда Боголюбивая и верующая душа, хотя бы прежде часто уязвляема была грехами, не ужасается его нападений и угроз, но еще более укрепляется в Господе, воскрыляется радостью, ободряется путеводящими ее Святыми Силами, ограждается светом веры и с великим дерзновением отвечает лукавому диаволу: «Что тебе и нам, изгнанник небесный, раб лукавый! Ты не имеешь власти над нами. Над нами и над всеми имеет власть Христос, Сын Божий. Ему мы согрешили, Ему и ответ дадим. Залогом Его к нам милосердия и спасения своего мы имеем драгоценный Крест Его. А ты, губитель, беги далее от нас. Нет никакого общения между тобой и рабами Христовыми». Тогда как душа дерзновенно так говорит, диавол обращается в бегство, с воплем и стоном, не могучи противостоять имени Христову.

И еще: «Я уповаю на милость Божию, на заслуги Христовы, Он мой Судия, а не вы, окаянные, что вам за дело до меня? Ему согрешил, Ему и каюсь, а вы не имеете во мне никакого места, лукавые бесы, отойдите от меня к вашему сатане».

В одном месте Писание говорит нам, что Отец даст блага просящим у Него, а в другом, что Он даст Духа Святого требующим. Из сих слов видим, что не только отпущение грехов, но и небесные дарования получают те, которые усердно просят Бога, укрепляясь тою мыслью, что Господь обещает такие блага не праведникам, а грешникам. Ибо когда бы говорил Он: «*Будучи злы, имеете даяния благия давать детям вашим: кольми паче Отец небесный даст Духа Святаго просящим у Него*» (Лк. 11, 13). И так проси неотступно и не сомневайся, хотя бы ты был беден в добродетельной жизни, совершенно бессилен и недостоин, и получишь великие блага.

Закон говорит: «*Аще же глаголаше ему и той не заключит его (бодливого вола), да отдаст*» (Исх. 21, 35). Иногда в беседе бывает тщеславный помысел, желает говорить безвременно, но Ангельские помышления говорят тебе,

что ты должен заключить пустословный и безвременный помысел. И так если ты не заключишь его благим молчанием, но допустишь ему выйти вон, быв напыщен гордостью, то отдашь благодать и предан будешь правосудием или великому греху, или тяжким каким-нибудь болезням телесным, или чувствительным огорчениям от братии, или наказанию в будущей жизни. Ибо в каждом праздном, тщеславном слове мы должны будем дать ответ за безрассудность языка. Почему надобно нам бдительно блюсти язык свой.

Не позволяй свободно обходиться с тобой служителям пьянства и рабам бесчинной трапезы и тем, которые хотят говорить с тобой без стыда, хотя бы они по внешнему виду были седые, хотя бы много времени провели в монашестве, чтобы, по Писанию, *«гнилость не покрыла тебя»* (Иов. 21, 26) и ты не был причислен к нечистым и необрезанным[31] по сердцу.

Блажен, кто здесь ненасытно ест и пьет молитвы и псалмы день и ночь и укрепляет себя достославным чтением Писания. Такое вкушение доставит душе его неумаляемую радость в будущем веке.

Как соединение огня с железом делает его неприкосновенным, так частые молитвы делают ум сильнейшим в брани со врагом. Поэтому-то злые духи всеми силами стараются поселить в нас леность к молитве, зная, что она для них пагубна, а для ума есть лучшая защита.

Как Господь хочет спасать человека чрез человека, так сатана спешит погубить человека чрез человека. Поэтому не надобно иметь сообщения с человеком гордым, развратным и не обуздывающим своего языка, чтобы вместе с ним не подпасть наказанию. Ибо и близкий к праведнику едва получает спасение. А кто обращается с лукавствующим, не остерегаясь его, как язвы и проказы, тот несомненно потерпит кораблекрушение.

О благом иге Христовом

«Иго благо и бремя мое легко есть» (Мф. 11, 30). Понятие ига не должно устрашать нас. Мы не одни должны носить тяжесть его, но вместе с нами будет носить его Бог. Он будет носить его более, чем мы, потому что иначе иго это не могло бы быть и легким и потому что оно есть Божие, а не наше. Кто хочет возложить на себя иго это, для того Иисус Христос делает его приятным и легким. Он услаждает и облегчает его внутренними свойствами ига

[31] Это выражение часто используется в Священном Писании и повторяется свв. отцами. — Ср.: *«...весь же дом израилев необрезани суть сердцы своими»* (Иер. 9, 26).

правдой и истиной. Он облегчает нам трудные подвиги добродетелей. Дает нам чувствовать горечь ложных удовольствий. Укрепляет нас против самих себя. Уменьшает в нас силу первородного греха. Делает нас мужественными, несмотря на нашу слабость. И так предадимся Ему совершенно. Возложим на себя иго Его. Будем терпеть, но терпеть с охотой и с душевным спокойствием. Мы будем сражаться против греха, но Сам Бог будет содействовать нам. Мы получим победу, и Сам Бог увенчает нас. Мы будем плакать, но наши слезы будут для нас приятны, потому что каждая слеза будет умножать любовь Божию к нам. Нам тогда уже не будет позволено предаваться буйным страстям нашим. Но мы, пожертвовав Богу этой свободой, получим от Него другую, неизвестную для мира и гораздо более драгоценную, нежели власть и могущество царей. Чего мы страшимся, вступая в союз с Богом?! Погрузимся в глубину Его милосердия? Чем более будем любить Его, тем для нас будет приятнее исполнять повеления Его? Наша любовь к Нему и Его к нам будет утешать нас в горестях, услаждать кресты наши, удалять нас от всего опасного для души нашей, предохранять от заразы порочного мира, показывать нам бесконечное милосердие Божие к нам посреди бедствий, которые мы терпеть будем. Наконец, в самой смерти Он будет открывать нам славу и вечное блаженство.

Итак, должны ли мы страшиться соединения с Богом? Должны ли почитать несчастием сложить с себя тяжкое иго мира и возложить на себя легкое бремя Иисуса Христа? Не должны ли, напротив, почитать блаженством освобождение себя от собственного своего самолюбия, от гордости, от буйства страстей, от владычества лукавого мира этого?

Ты ищешь Христа. Иисуса Христа ты ищешь. Нетрудно твое искание. Одной вещи хочет Он от тебя, и если ты ее подаришь Ему, то Он готов обручить Себе тебя и обнять тебя. Вещь эта нетрудная, которую Он требует от тебя, не нужно здесь пота и труда. Он требует сердца твоего. «*Даждь мии, сыне, твое сердце*». Но сердца не телесного, так как Бог ни земля, ни перст, Он требует сердца души твоей. То есть ума твоего, ибо Бог есть дух. «*Сыне, даждь ми сердце твое*» (Притч. 23, 26). Если ты посвятишь Ему дух твой, Он придет тотчас и соединится с душой твоей.

СХИМОНАХ ВАРНАВА

Старец Варнава, грек по происхождению, начинал свою монашескую жизнь в лавре св. Саввы, близ Иерусалима, где вел совершенную подвижническую жизнь. Потом двадцать лет он жил на Афоне, на Катунаках, в безмолвной пустынной келлии и под конец, в середине 70-х годов XIX века, опять поселился в лавре св. Саввы, где впоследствии скончался.

Здесь мы предлагаем читателю русский перевод записанного в 1872 году ответа старца схимонаха Варнавы на вопросы преданного ему ученика — русского схимонаха Дамаскина, жившего в скиту св. Анны. После 15-летнего пребывания на келлии в послушании у старца Онуфрия, который вел обыкновенную келлиотскую жизнь на Афоне, он предал себя на безмолвническую отшельническую жизнь. Данный русский перевод был записан 30 сентября 1897 года неким монахом Иустинианом, но является ли он сам переводчиком или только писцом — мы не знаем.

Нам не удалось найти оригинальный греческий текст, с которого был сделан русский перевод, но зато среди славяно-русских рукописей есть несколько вариантов его русского перевода (см.: РПМА, слав: 740, 878, 888, 905, 914, 1009, 1010, 1011, 1047, 1114). Это говорит о том, что этот текст был очень популярен среди русских монахов. Они не только переписывали его, но и дополняли и комментировали.

Два слова о безмолвии
Любителям безмолвия и отшельнической жизни

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

Слово первое

Если пожелаешь пойти в пустыню на безмолвие, нужно проходить его, как я тебе пишу.

Если хочешь безмолвствовать в Боге и иметь в этом успех, то сначала ты должен иметь страх Божий и любовь к Богу и людям. При этом ты должен быть благоговейным, целомудренным, простым в мыслях и делах, без малейшего лукавства в отношениях с собратьями, во взгляде простосердечным, умеренным и кротким в беседе. Никогда никого не осуждать, так как осуждение разлучает человека с Богом. Оно есть порождение гордости, семя

сатанинское. А от гордости попущением Божиим человек падает в блуд... Зависть, ненависть, высокомерие, лукавство, ложь, злоба и другие прочие страсти возбуждаются от осуждения. Лишь единожды осудив, можешь разлучиться с Богом. Поэтому бегай осуждения, как только возможно. Когда услышишь другого, что он начинает осуждать кого-то, то ты в слух свой не принимай этого и его не осуждай за то, что он осуждает другого, но скажи в помысле своем, что я сам хуже всех и грешнейший, — и тогда успокоишься.

Это и есть безмолвников добродетели. Поэтому постарайся стяжать их. При этом, если хочешь преуспеть, собрать мед безмолвия, добродетели свои, какие бы ты ни стяжал, да не откроешь никому, и никогда не слушай помысла своего, который будет тебя хвалить, ибо такие помыслы влагают нам демоны — да не послушаешь их никогда!

Наконец, безмолвник должен быть как Ангел, да не осуждает его помысел ни во одной вещи, да никак не обретет сатана причину воздвигнуть на него брань. Если тебя осуждает помысел в каком-либо деле, которое ты сделал, да не послушаешь его — пусть лает!

Бегай споров — они есть корень гордости, они охлаждают любовь.

Бегай похвалы. Люби ближнего твоего, как самого себя. Храни себя и без какой-либо великой нужды к нему не ходи, чтобы не уязвиться содействием диавола.

Если беседуешь с неким братом и начнется спор, тогда замолчи, да убежишь спора. Всегда поступай так, даже если ты точно прав, если хочешь быть безмолвником.

Послушай добре — никого не учи, и ученика да не имеешь, ниже послушника обретешь, ни беседуешь о молитве, да не уязвлен будешь, и впадешь во искушение. Ибо ныне время не таково, чтобы человек учил других, поскольку приключаются прелести. Только самого себя смотри, как спастись, а о другом не заботься. Когда тебя спросит кто-либо об умной молитве, чтобы ты его научил, скажи ему, что «я умной молитвы не знаю, но живу так, как жил в скиту с моим старцем, — так живу и здесь, в пустыне». Если же хочет научить тебя молитве или другому чему-либо — да не послушаешь его, да не уязвит тебя диавол, ибо ныне прелестей много, и мы их не знаем.

Иди прямым путем, которым прошли святые отцы, и не бойся! Если тебя спросит духовник твой, как ты живешь, ему скажи, как живешь и как читаешь правило свое. Если не спросит, то сам не хвастайся пред ним о твоем молитвенном делании, да не объявишься лицемером и гордым. Пусть никто не знает, как ты живешь (только духовник твой, если спросит).

Блюдись от лукавых помыслов, да не уязвит тебя сатана, и если вложит тебе лукавый диавол лукавые помыслы и поколеблет твой помысел и ты начнешь услаждаться, и когда ты придешь в самого себя и увидишь смятение помысла, и восстание плоти, и бедствие великое, — да не смутишься, и да не испугаешься, и не оставишь келлию твою, и не говори кому-либо, если и спросит кто-либо: как поживаешь, старче N...? Скажи ему: Молитвами твоими добре живу. И не говори ему, что имеешь брань, но стой мужественно, как добрый воин, и борись, когда молитвой, когда чтением, а иногда немного пройдись вокруг келлии своей и опять садись за свое дело, т. е. на молитву, пока пройдет время брани. И Сладчайший Владыка, видя подвиг твой, отведет брань от тебя, и получишь венец за терпение твое и тогда узнаешь и безмолвия пользу. Для того попускается сатане воздвигать брань на безмолвника, чтобы был испытан он и, борясь, стал совершенным безмолвником. Аще найдут на тебя хульные помыслы, завистью диавола, да не слушаешь их — пусть лает сатана, как пес. Вменяй его за ничто. На главу его пусть будет хула его. Бог не хулится, но славится! Также не произноси устами, что ты имеешь хульние помыслы, поскольку это не грех, потому что хулит диавол. Только ты должен их презирать, и да не послушаешь этих помыслов. Пусть лает, как пес. И не скорби, что к тебе приходят эти помыслы. Когда диавол увидит, что ты их ни во что считаешь, и не скорбишь, что он хулит, и их не слушаешь, и не произносишь устами своими — тотчас хульный диавол убежит от тебя и ты будешь спокоен. Если же хочешь бороться с ним — не побеждается иным образом, как только презрением и невменением его ни во что.

Некоторые повредились от этого хульного помысла, бывше неискусны, думали, что сами от себя хулят. Не знающие, что хулит диавол. И такую печаль имели, что даже хотели оставить свой путь безмолвничества. Ты же, как только появятся подобные помыслы, садись на молитву, и с помощью Божьей лукавые помыслы скоро исчезнут, и будешь покоен.

Должен ты иметь и великое терпение. Без особой нужды да не будешь находиться вне келлии твоей. Давая отсрочку помыслу твоему, все время говори ему: завтра пойду или тогда-то. Необходимо отдалять его до крайней необходимости.

Легкомысленно и безвременно ни в скит, ни в монастырь, ни в келлии братии твоей без великой нужды не ходи. Делай так, если хочешь быть изрядным безмолвником, да прославляется Бог твоего ради терпения.

На храмовые праздники совершенно не ходи, когда их делают монастыри, исключая, когда придет главный скитский праздник (панигирь), тогда имеешь долг идти праздновать.

Когда сделаешь так, как я тебе пишу, то получишь много пользы и узнаешь безмолвие по желанию твоему.

Всеблагой Бог, Господь наш Иисус Христос с тобой, Он Бог наш, Он тебя хранит, Он тебя да покроет, Он да будет радость твоя и веселие, Он похвала твоя и дыхание твое да будет. Аминь.

Все это обязательно безмолвию, которого ты желаешь. Это должен ты постараться сохранить, как главную заповедь, и не бойся демонов. Бог с тобой! Сохрани это, что я тебе пишу, как главный залог духовный, и не бойся.

Теперь хочу тебе написать, как должен ты читать свое правило. Безмолвник должен быть всегда умом своим в Боге, и что ни делает — Бога да имеет в устах своих. И дыханием его Бог да будет. И без воли Божией ничто да не творит. Безмолвник, наконец, в делании Божественном должен находиться всегда. Так подобает и тебе творить, когда сидишь в безмолвии твоем. Ты должен читать правило свое чинно с безмолвием, сколько можешь.

Все последование безмолвников следующее: 60 четок[32], из которых 30 за утреню, а некоторые творят 33 — делай и ты так. 10 четок за часы, 10 за вечерню, 10 за повечерие. Всего 63 четки. Это есть правило безмолвников, и есть честнейшее, чем чтения. Имей только один часослов у себя и, когда желаешь, прочитай часы, вечерню и повечерие по часослову. На вечерни: «Совет Предвечный» и проч. Не ищи Октоиха и Минеи. Это не прилично безмолвнику. Некоторые из безмолвников оставили четки и чтение и пребывают только в умной молитве, презирая правило свое, думая, что они творят непрестанную молитву и не имеют более нужды в правиле… Ты не делай так, но твори правило свое чинно, как я тебе пишу, или на четках, или чтением и не бойся прелести. Когда случится, в некое время придет к тебе гость и придет время правила, тогда оставь четки, но чтением соверши правило для краткости, и да участвует твой гость.

Также прочитывай каждый день, утром, по три кафизмы псалтыри, без всякого понуждения, и одну главу из Четвероевангелия, и со временем почувствуешь, что Псалтырь и Евангелие есть вся слава Божия. Такая молитва называется деятельною. А после опять садись на молитву. Если даже какое-то время престает молитва, но если имеешь деятельность — не уязвит тебя никто. Деятельность твою всю прочитывай и последование твое, Псалтирь твой и Евангелие, как я тебе пишу и не бойся падений. Но когда не имеешь деятельности и молитва остановится, тогда что будешь делать? Не пойдешь

[32] Имеется в виду четка на сотню узлов, которые соответствуют 100 произнесенным молитвам.

же ты в дорогу и не будешь путешествовать до тех пор, пока потеряешь и то, что приобрел в безмолвии твоем?!

Для того я об этом тебе пишу, чтобы ты знал, когда придет час и ты какое-то время не имеешь молитвы — не скорби об этом. Прочти чтение, соверши свою деятельность и сотвори рукоделие свое, от места же твоего не уходи, ни устами твоими кому-либо не говори, что молитвы не имеешь. Никто же да не узнает ни добродетели твои, ни искушения твои. Как я тебе пишу, делай и не бойся демонов. Когда тебя искушают помыслы гордости, что будто ты делаешь что-то доброе, скажи помыслу своему, что я послушание творю старцу, как он мне благословил, так делаю, и успокоишься. Прибегай к чтению творений святых отцов. Делай это всегда, когда ослабится молитва, и великую пользу приобретешь от чтения. Чтение же да будет из «Добротолюбия», Аввы Исаака Сирина и Аввы Макария Великого (Египетского) — эти полезны для безмолвников.

Келлия твоя, в которой ты будешь жить, да будет без церкви. Если будешь жить в скиту, в месяц однажды пойдешь на бдение. Если же будешь жить вдали от скита, да делаешь бдение в келлии твоей, сколько можешь, по Воскресеньям и Владычным праздникам, как проходят Св. Отцы в месте, в котором ты поселишься, так проходи и поступай и ты.

Безмолвник должен проходить бдение свое один в келлии своей. Когда молишься, внимай прилежно, чтобы не иметь помыслов мечтательных, не подымай рук в высоту, как бы ища благодати, чтобы она сошла на тебя. Не смотри и на иконы, когда молишься, но молись с простотой, без всякого помысла, опустив глаза вниз, — и не бойся демонов. И ум твой да будет собран, да будет внимателен словам, что читает, или к молитве, когда творишь молитву.

Мечтания да не приемлешь, ни в яви, ни во сне. Некоторые невежды принимают мечтание, как бы от Бога, и сновидения подобно. Ты же не принимай ничего: ни сновидения, ни мечтания явного, ни умные проявления, так как преобразуются демоны в различные мечты, когда видят, что он принимает их, т. е. что эти проявления от Бога. Тогда они преобразуются в образ Пресвятой Троицы, или Христов образ или Пресвятой Богородицы, или во образ некоего святого, или во образ Ангела, но это не Ангел Света, а демон тьмы.

Это все прелести, и те, кто в это веруют, прельщаются. Ты от этих ничему не веруй. Так как диавол дух есть, угадывает помысл твой, что ты их приемлешь, и он тебе творит ложные видения.

А если же ты не поверишь (и не принимаешь), он не может представить эти мечтания тебе. Подобно и во сне. Он представит тебе привидения живейшие и сладкие. И церкви преобразит тебе во сне твоем, и что ты якобы

кланяешься иконам, и будто видишь архиереев, и священников, и диаконов в облачении, и людей различных, и потом пробуждаешься и находишь самого себя со слезами сладкими. Эти слезы ложные, для того только, чтобы ты им поверил, чтобы и в другой раз сделать тебе то же. Ты этому ничему не верь, потому что попускает все это действие демонов Божья благодать, чтобы тебя испытать, и смотрит, приемлешь ли эти ложные видения или нет.

Если принимаешь, сразу попустит, и приходит диавольское действие и прельщает тебя. Поэтому никогда не принимай ничего ни в яви, ни во сне и не бойся мечтаний диавольских. Это тебе пишу, да знаешь коварства диавола и испытанием этим будешь совершенный безмолвник, а не совершенный мечтатель.

Когда ты сидишь на скамейке, пребывая в молитве, многократно приходит к тебе сон, и засыпаешь. Знай — двух образов сон бывает: один — действия славительного, которое тебя утешает, другой — действия прелести. Действия славительного признаки следующие: касается тебя сон до пяти или десяти минут, очень сладкий сон, и, когда пробудишься, находишь самого себя воздействуемым, полный слезами, и помыслы чисты, и тебе этот сон приносит светлые воспоминания, и изъясняет Священное Евангелие или другое что-нибудь душеполезнейшее и проч. Это есть видения славительного действия. Но, однако, не думай, что это действует благодать Святого Духа. Второй же сон имеет следующие приметы: тебя охватывает сон, даже до четверти часа, потом пробуждаешься и находишь в самом себе жар, от средины к низу, и помыслы блудные и нечистые, и страсти восставшие, и проч. Оба эти видения явные прелести, чтобы ты знал о них.

Когда творишь молитву — никакие мечтания не принимай или какой-либо свет изнутри не принимай, только чистую молитву. И Сладчайший Владыко тебя утешит. Не бойся, если не примешь что-либо, как я тебе написал.

В телесных же твоих потребностях обходись с великим рассуждением. Если можешь творить девятицу (т. е. вкушать пищу однажды в девятом часу по полудни, считая по здешнему восточному времени) — благо! если же нет, вкуси вечером мало хлеба и управляй самого себя с рассуждением, чтобы тело тебя слушало, а не ты его.

Господь наш Иисус Христос и Бог наш да будет с тобой, да сохранит тебя, да покроет тебя и да наставит тебя на всякое благо. Аминь.

Этого просил ты от меня — я тебе и написал; довольно тебе столько, сколько написал.

Второе слово о безмолвии

Безмолвник, который желает безмолвствовать по истине, чтобы победить супостата диавола, который гнездится внутрь человека, — силой Божьей победит, когда будет сидеть в безмолвии со страхом Божиим, с теплой верой и с любовью к Богу и к ближнему и ко всякому человеку. Прежде же этого нужно найти место изрядное и удобное для безмолвия, именно чтобы не было никакого развлечения и многих свиданий, которые возмутят его дух и повредят возлюбленное ему безмолвие. И каливка его да будет маленькая, чтобы не было куда принять гостей, которые повредят его состоянию. Безмолвник всех должен любить и от всех бегать. Да бегает осуждения, да будет целомудрен и прав в слове. Внутри сердца его лесть да не найдется, ни ненависть, ни зависть, ни злоба, ни лесть, ни гордость, но да будет свободно от всех сих и с Божьей помощью обретет мед безмолвия.

Это все приобретается с терпением и мужеством души, когда сидит с разумом и терпит искушения, которые будут ему приключаться, обычно в безмолвии, по зависти диавола. Но победит их сила Христова, когда безмолвствующий не выходит часто из своего безмолвия, когда нет нужды.

В телесных потребностях своих надо поступать таким образом. По состоянию нынешнего времени и немощи естества всю седмицу да ест однажды в день — сухоядение, если хочет обрести мед безмолвия. В субботу и Воскресение да ест дважды в день, что пошлет ему Бог, чтобы сокрушить рог диавольской гордости. Только бы он не имел попечения о них (т. е. о потребах), но что пошлет ему Бог, чрез рабов Своих, то благословенно Богом, — да ест их. Это для тех, разумеется, которые хотят безмолвствовать по Богу.

Рукоделием безмолвнику не подобает заниматься, ради смущения, и Бог даст ему нужное. Если же для испытания его и случится оскудеть ему в потребном (а это случается многократно и совершенным, да будут искусны и получат силу), то ради нужды своей найди нужное вблизи и опять возвращайся скоро в келлию твою, чтобы не встретило тебя искушение.

Для того чтобы безмолвствовать и познать тебе, как должен проходить пучину св. безмолвия и обрести тебе плод Божественный, нужно иметь постоянно наготове два оружия — деятельность (практику) и видение (умозрение). Видение, говорю, — молитву, которая называется также Богопознание (Боговидение), которая есть пища безмолвников. Она окрыляет

ум к Божественному старанию. Только без практики не плодоносит молитва. Молитва укрепляется деятельностью. И безмолвник, который имеет оба оружия наготове, и деятельность, и видение (умозрение), т. е. молитву, тот собирает и вкушает мед безмолвия.

Во время брани деятельность борется на лукавого диавола и побеждает его. Но бывает попущением Божиим безмолвник искушаем сатаной. Да будет опытен и укрепится посредством брани, тогда молитва перестает течь. Но не малодушествуй тогда, и да не выйдешь из каливы своей, но претерпи с мужеством и терпением в келлии своей, и совершай деятельность твою, тогда победишь с помощью Божьей. В брани этой ниоткуда не найдешь помощи, как только от практики (деятельности).

А как творить молитву — ищи в «Добротолюбии» Св. Никифора, который о ней учит подробно. Пишет о том, как творить молитву. И как тебя учит — так и делай; он учит верно.

Хорошо и это узнать тебе о молитве: если будешь творить молитву легко, собравшись умом и приковав его к словам молитвы внутри сердца твоего, то погрузится молитва внутрь сердца твоего, очень сладкая, и согреется сердце от молитвы и начнет слезить, и потекут слезы сладкие, и молитва будет умножаться, а равно любовь к Богу и к ближнему. Но никогда не дерзай эти утешения, что приходят от молитвы, считать знаком того, что ты помилован, но знай добре, что теплота, которая бывает вначале от молитвы, есть от действия, которое тебя борет, а не от Божественного действия. От этой теплоты, которая бывает вначале, и слез, которые бывают от молитвы, многие прельстились, полагая, что они происходят от Божественного действия, не познавая лесть диавола, прельстились (отпали от истины) и сделались посмешищем пред св. отцами и слушающими их. От этого да познаешь истину. Когда творишь молитву, то это проклятое действие, которое обитает внутри тебя, но вне сердца твоего, — научись не замечать и не услаждаться. Иначе оно воздвигает страсти и подаст тебе помысел лукавый, чтобы тебя усладить, чтобы ты оставил молитву и, услаждаясь, не боролся с ним, чтобы пребывать ему внутри тебя. Ты и не слушай и не борись с ним, а будь невозмутим и не отнимай своего внимания от слов молитвы. И когда изгонишь вон его, это действие диавольское, еже есть сам диавол, который тебя борет. Тогда будет действовать слава Божия. И возрадуешься очень, поскольку имеешь помощника и утешение в бранях твоих — Божественную помощь. Деятельности твоей не оставляй, пока не вселится в тебя Сладчайший Владыко, и тогда престает

деятельность, начинается видение, и ты радуешься о Пресвятой Его Славе. Деятельность — это вечерня, повечерие, утреня, часы и канон твой и чтение. Это помощники твои во время брани! Таким образом и св. отцы побеждали лукавого диавола и обрели свет. Так подобает и безмолвнику проходить путь безмолвия, имея в помощника деятельность, когда хочет преуспеть в безмолвии, т. е. когда ослабевает его молитва, да бежит к деятельности, и когда искушается в деятельности, да бежит к молитве. И так безмолвник побеждает легко, с помощью Божией. Некоторые же оставили деятельность и только одну молитву держат, таковых удобно побеждает искушающий диавол, как неимущих деятельности, своим помощником. Ибо во время брани престает молитва, и тогда отправляются они в путь, чтобы избавиться от брани, и остаются бесплодны. Это все плоды прелести. Плоды же Святого Действия сначала много тебя иссушают, и когда окрепнешь и выстоишь в искушениях, тогда утешишься, имея слезы изобильные и сладкие, и дается тебе просвещение разуметь Писания, и обогащает тебя любовью к ближнему и ко всем, просвещает тебя, говорит, что ты грешнейший всех человек, источает слова благия и, когда спишь, во сне твоем изъясняет Писания, Св. Евангелие и пророков, и, когда встанешь от сна, находишь всего себя в слезах. Другие же дарования, которые придут потом, когда достигнешь в таковое состояние, тогда и познаешь. Слушай этому. Да не объявишь никому ничего, ибо только от плода познаешь истину. Потому что ныне вовсе нет почти человека искусного, который бы опытом познал это и помог бы тебе, ибо неискусный и вместо помощи низвергнет тебя, и ты обратишься вспять и потеряешь все это.

Если же хочешь понять, чтобы не было прелести, иди к одному тому, где просветит тебя Бог, и скажи все приключившееся с тобой. Лишь не говори от себя, что это произошло с тобой, но скажи, что один брат пришел и сказал тебе это и это. Верно ли оно? И не говори, что это ты, и смотри, что он тебе ответит. И если поймешь, что он неискусен, другой раз не ходи спрашивать его, но прибегай к Богу — и не бойся!

Ученика не бери. Никогда не учи других, да не узнан будешь многими, так как этим повредишь себе. Вместо того чтобы помочь другому, повредишься и вместо пользы получишь ущерб.

Храни плоды безмолвия, и вкушай мед безмолвия, и проходи путь свой, как от начала, пока не достигнешь до конца и пока не успокоится Сладчайший Владыко в тебе, и тогда уже страха не будешь иметь, но достиг ты пристанища любви.

Когда вселится Сладчайший Владыко в тебе, то так ты узнаешь Его: появятся многие слезы. И слезы эти сами собой потекут так, что ты их и не ощущаешь. Тихо потекут каплями, без возмущения, в крайнем безмолвии. Усталости не знаешь, голода не ощущаешь, сон весьма мал, очи сделаются радостными, веселыми. Слово сладкое, очень сострадательное. И если бы была возможность взять всего мира прегрешения, взял бы на себя. И молитва внутри сама собой движется. И когда ходишь, и когда спишь — молитва сама звучит в тебе.

Тот, кто сподобится и придет в этот чин, он достиг лика Богоносных Отцов. Прочие же духовные дарования какие бывают, он познает потом.

Все что пишу, не подумай, что я их познал, но только вынуждаемый братом, ради любви Божией, написал для брата в утешение его, и не спрашивай более об этом!

Тот, кто сподобится принять возлюбленного своего Владыку и Бога, таковой человек обожается во всем! Дарования же его вся Божественны. Он нужды в учителе уже не имеет, он есть сам учитель во всем, учимый от Самого Сладчайшего Владыки.

О! Аще бы и нам сподобиться этого! Аминь.

Божественного утешения — восхищения когда достигнешь в меру, о которой мы сказали, от Божественной благодати, то не познаешь себя с телом, или без тела, а будешь восхищен ты в видении, по Апостолу Павлу, как он говорит. И ум твой, и дух твой будут находиться в высоте — это есть Божественное. И, когда придешь в себя, о том что видел, не благоволит Св. Дух сказать кому-либо, так как есть твое утешение от Сладкого Владыки Христа. Это есть истинное видение. Прелести же знамение — чтобы похвалиться и проповедать всем, что видел мечтания и воображения, и написать их в книгу, чтобы прочитал и другой. Это все прелести. Тем более в это время нет никого, кто бы объяснил нам: добро ли это, или зло.

Бог да сохранит нас от всех прелестей.

Аминь.

Св. гора Афон.

СХИМОНАХ ПЕТР (КОЗЛОВ)

Мирское имя Павел — Андреевич Козлов. Крестьянин из Калужской губернии, Медынского уезда, Богдановской волости, села Логочева. Родился в 1874 году. Имя матери — Агафия. Прибыл на Афон 20 сентября 1909 года. Поступил на Новую Фиваиду (скит Свято-Пантелеимонова монастыря). Пострижен в рясофор с именем Павел, в мантию с именем Петр — 12 марта 1914 года, в схиму — в сентябре 1919 года. Последние годы жил в обители. Послушание проходил на огороде, на клиросе уставщиком. Преставился 26 марта 1952 года.

Выдающийся подвижник, постник[33] и молитвенник, делатель непрестанной Иисусовой молитвы, свой духовный опыт изложил в особом дневнике, оригинал которого до нас не дошел, но его список сохранился в рукописи (РПМА, слав. 905), написанной в русской келлии св. Игнатия Богоносца на Иованнице — пристани Хиландарского монастыря.

В первой части эта рукопись повторяет вышеприведенную рукопись с таким же названием схимонаха Варнавы, а во второй части есть особенные статьи о молитве, авторство которых установить

[33] *Зайцев Б.* Афон. Париж, 1928. С. 97–103; 118.

не удалось. Но если судить по записи, которая глаголет: «Позаимствовано из рукописной книжки скитского схимонаха Петра», то здесь речь может идти только о схимонахе Петре (Козлове), так как «скитскими» как правило называли фиваидских монахов, а там в это время (1940 год) другого схимонаха Петра не было. Но является ли он автором или просто переписал из других источников, нам не удалось установить, тем более что эти записи проявляют большое сходство с духовными записями схимонаха Леона (Воскресенского), наверное потому, что они использовали творения одних и тех же святых отцов. В любом случае они очень полезны для интересующихся безмолвием и умно-сердечной молитвой.

Наставление афонского инока о молитве

Наставление на умозрительную сердечную художественную Иисусову молитву во имя Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: *«Яко без мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15, 15).

Молитва: «Господи щедрый и милостивый, долготерпеливе и многомилостиве, внуши молитву и вонми гласу моления моего, сотвори со мною знамение во благо, настави мя на путь Твой, еже ходити во истине Твоей, возвесели сердце мое во еже боятися имени Твоего Святаго; за не велий еси и творяй чудеса, Ты еси Бог Един и несть подобен Тебе в Бозех Господи, сильный в милости и благий в крепости во еже помогати и утешати и спасти вся уповающия на Имя Твое, Отца и Сына и Св. Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». (Взята из книги Иоанна Кассиана).

Теперь же хочу изложить тебе, о возлюбленный мой о Христе брат, по порядку все относящееся к художественному деланию Иисусовой молитвы. Как оно должно быть и как возводит по степеням к своему наследию, откроем же сердца наши, ради любви и на пользу человекам.

Во-первых, о возлюбленный, имеем нужду объяснить, для большего порядка и последовательного достижения цели, образ монашеской жизни, свойственной монахам, где кто бы ни жил: в обители или в пустыни, в киновии или в уединении – это все равно.

Какая у нас цель была, чтобы выйти из мира, и поступить, и жить в обители, или выйти из нее и жить в пустыне — оставить все мирское, и презревши все, и сделаться и быть монахом. Итак, возлюбленный, скажи мне, какая твоя была цель и какой конец имел в виду ты, сделав это? Ты, конечно, на это

ответишь, что «я сделал это ради Царствия Небесного». Так ты это хорошо сказал, возлюбленный, но о конце; не сказал, какая та цель, на которую взирая, и не уклоняясь от правого пути ее, мы можем получить Царство Небесное — конец нашего обета. Итак, ты не сказал о первой цели, а сказал о конце уже, а что касается до первой нашей цели, ты не упомянул о ней, и мало знающих о ней. Она есть и называется чистотой сердца, к которой должен стремиться каждый из нас.

Итак, о возлюбленный, к этой цели да будет всегда устремлен ум наш, и все надо направлять к этой определенной цели нашей жизни. Святой апостол Павел утверждает, что конец нашего обета есть жизнь вечная, говоря: «*Плод Ваш есть святость, а конец — жизнь вечная*». А цель наша — чистота сердца, которую он справедливо называет святостью, без которой, как выше сказано, и конец не может быть достигнут касательно этого назначения. Он же в другом месте, научая нас, знаменательно выразил самое имя, т. е. цель, говоря так: «*Задняя забывая и простираяся вперед, стремлюсь к цели почести Вышняго звания Божия*».

Итак, возлюбленный, что может вести нас к этой цели, т. е. к чистоте сердца, тому всей силою и надобно нам последовать. А что отвлекает от нее, того надобно избегать, как вредного или больного, ибо для этой цели все оставляем, как то: родителей, отечество, достоинство, богатство и всякое удовольствие этого мира, именно того ради, чтобы приобрести постоянную чистоту сердца.

Итак, возлюбленный брат, все наши действия и помышления всегда должны быть направлены к достижению ее. Если же она не будет постоянно находиться пред нашим взором, то не только все наши труды останутся пустыми и непостоянными, но простыми и без всякой пользы. Если же забудем эту цель, то неизбежно нам, как идущим во тьме и не прямым путем, часто претыкаться и многократно блуждать. От этого зависит то, что некоторые презрели огромные богатства этого мира, а после этого, как это бывает, возмущаются гневом за ничтожные и маловажные вещи. Они не возмущались бы за такие маловажные вещи, если бы помнили ту цель, для которой отреклись от большого и драгоценного имущества, т. е. ради любви Христовой. И хотя они все свои богатства ради любви ко Христу расточили, однако же, удерживая свои пристрастия сердца к вещам мира этого, иногда гневаются и скорбят и того ради остаются бесплодными и пустыми, так как не стяжали и не имеют они Апостольской любви. Он, приводя это в дух, говорит: «*Если я раздам все свое*

имение и предам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в этом никакой пользы». Нищета и даже расточение этого имущества не составляют еще совершенства, но несут только средство к совершенству. Этим ясно доказывается, возлюбленный во Христе, что совершенство не тотчас приходит с расточением этого имущества или с отвержением достоинств, но состоит в любви, которой свойства описывает Апостол и которая может пребывать только в одном чистом сердце. Итак, для этой только чистоты нам надо в пустыню удаляться, а если мы не будем этого иметь в виду, т. е. чистоты сердца, то и пустыня нам ничего не поможет, и конечно, и в пустыне будем пусты.

Итак, возлюбленный о Христе брат, этим правилом мы возможем избежать уклонений во всякие погрешности и развлечения и по прямому направлению достигнуть желаемого конца (из бесед Кассиана Римлянина).

Лучшим же средством для приобретения чистоты сердца служит молитва вообще и в частности умно-сердечная молитва Иисусова, о которой нам уже и слово предлежит. Внемли же, о возлюбленный о Христе брате, желая тебе вечной жизни ради любви, изложу тебе все потребное по порядку и разъясню о художественной молитве, какая она должна быть и что от нее бывает, т. е. какие от нея произрастают цветы и возрастают плоды во время свое.

Хочу писать тебе, о возлюбленный, вкратце и не буду вдаль простираться, да не умножим разнообразных слов, чтобы по многой словесности и красноречии не рассеивались наши мысли. Изложу простым словом, от чистого сердца, по любви к ближнему, на пользу человекам, и могу только то сказать, что я знаю, то и излагаю.

Что такое молитва? О возлюбленный, мы только знаем название молитвы, но что касается сущности ее и качества, то мало о том сведущих. Возьмем же один пример, а именно: если нам поставят несколько сосудов с различной водой, т. е. кислую, соленую, горькую и сладкую — на вид она во всех сосудах одинакова и название ее также одинаково, т. е. — вода, но вкус ее разный. И если мы не вкусим ее, то и не узнаем, какая она есть. И если мы вкусим из одного какого-либо сосуда, то подумаем, что она вся одинаковая. Такие же различия бывают при вкушении свойства молитвы, по различному совершенству молящихся. И если мы будем стоять на одной степени, а в передние не стремимся простираться, то будем думать, будто больше ничего и нет, а только это одно. Что-нибудь прочитал или готовое послушал — и тем всему делу конец. Нет, возлюбленный о Христе, нам много предстоит труда и попечения о спасении души своей.

По изречению св. отцов: «Монах есть яко высокорослое древо и многоплодовитое, а мы, увы, и малых не имеем плодов. А бесплодная молитва не имеет успеха. Яко дерево познается по плодам и вода — по вкушению, так и молитва познается в преуспеянии, по плодам, вкусите и видите яко благ Господь». Молитва есть семя, влагаемое в землю, и если его не посеять, то оно, и несколько лет пролежав, не может возрасти и дать плоды. Так и молитва, если мы молимся без всякого внимания и сердечных чувств, стоим ли на церковной службе или на келейном правиле, то как тогда можем стать умом пред Самим Господом, войти в умиление и любовь Божию, которая есть радование и веселит сердце человека своим Божественным вожделением.

А без чувств сердечных стоять умом пред Богом никак не возможно. Как, например, что бы мы ни творили пред мертвецом: кричали, пели или плакали, — он не будет иметь никакого сочувствия. Так бывает и с нами на молитве невнимательной, о возлюбленный о Христе брате.

Дело молитвы, надо сказать, — нехитрое, но очень важное. Многие из нас брались за это дело молитвы, но немногие достигли до плодов молитвенных, и многие даже преткнулись и отскочили от молитвы.

По какой же причине таковое случается? По той, что не так начинают дело. Молитвенные восхождения должны начинаться снизу, как по лестнице, а если кто начал восходить из средины или сверху, а потом спустился на самый низ, то уподобляется такой быстрокрылатому и разбивается, как сосуд глиняный. Всякое дело имеет свой чин и порядок. И если мы будем идти по порядку, то тогда само дело покажет нам, что подобает творить и что говорить. А если мы начнем без чина и порядка, то не будет никакого успеха, ибо это дело не малое, но весьма великое. Знать или научиться, как молиться, — оно не хитрое, а трудное в познании правильных действий. И не напрасно названо оно св. отцами «из художеств художеством или из искусств искусством»[34], ибо ей восходим к созерцанию от деятельной жизни. Как, например, кто желает достигнуть науки, проходит все классы школы, тогда и достигает своей цели. Так и эта художественная молитва, она тоже имеет своего рода восемь степеней, т. е. перехождений, с одной степени на другую. Как, восходя по лестнице, необходимо и надо восходить из первой на вторую, чтобы взойти и на остальные высшие. А если сразу вскочим на самый верх, а потом спустимся вниз — это будет невежеством и гордостью[35].

---

[34] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. Указ. соч. С. 5.

[35] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О молитве Иисусовой. Беседа Старца с учени-

И еще и то надо знать, о возлюбленный, что у нас есть восемь главных пороков: 1-й — дух чревобесия, 2-й — дух блуда, 3-й — дух сребролюбия, 4-й — дух гнева, 5-й — дух печали, 6-й — уныния, 7-й — дух тщеславия, 8-й — дух гордости. Итак, предстоит нам немалый труд избавиться от душевных наших страстей. А поэтому, о возлюбленный о Христе, не будем так скоро вскакивать на самый верх созерцания, яко орлы быстрокрылые, а будем пока терпеть и смиряться, доколе не отрастут два крыла у нас, т. е. терпение и смирение. Тогда мы полетим и с Божьею помощью потрудимся.

Поэтому, если ты занимаешься, о возлюбленный, этим молитвенным трудом, а успеха и плода никакого не обретаешь, то прошу тебя — терпи и не скорби и не унывай, Господь все ведает и знает, когда и что нам дать, мы же сами того не узнаем. А если ты имеешь и действие уже и успеваешь в ней, то и тогда не лишнее будет изложить и поведать тебе и разные степени ее. И какие имеет качества она, и каковые производит плоды и действия; тогда, конечно, ты увидишь самого себя, на какой ты степени стоишь, и увидишь свои делания и качества своей молитвы.

Итак, возлюбленный о Христе брате, внемли, что я хочу тебе поведать, и разумей то. И если хочешь начать это дело, то начинай так, как я тебе скажу, а если не послушаешь, то и не достигнешь и не обретешь искомого. И сколько бы ты ни искал, не откроется у тебя дверь сердечной молитвы, потому что не по порядку начал это дело, и поэтому не вкусишь сладости и радости сердечной, и яко благ Господь Бог наш.

Теперь, о возлюбленный, время уже сказать нам и о степенях художественной молитвы. От нас же зависит только одно – взойти постепенно в молитвенный труд, ибо молитва дается только молящемуся.

Изложение умно-сердечной молитвы

Умно-сердечная молитва и ее степени начинаются снизу. 8-я — восхитительная, 7-я — умно-сердечная, 6-я — духовная, 5-я — созерцательная, 4-я — умно-зрительная, 3-я — непрестанная самодвижная, 2-я — трудовая, 1-я же — деятельная. Итак, вот, о возлюбленный о Христе, начинай восходить снизу, как по лестнице. Вообще употребительная молитва состоит в устном произнесении или по книге чтении положенных церковных молитв.

ком // Полное собрание творений в 8-ми томах. — М.: Изд-во Паломник, 2006. Т. I: Аскетические опыты. С. 207–210.

Художественной же молитвой, собственно, называется краткая, так называемая Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя». На первой же степени она не отличается от обыкновенной, а состоит только в повторении ее — сколько положено правилом четок, за каждую церковную службу, и весь подвиг на этой степени состоит в повторении молитвенных слов.

2-я степень. Но, как известно, одного повторения молитвенных слов недостаточно, вместе с языком надо молиться и умом. Необходимо внимание или трезвение ума, и не только во время совершения молитвенного правила, но и во все время при других занятиях.

На это требуется особый труд, поэтому и молитву на этой степени можно назвать трудовой. Когда же взойдешь на эти первые степени, пребывай на них до времени, трудись и принуждай самого себя, на каждую минуту, следи за помыслами, пробуждай самого себя, наблюдай за своей овцой, в котором она стаде пасется, т. е. смотри за умом, где он вращается, в Божественных или в суетных и непотребных местах. Как можно чаще пробуждай самого себя от забвения, как от сна, и смотри также и за умом своим строже, что он у тебя мелет: пшеницу или куколь. Когда будешь принуждать самого себя к этому делу, т. е. молитве и трезвению ума, тогда она привьется к твоему сердцу и будет действовать в тебе непрестанно самодвижно, и тогда взойдешь на 3-ю степень.

Разумей, возлюбленный, что истинное основание молитвы такое: быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире. Человеку молящемуся надобно все свое усилие обращать на помыслы. Что же служит пищей лукавым помыслам, то отсекать, а устремлять мысль к Богу и хотения помыслов не исполнять. Кружащие же помыслы собирать отовсюду воедино. Различать естественные помыслы от лукавых.

Итак, возлюбленный, если хочешь вкушать мед, то вкушай умеренно, т. е. когда бывает в тебе молитва самодвижная, тогда ум будет восходить от силы в силу, т. е. в умозрительную область, и тогда тебе будет уже легче бороться с помыслами, и будет происходить предочищение ума и сердца, и, приводящее к созерцанию, это — степень 4-я, молитва умозрительная.

Побежим, возлюбленный о Христе брате, побежим к источникам, как олени, и напоят они души наши благочестием и слезами умиления. Говорит Господь: «*Аще кто жаждает, да грядет ко Мне и да пиет*», «*веруяй в мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут воды живы*» (Ин. 7, 38). Преступающие

же ко Господу должны совершать молитву в безмолвии, в мире и в великом покое и внимать Господу, не с воплями непристойными и смешными, но с томлением сердца и трезвенными помыслами.

Рабу Божию надлежит пребывать не в неустройстве, но во всякой кротости, мудрости, как сказал пророк Исаия (66, 2) (Позаимствовано из Макария Великого).

Скажем, возлюбленный, касательно молитвы умозрительной и созерцательной. Такая молитва бывает тогда, когда ум достигнет места сердечного и отверзется ему вход в сердце. Тогда ум делается владычным и крепким, яко лев. Владычным он делается по своей усмотрительной силе, и крепким — по восхождению его в сердце. Тогда он возненавидит всех там пресмыкающихся, т. е. злые помыслы, и будет их разбивать, яко Вавилонских младенцев о камень, т. е. о Христе Иисусе Господе нашем, по своей усмотрительной силе и крепости, мысленных взглядов, видя их издалека. Тогда же ум будет восходить на созерцание и познание тварей. По временам же восходит он и на такое познание, что, рассматривая всю природу, с радостью сердечной всюду видит и познает Бога в творениях руки Его. Взглянет ли он на тварь небесную, на солнце, луну, звезды и облака, и духовно видит он, что все они движутся какой-то невидимой рукой. Взглянет ли он на землю — увидит, сколько всяких растений, трав, цветов и деревьев, и познает, как по назначению Божию они приносят плоды во время свое и всем им Господь дал имена. И нет ни единого на земле и на небе творения, чтобы не было ему имени. Ангелам, людям, зверям, скотам, птицам, рыбам и всякой звезде дается имя. И всякому гаду малому и великому, всякой что есть в поле травинке, цветочку — и всем им есть имена и названия. Итак, кто же всему этому нарек имена? Господь все сотворил премудростью Своей. «*Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростью сотворил еси*».

Когда же ум взойдет на такое созерцание и когда он во всем увидит Бога, тогда происходит от этого великая сердечная радость и неизглаголанная любовь ко Господу и всякой твари. Себя же видит тогда такой человек ничтожным и хуже всякой твари, а также грешным и прескверным.

Поведаю тебе еще, о возлюбленный о Христе, некую неизглаголанную вещь, касающуюся познания человеческой природы. Невозможно передать так, чтобы было в точности, но насколько будет возможно, настолько изложу и поведаю. Человек во время молитвы имеет способность сверхъестественно погружаться во глубину сердца. Это обыкновенно бывает после пролития

слез, тогда он приходит как бы в исступление сердечное и успокаивается, и почивает от всех дел своих, т. е. от мысленного перехождения, и успокаивается в сердце и там почивает, как царь на ложе. И в это время он бывает весь в Боге, или Бог с ним и в нем, и тогда Дух берет его и показывает ему то, что никогда он подобного не видал и не мог даже помыслить о том. Ум, входя в таковые познания и созерцания, видит, например, монашеский род как кротких и нищих духом. Приходит к нему радость и любовь, которую не можно в точности изъяснить. Взял бы каждого человека и, если бы было то возможно, ввел бы всех в Царствие Божие. И понятно бывает блаженство тех, которым Господь сказал: «*Блажении нищии духом яко тех есть Царствие Небесное*». И затем при этом представились в уме такие люди, которые когда-то сильно оскорбили тебя, тогда ум смотрит на них с такой любовью, которая все эти злые воспоминания погашает, яко вода огонь; сказано же: «*Любы не мыслит зла*». И если бы можно было, то взял бы каждого на руки свои и отнес бы их к престолу Господню и просил бы о них Господа, чтобы Он простил их вся согрешения. Потом ум переходит к тем, которые много грешат, и видит таковых безумными, и немыслимыми, и творящими то, что будто они и сами не знают того. По отношению к этим людям ум приходит в великую скорбь, сострадание и в великий сердечный плач. Потом еще ум мысленно переходит и не к христианам, видит турок, евреев и прочих, яко овцы, рассыпанные волками, смятенны и отвержены они, не имущие пастыря. И на таковых смотря, приходит в великую скорбь, и жалость, и сострадание, и от такого жалостного настроения происходит сердечный плач о всех сих находящихся в каковом-то великом унынии и омрачении.

Затем ум смотрит на всю тварь и простирается ко всему любовью, вся тварь представляется под покровом Единого пастыря Творца и Зиждителя Бога нашего, из тьмы воссияет свет в познание Бога и Господа. Это степень 5-я.

Скажем о молитве духовной, перехождении ума во область духовного мира. О Возлюбленный, когда ум войдет в духовный мир, тогда он сделается исступленным от горения сердца, сделается не самовластным. Одна тогда только мысль останется с сердечным чувством, и молитва в сердце сама собой творится, и человек приходит в великое удивление. И как сама собой молитва творится и от удивления и неудержания самого себя восторгается, внезапно приходит радость и духовный восторг. И от радости этой изливаются слезы

умиления, и видит человек тогда себя недостойным такого утешения. Такая духовно движимая молитва называется духовной.

Вы не сравнивайте ее одинаково с 3-й степенью, которая также непрестанна, хотя имеет большую разницу от этой, как луна от солнца. На луну можно смотреть, а на солнце – нельзя, так и эта духовная молитва имеет разницу от той непрестанной молитвы, происходящей от навыка и привычки.

Степень 6-я. Когда эта степень человека пройдет, тогда, по Апостольскому изречению, он «*простирается в предняя*» и достигает высшей степени совершенства в христианской жизни.

Когда ум пройдет эту указанную деятельность, тогда он уже будет субботствовать, как и Бог шесть дней творил, а седьмой почил, так и молитвенник приходит в некую сокровенную область сердечную, по исступлении из внешнего, и будет там успокаиваться от всех дел своих, т. е. всяких помыслов и суетных мечтаний. Ибо душа, по изречению Макария Великого, сподобившаяся избавиться от срамных и нечистых помыслов, субботствует субботу и покоится истинным покоем, пребывая праздной и свободной от всех темных дел.

В преобразовательной субботе хотя и успокаивались израильтяне телесно, но души их связаны были лукавством и пороками, а эта истинная суббота есть истинное успокоение души, пребывающей праздной от сатанинских помыслов и покоящейся в вечном покое и радости. Ибо Господь и призывает человека к покою, говоря: «*Придите ко Мне вси труждающиися, и обременении и Аз упокою вы*». И те души, которые покоряются и приходят, они упокоеваются от всех тяжких обременительных и нечистых помыслов. Делаются они праздными от всякого беззакония, субботствуют субботу истинную приятную и святую, празднуют духовный праздник и исполняются неизглаголанной радости и веселия. Совершают от чистого сердца служения, чисто и благоугодно Богу. И это есть, возлюбленный, истинная и светлая суббота, поэтому будем и мы умолять Бога, чтобы и нам войти в покой этот и упраздниться от всех срамных, и лукавых, и суетных помышлений. И таким образом прийти в возможность служить Богу от чистого сердца и праздновать праздник Св. Духа. Блажен, кто войдет в покой этот. Это — степень 7-я (Макарий Великий. Гл. 276 и 279).

Степень 8-я. Что есть и называется восхитительной молитвой, то об ней нам нелепо и говорить. Сказано св. Исааком Сирином: «Из рода в роде один, может, достигает такой степени молитвы».

Такова, о Возлюбленный во Христе, так называемая художественная молитва. Какие же от нея происходят действия и возрастают плоды, в этот час узнаешь из нижеследующих глав. Разумей, о возлюбленный, наперед, что я хочу тебе сказать. А именно: если желаешь проходить мысленным путем, и проповедать безмолвную жизнь, и одним заниматься этим делом, и иметь *«едино на потребу»* непрестанную молитву, то и приготовься к этому делу по чину своему.

Во-первых, пройди наперед послушание в обители или под старцем несколько лет — и тогда смотри, есть ли у тебя такое желание, и возгорелся ли в тебе огонь ревности, и сильное ли ты имеешь стремление достигнуть первой цели – очистить небольшой участок свой, т. е. земли сердечной. И если есть у тебя это, то, по благословению духовника, оставь тогда все и возьми крест свой и гряди вслед Господа. Оставь всякое попечение мира этого, но имей веру и надежду на Господа, и Он *«тя препитает»* и *«не даст во век молвы праведнику»*. И когда приобретешь для себя удобное для безмолвия место, тогда возьмись с терпением за молитвенный труд и чтобы непрестанна была творима устами твоими молитва «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Имей себя всегда принужденным к этому делу, и при том присоедини непременно трезвение ума, без которого невозможно преуспеть в этом великом деле. А если оставляешь монастырское послушание и хочешь вторгнуться без этой цели ради самовольной жизни, то прошу тебя, возлюбленный, не трогайся с места, терпи, что найдет, пей лекарства послушания — и будет здорова душа твоя, так как без этой цели многие из нас вышли из послушания. Будешь тогда, как и я, раб неключимый и непотребный, и ни на какое доброе дело не способный, только прочим на соблазн и на разорение душ наших. Итак, возлюбленный, всякое доброе дело делается с рассуждением. Сказано: *«Спасение – во многом совете»*.

Наперед надо испытать прежде самого себя, способен ли будешь этому жительству. Для ясности дела возьмем один пример, когда хотим положить в какой-нибудь сосуд какое-либо благовонное масло, тогда мы наперед еще осматриваем, чист ли он, и если нечист, то со тщанием вымываем, вычищаем его и тогда уже вливаем в него благовонное масло.

Так надо поступать и с сердцем нашим. Первоначально надо очистить его от всякой скверны, а потом уже вливать в него и чистую молитву. И как можно нам нечистым соединиться с Господом Чистейшим и Пресвятым?

Это никак не возможно. Непременно надо все силы употребить на то, чтобы отбросить ветхого человека, вопия ко Господу день и нощь так: «*Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*». Итак, возлюбленный, имей всегда эти два дела. Если хочешь быть чистым сердцем, т. е. молитву иметь и трезвение ума, то удерживай его всегда у себя и при себе, чтобы он не парил ни на какие суетные дела, а то он мятется яко конь без узды, срывается со своего стойла.

Держись этого дела всегда и пребывай в нем до времени, терпи, что найдет. Терпящие, сказано, не постыдятся. Да поможет тебе в этом Сам Господь.

Когда же начнешь такой труд, тогда вскоре увидишь самого себя, оттого, что будешь бороться с помыслами и познаешь свою немощь. И от этого познаешь весь род человеческий, в какой он находится прелести и в плену у иноплеменника, т. е. диавола. Познаешь также, как человек не может и не имеет во владении даже, увы, самого себя и не может без помощи Божией сам собой удерживать и ума, и молитвы при себе.

Сперва дело молитвы внимательной покажется тебе, конечно, очень трудным и невозможным, а потом, чем дальше будешь принуждать самого себя, тем она станет легче, и будет ум приходить к очищению, а с очищением будет увлекаться в сердечную область. Познание самого себя и своей немощи — это истинное смирение, научающее нас смиренно действовать и сокрушать наши сердца и потом удостаивает от Господа дарования слез и покаяния. И тогда увидишь грехи свои, и все они придут тебе на память, и что только ты натворил от юности и до этого дня.

И от этого именно видения и познания самого себя придет сокрушение сердца, и тогда начнешь ты плакать и проливать слезы прежде за себя, а потом и за весь род христианский. «*Сие труд есть предо мною донде же вниду во святило Божие*» (Пс. 72, 17).

Разумей и еще, что я скажу тебе, возлюбленный, а именно, когда получишь дарование слез, тогда переплывешь море страстей. Тогда ум из головы будет переходить к сердечной двери, и это похоже на то, как рыба, когда тепло, то она плавает чуть не на поверхности воды, а когда уже делается холодно, то она уходит вглубь, так и ум наш — когда будет приходить к очищению, то он начинает погружаться в глубину сердечную, будет храниться от всех страстей, яко рыба от зимнего холода. Этого ради по «*всем заповедям твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех*».

Это правда.

Итак, о возлюбленный о Господе, проси, во-первых, у Господа дарования себе слез. А после слез придут к тебе еще и другие некие вещи, а именно придет: умиление, любовь к Богу и страх Божий, также ревность, терпение, и усердие к молитве, и ненависть ко всякому греху, унижение, укорение самого себя и сокрушение сердца, и будешь плакать день и нощь. Если же ты этого дарования не получишь, то и не знаю, как тогда и можешь ты достигнуть до какой-нибудь добродетели или взойти в видение самого себя. Слезы душу омывают и сердце очищают. И предочищенное сердце Бога узревает, ибо сказано: «*Блаженни чистий сердцем, яко тии Бога узрят*». И еще скажу тебе, о возлюбленный о Господе! Если только хочешь научиться этому спасительному делу, т. е. художественной молитве, то наперед возожги огонь ревности и вооружись великим терпением, облекись в смирение и самого себя укорение. И тогда возьми меч духовный, что есть Слово Божие, и вступай тогда на поле битвы, при этом имей страх Божий и смотри за неприятелем твоим строже. А если нет у тебя этого огня, то и не берись за это великое дело. Ибо надо много для этого дела готовиться.

Во-первых, надо быть совершенно свободным и без всякого попечения и суетных дел. Также необходимо отсечь всякие собеседования и постоянно пребывать у ног Иисусовых, как Мария «*благую часть избра*» (Лк. 10, 42), и едино на потребу, потому именно, что это дело непростое. Если же ты не имеешь ни ревности, ни способности к этому делу, то чего можно и ожидать из того хорошего, чтобы начать только, да и бросить. Поэтому, прежде этого, требуется одно: возьмись крепко за терпение и, конечно, терпи до конца; «Терпящие, — сказано, — не постыдятся вовек».

Если здесь не обретешь плода молитвы, то Господь наградит тебя в будущем веке за твой труд и терпение. Только имей твердую веру в Господа нашего Иисуса Христа, молясь Ему, и прибегай как можно почаще ко Св. Причащению, так как это есть корень и основание сердечной молитвы и оттуда только безмолвник получает силу и победу на помыслы и диавола (Опыт).

Внимай.

Желал бы я этого молитвенного блага каждому человеку, а более всего монахам. Монашеский род и избрал Господь на это, т. е. на непрестанную молитву; мы же, нынешние монахи, и думать о ней забыли (наипаче пишущий это о ней).

Смиряйся.

Теперь хочу тебе напомнить о важном, а именно: когда будешь творить молитву, то прошу тебя, не ищи у себя места сердечного и не углубляй ума внутрь себя насильно, а держи его свободно. Только одно: смотри за помыслами и останавливай ум на словах молитвенных. И в этом да состоит весь труд твой, а наипаче во время молитвенного сидения, смотри за ними, т. е. за помыслами построже. Имей страх Божий, и от этого упражнения будешь очищать свое сердце. Держись, о возлюбленный, этого делания, будь яко лев, гневайся на помыслы, да не согрешишь пред Богом — не принимай никаких помыслов, ни хороших, ни дурных. Ибо если плохие будешь отметать, а хорошие лелеять, то, конечно, за хорошими незаметно войдут и плохие, и, наконец, ошибешься. Когда же будешь в этом деле упражняться, то будут к тебе приходить помыслы и такового рода: «Я все-таки им не поддаюсь, а все они побеждают», — и другие разные, и тому подобные, самохвальные, но ты смотри строже и не принимай их. Будут также являться желания, чтобы увидеть какого-нибудь святого или Ангела, или хотя беса, но ты смотри и никогда не желай никого видеть. А скажи сам себе, что «я человек грешный, и весь в страстях, и не достоин никаких видений, уйди от мене, пес смердящий!» Затем найдут на тебя разные помыслы, как град, надвинутся на тебя, как облако, всякие страсти и будут обуревать, как волны на море, будет приходить на ум все, сделанное тобой от юности твоей и до этого дня, и все тогда вспомнится, о чем и мало знал. Все также нелепые страсти будешь видеть, как в зеркале. И все греховное тогда восстанет и возмутится в тебе, как в помойной яме. Но ты во всех этих (кознях диавольских) не должен приходить в отчаяние, но бороться и трудиться по силе своей с великим терпением и смирением. И поверь мне, что вскоре (после этой дьявольской бури) получишь от Господа дарование слез. А как получишь это, тогда пойдешь дальше, и не затруднишься, и будешь преуспевать во всякой добродетели. Трудись же, и принуждай себя на каждый час и минуту, и получишь милость от Господа, Который сказал: «*Нуждницы восхищают Царствие Божие*».

И еще тебе скажу, когда взойдешь на этот путь, то непременно найди себе удобное уединенное место, и чтобы жить не больше как с одним единодушным, а иначе не сможешь скоро преуспевать по немощи нашей.

Это делание требует, чтобы быть совершенно свободным от всякого попечения; и если имеешь ты какое рукоделие, то делай не более трех или четырех часов в сутки, по нужде своей. Поверь мне, что это дело непростое, это — жизнь другая, отличная от жизни в обители. В ней — труд преимущественно

телесный, а здесь — духовный. Поэтому требуется пребывать без всякого смущения духа. Некоторые же делают очень многое, а хранить и не думают, сеют яко в терние, поэтому и не производится в них плода, т. е. познания самих себя. Но именно для этого мы и призваны Богом.

Сколько прежде бывало на виду таких светил, что можно было от них поучиться и узнать волю Божию, а теперешнее время — увы! «*Оскуде преподобный*».

Однако я ценю и обитель. Кто приучил себя ко вниманию, тому лучше в обители, чем в пустыни. И тот скорее может преуспевать, по причине того, что там он может жить без всяких попечений и забот. Все там готово и ни о чем заботиться не надо, только заниматься одним лишь рукоделием и внутренним молитвенным трудом.

В келлию к себе никого принимать нельзя, и самому также кроме церкви и трапезы никуда ходить не должно. Затем следует найти себе единого не в прелести вопрошателя и советника. А если его не найдешь, то предайся весь на волю Божию, и Тот тебя научит, и сам познаешь Его Промысел о тебе: что надо творить, что говорить. Только имей к Господу всю свою душевную веру, любовь и расположение. Самого себя на каждый час и минуту всячески укоряй. Если же не можешь самого себя видеть в чем-либо заслуживающим укорения, «все-де правило исполняю в точности и т. д.», то ты растешь как дикая маслина, а плода не обретается на тебе. Тогда внимай, что я скажу тебе: отсеки все правила твои на одни сутки, покушай и попей досыта и ложись спать, и спи пока не выспишься, и тогда встань и посмотри на свою совесть. Что она тогда тебе скажет? И тогда начинай укорять самого себя, и скажи самому себе: «Вот так подвижник ты, вот так монах! Что же это?! Разве бывают такие монахи и разве делают так: накушаются, напьются да и спят? Вот так монах!» И потом обратись ко Господу: «Господи! Господи! Господи! Прости меня такого прескверного, ленивого и нерадивого. Прости, Милосердый Господи! Прости, Иисусе Христе! И что мне делать? Господи! И как спасусь я? Ведь по имени я монах, а не мирянин, но разве бывают такие монахи, увы!» Говори и прочее подобное тому. И тогда внезапно придет к тебе сокрушение сердца, и будешь плакать. А если и после этого не придет плач, то и еще сотвори вышесказанное, и наконец Бог смилуется, и привьешься к дикорастущей маслине и будешь приносить плод. Всячески ухищряйся сокрушать самого себя и не стой на одной ступени, если хочешь возжечь огонь ревности.

Спустись вниз в мнении о себе, и тогда будешь видеть самого себя виновным во всем и недостойным ничего.

Например, если придешь на Божию службу и чего-нибудь не захватишь, то тогда является сознание, будто ты недостоин и быть здесь, и совесть начинает тревожиться и производить скорбь и сокрушение. И тогда, конечно, весь день проходит будто в каких-то недостатках.

Итак, о возлюбленный, если будешь всегда так предочищать свое сердце, то все будет приходить во благо. Не сочти, что здесь допущена в чем-нибудь погрешность, но имей этому веру, ибо близ Господь всем призывающим Его во истине.

Итак, возлюбленный о Христе брат, шествуй путем праведным, и да поможет тебе Сам Господь. Имей в уме только Его Единого. Не ищи ты прежде времени того, что приходит в свое время. А то многие из нас сбились с праведного пути, не познали самих себя, возмечтали о высоких созерцаниях — отчего и ниспали.

Итак, возлюбленный, как и раньше говорил я тебе, так и в этот час напоминаю, что когда будешь молиться, то не ищи сердечного места, а твори молитву, во-первых, устно, в словесной части, а когда придет время, то она сама собою найдет свое место, без нашего усилия. И как Господу будет угодно, так и сотворит Он милость с нами. Господь сказал: «*Ищите, и обрящете, просите, и дастся вам, толцыте, и отверзнется вам*» (Мф. 7, 7).

Следовательно, по Господню изречению и силе Его словес, много нам, возлюбленный, предстоит труда и пота и пролития слез. С терпением великим и смирением просить надо, и, когда отверзется дверь нашего сердца, тогда и обретем тот бисер, искомый и многоценный, сокрытый на поле нашем, на месте сердечном.

Когда же взойдешь ты на этот путь, то много тебе явится многоразличных препятствий как внешних, так и внутренних. Терпи тогда мужественно, как храбрый воин Христов. Сказано же, терпящие «*не постыдятся*». Да и как нам ради Царствия Божия не потерпеть и не принуждать самих себя и не простираться вперед? Нет, возлюбленный, будем во всем терпеть и принуждать самих себя, ради души своей и ради будущих благ, которые уготовал Господь любящим Его, и за это оставим все мирские прелести и мысленные услаждения. Будем разбивать разного рода помыслы и суетные наши беседы. Будем наблюдать только за собой, а на прочих, кто как живет, да не взираем. Будем всегда и непрестанно держать молитву Иисусову со вниманием и с сердечным чувством, и потечем тогда и не затруднимся.

Еще, о возлюбленный, наперед необходимо тебе знать, если ты только хочешь водвориться в пустыни или уже пребываешь в ней, что непременно должен ты стяжать пять добродетелей, без которых невозможно нам преуспевать, а именно: 1-е — непрестанную молитву, 2-е — трезвение ума, 3-е — воздержание в пище, 4-е — бдение, 5-е — чтение святоотеческих книг. Кроме того обрети непритворное смирение, дух покаянный и сокрушенный. Если же ты без этих добродетелей выйдешь на пустыню, то это будет похоже на то, как и воин на поле битвы вышел без оружия, с пустыми руками против врага, и потому скоро и без труда неприятеля бывает побежден и захвачен в плен иноплеменниками. Так и ты будешь покорен диаволом без этих пяти добродетелей. Не смотри, что многие живут в пустыне, но мы все пленники. Тот только избавился от плена, кто ходит во свете ума, и не возвращается на мирские суетные дела, и не печется о земных и временных вещах, и не говорит о делах человеческих. Но ко всем заповедям Господним направляется, и «*всяк путь неправды возненавидех*», и возлагает все попечение на Господа, и Тот его пропитает. Итак, брат возлюбленный о Христе, что же мы теперь скажем о нынешнем времени и монашеском нашем роде?

Воистину можно сказать, что мы теперь все достойны плача и рыдания и всякого порицания. Прикрыли мы черной монашеской одеждой грехи свои, а что касается до духовного рассуждения, то мало нас с таковым обретается. Все мы имеем одно только плотское рассуждение и мирское мудрование. А что есть монах? Монах имеет большое значение, как о нем пишут св. отцы. Монах есть высокорослое и многоплодное дерево, монах есть посеянная земля, монах есть свет миру и избранник Божий, монах имеет чин Ангельский, уподобляется Серафимам и чин имеет Херувимский.

Вот какое монах имеет значение, страшно и подумать! А мы все про все это забыли, и думать не хотим, в одно только земное уклонились и в суетные заботы, и весь ум свой оземлили этими делами. И от многой этой попечительности забываем про свое благое и святое дело, что есть едино на потребу. Оземлили мы сердца свои земными вожделениями. Истинно изречение св. пророка Давида: «*Отвращу же тебе лице возмятутся*». И еще сказано: «*Где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше, яко исчезоша в суете дние наши*».

Увы мне, омраченному пленнику, омрачился умом в житейских страстях и не могу смотреть умом на высоту небесную, от многой попечительности суетных дел моих. Увы мне, окаянному, холодному, окаменевшему, нечувственному и мертвому. Увы мне, пленному и творящему волю врагов моих, и окованному нищетой и железом, и обнищавшего без всякого доброго дела.

Холодный я стал к Богу, как железо, а жизнь человеческая простирается вперед с чередованием лет, месяцев, недель, дней, ночей, часов и минут. Вместе с ними надлежало бы и нам до самого нашего исхода простираться вперед к совершенству и добродетельному деланию. Под ним разумею: трезвение, молитву и сладость сердечную при неослабном безмолвии. Сказано: *«Горе погубившим сердце и что сотворят они тогда, когда посетит их Господь»*. Поэтому и Апостол говорит: *«Кто мя избавит от тела смерти сея?»*

Теперь, возлюбленный, опять к тому, от чего мы уклонились, а именно: необходимо подобает тебе знать то, что во время действительного молитвенного пребывания будет тебе приходить некая теплота, то разумей, что теплота эта имеет многие свои степени к сердечному восхождению, а именно: 1-я теплота приходит слева, и растапливается тогда все тело и обретается сильный пот по всему телу, как в бане. Эта теплота называется очистительной. 2-я теплота приходит от почек, и, как говорит святейший патриарх Каллист: «Приходит эта теплота от почек, как бы охватывая тебя, и ты думаешь что это прелесть, но это не прелесть, но естество по сути, как бы свойство, рождаемое от подвига того». Потом и еще приходит теплота от сердца, это тогда будет, когда ум будет переходить и погружаться во область сердечную. И тогда будет исходить и теплота от сердца. Разумей также и то, что теплота имеет свои свойства и степени к перехождению в сердце, а именно: когда ум не достиг еще сердца, тогда он еще пребывает в голове, то оттуда обретается и теплота. Потом же из головы эта теплота перейдет вовнутрь, как бы опоясывая. Наконец, мало-помалу, когда ум перейдет в сердце, вместе с ним перейдет и теплота, и, когда достигнут они своего места, тогда уже будет исходить и совершенная теплота сердечная.

Но никак не возможно обрести сразу теплоту сердечную, никак не будет ее, будет только не духовная. Еще скажу в дополнение о другой теплоте, которая называется прелестью и которая приходит снизу от чресел. Она приключается оттого что во время молитвы, от самого углубления, когда ум бывает напряжен внутрь, оттуда начинает происходить неприязненная теплота, и разжигается молитвенник, и касается эта теплота похотной части. Ум бывает тогда смущен, и находят на него блудные вожделения, такая теплота от неприятеля, т. е. от диавола. И поэтому необходимо различать, каковая истинная теплота, а какая от врагов наших бывает[36].

---

[36] Ср.: *Григорий Синаит, прп.* О прелести // Творения. — М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 1999. С. 105—106.

При истинной теплоте, когда ум достигает места сердечного, то он приходит в исступление, т. е. останавливается от всякого молитвенного движения, и бывает чистым и радостным во ужасе, а в сердце — яко уголь палящий, и движение молитвы приостанавливается. Подобно тому, что чувствовали Клеопа и спутник его Лука, «*И рекоста к себе, на сердце ли наго, горя бы в наю, егда сказоваше нам писания и егда глаголаше на пути*» (Лк. 24, 32). После же того бывает, как будто человек не имеет на себе бренного тела, и ничего не приходит ему тогда: ни сон, ни уныние, ни отягощение, все это исчезает яко дым, а дух парит сильной любовью к Богу и услаждается Божественными вожделениями. Душа же наполняется небесною радостью, поет. Такова, возлюбленный, бывает сердечная теплота.

А что касается до той теплоты, которая от почек приходит, то это не от благодати и не от врагов, а от естества, от труда и подвига. Той теплоты бояться нечего, она и должна быть, это ее степень.

Теперь же, о возлюбленный, помянули мы, кажется, обо всем и можем различать черное от белого, а также хорошее и плохое. Но и еще скажем нечто о телесном стеснении, а именно: когда будешь сидеть на молитве, то будет тебе приходить некая внутренняя боль. Кроме области сердечной, она происходит в разных местах, как, например, в груди или под ложечкой, или в животе, или и еще где-нибудь. Это делается от напряжения ума и неправильного внимания, потому что ум не достиг еще сердечного места, а ты прилагаешь для помещения его в сердце усилия. Этого не должно быть, и не надо так делать. Держи внимание, как мы говорили, на словах молитвенных, т. е. чтобы умное око видело слова молитвы, а сердце чувствовало, что ты говоришь. Или держи внимание сверху сердца. Сердце же имеет место под левым сосцем, а ты держи внимание сверху левого сосца, в глубину же его не допускай, а то ум погрузится под чрево и будет там причинять боль неприятную или будет воздвигать теплоту непотребную.

Затем помянем еще и о случающейся некоей боли сердечной, а именно: когда ум достигнет сердца, тогда будет боль сердечная, но приятная, тихая без смущения, желательная на всю жизнь, потому что тогда ум и внимание безысходно будут там пребывать[37].

---

[37] Ср.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* О молитве Иисусовой // Полное собрание творений. В 8-ми томах. — М.: Паломник, 2006. Т. II: Аскетические опыты. С. 276–280.

О воздержании и посте. Зри

Теперь же еще скажем немного, какой требуется чин и порядок о воздержании в пище, а именно: если хочешь пожить мысленным путем, то скажу тебе, большого поста не держи, чтобы не расслабить себя в пути твоем и чтобы не смущался ум твой. Ибо от этого придешь в изнеможение, и сотворишь из себя неключимого и никуда непотребного, и в этом пользы мало.

Святые отцы сказали, что пост сам по себе не есть добродетель, а только способ к добродетели. Поэтому будем иметь мерное воздержание, и по силе своей. Будем идти путем средним, ибо пост не силен воздать дарование, а дает един Бог. А которые весь труд и надежду возложили на пост, ошиблись и сделались рабами неключимыми, так как Господь сказал: «*Воздадите кесарева кессареви, а Божия Богови*» (Мф. 22, 21). Так и нам, что естество требует, то и надо воздавать ему, без чего и жить нельзя.

Пожалуй, я поведаю тебе, какое надо иметь мерное воздержание. Вари каждый день без особых хлопот и кушай один раз в день в 9 часу, а по принятому в России времени — в три часа. А если по слабости телесных своих сил не сможешь того понести, то хотя бы воздерживайся всякий день и воскресный тоже. Итак, иди этим путем да не заблудишься, и считай себя лучше немощным и непотребным, а также смиряйся и укоряй себя во всем, зри самого себя во всем недостаточным, виновным и грешным пред Богом. Имей сердце сокрушенное, и если слез не имеешь, то плач душевно. Да смилуется над нами Господь, и подаст нам Свою помощь, и да направит на путь истины. Да потецем и не затруднимся. Близко Господь ко всем, призывающим Его во всем.

О возлюбленный, скажем теперь еще и о том, что касается и до молитвенного нашего правила, а именно: надо нам иметь на каждую ночь бдение до полуночи, потому что это делание требуется для очищения ума и сердца. Проводи дневное время в чтении кафизм, с молитвами и тропарями. Потом держи Иисусову молитву. С вечера после повечерия садись на молитву Иисусову, как раньше сказано. Имей трезвение ума, и очищай свое сердце от всякой суетности, и отметай все непотребное, и разбивай о камень, о Христе Иисусе. Напрягай ум вниманием на приходящия мысли, чувства, не впускай первых, не взойдут и вторые, «*во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Божия, вся делающия беззаконие*» (Пс.100, 8).

Посиди часа два или сколько можешь, потом встань и читай кафизмы, потом опять на молитву, большую часть времени проводи во Иисусовой молитве. А также и во время дня посиди хотя один час в этом занятии, и чем

больше будешь сидеть, тем скорее преуспеешь в очищении ума и сердца, и непрестанно твори молитву Иисусову. И во время твоего хождения и сидения имей ум трезвенный и смотри за ним построже, а также имей и страх Божий. Марии подражай и не имей в виду ничего, а взирай только на того, кто сказал *«огня приидох во врещи на землю, и что хощу аще уже возгорится»* (Лк.12, 49).

А книги читай, какие подходят к твоему жительству и которые говорят о молитве и о трезвении ума. Каждый день прочитывай сколько можешь св. Евангелие. И так будешь шествовать в мысленную область и достигнешь, с Божией помощью, искомого бисера многоценного, скрытого на поле сердечном[38]. Только смотри, не ищи того прежде времени, что бывает в свое время, а пока надо смиряться и сокрушаться и считать себя во всем недостойным. Одного проси у Господа, чтобы Он Всемогущий даровал тебе слезы покаяния, и затем пребывай в них до времени, а остальное будет приходить к тебе само по себе Божиим произволением, а не нашим хотением. Господь видит и знает, что нам дать и что нам на пользу.

Прошу тебя также, не забывай призывать себе на помощь и Пресвятую Богородицу Владычицу нашу, Матерь Божию, Которая скоро будет тебе Помощницей. Она очень благоволит к тем, которые имеют чистое сердце, и исполняет скоро всякое таковых прошение, и подает им утешение, как скорая подательница всяких душеспасительных благ. Она во всем поможет тебе на всех путях твоих.

И так, о возлюбленный, введем самих себя в такой труд, и принудим себя к этому делу, и взыщем и обретем молитву и Матерь, Которая рождает всякие добродетели. О возлюбленный! И как нам не взыскать такую Матерь, которая имеет силу действия, и чем мы ее возыменуем или возвеличим, и к чему мы можем Ее применить.

Молитва есть ходатай пред Богом. Молитва как море, в ней всяких добродетелей малых и великих нет числа. Молитва как огонь Божественный, попаляющий всякие страсти греховные. Молитва есть как земля предобрая и плодовитая, дающая плоды добродетелей. Молитва как Мать Небесная, призывающая и приводящая к престолу Царя Небесного. Кто ее возлюбит и взыщет, тот потечет как по лестнице, возводящей от земли на небо к своему наследию.

О Молитва! О Царица всякой добродетели! О свете небесный, освящающий умы и сердца человеческие! О подательнице всякой благости! Что мы можем сказать и что скажем о тебе, неисчислимая без дна милосердия? О Царице

---

[38] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* Аскетические опыты. Указ. соч. Т. I. С.163–165.

и зеркало Божества! В тебе усматривается Сам Бог. Ты безначальна и бесконечна и не имеешь всякого предела! Но как будем именовать тебя, когда в тебе есть неисчислимое множество всяких добродетелей. Молитва по цене одна превосходит самые великие телесные добродетели, сколько бы их кто ни имел. Этого ради и надлежит называть это сокровище самыми почетными именами ради рождающихся из нея светозарных добродетелей.

Возлюбившие молитву из грешников и непотребных и скверных невежд, несмысленных и неправедных, силой Иисуса Христа сделались праведными, благопотребными, чистыми, светлыми и разумными. Они начинают созерцать таинства и богословствовать, сделались созерцателями. Они переселились к тому пречистому беспредельному Свету, так что на этих первоангелах явно исполняется слово Божественного Давида: «*Обаче праведнии исповедятся имени твоему, и вселятся праведнии с лицем Твоим*».

Следовательно, о возлюбленный, как же нам не взыскивать таковую небесную сокровищницу, обретаемую на земли сердца, в самих нас.

Молитву, кто с верой возжелает ее иметь и неослабным высказыванием с ревностью и смирением и самого себя укоренением взыщет ее, того она возьмет, как за руку, и проведет сквозь огнь и воду, и тогда возопиет он: «*... проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой*» (Пс. 65,12), т. е. огнем, теплотой сердечной и водой слез. Когда она принесет тебе слезы, скажет: «Вот тебе 1-е мое дарование, омойся им от всякой нечистоты, потом я буду тебя навещать, и когда омыешься, тогда и еще принесу тебе мои дарования. Ты меня узнаешь, когда я приду. Я пустого не посещаю. И когда мое пришествие бывает, то являюсь с таковыми знамениями: я приношу мир, радость, любовь, терпение, слезы, умиление и во мне пребывание. И от моего частого посещения попалятся терния страстей, попалятся теплотой сердечной. И тогда являюсь к тебе и будем восходить по степеням, яко по лестнице от земли на небо. Такова, о возлюбленный о Христе, святая молитва. Как же нам не радеть и не взыскивать такое небесное и дорогое сокровище. Поревнуем Евангельской жене, о которой Господь сказал в притче о потерянной драхме, как она зажигает свет и светильник, и подметает жилище, и ищет прилежно, пока не найдет потерю. А найдя, зовет друзей и соседей, говорит: «*Радуйтеся со мною, яко обретохом погибшую драхму*». Эту притчу можно понимать так: жена есть душа, драхма есть ум потерянный, а храмина есть дом душевный. Засветим же и мы светильник, зажжем огнь ревности и со тщанием будем выметать из душевной нашей храмины нечистые помыслы. И когда повыметаем все наши страсти душевные и телесные, тогда обретем ум наш чистым и светлым, и тогда

сойдутся и друзья в душевную нашу храмину, т. е. весь сонм добродетелей, и тогда будет мир, радость и веселие, так как нашелся пропавший наш ум.

Итак, возлюбленный, такое и нам предстоит старание и труд ко взысканию души нашей. Еще скажу, что многие пытались обрести молитву, но отпали от истины. Молитвы мы не достигаем по трем причинам: во-первых от неверия, не зажгли огнь ревности, и пребывания в терпении; во-вторых, от неправильного действия молитвы; в-третьих, от неупражнения в отвержении помыслов, не отметаем и не очищаем ума и сердца и оттого не преуспеваем. И если из этих трех действий хотя в одном не радим, то не можем ни в чем преуспеть.

Так еще, возлюбленный, рассудим о молитве. Если, например, будем иметь участок в лесу и захотим засеять его каким-нибудь зерном, то что, во-первых, сотворим? Не приступаем ли мы прежде всего к очищению? Не вырубаем ли и выкапываем все пеньки и тернии с корнями? Тогда же сами и все звери, и гады разойдутся. Такова нам предстоит работа ко очищению нашей земли сердечной от страстей. И когда очистим себя от всякой страсти, прозябающей в сердцах наших, тогда и будем сеять молитвой и слезами, тогда с радостью в свое время и пожнем, как сказал пророк Давид: «*Возврати, Господи, пленение наше, яко потоки югом сеющии слезами, радостью поженут, ходящии хождоху и плакахуся метающее семена своя, грядущии же приидут радостью вземлюще рукояти своя*» (Пс.125, 6).

Теперь же, о возлюбленный брате, скажем нечто в дополнение и о слезах. Они тоже имеют своего рода степени к восхождению, а именно: первые слезы называются покаянными, вторые — умилительными, третьи — утешительными, четвертые же — созерцательными. Вот сколько родов слез, и о всех их надо иметь понятие.

Первые, именующиеся покаянными, приходят от познания самого себя. Когда кто взойдет в таковое видение и увидит самого себя, что он очень грешен, и прескверен, и непотребен, и много гневает Господа, когда придут на ум ему все грехи его, какие он творил раньше, — от этого видения сокрушается его сердце, и он, конечно, плачет тогда и проливает слезы.

Вторые слезы — умилительные происходят от чтения или от молитвы, когда ум взойдет в словесную силу, и от словесной силы познаются усладительные слова. От этой усладительной силы словес приходят в умиление сердца, и от умиления рождаются слезы.

Третьи, так называемые утешительные слезы, происходят от того, что подвижник удален от человеческого сообщества и всякого собеседования. Тогда он может погрузиться в некую Божественную печаль, в недоумении

о самом себе. Но при этом внезапно приходит сильная радость, от которой человек плачет и про всю свою печаль забывает. Об этом плаче говорит и Господь: «*Блажении плачущии, яко тии утешатся*».

Четвертые же — слезы созерцательные, они бывают от сильной любви ко Господу, и они приходят к человеку, когда ум его взойдет в некое тайное видение. Тогда сердце его распаляется яко огнем и простирается в сильную любовь Божию, будто он Его видит, а душа как бы хочет вылететь из тела и не знает, что делать. Одно только — радуется, и радуется радостью неизглаголанною, и от этой радости плачет. От сильной же любви к Богу и радости человек тогда делается как бы сам не в себе и изменяется изменением десницы Вышнего[39]. Это состояние души похоже на то, как бы дитя, находящееся в чужих руках, когда явилась его мать, вдруг бросается к ней, плачет и радуется, и руки простирает в объятия своей матери — так и бывает и с душой нашей.

Вот такого рода, о возлюбленный, бывают наши слезы, и все они рождаются от одного сердца и даруются Господом по ходатайству святой молитвы.

Нечто еще скажу тебе, о Возлюбленный, и о форме молитвы, и как ее надо творить, а именно: когда ты сядешь на молитву, то не сразу берись за нее, а несколько минут посиди и успокой все свои чувства, всякое волнение духа, и когда остановятся все чувства от дневного всякого рода смущения нашего сердца и дух успокоится и таким образом введешь ты ум свой в мысленный свет, и будешь видеть тогда, какие и откуда будут приходить к тебе ратники и ополченцы.

Мирным и несмущенным духом смотри построже за мысленными своими движениями, и притом держи меч духовный, и ополчайся на мысленных ополченцев, которые будут ратовать. И начинай разбивать их, как младенцев Вавилонских о камень о Христе Иисусе Господе нашем. Когда же мы будем творить молитву, ум наш должен видеть и вникать в слова молитвенные, т. е. следует произносить их нескорым ходом и с рассматриванием словесной силы их, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго...» Держи непременно внимание свое на этих словах. И произноси их с сердечным чувством, так, например, пусть сердце чувствует, что ты глаголешь. И тогда бывает все собрано, т. е. слово, ум и сердечные чувства соединены в едином духе, тогда человек молится троичным образом, т. е. умом, словом и духом; ум — образ Отца, слово — Сына, дух — Духа Святого, поклоняемых во едином Божестве, как говорил Господь самарянке: «*Ни в горе этой, ни во*

[39] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О слезах // Аскетические опыты. Указ. соч. Т. I. С. 176—187.

Иерусалиме, поклонятся Отцу... Истиннии поклонницы, поклоняются Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет, поклоняющихся Ему» (Ин. 4, 23).

Если хочешь проходить дело молитвы, то скажу тебе – найди себе место уединенное, ибо если не скроешь самого себя, а будешь большей частью пребывать среди людей, то не знаю, как будешь шествовать этим путем. Едва тогда сможешь преуспеть. Не думаю, что это вообще возможно, так как без уединения не ищи безмолвия, а без безмолвия не ищи молитвы. Без успеха будет один только голый труд, и будешь подобен дереву, которое имеет только одни листья и не приносит плода. Преподобный Исаак Сирин пишет: «Яко гола ветка на садовых деревах, так и беседы человеческие сбывают плоды добродетелей. Когда монах в келлии, то сеет, а когда вышел, то развеет».

Итак, возлюбленный, это значит, что без уединения не ищи безмолвия. А безмолвия не имеешь, не ищи и молитвы. А без молитвы не ищи успеха.

Еще также надо знать, возлюбленный, что и безмолвие также неодинаково. Оно есть двух родов: 1-е — телесное безмолвие, а 2-е — сердечное. Поэтому как же можешь перейти в сердечное без телесного, т. е. устного? Это никак невозможно. Когда человек пребывает вне и вращается в народе, все видит и слышит, тогда где, где только не бывает ум его. Того и сам он не познает. И не может его уловить и при себе удержать. А когда от этого скроешься и, насколько будет возможно, перетерпишь келейный вар, тогда ум переработает все ближние помыслы, а в дальних он будет ослабевать, потому что будешь его укрощать и возвращать к себе. Когда ум все помыслы переработает, новых не будет, а старые будут забыты, тогда он волей и неволей будет углубляться внутрь себя и перейдет к сердечному безмолвию.

От безмолвия рождается молитва, от молитвы и уединения рождается сердечное сокрушение, от сокрушения происходят слезы, от слез ум переходит к созерцанию, от созерцания ум познает тварь, от твари познается и Творец.

Итак, возлюбленный, теперь можешь ясно разуметь, от чего бывает начало этого духовного делания и чем оно заканчивается. Что от этого рождается и какие сокровища скрыты в сердцах человеческих. Как и Господь говорит: «Царствие Божие внутри вас есть». Но чтобы достигнуть его, надо нам приложить немалый труд и терпение. Со смирением, и самого себя укорением, сперва очистить свое сердце. Для этого будем смотреть построже за первыми помыслами. Первые — не принимаем. Со вторыми – не сочетаемся, а третьими — не пленяемся. И от четвертых будем свободны. Первое есть прилог мыслей, второе — сочетание, третье — пленение, четвертое же — страсть.

Будем, как пророк Давид говорит: «*Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззакония*». Во утрия значит пораньше, не давая им в нас долго пребывать, а избивать вскоре от града, т. е. от сердца изгонять беззаконие, всякие вражеские (помыслы) прилоги. Будем просить Господа, чтобы Он подал нам Свою помощь, сбросить нам ветхого человека.

О возлюбленный, если будешь жить безмолвно и идти мысленным путем, и если в некое время случится тебе быть от кого-нибудь оскорбленным, и найдут на тебя сильные помыслы, и покроют тебя яко тучи, сильно будут обуревать тебя так, что и жизни не будешь рад; придут сильно злобные помыслы на оскорбителя, он-де такой и сякой, а себя в это время будешь видеть во всем правым, тогда и сон отыдет от тебя, и рад будешь уснуть, но никак не сможешь. И если случится, брат, все это с тобой, тогда, возлюбленный, поступи так: возьми Евангелие и читай его сколько можешь, час или два, а потом читай кафизмы сколько можешь, и наконец потяни четку. И так продолжай читать и молиться, пока не пройдет гнев и злоба, и, когда отойдет, тогда возблагодари Господа за успокоение смущенного сердца.

Итак, возлюбленый о Христе брате, теперь мы, пожалуй, можем и закончить свою беседу. Прошу только тебя, кто бы ты ни был, когда прочитаешь сию небольшую книжицу и возжелаешь делом испытать ту пользу для души, каковую доставляет устная Иисусова молитва, то не забудь и меня, неключимого раба, непотребного и прескверного, в твоих святых молитвах. Помолись, прошу, о грешной душе того, кто потрудился и составил сию книжицу.

На конец всего этого, о возлюбленный, желаю тебе от Господа Иисуса Христа скорого и счастливого успеха во святом и великом деле этом — умной Иисусовой молитве, потрудиться ради душевной своей пользы и ради будущих благ. И пойти путем терпения и смирения, с верой во Господа нашего Иисуса Христа и во славу Пресвятой Присносущней и Животворящей Троицы, которой подобает честь и слава, от ныне и во веки веков. Аминь.

(Позаимствовано все вышесказанное из рукописной книжицы скитского схимонаха отца Петра).

5 февраля 1940 года
Св. Гора Афон. Иваница

СХИИЕРОДИАКОН СИСОЙ (САВЧЕНКО)

Схиеродиакон Сисой (в миру Николай Евстафьевич Савченко) родился в 1842 году в мещанской семье города Ейска Кубанской области. Воспитывался в духе христианского благочестия, с детской простотой полюбил Господа и жаждал посвятить жизнь служению Христовой церкви. Окончив семинарию и не желая жениться, 18-летним юношей он поступил в монастырь. Вскоре был пострижен в мантию с именем Трифилий, а еще через три года был рукоположен в иеродиакона. Прожил он в монастыре (к сожалению, неизвестно в каком) ровно 25 лет, после чего по неизвестным нам причинам решил поехать на Афон и там продолжить свою подвижническую жизнь.

В 1885 году отец Трифилий прибыл на Афон и стал просить старца игумена Макария принять его в качестве отшельника на Новую Фиваиду. Отец Макарий немедленно благословил отца Трифилия поступить в скит, где в 1888 году он был пострижен в схиму с именем Сисой. Жил он там в отдаленной каливе пустынником и безмолвником около 35-ти лет.

Первые шесть лет отец Сисой был в полном затворе, совершенно не общаясь с людьми, только раз в месяц приходил в скитскую церковь и причащался Святых Христовых Таин, после чего вновь исчезал, уходя в свою каливу. Чем он питался в это время, одному Богу известно.

Правила отца Сисоя были таковы: ничто не должно отвлекать монаха от Господа. Руки работают, а сердце творит молитву. Устанет сердце — разум размышляет о Господе. Устанет разум — глаза читают Священное Писание. И опять все заново. Только так возможно размягчить окаменелое сердце падшего человека.

О духовной высоте отца Сисоя свидетельствует следующее описание встречи с ним, сделанное отцом Денасием (Юшковым):

«Не очень далеко от Фиваиды подвизается один древний благочестивый старец, которого я прежде незадолго пред сим посетил. Он удостоил меня своей многополезной беседы. Я просил старца сказать мне что-нибудь для пользы моей грешной души, и глубоко внимательный старец начал поучать меня. Вот что он говорил:

— Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения. Ныне! Когда оно в наших руках, а не после, не завтра, как мы, часто искушаемые врагом или своей растленной повредившейся природой, говорим себе или, правильнее сказать, обманываем себя, когда и совесть вопиет на нас: Доколе?! Бог милостив... Он нас любит, за нас пострадал... А если пострадал, то и нам надо спострадать Ему, чтобы войти в славу Его. Он милостив, но вместе и правосуден. Милует, долготерпит, ожидая с нашей стороны обращения к нему всем сердцем.

Старец, как будто углубившись в какую-то беспредельную даль, продолжал:

— Ах! Любовь Божественная, колико ты велика, безмерна и непостижима! Христе Иисусе! Он душу свою положил за нас... Нам остается только обратиться к нему с полным покаянием о своей виновности пред Ним, и Он простит нас. Будем искать Его и найдем. Он яко Человеколюбивый явится нам и пребудет с нами, если не охладеем вновь злым нечувствием... если будем понуждать себя во всем следовать Его всесвятейшим заповедям, заключенным в Святом Евангелии, часто противным нашему греховному человеческому разуму. Больше сил наших Он не требует, и заповеди Его не тяжки <...> Не думайте, что раз вы на Афоне, так уж и в рай попадете. Нет, с нас более взыщется, чем с мирских. У нас нет забот ни о семействах, ни о куплях, ни о продажах. От всего этого мы избавились, но дали обет послушания самому Господу исполнять во всем Его святую волю и повиноваться старцам и братии обители, если они не будут требовать противного воле Божественной.

— Но как же, старче, святые отцы говорят, — спросил его я, — что без безмолвия нельзя приобрести покаяние, а у нас ведь, сами знаете, многолюдие и всегдашние сообщения по послушанию друг с другом, так что иной раз и голова закружится, и сам как будто не свой.

— Да, кроме покаяния, нет иного пути к небу. Действительно, безмолвная тишина рождает подвиг, а подвиг — плач, слезы, а с ними и сама собой молитва следует. Но ведь иначе куда же вам деваться? В пустыню? Но не приготовленным к ней она недоступна <...> Пустыня, безмолвие действительно плодоноснее и удобнее для принесения покаяния и самооплакивания, но я сказал уже, что она не для всех. Иногда и бесы, видя получаемую нами пользу в общежитии, подстрекают к непомерным подвигам безмолвия и едва слышно шепчут: Будьте яко бози. Не денно-ночно ли строят они нам разные сети? Если не успевают победить нас сначала страстями, они — губители рода человеческого — начинают действовать с благовидной стороны, искушая нас желанием высших подвигов. Случается, они борют какого-нибудь

подвижника, а потом, чтобы обмануть его, с отчаянным криком о победе над ними и пустятся бежать. А этот, неразумный, как лев, с рыканием пускается за ними вдогонку с гордым намерением, что наконец-таки победил их окаянных. А на самом деле бывает сам побежден бесом высокоумия <...> поэтому выходить из обители я почти всегда затруднялся советовать, разве только есть тому благословные причины и искушения. Терпи, будешь мученик.

— Старче, — продолжал я, — мне говорил один наш внимательный монах, что при принятии его в число братства послушником духовник отец Иероним, преподавая на это ему благословение, изволил сказать самым выразительным тоном, что он ради спасения непременно должен озаботиться тем, чтобы стяжать умную молитву в сердце. После этого, спустя уже довольно времени по пострижении, когда он пришел к нему с этой радостной вестью, поздравляя его с принятием великого ангельского образа, повторил прежнее замечание. Потом, перед отходом своим в вечность, третий раз и с большой настойчивостью он сказал то же самое.

— Воистину так, — воодушевленно заметил на это старец, — хотя сказанное, быть может, по особому намерению относилось именно к тому лицу. Но это полезно и для всех, особенно для нас, иноков. Это необходимый и вернейший путь к достижению Царства Божия внутри нас еще здесь, на земле, а затем и блаженства в вечности.

— Как же, отче святый, — продолжал я, — многие ведь из монахов и из мирян, не имея даже и понятия о молитве умно-сердечной, избавлены вечных мучений и удостоены всеблагим Господом небесных радостей? И вы сами знаете, как в Евангелии ублажаются и нищие, и плачущие, и кроткие, и милостивые, а о молитве умно-сердечной там ничего не сказано.

— Иное дело быть помилованным, а иное – быть освященным. Иное дело быть рабом, а иное — быть другом-сотаинником. Иное дело со страхом предстоять у по- рога, а иное — дерзновенно, т. е. свободно входить во внутренние покои Господина. А иноку даже при пострижении молитва Иисусова поставляется в обязанность. Ибо при вручении четок говорится постригаемому: "Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий. Пребывай во всегдашней молитве Иисусовой. Всегда бо имя Господа Иисуса в уме, в сердце, в мыслях, и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго"[40].

[40] Ср.: Последование монашеского пострига (еже есть мантия). Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1996. С. 12.

Блаженный старец Серафим Саровский, достигший великого преуспеяния в этой молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовой молитвой. Посетил его однажды один юноша, окончивший курс в духовной семинарии (впоследствии архимандрит Никон), и открыл старцу намерение свое вступить в монашество. Старец преподал душеспасительные наставления, в числе коих дал завещание обучаться Иисусовой молитве. Говоря о ней, он присовокупил, что одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутренней, не суть монахи, а черные головешки»[41].

Прожив долгую 57-летнюю монашескую жизнь, 75-летний старец Сисой 17 апреля 1917 года преставился ко Господу в своей каливе и был погребен там же. Предлагаем дорогому читателю его высказывания о внимании во время Иисусовой молитвы, которые мы нашли в рукописи (РПМА. Слав. 1011), где в начале расположен тот же вышеприведенный текст о молитве старца Варнавы, а во второй части — высказывания отца Сисоя.

О внимании во время молитвы

Разбор слова:

Слово «внимание», по коренному его разложению, заключает в себе соединение трех частей речи: 1) предлог «в», 2) личного местоимения «он» и 3) глагол «имею». Сочетание этих частей производит изречение — «в нем имеюся», или «в нем себя имею», что при сокращении речи и произносится — «внимание», т. е. погружение всех сил души в какой-либо предмет так, что вся она в нем одном сосредоточивается — в нем себя имеет.

Определение:

Многие из духовных писателей внимание определяют хотя и разными словами, но смысл имеющими один. Например, вниманием называют обращение к себе, возвращение, опустошение, освобождение, стражу, хранение, блюдение ума, трезвение, т. е. бодрствование или бодрость; погружение в Бога, подобно как погруженный в море весь бывает объят одной только стихией, без всякого прикосновения к другим предметам, отогнанным помыслам и т. п. Преподобный Никифор весьма определенно выразился о внимании так: «Внимание есть хранение ума и углубление (погружение)

[41] Душеполезный собеседник за 1890 год. М., 1890. С. 315.

его в один какой-либо предмет, при оставлении всех посторонних мыслей и воображения»[42].

Разъяснение:

Внимание, сосредоточенное на одном каком-либо предмете, рассматривает иногда свойства и отношения оного. Так например, внимая какому-либо событию из жизни Иисуса Христа, оно следит за настоящими и последующими обстоятельствами его. Это есть внимание новоначальных и не привыкших еще к безвидному вниманию. Те же, кто раскрыл в себе способность к вниманию, должны иметь внимание безвидное, т. е. отрешенное, углубленное в один только предмет, не касающийся его оконечностей и принадлежностей. Например, святые отцы, научая вниманию сердечному, советуют умом найти сердечное место и держать на нем внимание, отгоняя всякий помысел, не принимая даже и прекрасной мысли. Т. е. внимательно ощущать только сердце, а не рассуждать о его сущности, действиях, отношениях и влияниях, и это составит безвидное внимание. Отсюда можно разделить внимание на богомыслие и безвидное внимание, или предыдущее и последующее, или на внимательное рассуждение и собственно рассуждение…[43]

Необходимость и польза внимания

О необходимости внимания говорит нам, во-первых, Слово Божие: *«Вонме, Израилю! Внимай, Израиль!»*; *«внимайте себе, упразднитеся и разумейте»*; *«духом и истиною достоит кланятися Богу»*. Так же и Св. Церковь весьма часто напоминает нам во время богослужения словом «вонмем» о необходимости слушать внимательно, возбуждая нас ко вниманию или поставляя на вид необходимость внимания…

Внимание, ищущее молитву, непременно ее найдет. Внимание необходимо для молитвы, как елей для лампадного света. Причиной радости и тишины сердечной есть крайнее внимание.

Многие из любомудрых основанием мудрости полагали «внимание себе», посредством которого раскрывали глубокие истины и услаждались в своем безмолвии сладостью внимания.

---

[42] Ср.: Никифора монашествующего Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения… М., 1793. Л. 36.

[43] Ср.: *Игнатий Брянчанинов, свт.* О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником. Указ. соч. Т. I: Аскетические опыты. С. 252–254.

Сам опыт доказывает нам, что те действия, которые произведены со вниманием, венчаются благим успехом. И, напротив, невнимательные и дела, развлекающие нас, неизбежно влекут за собой раскаяние. Если это так в нравственном отношении — тем более это так в религиозном, в упражнении молитвенном!..

Способы ко вниманию

Каким образом развить в себе способность внимания и, обучившись ему, ощутить сладостный вкус его, утверждаясь постоянно в нем? Святые отцы предлагают различные способы или средства, ибо вообще всякая цель достигается посредством путеводствующих к ней средств. Приведем свидетельства отцов, помещенные в «Филакалии» или книге «Добротолюбие». Из того, что в нем нам показано, явствует, что желающий приобрести внимание должен, воздерживаясь, иметь незлобивую жизнь. Сколько возможно, уединяясь, избегать общения с людьми. Должен творить Иисусову молитву беспрерывно. Творить ее при всех занятиях и случаях устами и умом. Неспешно и не помногу вдруг, а с некоторой расстановкой, давая пищу вниманию. Должен углубить ум в молитвенные глаголы таким образом, как бывает при внимательном слушании лекции. Должен со всей силой отгонять помыслы и всемерно внимать Иисусу, Которого призывает, Которого просит. Иногда, сотворив одну молитву, побезмолвствовать немного, стоя в безвидении на страже ума, как бы ожидая ответа Божия, останавливая воображение и память и стараясь сохранять это состояние и в случае развлечения. Ко всему этому следует добавить твердую решимость.

Правило жизни для желающих безмолвствовать и положить в оном начало

Хорошо сказано в «Добротолюбии» у иноков Каллиста и Игнатия о том, как проходить денно-ночные бдения в деле Божием. Но мне кажется, если Вам это не по силе, попробуйте сделать так: вставая с полуночи, проведите три часа в молитве — один час в устной молитве, хотя по четкам, стоя; один час художественной, по указанию Никифора в «Добротолюбии», вдыхая через нос и сидя на низменном стульце; и один час устно, стоя. В этих трех

часах можете полагать чтение о молитве, определяя хотя полчаса, как удобнее. Потом лягте отдохните, стараясь держать молитву в уме и сердце. Встав, опять проведите утро (три часа) в деле Божием, так же как и в полуночи, с той лишь разницей, что вместо чтения о молитве читайте несколько глав (две или три) из св. Евангелия и из Апостола хотя главу, часы, если хотите, по книге (Часослову). Потом принимайтесь за рукоделие, какое есть, держите по возможности и молитву, пока придет время обеда. Если не можете обедать в девять часов, то обедайте в шесть часов. После обеда немного почитайте и, если нужно отдохните. Потом принимайтесь за рукоделие, пока придет вечер. Затем в десять часов начинайте читать вечерню. Хотите по четкам, хотите — по книге, или просто один час, т. е. умно-сердечно. Тут можно прочитывать две кафизмы из Псалтыри, а в оставшееся время молитесь художественно-умно. Потом перекусите и опять что-нибудь прочитайте о молитве и безмолвии.

Перед сном помолитесь часа два с размышлением о смерти и спите четыре часа. Старайтесь засыпать с молитвой Иисусовой на устах, уме и в сердце.

Может быть, вначале покажется это трудновато, но когда понудите себя немного к этому делу, то оно будет утешительным.

Цель этого количественного правила — соблюдение качества, т. е. все силы души и тела необходимо держать в напряжении, чтобы привить молитву Иисусову к сердцу. Когда за усердие молитва будет дарована Господом, то все будет плодовито — и количество, и качество.

Примечание

Во-первых, прочитайте в книге «Добротолюбие» слово о трезвении и хранении сердца монашествующего Никифора, затем слово Григория Паламы к безмолствующим, а потом и все прочее в «Добротолюбии». Вы найдете там все нужное для себя, в особенности же у Каллиста и Игнатия Ксанфопулов.

Многим, хотящим безмолвствовать, правило это может подойти в наше нервное время. А чтобы исполнить все по написанному святыми отцами, на это необходима воля Божия. Если угодно будет Ему, то Он и возведет на путь великих подвигов. Наш же удел — смирение и вопль сердца с молитвой Иисусовой в ожидании милости Божией.

О внутреннем делании

Многий подвиг и труд потребен в молитвах, чтобы обрести несмущаемое состояние мыслей, другое некое небо сердечное, где живет Христос, как говорит Апостол: «*Или не весте, яко Христос живет в вас, разве точию неискусни есте*» (2 Кор. 3, 5).

Видите, что кроме внешних подвигов есть внутреннее делание, состоящее во внимании ума и хранении сердца. Вот как учит об этом делании Преподобный Никифор: «Это великое из великих делание все почти перенимают от других чрез научение». Очень редкие, не научившись, получают его прямо от Бога, теплоты ради веры их.

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Если же нет такого наставника, то, призвав Бога на помощь, в сокрушении сердца и слезах, делай, что я тебе скажу. Известно, что дыхание, которым дышим, чрез легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь на низменном стульце и, собрав ум свой, вводи его через ноздри внутрь. Понудь его вместе с этим вдыхаемым воздухом снизойти в самое сердце и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему ни хотелось. Держа его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные глаголы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» — и пусть он повторяет их непрестанно день и ночь. Попекись навыкнуть этому пребыванию внутри и блюди, чтобы ум твой нескоро выходил оттуда, ибо вначале он очень будет унывать от заключения внутрь и тесноты. Зато когда навыкнет, не станет уже носиться по внешним вещам, ему там будет весело и радостно пребывать. Как человек, возвращающийся с чужой стороны в свой дом, сам себя не помнит от радости, увидев опять жену и детей, так и ум, соединяясь с сердцем, исполняется радости и веселия. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, воздай благодарение Богу, прославь Его и держись этого делания всегда. Оно научит тебя тому, о чем ты и не думал. Если же, и много потрудившись, ты не возможешь войти в сердце тем способом, который я тебе сказал, то делай, что я тебе скажу, и с Божией помощью найдешь искомое. Известно, что словесность всякого человека (внутреннее слово, слово, каким беседуем с собою) есть в груди его, ибо там, внутри груди, когда молчат уста, говорим мы с собой и совещаемся. Там молитвы творим (когда на память читаем их) и псалмопение. Там ведем

и всякую другую беседу с собой. Этой-то словесности, отняв от нее всякий смысл, и дай говорить непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И понудь себя вместо всякой иной речи это одно всегда вопить внутрь. Продержись терпеливо в этом делании только несколько времени, и тебе откроется через это вход в сердце без всякого сомнения, как и мы сами опытом это познали. Вместе с этим многовожделенным и радостным вниманием придет к тебе и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир, долготерпение, крепость и проч.[44]

Объяснение об этом делании достойно внимания.

Некоторый богодухновенный старец пишет об Иисусовой молитве: «Не смущайтесь тем, что в "Добротолюбии" прописываются некоторые телесные действия, например, стеснение дыхания, сидение на стульце при мрачном месте и проч. Все это бывает многим нужно, и не есть существо дела, а обстановка, приспособление внешнего ко внутреннему — небесполезное. Стеснение дыхания не есть прекращение его, а только сжатие гортани. Вы делаете то же, только не замечаете. Когда в скорби умоляете о помощи, речь идет из стесненной гортани и с дыханием сдержанным. Так ли! Вот это и есть, о чем там говорится. Берется следствие средством к причине»[45]. В статье Каллиста и Игнатия и Никифора много есть об этом. Есть об этом и у Григория Синаита. Это — обстановка, средство, пособие, а не существо дела. Что касается до сидения в уединенной келлии для молитвы, то и Спаситель заповедал: «*Егда молишься, вниди в клеть твою и затвори двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне*». (Мф. 6, 6).

Такое уединение весьма полезно подвизающимся в духовной молитве — оно разобщает его с миром, останавливает приток чувственных впечатлений и помогает душе собраться в себе. Он же говорит, что от внимания голова даже болит. Да, если головой только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся, и управиться с ними нет возможности, если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать

[44] Ср.: Никифора монашествующего Слово о трезвении и хранении сердца // Добротолюбие... Указ. соч. Л. 36 об. – 37.

[45] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о молитве и духовной жизни // Собрание сочинений. В 25-ти томах. — М.: Правило веры, 2008. — Письмо 15. — С. 392–401.

помыслы, стоит только низойти в сердце — и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти…

В сердце жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет, это дело всех начинающих искать Господа.

Тогда только и начало жизни, когда в сердце сосредоточится неугасимая теплота, теплота легонькая, весьма непрочная… Молитесь и трудитесь, т. е. ищите, как установиться в сердце, и Господь, видя ваш труд и то, что вы искренно желаете этого блага, подаст вам благодать горения сердечного. Это ведь значит — в сердце стоять.

Перед молитвой подумай

1) О благости Божией — что ты окружен всесторонне милостями Божиими и телесно, и духовно, и тогда невольно падешь пред Богом в излиянии чувств благодарности.

2) О вездесущии Божием — и уразумеешь, что всюду пред Богом и Бог пред тобой, и тогда не можешь не исполниться благоговейным страхом пред Творцом своим.

3) О правде Божией — отчего уверишься, что ни одно худое дело не останется без наказания, и тогда непременно положишь в душе очистить все грехи свои сердечным сокрушением пред Богом и покаянием.

4) О Всеведении Божием — из чего познаешь, что ничто в тебе не сокрыто от ока Божия — и непременно положишь быть строгим к себе и внимательным во всем, чтобы как-нибудь не оскорбить всевидящего Бога.

СХИМОНАХ ГЕРАСИМ

Знаменитый афонский аскет схимонах Герасим, по происхождению грек, прибыл на Афон вскоре по окончании греческого восстания (1831 год) и поступил в монастырь св. Павла, где прожил 30 лет. Потом он испросил благословение у игумена на уединенную жизнь и поселился в каливке повыше Нового Скита. Скончался он в 1881 году, прожив в полном затворе и безмолвии свои последние 20 лет. Русские монахи очень любили отца Герасима и много и часто у него советовались, а архимандрит Пантелеимон (Сапожников) записал его жизнеописание и духовные советы, которые позже вошли в известный сборник «Жизнеописания Афонских подвижников благочестия XIX века»[46]. Мы внесли в данный сборник хранящуюся в библиотеке монастыря рукопись (РПМА, слав. 868), с переводом на русский язык его Слова об умной сердечной молитве. Мы не знаем, кто перевел этот текст и где находится оригинал.

Об умной сердечной молитве

Период 1-й, подготовительный

Молитва приобретается усердным, неустанным исканием ее, а так как благодать от Бога дается только смиренным, потому и следует, прежде всего, позаботиться о смирении. Смирение рождается от самоукорения, от терпения всех скорбей и бесчестий, от памяти смертной, от памяти Страшного Суда, Божия воздаяния за грехи вечным мучением, от всегдашнего памятования вездеприсутствия Божия. Самоукорение рождается от сознания, что человек немощен и что без помощи Божией ничего не может сам сделать, что тело его смрад, а душа всегда оскверняется от помыслов и страстных похотений,

[46] *Антоний (Святогорец), иером.* Жизнеописания Афонских подвижников благочестия XIX века. М., 1994. С. 191–192.

которых истребить может одна только Божественная благодать. Неизвестность смерти — когда и в каком состоянии она застигнет – всегда должна держать ум наш в страхе и побуждать его приготовляться к спокойному переходу в вечность. Так же и неизвестность, угодил ли я Господу в монашестве и на том месте, которое даровал Господь мне для приобретения спасения, тоже способствует быть внимательным и не надеяться на себя, но смиряться пред Господом и просить у Него милости. Страх же пред величием Второго Пришествия Господня и Страшного Суда в прах повергает нашу гордость.

Надо испытывать себя: принес ли я истинное покаяние Господу в содеянных грехах по Крещении и по вступлении в монашество оплакал ли грехи; принял ли Господь мое покаяние, и принес ли я плоды этого покаяния? Воздержание в пище и питии служит основанием покаяния и приготовлением к молитве. Вкушать надо пищу отшельникам раз в сутки, а общежительным следовать своему уставу, понемногу принимать ее хотя бы и два раза.

Когда после надлежащего приготовления от самоукорения и других внутренних подвигов сердце сокрушится, тогда можно приступать к занятию умной молитвы.

Молитву надо начинать, приведя себя в сокрушение и в глубокое сознание своего ничтожества и нищеты духовной. Затем, став вниманием в сердце, надо произнести там эту молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Необходимо при этом гореть желанием и любовью ко Господу и иметь мысль: когда, Господи, сотворишь милость Твою со мной? Если во время молитвы будут появляться худые помыслы, то, с помощью Божией, не надо допускать утвердиться им, но отгонять их тотчас же и обращаться вниманием к молитве, сладость которой также будет вытеснять их и всякую скверность из сердца, которое, чувствуя сладость эту и спокойствие от молитвы, не захочет отвлечься от этой сладости и само.

Период 2-й. Очистительный

Когда человек, упражняясь в этом продолжительное время и не ощущая от молитвы и от других подвигов особых плодов, чтобы получить от Господа милость, старается усугубить свои подвиги, прилагая молитву к молитве, пост к посту, лишения к лишению, отсекая всякое пристрастие к земному

и подвергая себя всякому злостраданию, терпению с благодарностью всяких бед и скорбей и смирению пред Господом, желая ради имени Его потерпеть все, что Он ему ниспошлет, и еще более, лишь бы улучить милость Его и не быть отлученным от Него навеки. И вот, когда Господь, по довольном испытании Его в добром произволении и понуждении на всякое Ему благоугождение, в самоотвержении и решительности терпеть все Им ниспосылаемое ему, усмотрит эту твердость, тогда посылает ему благодать Свою, которая с этого времени и будет действовать в нем, исполняя сердце сокрушением, слезами радостотворными, молитвой, спокойствием, миром и т. п. Такое состояние подобно тому, когда блудный сын (в Евангельской притче) решился возвратиться к отцу, который, лишь только увидел решимость его и произволение в этом, тотчас сам вышел к нему навстречу, принял его в свои объятия, облек в светлую одежду и ввел его в чертог свой, где он пребывал уже утешаем и увеселяем, как любезный сын его. Так и тот, кто лишь решится жить с самоотвержением, немедля принимает в сердце свой луч Божественного Света, который, как солнечный луч, проникнув в щель темной комнаты, освещает находящуюся там пыль и сор, так и Божественная благодать показывает в сердце весь мрак души, и человек тогда познает всю мрачность свою и нищету духовную, начинает осуждать себя, оплакивать и молиться о своем непотребстве, нечистоте и бедствии, отчего потекут у него непрестанные слезы, каковое смиренное сознание и будет более укреплять его и охранять от падений. Так Закхей пришел в такое состояние от посещения дома его Господом. Он от радости, что Господь оказал ему Свою милость, готов был на всякие пожертвования. Посещение же Бога такое бывает тогда, когда человек совершенно решится идти этим путем самоотвержения, по воле Божией. За то, собственно, Господь и приемлет такого, как предавшегося Ему совершенно, как принял блудного сына, не вошедшего еще к нему, за одну решимость раскаяться и жить по воле отца, как бывает и со всяким человеком, решившимся предаться воле Божией.

Когда случатся какие-либо видения, то, не доверяясь им, надо помнить, что для нашего спасения необходимо одно лишь покаяние, плач о своих грехах, и никак не допускать мысли, что мы достойны каких-либо видений небесных, чтобы не пасть в прелесть.

Слезы благодатные бывают со смирением, радостью о Господе, облегчающие сердце от скорби греховной; с тщеславием же слезы и высокоумием слезы не угодны Господу и бывают лишены тех благодатных плодов, почему и надо тщательно охранять сердце от всего тщеславного и греховного.

Период 3-й. Просветительный

Благодать Божия увеличивает свои действия в человеке настолько, насколько более очищается его сердце от страстей, и наоборот; очищению же сердца от страстей способствует терпение всяких напастей и скорбей, что и охраняет его от худых помыслов, и особенно от гордости и самомнения, от пристрастия к миру, и тогда водворяется в нем спокойствие, чистое умиление, без худых помыслов, непрестанная умно-сердечная молитва, мир душевный, бесстрастие и по нужде бывают чудеса. Если же человек не претерпит великих скорбей, то дарования благодатные твердости в нем не имеют, почему надо такому быть весьма осторожным и не надеяться на эти дарования, но крепко держаться покаянного пути.

Период 4-й. Мистический — Совершенство

Восхищение ума, совершенная любовь, вера, богословие.

По смирению, чтобы не повредиться, человек должен помнить, что он по страстности своей не должен помышлять об этих дарованиях, но желать одно только – получить милость от Господа и прощения своих грехов.

Конец и Богу нашему Слава.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИЛУАН АФОНСКИЙ

Преподобный Силуан Афонский[47] (мирское имя — Симеон) родился в 1866 году в селе Шовском Лебединского уезда Тамбовской губернии в благочестивой семье крестьянина Иоанна Антонова и супруги его Соломониды.

Прибыл на Афон и был принят в Русик 1 января 1893 года. Пройдя путь начальных иноческих испытаний, он 23 февраля 1896 года был пострижен в мантию с именем Силуан, а 10 марта 1911 года — в схиму с оставлением прежнего имени.

Своих учеников преподобный не имел и в послушании у какого-либо определенного старца не находился. «Трудно жить без старца, — говорил он впоследствии. — Неопытная душа не разумеет воли Божией, и много скорбей перенесет она прежде, чем научится смирению». Сам он, подобно большинству монахов, воспитывался в атмосфере общей для иноков Афона духовной традиции, проводя дни, как того требовал многовековой уклад жизни в обители, в непрестанной Иисусовой молитве, длительных богослужениях в храме, постах и бдениях, частой исповеди и причащении Святых Христовых Таин, чтении духовных книг и труде.

[47] Жизнеописание составлено по книге: *Софроний (Сахаров), иером.* Старец Силуан. Фессалоники, 1994.

С первого и до последнего дня преподобный явил собой образ совершенного послушания. Для него игумен, духовник и просто старший брат — добрые наставники. Если монахи и миряне, считал он, будут слушать духовников и пастырей своих без их осуждения, без возражения и без внутреннего сопротивления, то и они сами не лишатся спасения, и во всей Церкви будет полнота жизни.

Прожив сорок шесть лет в обители с общежительным уставом, подвижник никогда не стремился к уходу в затвор или к удалению в пустынь, считая, что без благоволения Божия они сами по себе являются лишь вспомогательными средствами, а не целью христианской жизни. В то же время он был далек и от мирских интересов. Постоянно находясь среди людей, старец хранил ум и сердце от посторонних помыслов, очищал их от страстей для молитвенного предстояния Богу, утверждая, что это самый короткий путь ко спасению. Он не искал мученичества, но всей своей жизнью повторил аскетический опыт отцов Церкви — известных подвижников благочестия. Каким был этот путь для преподобного?

По афонскому обычаю, новоначального послушника вводили в жизнь монастыря исповедью. Испытав в Таинстве Покаяния радость очищения и освобождения от отягощавших его грехов, Симеон, однако, сразу же подвергся нападению помыслов — о возвращении в мир и женитьбе. Сознание того, что он снова опечалил Божию Матерь, потрясло послушника, открыло ему, что и здесь, на Святой Горе, как казалось, в пристани спасения, возможны искушения и даже погибель. Отрезвленный своим духовным падением, он стал много и усердно молиться, прибегая преимущественно к Иисусовой молитве, которая вскоре вошла в его сердце и стала сама совершаться в нем непрестанно. Этот дар был получен преподобным от Пре- святой Богородицы по сокрушенной молитве перед Ее образом и явился прочной основой его духовной жизни.

Послушник Симеон продолжал подвиг бдения, поста и сердечной молитвы, но не покидала его и духовная борьба с новыми искушениями — тщеславием и гордостью. Они, не давая душе возможности «вступить на путь веры», то возносили Симеона «на небо», вызывая в нем чувство якобы собственной непогрешимости — «ты теперь святой», то низвергали долу, казалось, уже в вечную гибель, говоря ему: «Ты не спасешься». Диавольские нападения все возрастали, привнося чувство богооставленности, доводя Симеона до отчаяния. И когда он посчитал, что «Бога умолить невозможно»,

Господь непостижимо явился послушнику во время вечерни в храме пророка Божия Илии и духом ввел его в Небесную обитель. В тот момент, по свидетельству старца, он всем своим существом почувствовал, как благодать «мученичества» наполнила его, и он познал Господа Духом Святым. С тех пор все происходящее в мире он рассматривал лишь в соотношении с опытом души, познавшей своего Творца. «Иное дело веровать в Бога, — говорил он, — и иное — знать Бога».

Явление Господа Иисуса Христа принесло послушнику радость Пасхи, воскресения, ощущение перехода от мрака духовной смерти к неизъяснимому свету жизни. Однажды познав Духом Святым Божественную любовь, он начинает несравненно глубже и острее переживать потерю благодати: «Кто потерял ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть. Она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая».

Старец Силуан часто вспоминает иноческое служение преподобного Серафима Саровского Чудотворца, душа которого, познав Господа, неудержимо стремилась к новым подвигам ради стяжания благодати. «Познавшая Бога душа, — запишет преподобный Силуан позднее, — ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать: скучает душа моя по Тебе и слезно ищу Тебя».

Как обретается и удерживается благодать, почему и за что оставляет она душу верующего человека — эти вопросы становятся важнейшими в жизни подвижника.

Постоянно пребывая в подвиге, он воздерживается во всем и от всего, что могло бы мешать стяжанию благодати: спал мало, урывками, до двух часов в сутки, сидя на табурете; не делал послаблений в посте и ограничивал себя в еде, советуя обращавшимся к нему «кушать столько, чтобы после принятия пищи хотелось молиться»; отсекал свою волю, считая, что это приносит «пользу большую» для души. Она тоскует, молится, плачет, пребывая в борьбе, чтобы удержать благодать, но Божественный свет если и возвращается, то ненадолго, а затем, как прежде, снова оставляет послушника. «За то страдаем мы, — пояснял старец, — что не имеем смирения. В смиренной душе живет Дух Святой, и Он дает душе свободу, мир, любовь, блаженство». Стяжать смиренный дух — «это великая наука, которую скоро не одолеешь».

Прошло 15 лет со дня явления преподобному Господа. Его ум вновь омрачается диавольскими нападениями и потерей мира в душе. Со временем эти страдания усиливаются мучительными борениями с бесами, по ночам отрывавшими его от непрестанной внутренней молитвы. О том, какую душевную боль ему пришлось претерпеть при этом, подвижник говорил впоследствии так: «Если бы Господь не дал мне вначале познать, как много Он любит человека, то я и одной такой ночи не вынес бы, а их у меня было множество».

В одну из таких ночей, когда, несмотря на все старания, молитва не приходила к преподобному, он с сокрушением в сердце воззвал: «Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что я должен делать, чтобы они не мешали мне?» — «Гордые всегда так страдают от бесов», — был ему ответ. «Господи, научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа?» И снова в сердце прозвучал ответ от Бога: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

По словам старца, Господь пожалел его и Сам научил, каким образом душа должна смиряться и становиться неприступной для врагов. При приближении греховных помыслов она признает себя достойной вечной муки и нисходит во ад, чтобы силою адского пламени выжечь в себе действие всякой страсти и с чистой молитвой обратиться к Господу, уповая на спасительное действие любви Христовой и тем самым избегая отчаяния. «И этим, — говорил преподобный, — побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу». Эта способность возобновлять в себе подлинное переживание адских страданий ради очищения души от страстей с тех пор не покидала его.

Дарованное Господом откровение явилось для монаха Силуана не только чрезвычайно важным практическим указанием, но и положило начало новому этапу в его духовной жизни. Постепенно в молитве подвижника начинает преобладать скорбь о мире, не ведающем Бога. Как объяснял старец, люди забыли Господа, сотворившего их, и ищут своей свободы, не понимая, что вне Бога, вне истинного Источника жизни нет и быть не может. Свобода только в Господе, Который по милости Своей дает прибегающим к Нему благодать Святого Духа. В Нем, Святом Духе, в Его познании содержится освобождение от рабства греха и страха смерти.

Он учит любви Божией и дает душе силу жалеть даже идущих греховным пу- тем. «Где нет любви к врагам и грешникам, там нет Духа Господня». Речь

здесь идет о врагах веры Христовой. Сам старец делил людей не на врагов и друзей, а на познавших Бога и не познавших Его.

Подлинно по-христиански спасти ближнего можно только любовью. В любви ко всем людям преподобный видел уподобление Господу Иисусу Христу, Который «руки распростер на Кресте», чтобы всех собрать. Любовь Христова не может претерпеть ничьей гибели и в своей заботе о спасении всех объемлет не только мир ныне живущих на земле, но и уже умерших и сошедших в самый ад. И если ликует и радуется душа при спасении людей, то столь же сильно плачет и молится она, видя обратное — их гибель.

«Молиться за людей — это кровь проливать», — говорил преподобный. И он жил страданиями всего мира, забывая самого себя, и не было конца его молитве, призывавшей все народы Земли познать Господа Духом Святым. По глубокому убеждению старца, если бы это совершилось и люди, оставив свои увлечения, всей душой устремились бы к Богу, то изменилось бы лицо Земли и судьбы всех людей и весь мир преобразились бы «в один час».

Вся жизнь его была сердечной молитвой «до великих слез», исключительно высоким подвигом любви к Господу.

«Мир стоит молитвой, — утверждал преподобный, — а когда ослабнет молитва, тогда мир погибнет». В этой молитвенной устремленности он достиг такого внутреннего состояния, при котором провидел происходящее и прозревал будущее человека, открывая глубокие тайны его души и призывая всех вступить на путь спасительного покаяния. Непрестанная молитва не оставляла подвижника до последнего часа его земных странствий.

11/24 сентября 1938 года старец схимонах Силуан мирно скончался. Он явил своей подвижнической жизнью пример кротости, смирения и любви к ближним.

Спустя пятьдесят лет, в год празднования 1000-летия Крещения Руси, Священный Синод Константинопольской Православной Церкви причислил блаженного старца к лику святых.

Предлагаем любезному читателю широко известные записки преп. Силуана, без которых данный сборник лишился бы полноты и глубины.

I

ПИСАНИЯ СТАРЦА СИЛУАНА

СКУЧАЕТ душа моя о Господе, и слезно ищу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя.

Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы... Если бы Ты не привлек меня Своею любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищу, но Дух Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе.

* * *

Скучает душа моя о Боге и слезно ищет Его.

Милостивый Господи, Ты видишь падение мое и скорбь мою, но смиренно прошу Твою милость: излей на меня грешного благодать Твоего Святого Духа. Память о ней влечет ум мой снова найти Твое милосердие.

Господи, дай мне смиренного Духа Твоего, дабы снова не потерял я Твою благодать, и не стал бы рыдать о ней, как рыдал Адам о рае и Боге.

* * *

На первом году моей жизни в монастыре душа моя познала Господа Духом Святым.

Много нас любит Господь; познано это от Духа Святого, Которого дал мне Господь по единой милости Своей.

Я старик, и готовлюсь к смерти, и пишу истину ради народа.

Дух Христов, которого дал мне Господь, всем хочет спасения, да все познают Бога.

Господь разбойнику дал рай; так и всякому грешнику даст рай. Я хуже смердящего пса грехами моими, но стал просить у Бога прощения, и Он дал мне не только прощение, но и Духа Святого, и в Духе Святом я познал Бога.

Видишь любовь Божию к нам? И кто опишет сие милосердие?

О братья мои, припадаю я на колени и молю вас: веруйте в Бога, веруйте, что есть Святой Дух, Который свидетельствует о том во всех церквах и в моей душе.

Дух Святой есть любовь; и любовь эта разлита во всех душах святых небожителей, и тот же Дух Святой на земле в душах, любящих Бога.

В Духе Святом все небеса видят землю, и слышат наши молитвы, и приносят их Богу.

Господь милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен, и когда душа увидит Его, то вся изменяется в любовь к Богу и ближнему и сама делается кроткою и смиренною, но если потеряет человек благодать, то будет плакать, как Адам по изгнании из рая. Он рыдал, и стоны его слышала вся пустыня; слезы его были горьки от скорби, и много лет проливал он их.

Так душа, познавшая благодать Божию, когда теряет ее, скучает о Боге и говорит:

«Скучает душа моя о Боге, и слезно ищу Его».

* * *

Я большой грешник, но я видел великую любовь и милость Господа над собой.

С малых лет я молился о тех, кто меня обижал; я говорил: «Господи, не поставь ему грехов за меня». Но хотя я и любил молиться, однако грехов не избежал. Господь же не помянул моих грехов и дал мне любить людей, и желает душа моя, чтобы вся вселенная, все спаслись и были в Царствии Небесном, и видели славу Господню, и наслаждались любовью Божиею.

Я по себе сужу: если меня Господь так возлюбил, то значит всех грешных Он любит так же, как и меня.

О, любовь Господня; нет сил ее описать, ибо она безмерно велика и чудная.

* * *

Благодать Божия дает силы Любимого любить; и влечется душа к молитве непрестанно, и не может забыть Господа ни на секунду.

Человеколюбие Господи, как не забыл Ты грешного раба Твоего, но милостиво призрел на меня от славы Твоей и непостижимо явился мне?

Я всегда Тебя оскорблял и опечаливал, Ты же, Господи, за малое обращение дал мне познать Твою великую любовь и безмерную благость.

Твой тихий, кроткий взор привлек душу мою.

Что воздам я Тебе, Господи, или какую хвалу воспою Тебе?

Ты даешь благодать Свою, чтобы душа постоянно горела любовью, и не знает она покоя день и ночь от любви Божией.

Память о Тебе греет душу мою, и ни в чем не находит она покоя на земле, кроме Тебя, и потому ищу Тебя слезно, и снова теряю, и снова желает ум мой насладиться Тобою, но Ты не являешь Лица Твоего, Которого желает душа моя день и ночь.

* * *

Господи, дай мне Тебя единого любить.

Ты создал меня, Ты просветил меня святым крещением, Ты прощаешь грехи мне и даешь причащаться пречистого тела Твоего и крови; дай же мне силу всегда пребывать в Тебе.

Господи, дай нам Адамово покаяние и Твое святое смирение.

* * *

Скучает душа моя на земле и желает небесного.

Господь пришел на землю, чтобы возвести нас туда, где пребывает Он, Его Пречистая Матерь, Которая послужила Ему на земле ради нашего спасения, ученики и последователи Господа.

Туда зовет нас Господь, несмотря на наши грехи.

Там увидим мы святых апостолов, которые в славе за проповедь Евангелия; там увидим святых пророков и святителей — учителей Церкви; там увидим преподобных, подвизавшихся постом смирять душу свою; там прославляются юродивые ради Христа за то, что они победили мир.

Там будут прославлены все, кто победил себя, кто молился за весь мир и нес на себе скорби всего мира, ибо они имели любовь Христову, а любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа.

Туда хочет вселиться душа, но ничто нечистое не войдет туда, куда приходят великими скорбями, и сокрушением духа, и многими слезами; и только дети, сохранившие благодать святого крещения, переходят туда без скорби, и там Духом Святым познают они Господа.

* * *

Скучает душа моя о Боге всегда и молится день и ночь, ибо имя Господне сладко и вожделенно для души молящегося и согревает душу любить Бога.

Долго прожил я на земле и многое видел и слышал. Я слышал много музыки, и она услаждала душу мою; и думал я: если эта музыка так сладка, то как услаждает душу небесное пение, где Духом Святым славят Господа за страдание.

Душа долго живет на земле и любит земную красоту; любит она небо и солнце, любит прекрасные сады, и море, и реки, леса и луга; любит душа и музыку, и все это земное услаждает душу. Но когда познает она Господа нашего Иисуса Христа, тогда не хочет уже видеть земное.

Я видел земных царей во славе и дорого это ценил, но когда душа познает Господа, тогда за малое будет почитать всю славу царей; душа тогда непрестанно скучает о Господе и ненасытно день и ночь желает Невидимого — видеть, Неосязаемого — осязать.

Дух Святой, если душа твоя знает Его, даст тебе понять, как Он учит душу знать Господа и какая в этом сладость.

О Милостивый Господи, просвети народы Твои знать Тебя; знать, как любишь Ты нас.

* * *

Дивные дела Господни: из земли создал человека и перстному дал познать Себя Духом Святым, так что человек говорит: «Господь мой, и Бог мой»; и говорит это от полноты веры и любви.

Что же большее может искать душа на земле?

Великое чудо: душа вдруг познает своего Создателя и Его любовь.

Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она и сама смиряется до конца и ничего так не желает, как смирения Христова; и сколько бы ни жила душа на земле, она все будет желать и искать это непостижимое смирение, которое невозможно забыть. Господи, так много Ты любишь человека!

Господи Милостивый, дай благодать Твою всем народам земли, да познают Тебя, ибо без Духа Твоего Святого не может человек познать Тебя и разуметь Твою любовь.

Господи, пошли на нас Духа Твоего Святого, ибо Ты и все Твое познается только Духом Святым, Которого вначале Ты дал Адаму, а после святым пророкам и затем христианам.

Дай, Господи, всем народам Твоим разуметь любовь Твою и сладость Духа Святого, да забудут люди горе земли, и да оставят все плохое и прилепятся к Тебе любовью, и да будут жить в мире, творя волю Твою во славу Твою.

О Господи, сподоби нас дара Духа Святого, да разумеем славу Твою и будем жить на земле в мире и любви, да не будет ни злобы, ни войн, ни врагов, но одна любовь да царствует, и не нужны будут ни армии, ни тюрьмы, и легко будет жить всем на земле.

* * *

Молю Тебя, Милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли.

Как дал Ты мне грешному познать Тебя Духом Твоим Святым, так да познают Тебя народы земли, и да хвалят Тебя день и ночь.

Знаю, Господи, что Ты любишь Своих людей, но люди не разумеют любви Твоей, и мятутся по земле все народы, и мысли их, как облака, гонимые ветром во все стороны.

Люди забыли Тебя, Творца их, и ищут свободы своей, не разумея, что Ты милостив, и любишь кающихся грешников, и даешь им Свою благодать Святого Духа.

Господи, Господи, дай силу Твоей благодати, да познают Тебя все народы Духом Святым, и да хвалят Тебя в радости, как мне нечистому и мерзкому Ты дал радость желания Твоего, и влечется душа моя к любви Твоей день и ночь ненасытно.

* * *

О безмерная милость Божия к нам!

Многие богатые и сильные дали бы дорого за то, чтобы увидеть Господа или Его Пречистую Матерь, но не богатству являет Себя Бог, а смиренной душе.

И на что нам деньги? Великий Спиридон змию обратил в золото, и нам ничего не нужно, кроме Господа: в Нем полнота жизни.

Если не дал нам Господь познать, как многое устроено в мире, то, значит, и не нужно; не можем мы умом знать все творение.

Но Сам Творец неба и земли и всякого создания дает нам познать Себя Духом Святым. В том же Духе Святом познаем мы Божию Матерь, Ангелов и Святых, и дух наш горит любовью к ним.

Но кто не будет любить врагов, тот не может познать Господа и сладость Духа Святого.

Дух Святой учит любить врагов так, что будет жалеть их душа, как родных детей.

Есть люди, которые желают своим врагам или врагам Церкви погибели и мук в адском огне. Так мыслят они потому, что не научились любви Божией от Духа Святого, ибо тот, кто научился, будет проливать слезы за весь мир.

Ты говоришь, что он злодей и пусть горит в адском огне.

Но спрошу тебя: если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви?

Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой всех жалко.

Кто не любит врагов, в том нет благодати Божией.

Милостивый Господи, Духом Твоим Святым научи нас любить врагов и слезно молиться за них.

О Господи, дай Духа Святого на землю, чтобы все народы познали Тебя и научились любви Твоей.

* * *

Господи, как Сам Ты молился за врагов, так и нас Духом Твоим Святым научи любить врагов.

Господи, все народы — создание рук Твоих, — обрати их от вражды и злобы на покаяние, да познают все Твою любовь.

Господи, Ты заповедал любить врагов, но трудно нам грешным, если с нами нет Твоей благодати.

Господи, излей на землю Твою благодать; дай всем народам земли познать Твою любовь, познать, что Ты любишь нас, как мать, и больше матери, потому что и мать может забыть исчадие свое, но Ты никогда не забываешь, ибо Ты безмерно любишь создание Свое, а любовь не может забыть.

Господи Милостивый, богатством милости Твоей спаси все народы.

Нашей Преславной Церкви дано Духом Святым разуметь тайны Божии, и крепка Она Своею Святою мыслью и терпением.

Душа православного благодатью научена крепко держаться Господа и Его Пречистой Матери, и веселится дух наш, созерцая знаемого Бога.

Но познается Бог только Духом Святым, и тот, кто в гордости своей хочет познать Творца своим умом, — слеп и неразумен.

Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце; и когда мы просим Бога сказать нам, как сделал Он солнце, то ясный ответ в душе: «смири себя, и будешь знать не только солнце, но и Творца его».

А когда познает душа Господа, то от радости забывает солнце и всю тварь и оставляет заботу о земном знании.

* * *

Смиренной душе Господь открывает тайны Свои.

Всю жизнь святые смиряли себя и боролись с гордостью. И я смиряю себя день и ночь и все же еще не смирился, как должно, но Духом Святым душа моя познала Христово смирение, которому Он повелел нам научиться от Него, и влечется душа моя к Нему непрестанно.

О Христово смирение; оно дает душе неописуемую радость в Боге, и от любви Божией душа забывает и землю, и небо и вся желанно стремится к Богу.

О Христово смирение, как оно сладко и приятно. Оно только в ангелах и святых душах обретается, а мы должны считать себя хуже всех, и тогда Господь даст и нам познать Христово смирение Духом Святым.

Господь, и слава Его, и все небесное познается только Духом Святым.

* * *

Господь дал нам Духа Святого, и мы научились песни Господней и от сладости любви Божией забываем землю.

Любовь Господня горяча и не дает помнить землю.

Кто испытал ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть, она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая.

Слезно взывал Адам к Богу:

«Скучает душа моя по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя. Воззри на скорбь мою и просвети тьму мою, да возвеселится душа моя.

Я не могу Тебя забыть. Как забуду Тебя? Твой тихий, кроткий взор привлек мою душу, и радовался дух мой в раю, где я видел лице Твое. Как забуду я рай, где любовь Отца Небесного веселила меня?»

* * *

Если бы мир знал силу слов Христа: «Научитесь от Меня смирению и кротости», — то весь мир, вся вселенная оставили бы все другие науки и учились бы только этой небесной науке.

Люди не ведают силы Христова смирения и поэтому влекутся к земному; но познать силу этих слов Христа человек не может без Духа Святого; а кто познал, тот не оставит этой науки, хотя бы его обогатили всеми царствами мира.

Господи, дай мне смирение Твое, да вселится в меня любовь Твоя и да живет во мне страх Твой святой.

Тяжко жить без любви к Богу; душе мрачно и скучно; но когда приходит любовь, тогда невозможно описать радость души.

Душа моя жаждет стяжать Христово смирение и скучает по нем день и ночь, и иногда криком кричу:

Скучает душа моя по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя!

* * *

О Господи, как любишь Ты создание Твое, и душа невидимо видит Твою благодать и в страхе и в любви благоговейно благодарит Тебя!

Дорогие мои братья, слезно пишу эти строки.

Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту непрестанно удивляется она милосердию Божию и величию и могуществу Его. Но если душа еще не стяжала смирения, а только стяжевает, то будут у нее перемены: по временам пребывает она в борьбе с помыслами и не имеет покоя, а иногда получает свободу от помыслов, и созерцает Господа, и разумеет любовь Его. Поэтому и говорит Господь: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим».

И если кто не научится смирению, любви и незлобию, то не даст ему Господь познать Себя. А душа, познавшая Господа Духом Святым, уязвлена любовью Его и не может забыть Его, но как больной всегда помнит свою болезнь, так любящая Господа душа всегда помнит Господа и любовь Его ко всему роду человеческому.

* * *

Что воздам Тебе, Господи?

Ты, Милостивый, воскресил душу мою от грехов и дал мне познать милость Твою ко мне, и сердце мое пленилось Тобою и влечется к Тебе, Свету моему, непрестанно.

Что воздам Тебе, Господи?

Ты воскресил душу мою любить Тебя и ближнего своего и даешь мне слезы молиться за весь мир.

Блаженна душа, познавшая Творца и возлюбившая Его, ибо она успокоилась в Нем совершенным покоем. Господь безмерно милостив.

Знает душа моя милость Его ко мне, и я пишу о ней с надеждой, что хоть одна душа возлюбит Господа и возгорится к Нему жаром покаяния.

Если бы Господь не дал мне Духом Святым познать милость Его, я бы отчаялся от множества грехов моих, но теперь Он увлек душу мою, и она возлюбила Его и забывает все земное.

О Господи, смири сердце мое, чтобы оно всегда было угодно Тебе.

* * *

Разумейте вы, все народы земли, много вас любит Господь и милостиво зовет к Себе:

«Приидите ко Мне, и Аз упокою вас».

«Упокою и на земле и на небе, и вы будете видеть славу Мою».

«Ныне вы не можете разуметь сего, но Дух Святой даст вам уразуметь Мою к вам любовь».

«Не медлите, идите ко Мне, Я желанно жду вас, как дорогих детей, и дам вам Мой мир, и вы будете в радости, и радость ваша будет вечная».

Дорогие мои братья, слезно пишу эти строки.

Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту, непрестанно удивляется она милосердию Божию, и величию, и могуществу Его, и Господь Сам, Своею благодатью, милостиво, как мать любимое дитя, учит душу смиренными благими помышлениями и дает ей чувствовать Свое присутствие и близость, и душа в смирении созерцает Господа без всяких помышлений.

* * *

Господь любит человека, и благодать Его будет в Церкви до времени Страшного Суда так же, как была она в прежние времена.

Господь любит человека, и хотя создал его из праха, но украсил его Духом Святым.

Духом Святым познается Господь, и Духом Святым любится Господь, а без Духа Святого человек грешная земля.

Господь воспитывает Своих чад Духом Святым, и Своею пречистою кровью и телом, и все, кто следует Господу, похожи на Господа, Отца своего.

Дух Святый сроднил нас с Господом, и знай, что если ты чувствуешь в себе мир Божий и любовь ко всем, то душа твоя похожа на Господа.

Научила нас этому Благодать Божия, и душа знает, когда она обогащена благодатью; а равно чувствует душа, когда теряет благодать, чувствует и пришествие врага.

Я раньше этого не знал, но когда потерял благодать, то мне из опыта стало ясно это.

Поэтому, братья, всеми силами храните мир Божий, который дан нам туне (даром), и когда кто будет досаждать, то хотя бы и с понуждением, но будем его любить, и Господь, видя труд наш, поможет нам Своею благодатью.

Так говорят Святые Отцы, и опыт многих лет показывает, что необходим труд.

Благодать Святого Духа делает всякого человека похожим на Господа Иисуса Христа еще на земле.

Кто в Духе Святом, тот похож на Господа еще здесь на земле, но кто не кается и не верует, те похожи на врага.

Господь удостоил, что мы похожи на Него, а ведь Господь такой кроткий и смиренный, и если бы ты увидел Его, то от многой радости хотел бы сказать: «Господи, я таю от Твоей благодати», — но в эту минуту ты не можешь сказать ни единого слова о Боге, ибо душа твоя изменилась от обильного Духа Святого. Так Преподобный Серафим Саровский, когда увидел Господа, не мог говорить.

* * *

Господь повелевает любить Его всем сердцем и всею душою. Но как возможно любить Того, Кого никогда не видал, и как научиться той любви? Господь познается по действию в душе. Когда Господь посетит, то душа знает, что был милый Гость и ушел, и скучает душа по Нему и слезно ищет Его: «Где Ты, Свете мой, где Ты, радость моя? Следы Твои благоухают в душе моей, но Тебя нет, и скучает душа моя по Тебе, и сердце мое уныло и болит, и ничто более не веселит меня, потому что я оскорбил Господа, и Он скрылся от меня».

Если бы мы были просты, как дети, то Господь показал бы нам рай и мы видели бы Его во славе Херувимов, и Серафимов, и всех небесных сил, и Святых, но мы несмиренны и потому мучаем и себя и других, тех, что живут с нами.

* * *

Какая нам радость, что Господь не только прощает грехи, но и Себя дает познать душе, как только она смирится. Всякий последний бедняк может смириться и познать Бога Духом Святым. Не надо ни денег, ни имений, чтобы познать Бога, но только смирение. Господь туне дает Себя по единой милости. Я раньше не знал этого, а теперь ясно вижу каждый день и час, каждую минуту милость Божию, Господь дает мир даже во сне, а без Бога нет мира в душе.

Многим за гордость ума их Господь не дает Себя познать, а они все же думают, что много знают. И что стоит их знание, если они Господа не знают, не знают благодати Святого Духа, не знают, как она приходит и за что теряется?

Но смирим себя, братья, и Господь все нам покажет, как любящий отец все показывает детям своим.

* * *

Смотри умом, что делается в душе. Если небольшая благодать, то в душе мир и чувствуется любовь ко всем; если благодать больше, то в душе свет и радость великая, а если еще больше, то и тело ощущает благодать Святого Духа.

* * *

Нет большего горя, чем потерять благодать. Душа скучает тогда о Боге. И чему уподоблю это скучание? Уподоблю его плачу матери, которая потеряла единственного возлюбленного сына своего и взывает: «Где ты, утроба моя возлюбленная, где ты, радость моя?»

Так и еще больше скучает душа по Господу, когда потеряет благодать и сладость Божественной любви.

«Где Ты, Боже мой милостивый; где Ты, Свете Незаходимый? Почто скрылся Ты от меня и не вижу больше Твоего кроткого и светлого лица?»

Редкие души знают Тебя, и мало с кем можно говорить о Тебе: больше спасаются люди верою. Но как Ты Сам сказал Апостолу Фоме: «Ты видел и осязал, но блаженны и те, которые не видели, но веруют». Так не все ощущают Духа Святого, но кто боится Бога и хранит заповеди Его, все будут спасены, ибо безмерно много нас любит Господь, и я не мог бы знать этой любви, если бы не научил меня Дух Святый, Который учит всему доброму.

* * *

Сердце мое возлюбило Тебя, Господи, и потому скучаю по Тебе и слезно ищу Тебя.

Ты украсил небо звездами, воздух — облаками, землю же — морями, реками и зелеными садами, где поют птицы, но душа моя возлюбила Тебя и не хочет смотреть на этот мир, хотя он и прекрасен.

Только Тебя желает душа моя, Господи. Твой тихий и кроткий взор я не могу забыть и слезно молю Тебя: Приди, и вселись, и очисти меня от грехов моих. Ты видишь с высоты святой славы Твоей — как скучает душа моя

по Тебе! Не оставь меня, раба Твоего; услышь меня, вопиющего, как Пророк Давид: «Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости».

* * *

Святые Апостолы, вы проповедовали всей земле: «Познайте любовь Божию». И моя грешная душа познала эту любовь Духом Святым; но я потерял этого Духа и скучаю по Нему, и прошу вас, умолите Господа, да возвратит мне дар Духа Святого, Которого знает душа моя, и я буду молиться за весь мир, чтобы пришел мир на землю.

* * *

Все святые, умолите Господа Бога за меня. Вы видите славу Господню на небесах, ибо вы на земле возлюбили Бога всею душою и умом; вы победили мир силою благодати, которую дал Вам Господь за смирение ваше; вы претерпели ради любви Божией все скорби; и рвется дух мой видеть вас, как вы созерцаете славу Господню, и скучает душа моя день и ночь о Господе и желает насладиться Его любовью.

* * *

Хорошие старцы смиренны и характером подобны Христу. Своею жизнью они дают живой пример. Они стяжали мир и, подобно райскому древу жизни, многих насыщают от плодов своих, т. е. плодами этого мира.

Древо жизни, что посреди рая, — Христос. Оно ныне доступно всем, и весь мир может питаться от него и насыщаться Духом Святым.

Когда нет добрых наставников, то должно предаться воле Божией во смирении, и тогда Господь Своею благодатью будет умудрять, ибо Господь так много нас любит, что и выразить невозможно, и ум постигнуть не может, и только Духом Святым познается Божия любовь от веры, от ума же не познается.

Некоторые спорят о вере, и конца нет этим спорам, а ведь спорить не надо, а только молиться Богу и Божией Матери, и Господь без спора просветит, и скоро просветит.

Многие изучили все веры, но истинную веру, как должно, так и не познали, но кто будет во смирении молиться Богу, чтобы просветил его Господь, тому даст Господь познать, как много Он любит человека.

Горделивые люди все думают постигнуть умом, но Бог не дает им этого.

Но мы знаем Господа: Он Себя показал нам Духом Святым, и душа знает Его, и рада, и весела, и покойна, и в этом наша святая жизнь.

* * *

Господь сказал: «*Где Я, там и слуга Мой будет, и будет видеть славу Мою*» (Ин. 12, 26). Но люди не разумеют Писания; оно как бы непонятно. Когда же Дух Святый научит, тогда все будет понятно и душа будет чувствовать себя как на небе, ибо тот же Дух Святой и на небе, и на земле, и в Священном Писании, и в душах любящих Бога. А без Духа Святого люди заблуждаются, и хотя постоянно учатся, но Бога познать не могут и покоя в Нем не познали.

Кто познал любовь Божию, тот любит весь мир и никогда не ропщет на свою судьбу, ибо временная скорбь ради Бога доставляет вечную радость.

Несмиренная душа, которая не предалась на волю Божию, ничего не может познать, но от одной мысли переходит на другую и так никогда не молится чистым умом и не прославляет величия Божия.

Душа, которая предалась смиренно на волю Божию, каждую секунду невидимо видит Бога, и невыразимо для самой души все это, и не может она рассказать об этом, но только опытом познает она милость Божию, и знает душа, когда Господь с нею. Душа предалась Ему, как малое дитя, которое каждый день получает пищу, но не знает, откуда эта пища берется; так и душа чувствует себя с Богом хорошо, но как это бывает, объяснить не может.

Господи, Духом Твоим Святым просвети народ Твой, чтобы все познали любовь Твою.

Господь Сам внушает молиться за людей, и Сам дает силы на молитву, и за это награждает душу. Такова милость Господа к нам.

* * *

С детства я любил мир и красоту его. Любил я рощи и зеленые сады, любил я поля и весь свет Божий, как он красиво создан. Любил я смотреть на светлые облака, как несутся они в голубой высоте. Но с тех пор, как познал я Господа моего и Он пленил душу мою, все изменилось в душе моей, и я уже не хочу смотреть на этот мир, но душа моя непрестанно влечется в тот мир, где живет Господь. Как птица в клетке, так томится душа моя на земле. Как птица желает и рвется улететь из тесной клетки в зеленую рощу, так душа моя влечется снова увидеть Господа, ибо Он привлек душу мою, и она скучает по Нему и зовет:

Где Ты обитаешь, Свете мой? Ты видишь — я слезно ищу Тебя. Если бы ты не явил мне Себя, то не мог бы я искать Тебя так, как ныне ищу. Но Ты

Сам взыскал меня грешного и дал мне познать любовь Твою. Ты дал мне увидеть, что любовь Твоя к нам привела Тебя на крест и Ты в страданиях умер за нас. Ты дал мне познать, что любовь Твоя свела Тебя с небес на землю и даже до ада, дабы мы видели славу Твою.

Ты сжалился надо мною и явил мне Твое Лицо, и ныне душа моя влечется к Тебе, Господи, и ни в чем не находит покоя день и ночь, и плачу, как дитя, потерявшее мать.

Но и дитя свою мать, и мать свое дитя забудут, когда увидят Тебя: душа, видя Тебя, забывает весь мир. Так душа моя влечется к Тебе, и скучает по Тебе, и не хочет видеть красоту этого мира.

Когда душа в Духе Святом познает Божию Матерь; когда в Духе Святом она станет родною апостолам, пророкам, святителям и преподобным и всем святым и праведным, тогда неудержимо влечется она в тот мир, и не может остановиться, но скучает, и томится, и плачет, и не может оторваться от молитвы, но хотя и изнемогает тело и хочет лечь в постель, но и в постели лежа душа рвется к Господу и в Царство Святых.

Пришла старость, ослабело тело и хочет лежать на койке, но дух не лежит; он рвется к Богу, своему Отцу, родному, небесному. Он сроднил нас с Собою телом и пречистою кровью Своею и Духом Святым; Он дал нам познать, что есть вечная жизнь. Отчасти мы познали: Дух Святой есть вечная жизнь, душа живет в любви Божией, в смирении и кротости Духа Святого; но Духу Святому надо дать простор в душе нашей, чтобы Он жил в ней, чтобы душа ощутимо чувствовала Его.

Кто на земле Духом Святым пребывает в любви Божией, тот и там будет вместе с Господом, ибо любовь не может исчезнуть. Но чтобы не ошибаться в мысленном рассуждении, смирим себя по слову Господа:

«Будьте, как дети, таковых бо есть Царствие Божие» (Мф. 18, 3).

Горе мне, потому что я познал Господа Духом Святым, но теряю Его и не могу стяжать в полноте, хотя и вижу милость Божию со мною.

Господь нас так много любит, что мы сами себя не можем так любить; но душа в скорби думает, что Господь забыл ее и что даже и смотреть на нее не хочет, и она страдает и томится.

Но не так, братья. Господь нас без конца любит и дает нам благодать Святого Духа и утешает нас. Господь не хочет, чтобы душа была в унынии и недоумении о своем спасении. Крепко верь, что мы страдаем только до тех пор,

пока не смиримся; а как только смиримся, так конец скорбям, ибо Дух Божий за смирение извещает душу, что она спасена.

Великая слава Господу, что Он нас так много любит, и любовь эта познается Духом Святым.

* * *

Скучает душа моя о Господе, и слезно ищу Его.

Как могу я Его не искать? Он явил мне Себя Духом Святым, и сердце мое возлюбило Его. Он привлек душу мою, и она скучает о Нем.

Душа подобна невесте, а Господь — Жениху; и любят они друг друга, и скучают друг о друге. Господь по любви Своей скучает о душе и печалится, если нет в ней места Духу Святому; а душа, познавшая Господа, скучает по Нему, потому что в Нем жизнь ее и радость.

* * *

Греховная жизнь есть смерть души, а любовь Божия — тот рай сладости, в котором жил до падения отец наш Адам.

Адам, отец наш, скажи нам, как душа твоя любила Господа в раю?

Понять этого невозможно, и лишь та душа, которая касалась любви Божией, может отчасти разуметь сие.

А Божия Матерь, как Она любила Господа — Сына Своего?

Никто из людей не может этого постигнуть, кроме Ее Самой. Но Дух Божий учит нас любви. И в Ней был и есть тот же Дух Божий, Который есть любовь, и потому тот, кто познал Духа Святого, может отчасти разуметь и Ее любовь.

* * *

Как счастливы мы, христиане: какого Бога имеем.

Жалко тех людей, которые не знают Бога. Они не видят вечного света и по смерти идут в вечный мрак. Мы знаем об этом, потому что Дух Святый в Церкви открывает святым, что есть на небесах и что есть во аде.

О, жалкий, заблудившийся народ! Они не могут знать, что есть истинная радость. Они веселятся иногда и смеются, но тот смех, которым они смеются, и то веселие, которым они веселятся, обратятся им в плач и скорбь.

А наша радость — Христос. Своими страданиями Он вписал нас в книгу жизни, и мы в Царствии Небесном вечно будем с Богом и будем видеть славу

Его и наслаждаться Им. Наша радость — Дух Святой. Он такой сладкий и приятный. Он свидетельствует душе спасение.

О братья, прошу вас и умоляю от лица Божьего милосердия, веруйте в Евангелие и во свидетельство Святой Церкви, и вы еще на земле вкусите райское блаженство. Ведь Царство Божие — внутри нас; любовь Божия дает душе рай. Многие князья и владыки, познавши любовь Божию, оставили свои престолы. И это понятно, потому что любовь Божия горяча; она до слез услаждает душу благодатью Святого Духа, и ничто земное не может сравниться с нею.

* * *

Земное познается умом человеческим, но Бог и все небесное познается только Духом Святым и не может быть познано простым умом.

Кто познал Бога Духом Святым, тот забывает землю так, как будто ее и нет, но после молитвы посмотрит глазами — и вот снова видит ее.

Братья, Святые в Царствии Небесном видят славу Божию; а мы смирим себя, и Господь полюбит нас, и даст на землю все полезное для души и тела, и откроет нам все тайны.

Люди прилепились душою к земным стяжаниям и потеряли любовь Божию, и потому нет мира на земле. Многие всю жизнь любопытно хотят узнать, например, как сделано солнце, а Бога познать не заботятся. Господь же нам не говорил о солнце, но открыл нам об Отце и о Царствии Небесном. Он сказал, что праведники в Царстве Отца их будут сиять, как солнце (Мф. 13, 43); и Писание говорит, что Господь будет Светом в раю (Откр. 21, 23; 22, 5), и Свет Господень будет в душах, умах и телесах Святых.

* * *

Живем мы на земле, и Бога не видим, и видеть не можем. Но если Дух Святой придет в душу, то мы увидим Бога, как увидел Его Святой Архидиакон Стефан. Душа и ум Духом Святым сразу узнают, что это Господь. Так Святой Симеон Богоприимец Духом Святым в маленьком младенце познал Господа; и Святой Иоанн Креститель также Духом Святым познал Господа и указал на Него народу. А без Духа Святого никто не может познать Бога и как много Он нас любит. Хотя мы и читаем, что Он возлюбил нас и пострадал за нас по любви к нам, но помышляем об этом только умом, а душой не разумеем, как должно, любви Христовой; когда же Дух Святой научит нас, тогда ясно и ощутимо познаем мы любовь и бываем похожи на Господа.

* * *

Господи Милостивый, научи всех нас Духом Твоим Святым жить по воле Твоей, чтобы все мы во Свете Твоем познали Тебя, истинного Бога, ибо без Света Твоего мы не можем понять полноту любви Твоей. Просвети нас благодатью Твоею, и она согреет сердца наши любить Тебя.

II

СЛОВО О МОЛИТВЕ

КТО ЛЮБИТ Господа, тот всегда Его помнит, а память Божия рождает молитву. Если не будешь помнить Господа, то и молиться не будешь, а без молитвы душа не пребудет в любви Божией, ибо чрез молитву приходит благодать Святого Духа. Молитвою хранится человек от греха, ибо молящийся ум занят Богом и во смирении духа стоит пред лицем Господа, Которого знает душа молящегося.

Но, конечно, новоначальному нужен руководитель, потому что до благодати Святого Духа душа имеет великую брань с врагами, и не может разобраться она, если враг принесет ей свою сладость. Понять это может только опытом вкусивший благодати Святого Духа, Кто вкусил Святого Духа, тот по вкусу распознает благодать.

Кто без руководителя хочет заниматься молитвой, и в гордости подумает, что он может по книгам научиться, и не будет ходить к старцу, тот уже наполовину в прелести. Смиренному же поможет Господь, и если нет опытного наставника и он будет ходить к духовнику, какой есть, то за смирение покроет его Господь.

Помышляй, что в духовнике живет Святый Дух, и он тебе скажет, что должно. Но если ты подумаешь, что духовник живет нерадиво и как может в нем жить Святый Дух, то за такую мысль ты сильно пострадаешь, и Господь смирит тебя, и ты непременно падешь в прелесть.

Молитва дается молящемуся, как сказано в Писании; но молитва только по привычке, без сокрушения сердца о грехах — не угодна Господу. Прерву на время слово о молитве.

Скучает душа моя о Господе, и желанно ищу Его, и ни о чем другом не терпит душа моя помышлять.

Скучает душа моя о живом Господе, и рвется дух мой к Нему, как Отцу Небесному и родному. Сроднил нас Господь Духом Святым. Мил сердцу Господь — наша радость, и веселие, и крепкое упование.

Благий Господи, взыщи милостиво создание Свое и покажи Себя людям Духом Святым, как Ты показываешь Себя рабам Твоим.

Обрадуй, Господи, пришествием Духа Твоего Святого всякую скорбящую душу. Дай, Господи, чтобы все люди, молящиеся Тебе, познали Духа Святого.

О все люди, смирим себя ради Господа и ради Царствия Небесного. Смирим себя, и даст нам Господь познать силу Иисусовой молитвы. Смирим себя, и Сам Дух Божий будет учить душу.

О человече, учись Христову смирению, и даст тебе Господь вкусить сладости молитвы. И если ты хочешь чисто молиться, то будь смирен, воздержан, чисто исповедуйся, и возлюбит тебя молитва. Будь послушлив, с благою совестью подчиняйся властям и будь доволен всем, и тогда ум твой очистится от суетных помыслов. Помни, что тебя видит Господь, и будь в страхе, как бы не оскорбить чем либо брата; не осуди его и не опечаль его хотя бы видом, и Дух Святый возлюбит тебя и Сам во всем будет тебе помогать.

Дух Святой очень похож на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой жалеет нас, прощает, исцеляет, и вразумляет, и радует, и познается Дух Святой во смиренной молитве.

Кто любит врагов, тот скоро познает Господа Духом Святым, а кто не любит, о том не хочу и писать. Но жалко его, ибо он мучает себя и других, и Господа не познает он.

* * *

Любящая Господа душа не может не молиться, ибо она влечется к Нему благодатью, которую познала в молитве.

Для молитвы нам даны храмы; в храмах служба совершается по книгам; но и храма с собой не возьмешь, и книги не всегда имеешь, а внутренняя молитва всегда и везде с тобою. В храмах совершаются божественные службы, и Дух Божий живет, но душа — лучший храм Божий, и кто молится в душе, для того весь мир стал храмом; но это не для всех.

Многие молятся устно и любят молиться по книгам; и это хорошо, и Господь принимает молитву и милует их. Но если кто молится Господу, а думает о другом, то такой молитвы не послушает Господь.

Кто молится по привычке, у того нет перемены в молитве, а кто усердно молится, у того много перемен в молитве: бывает борьба с врагом, борьба с самим собою, со страстями, борьба с людьми, и во всем надо быть мужественным.

Испрашивай совета опытных, если найдешь, и смиренно проси Господа, и даст тебе Господь разум за смирение.

Если молитва наша угодна Господу, то Дух Божий свидетельствует в душе; Он приятный и тихий; а раньше я не знал, принял ли Господь молитву или нет и по чему можно узнать об этом.

Горе и опасности многих научили молиться.

Зашел ко мне в магазин один военный человек; он направлялся в Солунь. Душа моя полюбила его, и я говорю ему:

«Молись Господу, чтобы меньше было скорбей».

А он говорит: «Я молиться умею. Я научился на войне, когда бывал в сражениях. Я сильно просил Господа, чтобы оставил меня в живых. Пули сыпались, снаряды рвались, и мало кто оставался в живых, а я бывал в сражениях много раз, и Господь меня сохранил». При этом он показал, как молился, и по движению тела его было видно, как весь он погружался в Бога.

Многие любят читать хорошие книги, и это хорошо, но лучше всего молиться, а кто читает плохие книги или газеты, тот наказуется голодом души; душа его голодная, потому что пища души и наслаждение ее — в Боге. В Боге и жизнь ее, и радость, и веселие, и Господь неизреченно нас любит, и любовь эта познана Духом Святым.

Если ум твой хочет молиться в сердце и не может, то читай молитву устами и держи ум в словах молитвы, как говорит «Лествица». Со временем Господь даст тебе сердечную молитву без помыслов, и будешь легко молиться. Некоторые повредили себе сердце, потому что усиливались умом творить молитву в сердце и дошли до того, что потом и устами не могли ее произносить. Но знай порядок духовной жизни: дары даются простой, смиренной послушливой душе. Кто послушлив и во всем воздержан: в пище, в слове, в движениях, — тому Сам Господь дает молитву, и она легко совершается в сердце.

Непрестанная молитва приходит от любви, а теряется за осуждение, за празднословие и невоздержание. Кто любит Бога, тот может помышлять

о Нем день и ночь, потому что любить Бога никакие дела не мешают. Апостолы любили Господа, и мир им не мешал, хотя они помнили мир, и молились за него, и проповедовали. А вот Арсению Великому было сказано: «бегай людей», — но Дух Божий и в пустыне учит нас молиться за людей и за весь мир.

В этом мире каждый имеет свое послушание: кто — царь, кто — патриарх, кто — повар, или кузнец, или учитель, но Господь всех любит, и большая награда будет тому, кто больше любит Бога. Господь дал нам заповедь — любить Бога всем сердцем, всем умом, всею душою. А без молитвы как можно любить? Поэтому ум и сердце человека всегда должны быть свободными для молитвы.

Кого любишь, о том хочется мыслить, о том хочется говорить, с тем хочется быть. А Господа любит душа, как Отца и Создателя, и предстоит Ему в страхе и любви: в страхе, потому что Господь; в любви, потому что знает душа Его, как Отца; Он зело милостив, и благодать Его сладка паче всего.

И я познал, что молиться легко, потому что помогает благодать Божия. Господь милостиво нас любит и дает нам молитвою беседовать с Ним, и каяться, и благодарить.

Нет сил описать, как много нас любит Господь; Духом Святым познается сия любовь, и душа молящегося знает Духа Святого.

* * *

Некоторые говорят, что от молитвы приходит прелесть. Это ошибка. Прелесть приходит от самочиния, а не от молитвы. Все святые много молились и других призывают к молитве. Молитва есть лучшее дело для души. Молитвою приходят к Богу; молитвою испрашивается смирение, терпение и всякое благо. Кто говорит против молитвы, тот, очевидно, никогда не вкушал, как благ Господь и как много Он нас любит. От Бога зла не бывает. Все святые непрестанно молились; они и одной секунды не оставались без молитвы.

Душа, теряя смирение, теряет вместе с нею благодать и любовь к Богу, и тогда угасает пламенная молитва; но когда душа успокоится от страстей

и стяжает смирение, тогда Господь дает ей Свою благодать, и молится тогда она за врагов, как за самого себя, и за весь мир молится с горячими слезами.

III

О СМИРЕНИИ

НЫНЕ МАЛО старцев, которые знают любовь Господа к нам и знают борьбу с врагами и что побеждать их должно Христовым смирением.

Господь так любит человека, что дает ему дары Святого Духа, но пока душа научится хранить благодать, то много намучается.

В первый год, по получении Святого Духа, я думал: грехи мне Господь простил: благодать свидетельствует об этом; чего мне еще более надо? Но не так надо думать. Хотя грехи прощены, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокрушение. Я так не делал — и перестал сокрушаться, и много я потерпел от бесов. И я недоумевал, что со мною делается: душа моя знает Господа и Его любовь; как же мне приходят плохие помыслы? Но Господь меня пожалел и Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». И этим побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу.

Кто, подобно мне, потерял благодать, тот пусть мужественно борется с бесами. Знай, что ты сам виноват: впал в гордость и тщеславие, и Господь милостиво дает тебе познать, что значит быть в Духе Святом и что значит быть в борьбе с бесами. Так душа опытом познает вред гордости и тогда бегает тщеславия, и похвалы человеческой, и помыслов. Тогда начнет душа выздоравливать и научается хранить благодать. Как понять — здорова ли душа или больна? Больная душа горделива; а здоровая душа любит смирение, как научил ее Дух Святой, и если не знает этого, то считает себя хуже всех.

Смиренная душа, хотя бы Господь брал ее на небо каждый день и показывал всю небесную славу, в которой пребывает Он, и любовь Серафимов и Херувимов, и всех Святых, то и тогда, наученная опытом, будет говорить: «Ты, Господи, показываешь мне Свою славу, потому что Ты любишь создание Свое, но мне дай плач и силу благодарить Тебя. Тебе подобает слава на небе и на земле, а мне подобает плакать о грехах моих». Иначе не сохранишь благодать Святого Духа, которую дает Господь туне, по милости Своей.

Господь много пожалел меня и дал мне разуметь, что всю жизнь надо плакать. Таков путь Господень. И вот теперь пишу, жалея тех людей, которые,

подобно мне, горделивы и потому страдают. Пишу, чтобы учились смирению и обрели покой в Боге.

Некоторые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это устарело; но у Господа никогда ничто не умаляется, а только мы изменяемся, делаемся плохими и так теряем благодать; а кто просит, тому Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит. Я пишу об этом потому, что душа моя знает Господа.

* * *

Научиться Христову смирению есть великое благо; с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, а если не смиримся, то Бога не узрим. Смирение есть свет, в котором мы можем узреть Свет Бога, как поется: «Во свете Твоем узрим свет».

Господь научил меня держать ум во аде и не отчаиваться, и так смиряется душа моя, но это не есть еще настоящее смирение, которое неописуемо. Когда душа идет к Господу, то бывает в страхе, но когда увидит Господа, то от красоты славы Его неизреченно радуется и от любви Божией и от сладости Духа Святого совершенно забывает землю. Таков рай Господень. Все будут в любви, и от смирения Христова все будут рады видеть других выше себя. Смирение Христово в меньших обитает; они рады, что они меньше. Так мне дал разуметь Господь.

О, помолитесь за меня все Святые, чтобы душа моя научилась смирению Христову; жаждет его душа моя, но стяжать не могу, и слезно ищу его, как потерявшееся дитя ищет мать свою.

«Где Ты, мой Господи? Скрылся от души моей, и слезно ищу Тебя.

Господи, даруй мне силу смириться пред величием Твоим.

Господи, Тебе подобает слава на небеси и на земли, мне же, маленькому созданию Твоему, даруй смиренного Духа Твоего.

Молю Твою благость, Господи, призри на меня с высоты славы Своей и даруй мне силу славить Тебя день и ночь, ибо душа моя возлюбила Тебя Духом Святым, и скучаю я по Тебе, и слезно ищу Тебя.

Господи, даруй нам Духа Святого; Им будем Тебя славить день и ночь, ибо плоть наша немощна, а Дух Твой бодр, и дает силу душе легко Тебе работать, и утверждает ум в любви Твоей, и упокоивает в Тебе совершенным покоем, и уже не хочет он помышлять ничего, кроме любви Твоей.

Господи, Милостивый, немощной дух мой не может прийти к Тебе, и потому зову Тебя, как царь Авгарь: приди и исцели меня от ран моих греховных помыслов, и я буду хвалить Тебя день и ночь и проповедовать Тебя людям, чтобы познали Тебя все народы, что Ты, Господь, как и раньше, творишь чудеса, прощаешь грехи, и освящаешь, и живишь».

* * *

Великая разница между самым простым человеком, познавшим Господа Духом Святым, и человеком хотя бы и очень великим, но не познавшим благодати Святого Духа.

Великое различие веровать только, что Бог есть, познавать Его из природы или от Писания, и познать Господа Духом Святым. Кто познал Бога Духом Святым, у того дух горит любовью к Богу день и ночь, и не может душа его привязаться ни к чему земному.

Душа, не испытавшая сладости Духа Святого, радуется от тщеславия мирской славе, или богатству, или власти; а душа, познавшая Господа Духом Святым, желает только одного Господа, а богатство и славу мирскую вменяет ни во что.

Душа, которая вкусила Духа Святого, по вкусу разбирается. Писано: «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс. 33, 9). Давид познал опытом, и доныне Господь дает Своим рабам опытом познать Свою благость и будет учить рабов Своих до скончания века.

Кто познал Бога Духом Святым, тот от Него научился смирению, и уподобился своему Учителю, Христу Сыну Божию, и на Него стал похож.

«Господи, сподоби нас дара Твоего святого смирения. Господи, даруй нам туне смиренного Духа Твоего Святого, как туне пришел Ты спасти людей и вознести их на небо, чтобы видели славу Твою».

О Христово смирение! Знаю я тебя, но стяжать не могу. Плоды твои сладки, потому что они не земные.

* * *

Когда унывает душа, то как возжечь в ней огонь, чтобы горела она любовью на всякий час? Огонь этот у Бога, и Господь пришел на землю, чтобы дать нам этого огня благодати Святого Духа, и кто научается смирению, тот имеет его, ибо Господь смиренным дает благодать Свою.

Много труда надо положить и много слез надо пролить, чтобы удержать смиренный дух Христов; а без него угасает в душе свет жизни, и она умирает. Тело иссушить постом можно скоро, но душу смирить так, чтобы она постоянно была смиренна, нелегко, и нескоро возможно. Мария Египетская 17 лет боролась со страстями, как с дикими зверями, и только тогда обрела покой; а ведь тело она иссушила скоро, потому что в пустыне ей нечем было питаться.

Мы совсем застыли и не понимаем, что есть Христово смирение или любовь. Правда, это смирение и любовь познаются благодатью Святого Духа, но мы не думаем, что ее возможно привлечь к себе. Для этого надо возжелать ее всей душой. Но как я возжелаю того, о чем не имею понятия? Немного понятия все мы имеем, и Дух Святой всякую душу движет искать Бога.

О, как надо просить Господа, чтобы Он дал душе смиренного Духа Святого! Смиренная душа имеет великий покой, а гордая — сама себя терзает. Гордый не знает любви Божией и далек от Бога. Он гордится тем, что богат, или учен, или в славе, но не знает несчастный своей нищеты и гибели, ибо Бога не знает. Но кто борется против гордости, тому поможет Господь победить эту страсть.

* * *

Господь сказал: «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем». Об этом скучает душа моя день и ночь, и молю Бога, и все небо Святых, и вас всех, кто познал смирение Христово, — помолитесь обо мне, чтоб сошел на меня дух Христова смирения, которого слезно желает душа моя. Я не могу его не желать, ибо душа моя познала его Духом Святым, но я потерял этот дар, и потому скучает душа моя до слез.

Владыко Многомилостивый, даруй нам духа смиренного, чтобы души наши обрели покой в Тебе.

Пресвятая Матерь Господа, испроси, Милостивая, нам смиренного духа.

Все Святые, вы живете на небесах и видите славу Господню, и радуется дух ваш, — молитесь, чтобы и нам быть с вами. Влечется и моя душа видеть Господа, и скучает по Нему во смирении, как недостойная сего блага.

Господи Милостивый, Духом Святым научи нас смирению Твоему.

* * *

Гордость не дает душе вступить на путь веры. Неверующему я даю такой совет: пусть он скажет: «Господи, если Ты есть, то просвети меня, и я послужу Тебе всем сердцем и душою». И за такую смиренную мысль и готовность

послужить Богу Господь непременно просветит. Но не надо говорить: «Если Ты есть, то накажи меня», — потому что, если придет наказание, ты, быть может, не найдешь силы благодарить Бога и принести покаяние.

И когда Господь просветит тебя, тогда душа твоя почувствует Господа; почувствует, что Господь простил ее и любит ее, и это ты из опыта познаешь, и благодать Святого Духа будет свидетельствовать в душе твоей спасение, и захочешь тогда кричать на весь мир: «Как много нас любит Господь!».

Апостол Павел, пока не знал Господа, гнал Его, но когда познал, то обтек всю вселенную, проповедуя Христа.

Если Господь не даст Духом Святым познать, как много Он нас любит, то и не может человек знать, потому что невозможно земному уму от науки разуметь, какую любовь имеет Господь к людям.

Но, чтобы спастись, надо смириться, потому что гордого если и силою посадить в рай, он и там не найдет покоя, и будет недоволен, и скажет: «Почему я не на первом месте?» А смиренная душа исполнена любви и не ищет первенства, но во всем желает добра и всем бывает довольна.

* * *

Тщеславный или боится бесов, или уподобился им; но не должно бояться бесов, а тщеславия и гордости надо бояться, потому что чрез них теряется благодать.

Кто беседует с бесами, тот оскверняет ум свой, а кто пребывает в молитве, у того ум просвещается от Господа.

Господь много нас любит, но мы все же падаем, потому что не имеем смирения. Чтобы сохранить смирение, надо умертвить плоть и принять Христова Духа. Святые имели крепкую брань с бесами и победили их смирением, молитвою и постом.

Кто смирил себя, тот победил врагов.

* * *

Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и теле? Для этого надо всех любить, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти. Когда душа помнит смерть, то приходит в смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить.

Когда мир Христов придет в душу, тогда она рада сидеть, как Иов, на гноище, а других видеть в славе; тогда душа рада, что она хуже всех. Тайна сил

смирения Христова велика, и невозможно ее объяснить. От любви душа всякому человеку хочет больше добра, чем себе, и радуется, когда видит, что другим лучше, и скорбит, когда видит, что они мучаются.

О, помолитесь за меня, все Святые и все народы, да приидет на меня святое смирение Христово.

* * *

Господь любит людей, но посылает скорби, чтобы люди познали немощь свою и смирились и за смирение свое приняли Святого Духа, а с Духом Святым — все хорошо, все радостно, все прекрасно.

Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется и потому без пользы страдает. А кто смирится, тот всякою судьбою будет доволен, потому что Господь его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его.

Ты говоришь: у меня много горя. Но я тебе скажу, или лучше Сам Господь говорит: смирись, и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься и скажешь: Почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: «Мир Мой даю вам». Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

* * *

Душа смиренного как море; брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность и затем утонет в глубине его.

Так скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Где ты обитаешь, смиренная душа; и кто в тебе живет; и чему уподоблю тебя?

Ты горишь ярко, как солнце, и не сгораешь, но теплом своим согреваешь всех.

Тебе принадлежит земля кротких, по слову Господа.

Ты подобна цветущему саду, в глубине которого прекрасный дом, где любит обитать Господь.

Тебя любят небо и земля.

Тебя любят святые Апостолы, Пророки, Святители и Преподобные.

Тебя любят Ангелы, Серафимы и Херувимы. Тебя смиренную любит Пречистая Матерь Господа.

Тебя любит и радуется о тебе Господь.

* * *

Гордой душе Господь не являет Себя. Гордая душа, хотя бы все книги изучила, никогда не познает Господа, ибо она гордостью своею не дает в себе место благодати Святого Духа, а Бог познается только Духом Святым.

* * *

Люди, просвещенные крещением, веруют в Бога, но есть и такие, которые даже знают Его. Веровать в Бога — хорошо, но знать Бога — блаженнее. Однако и верующие блаженны, как сказал Господь Апостолу Фоме, что ты видел Меня, и осязал, и веруешь, но блаженны и не видевшие, но верующие.

Если бы мы были смиренны, то Господь, по Своей любви, все показал бы нам, открыл бы все тайны, но горе наше в том, что мы не смиренны, гордимся и тщеславимся всяким пустяком и тем мучаем и самих себя, и других.

Господь хотя и милостив, но за гордость томит душу голодом и не дает ей благодати, доколе не научится она смирению. Я погибал от грехов и давно уже был бы во аде, если бы не пожалел меня Господь и Пречистая благая Богородица. О, Ее тихий, кроткий голос; небесный голос, такого на земле мы не услышим никогда. И вот теперь слезно пишу я о Милостивом Господе как о родном Отце. Сладко душе с Господом; это блаженство вкушал Адам в раю, когда ясно он видел Господа, а наша душа чувствует, что Он с нами, как обещался. *«Се Аз с вами во вся дни, до скончания века»* (Мф. 28, 20).

Господь с нами. Возможно ли желать большего? Господь создал человека, чтобы он вечно в Нем жил и блаженствовал, чтобы мы были с Ним и в Нем. Господь и Сам хочет быть с нами и в нас. Господь наша радость и веселие; и когда мы гордостью удаляемся от Господа, то самих себя предаем мучению: тоска, и уныние, и злые мысли терзают нас.

Господи, исправь нас, как нежная мать исправляет своих малых детей. Дай всякой душе познать радость пришествия Твоего и силу помощи Твоей. Дай прохладу страждущим душам Твоего народа и всех нас научи Духом Святым знать Тебя. Томится душа человеческая на земле, Господи, и умом не может укрепиться в Тебе, потому что не знает Тебя и Твоей благодати. Ум наш омрачен земными попечениями, и не можем мы понять полноту любви Твоей. Ты нас просвети. Твоему милосердию все возможно. Ты сказал во Святом Евангелии, что мертвые услышат глас Сына Божия и оживут; так ныне сотвори, чтобы мертвые души наши услышали глас Твой и ожили бы в радости.

Скажи, Господи, миру: «Прощаются всем грехи», — и простятся.

Освяти нас, Господи, и все освящены будут Духом Твоим, и будут славить Тебя на земле все народы Твои, и воля Твоя будет на земле, как на небе, ибо Тебе все возможно.

* * *

Гордый боится укоризны, а смиренный — нисколько. Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят. Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает Господа Духом Святым, какой Он смиренный и кроткий, тогда видит себя хуже всех и рада сидеть на гноище, как Иов, в худых одеждах, а людей видеть в Духе Святом, сияющими и похожими на Христа.

Да даст Милостивый Господь всем вкусить Христова смирения, которое неописуемо, и тогда душа уже не пожелает ничего более, но вечно будет жить в смирении, любви и кротости.

Скучает душа моя по Тебе, Господи: Ты скрыл лице Твое от меня, и я смущен, и душа моя снова смертельно желает видеть Тебя, ибо Ты привлек душу мою. Если бы Ты, Господи, не привлек меня Своею благодатью, то не мог бы я так скучать по Тебе и слезно искать Тебя.

Как искать и чего искать будет тот, кто не познал и не терял?

Когда я жил в миру, то хотя и помышлял о Тебе, но не всегда, ныне же горит до слез мой дух желанием видеть Тебя, Свете мой.

Ты научил меня Твоим милосердием. Ты скрывался от меня, чтобы душа моя научилась смирению, ибо без смирения не может сохраниться в душе благодать, и душу томит тяжелое уныние. Когда же научится душа смирению, тогда ни уныние, ни скорбь не приближаются к душе, потому что Дух Божий радует ее и веселит.

Жалко мне бедных людей, которые не знают Бога. Они гордятся, что летают: но это совсем не дивно: и птицы летают и славят Бога, человек же, творение Божие, оставляет Творца. Но ты подумай, как ты будешь стоять на Страшном Суде Божием? Куда ты убежишь и где ты скроешься от Лица Божия?

Много молю я Бога за вас, чтобы все вы были спасены и вечно радовались со Ангелами и со Святыми. И вас умоляю: покайтесь и смиритесь, порадуйте Господа, Который желанно и милостиво ждет вас. Господь душе, которую

Он возлюбил, дает скорбь о народе, чтобы она молилась со слезами; и моя душа болит, и много молюсь я за вас.

Слава Господу и Его милосердию, что Он нам грешным рабам Своим являет Себя Духом Святым, и душа знает Его более, чем отца родного, потому что и родной отец видится вне нас, а Дух Святый проникает всю душу, и ум, и тело.

* * *

Блаженна смиренная душа; любит ее Господь. Смиренных святых ублажают все небо и земля, и Господь дает им славу быть с Ним: «*идеже Аз, там и слуга Мой будет*».

Выше всех во смирении Божия Матерь, и за то ублажают Ее все роды на земле и служат Ей все силы небесные; и сию Матерь Свою дал нам Господь в заступление и помощь.

* * *

Нет лучше, как жить в смирении и любви, тогда в душе будет великий мир и не будет превозношения над братом. Если будем любить врагов, то в душе не будет места для гордости, ибо в любви Христовой нет превозношения. Гордость, как огонь, поедает все доброе, а смирение Христово неописуемо и сладостно. И если бы знали это люди, то вся земля училась бы этой науке. Я всю жизнь день и ночь учусь ей и не могу одолеть. Душа моя все помышляет: я еще не достиг, чего желаю, и не могу успокоиться, но смиренно прошу вас, братья, которые знают любовь Христову, молитесь за меня, да избавлюсь от гордого духа, да вселится в меня смирение Христово.

* * *

Есть много родов смирения. Один послушлив и во всем себя укоряет, и это смирение. Иной кается во грехах своих и почитает себя мерзким пред Богом, — и это смирение. Но иное смирение у того, кто познал Господа Духом Святым. Кто познал Господа Духом Святым, у того другое познание и другой вкус.

Когда душа Духом Святым увидит Господа, какой Он кроткий и смиренный, тогда сама она смиряется до конца. И это совсем особое смирение, и никто не может его описать, и познается оно только Духом Святым. И если бы люди Духом Святым познали — какой наш Господь, то все бы изменились: богатые презрели бы свои богатства, ученые — свои науки, правители — свою

славу и власть, и все бы смирились и жили бы в великом мире и любви, и на земле была бы великая радость.

Когда душа предалась в волю Божию, то в уме уже ничего нет, кроме Бога, и душа чистым умом предстоит Богу.

О Господи, научи нас Духом Твоим Святым быть послушливыми, воздержанными. Дай нам дух Адамова покаяния и слезы о грехах наших. Дай нам вечно славить Тебя и благодарить. Ты дал нам пречистое тело Твое и кровь, чтобы мы вечно жили с Тобой, и были там, где Ты пребываешь, и видели славу Твою.

Господи, дай народам всей земли познать, как много Ты нас любишь и какую чудную жизнь Ты даешь верующим в Тебя.

IV

О МИРЕ

ВСЕ ХОТЯТ иметь мир, но не знают, как этого достигнуть. Паисий Великий раздражился и просил Господа избавить его от раздражительности. Явился ему Господь и говорит: «Паисие, если хочешь не раздражаться, то ничего не пожелай, никого не осуди и не возненавидь, и не будешь раздражаться». Так всякий человек, если отсекает свою волю пред Богом и людьми, всегда будет мирен в душе, а кто любит творить волю свою, тот никогда не будет мирен.

Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и всякую болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога: «Господи, Ты видишь мою болезнь; Ты знаешь, как я грешен и немощен; помоги мне терпеть и благодарить Твою благость». И Господь облегчает болезнь, и душа чувствует Божию помощь и бывает весела пред Богом и благодарна.

Если постигнет тебя какая неудача, то думай: «Господь видит сердце мое, и если Ему угодно, то будет хорошо и мне, и другим», — и так душа твоя всегда будет в мире. А если кто будет роптать: это не так, а это нехорошо, то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал и много молился.

Апостолы имели великую преданность воле Божией; этим хранится мир. Так же и все святые великие люди терпели все скорби, предаваясь на волю Божию.

Господь нас любит, и потому мы можем ничего не бояться, кроме греха, потому что из-за греха теряется благодать, а без благодати Божией враг погонит душу, как ветер гонит лист сухой или дым.

Надо крепко помнить, что враги сами пали гордостью и нас всегда стараются толкнуть на ту же дорогу, и многих прельстили они. А Господь сказал: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим».

«О Милостивый Господи, даруй нам мир Твой, как дал Ты мир Святым Апостолам: "Мир Мой даю вам".

Господи, дай и нам насладиться миром Твоим, Святые Апостолы получили мир Твой, и на весь мир излили его, и, спасая народ, не теряли мира, и он в них не умалился».

Слава Господу и Его милосердию, что Он много нас любит и дает нам мир Свой и благодать Святого Духа.

Как сохранить мир душевный среди соблазнов наших дней?

Судя по Писанию и характеру народа нынешнего, мы живем в последнее время, и все же надо сохранить мир душевный, без которого нельзя спастись, как сказал великий молитвенник земли Русской — Преподобный Серафим. При жизни Преподобного Серафима, за молитвы его, Господь хранил Россию; а после него был другой столп, достигавший от земли до неба, — Отец Иоанн Кронштадтский. На нем мы остановимся, он нашего времени, и мы видели его молящимся, тогда как других мы не видели.

Помним, как после Литургии, когда ему подали лошадь (экипаж) и он стал садиться, окружил его народ, ища благословения, и в такой сутолоке душа его непрестанно пребывала в Боге, и в такой толпе он не рассеивался и не терял душевного мира. Как же он достигал этого? — вот наш вопрос.

Он этого достигал и не рассеивался, потому что любил народ и не переставал за него молиться Господу:

«Господи, даруй мир Твой людям Твоим».

«Господи, даруй рабам Твоим Духа Твоего Святого, чтобы Он согревал сердца их любовью Твоею и наставлял их на всякую истину и добро».

«Господи, хочу, чтобы мир Твой был во всем народе Твоем, который Ты возлюбил до конца, и дал Сына Своего Единородного, дабы спасти мир».

«Господи, даруй им благодать Твою, чтобы они в мире и любви познали Тебя, и возлюбили бы, и сказали бы, подобно Апостолам на Фаворе: *"Добро нам, Господи, быть с Тобою"*.

Так, непрестанно молясь о народе, он сохранял мир душевный, мы же теряем его, потому что нет в нас любви к народу. Святые Апостолы и все святые желали народу спасения и, пребывая среди людей, пламенно молились за них. Дух Святой давал им силу любить народ; и мы если не будем любить брата, то не сможем иметь мира.

Пусть каждый подумает об этом.

* * *

Слава Господу, что Он не оставил нас сирых, но дал нам на землю Духа Святого. Дух Святой учит душу неизглаголанной любви к народу и жалости ко всем заблудшим. Господь пожалел заблудших и послал Сына Своего Единородного спасти их; и Дух Святой учит такой же жалости к заблудшим, которые идут во ад. А кто не стяжал Духа Святого, тот не хочет молиться за врагов.

Преподобный Паисий Великий молился за своего ученика, который отрекся от Христа, и когда он молился, явился ему Господь и говорит: «Паисие, за кого ты молишься; ведь он же отрекся от Меня?», — но Преподобный продолжал жалеть своего ученика, и тогда Господь сказал ему:

«Паисие, ты Мне уподобился любовью».

Так стяжевается мир, и кроме сего другого пути нет. Если кто много молится и постится, но любви к врагам не имеет, то не может иметь он мира душевного. И я не мог бы говорить об этом, если бы Дух Святой не научил меня любви.

* * *

Душа грешная, плененная страстями, не может иметь мира и радоваться о Господе, хотя бы владела всеми богатствами земли, хотя бы царствовала над всем миром. Если бы такому царю, весело пирующему со своими князьями и сидящему на престоле во всей своей славе, вдруг объявить: «Царь, ты сейчас умрешь», — то душа его смутилась бы и затрепетала бы от страха, и он увидел бы свою немощь.

А сколько есть бедняков, которые богаты только любовью к Богу и которые, если им сказать: «ты сейчас умрешь», ответили бы с миром: «Да будет воля Господня. Слава Господу, что Он вспомнил меня и хочет взять меня туда, куда первым вошел разбойник».

Есть бедняки, которые не имеют страха смерти, но встречают ее с миром, подобно Праведному Симеону, который воспел песнь: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром».

Какой мир был в душе Праведного Симеона, понять могут лишь те, которые носят в душе своей мир Божий или, по крайней мере, испытывали его. Об этом мире Господь сказал Своим ученикам: «Мир Мой даю вам». Кто имеет этот мир, тот с миром отходит в вечную жизнь и говорит:

«Слава Тебе, Господи, что ныне я иду к Тебе и буду вечно в мире и любви зреть лицо Твое. Твой тихий кроткий взор привлек душу мою, и она скучает по Тебе».

* * *

Брата надо вразумлять кротко, с любовью. Мир теряется, если душа потщеславится, или вознесется пред братом, или осудит кого-либо, или брата будет вразумлять, но не кротко и не с любовью; если будем много кушать или будем вяло молиться, — за все сие теряется мир.

Но если привыкнем усердно молиться за врагов и их любить, то мир всегда будет пребывать в душах наших, а если брата возненавидим или осудим, то ум наш омрачится и мы потеряем мир и дерзновение к Богу.

* * *

Не может душа иметь мира, если она не будет поучаться в законе Божием день и ночь, ибо закон сей написан Духом Божиим, а Дух Божий от Писания переходит на душу, и душа чувствует в этом услаждение и приятность и уже не хочет любить земное, потому что любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая, и дичает, и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум, что хочет, и перегоняет душу от одних помыслов к другим, и так целый день душа проводит в этом беспорядке и не может чисто созерцать Господа.

* * *

Кто носит в себе мир Духа Святого, тот и на других изливает мир; а кто носит в себе злого духа, тот и на других изливает зло.

* * *

Вопрос: Как может сохранить мир начальник, если у него люди непослушливые?

Трудно начальнику и прискорбно, если люди его не слушаются, но, чтобы сохранить мир, он должен помнить, что хотя люди и непослушливы, но все же их любит Господь и умер в страданиях за их спасение, и надо усердно за них

молиться, и тогда молящемуся даст Господь молитву, и ты из опыта познаешь, как ум молящегося имеет к Богу дерзновение и любовь, и хотя ты грешный человек, но Господь даст тебе вкусить плоды молитвы, и если так привыкнешь молиться за подчиненных, то в душе у тебя будет великий мир и любовь.

Вопрос: Как может сохранить мир душевный подчиненный, если у него начальник раздражительный и злой человек?

Раздражительный человек сам несет большое страдание от злого духа. Мучение это он терпит за гордость. Подчиненный, кто бы он ни был, должен знать это и молиться за больного душою своего начальника, и тогда Господь, видя терпение его, даст ему (подчиненному) прощение грехов и постоянную молитву. Великое дело пред Богом — молиться за тех, кто обижает и оскорбляет нас; за это Господь даст благодать, и ты Духом Святым познаешь Господа и тогда с радостью будешь терпеть все скорби за Него, и даст тебе Господь любовь ко всему миру, и ты горячо будешь желать добра всем и будешь молиться за всех, как за свою душу.

Господь заповедал любить врагов, и кто любит врагов, тот уподобляется Господу; но любить врагов возможно только по благодати Святого Духа, и поэтому, как только обидит тебя кто-нибудь, молись за него Богу, и тогда сохранишь мир в душе и благодать Божию. А если ты будешь роптать и ругать своего начальника, то и сам ты станешь раздражительный, как он, и исполнится тогда на тебе слово пророка Давида: «*Со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися*» (Пс. 17, 27).

Так и послушнику трудно сохранить мир, если у него старец дурного характера. Жить у плохого старца — это великий крест для послушника; ему приходится молиться за старца, и тогда сохранится мир душевный и телесный. А если ты начальник и тебе придется судить кого-нибудь за плохие дела, то молись Господу, чтобы Он даровал тебе милующее сердце, которое любит Господь, и тогда ты правильно рассудишь; но если ты будешь судить по делам, то будут ошибки и не угоден ты будешь Господу.

Судить надо с тем, чтобы человек исправился, и надо жалеть всякую душу, всю тварь и все создание Божие и самому во всем иметь чистую совесть, и тогда в душе и уме будет большой мир. Будем жить в мире и любви, и тогда Господь послушает нас и даст нам чего бы мы ни попросили полезного.

Дух Святой — в любви. Так говорит Писание и показывает опыт.

Невозможно душе иметь мир, если не будем всеми силами просить у Господа — любить всех людей. Господь знал, что если врагов не будем любить, то мира в душе не будет, и потому дал нам заповедь: «Любите врагов ваших».

Если не будем любить врагов, то лишь по временам душа будет как бы спокойна, но если мы любим врагов, то мир в душе пребывает день и ночь.

Блюди в душе мир благодати Святого Духа; не теряй его за малые дела. Если ты дашь мир брату своему, то Господь даст тебе несравненно больше, а если оскорбишь ты брата, то и на твою душу неизбежно придет скорбь.

Если придет блудный помысл, сразу же отгони его и тогда сохранишь мир души своей, а если примешь его, то душа потеряет любовь к Богу, и уже не будешь иметь ты дерзновения в молитве.

Если отсечешь свою волю, то победил врага и в награду получишь мир души, а если сотворишь свою волю, то ты побежден врагом, и уныние будет мучить душу твою. Кто имеет страсть любостяжания, тот не может любить Бога и ближнего; ум и сердце такого человека заняты богатством, и нет у него духа покаяния и сокрушения о грехах, и душа его не может знать сладость мира Христова.

Душа, познавшая Господа, всегда хочет видеть его в себе, ибо Он приходит в душу тихо, и дает душе мир, и свидетельствует спасение без слов.

Если бы цари и правители народов знали любовь Божию, то никогда бы не воевали. Война посылается за грехи, а не за любовь. Господь создал нас по любви и заповедал нам жить в любви и славить Его.

Если бы начальники хранили заповеди Господни, а народ и подчиненные слушались их во смирении, то на земле был бы великий мир и веселие, но ради властолюбия и непослушания гордых страдает вся вселенная. Молю Тебя, Милостивый Господи, дай всему народу от Адама до конца веков познать Тебя, что Ты благ и милостив, да насладятся все народы миром Твоим и да видят все свет Лица Твоего. Твой взор тих и кроток и привлекает душу.

V

О БЛАГОДАТИ

ОДНИ ГРЕХИ принес я в монастырь, и не знаю, за что Господь даровал мне, когда я был еще молодым послушником, столь много благодати Святого Духа, что и душа, и тело были полны благодатию, и благодать была, как у мучеников, и тело мое жаждало страдать за Христа.

Я не просил у Господа Духа Святого: я не знал, что есть Дух Святой, как Он приходит в душу и что делает с душою; а теперь мне радостно писать об этом.

О Душе Святый, мил Ты душе. Описать Тебя невозможно, но душа знает Твое пришествие, и Ты даешь мир уму и сладость сердцу.

Господь сказал: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим». Это о Духе Святом говорит Господь: только в Духе Святом обретает душа совершенный покой.

Блаженны мы, православные христиане, потому что много нас любит Господь, и дарует нам благодать Святого Духа, и в Духе Святом дает нам видеть славу Свою.

Но чтобы сохранить благодать, мы должны любить врагов и за все скорби благодарить Бога.

* * *

Грешную душу призвал Господь на покаяние, и душа обратилась ко Господу, и Он милостиво принял ее и показал ей Себя. Господь зело милостив, смирен и кроток. По множеству благости Своей Он не помянул грехов души, и душа возлюбила Его до конца и рвется к Нему, как птица из тесной клетки в зеленую рощу.

Душа человека познала Бога, Бога милостивого, и щедрого, и сладчайшего, и возлюбила Его до конца, и по множеству жара любви влечется к Нему ненасытно, ибо благодать Господня сладка весьма и греет ум, и сердце, и все тело немощное.

И вдруг душа теряет такую благодать Господню; и думает тогда: чем-нибудь я оскорбил Владыку; буду просить Его милость; может быть, Он снова даст мне сию благодать, ибо душа моя уже ничего не хочет в мире сем, кроме Господа. Любовь Господня так горяча, что если вкусит ее душа, то уже ничего другого не желает она; и если потеряет ее или если умалится благодать, то какие молитвы изливает тогда душа пред Богом, желая снова обрести благодать Его. Так Преподобный Серафим выстоял три года день и ночь на камне, ибо душа его познала Господа, и усладилась Его благодатью, и возлюбила Его до конца.

Душа, познавшая Господа, влечется к Нему любовью, и жар любви к Богу не дает ей забывать Его ни днем ни ночью, ни на одну секунду. И если мы так

мало любим Господа и так горячо стремится к Нему душа, то кто опишет полноту любви Божией Матери к Сыну и Богу Своему?

«Скажи нам, Пречистая, как ты любила Сына и Господа Своего и какие были Твои молитвы, когда Сын Твой вознесся на небо?» Постигнуть этого мы не можем.

Блаженна душа, которая хранит чистоту душевную и телесную: любит ее Господь и дает ей благодать Святого Духа, и благодать сия связывает душу так любить Бога, что от сладости Духа Святого не может она оторваться от Бога и ненасытно стремится к Нему, ибо в любви Божией нет конца; хотя я знаю человека, которого посетил Милостивый Господь Своею благодатью, и если бы спросил его Господь: «Хочешь ли, Я дам тебе больше благодати?», — то душа немощная в теле сказала бы: «Господи, Ты видишь, что если еще более, то я не вынесу и умру!» Не может человек понести полноту благодати; так ученики Христовы на Фаворе пали ниц от славы Господней.

* * *

Каждый день мы питаем тело свое и дышим воздухом, чтобы оно жило. А для души нужен Господь и благодать Святого Духа, без которой душа мертва. Как солнце греет и живит полевые цветы и они влекутся к нему, так душа, любящая Бога, влечется к Нему и блаженствует в Нем, и от многой радости хочет, чтобы все люди также блаженствовали. Господь для того и создал нас, чтобы мы вечно на небесах пребывали с Ним в любви.

Слава Господу и Его милосердию: Он так много возлюбил нас, что дал нам Духа Святого, Который учит нас всему доброму и дает силу побеждать грех. Господь по многому милосердию Своему дает нам благодать, и мы должны крепко хранить ее, чтобы не потерять, ибо без благодати человек духовно слеп. Слеп тот, кто собирает богатства в этом мире; это значит, что душа его не знает Духа Святого, не знает, как Он сладок, и потому пленяется землею. А кто познал сладость Духа Святого, тот знает, что она ни с чем не сравнима и не может уже ничем пленниться на земле, но пленен только любовью Господа, и покоен он в Боге, и радуется, и плачет о людях, что не все познали Господа, и жалеет их.

Когда душа в Духе Святом, то она довольна и не скучает о небесном, ибо Царствие Божие внутри нас; ибо пришел Господь и вселился в нас. Но когда душа потеряет благодать, тогда скучает она о небесном и слезно ищет Господа.

* * *

Человек до благодати живет и думает, что у него все на душе хорошо и благополучно; но когда посетит его благодать и пребудет с ним, тогда он видит себя совершенно иначе, а когда потом снова потеряет благодать, тогда только узнает он, в какой великой беде находится.

Царский сын ушел далеко на охоту и, в глухом лесу потеряв дорогу, не мог уже возвратиться к своему дворцу. Много слез пролил он, ища пути, и не находил. Оставаясь в диком лесу, он скучал о царе-отце и царице-матери своей, о братьях и сестрах. Каково ему, царскому сыну, жить в диком глухом лесу? И рыдал он о своей прежней жизни во дворце отца своего, и сильно тосковал о матери своей.

Так, и еще больше, скорбит и скучает душа, когда потеряет благодать.

Когда братья продали Прекрасного Иосифа египтянам в рабство, в далекую чужую страну, то неутешно плакал он о своем отце; и когда увидел гроб матери своей Рахили, то горько рыдал и говорил: «Мать моя, видишь ли ты, что уводят меня в рабство, в далекую страну?»

Так, и еще больше, страдает и скучает душа, потерявшая благодать Святого Духа, ведомая в рабство злыми мыслями.

Но кто не знает благодати, тот и не ищет ее. Так мир прилепился земле, и не знают они, что ничто на земле не может заменить сладость Духа Святого.

Деревенский петух живет в малом дворе и доволен своею долею. Но орел, который летает под облаками и видит с высоты синие дали, знает многие страны, видел леса и луга, реки и горы, моря и города; и если обрезать ему крылья и пустить жить вместе с петухом на деревенском дворе, то как он будет тосковать о синем небе и о пустынных скалах?

Так и душа, познавшая благодать, когда потеряет ее, то безутешно тоскует и ни в чем не находит себе покоя.

* * *

Господь «не оставил нас сирых», как мать, умирая, оставляет сиротами детей своих, но дал нам Утешителя Духа Святого (Ин. 14, 16–18), и Он влечет нас ненасытно любить Бога, и скучать по Нему, и слезно искать Его день и ночь.

О, как плохо душе, когда теряет она любовь и дерзновение; тогда в печали сердца зовет она к Богу: «Когда снова увижу Господа и смогу насладиться Его миром и любовью?»

* * *

Что ты сетуешь, душа моя, и слезы льешь? Или ты забыла, что сотворил Господь тебе, достойной всякого наказания?

Нет, не забыла я, сколь великую милость излил на меня Господь, и помню сладость благодати Святого Духа, и знаю любовь Господню, и сколь сладка она для души и тела.

Почто же слезишь, душа, если ты знаешь Владыку и Его неизреченную милость к тебе? Чего же еще ты хочешь от Владыки, Который явил тебе столь много милости?

Хочет душа моя никогда не терять благодати Господней, ибо сладость ее влечет душу мою непрестанно любить Создателя своего.

* * *

Когда умалится благодать в душе, тогда снова просит она у Господа той милости, которую познала. Мятется тогда душа, потому что злые помыслы терзают ее, и ищет она защиты у Господа, Создателя Своего, и умоляет дать ей смиренного духа, чтобы благодать не оставляла душу, но давала бы силу непрестанно любить Небесного Отца своего.

Господь отымает благодать Свою от души и тем милостиво и премудро воспитывает душу, за которую в великих страданиях простер руки Свои на кресте, чтобы она была смиренна. Он дает душе явить свое произволение в борьбе с врагами нашими, но душа сама бессильна победить их, и потому печальна душа моя, и скучает по Господу, и слезно ищет Его.

Господи, Ты видишь, как немощна душа без благодати Твоей и как не имеет нигде покоя! Ты — сладость наша, Отец наш Небесный, дай нам силу любить Тебя, дай нам страх Твой святой, как трепещут и любят Тебя Херувимы.

Ты Свет наш, просвещаешь душу любить Тебя ненасытно. Ты отымаешь благодать Свою от меня, потому что душа моя не пребывает всегда в смирении, но Ты видишь, как я скорблю, и прошу Тебя, дай мне смиренного Духа Святого.

Человек сам бессилен исполнить заповеди Божии, поэтому и сказано: «*Просите, и дастся*». И если мы не просим, то сами себя мучаем и лишаем благодати Святого Духа; а без благодати душа во многом смущается, потому что не разумеет воли Божией.

Чтобы иметь благодать, человек должен быть воздержан во всем: в движениях, в слове, в смотрении, в помыслах, в пище. И всякому воздержанию

помогает поучение в слове Божием. Сказано: «Не одним хлебом будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Преподобная Мария Египетская взяла у Святого Зосимы перстами немного сочива и сказала: «Довольно при благодати Божией». Надо приучить себя как можно меньше кушать, но это с рассуждением, насколько позволяет твоя работа. Мера воздержания должна быть такова, чтобы после обеда хотелось молиться.

* * *

Господь любит нас больше, чем мать своих детей, и дает нам благодать Святого Духа туне, но мы должны крепко хранить ее, потому что нет большего горя, как потерять ее. Когда душа потеряет благодать, то сильно скорбит и думает: «Чем-нибудь я оскорбил Владыку». В эти скорбные минуты душа как бы с неба упала на землю и видит все скорби на земле. О, как душа умоляет тогда Господа, чтобы снова дал Свою благодать. Это скучание о Боге невозможно описать. Душа, вкусившая сладость Духа Святого, не может забыть ее, и жаждет день и ночь, и стремится к Богу ненасытно. Кто опишет жар любви к Богу, Которого познала душа как Отца своего Небесного. Нет минуты на земле, чтобы душа была довольна, покамест не даст Господь Своей благодати.

Душа, потерявшая благодать, скучает по Владыке и плачет, подобно Адаму по изгнании из рая. И никто не может тогда утешить ее, кроме Бога. Слезы Адама были велики и текли ручьями, смочая лицо, и грудь, и землю; и воздыхания его были глубоки и сильны, подобно кузнечному меху. Он вопиял: «Господи, возьми меня паки в рай».

Душа Адама была совершенная в любви Божией и знала всю сладость рая, но была неопытна, и не отразил он искушения Евы, как отразил искушение своей жены многострадальной Иов (Иов. 2, 9–10).

Что хочешь ты, душа моя, и о чем скорбишь и слезы льешь?

Я скорблю по Владыке, что так долго не вижу Его, и никто не утешит печали моей по Нему. Он дал мне познать милость Его, и я хочу, чтобы Он всегда пребывал во мне.

Мать плачет по любимом сыне, когда долго не видит его, и говорит: «Где ты, утроба моя возлюбленная?» Но материнская любовь ничтожна пред любовью Божией: так она велика и так ненасытна.

Когда душа полна любви Божией, то от безмерной радости скорбит и слезно молится за весь мир, чтобы все люди познали своего Владыку и Отца Небесного, и не знает покоя, и не хочет она покоя, покамест не насладятся все благодатью Его любви.

* * *

Скучает душа моя по Тебе и не может найти Тебя. Ты видишь, Господи, как влечется она и плачет, ища благодати Твоей. Ты восхотел и дал мне ее, и снова Ты восхотел и взял ее от меня. Когда я не знал ее, то и просить так не мог. И как могу я просить того, чего не знаю? Но теперь молю Тебя, потому что душа моя познала Тебя, и усладилась Духом Твоим Святым, и возлюбила Тебя, Создателя своего.

Ты дал Свою благодать Святым Твоим, и они возлюбили Тебя до конца и возненавидели все мирское, ибо сладость любви Твоей не дает возлюбить землю и красоту мира сего, потому что она ничтожна по сравнению с Твоею благодатью.

О, как немощна душа моя и не имеет силы, чтобы взлетел я ко Господу, и стал бы пред Ним во смирении, и плакал бы день и ночь. Душа, которая познала Бога, своего Творца и Отца Небесного, не может иметь покоя на земле. И помышляет душа: «Когда явлюсь Господу, то во всем Его милость умолю за весь род христианский». И вместе думает: «Когда узрю Лицо Его любезное, то от радости не смогу ничего сказать, ибо от большой любви не может человек ничего говорить». И опять думает: «Буду молиться за весь род человеческий, дабы все люди обратились ко Господу и успокоились в Нем, ибо любовь Божия всем хочет спастись».

* * *

Блюдите благодать Божию; с нею легко жить; все делается хорошо по Богу, и все мило и радостно, душа покойна в Боге и ходит как бы по какому прекрасному саду, в котором живет Господь и Божия Матерь. Без благодати человек — грешная земля, а с благодатью Божиею человек по уму подобен ангелу. Ангелы умом служат Богу и любят Его, так и человек, как ангел по уму.

Блаженны те, которые день и ночь имеют заботу — как бы угодить Господу, чтобы стать достойным любви Его: они опытом и ощутимо познают благодать Святого Духа.

Благодать не приходит так, чтобы душа не знала ее, и когда теряется благодать, то душа сильно скучает по ней и слезно ищет ее. Если бы у родителей пропало любимое дитя, то как они искали бы его повсюду! Но душа, любящая

Бога, ищет Господа с большей тоской и силой, так что и вспомнить не может про родных и милых людей.

Слава Господу, что Он дает разуметь пришествие благодати и учит нас познавать — за что она приходит и за что теряется. Кто все заповеди хранит, у того душа всегда будет чувствовать благодать хотя бы малую. Но она легко теряется за тщеславие, за один гордый помысл. Можно много поститься, много молиться и много добра делать, но если при этом будем тщеславиться, то будем подобны бубну, который гремит, а внутри пустой. Тщеславие опустошает душу, и много надо опыта, нужна долгая борьба, чтобы победить его. В монастыре я от опыта и от Писания узнал о вреде тщеславия, и теперь день и ночь прошу у Господа Христова смирения. Это большая и непрестанная наука.

Наша война и люта и мудра, и вместе проста. Если душа возлюбит смирение, то все сети наших врагов порваны и все крепости их взяты. В нашей брани духовной тоже нужно зорко смотреть, чтобы все боевые припасы и продукты были целы. Припасы — это наше смирение, а продукты — это благодать Божия; если мы их потеряем, то враги нас победят.

Война упорна, но только для гордых; смиренным же легко, потому что они возлюбили Господа, и Он дает им Свое сильное орудие — благодать Святого Духа, которой боятся наши враги, ибо она их опаляет.

* * *

Вот самый короткий и легкий путь ко спасению:

Будь послушлив, воздержан, не осуждай и храни ум и сердце свое от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добрые и их любит Господь. За эти смиренные мысли благодать Святого Духа будет жить в тебе, и ты скажешь: «Милостив Господь».

Если же ты осуждаешь, ропотлив, любишь творить свою волю, то, хотя бы ты и много молился, душа твоя оскудеет, и ты скажешь: «Забыл меня Господь». Но не Господь тебя забыл, а ты забыл, что тебе нужно смиряться, и потому благодать Божия не живет в душе твоей; в смиренную же душу она легко входит и дает ей мир и покой в Боге. Божия Матерь была смиренна более всех и потому прославляется и небом, и землею; и всякий, кто смиряется, будет прославлен Богом и будет видеть славу Господню.

* * *

Дух Святой зело сладок и приятен для души и тела. Он дает познать любовь Божию, и любовь сия от Духа Святого.

Чудное дело: Духом Святым познает человек Господа, Творца своего; и блаженны те, которые служат Ему, ибо Он сказал: «*Где Я, там и слуга Мой будет*» и будет «*видеть славу Мою*» (Ин. 12, 26; 17, 24).

И если еще на земле так, то тем более на небе Святые в Духе Святом любят Господа и славят Его; и любовь сия неизреченна.

Душа, познавшая Духа Святого, разумеет, что я пишу.

За что же Господь так много нас любит? Ведь мы грешные, и весь мир во зле лежит, как говорит Иоанн Богослов (1 Иоан. 5, 19). За что же Он нас любит?

Господь Сам есть — одна любовь.

Как солнце согревает всю землю, так благодать Святого Духа согревает душу любить Господа, и она скучает по Нему и слезно ищет Его.

Как мне тебя не искать? Ты непостижимо явился душе моей и пленил ее Своею любовью, и благодать Духа Святого усладила душу мою, и забыть ее невозможно.

Как забудем Господа, когда Он в нас? И Апостолы проповедовали народам: «*Да вообразится в вас Христос*» (Гал. 4,19).

О, если бы знал весь мир Господа, и как Он нас любит, и как сладка сия любовь, и как все небесные силы питаются ею, и как все движется Духом Святым, и как величается Господь за страдания Свои, и как славят Его все Святые.

И славе этой не будет конца.

* * *

Радуется Господь о душе, которая смиренно кается и дает ей благодать Святого Духа. Знаю я, как один послушник получил Духа Святого, прожив в Монастыре полгода; другие получили, прожив десять лет, а иные живут по сорок и более лет, прежде чем познают благодать. Но удержать сию благодать никто не мог, потому что мы не смиренны.

Преподобный Серафим был 27 лет, когда увидел Господа, и душа его настолько возлюбила Бога, что он от сладости Духа Святого весь изменялся; но после он вышел в пустыню и, познав, что с ним нет той благодати, три года стоял на камне, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному».

Душа, познавшая Бога Духом Святым, рвется к Нему; память о Нем сильно влечет ее, и она легко забывает мир, а когда вспомнит про мир, то горячо желает всем того же, и молится за весь мир. Сам Дух Святой влечет ее молиться, чтобы все люди покаялись и познали Бога, какой Он милостивый.

* * *

Смирим себя, братья, и Господь полюбит нас. Что Господь любит нас, это познается по благодати, которую дает Господь душе. Когда с душой благодать хотя бы малая, тогда душа любит Господа и ближнего и имеет мир в себе. Но есть большая любовь — тогда душа забывает весь мир.

* * *

Блажен, кто не теряет благодать Божию, а восходит от силы в силу. Я же потерял благодать, но Господь много меня пожалел и дал мне вкусить большую по единой милости Своей.

Немощная душа; без благодати Божией мы подобны скотине, а при благодати велик у Бога человек.

Люди так высоко ценят земные науки, или знать земного царя, и радуются, если бывают с ним близки, но истинно велико — это знать Господа и волю Его.

Всеми силами смиряйте, братия, свою душу, чтобы Господь возлюбил ее и дал ей Свою милость. Но она не пребудет в нас, если мы не будем любить врагов.

Духом Святым познала душа моя Господа, и потому мне легко и приятно о Нем размышлять и о делах Божиих; а без Духа Святого душа мертва, хотя бы она весь мир изучила.

Если бы люди знали, что есть духовная наука, то побросали бы все свои науки и технику и созерцали бы только Господа. Красота Его пленяет душу, и она влечется к Нему и вечно желает пребывать с Ним, и ничего другого не хочет. На все царства земные смотрит как на плывущие по небу облака.

* * *

Господь сказал: *«Аз во Отце, и Отец во Мне есть»* (Ин. 14, 10), и *«вы во Мне, и Я в вас»* (Ин. 14, 20). Душа наша чувствует, что Господь — в нас, и потому не может забыть Его ни на одну минуту.

Какая милость, Господь хочет, чтобы мы были в Нем и во Отце.

Но что же мы, Господи, сделали Тебе или чем угодили, что Ты хочешь быть в нас и чтобы мы были в Тебе? Мы грехами распяли Тебя на кресте, а Ты хочешь, чтобы мы были с Тобою? О, как велика Твоя милость, и я вижу ее над собою. Я достоин ада и всяких мук, а Ты мне даешь благодать Святого Духа.

И если мне грешному Ты дал познать Тебя Духом Святым, то молю Тебя, Господи, дай всему народу познать Тебя.

VI

О ВОЛЕ БОЖИЕЙ И О СВОБОДЕ

ВЕЛИКОЕ благо — предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу и чувствует любовь Божию, хотя и страдает телом.

Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но это редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь Своею благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией.

Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собою сам и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собою. И я, когда жил в миру и не знал еще Господа и Его Святого Духа, не знал, как нас любит Господь, полагался на свой разум; но когда Духом Святым познал я Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то душа моя предалась Богу, и все, что случается со мною скорбного, принимаю и говорю: «Господь смотрит на меня; чего мне бояться?» А раньше я не мог так жить.

* * *

Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни, и в бедности, и в гонении он думает: «Так Богу угодно, и мне за грехи мои нужно терпеть».

Вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что чрез болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и отдыха; и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня. Значит, мне не на пользу.

А вот другой случай был со мною, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в Праздник в трапезе дали рыбу; и когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко, в груди. Я призвал Святого Великомученика Пантелеимона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. И когда я сказал: «Исцели», — получаю в душе ответ: «Выйди из трапезы, надуйся, и кость выскочит вместе с кровью». Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. И понял я, что если Господь не исцеляет мне голову, значит, для души моей полезно так болеть.

* * *

Драгоценнее всего на свете — знать Бога и разуметь, хотя бы отчасти, волю Его.

Познавшая Бога душа во всем должна предаться на волю Божию и жить пред Ним в страхе и любви. В любви, потому что Господь есть любовь. В страхе, потому что должно бояться, как бы не оскорбить Бога каким-либо плохим помыслом.

О Господи, силою благодати Святого Духа сподоби нас жить по Твоей святой воле.

Когда благодать с нами, тогда мы сильны духом; но когда теряем ее, тогда видим свою немощь; видим, что без Бога мы и помыслить хорошего не можем.

Боже Милосердный, Ты знаешь немощь нашу. Молю Тебя: дай мне смиренного духа, ибо по милосердию Своему смиренной душе Ты даешь силы жить по воле Твоей; Ты открываешь ей все тайны Свои; Ты даешь ей познать Себя, и как бесконечно Ты нас любишь.

* * *

Как узнать, живешь ли ты по воле Божией?

Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то, значит, не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, и кажется, что ты живешь по воле Божией.

Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя, и вещь предает Богу; и если не получит нужную вещь, то все равно остается покоен, как если бы имел ее.

Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, ничего. Но что ни случится, она говорит: «Так Богу угодно». Если болен, думает: значит мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне ее.

И так сохраняется мир в душе и теле.

* * *

Кто заботится о себе самом, тот не может предаться на волю Божию так, чтобы душа его имела мир в Боге. А смиренная душа имеет преданность в волю Божию и живет пред Ним в страхе и любви. В страхе: как бы не оскорбить чем-нибудь Бога. В любви: душа познала, как нас любит Господь.

* * *

Самое лучшее дело — предаваться воле Божией и нести скорби с упованием. Господь, видя наши скорби, лишнего никогда не даст. Если скорби нам кажутся великими, это значит, что мы не предались воле Божией.

* * *

Душа предалась воле Божией во всем и покойна в Нем, ибо знает опытом из Священного Писания, что Господь много нас любит и бдит о душах наших, все оживляя Своею благодатью в мире и любви.

Кто предался воле Божией, тот ни о чем не скорбит, хотя бы он был болен, и беден, и гоним. Душа знает, что Господь милостиво печется о нас. Свидетельствует о делах Божиих Дух Святой, Которого знает душа. Но горделивые и непослушливые не хотят предаваться на волю Божию, потому что любят творить волю свою, что так вредно для души.

Великий Пимен сказал: «Наша воля есть медная стена между нами и Богом, и не дает с ним сблизиться или созерцать Его милость» (ср.: «Отечник» епископа Игнатия Брянчанинова, стр. 336, § 58. «Авва Пимен сказал: Воля человека есть медная стена между ним и Богом; она камень противобиющий». Слова Ст. Силуана: «и не дает с Ним сблизиться или созерцать Его милость», лишь по смыслу согласны с тем, что сказал Св. Пимен Великий. Подобным образом и в некоторых других случаях цитаты Старца Силуана не точны и являются скорее интерпретацией).

* * *

Всегда надо просить у Господа мира душевного, чтобы удобнее было исполнять заповеди Господни; ибо Господь любит тех, которые стараются исполнять волю Его, и так они обретают великий покой в Боге.

Исполняющий волю Господню всем доволен, хотя он и беден и, быть может, болен и страдает, потому что его веселит благодать Божия. А кто недоволен своею судьбою, ропщет на болезнь или на того, кто обидел, тот пусть знает, что он находится в гордом духе, который отнял у него благодарность к Богу.

Но если и так, то не унывай, а старайся крепко уповать на Господа и проси у Него смиренного духа; и когда придет к тебе смиренный Дух Божий, то ты возлюбишь Его и будешь в покое, хотя и будут скорби.

Душа, стяжавшая смирение, всегда помнит Бога и думает: «Бог создал меня; Он страдал за меня; Он прощает мне грехи и утешает меня; Он питает меня и заботится обо мне. Так что же мне заботиться о себе или чего мне бояться, хотя бы мне и смерть угрожала».

* * *

Всякую душу, которая предалась воле Божией, Господь вразумляет, ибо Он сказал: «*Призови Меня в день скорби твоей; и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня*» (Пс. 49,15).

Всякая душа, смущенная чем-нибудь, должна вопросить Господа, и Господь вразумит. Но это главным образом в час беды и смущения, а так обычно надо спрашивать духовника, ибо это смиреннее.

* * *

Добро научиться жить по воле Божией. Тогда душа непрестанно пребывает в Боге и бывает зело покойна; и от этой радости молится человек, чтобы всякая душа познала Господа; познала, как много Он нас любит и как богато дает нам Святого Духа, Который веселит душу в Боге.

И все-все тогда мило душе, ибо все — Божие.

* * *

Господь милостиво вразумляет человека, что надо с благодарностью терпеть скорби. Я за всю жизнь ни разу никогда не роптал за скорби, но все принимал от руки Божией, как лекарство, и всегда благодарил Бога, и потому дал мне Господь легко нести все скорби.

* * *

Все люди не земле неизбежно несут скорби; и хотя невелики те скорби, которые посылает нам Господь, но людям они кажутся непосильными

и сокрушают их, и это потому, что не хотят они смирить свою душу и предаться на волю Божию. А кто предался воле Божией, тех Господь Сам руководит Своею благодатью, и они мужественно переносят все ради Бога, Которого возлюбили и с Которым прославляются вечно.

* * *

На земле нельзя миновать скорбей, но кто предался на волю Божию, тот легко их переносит. Он видит скорби, но уповает на Господа, и скорби проходят.

Когда Божия Матерь стояла при кресте, то скорбь Ее была непостижимо велика, потому что Она любила Сына Своего больше, чем кто бы то ни было может вообразить. А мы знаем, что кто больше любит, тот больше и страдает. По естеству человеческому Божия Матерь никак не могла бы перенести Своей скорби, но Она предалась на волю Божию, и Дух Святый укреплял Ее и давал Ей силы перенести эти скорби.

А потом, после Вознесения Господня, Она стала всему народу Божьему великим утешением в скорбях.

* * *

Господь дал на землю Духа Святого, и в ком Он живет, тот ощущает рай в себе.

Быть может, ты скажешь: почему же со мной нет такой благодати? Потому что ты не предался воле Божией, но живешь по своей.

Посмотрите на того, кто любит свою волю. Он никогда не имеет мира в душе и всегда недоволен: то не так, это не хорошо. А кто совершенно предался на волю Божию, тот имеет чистую молитву, душа его любит Господа, и все ему приятно и мило.

Так предалась Богу Пресвятая Дева: «Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему». И если бы мы так же говорили: «Се раб Господа; буди мне по глаголу Твоему», — то Евангельские глаголы Господни, Духом Святым написанные, были бы в душах наших, и тогда любовь Божия была бы по всей земле. И хотя Господни глаголы столько веков слышны во всей вселенной, но люди их не понимают и не хотят принять. А кто живет по воле Божией, тот будет прославлен небом и землей.

* * *

Кто предался воле Божией, тот только и занят Богом. Благодать Божия помогает ему всегда пребывать в молитве. Он хотя и работает, и разговаривает, но душа его занята Богом, потому что она предалась воле Божией, и за это Господь взял ее в Свое попечение.

* * *

Предание говорит, что на пути в Египет Святое Семейство встретил разбойник, но не сделал Им зла, а, увидав Младенца, сказал, что если бы Бог воплотился, то не был бы прекраснее этого Младенца; и оставил Их идти в мире.

Дивная вещь, разбойник, который, как зверь, никого не щадит, это Святое Семейство не обидел и не опечалил. Душа разбойника при виде Младенца и кроткой Матери Его умилилась, и благодать Божия коснулась его.

Так случалось и с дикими зверями, которые, видя святых мучеников или преподобных мужей, становились кроткими и не причиняли им зла. И даже бесы боятся кроткой и смиренной души, которая послушанием, воздержанием и молитвою побеждает их.

И опять удивительная вещь: разбойник пожалел Младенца-Господа, а архиереи и старцы предали Его Пилату на распятие. И это потому, что они не молились и не искали от Господа вразумления, что и как надо сделать.

Так часто начальники и люди ищут добро, но не знают, где оно; не знают, что оно в Боге и от Бога дается нам.

* * *

Всегда надо молиться, чтобы Господь вразумил, что надо сделать, и Господь не оставит нас заблуждаться.

Адам не был мудр, чтобы спросить Господа о плоде, который дала Ева, и потому потерял рай.

Давид не спросил Господа: «Хорошо ли будет, если я возьму себе жену Урия?» — и пал в грех убийства и прелюбодеяния.

Так и все святые, которые согрешили, согрешали потому, что не призвали Бога на помощь, чтобы вразумил их. Преподобный Серафим Саровский сказал: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки».

Но есть и безгрешные ошибки несовершенства; их видим даже у Божией Матери. В Евангелии говорится, что когда шла Она из Иерусалима с Иосифом, то думала, что Сын Ее идет со сродниками или знаемыми... И только после трех дней искания нашли Его в Иерусалимском храме, беседующего со старцами (Лк. 2, 44–46).

И так только Господь всеведущ, нам же всем, кто бы ни был, надо молиться Богу о вразумлении и спрашивать духовного отца, чтобы не было ошибок.

* * *

Дух Божий всех наставляет по-разному: один безмолвствует в одиночестве, в пустыне; другой молится за людей; иной призван пасти словесное стадо Христово; иному дано проповедовать или утешать страждущих; иной служит ближнему от своих трудов или имений — и все это дары Духа Святого, и все в разной степени: кому на тридцать, кому на шестьдесят, кому и на сто (Мк. 4, 20).

Если бы мы любили друг друга в простоте сердечной, то Господь Духом Святым показал бы нам многие чудеса и открыл бы нам великие тайны. Бог — ненасытная любовь...

Ум мой остановился в Боге, и прекратилось писание...

Как мне понятно, что Господь управляет нами. Без Него мы не можем даже помыслить благое; поэтому нам нужно смиренно предаться воле Божией, чтобы Господь руководил нами.

* * *

Мучимся все мы на земле и ищем свободы, но мало кто знает, в чем свобода, где она.

И я тоже хочу свободы, и день и ночь ищу ее. Я познал, что она у Бога и от Бога дается смиренным сердцем, которые покаялись и отсекли свою волю пред Ним. Кающемуся Господь дает мир Свой и свободу любить Его. И нет ничего лучшего в мире, как любить Бога и ближнего. В этом душа обретает покой и радость.

О народы всей земли, на коленях припадаю пред вами и умоляю со слезами: придите ко Христу. Я знаю Его любовь к вам. Я знаю и потому кричу всей земле. Если чего не знаешь, то как будешь говорить о том?

Ты спросишь: «Но как можно знать Бога»? А я говорю, что мы видели Господа Духом Святым. И ты, если смиришь себя, то и тебе Дух Святой покажет Господа нашего; и ты тоже захочешь кричать о Нем всей земле.

Я стар, и жду смерти, и пишу истину по любви к народу, о котором скорбит душа моя. Быть может, хоть одна душа спасется; и за нее буду благодарить Бога; но сердце мое болит за весь мир, и молюсь, и слезы проливаю за весь мир, чтобы все покаялись и познали Бога, и жили в любви, и наслаждались свободою в Боге.

О все люди на земле, молитесь и плачьте о грехах своих, чтобы Господь простил их. Где прощение грехов, там свобода совести и любовь, хотя бы и малая.

* * *

Господь не хочет смерти грешника и кающемуся дарует благодать Святого Духа. Она дает душе мир и свободу умом и сердцем быть в Боге. Когда Дух Святой прощает нам грехи, тогда получает душа свободу молиться Богу чистым умом; тогда она свободно созерцает Бога и в Нем бывает покойна и радостна. И это есть истинная свобода. А без Бога не может быть свободы, потому что враги колеблют душу плохими помыслами.

* * *

Скажу правду пред всем миром: я мерзок пред Богом и отчаялся бы в своем спасении, если бы Бог не дал мне Свою благодать Святого Духа. И Дух Святой научил меня, и потому я пишу о Боге без труда, ибо Он влечет меня писать.

Жалею, и плачу, и рыдаю о людях. Многие думают: я много нагрешил: убивал, грабил, насиловал, клеветал, распутничал и многое другое делал; и от стыда не идут на покаяние. Но они забывают, что все грехи их пред Богом, что капля в море.

О братья мои, вся земля, покайтесь, покамест есть время. Бог милостиво ждет нашего покаяния. И все небо, все святые ждут от нас покаяния. Как Бог есть любовь, так Дух Святой во святых есть любовь. Проси, и Господь простит. А когда получишь прощение грехов, то на душе у тебя будет радость и веселие, и благодать Святого Духа войдет в твою душу, и ты скажешь: «Вот истинная свобода; она в Боге и от Бога».

* * *

Благодать Божия не отнимает свободы, а только помогает исполнять заповеди Божии. Адам был в благодати, но воля его не была отнята. Так же и Ангелы в Святом Духе (пребывают), но не отнята у них свободная воля.

* * *

Многие люди не знают пути спасения, зашли во тьму и не видят Света Истины. А Он был, есть и будет, и всех милостиво зовет к Себе: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, познайте Меня, и Я дам вам покой и свободу».

Вот истинная свобода — когда мы в Боге. И я раньше не знал этого. До 27 лет я только веровал, что Бог есть, но не знал Его; а когда душа моя познала Его Духом Святым, то стала с жаром рваться к Нему, и теперь, горя, ищу Его день и ночь.

Господь хочет, чтобы мы любили друг друга; в этом свобода — в любви к Богу и к ближнему. В этом и свобода и равенство. А в земных чинах равенства быть не может, но это не важно для души. Не всякий может быть царем или князем; не всякий может быть патриархом, или игуменом, или начальником; но во всяком чине можно любить Бога и угодить Ему, и только это важно. И кто больше любит Бога на земле, тот в большей славе будет в Царствии. Кто больше любит, тот сильнее стремится к Богу, тот ближе будет к Нему. Каждый будет прославлен в меру любви своей. И я узнал, что любовь бывает разная по силе своей.

Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить, — это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов — это вторая любовь, большая первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей — это третья любовь, еще большая.

Четвертая, совершенная любовь к Богу — это когда имеет благодать Святого Духа и в душе, и в теле. У того освящается тело, и будут мощи. Так бывает у великих святых мучеников, у пророков, у преподобных. Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви. Он может свободно спать с девицею, не испытывая к ней никакого желания. Любовь Божия сильнее, чем любовь девицы, к которой влечется весь мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека и научает его любить Бога в полноте. При полноте любви Божией душа не прикасается

к миру; хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати, и она оставляет душу, и душа ищет ее, плача и рыдая, и говорит:

«Скучает душа моя о Господе».

VII

О ПОКАЯНИИ

ДУША МОЯ познала Тебя, Господи, и я пишу милости Твои народу Твоему.

Не скорбите, народы, что вам трудно жить. Боритесь только с грехом и просите у Господа помощи, и даст вам, ибо Он милостив и любит нас.

О народы! Слезно пишу я эти строки. Душа моя хочет, чтобы вы познали Господа и созерцали милости Его и славу. Мне 72 года; я скоро должен умереть, и пишу вам о милости Господней, которую дал мне Господь познать Духом Святым; и Дух Святой научил меня любить народ. О, я посадил бы вас на высокую гору, чтобы с высоты ее вы могли увидеть кроткое и милостивое лицо Господа, и возрадовались бы сердца ваши. Истину говорю вам; я не знаю в себе ничего доброго, и много у меня грехов, но благодать Святого Духа изгладила мои многие грехи, и знаю я, что тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радует душу и дает ей глубокий и сладкий мир.

О Господи, Ты любишь создание Свое; и кто может уразуметь любовь Твою или насладиться ею, если Ты Сам не научишь Духом Твоим Святым?

Молю Тебя, Господи, пошли на людей Твоих благодать Святого Духа, да познают они любовь Твою. Согрей печальные сердца людей; пусть они в радости славят Тебя, забывая скорби земли.

Утешителю благий, слезно прошу Тебя, утешь скорбные души людей Твоих. Дай народам услышать Твой сладкий голос: «Прощаются вам грехи». Ей, Господи, в Твоей власти творить чудеса, и нет большего чуда, как любить грешника в его падении. Святого легко любить: он достоин. Ей, Господи,

услышь молитву земли. Все народы скорбят; все жили в грехе; все лишились благодати Твоей и живут во тьме.

О народы, воззовем к Богу вся земля, и услышана будет молитва наша, ибо радуется Господь покаянию людей; и все небесные силы ждут нас, чтобы и мы насладились сладостью любви Божией и видели красоту лица Его.

* * *

Когда люди хранят страх Божий, тогда тихо и сладко жить на земле. Но ныне народ стал жить по своей воле и разуму, и оставил заповеди святые, и без Господа думают найти радость на земле, не ведая, что единый Господь есть радость наша и только в Господе веселится душа человека. Он согревает душу, как солнце греет полевые цветы и как ветер, качая их, придает им жизни. Все дал нам Господь, чтобы мы славили Его. Но мир не разумеет о сем. И как может кто разуметь о том, чего не видел и не вкушал? Я тоже, когда был в миру, то думал, что вот счастье на земле: я здоров, красив, богат, и люди любят меня. И я этим тщеславился. Но когда я познал Господа Духом Святым, тогда на все счастье мира стал смотреть как на дым, который уносится ветром. А благодать Святого Духа радует и веселит душу, и она в мире глубоком созерцает Господа, забывая землю.

Господи, обрати людей Твоих к Тебе, да познают все Твою любовь, да узрят в Духе Святом Твое кроткое лицо; да насладятся все Твоим лицезрением еще здесь на земле и, видя, каков Ты есть, уподобятся Тебе.

Слава Господу, что Он дал нам покаяние, и покаянием все мы спасемся, без исключения. Не спасутся только те, которые не хотят каяться, и в этом я вижу их отчаяние, и много я плачу, жалея их. Они не познали Духом Святым, как велико Божие милосердие. А если бы каждая душа знала Господа, знала, как много Он нас любит, то никто не только не отчаялся бы, но даже и не пороптал бы никогда.

Всякая душа, потерявшая мир, должна покаяться, и Господь простит грехи, и будет тогда радость на душе и мир, и не надо других свидетелей, но Сам Дух свидетельствует, что грехи прощены. Вот знак прощения грехов: если ты возненавидел грех, то простил тебе Господь грехи твои.

И чего нам ждать еще? Чтобы кто-нибудь с неба пропел нам песнь небесную? Но на небе все живет Духом Святым, и нам на землю Господь дал того же Духа Святого. И в храмах Божиих службы совершаются Духом Святым; и в пустынях, и в горах, и в пещерах, и всюду подвижники Христовы живут

Духом Святым; и если будем хранить Его, то будем свободны от всякой тьмы, и жизнь вечная будет в душах наших.

Если бы все люди покаялись и хранили заповеди Божии, то рай был бы на земле, ибо «Царствие Божие внутри нас». Царствие Божие есть Дух Святой, а Дух Святой и на небе, и на земле тот же.

* * *

Кающемуся Господь дает рай и вечное Царство с Собою. По множеству милости Своей Он не помянет грехов наших, как не помянул их разбойнику на кресте.

Велика Твоя милость, Господи; и кто достойно может возблагодарить Тебя за то, что Ты дал на землю Духа Святого?

Велика, Господи, правда Твоя. Ты обещал Апостолам Твоим: «не оставлю вас сирыми»; и мы теперь переживаем эту милость, и душа наша чувствует, что Господь любит нас. А кто не чувствует, тот пусть покается и живет по воле Божией, и тогда Господь даст ему Свою благодать, которая будет руководить душу. Но если увидишь грешащего человека и не пожалеешь его, то благодать оставит тебя.

Нам заповедано любить, а любовь Христова всех жалеет, и Дух Святой учит душу исполнять заповеди Божии и дает силы творить добро.

Душе Святый, не остави нас. Когда Ты с нами, то душа слышит присутствие Твое и блаженствует в Боге, ибо Ты даешь пламенно любить Бога.

* * *

Господь так возлюбил людей Своих, что освятил их Духом Святым и сделал похожими на Себя. Господь милостивый, и нам Дух Святой дает силу быть милостивыми. Братья, смиримся и покаянием стяжем себе милующее сердце, и тогда увидим славу Господню, которая познается душою и умом по благодати Святого Духа.

Кто истинно кается, тот с готовностью терпит всякую скорбь: голод и наготу, холод и жар, болезни и нищету, унижения и изгнания, неправды и клеветы, ибо душа его стремится к Господу и не заботится он о земном, но чистым умом молится Богу. А кто привязан к имениям и деньгам, тот никогда не может иметь чистый ум в Боге, потому что в глубине души его постоянно сидит забота, что с ними сделать; и если он не покается чисто и не будет скорбеть, что оскорбил Бога, то так и умрет в страсти, не познав Господа.

Когда у тебя отнимают имущество, то ты отдай, ибо любовь Божия не может отказать; а кто не познал любви, тот не может быть милостивым, потому что нет у него в душе радости Святого Духа.

Если Милостивый Господь Своими страданиями дал нам на землю Духа Святого от Отца; дал нам Тело Свое и Кровь, то ясно, что и все остальное, что нужно, даст Он нам. Предадимся на волю Божию, и тогда увидим промысл Божий, и даст нам Господь то, чего и не ждем. А кто не предается на волю Божию, тот никогда не может увидеть промысла Божия над нами.

Не будем скорбеть от потери имущества; это маленькое дело. Меня этому еще родной отец научил. Когда случится в доме беда, он остается покоен. После пожара ему говорили: «Ты, Иван Петрович, погорел», — а он отвечает: «Бог даст, поправлюсь». Однажды мы шли мимо нашего поля, и я сказал ему: «Смотри, у нас воруют снопы»; а он мне говорит: «Э, сынок, Господь нам уродил хлеба, нам хватит, а кто ворует, стало быть, у него нужда есть». Я бывало ему скажу: «Ты подаешь много милостыни; а вот там лучше нас живут, а дают меньше»; а он мне скажет: «Э, сынок, Господь нам даст». И Господь не посрамил надежды его.

* * *

Милостивому Господь сразу прощает грехи. Милостивый не помнит зла. Хотя бы его обидели или отняли имения, он будет равнодушен, ибо он знает милость Божию, а милость Господню никто из людей не может отнять, потому что она высока, она у Бога.

* * *

Все люди девственники и смиренные, послушливые, воздержанные и кающиеся в грехах своих перешли на небо, и видят Господа нашего Иисуса Христа во славе, и слышат песни херувимские, и забыли землю. А мы мятемся на земле, как прах, носимый ветром, и ум наш прилепился к земному.

О, немощный мой дух. Он тухнет, как малая свеча от слабого ветра; а дух святых горел жарко, как терновый куст, и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией? Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби и достигали силы чудотворения. Они исцеляли больных, воскрешали мертвых, они ходили по водам, подымались во время молитвы на воздух; молитвою низводили дождь с неба,

а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя.

* * *

Горе мне. Я пишу о любви Божией, а сам мало люблю Бога, и потому печален зело, и скорблю, как Адам, изгнанный из рая, и рыдаю, и криком кричу: Помилуй мя, Боже, падшее создание твое.

Сколько раз Ты давал мне благодать Свою, и я не хранил ее, потому что тщеславна душа моя; но душа моя знает Тебя, Творца и Бога моего, и потому ищу Тебя, рыдая, как рыдал Иосиф об отце своем Иакове на гробе матери своей, уводимый в Египетское рабство.

Я оскорбляю Тебя грехами, и Ты уходишь от меня, и душа моя скучает по Тебе.

О Душе Святый, не оставь меня! Когда Ты уходишь от меня, то плохие мысли приходят ко мне, и скучает душа моя по Тебе до великих слез.

О Пресвятая Владычице Богородице! Ты видишь печаль мою: я оскорбил Господа, и Он оставил меня. Но молю благость Твою: спаси меня, падшее создание Божие; спаси меня, раба Твоего.

* * *

Если ты зло думаешь о людях, то значит злой дух живет в тебе, и это он тебе внушает злые мысли на людей. И если кто не покается и умрет, не прощая брата, то душа его отойдет туда, где живет злой дух, который овладел душою.

Такой у нас закон: если ты прощаешь, это значит, что и тебе Господь простил; а если не прощаешь брату, то значит, и твой грех остается с тобою.

Господь хочет, чтобы мы любили ближнего; и если ты помышляешь о нем, что любит его Господь, то значит, что любовь Господня с тобою; и если ты думаешь, что много любит Господь создание Свое, и сам жалеешь всю тварь, и любишь врагов своих, себя же считаешь хуже всех, это значит, что с тобою большая благодать Святого Духа.

Кто носит в себе Духа Святого хотя бы и немного, тот скорбит о всем народе день и ночь, и сердце его жалеет всякое создание Божие, и особенно людей, которые не знают Бога, или противятся Ему, и потому идут в огонь мучения. За них он молится день и ночь, больше, чем за себя, чтобы все покаялись и познали Господа.

* * *

Христос молился за распинавших Его: «Отче, не поставь им греха сего; не ведают бо, что творят». Архидиакон Стефан молился за тех, которые побивали его камнями, чтобы Господь не вменил им этого во грех. И мы, если хотим сохранить благодать, должны молиться за врагов. Если ты не жалеешь грешника, который будет мучиться в огне, то значит, нет в тебе благодати Святого Духа, но живет в тебе злой дух, и покамест ты жив еще, старайся покаянием освободиться от него.

VIII

О ПОЗНАНИИ БОГА

ТАК ВОЗЛЮБИЛ нас Отец, что Сына Своего дал нам; но и Сын Сам восхотел, и воплотился, и жил с нами на земле. И Святые Апостолы и множество людей видели Господа во плоти, но не все познали Его, как Господа; а мне, многогрешному, Духом Святым было дано познать, что Иисус Христос есть Бог.

Господь любит человека и является ему, как Сам Он изволяет. И душа, когда увидит Господа, то смиренно возрадуется милосердию Владыки и уже ничего другого не может возлюбить так, как любит своего Творца; хотя она и будет все видеть и всех любить, но больше всего любит Господа.

Душа знает эту любовь, но передать словами не может: она познается только Духом Святым, кому Его даст Господь.

Душа вдруг видит Господа и познает Его. Кто опишет эту радость и веселие?

В Духе Святом познается Господь, и Дух Святой бывает во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле.

Так познается Бог и на небе, и на земле.

Господь по безмерной милости Своей дал мне грешному сию благодать, дабы люди познали Бога и обратились к Нему.

Прошу от лица Божия милосердия. Ей, истину. Свидетель мне Сам Господь.

* * *

Господь любит нас, как Своих детей, и любовь Его больше, чем любовь матери, потому что и мать может забыть свое дитя, а Господь никогда

не забывает нас. И если бы Сам Господь не дал Духа Святого православному народу и нашим великим пастырям, то не могли бы мы знать о том, как много Он нас любит.

Слава Господу и Его великому милосердию, что Он грешным людям дает благодать Святого Духа. Богатые и цари не знают Господа, а мы, нищие монахи и пастухи, знаем Господа Духом Святым.

Чтобы познать Господа, не надо иметь ни богатства, ни учености, но надо быть послушливым и воздержным, иметь смиренный дух и любить ближнего, и Господь возлюбит такую душу, и Сам явит Себя душе, и будет учить ее любви и смирению, и все полезное даст ей, чтобы обрела она покой в Боге.

* * *

Сколько бы мы ни учились, все равно невозможно познать Господа, если не будем жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, что Бог есть, но Бога не познали. И мы, монахи, учимся в законе Господнем день и ночь, но далеко не все познали Бога, хотя и веруют.

Иное дело веровать, что есть Бог, и иное — знать Бога.

* * *

Вот тайна: есть души, которые познали Господа; есть души, которые не познали Его, но веруют; а есть и такие, которые не только не познали, но и не веруют; и среди них есть даже ученые люди.

Но неверие бывает от гордости. Горделивый человек своим умом и наукою хочет познать все, но ему не дается познать Бога, потому что Господь открывается только смиренным душам. Смиренным душам Господь показывает Свои дела, которые непостижимы для нашего ума, но открываются Духом Святым. Простым умом можно познавать только земное, и то отчасти, а Бог и все небесное познается Духом Святым.

Некоторые всю жизнь трудятся, чтобы узнать, что есть на солнце, или на луне, или иное что, но вот нет пользы от этого душе. А если будем стараться узнать, что есть внутри сердца человеческого, то увидим; в душе святого — Царствие Небесное, а в душе грешного — мрак и мучение. И это полезно знать, потому что мы вечно будем пребывать или в Царстве, или в мучениях.

Ленивый молится, с любопытством испытывает все, что видит на земле и на небе, а какой Господь, о том не знает и не старается узнать, и когда слышит учение о Боге, то говорит:

— Ну как можно знать Бога? И ты откуда знаешь Его?

Скажу тебе:

— Дух Святой свидетельствует. Он знает и нас учит.

— А разве Дух виден?

— Апостолы видели Его сошедшим в огненных языках, а мы чувствуем Его в себе. Он сладкий паче всего земного. Его вкусили Пророки и говорили народу, и народ внимал им. Святые Апостолы приняли Духа Святого и проповедовали людям спасение, ничего не боясь, ибо Дух Божий укреплял их. Апостол Андрей сказал Игемону, который угрожал его распять, если он будет проповедовать:

«Если бы я боялся креста, я бы его не проповедовал».

Так и все другие Апостолы, а затем мученики, а после святые подвижники с радостью шли на мучения и страдания. И все это потому, что Дух Святой, благой и сладкий, влечет душу любить Господа, и от сладости Духа Святого душа не боится страданий.

* * *

Многие святые мученики в страданиях познали Господа и помощь Его. Многие монахи несут большие подвиги и тяжелые труды ради Господа; они познали Господа и борются, чтобы победить в себе страсти, и молятся за всю вселенную, и благодать Божия учит их любить врагов, потому что кто не любит врагов, тот не может познать Господа, Который умер на кресте за врагов, и дал нам образ в Себе, и дал нам заповедь любить врагов.

* * *

Господь есть любовь; и нам повелел любить друг друга и любить врагов; и Дух Святой учит нас этой любви.

Душа, которая не познала Духа Святого, не разумеет, как можно любить врагов, и не принимает этого; но Господу всех жалко, и, кто хочет быть с Господом, тот должен любить врагов.

Кто познал Господа Духом Святым, тот становится похож на Господа, как сказал Иоанн Богослов: «И будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» и будем видеть славу Его.

Ты говоришь, что много людей страдает от всяких бед и от злых человеков; но прошу тебя, смирись под крепкую руку Божию, и тогда благодать научит тебя, и ты сам захочешь страдать ради любви Господней. Вот чему научит тебя Дух Святой, Которого мы познали в Церкви.

А кто ругает плохих людей, но не молится за них, тот никогда не познает благодати Божией.

* * *

Если хочешь познать, как нас любит Господь, то возненавидь грехи и плохие помыслы и молись усердно день и ночь, и тогда даст тебе Господь благодать Свою, и ты познаешь Господа Духом Святым, и после смерти, когда придешь в рай, то и там ты узнаешь Господа Духом Святым, как познал Его на земле.

И на небе, и на земле Господь познается только Духом Святым, а не от науки. И дети, которые совсем не учились, познают Господа Духом Святым. Святой Иоанн Креститель, когда был еще во чреве матери, ощутил пришествие Господа. Симеон Столпник (27 лет), Дивногорец, был семилетним мальчиком, когда явился ему Господь, и он познал Его. Преподобный Серафим был в совершенном возрасте (память 24 мая), когда Господь явился ему во время Литургии. А Симеон Богоприимец был глубоким старцем, когда познал Господа, приняв Его на руки свои.

Так Господь применяется к нам, чтобы больше утешить всякую душу.

* * *

Любовь Господня познается не иначе, как Духом Святым; а мирная душа, которая хранит чистую совесть, из творений познает Бога, что Он создал небо и землю. Но и это — дело благодати, хотя и малой еще; а без благодати ум наш не может познавать Бога, но все влечется к земному: к богатству, к славе, к наслаждениям.

* * *

Как любовь Иисуса Христа, так и страдания Его были столь велики, что мы не можем их постигнуть, потому что мало любим Господа. Но кто больше любит, тот больше может разуметь и о страданиях Господа. Есть любовь малая, есть — средняя, есть и совершенная; и чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание.

Вообще, каждый из нас может рассуждать о Боге настолько, насколько познал благодати Святого Духа; ибо как можем мы думать и рассуждать о том, чего не видели или о чем не слышали и чего не знаем? Вот Святые говорят, что они видели Бога; а есть люди, которые говорят, что Бога нет. Ясно, что они так говорят потому, что не познали Бога, но это совсем не значит, что Его нет.

Святые говорят о том, что действительно видели и знают. Они не говорят о том, чего не видели. Не говорят, например, что видели лошадь длиною с версту или пароход длиною десять верст, чего нет. И я думаю, что если бы Бога не было, то о Нем и помину не было бы на земле; но люди хотят жить по своей воле и потому говорят, что Бога нет, и этим они доказывают, что Он есть.

И у язычников душа чувствовала, что Бог есть, хотя они и не знали, как почитать истинного Бога. Но Дух Святой научил Святых Пророков, потом Апостолов, потом Святых Отцов и Епископов наших, и так истинная вера дошла до нас. И мы познали Господа Духом Святым, и когда познали, то душа утвердилась в Нем.

* * *

Душа, познавшая Господа, невидимо ощущает присутствие Создателя своего и бывает в Нем зело покойна и радостна. И чему можно уподобить эту радость? Она подобна тому, как если бы возлюбленный сын из далекой страны после долгой разлуки вернулся в свой отчий дом и досыта беседует с дорогим отцом, и с любимой матерью, и с милыми братьями и сестрами.

* * *

О люди, творение Божие, познайте Творца! Он любит нас. Познайте любовь Христову, и живите в мире, и обрадуйте этим Господа. Он милостиво ждет к Себе всех.

Обратитесь к Нему, все народы земли, и вознесите молитвы свои к Богу; и молитва всей земли пойдет к небу, как прекрасное тихое облако, освещенное солнцем, и тогда возрадуются все небеса, и воспоют песнь величания Господу за Его страдания, которыми Он спас нас.

Познайте, народы, что мы созданы для славы Божией на небесах, и не прилепляйтесь к земле, ибо Бог — наш Отец, и любит нас, как дорогих детей.

* * *

Господь Милостивый дал на землю Духа Святого, и Духом Святым утвердилась Святая Церковь.

Дух Святой раскрыл нам не только земное, но и небесное.

Духом Святым мы познали любовь Господню. Любовь Господня горяча. Святые Апостолы, исполненные любви, обтекли всю вселенную, и дух их жаждал, чтобы все люди познали Господа.

Духом Святым услаждались любимцы Божии — Пророки, и потому слово их было сильно и приятно, ибо всякая душа хочет слышать слово Господне.

О, чудо! И меня столь много грешного не презрел Господь, но дал мне Духом Святым познать Его.

Дай же мне, Господи, духа смиренного, чтобы я всегда благодарил Тебя, что Ты на землю дал Духа Святого. И я помню Его. Он Сам помогает мне помнить Его.

О Душе Святый! О Великий Царю! Что воздам Тебе я — грешная земля? Ты открыл мне непостижимую тайну. Ты дал мне познать Господа — Создателя моего. Ты дал мне познать, как безмерно Он любит нас.

* * *

Господь так много нас любит, что объяснить этого невозможно, и только Духом Святым познается эта любовь, и душа неизъяснимо чувствует сию любовь. Господь по естеству благ и милостив, кроток и любезен, и описать доброту Его нельзя, но душа без слов чувствует эту любовь и всегда желает пребывать в таком тихом состоянии.

Он сказал: «Не оставлю вас сирыми»; и мы видим, что действительно не оставил, но дал нам Духа Святого.

Дух Святой невидимо дает душе знание. В Духе Святом душа обретает покой. Дух Святой веселит душу и дает ей радость на земле. Какая же радость и веселие будут на небесах? Мы Духом Святым научены знать любовь Божию, но там она будет совершенною. О, немощный я человек. Я только познал любовь Божию в совершенстве, но стяжать ее не могу, и плачет душа моя на всякий день, и все думаю: «Я еще не получил того, чего ищет душа моя».

* * *

Когда Дух Святой сошел на Апостолов, то они опытом познали, что есть любовь Божия и любовь к человеку.

«Чадца, болезную, доколе не вообразится в вас Христос», — говорит Апостол (Гал. 4, 19).

О, как был бы я рад, если бы народы все познали Господа!

Господи, Ты Сам дай им познать Тебя Духом Святым, как дал Ты Апостолам Духа Святого, и они познали Тебя, так всем людям дай познать Тебя Духом Святым.

IX

О ЛЮБВИ

ДУША МОЯ жаждет Бога жив

илость Божия: из праха создал Господь человека и вдунул в него дыхание жизни, и душа человека стала родная Богу.

Так возлюбил Господь создание Свое, что Духа Святого дал человеку, и человек познал Создателя своего и любит Господа своего.

Дух Святой есть любовь и сладость души, ума и тела; но когда душа потеряет благодать или когда умалится благодать, тогда душа будет снова слезно искать Духа Святого, и скучать о Боге, и говорить: «Скучает душа моя о Господе, и слезно ищу Его. Как мне не искать Тебя, Господи? Ты Сам прежде взыскал меня и дал мне насладиться Духом Святым; и теперь душа моя скучает по Тебе. Сердце мое возлюбило Тебя, и молю Тебя: дай мне до конца пребыть в любви Твоей; дай мне ради любви Твоей терпеть все скорби и болезни».

* * *

Страх и трепет обдержит душу мою, когда хочу писать о любви Божией.

Бедна душа моя, и нет сил описать любовь Господню.

И боится душа, и вместе влечется написать хоть несколько слов о любви Христовой. Изнемогает дух мой писать сие, но любовь понуждает.

О, человек — немощное создание.

Когда благодать в нас, то горит дух и рвется ко Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу любить Бога, и она возлюбила Его и не хочет оторваться от Него, ибо не может насытиться сладостью Духа Святого.

И нет конца любви Божией.

Знаю человека, которого Милостивый Господь посетил Своею благодатию; и если бы спросил его Господь: «Хочешь, дам тебе еще больше?», — то от немощи плоти душа сказала бы:

«Ты видишь, Господи, что если больше, то я умру», — ибо человек ограничен и не может понести полноту благодати.

Так на Фаворе ученики Христовы пали ниц от славы Господней. И никто не может постигнуть, как дает душе благодать Свою Господь.

* * *

Благ Ты, Господи. Благодарю я милость Твою: Ты излил на меня Духа Твоего Святого и дал мне вкусить Твою любовь ко мне, столь многогрешному, и влечется душа моя к Тебе, Свету неприступному.

Кто мог бы Тебя познать, если не Ты, Милостивый, Сам благоволишь показать Себя душе? И она увидела Тебя, и познала своего Создателя благого Бога, и ненасытно хочет Тебя всегда, ибо Ты, Милостивый, привлек душу к Тебе любовью, и душа познала Твою любовь.

Ты видишь, Господи, сколь немощна и грешна душа человека, но Ты, Милостивый, даешь душе силы Тебя любить, и страшится душа, как бы не потерять смирение, которое враги стараются отнять от нее, ибо тогда благодать Твоя оставит душу.

* * *

Что воздам Господу моему? Я мерзкий, Господь это знает, но я люблю душу свою смирять и любить ближнего моего, хотя он и обидел меня чем. Я всегда молю Господа, чтобы Он Милостивый дал мне любить врагов, и я милосердием Божиим испытал, что есть любовь Божия и любить ближнего, и прошу у Господа любви день и ночь, и Господь дает мне слезы плакать за весь мир. Но если я кого-либо осужу или недобро посмотрю, то слезы пропадают, и душа тогда делается унылая; но я снова начинаю просить у Господа прощения, и Милостивый Господь прощает мне грешному.

Пишу, братья, пред лицем Бога моего: смиряйте сердца ваши, и узрите милость Господню еще на земле, и познайте Творца небесного, и душа ваша не будет знать сытости в любви.

* * *

Никто не может знать от себя, что есть любовь Божия, если Дух Святый не научит; но в Церкви нашей любовь Божия познана Духом Святым, и потому мы говорим о ней.

Грешная душа, которая не знает Господа, боится смерти, думает, что Господь не простит ей грехов ее. Но это потому, что душа не знает Господа и как много Он нас любит. А если бы знали люди, то ни один человек не отчаялся бы, потому что Господь не только простит, но и радуется зело обращению грешника. Хотя пришла смерть, но ты крепко верь, что, как только будешь просить, так и получишь прощение.

Господь не такой, как мы. Он весьма кроток, и милостив, и благ, и когда душа узнает Его, то удивляется без конца и говорит: Ах, какой у нас Господь!

Дух Святый дал нашей Церкви познать, как велико Божие милосердие.

Господь нас любит и кротко, без укора принимает нас, как не укорил отец евангельского блудного сына, но велел дать ему новую одежду, и на руку драгоценный перстень, и сапоги на ноги его, и велел заколоть тельца упитанного и веселиться, и ни в чем не обличил его.

О, как кротко и терпеливо и мы должны исправлять брата своего, чтобы был праздник на душе о его возвращении.

Дух Святой учит душу неизглаголанно любить людей.

О братья, забудем землю и все, что на ней. Она отвлекает нас от созерцания Святой Троицы, Которая непостижима нашему уму, но Которую святые зрят на небесах Духом Святым.

А мы пребудем в молитве без всякого воображения и будем просить у Господа смиренного духа, и Господь полюбит нас и даст нам на землю все полезное для души и тела.

Господи Милостивый, дай благодать Твою всем народам земли, и познают Тебя, ибо без Духа Твоего Святого не может человек познать Тебя и разуметь Твою любовь.

Детки малые, познайте Творца неба и земли.

Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым. Слезно молю Тебя; услышь молитву мою за детей Твоих и всем им дай познать славу Твою Духом Святым.

* * *

С молодых лет я любил думать: Господь вознесся на небо и нас ждет к Себе; но чтобы быть с Господом, надо быть подобно Ему или подобно детям — смиренным и кротким, и служить Ему; тогда по слову Господа: «Где Я, там и слуга Мой будет», и мы будем с Ним в Царствии Небесном. Но ныне душа моя зело мрачна и уныла, и не могу я возвести чистого ума к Богу, и нет у меня слез оплакивать свои злые дела; иссохла душа моя и истомилась от мрачной жизни...

О, кто бы пропел мне песнь, которую я люблю с молодых лет, о том, как Господь вознесся на небо, и как много Он нас любит, и как желанно ждет к Себе. Эту песнь я слушал бы со слезами, ибо скучает душа моя на земле.

Что стало со мной? Как потерял я радость и обрету ли снова ее?

Плачьте со мною, все звери и птицы. Плачьте со мною, лес и пустыня. Плачьте со мною, все создания Божие, и услышьте меня в горе и печали.

Вот что помышляет душа моя: Если я так мало люблю Бога и так сильно тоскует душа моя по Господу, то сколь великая печаль была у Божией Матери, когда Она оставалась на земле после Вознесения Господня?

Она не предала писанию скорбь души Своей, и мало что знаем мы из Ее жизни на земле, но надо думать, что полноту любви Ее к Сыну и Богу Своему мы разуметь не можем.

Сердце Божией Матери, все Ее мысли, вся Ее душа были заняты Господом; но Ей было дано и другое: Она любила народ и пламенно молилась за людей, за новых христиан, чтобы укрепил их Господь, и за весь мир, чтобы все были спасены. В этой молитве была Ее радость и утешение на земле.

Мы не постигаем в полноте любовь Божией Матери, но мы знаем, что:

Чем больше любовь, тем больше страданий душе;

Чем полнее любовь, тем полнее познание;

Чем горячее любовь, тем пламеннее молитва;

Чем совершеннее любовь, тем святее жизнь.

Никто из нас не достигает полноты любви Божией Матери, и нам нужно Адамово покаяние; но отчасти, как учит нас Дух Святой в Церкви, и мы разумеем эту любовь.

* * *

«*Не горело ли в нас сердце наше*» (Лк. 24, 32), говорили Апостолы, когда приблизился к ним Христос. Так душа узнает своего Владыку, и любит Его, и сладость любви Его горяча.

На небесах у всех единая любовь, а на земле одни много любят Господа, другие — мало, а иные совсем не любят Его.

Душа, исполненная любви Божией, забывает и небо, и землю; дух горит и невидимо видит Желанного, и множество сладких слез проливает душа и не может забыть Господа ни на одну секунду, ибо благодать Божия дает силы Любимого любить.

О, в какой славе Господь, и какими песнями Он величается на небесах, и сколь сладки эти песни, которые изливаются от любви Божией!

Кто достоин слушать песни сии, которые поются Духом Святым и в которых величается Господь за страдания Свои, и какая будет радость от слышания песни сей?

На земле едва душа прикоснется любви Божией — и уже от сладости Духа Святого бывает в восторге к любимому Богу и Отцу Небесному.

Братья возлюбленные, смирим себя, чтобы быть достойными любви Божией, чтобы Господь украсил нас Своею кротостью и Своим смирением, чтобы мы стали достойны небесных обителей, которые уготовал нам Господь.

* * *

Господь любит всех людей, но кто ищет Его, того больше любит.

«Любящие Мя — люблю, — говорит Господь, — *и ищущие Мя обрящут благодать»* (Притч. 8, 17). А с нею хорошо жить, весело душе, и душа говорит: «Господь МОЙ, я — раб ТВОЙ».

В этих словах великая радость: Если Господь наш, то и все наше. Вот мы какие богатые.

Велик и непостижим наш Господь, но ради нас Себя так умалил, чтобы мы знали Его и любили, чтобы от любви Божией забывали землю, чтобы жили мы на небесах и видели славу Господню.

Своим избранникам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир, и душа их горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню.

* * *

Господь святым ученикам сказал: «Дети, еда что снедно имате?» (Ин. 21, 5). Какая великая любовь в этих ласковых словах: Господь называет

нас детьми. Что радостнее этого? Глубоко надо думать об этих словах и о страданиях Господа за нас на кресте.

О, как любит Господь Свое создание!

И вот нас с вами Господь сподобил об этом говорить, и дух наш радуется, что с нами Господь.

Смиренно прошу вас, молитесь за меня, и Господь вам воздаст.

* * *

Брат Р... рассказал мне, что когда он был тяжело болен, то мать его сказала отцу: «Как страдает наш мальчик. Я с радостью отдала бы изрезать себя на куски, если бы можно было этим помочь ему и облегчить его страдания».

Такова любовь Господа к людям. Он сказал: «*Нет большей любви, как если кто душу свою положит за ближнего своего*» (Ин. 15, 13). Господь так сильно жалел людей, что захотел пострадать за них, как родная мать, и даже более. Но разуметь эту великую любовь без благодати Святого Духа никто не может. Писание говорит о ней, но и Писание умом не постигается, ибо и в Писании говорит тот же Святой Дух.

* * *

Господня любовь такова, что Он хочет, чтобы все люди спаслись, и вечно были с Ним на небесах, и видели славу Его. Славу эту в полноте мы не ведаем, но Духом Святым отчасти ее разумеем. А кто не познал Духа Святого, тот не может разуметь эту славу, но только верует в обетование Господа и хранит заповеди Его. Но и они блаженны, как сказал Господь Апостолу Фоме (Ин. 20, 29); и будут равны они тем, кто еще здесь видел славу Божию.

* * *

Если ты хочешь познать Господа, то смири себя вконец, будь послушлив и воздержан во всем, люби истину, и Господь непременно даст тебе познать Себя Духом Святым, и тогда ты опытом познаешь, ЧТО есть любовь к Богу и ЧТО есть любовь к человеку. И чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание. Есть любовь малая, есть — средняя, есть и великая.

Кто боится греха, тот любит Бога; кто имеет умиление, тот больше любит; кто имеет в душе свет и радость, тот еще больше любит; а у кого благодать и в душе, и в теле, тот имеет совершенную любовь. Такую благодать Дух Святой давал мученикам, и она помогала им мужественно терпеть все страдания.

* * *

Может ли кто сказать о рае, как там будет?

Слово о рае может сказать лишь тот, кто в Духе Святом познал Господа и Его любовь к нам.

Господь так мил и любезен, что от любви Его душа не может вспомнить ни о чем другом. Благодать Святого Духа настолько сладка и так изменяет всего человека, что забудет он даже родителей своих.

Душа, которая в полноте познала Господа и усладилась Им, уже ничего другого не пожелает и ни к чему не прилепляется на земле, и если бы ей предложили царство, не захочет она, ибо любовь Христова так сладка и так радует и веселит душу, что и царская жизнь усладить ее уже не может.

Хочу сказать немного слов, насколько вразумит меня благодать Божия, о мерах любви Божией.

Когда человек боится оскорбить Бога каким-нибудь грехом, это первая любовь. Кто имеет ум, чистый от помыслов, это вторая любовь, большая первой. Третья, еще большая, когда кто ощутимо имеет благодать в душе. А кто имеет благодать Святого Духа и в душе, и в теле — это совершенная любовь; и кто сохранит эту благодать, у того будут мощи, как у святых мучеников, или у пророков, или у преподобных и других великих святых.

Кто пребывает в этой мере, того не прельстит любовь девицы, которою услаждается весь мир, потому что от сладости любви Божией душа забывает все земное. Благодать Святого Духа влечет душу любить Господа в полноте, и в этой полноте любви Господней душа не прикасается миру, хотя и живет на земле.

Мы горделивы умом и потому не можем стоять в этой благодати, и она удаляется от души, и душа тогда скучает по ней, и слезно ищет ее снова, и плачет, и рыдает, и зовет ко Господу:

«Боже Милостивый, Ты видишь, как печальна душа моя и как скучаю я по Тебе».

На земле нет столь кроткого и любезного человека, как Господь наш Иисус Христос. В Нем наша радость и веселие. Возлюбим Его, и Он введет нас в Царство Свое, где мы будем видеть славу Его.

* * *

С тех пор как Господь Духом Святым дал мне познать любовь Божию, я вот уже сорок лет скорблю о народе Божием.

О братья, нет ничего лучше любви Божией, когда Господь согреет душу любовью к Богу и ближнему своему.

Велика милость Господня: душа познала Бога — Небесного Отца своего, и плачет, и тужит, зачем я столь много оскорблял Бога, и Господь дает прощение грехов, и радость и веселие любить своего Творца, и любить ближнего, и плакать за него, дабы Милостивый Господь всякую душу взял к Себе, где уготовал Он место Своими страданиями на кресте.

Кто познал сладость любви Божией, когда душа согрета благодатью и любит Бога и брата своего, тот знает отчасти, что *«Царствие Божие внутри нас»* (Лк. 17, 21).

* * *

Милостивый Господи, как велика любовь Твоя ко мне грешному.

Ты дал мне познать Тебя; Ты дал мне вкусить Твою благодать. *«Вкусите и видите, яко благ Господь»* (Пс. 33, 9). Ты дал мне вкусить Твою благость и милосердие, и душа моя влечется к Тебе день и ночь ненасытно и не может забыть любимого Творца своего, ибо Дух Божий дает ей силы Любимого любить, и не знает душа сытости, но влечется к своему Отцу небесному.

Блаженна душа, возлюбившая смирение и слезы и ненавидящая злые помыслы.

Блаженна душа, любящая брата своего, ибо брат наш есть наша жизнь.

Блаженна душа, любящая брата: в ней ощутимо живет Дух Господень и дает ей мир и радость, и она плачет за весь мир.

Вспомнила душа моя любовь Господню, и согрелось сердце мое, и предалась душа моя глубокому плачу, что я столь много оскорбил Господа, Любимого Творца моего; но Он грехов моих не помянул; и тогда предалась душа моя глубочайшему и печальному плачу, чтобы помиловал Господь всякую душу и взял в Свое Небесное Царство.

И плачет душа моя за весь мир.

Не могу молчать я о народе, который люблю до слез. Не могу я молчать, потому что душа моя скорбит всегда о народе Божием, и слезно молюсь я о нем. Не могу я не поведать вам, братья, о милости Божией и о хитростях врага.

Сорок лет прошло с того времени, как благодать Святого Духа научила меня любить человека и всю тварь и открыла мне хитрости врага, который обманом делает свое зло в мире.

Верьте мне, братья. Пишу пред Лицем Божиим, Которого познала душа моя Духом Святым по великой милости Его. А если не вкусит душа Духа Святого, то не может знать она Господа, ни Его любви.

Господь благ и милостив, но мы сказать о любви Его ничего не могли бы, кроме Писания, если бы не научил нас Дух Святой. Но ты, брате, не смущайся, если не чувствуешь в себе любви Божией, но помышляй о Господе, что Он — милостивый, и воздерживайся от грехов, и благодать Божия научит тебя.

* * *

Любовь не зависит от времени и всегда имеет силу. Некоторые думают, что Господь по любви Своей к человеку страдал, но как сами этой любви у себя в душе не обретают, то им кажется, что когда-то давно это было. Но когда душа познает любовь Божию Духом Святым, тогда она ясно чувствует, что Господь нам Отец, самый родной, самый близкий, самый дорогой, самый лучший, и нет большего счастья, как любить Бога всем умом и сердцем, всей душой, как заповедал Господь, и ближнего, как самого себя. И когда эта любовь есть в душе, тогда все радует душу, а когда она теряется, то человек не обретает покоя, и смущается, и обвиняет других в том, что будто они его обидели, и не понимает, что сам виноват — потерял любовь к Богу и осудил или возненавидел брата.

От любви к брату приходит благодать, и любовью к брату хранится она; но если не любим брата, то и благодать Божия не придет в душу.

Если бы люди хранили заповеди Христовы, то на земле был бы рай, и все имели бы все необходимое в достатке с малым трудом, и Дух Божий жил бы в душах людей, ибо Он Сам ищет душу человеческую и хочет в нас жить, и если не вселяется, то только из-за гордости нашего ума.

* * *

Ныне люди стали гордыми и спасаются только скорбями и покаянием, а в любовь очень редко кто достигает.

Великий Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его». Так он сказал, потому что в душе его была большая благодать Святого Духа,

Который свидетельствует эту любовь, и тогда душа не может сказать иначе. Но кто не имеет великой благодати, того Святые Отцы учат покаянию; и покаяние недалеко от любви, которая приходит по мере простоты и смирения духа.

Если кто помышляет о брате доброе, что любит его Господь, и особенно если ты помышляешь, что в душе его живет Святый Дух, то ты близок к любви Божией.

Кто-нибудь скажет: все-то он рассуждает о любви Божией. Но о чем же более рассуждать, как не о Боге? Ведь Он создал нас для того, чтобы мы вечно с Ним жили и видели славу Его. Кто что любит, тот о том и говорить хочет; а потом вырабатывается привычка: привыкнешь Бога мыслить, так и будешь всегда в душе Его носить; привыкнешь мирское помышлять, так и будешь умом всегда в этом; привыкнешь мыслить страдания Господа, привыкнешь думать о вечном огне, так и усвоится это в душе.

В добром Бог помогает, а в худом — враги, но зависит это и от нашей воли; надо себя понуждать на добро, но умеренно, и знать свою меру. Надо изучить свою душу, что ей полезно; одному полезно больше молиться, другому читать или писать. И читать полезно, но лучше нерассеянно молиться, а еще дороже плач; кому что дает Господь. Конечно, восстав с постели от сна, должно благодарить Бога, потом каяться и молиться досыта, а потом читай, чтобы ум отдохнул, потом снова молись и работай. Благодать приходит от всего доброго. Но больше всего от любви к брату.

Однажды на Пасху шел я с вечерни в Покровском Соборе к себе на мельницу, и на дороге стоял один рабочий. Когда я приблизился к нему, он попросил меня дать ему яйцо. У меня не было, и я вернулся в Монастырь, взял у духовника своего два яйца и одно из них дал рабочему. Он говорит: «Нас двое». Я отдал и второе, и когда я пошел от него, то от жалости к бедному народу я заплакал, и стало мне жалко всю вселенную и всякую тварь.

Другой раз, тоже на Пасху, шел я из главной Монастырской порты в новый Преображенский корпус, и вижу — бежит мне навстречу маленький мальчик, лет четырех, с радостным лицом — благодать Божия веселит детей. У меня было яйцо, и я отдал это яйцо мальчику. Он обрадовался и побежал к отцу показать свой гостинец. И за эту мелочь я получил от Бога великую радость, и возлюбил я всякое создание Божие, и Дух Божий был слышен в душе. Придя к себе, от жалости к миру я много с плачем молился Богу.

О Душе Святый, обитай в нас всегда; с Тобою нам благо.

* * *

Но не всегда душе так хорошо; теряется за гордость благодать, и тогда я рыдаю, как рыдал Адам о потерянном рае, и говорю:

«Где Ты, Свете мой; где Ты, радость моя? Почто бросил меня, и томится сердце мое; почто Ты скрылся от меня, и скорбит душа моя?

Когда Ты пришел в душу мою, то попалил грехи мои, и ныне снова прииди в душу мою и снова попали грехи мои, которые скрывают Тебя от меня, как тучи скрывают солнце.

Прииди и обрадуй меня Твоим пришествием.

Почто медлишь, Господи? Ты видишь — томится душа моя и слезно ищу Тебя.

Где Ты скрываешься? Вот Ты на всяком месте, но душа не видит Тебя и со скорбию, болезнуя, ищет Тебя».

Так, когда Ты был юным отроком, Пречистая Дева с Иосифом, болезнуя, искали Тебя. Что передумала Она в печали Своей, когда не находила Своего возлюбленного Сына? (Лк. 2, 48).

Так Святые Апостолы по смерти Господа болели сердцем и скорбели, что надежда их утеряна. Но Господь по воскресении явился им, и они познали Его и возрадовались.

Так и ныне Господь является нашим душам, и душа познает Его Духом Святым. Симеон Дивногорец был мальчиком, когда явился ему Господь, и он раньше не знал Господа, но когда явился ему Господь, то познал Его Духом Святым.

Господь на землю дал Духа Святого, и Духом Святым познается Господь и все небесное, а без Духа Святого человек — грешная земля.

* * *

Душа ненасытно должна любить Бога, так, чтобы ум ничем иным не был пленен, но всею силою пребывал в Боге.

* * *

Я видел много милости от Бога, а по делам моим я должен был быть наказан и здесь на земле, и после смерти. Но Господь так любит человека, что мы и подумать о том не можем.

Счастлив грешник, который обратился к Богу и возлюбил Его.

Кто возненавидел грех, тот восшел на первую ступень небесной лестницы. Когда помысл не беспокоит на грех, это уже вторая ступень. А кто Духом

Святым познал совершенную любовь к Богу, тот на третьей ступени. Но это редко с кем бывает.

Чтобы прийти в любовь Божию, надо соблюдать все, что заповедал в Евангелии Господь. Нужно иметь милующее сердце и не только человека любить, но и всякую тварь жалеть; все, что создано Богом.

Листок на дереве зеленый; и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок; жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить. А человек — великое создание. И если видишь, что он заблудился и гибнет, то молись за него и плачь, если можешь, а если нет, то хотя бы воздохни за него пред Богом. И душу, которая так делает, любит Господь, ибо она Ему уподобляется.

Так молился Преподобный Паисий Великий за своего ученика, который отрекся от Христа и женился на еврейке, чтобы Господь простил его. И Господь до того был рад этой молитве, что Сам восхотел утешить раба Своего, и явился ему, и говорит: «Паисие, что же ты молишься за того, кто отрекся от Меня?» Но Паисий сказал: «Господи, Ты Милостивый, прости его». Тогда Господь говорит: «О, Паисие, ты Мне уподобился любовью». Так приятна Господу молитва за врагов.

Я сам великий грешник, но пишу о милосердии Божием, которое познала душа моя на земле Духом Святым.

* * *

Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Душа, наученная молиться от благодати Божией, любит и жалеет всякую тварь, и особенно человека, за которого страдал Господь на кресте и болел душою за всех нас.

Господь научил меня любить врагов. Без благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает любви, и тогда будет жалко даже и бесов, что они отпали от добра, потеряли смирение и любовь к Богу.

Молю вас, испытайте. Кто вас оскорбляет, или бесчестит, или отнимает что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи, все мы создание Твое; пожалей рабов Твоих, и обрати их на покаяние», — и тогда ощутимо будешь носить в душе своей благодать. Сначала принудь сердце свое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем и Сам опыт покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет любви Божией, и не познал он Бога.

Если будешь молиться за врагов, то придет к тебе мир; а когда будешь любить врагов, то знай, что благодать Божия живет в тебе большая, но не говорю еще — совершенная, но достаточная ко спасению. А если ты поносишь врагов своих, то это значит, что злой дух живет в тебе и приносит в сердце твои злые помыслы, ибо, как сказал Господь, от сердца исходят помышления злые или добрые.

Добрый человек думает: всякий, заблудившийся от истины, погибает, и потому его жалко. А кто не научен Духом Святым любви, тот, конечно, не будет молиться за врагов. Наученный любви от Духа Святого всю жизнь скорбит о людях, которые не спасаются, и много слез проливает о народе, и благодать Божия дает ему силы любить врагов.

Если ты не имеешь любви, то хотя бы не поноси и не кляни их; и это уже лучше будет; а если кто клянет и ругает, в том ясно живет злой дух, и если не покается, то по смерти пойдет туда, где пребывают злые духи. Да избавит Господь всякую душу от такой беды!

Поймите. Это так просто. Жалко тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога; сердце болит за них, и слезы льются из очей. Нам ясно видно и рай, и муку: мы познали это Духом Святым. Вот и Господь сказал: «*Царство Божие внутри вас есть*» (Лк. 17, 21). Так отсюда еще начинается вечная жизнь; и мука вечная отсюда начинается.

* * *

Из-за гордости теряется благодать Божия, а вместе с нею и любовь к Богу и дерзновение в молитве; и тогда душа мучается злыми мыслями и не понимает, что надо смириться и надо любить врагов, ибо иначе нельзя угодить Богу.

Ты говоришь: «Враг гонит нашу Святую Церковь. Как же я буду его любить?» А я тебе на этом скажу: «Бедная твоя душа не познала Бога; не познала, как Он много нас любит и желанно ждет, чтобы все люди покаялись и спаслись. Господь есть любовь и дал на землю Духа Святого, Который учит душу любить врагов и за них молиться, чтобы и они спаслись. Это и есть любовь. А если судить их по делам, то они заслуживают наказания».

Слава Господу, что Он так много нас любит, и прощает нам грехи, и Духом Святым раскрывает нам тайны Свои.

* * *

Господь дал нам заповедь: «*Любите врагов ваших*» (Мф. 5, 44). Но как же их любить, когда они делают зло? Или как любить тех, кто гонит Церковь Святую?

Когда Господь шел в Иерусалим и самаряне не приняли Его, то Иоанн Богослов и Иаков готовы были свести огонь с неба и истребить их за это; но Господь им милостиво сказал: «*Я не пришел погубить, а спасти*» (Лк. 9, 54–56). Так и мы должны иметь одну мысль: чтобы все спаслись. Душа жалеет врагов и молится за них, что они заблудились от истины и идут во ад. Это есть любовь к врагам. Когда Иуда задумал предать Господа, то Господь милостиво вразумлял его; так и мы милостиво должны поступать с теми, кто заблуждается, и тогда спасемся милосердием Божиим.

* * *

Любовь познается Духом Святым. А Духа Святого познает душа миром и сладостью. О, как должны мы благодарить Бога, что Он нас много любит! Подумайте, возлюбленные братья: грешной душе Господь дает Духа Святого и дает познать милость Свою. И чтобы познать Бога, не нужно богатства, нужно лишь любить ближнего и иметь смиренный дух, воздержание и послушание, и за эти добрые дела Господь дает познать Себя. А что на свете может быть дороже сего познания? Знать Бога, знать, как Он нас любит, как Он воспитывает нас духовно?

Где найдешь такого отца, который умер бы на кресте за преступления детей? Обычно прискорбно отцу и жалко ему сына, который за преступления свои должен быть наказан; но хоть и жалеет он сына, а все-таки скажет ему: «Нехорошо ты сделал, и за дурные дела свои правильно наказан».

Господь же нам этого не скажет никогда. Он и нам скажет, как Апостолу Петру: «Любишь ли Меня?»; так и в раю всему народу скажет Он: «Любите ли вы Меня?» И ответят все: «Ей, Господи, мы любим Тебя. Ты спас нас Своими страданиями на кресте и ныне даровал нам Небесное Царство».

И не будет на небе ни у кого стыда, как стыдились Адам и Ева после падения, но будут лишь кротость, любовь и смирение. Не такое смирение, какое мы видим теперь, когда мы смиряем себя и терпим укорения или считаем себя хуже всех; но будет у всех Христово смирение, непостижимое людям, кроме тех, которые Духом Святым познали его.

* * *

Не могу я понять, почему люди не просят у Господа мира? Ведь Господь так много нас любит, что ни в чем не откажет. Я раньше этого не знал и думал: станет Господь заботиться обо мне, когда столько оскорблял я Его? Но когда душа моя наполнилась любви Божией и сладости Духа Святого, и так много, что если бы Господь спросил меня: «Хочешь ли, Я дам тебе больше Моей любви и благодати Святого Духа?», то душа моя сказал бы: «Ты видишь, Господи, я не могу понести больше, но умру». И если так непостижима дивная милость Господня грешнику, то что сказать о Святых? Какую они имеют благодать?

Быть может, кто-нибудь скажет: «Почему меня Господь так не любит и не дает мне такую благодать?» Так один старец сказал Великому Антонию: «Почему ты, Отче Антоние, трудишься меньше меня, а славу имеешь больше, чем я?» На это Антоний ответил: «Потому, что я больше тебя люблю Бога».

И мы должны помнить это, и помнить, что, кто любит Бога, тот любит и брата своего, как говорит Иоанн Богослов; и когда нас кто-нибудь обижает, надо за него молиться Богу, как за себя; и так это обратится в навык. Мы сами немощны, но Господь помогает нам в этом, ибо Он нас много любит.

* * *

Господь так много нас любит, что мы постигнуть этого не можем. Мы видим крест, знаем, что Он распялся за нас и умер в страданиях, но все равно душа сама понять эту любовь не может, а познается она только Духом Святым.

Благодать Святого Духа столь сладка, и милость Господня столь велика, что описать сие невозможно, но лишь влечется к Нему душа ненасытно, ибо разжена любовью Господней, и вся поглощена Богом, и в Нем зело покойна, и мир тогда забыт совершенно. Но не всегда так дает Милостивый Господь душе; иногда Он дает любовь ко всему миру, и плачет душа за весь мир, и умоляет Владыку, Благого и Милостивого, чтобы излил Свою благодать на каждую душу и помиловал ее Своим милосердием.

Что воздам Тебе, Господи, столь много милости излившему на душу мою? Молю Тебя: дай ми зрети моя прегрешения и всегда плакать пред Тобою, ибо Ты любишь смиренные души и даешь им благодать Святого Духа.

Боже Милостивый, прости меня. Ты видишь, как влечется к Тебе душа моя, Создателю моему. Ты уязвил душу мою любовью Своею, и она жаждет Тебя, и бесконечно скучает, и ненасытно стремится к Тебе день и ночь, и не хочет видеть мир сей, хотя я и люблю его, но паче всего люблю Творца, и душа моя хочет Тебя.

О Создателю мой, зачем я, маленькое творение Твое, столь много оскорблял Тебя; но Ты грехов моих не помянул.

* * *

Воротимся назад и опять начнем говорить о том же. Как мы едим хлеб и пьем воду каждый день, и на другой день живое тело все же снова хочет пить и есть, так и память благодеяний Божиих не утомляет душу, но еще больше располагает ее помышлять о Боге. Или еще: чем больше дров подкладывать в огонь, тем больше бывает жару, так и о Боге, чем больше думаешь, тем больше становится жар любви и ревности к Нему.

Если бы люди знали, что есть любовь Господа, то они стадами бежали бы ко Христу, и Он всех согрел бы Своею благодатью. Его милосердие неизреченно. Душа от любви Божией забывает землю.

Господь много любит кающегося грешника и милостиво прижимает его к Своей груди: «Где был ты, чадо Мое? Я давно жду тебя». Господь всех зовет к Себе евангельским гласом, и голос Его слышен во всей вселенной: «Придите ко Мне, все труждающиеся, и Я упокою вас. Придите и пейте воду живую. Придите, познайте, что Я люблю вас. Если бы не любил, то не звал бы. Я не могу терпеть, чтобы погибла хотя бы одна моя овца. И за одною Пастырь в горы идет искать».

«Придите же ко Мне, овцы Мои. Я создал вас и люблю вас. Любовь Моя к вам свела Меня на землю, и Я все претерпел ради вашего спасения и хочу, чтобы вы познали Мою любовь и сказали, подобно Апостолам на Фаворе: «Господи, хорошо нам с Тобою».

Слава Господу Богу, что Он дал нам Единородного Сына Своего ради нашего спасения.

Слава Единородному Сыну, что Он благоволил родиться от Пречистой Девы, и страдал за наше спасение, и дал нам Свое Пречистое Тело и Кровь в жизнь вечную, и ниспослал нам Духа Святого на землю.

Дух Святой открывает нам тайны Божии. Дух Святой научает душу неизглаголанно любить людей. Дух Святой так украшает душу и тело, что человек становится похожим на Господа во плоти и будет вечно жить с Господом на небесах и видеть славу Его. В вечной жизни все люди будут похожи на Господа. И никто не мог бы познать этой тайны, если бы не открыл ее Дух Святой. Господь радостный и сияющий, и люди будут сиять подобно Ему, как Сам Господь сказал, что праведники воссияют, как солнце; и Апостол Иоанн Богослов говорит, что будем подобны Ему.

* * *

Души святых Ты привлек к Себе, Господи, и они текут к Тебе, как тихие реки.

Ум святых прилепился к Тебе, Господи, и влечется к Тебе — Свету и радости нашей.

Сердце святых Твоих утвердилось в любви Твоей, Господи, и не может забыть Тебя ни на минуту даже во сне, ибо сладка благодать Святого Духа.

* * *

Милостивый Господь нам грешникам дал Духа Святого и не взыскал от нас ни единой уплаты, но каждому из нас говорит, как Апостолу Петру: «Любишь ли Меня?» Так Господь хочет от нас только любви и радуется нашему обращению. Таково милосердие Божие к человеку: бросил человек грешить и смирился пред Богом, и Господь милостиво прощает ему все и дает благодать Святого Духа и силу побеждать грех.

Дивное дело: человек гнушается братом своим, таким же человеком, когда он беден или нечист, а Господь, как чадолюбивая мать дитяти своему, все нам прощает, и не гнушается никаким грешником, и даже дает ему дар Духа Святого.

Если бы люди познали любовь Господа к нам, то совершенно предались бы Его святой воле и жили бы тогда покойные в Боге, как царские дети. Царь обо всем заботится: и о царстве, и о семье, и о сыне, и о детях, а сын спокойно живет во дворце; ему все служат, а он наслаждается всем без забот. Так предавшийся на волю Божию живет в покое, довольный своею судьбою, хотя бы он был болен, или беден, или гоним. Он покоен потому, что с ним благодать

Святого Духа, и сладость Духа Святого утешает его, и он скорбит только о том, что много оскорбил любимого Господа.

Ах, как надо жить на земле, чтобы душа всегда слышала, что она с Богом пребывает. Господь сказал: «Не оставлю вас сирыми» — и дал нам Духа Святого, и душа должна чувствовать, что Дух Божий живет в ней; хотя бы и мала была благодать, но все же душа чувствует любовь Господню, чувствует, что Господь — наш, и мы — Его. А кто в душе не таков, в том потеряна благодать.

Душа чувствует, что любит ее Господь, несмотря на множество грехов. Как в те дни сказал Господь Закхею: «*Закхее, днесь в дому твоем подобает Мне быти*» (Лк.19, 5); и это только за то, что тот захотел увидеть Христа; так и ныне бывает с грешником, когда душа его обратится к Богу. Ныне народ уклонился от доброго пути, и люди стали немилосердными, все ожесточились, и уже нет любви, а потому не чувствуют они и Божией любви. По жестокости сердца своего люди и о Боге думают, что Он такой же, как они, а то и совсем теряют веру в Бога.

О, если бы было возможно, я показал бы им Господа и сказал бы: «Смотрите, какой Господь. От лица любви Его истаевает душа человека». Но любовь эту нельзя узреть простым умом; она познается Духом Святым.

Господи, даруй мне проливать слезы за себя и за всю вселенную, чтобы народы познали Тебя и вечно жили с Тобою. Господи, сподоби нас дара смиренного Духа Святого, да разумеем славу Твою.

Душа моя скорбит до великих слез: жалко мне людей, которые не знают сладости святого умиления. Душа моя сильно желает, чтобы милость Господня была со всеми, чтобы вся вселенная, все люди знали, как желанно любит нас Господь, как дорогих детей.

X

МЫ — ЧАДА БОЖИИ И ПОХОЖИ НА ГОСПОДА

ИЗ ПРАХА сотворил Господь человека, но любит нас, как родных детей, и желанно ждет к Себе. Господь до того возлюбил нас, что ради нас воплотился, и пролил Кровь Свою за нас, и Ею напоил нас, и дал нам Пречистое Тело Свое; и так мы стали детьми Его, от Плоти и Крови Его, и похожи на Господа во плоти, как родные дети похожи на отца своего, независимо от возраста, и Дух Божий свидетельствует духу нашему, что мы вечно будем с Ним.

* * *

Господь не переставая зовет нас к Себе: «Приидите ко Мне, и Я упокою вас». Он питает нас Своим Пречистым Телом и Кровью. Он милостиво воспитывает нас словом Своим и Духом Святым. Он открыл нам тайны. Он живет в нас и в таинствах Церкви и ведет нас туда, где будем видеть славу Его. Но каждый будет видеть славу сию по мере любви своей. Кто больше любит, тот сильнее стремится быть с Любимым Господом и потому более приблизится к Нему; кто мало любит, тот мало и желает, а кто не любит, тот не желает и не стремится видеть Господа и пребудет вечно во мраке.

* * *

До слез жалко мне людей, которые не знают Бога, не знают Его милостей. Нам же Господь показал Себя Духом Святым, и мы живем во свете Его святых заповедей.

Чудное дело. Благодать дала мне познать, что все люди, любящие Бога и хранящие заповеди Его, исполнены света и похожи на Господа; а идущие против Бога — исполнены мрака и похожи на врага.

И это естественно. Господь есть Свет, и Он просвещает Своих рабов, а те, кто служат врагу, от него восприняли мрак.

* * *

Знал я одного мальчика. Вид его был ангельский: смиренный, совестливый, кроткий; личико белое с румянцем; глазки светлые, голубые, и добрые и спокойные. Но когда он подрос, то стал жить нечисто и потерял благодать Божию; и когда ему было лет тридцать, то стал он похож и на человека и на беса, и на зверя и на разбойника, и весь вид его был скаредный и страшный.

Знал я также одну девицу очень большой красоты, с лицом светлым и приятным, так что многие завидовали ее красоте. Но грехами потеряла она благодать, и стало скверно смотреть на нее.

Но видел я и другое. Видел я людей, которые пришли в монахи с лицами, искаженными от грехов и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились и стали очень благообразными.

Еще дал мне Господь увидеть на Старом Русике во время исповеди иеромонаха-духовника во образе Христа. Он стоял в исповедальне невыразимо сияющий, и хотя он был весь белый от седины, лицо его было прекрасным

и юным, как у мальчика. Подобным образом видел я одного епископа во время Литургии. Видел я также Отца Иоанна Кронштадтского, который от природы был обыкновенный по виду человек, но от благодати Божией лицо его было благолепно, как у ангела, и хотелось на него смотреть. Так грех искажает человека, а благодать красит его.

* * *

Человек взят от земли, но Бог так возлюбил его, что украсил его Своею благодатью, и человек стал подобен Господу.

Жалко, что мало кто знает об этом, и это потому, что мы горделивы. А если бы мы смирились, то Господь открыл бы нам эту тайну, потому что Он много нас любит.

Апостолам Господь сказал: «*Детки, имеете ли вы какую еду?*» (Ин. 21, 5). Какая любовь видна в этих словах! Но Господь не только Апостолов, но и всех нас так любит.

Когда сказали Господу: «*Вот, Матерь Твоя и братья Твои пришли Тебя видеть*», — то Он ответил: «*Кто творит волю Божию, тот Мне мать, и сестра, и брат*» (Мф. 12, 47–50).

* * *

Есть люди, которые говорят, что Бога нет. Так говорят они потому, что в сердце их живет гордый дух, который и внушает им ложь на Истину и на Церковь Божию. Они думают, что они умные, а на самом деле не понимают даже того, что мысли эти не их, а исходят от врага; но если кто примет их сердцем и полюбит, то так и сроднится с злым духом. И не дай Бог никому умереть в таком состоянии.

А у святых в сердце живет благодать Святого Духа, которая роднит их с Богом, и они ясно чувствуют, что они духовные дети Отца Небесного, и потому говорят «*Отче наш*» (Рим. 8, 15–16; Гал. 4, 6–7).

Душа при этих словах радуется и веселится. Духом Святым она знает, что Господь — наш Отец. Мы хотя и созданы из земли, но Дух Святой живет в нас и делает нас похожими на Господа Иисуса Христа, как дети бывают похожи на своего отца.

* * *

Человек создан из земли; что доброго может быть в нем?

Но вот милость Божия украсила человека благодатию Святого Духа, и он стал подобен Иисусу Христу, Сыну Божию. Велика сия тайна, велика и милость Бога человеку.

Если бы все народы земли знали, как любит Господь человека, то все возлюбили бы Христа и Христово смирение и желали бы во всем уподобиться Ему. Но самому человеку невозможно сие, ибо только в Духе Святом становится человек подобен Христу. Падший человек покаянием очищается, и обновляется благодатию Святого Духа, и делается во всем похожим на Господа.

Так велика милость Божия к нам.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты дал на землю Духа Святого, и Он учит душу познанию о том, чего никогда не предполагала она знать.

Дух Святой учит нас смирению Христову, чтобы душа всегда носила в себе благодать Божию, которая веселит душу; но в то же время Господь дает душе печаль за людей и слезную молитву, чтобы все народы познали Господа и насладились бы любовью Его.

* * *

Кто познал любовь Божию Духом Святым, тот не знает покоя ни днем ни ночью, и хотя изнемогает тело и хочет лечь на койку, но и на койке неутомимая душа всею силою влечется к Богу, Отцу своему. Господь сроднил нас. *«Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, да будут и они в Нас едино»* (Ин. 17, 21). Так Господь Духом Святым творит из нас единую семью с Богом Отцом.

XI

О БОЖИЕЙ МАТЕРИ

КОГДА ДУША в любви Божией, о, как тогда все хорошо, как все мило и весело. Но и при любви Божией бывают печали, и чем больше любовь, тем больше печаль. Божия Матерь никогда не согрешила ни единым помыслом и никогда не теряла благодати, но и у Нее были великие скорби; а когда Она стояла при Кресте, тогда безмерна, как океан, была Ее скорбь, и муки души Ее были несравненно большими, чем Адамово мучение по изгнании из рая, потому что и любовь Ее была несравнимо большая, чем любовь Адама

в раю. И если Она осталась жива, то только потому, что сила Господня укрепила Ее, ибо Господь хотел, чтобы Она увидела Его Воскресение и чтобы по Вознесении Его оставалась на земле в утешение и радость Апостолам и новому народу христианскому.

Мы не достигаем полноты любви Божией Матери и потому не можем в полноте понять и Ее скорбь. Любовь Ее была совершенною. Она безмерно любила Бога и Сына Своего, но Она любила и народ великою любовью. И что переживала Она, когда эти люди, которых Она так много любила и которым до конца хотела спасения, распинали Ее возлюбленного Сына?

Мы постигнуть этого не можем, потому что в нас мало любви к Богу и к людям.

Как любовь Божией Матери безмерна и непостижима, так и скорбь Ее безмерна и непостижима для нас.

* * *

О, Пречистая Дево Богородице, скажи нам, чадам Твоим, как, живя на земле, Ты любила Сына Своего и Бога, как веселился дух Твой о Боге Спасителе Твоем? Как смотрела Ты на Его прекрасное лицо и помышляла, что это Тот, Которому со страхом и любовью служат все небесные силы?

Скажи нам, что чувствовала душа Твоя, когда держала Ты на руках Своих дивного Малютку? Как воспитала Ты Его? Как болела душа Твоя, когда Ты с Иосифом три дня искала Его в Иерусалиме? Какие муки переживала Ты, когда Господь был предан на распятие и умирал на кресте?

Скажи нам, какая радость была у Тебя о Воскресении или как скучала душа Твоя по Вознесении Господа? Души наши влекутся знать о жизни Твоей с Господом на земле. Ты же не пожелала предать всего этого писанию, но молчанием покрыла тайну Свою.

* * *

Много чудес и милостей видел я от Господа и Божией Матери, но воздать за эту любовь ничем не могу.

Что воздам я Пресвятой Владычице за то, что Она не возгнушалась мною во грехе, но милостиво посетила меня и вразумила? Я не видал Ее, но Дух Святой дал мне познать Ее из слов Ее, исполненных благодати, и радуется дух мой, и влечется душа моя к Ней любовью, так что и одно призывание имени Ее сладко сердцу.

Когда я был молодым послушником, однажды молился я пред иконой Божией Матери, и молитва Иисусова вошла в сердце мое и сама стала там произноситься. А однажды в церкви я слушал чтение пророчеств Исаии, и при словах: «*Измыйтеся, и чисти будете*» (Ис. 1, 16), — подумал: «Быть может, Божия Матерь согрешила когда-нибудь хотя бы мыслью». И дивно, в моем сердце вместе с молитвою голос ясно проговорил: «Божия Матерь никогда не согрешила даже мыслью». Так Дух Святой в сердце моем свидетельствовал чистоту Ее. Но во время земной жизни и у Нее была некоторая неполнота и безгрешные ошибки несовершенства. Это видно из Евангелия, когда Она, возвращаясь из Иерусалима, не знала, где Ее Сын, и потом вместе с Иосифом три дня искала Его (Лк. 2, 44–46).

* * *

Душа моя в страхе и трепете, когда размышляю о славе Божией Матери.

Мал ум мой, и бедно и немощно сердце мое, но душа радуется и влечется написать о Ней хоть несколько слов.

Боится душа моя прикоснуться, но любовь понуждает не скрывать благодарности за Ее милосердие.

Божия Матерь не предала писанию ни мыслей Своих, ни любви Своей к Богу и Сыну Своему, ни страданий души Своей при распятии, потому что все равно мы не могли бы постигнуть, ибо любовь Ее к Богу сильнее и горячее, чем любовь Серафимов и Херувимов, и Ей удивляются все небесные силы ангелов и архангелов.

И хотя жизнь Божией Матери как бы покрыта святым молчанием, но Господь нашей Церкви Православной дал знать, что любовью Своею Она объемлет весь мир, и в Духе Святом видит все народы на земле, и, подобно Сыну Своему, всех жалеет и милует.

О, когда бы мы знали, как любит Пресвятая всех, кто хранит заповеди Христовы, и как жалеет и скорбит о тех, которые не исправляются! Я испытал это на себе. Не лгу, говорю пред лицом Бога, Которого знает душа моя: духом я знаю Пречистую Деву. Я Ее не видал, но Дух Святой дал мне познать Ее и Ее любовь к нам. Если бы не Ее милосердие, то я давно бы погиб; но Она восхотела посетить меня и вразумить, чтобы я не грешил. Она мне сказала: «Нехорошо Мне смотреть на тебя, что ты делаешь». И слова Ее приятные, тихие, кроткие, и действуют на душу. Прошло более сорока лет, но душа моя не может забыть этих сладких слов, и не знаю, что воздам я грешный за эту

любовь ко мне нечистому и как буду благодарить благую, милующую Матерь Господню.

Воистину Она Заступница наша пред Богом, и одно имя Ее радует душу. Но и все небо и вся земля радуются о любви Ее.

Чудное и непостижимое дело. Она живет на небесах и непрестанно видит славу Божию, но не забывает и нас убогих и Своим милосердием покрывает всю землю и все народы.

И сию Пречистую Матерь Свою Господь даровал нам. Она наша радость и упование. Она наша Матерь по духу и близка нам по природе, как человек, и всякая душа христианская влечется к Ней любовью.

XII

О СВЯТЫХ

«ЛЮБЯЩИЯ Мя люблю, и прославляющия Мя прославлю», — говорит Господь (Притч. 8, 17; 1 Цар. 2, 30).

Бог славится во Святых, а Святые прославлены Богом.

Слава, которую дает Господь Святым, столь велика, что если бы люди увидели святого, как он есть, то от благоговения и страха упали бы на землю, потому что плотской человек не может вынести славы небесного явления.

Не удивляйтесь этому. Господь так возлюбил создание Свое, что дал человеку обильно Духа Святого, и в Духе Святом человек стал подобен Богу.

Почему же так любит Господь человека? Потому, что Он есть Сама Любовь; и любовь сия познается Духом Святым.

* * *

Духом Святым познает человек Господа, Творца Своего, и Дух Святой благодатью Своею наполняет всего человека: и душу, и ум, и тело.

Господь дал Святым Свою благодать, и они возлюбили Его и прилепились к Нему до конца, ибо сладость любви Божией не дает возлюбить мир и красоту его.

И если еще на земле так, то тем более на небе Святые любовью соединены с Господом. И любовь сия неизреченно сладка и исходит она от Духа Святого, и все небесные силы питаются ею.

Бог есть любовь; и во святых Дух Святой есть любовь. Духом Святым познается Господь. Духом Святым величается Господь на небесах. Духом Святым Святые славят Бога, и дарами Духа Святого прославляет Господь Святых, и славе этой не будет конца.

* * *

Многим кажется, что Святые от нас далеки. Но далеки они от тех, которые сами удалились, и очень близки к тем, которые хранят заповеди Христовы и имеют благодать Святого Духа.

На небесах все живет и движется Духом Святым. Но и на земле — тот же Дух Святой. Он живет в нашей Церкви; Он живет в таинствах; Он — в Священном Писании; Он — в душах верующих. Дух Святой всех соединяет, и потому Святые нам близки; и когда мы молимся им, то в Духе Святом они слышат наши молитвы, и наши души чувствуют, что они молятся за нас.

Так счастливы и блаженны мы, православные христиане, что Господь даровал нам жизнь в Духе Святом; и Он веселит наши души. Но Его надо разумно хранить, ибо и за одну плохую мысль Он оставляет душу, и нет тогда с нами любви Божией; нет дерзновения в молитве; нет и крепкого упования, что получим то, чего просим.

* * *

Святые живут в ином мире, и там Духом Святым видят славу Божию и красоту лица Господня. Но в том же Духе Святом они видят нашу жизнь и наши дела. Они знают наши скорби и слышат наши горячие молитвы. Живя на земле, они научились любви Божией от Духа Святого; а кто имеет любовь на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною. И если здесь любовь не может забыть брата, то тем более Святые не забывают нас и молятся за нас.

* * *

Святым Господь даровал Духа Святого, и они в Духе Святом любят нас. Души Святых знают Господа и благость Его к человеку, и потому дух их горит любовью к народу. Они, живя еще на земле, не могли без скорби слышать о грешном человеке и в молитвах проливали слезы за них.

Дух Святой брал их молиться за весь мир и давал им источники слез. Дух Святой Своим избранникам дает столь много любви, что души их, как пламенем, объяты желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню.

* * *

Святые угодники достигли Небесного Царства и там зрят славу Господа нашего Иисуса Христа; но Духом Святым они видят и страдания людей на земле. Господь дал им столь великую благодать, что они любовию обнимают весь мир. Они видят и знают, как изнемогаем мы от скорбей, как иссохли внутренности наши, как уныние сковало души наши, и не преставая ходатайствуют за нас пред Богом.

Святые радуются нашему покаянию и скорбят, когда люди оставляют Бога и уподобляются скотам несмысленным. Им жалко, что люди на земле живут, не зная, что если бы они любили друг друга, то на земле была бы свобода от греха: а где нет греха, там радость и веселие от Святого Духа, так что, куда ни посмотришь, все мило, и душа удивляется, почему ей так хорошо, и славословит Бога.

* * *

Призывайте с верою и молитесь Божией Матери и Святым. Они слышат наши молитвы и знают даже помышления наши.

И не удивляйтесь этому. Все небо Святых живет Духом Святым, а от Духа Святого ничто во всем мире не скрыто. И я раньше не разумел, как Святые небожители могут видеть нашу жизнь, но когда Божия Матерь обличила меня в грехах, тогда познал, что в Духе Святом они видят нас и знают всю нашу жизнь.

* * *

Святые слышат наши молитвы и имеют от Бога силу помогать нам. Об этом знает весь род христианский.

Рассказывал мне Отец Роман, сын Отца Досифея, что когда он был в миру мальчиком, то пришлось ему переезжать через Дон зимою, и вот лошадь его попала в прорубку и уже вся с санями пошла под лед. Он, маленький мальчик, крикнул: «Святителю Николае, помоги мне вытащить лошадь», — и потянул за уздечку, и так вытянул лошадь с санями из-подо льда.

А Отец Матфей, который был одного со мною села, будучи мальчиком, как Пророк Давид, пас овец отца своего. Сам он ростом был с овцу. Его старший брат работал на другой стороне большого поля. Вдруг видит он — волки бегут на Мишу, так звали отца Матфея в миру, а маленький Миша закричал: «Святитель Николай, помоги мне»; и как только он крикнул, волки обратились назад и никакого вреда не сделали ни ему, ни стаду. И потом долго у нас в селе смеялись и говорили: «Миша сильно испугался волков, но святитель Николай его избавил».

И множество знаем мы случаев, когда святые тотчас приходят нам на помощь, лишь только призовем их. Из этого видно, что молитвы наши слушают все небеса.

* * *

Святые похожи на Господа, но и все люди, которые хранят заповеди Христовы, похожи на Него, а те, которые живут по своим страстям и не каются, похожи на врага. Думаю, что если бы эта тайна открылась людям, то перестали бы они служить врагу, но каждый всею силою стремился бы знать Господа и быть похожим на Него.

* * *

Святые были такие же люди, как все мы. Многие из них пришли от больших грехов, но покаянием достигли Небесного Царства. И все, кто приходит туда, приходят чрез покаяние, которое даровал нам Милостивый Господь Своими страданиями.

* * *

В Царстве Небесном, где Господь и Его Пречистая Матерь, живут все Святые. Там Святые Праотцы и Патриархи, которые мужественно пронесли свою веру. Там Пророки, которые приняли Духа Святого и своим словом призывали народ к Богу. Там Апостолы, которые умирали за проповедь Евангелия. Там Мученики, которые за любовь Христову с радостью отдали свою жизнь. Там Святители, которые подражали Господу и несли тяготу своих духовных овец. Там Преподобные постники и юродивые Христа ради, которые подвигом победили мир. Там все праведники, которые соблюдали заповеди Божии и побеждали страсти.

Туда, в это чудное святое собрание, которое собрал Дух Святой, влечется душа моя. Но жалко мне. За то, что я не имею смирения, Господь не дает

мне сил на подвиг, и немощной дух мой гаснет, как малая свеча, а дух Святых горел жарким пламенем, и не только не угасал от ветра искушений, но и еще сильнее разгорался. Они ходили ногами по земле и руками работали, но дух их всегда пребывал в Боге, и умом они не хотели оторваться от памяти Божией. Ради любви Христовой они претерпели все скорби на земле и не боялись никаких страданий, и тем прославляли Господа. За то Господь возлюбил и прославил их, и даровал им вечное Царство с Собою.

XIII

О ПАСТЫРЯХ

АПОСТОЛЫ по Вознесении Господнем возвратились, как сказано в Евангелии, с радостью великою (Лк. 24, 52).

Господь знает, какую радость Он дал им; и души их переживали сию радость.

Первая радость их была в том, что они познали Истинного Господа Иисуса Христа.

Вторая радость, что они возлюбили Его.

Третья, что они познали вечную небесную жизнь. И четвертая радость — они желали миру спасения, как и себе.

А затем радовались они потому, что познали Духа Святого и видели, как Он в них действует.

Апостолы ходили по земле и говорили народу слово о Господе и о Царстве Небесном, но души их скучали и жаждали видеть любимого Господа, и потому они не боялись смерти, но с радостью встречали ее, и если хотели жить на земле, то только ради народа, который возлюбили.

Апостолы любили Господа и потому не боялись никаких страданий. Они любили Господа, любили и народ, и эта любовь отняла у них всякий страх. Они не боялись ни страданий, ни смерти, и потому Господь послал их в мир просвещать людей.

И доныне есть монахи, которые испытывают любовь Божию и стремятся к ней день и ночь. И они помогают миру молитвою и писанием. Но больше эта забота лежит на пастырях Церкви, которые носят в себе столь великую

благодать, что если бы люди могли видеть славу этой благодати, то весь мир удивился бы ей; но Господь скрыл ее, чтобы служители Его не возгордились, но спасались во смирении.

* * *

Епископов Господь призывает пасти стадо Свое, и туне дает им благодать Святого Духа. Дух Святой, сказано, поставил епископов в Церкви, и в Духе Святом они имеют власть вязать и решить грехи. Мы же овцы Господни, которых Он возлюбил до конца, и дал нам святых пастырей.

Они — наследники Апостолов, и по данной им благодати приводят нас ко Христу. Они учат нас покаянию; они учат нас соблюдать заповеди Господни. Они говорят нам слово Божие, чтобы мы познали Господа. Они наставляют нас на путь спасения и помогают взойти на высоту смиренного духа Христова. Они собирают в ограду Церкви скорбящих и растерянных овец Христовых, чтобы души их обрели покой в Боге.

Они молятся за нас Богу, чтобы все мы спаслись. Они, как друзья Христа, могут умолить Господа: живым испросить смирение и благодать Святого Духа; усопшим — прощение грехов; Церкви же мир и свободу.

Они носят в себе Духа Святого и Духом Святым прощают нам грехи. Они познали Господа Духом Святым и, подобно ангелам, умом созерцают Бога. Они сильны и наш ум оторвать от земли и приковать его к Господу.

Они скорбят, когда видят, что мы оскорбляем Бога и не даем Духу Святому жить в нас. На них ложатся скорби всей земли, и души их влекутся любовью Божиею и непрестанно молятся, чтобы испросить нам утешение в скорбях и мир всему миру.

Своими пламенными молитвами они и нас влекут служить Богу во смирении духа и любви.

За их смирение и любовь к народу любит их Господь. Они пребывают в великом труде и подвиге и за то обогащены разумом Святых, которым подражают житием своим.

Господь до того возлюбил нас, что страдал за нас на кресте; и страдания Его были столь велики, что постигнуть их мы не можем, потому что мало любим Господа. Так и наши духовные пастыри страдают за нас, хотя мы часто не видим их страданий. И чем больше любовь пастыря, тем больше ему

страданий; и мы, овцы, должны понимать это, и любить, и почитать своих пастырей.

Братья, пребудем в послушании нашим пастырям, и тогда будет общий мир, и Господь Духом Святым пребудет со всеми нами.

* * *

Великое лицо — иерей, служитель у Престола Божия. Кто оскорбляет его, тот оскорбляет Духа Святого, живущего в нем.

Что же сказать о епископе? Епископам дана великая благодать Святого Духа; они поставлены выше всех; они, как орлы, восходят на высоту и оттуда зрят бесконечное пространство, и разумом богословия пасут стадо Христово.

* * *

Дух Святой, сказано, поставил в Церкви епископов пасти стадо Господне (Деян. 20, 28); и если бы люди понимали это, то любили бы пастырей до великой любви и радовались бы душою при виде пастыря. Кто носит в себе благодать Святого Духа, тот знает, о чем я говорю.

Один смиренный и кроткий муж шел с женою и тремя детьми. Встретился им архиерей, который ехал в карете, и когда крестьянин стал с благоговением кланяться ему, то увидел благословляющего архиерея в благодатном огне.

Но кто-нибудь спросит: «Если Дух Святой поставил епископов и управляет ими, то почему же нет у нас мира и мы не преуспеваем?»

Потому, что неправильно помышляем о власти, Богом поставленной, и чрез это делаемся непослушливыми. Но если бы мы предались воле Божией, то скоро преуспели бы, потому что Господь любит смиренную послушливую душу и Сам руководит ею, а непослушливую — терпеливо и милостиво ждет, когда она исправится. Господь премудро учит душу Своею благодатью, как добрый учитель и родной отец. Но и родной отец ошибается, а Господь всегда истинен; и учитель не все знает, а Господь всеведущий.

Все беды от того, что мы не вопрошаем старших, которые поставлены нами руководить, а пастыри не вопрошают Господа, как надо поступить. Если бы Адам спросил Господа, когда Ева дала ему вкусить плод, то Господь просветил бы его и Адам не согрешил бы. И про себя скажу: все мои грехи

и ошибки были потому, что в час искушения и нужды я не призывал Господа; а теперь научился умолять благость Божию, и Господь за молитвы духовника хранит меня.

Так и архиереи, хотя и имеют дар Святого Духа, но не все разумеют, как должно, и потому в час нужды должны искать просвещения от Господа; они же делают по своему разуму, и тем оскорбляют милосердие Божие, и посевают смущение. Преподобный Серафим говорит, что когда он давал советы от своего ума, то бывали ошибки; а ошибки могут быть малы, а могут быть и большие. Так всем надо учиться познавать волю Божию; а если не будем учиться, то никогда не познаем этого пути.

Господь сказал: *«Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя»* (Пс. 49, 15). Господь Духом Святым просвещает человека; а без Духа Святого ни один человек не может правильно разуметь. До пришествия Духа Святого и Апостолы были не крепки и не мудры, так что Господь говорил им: *«Доколе терплю вам?»* (Мф. 17, 17).

* * *

Господь дал в Церкви Святой пастырей, и они служат в образе Христа, и им дана власть прощать грехи Духом Святым.

Ты, может быть, думаешь: как может такой-то епископ, или духовник, или священник иметь Духа Святого, когда он любит поесть и имеет другие немощи? Но я скажу тебе: это возможно, если он не принимает плохих помыслов; так что хотя у него и есть некий порок, но это не мешает благодати жить в его душе, подобно тому как зеленое дерево имеет некоторые ветви сухие, но это ему не вредит, и оно приносит плоды; или на поле много пшеницы, и хотя среди нее есть и плевелы, но это не мешает ей расти.

О духовниках

ВЕЛИКИМ ПОСТОМ на вечерне, в Старом Нагорном Русике, одному монаху дал Господь увидеть иеросхимонаха Авраамия в образе Христа. Старец-духовник стоял в епитрахили и исповедывал. Когда в исповедальню вошел тот монах, то увидел духовника, седого старца, что лицо его молодое, как у мальчика, и весь он сиял и был похож на Христа. Тогда монах тот понял,

что духовник стоит (совершает службу свою) в Духе Святом и Духом Святым прощаются кающемуся грехи.

Если бы люди видели, в какой славе служит священник, то упали бы от этого видения; и если бы сам священник видел себя, в какой небесной славе стоит он (совершает свое служение), то стал бы великим подвижником, чтобы ничем не оскорбить живущую в нем благодать Святого Духа.

Пишу эти строки, и радуется дух мой, что пастыри наши похожи на Господа Иисуса Христа. Но и мы, овцы, хотя и малую благодать имеем, но все же похожи на Господа. Люди не знают этой тайны, но Иоанн Богослов ясно сказал: «Будем подобны Ему», — и это не только после смерти, но еще и теперь, ибо Милостивый Господь дал на землю Духа Святого, и Дух Святой живет в Церкви нашей; Он живет в непорочных пастырях; Он живет в сердцах верующих; Он учит душу подвигу; Он дает силы исполнять заповеди Господни; Он наставляет нас на всякую истину; Он так украсил человека, что человек стал похож на Господа.

* * *

Всегда надо помнить, что духовник совершает служение свое в Духе Святом, и потому должно благоговеть пред ним. Верьте, братья, что если кому случится умирать при духовнике, и скажет умирающий духовнику: «Отче святый, благослови меня видеть Господа в Царстве Небесном». И скажет духовник: «Иди, чадо, и зри Господа», — то будет ему по благословению духовника, потому что Дух Святой и на небе, и на земле тот же.

* * *

Великую силу имеют молитвы духовника. Много за гордость страдал я от бесов, но Господь смирил и помиловал меня за молитвы духовника, и теперь Господь открыл мне, что на них почивает Дух Святой, и потому я много почитаю духовников. За их молитвы мы получаем благодать Святого Духа и радость о Господе, Который нас любит и дал нам все нужное для (спасения) души.

* * *

Если человек не все говорит духовнику, то его дорога кривая и не ведет ко спасению, а кто все говорит, тот прямо пойдет в Царство Небесное.

Один монах меня спросил: «Скажи, что мне делать, чтобы поправить свою жизнь?» Он любил много кушать и не вовремя. Я ему и говорю: «Пиши

каждый день, сколько ты покушал и что подумал, а вечером прочитай духовнику». Он мне говорит: «Я этого сделать не могу».

И так не смог он преодолеть малого стыда исповедать свою немощь, и потому не исправился, и умер от удара. Да простит Господь брата нашего, а нас да избавит от такой смерти.

* * *

Кто хочет непрестанно молиться, должен быть мужественным и мудрым и во всем спрашивать духовного отца. И если духовник сам не проходил опытом молитву, то все равно спроси, и за твое смирение Господь помилует тебя и сохранит от всякой неправды; а если ты подумаешь, что духовник неопытен, что он в суете, буду я сам руководиться по книгам, то ты на опасном пути и не далек от прелести. Много я знаю таких, которые так обманулись в помыслах своих и за свое презрение к духовнику не преуспели. Они забывают, что в таинстве действует благодать Святого Духа, которая и спасает нас. Так враг обманывает подвижников, чтобы не было молитвенников, а Дух Святой умудряет душу, когда мы слушаем советы наших пастырей.

* * *

Чрез духовника в таинстве действует Дух Святой, и потому, когда выйдешь от духовника, душа чувствует свое обновление миром и любовью к ближнему, а если ты уходишь от духовника смущенный, то, значит, нечисто исповедался и сам не простил брату своему от души согрешений его.

* * *

Духовник должен радоваться, когда Господь приводит к нему какую-нибудь душу на покаяние, и по данной ему благодати должен лечить ту душу, и за это получит он от Бога великую милость, как добрый пастырь своих овец.

XIV

О МОНАХАХ

НЕКОТОРЫЕ говорят, что монахи должны служить миру, чтобы не ели они народный хлеб дурно (даром); но надо понять, в чем это служение и чем монах должен помогать миру.

Монах — молитвенник за весь мир; он плачет за весь мир; и в этом его главное дело.

Кто же понуждает его плакать за весь мир?

Понуждает Господь Иисус Христос, Сын Божий. Он дает монаху любовь Святого Духа, и от этой любви сердце монаха всегда печально о народе, потому что не все спасаются. Сам Господь до того был печален о народе, что предал Себя на крестную смерть. И Божия Матерь ту же печаль о людях носила в сердце Своем. И она, подобно Своему Возлюбленному Сыну, всем до конца желала спасения.

Того же Духа Святого дал Господь Апостолам и святым отцам нашим и пастырям Церкви. В этом служение наше миру. И потому ни пастыри Церкви, ни монахи не должны заниматься мирскими делами, но подражать Божией Матери, Которая в храме, во «Святая святых», день и ночь поручалась в законе Господнем и пребывала в молитве за народ.

Не дело монаха служить миру от труда рук своих. Это дело мирских. Мирской человек мало молится, а монах постоянно. Благодаря монахам на земле никогда не прекращается молитва; и в этом — польза всего мира, ибо мир стоит молитвою; а когда ослабеет молитва, тогда мир погибнет.

И что может сделать монах руками? Заработает он за день какой-нибудь рубль; что это для Бога? В то же время одна мысль, угодная Богу, творит чудеса. Мы видим это из Писаний.

Пророк Моисей мыслью молился, и Господь сказал ему: *«Моисей, что ты вопиешь ко Мне?»*, — и избавил израильтян от гибели (Исх. 14, 15). Антоний Великий помогал миру молитвою, а не руками. Преподобный Сергий постом и молитвою помог русскому народу освободиться от татарского ига. Преподобный Серафим мысленно помолился, и Дух Святой сошел на Мотовилова. И это есть дело монахов.

Но если монах нерадив и не достиг того, чтобы душа его всегда созерцала Господа, то пусть он служит странникам и помогает мирским от трудов своих; и это угодно Богу; но знай, что это далеко от монашества.

* * *

Монах должен бороться со страстями и помощью Божиею побеждать их. Монах иногда блаженствует в Боге и живет, как у Бога в раю, а иногда плачет за весь мир, потому что он хочет, чтобы все люди спаслись.

Так Дух Святой научил монаха любить Бога и любить мир.

Ты, может быть, скажешь, что теперь нет таких монахов, которые молились бы за весь мир; а я тебе скажу, что когда не будет на земле молитвенников, то мир кончится, пойдут великие бедствия; они уже и теперь есть.

Мир стоит молитвами Святых; и монах призван молиться за весь мир. В этом его служение, и потому не обременяйте его мирскою заботою. Монах должен жить в постоянном воздержании, а если он занят мирскими заботами, то вынуждается больше есть; и в этом общий ущерб, потому что когда он поест лишнее, то уже не может молиться, как должно, ибо благодать любит жить в сухом теле.

* * *

Мир думает, что монахи — бесполезный род. Но напрасно они так думают. Они не знают, что монах — молитвенник за весь мир; они не видят его молитв и не знают, как милостиво Господь принимает их. Монахи ведут крепкую брань со страстями, и за эту борьбу будут велики у Бога.

Сам я недостоин называться монахом. Более сорока лет прожил я в монастыре и записал себя в новоначальные послушники; но я знаю монахов, которые близки к Богу и к Божией Матери. Господь так близок к нам; ближе, чем воздух, которым мы дышим. Воздух проходит внутрь тела нашего и доходит до сердца, а Господь живет в самом сердце человека: *«вселюся в них и похожду, ...и буду им во Отца, и они будут Мне в сыны и дщери, глаголет Господь»* (2 Кор. 6, 16–18).

Вот радость наша: Бог с нами и в нас.

Все ли знают это? К сожалению, не все, а только те, которые смирились пред Богом и совлеклись своей воли, потому что Бог гордым противится и живет только в смиренном сердце. Господь радуется, когда мы помним Его милосердие и уподобляемся Ему своим смирением.

* * *

Как у Луки и Клеопы горели сердца, когда с ними шел Господь, так и теперь у многих монахов сердце горит любовью к Господу, и душа их во смирении духа и любви прилепилась Единому Богу. Но душа монаха, который имеет пристрастие к деньгам, или вещам, или вообще к чему-нибудь земному, не может любить Бога, как должно, потому что ум его двоится и к Богу, и к вещам, а Господь сказал, что не можем мы работать двум господам. Так вот у мирских ум занят землею, и потому не могут они любить Бога так, как любят Его монахи.

Монах хотя и помышляет земное, сколько это нужно для жизни тела, но дух его горит любовью к Богу; хотя он и работает руками, но умом он пребывает в Боге. Как Святые Апостолы говорили слово к народу, но душа их вся была в Боге, ибо Дух Божий жил в них и управлял их умом и сердцем, так и монах хотя и сидит телом в малой и бедной келлии, но духом созерцает величие Божие. Он во всем хранит совесть свою чистою: как бы брата чем не оскорбить; как бы Духа Святого в себе не опечалить каким-нибудь плохим помыслом. Он смиряет душу свою и смирением отгоняет врагов от себя и от тех людей, которые просят его молитв.

* * *

Есть монахи, которые знают Бога, знают и Божию Матерь, и Святых Ангелов, и рай; но они знают также и бесов и адские муки; и знают они это по опыту.

В Духе Святом душа познает Бога. Дух Святой дает, насколько это возможно, еще здесь познать полноту райской радости, которую человек без благодати Божией не может вынести, но помрет.

От многого опыта монах ведет брань с гордыми врагами, и Дух Святой научает и вразумляет его и дает ему силу побеждать их. Мудрый монах смирением отражает всякое высокоумие и гордость. Он говорит:

«Я недостоин Бога и рая. Я достоин мук адских и буду вечно гореть в огне. Я воистину хуже всех и недостоин помилования».

Дух Святой научает так о себе думать; и Господь радуется о нас, когда мы смиряем себя и осуждаем, и дает душе Свою благодать.

Кто смирил себя, тот победил врагов. Кто в сердце своем почитает себя достойным вечного огня, к тому не может приступить ни один враг, и нет тогда в душе никаких мирских помыслов, но весь ум и все сердце в Боге пребывает. А кто познал Духа Святого и от Него научился смирению, тот стал подобен своему Учителю Иисусу Христу, Сыну Божию, и похож на Него.

* * *

Все мы, последователи Христа, — народ богоизбранный, в особенности монахи, ведем борьбу с врагом. Мы на войне, и сражение наше идет каждый день и каждый час. И кто любит отсекать свою волю, того не одолеет враг; а чтобы победить врага, надо научиться Христову смирению; и чья душа стяжала это смирение, тот победил врага.

Но не будем отчаиваться, ибо Господь безмерно милостив и любит нас.

* * *

Бог благодатью Святого Духа дает душе познать, какая молитва есть новоначальная, какая — средняя, и какая — совершенная. Но и совершенную молитву Господь слушает не потому, что душа совершенна, а потому, что Он милостив и хочет, как чадолюбивая мать, утешить душу, чтобы она еще больше горела и не знала покоя ни день, ни ночь.

Чистая молитва требует душевного мира, а мир в душе не бывает без послушания и воздержания.

Послушание Святые Отцы ставили выше поста и молитвы потому, что без послушания человек может о себе думать, что он подвижник и молитвенник, а кто во всем отсек свою волю пред старцем и духовником, у того ум чистый.

Непослушливый монах никогда не познает, что есть чистая молитва. Горделивый и любящий творить свою волю, хотя бы сто лет прожил в монастыре, ничего духовного знать не будет, потому что преслушанием оскорбляет старцев, и в лице их — Бога.

Горе тому монаху, который не слушает старцев. Лучше бы он оставался в миру. Но и в миру люди слушаются своих родителей и почитают старших, подчиняются начальникам и покоряются властям.

Горе нам! Господь, Царь неба и земли, и всего мира, смирил Себя и повиновался Своей Матери и Святому Иосифу, а мы не хотим слушаться старца, которого любит Господь и которому вручил нас. И если старец плохого характера, то хотя это и великое горе для послушника, но послушник должен за него молиться Богу во смирении духа, и тогда Господь помилует послушника и старца.

Некоторые монахи бывают немирны и выставляют причины: или послушание (в данном случае под послушанием разумеется работа или служение, возложенное на монаха) нехорошее, или келлия плохая, или старец (наименование «старец» в русском церковном сознании преимущественно употребляется по отношению к подвижникам, которые прошли долгий искус, которые опытно познали духовную брань, которые многими подвигами стяжали дар рассуждения, которые, наконец, способны молитвою постигать волю Божию в человеке, т. е. в той или иной мере получили дар прозорливости, и потому способны духовно руководить обращающихся к ним. Но на Афоне

именование «старец», как почетное, приобрело и другие, так сказать, местные значения. В русском общежительном скиту Св. Апостола Андрея старцем называют игумена. На «келлиях» — настоятеля «келлии» (маленькая обитель, подчиненная какому-либо монастырю). Членов Совета или Собора Старцев называют «соборными старцами». Нередко старцем называют вообще старого подвижника-монаха. В Пантелеимоновом монастыре находящиеся в подчинении монахи, в знак почтительности, старцем называют своего начальника, т. е. старшего, заведывающего мастерской или тою службой, на которую назначен монах. Со временем это почетное именование утвердилось в монастыре за старшими мастерских или служб. Старец Силуан в данном случае имеет в виду это последнее, местное, монастырское значение слова — ред.) с тяжелым характером. Но не понимают они, что не келлия виновата, и не послушание, и не старец, а душа больная. Горделивой душе ничто не нравится, а смиренному все будет хорошо.

Если начальник плохой, то молись за него, и в душе у тебя будет мир. Если келлия плохая, или послушание не нравится, или болезнь тяготит, то помышляй сам в себе: «Господь меня видит и знает мое положение; стало быть, так Богу угодно», и будешь мирен. Душа если не предастся воле Божией, нигде не будет мирна, хотя бы несла великий пост и молитву творила. Кто обвиняет людей за то, что они его укорили, тот не знает, что душа у него больная, а не укоризна виновата. Кто любит исполнять свою волю, тот совсем не мудр, а кто послушлив, тот скоро преуспеет, потому что любит его Господь. В ком есть хоть малая благодать Святого Духа, тот любит всякую власть, поставленную Богом, и с радостью повинуется ей во славу Божию. В Церкви нашей это познано Духом Святым, и Отцы об этом написали.

* * *

Невозможно сохранить мир душевный, если не будем следить за умом, т. е. если не будем отгонять мысли, неугодные Богу, и наоборот, держаться мыслей, угодных Богу. Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет. Если нет, то рассмотри, в чем ты согрешил. Для мира душевного нужно быть воздержным, потому что и от нашего тела теряется мир. Не должно быть любопытным; не нужно читать ни газет, ни мирских книг, которые опустошают душу и приносят уныние и смущение. Не осуждай других, потому что часто случается, что, не зная человека, говорят о нем плохо, а он по уму

подобен ангелам. Не старайся знать чужих дел, кроме своего; заботься только о том, что тебе поручено старцами, и тогда за послушание Господь будет помогать тебе Своею благодатью, и ты увидишь в душе своей плоды послушания: мир и постоянную молитву. Благодать Божия в общежитии больше всего теряется за то, что мы не научились любить брата по заповеди Господней. Если брат твой нанесет тебе оскорбление и ты в эту минуту примешь на него гневный помысл, или осудишь его, или возненавидишь, то почувствуешь, что благодать ушла и мир пропал. Для мира душевного нужно душу свою приучить, чтобы она любила оскорбившего и сразу молилась за него. Не может душа иметь мира, если не будет всеми силами просить у Господа дара — любить всех людей. Господь сказал: «Любите врагов ваших», и мы если не будем любить врагов, то и мира в душе не будет. Необходимо стяжевать послушание, смирение и любовь, а то все наши большие подвиги и бдения пропадут даром. Один старец видел такое видение: человек некий наливал воду в корыто, которое было с дырявым дном; много трудился человек, но вода все вытекала, и корыто оставалось пустым. Так и мы, живем в подвиге, но какую-нибудь добродетель упустим, и из-за нее душа остается пустою.

* * *

О братья, подвижники Христовы, не обленимся в подвиге и в молитве, но всю жизнь будем ревнителями! Я знал многих монахов, которые пришли с горячею душою, но потом потеряли первую ревность, но знаю и таких, которые до конца сохранили ее.

Чтобы сохранить ревность, нужно непрестанно помнить Господа и думать: пришел мой конец, и теперь я должен явиться на Суд Божий. И если душа постоянно так будет готова к смерти, то уже не будет бояться смерти, но придет в смиренную молитву покаяния, и от покаянного духа очистится ум твой и уже не прельстится миром, и будешь всех любить и слезы проливать за людей. Но когда получишь сие, то знай, что это дар милости Божией, а человек сам по себе ничто, грешная земля.

* * *

Видел я людей, которые пришли в монастырь хорошими, но потом испортились; видел и таких, которые пришли плохими, а потом стали смиренными и кроткими, так что радуется душа смотреть на них. Знаю одного монаха, который, когда был молодым, то села обходил кругом, чтобы не видать соблазна, а недавно два часа усердно смотрел на мир и сам мне сказал, что полюбил мир.

Так может измениться душа монаха и обратиться к миру. А ведь он семнадцатилетним юношей пришел в монастырь и прожил в обители 35 лет. Из этого видно, как надо бояться, чтобы не потух в нас тот огонь, который нас понудил бросить мир и возлюбить Господа.

* * *

Многие монахи знают благодать Святого Духа. Дух Святой сладок и столь любезен душе, что при виде красивой девицы человек остается неподвижен на похоть; но кто имеет благодать только в душе, тот еще боится греха, потому что чувствует, что в нем живет еще грех и страсти еще влекут его.

Мы, монахи, ведем духовную войну. Один военный человек, идя в Салоники, зашел ко мне в магазин. Душа моя возлюбила его, и я сказал ему: «Молись, чтобы меньше было скорбей». А он мне ответил: «Молиться я научился на войне. Я много раз был в больших сражениях; картечи разрывались около меня, а я остался жив... Я вот так молился Богу: "Господи, помилуй". И смотрел я на него, когда он показал, как он молился, и видно было, что весь он уходил в молитву; и Господь сохранил его.

Так он молился в нужде на войне, где убивают только тело, а у нас, монахов, иная война, внутри нас, и может погибнуть душа; поэтому нам надо молиться еще больше и усерднее, чтобы душа была с Господом. Мы должны не только прибегать к Нему, но и постоянно быть в Нем; как Ангелы всегда служат Богу умом, так и монах всегда умом должен пребывать в Боге и поучаться в законе Его день и ночь.

* * *

Закон Божий подобен большому прекрасному саду, в котором живет и Сам Господь, и все Святые Его: Пророки, Апостолы, Святители, Мученики, Преподобные смиренные постники; и все они дивно собраны милосердием Божиим; и душа радуется этому святому, великому и чудному Собранию.

Многие хотят знать и видеть царя, который смертный человек; но знать Господа, Царя вечной славы, дороже всего.

О братья, читайте больше Евангелие, Послания Апостолов и (Творения) Святых Отцов; чрез это поучение душа познает Бога, и ум до того бывает занят Господом, что мир забывается совершенно, как будто ты в нем и не родился.

* * *

Господь дал нам Евангелие и хочет, чтобы мы ему следовали, но кроме того Господь нас учит Своею благодатью; однако не все могут это понимать,

а только редкие, те, которые смиренно совлеклись своей воли; мы же должны спрашивать святых духовников, и они приведут нас ко Христу, потому что им дана благодать вязать и решить. Приди к духовнику с верою, и получишь рай.

* * *

Хорошо монаху быть послушливым и чисто исповедоваться, чтобы духовник знал, какие мысли любит его душа. Такой монах всегда будет мирен в Боге, и в душе его будут рождаться божественные мысли, и ум его будет просвещаться этими мыслями, сердце же его будет покойно в Боге.

Живет такой монах на земле среди соблазнов и всяких искушений, но ничего не боится, ибо душа его утвердилась в Боге и возлюбила Его, и все желание его — как бы смирить свою душу, потому что смиренную душу любит Господь, и душа знает, что хочет от нее Господь, потому что Господь ее Учитель.

* * *

И в наше время есть еще много подвижников, которые угодны Богу, хотя они и не творят видимых чудес.

Но вот чудо Божие, которое можно видеть в нашей душе: если душа твоя смирится, как должно, то Милостивый Господь дает ей великую радость и умиление; а если душа понемногу склоняется на гордость, то впадает в уныние и омрачение. Но знают об этом только те, которые подвизаются.

* * *

Если ты пришел в Обитель, любя Господа хотя бы в малой мере, и помышляешь, что Господь привел тебя сюда и Он управляет твоими старцами, то благодать Божия вселится в тебя, и Господь даст тебе мир и рассуждение добра и зла, и душа твоя будет гнаться за добром каждый день и час, потому что она усладилась законом Божиим.

Если ты поступил в общежитие, то мужайся и да не смущается душа твоя.

Если ты служишь на гостинице, то уподобляйся Аврааму, который удостоился принять трех чудных Странников. Смиренно и с радостью служи отцам, и братии, и странникам, и получишь Авраамову награду.

Если ты на работах среди братии терпишь соблазны, то уподобляйся юродивым ради Бога: они молились за творящих соблазны, и за эту любовь Господь давал им благодать Святого Духа, и им легко было жить с людьми и нести всякие скорби. Кто на послушании, тот хотя и рассеется иногда, но Господь милостив к нему; послушник же сам отгоняет от себя благодать Божию.

Если же ты безмолвствуешь в келлии, то подражай безмолвию Великого Арсения, чтобы кораблем души твоей управлял Дух Святой.

Если тебе трудно, то вспоминай милостивые слова Господа: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы» (Мф. II, 28). Сей покой в Духе Святом получает душа за покаяние.

Господь любит душу, которая всем сердцем ищет Его, ибо Он сказал: *«Любящие Мя — люблю, и ищущие Мя, обрящут благодать»* (Притч. 8, 17). И эта благодать влечет душу слезно искать Бога.

О монастырском экономе

МНОГИЕ МОНАХИ говорят, что эконому некогда молиться и что не может он сохранять душевный мир, потому что целый день приходится ему быть с народом. Но я скажу, что если он будет любить людей и помышлять о своих рабочих: «Любит Господь создание Свое», то Господь даст ему непрестанную молитву, ибо Господу все возможно.

Эконом должен любить и жалеть своих рабочих и молиться о них:

«Господи, обвесели скорбные души этих бедных людей; пошли на них Духа Твоего, Святого Утешителя»; тогда душа его будет жить, как в тихой пустыне, и Господь даст ему в молитве умиление и слезы, и благодать Святого Духа будет в нем жить ощутимо, и душа его будет ясно слышать помощь Божию.

* * *

Был у нас такой случай. Монастырский эконом посылал одного рабочего по делу, но тот, по неопытности, не хотел идти. Эконом говорит ему: «Иди». Тогда рабочий рассердился и при всем там бывшем народе, а было человек сорок, назвал эконома собакою. Но эконом пожалел рабочего, и дал ему чаю и сахару, и сказал: «Ты всегда зови меня собакою». И вдруг рабочему стало так стыдно, что лицо его горело от стыда, и после был он послушнее всех.

Так хорошо жить по любви; тогда Господь помогает Своею благодатью и дает горячую молитву за людей. Но если эконом будет раздражительный, то он и свою душу испортит, и других людей возмутит гневом своим.

Опыт многих лет показал, что эконом должен любить людей, как мать любит своих детей, а если кто непослушлив, то должен за того усердно молиться

Богу: «Господи, вразуми раба Своего: Ты любишь его», и тогда молитва твоя принесет ему пользу и сам ты познаешь, как хорошо молиться за рабочих.

Хорошего эконома все будут любить, потому что все люди любят, когда с ними ласково обращаются. Опыт показал, что не надо мыслить плохо о человеке, потому что за это уходит благодать Святого Духа от души. А если будем любить людей, то Господь даст молитву, так что и среди народа душа может непрестанно вопиять к Богу.

XV

О ПОСЛУШАНИИ

РЕДКО КТО знает тайну послушания. Послушливый велик пред Богом. Он подражатель Христу, Который дал нам в Себе образ послушания. Послушливую душу любит Господь и дает ей Свой мир, и тогда все хорошо и ко всем она чувствует любовь.

Послушливый все упование свое возложил на Бога, и потому душа его всегда в Боге, и Господь дает ему Свою благодать, и эта благодать учит душу всякому добру, и дает силы пребывать в добре. Он видит зло, но оно не прикасается к его душе, ибо с ним благодать Святого Духа, которая хранит его от всякого греха, и он в мире и легко молится Богу.

Душу послушливого любит Дух Святой, и потому он скоро познает Господа и получит дар сердечной молитвы.

Послушливый предался воле Божией, и за это даруется ему свобода и покой в Боге, и он молится чистым умом, а гордые и непослушливые не могут чисто молиться, хотя бы и много подвизались. Они не знают ни того, как действует благодать, ни того, простил ли им Господь грехи. А послушливый ясно знает, что Господь простил ему грехи, потому что слышит он в душе своей Духа Святого.

* * *

Послушание нужно не только монахам, но и всякому человеку. Даже Господь был послушлив. Гордые и самочинные не дают в себе жить благодати и потому никогда не имеют мира душевного, а в душу послушливого легко входит благодать Святого Духа и дает ему радость и покой.

Все ищут покоя и радости, но мало кто знает, где найти эту радость и покой и что требуется, чтобы достигнуть его. Вот уже тридцать пять лет, как я вижу одного монаха, который всегда весел душою и приятен лицом, хотя

он и старый. И это потому, что он любит послушание, и душа его предалась на волю Божию, и он ни о чем не имеет заботы, но душа его возлюбила Господа и созерцает Его.

Кто носит в себе хотя бы малую благодать, тот с радостью подчиняется всякому начальству. Он знает, что Бог управляет и небом, и землею, и преисподнею, и им самим, и его делами, и всем, что есть в мире, и потому всегда бывает покоен.

Послушливый предался воле Божией и не боится смерти, потому что душа его привыкла жить с Богом и возлюбила Его. Он отсек свою волю и потому ни в душе, ни в теле не имеет такой брани, которая мучит непокорного и своевольного.

Истинный послушник ненавидит свою волю и любит своего духовного отца и за это получает свободу молиться Богу чистым умом, и душа его свободно, без помыслов созерцает Бога и в Нем покойна. Он скоро приходит в любовь Божию ради смирения своего и за молитвы своего духовного отца.

* * *

Наша жизнь простая, но мудрая. Божия Матерь сказала Преподобному Серафиму: «Дай им (монахиням) послушание, и кто соблюдает послушание и мудрость, те будут с тобою и близ Меня».

Видите, как просто спасение. Но мудрости надо учиться долгим опытом. Дается она от Бога за послушание. Послушливую душу любит Господь, а если любит, то, чего бы ни попросила душа у Бога, даст ей. Как раньше, так и теперь Господь слушает молитвы наши и исполняет прошения.

* * *

Почему святые отцы послушание ставили выше поста и молитвы?

Потому, что от подвигов без послушания рождается тщеславие, а послушник все делает, как ему сказано, и не имеет повода гордиться. Кроме того послушливый отсек свою волю во всем и слушает своего духовного отца, и потому ум его свободен от всякой заботы и чисто молится. У послушливого на уме один Бог и слово старца, а у преслушника ум занят разными делами и осуждением старца, и потому не может он созерцать Бога.

Видел я одного послушника, который нес тяжелое послушание. Он имел сердечную молитву, и Господь давал ему слезы плакать за весь мир; и игумен Андрей сказал ему: «Тебе это дано за послушание».

Послушанием хранится человек от гордости; за послушание дается молитва; за послушание дается и благодать Святого Духа. Вот почему послушание выше поста и молитвы.

Если бы ангелы (падшие) сохранили послушание, то пребыли бы на небесах и пели бы славу Господню. И если бы Адам сохранил послушание, то и он, и род его пребывали бы в раю.

Но и ныне возможно вернуть себе рай покаянием. Господь много нас любит, несмотря на наши грехи, лишь бы мы смирялись и любили врагов.

А кто не любит врагов, тот не может иметь мира, хотя бы его и в рай посадить.

XVI

О ДУХОВНОЙ ВОЙНЕ

ВСЕ, КТО последовал Господу нашему Иисусу Христу, ведут духовную войну. Этой войне святые научились долгим опытом от благодати Святого Духа. Дух Святой наставлял их и вразумлял и давал силу побеждать врагов, а без Духа Святого душа не может даже и начать этой войны, потому что она не знает и не разумеет — кто и где ее враги.

Блаженны мы, православные христиане, потому что живем под милостью Божиею. Нам легко воевать: нас Господь пожалел и дал нам Духа Святого, Который живет в нашей Церкви. Нам только та скорбь, что люди не все знают Бога и как много Он нас любит. Эта любовь слышна в душе молящегося, и Дух Божий свидетельствует душе спасение...

* * *

Сражение наше идет на каждый день и час.

Если брата укорил, или осудил, или опечалил, то свой мир потерял. Если потщеславился или превознесся над братом, то потерял благодать. Если блудный помысл пришел и ты не сразу отогнал его, то душа твоя потеряет любовь Божию и дерзновение в молитве. Если любишь власть или деньги, то никогда не познаешь любви Божией. Если волю свою исполнил, то ты побежден врагом и уныние придет в душу твою. Если брата своего возненавидел, то, значит, отпал ты от Бога и злой дух овладел тобою.

Если же брату сделаешь добро, то обретешь покой совести. Если волю свою отсечешь, то прогонишь врагов и получишь мир в душе своей.

Если прощаешь брату обиды и любишь врагов, то получишь прощение грехов своих и Господь даст тебе познать любовь Святого Духа.

А когда совсем смиришься, тогда обретешь совершенный покой в Боге.

* * *

Когда душа смиренна и Дух Божий в ней, то человек блаженствует духом в любви Божией. Душа, когда чувствует милость Господню, уже ничего не боится, никакой беды на земле, но желает всегда быть пред Богом смиренною и любить брата. Но если душа потщеславится, то кончается ее праздник, ибо благодать оставляет душу, и уже не может она чисто молиться, но приходят плохие мысли и терзают душу.

* * *

За что же человек страдает на земле, несет скорби и терпит беды?

За то страдаем мы, что не имеем смирения. В смиренной душе живет Дух Святой, и Он дает душе свободу, мир, любовь, блаженство.

За то страдаем мы, что не любим брата. Господь говорит: «Любите друг друга и будете Мои ученики». За любовь к брату приходит любовь Божия. Сладка любовь Божия; она есть дар Духа Святого и в полноте познается только Духом Святым. Но есть средняя любовь, которую имеет человек, когда старается соблюдать заповеди Христовы и боится, как бы чем не оскорбить Бога; и это хорошо. Надо каждый день понуждать себя на добро и всеми силами учиться смирению Христову.

* * *

Господь сказал Своим ученикам: «*Мир Мой даю вам*» (Ин. 14,27).

Этот мир Христов надо просить у Бога, и Господь даст просящему; и когда получим его, то надо свято блюсти его и умножать; но кто не предался воле Божией в скорбях, тот не может познать Божия милосердия.

Если постигнет тебя беда, не унывай, но помни, что милостиво Господь смотрит на тебя, и не допускай мысли: «станет ли Господь смотреть на меня, когда я Его оскорбляю», потому что Господь по естеству есть Милость, но с верою обратись к Богу и, как евангельский блудный сын, скажи: «Не достоин я назваться сыном Твоим», и увидишь, как будешь ты мил Отцу, и будет тогда неописуемая радость на душе.

* * *

Люди не учатся смирению и за гордость свою не могут принять благодать Святого Духа, и потому страдает весь мир. А если бы люди познали Господа, какой Он милостивый, смиренный и кроткий, то за один час изменилось бы лицо всего мира и у всех была бы великая радость и любовь.

Господь Милостивый дал нам покаяние, и покаянием все исправляется. Покаянием мы получаем прощение грехов; за покаяние приходит благодать Святого Духа, и так познаем Бога.

Если кто потерял мир и страдает, то пусть покается, и Господь даст ему Свой мир.

Если какой народ или государство страдает, то надо всем покаяться, и тогда все исправится от Бога.

* * *

Вся наша брань за то, чтобы смирить себя. Враги наши пали гордостью, и нас они туда же влекут. Но мы братья, смирим себя, и тогда увидим славу Господню еще здесь на земле (Мф. 16, 28; Мк. 9, 1), ибо Господь смиренным дает познать Себя Духом Святым.

Душа, вкусившая сладость любви Божией, вся перерождается и делается совсем другою, и любит Господа своего, и всею силою влечется к Нему день и ночь, и до известного времени остается покойна в Боге, а потом начинает скорбеть за народ.

Милостивый Господь иногда дает душе покой в Боге, а иногда сердечную болезнь за всю вселенную, дабы все люди покаялись и вошли в рай. Познавшая сладость Духа Святого, душа всем желает того же, ибо сладость Господня не дает душе быть самолюбивою, но дает ей любовь, которая истекает из сердца.

Возлюби же Господа, Который прежде возлюбил нас и пострадал за нас.

* * *

Не скрою от вас, за что Господь дает Свою благодать. Не буду я много писать, но прошу вас — любите друг друга и увидите тогда милость Господню. Возлюбим брата, и возлюбит нас Господь. Не думай, душа, что любит тебя Господь, если ты на кого-нибудь косо смотришь. О, нет. Скорее бесы тебя любят, ибо ты стал слугою их; но не медли, покайся, и проси у Господа силу любить брата, и увидишь тогда мир в душе.

Всеми силами просите у Господа смирения и братской любви, ибо за любовь к брату туне дает Господь благодать Свою. Испытай над собою: Один день проси у Бога любви к брату, а другой — живи без любви, и тогда увидишь разницу. Духовные плоды любви ясны: мир и радость в душе, и все будут тебе родные и милые, и будешь проливать обильные слезы за ближнего и за всякое дыхание и тварь.

Часто за одно приветствие душа чувствует в себе благую перемену; и, напротив, за один косой взгляд теряется благодать и любовь Божия. Тогда скорее кайся, чтобы возвратился мир Божий в душу твою.

Блаженна душа, которая возлюбила Господа и от Него научилась смирению. Любит Господь смиренную душу, которая крепко надеется на Бога. Каждую секунду чувствует она милость Его, так что хотя и с людьми говорит, но занята любимым Господом, и от долгого времени борьбы с врагами возлюбила душа смирение паче всего и не дает врагам отнять у себя братскую любовь.

Если всеми силами будем любить брата и смирять душу свою, то победа будет наша, ибо Господь больше всего дает благодать Свою за любовь к брату.

* * *

Я испытал лишь Духа Святого в совершенстве, но стяжать Его не могу.

Жалко мне, что я в молодые годы жил плохо и не подражал своему святому, угоднику Божию Симеону Столпнику (Дивногорцу). Дивное житие его. Ему было семь лет, когда явился ему Господь, и он сразу узнал Господа и спросил Его: «Господи, как Тебя распяли?» Господь распростер руки и сказал: «Так Меня распяли; но Я Сам того восхотел. Ты же сораспинайся Мне на всякий день».

Так нам надо понуждать себя на добро всю жизнь, а главное — прощать другим согрешения их, и тогда Господь не помянет и наших грехов и даст нам благодать Святого Духа.

Когда я был мирским, то любил от души прощать, и легко прощал, и молился с охотой за тех, кто обижал меня, а когда пришел в монастырь, то послушником получил большую благодать, и она научила меня любить врагов.

* * *

Святой Апостол Иоанн Богослов говорит, что заповеди Божии не тяжки, а легки (1 Иоан. 5, 3). Но легки они только от любви, а если нет любви,

то все трудно. Поэтому храни любовь, не теряй ее, потому что хотя и возможно ее вернуть, но это дается многими слезами и молитвами, а без любви трудно жить на свете. А кто пребывает в злобе, то это смерть души, от чего да сохранит нас Господь.

* * *

Когда душа, которую взыскал Господь и дал ей Свою благодать, по какой-нибудь причине потеряет ее, то сильно скорбит по ней и снова желает обрести ее. О, как умоляет она Владыку день и ночь, чтобы помиловал ее и снова излил на нее Свою милость! И кто может описать воздыхания ее, или слезы, или коленопреклонения!? И много-много лет трудится душа, ища той благодати, которую вкусила и которою усладилась. И, бывает, долгое время испытывает Господь душу, верна ли она Ему; а душа, не видя в себе той сладости, которую познала, снова жаждет ее, и смиренно ждет, и постоянно влечется к Господу жаром любви.

При благодати легко любить Бога и молиться день и ночь; но мудрая душа терпит и сухость, и крепко уповает на Господа, и знает, что Он не посрамит надежды и даст в свое время. Благодать Божия приходит иногда скоро, а иногда долго не дается, но мудрая душа смиряется и любит ближнего, и кротко несет крест свой, и тем побеждает врагов, которые стараются оторвать ее от Бога.

Когда грехи, как облака, скроют от души свет милосердия Божия, тогда душа хотя и жаждет Господа, но пребывает немощна и бессильна, как птица, заключенная в клетку, хотя и порывается в зеленую рощу, но не может лететь, чтобы на свободе петь хвалебную песнь Богу.

* * *

Долго я мучился, не зная пути Господня, но теперь многими годами и многими скорбями и Духом Святым познал волю Божию. Все, что заповедал Господь (Мф. 28, 20), надо в точности исполнять, ибо это есть путь в Царство Небесное, где будем видеть Бога. Но не думай, что ты видишь Бога, а смиряй себя и помышляй, что по смерти будешь ввержен в темницу и там будешь томиться и скучать по Господе. Когда мы плачем и смиряем душу, то благодать Божия хранит нас, а если оставим плач и смирение, то можем увлечься помыслами или видениями. Смиренная душа не имеет видений и не желает их,

но чистым умом молится Богу, а тщеславный ум не бывает чистым от помыслов и воображения, и даже может дойти до того, что будет видеть бесов и говорить с ними. Пишу об этом потому, что сам я был в этой беде.

* * *

Дважды я был в прелести. Первый раз, в самом начале, по неопытности, когда я был молодым послушником, и тогда Господь скоро помиловал меня. Второй раз уже от гордости, и тогда долго я помучился, прежде чем Господь исцелил меня за молитвы духовника. Случилось это после того, как я принял некое видение. Четырем духовным мужам я открыл об этом видении, и ни один из них не сказал мне, что оно от врага, однако прелесть тщеславия борола меня. Но потом я и сам понял свою ошибку, потому что снова стали мне являться бесы не только ночью, но и днем. Душа их видит, но не боится, потому что я чувствовал с собою и милость Божию. И так много лет страдал я от них; и если бы Господь не дал мне познать Себя Духом Святым, и если бы не помощь Пресвятой и благой Владычицы, то отчаялся бы я в своем спасении, но теперь крепко надеется душа моя на милосердие Божие, хотя по делам моим я достоин мучений и на земле, и во аде.

Долго я не мог разобраться, что со мною. Думаю: людей я не осуждаю; плохих помыслов не принимаю; послушание делаю исправно; в пище воздерживаюсь; молюсь непрестанно; почему же бесы повадились ко мне? Вижу, что я в ошибке, но не могу догадаться почему. Молюсь, они отойдут на время, а потом снова приходят. И долго душа моя была в этой борьбе. Говорил об этом нескольким старцам; они молчали; и был я в недоумении.

И вот однажды сижу я в келлии ночью, и бесы нашли ко мне, полная келлия. Молюсь усердно — Господь отгонит их, но они снова приходят. Тогда встал я, чтобы сделать поклоны иконам, а бесы вокруг меня, и один впереди, так что я не могу сделать поклона иконам, а получилось бы, что я ему кланяюсь. Тогда я снова сел и говорю:

«Господи, Ты видишь, что я хочу Тебе молиться чистым умом, но бесы мне не дают. Скажи, что должен я делать, чтобы отошли они от меня?»

И был мне ответ от Господа в душе:

«Горделивые всегда так страдают от бесов».

Я говорю: «Господи, Ты Милостивый, знает Тебя душа моя; скажи мне, что должен я делать, чтобы смирилась душа моя?»

И отвечает мне Господь в душе:

«Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

* * *

О милосердие Божие! Я мерзость пред Богом и людьми, а Господь так любит меня, и вразумляет меня, и исцеляет меня, и Сам учит душу мою смирению и любви, терпению и послушанию, и все милости Свои излил на меня.

С тех пор я держу ум свой во аде, и горю в мрачном огне, и скучаю о Господе, и слезно ищу Его и говорю:

«Скоро я умру и вселюсь в мрачную темницу ада, и один я буду гореть там, и тосковать о Господе, и плакать: «Где мой Господь, Которого знает душа моя?»

И великую пользу получил я от этой мысли: ум мой очистился и душа обрела покой.

* * *

Чудное дело: Господь мне велел держать ум свой во аде и не отчаиваться. Так близок Он к нам: «*Се Аз с вами до скончания века*», и еще: «*Призови Мя в день скорби твоей, и изму тя, и прославиши Мя*» (Мф. 28, 20; Пс. 49,15).

Когда Господь коснется души, то она вся становится новою, но это понятно лишь тем, кто познал на опыте, ибо без Духа Святого нельзя познать небесное, и Дух сей дан на землю от Господа.

Кто опишет радость знать Господа и ненасытно стремиться к Нему день и ночь? О, как блаженны и счастливы мы, христиане! Нет ничего дороже, как знать Бога; и нет ничего худшего, как не знать Его. Но и тот блажен, кто хотя и не знает, но верует.

* * *

Я стал делать, как научил меня Господь, и усладилась душа моя покоем в Боге, и теперь день и ночь прошу я у Бога Христова смирения. О, это Христово смирение. Я знаю его, хотя стяжать не могу. Я знаю его от благодати Божией, но описать не умею. Я ищу его, как драгоценный, светлый бисер. Оно приятно для души и слаже всего мира. Я опытом познал его. И вы не удивляйтесь этому. Дух Святой на земле живет в нас, и Он нас просвещает.

Он дает нам познать Бога. Он дает нам любить Господа. Он дает нам мыслить о Боге. Он дает нам дар слова. Он дает нам славословить Господа. Он дает нам радость и веселие.

Дух Святой дает нам силы вести брань с врагами и побеждать их.

* * *

Молю я всех людей — прибегнем к покаянию, и тогда узрим милость Господню. А тех, кто видит видения и верит им, молю понять, что от этого у них является гордость и с нею сладость тщеславия, в котором нет смиренного духа покаяния, и в этом беда, ибо без смирения нельзя победить врагов.

Я сам дважды ошибался. Один раз враг мне показал свет, и помысл говорил мне: прими, это благодать. Другой раз я принял одно видение и много пострадал за это. Однажды в конце бдения, когда запели «Всякое дыхание да хвалит Господа», я услышал, как Царь Давид в небе поет славословие Богу. Я стоял на хорах, и мне казалось, что нет ни крыши, ни купола и что я вижу отверстое небо. Я говорил об этом четырем духовным мужам, но никто мне не сказал, что враг посмеялся надо мною, а я сам думал, что бесы не могут славословить Бога и что, значит, это видение не от врага. Но прелесть тщеславия борола меня, и я снова стал видеть бесов. Тогда я познал, что обманулся, и все открывал духовнику, и просил его молитв; и за молитвы его я теперь спасен и всегда молю Господа даровать мне духа смирения. И если бы спросили меня, что ты хочешь от Бога, каких даров, то я сказал бы: духа смирения, которому радуется Господь больше всего. За смирение Свое Дева Мария стала Божиею Матерью и прославлена на небе и на земле более всех. Она вся предавалась на волю Божию: «*Се раба Господня*», — сказала Она; и мы все должны подражать Святой Деве.

* * *

За смирение душа получает покой в Боге, но, чтобы удержать этот покой, душа долго учится. Теряем мы сей покой, потому что не утвердились в смирении. И меня много обманывали враги. Я думал: душа моя знает Господа, знает, как Он благ и как много нас любит, как же мне приходят плохие помыслы? И долго я не мог разобраться, покамест не вразумил меня Господь, и тогда я познал, что от гордости являются плохие мысли.

Один неискусный монах страдал от бесов, и когда они нападали на него, то он убегал от них, и те гонялись за ним.

Если случится с тобою подобное, то не убойся и не беги, но стань мужественно, смири себя и скажи: «Господь, помилуй меня, великого грешника», — и бесы исчезнут; а если будешь трусливо бежать, то они загонят тебя в пропасть. Помни, что в тот час, когда на тебя нападают бесы, смотрит на тебя и Господь: как ты уповаешь на Него?

Если ясно увидишь сатану, и он будет опалять тебя своим огнем, и захочет пленить твой ум, то опять не убойся, но крепко надейся на Господа и говори: «Я хуже всех», — и отойдет от тебя враг.

Если почувствуешь, что злой дух действует внутри тебя, и тогда не робей, но исповедуйся чисто и усердно проси у Господа смиренного духа, и Господь непременно даст, и тогда, по мере смирения своего, ты будешь ощущать в себе благодать, а когда совсем смирится душа твоя, тогда обрящешь совершенный покой.

И такую войну ведет человек всю жизнь.

Душа, которая познала Господа Духом Святым, если после того и падет в прелесть, то не пугается, но, помня любовь Божию и зная, что брань с врагами попускается за тщеславие и гордость, смиряется и просит у Господа исцеления, и Господь исцеляет душу, иногда скоро, а иногда медленно, понемногу. Послушливый, который верит духовнику и не верит себе, скоро исцелится от всякого вреда, нанесенного ему врагами, а непослушный — не исправится.

* * *

Война у души с врагом до гроба. И если на обычной войне убивают только тело, то наша война труднее и опаснее, потому что может погибнуть и душа.

За гордость мою Господь попустил врагу дважды сотворить брань с моею душою так, что душа моя стояла во аде, и могу сказать, что если душа мужественна, то устоит, а если нет, то может навеки погибнуть. Всем, кто подобно мне будет в такой беде, пишу: стойте мужественно и крепко надейтесь на Бога, и враги не устоят, ибо Господь победил их. Благодатью Божиею я познал, что Господь милостиво печется о нас, и ни одна молитва, ни одна хорошая мысль не пропадет пред Богом. Господь часто как бы не слушает нас; но это только потому, что мы горделивы и нам не полезно. Гордость трудно распознать в себе, но гордого Господь оставляет помучиться своим бессилием, покамест не смирится. А когда смирится душа, тогда враги побеждены, и душа обретает великий покой в Боге.

* * *

Дважды я был в Духе Святом, и дважды я был в великой беде и перенес тяжелое искушение. А один раз попущено было мне испытать за гордость: Благодать Святого Духа ушла от меня, и я почувствовал себя скотиною в человеческом теле. Умом я не забыл Бога, но душа стала пустая, как у скотины. Я начал каяться, и благодать вернулась. Длилось это три дня.

Испытал я также во время молитвы, что не знал, был ли я в теле, или вне тела, но душа моя созерцала Бога.

И вот теперь я опытом знаю, что значит быть в Духе Святом и что значит быть без Него.

О братья, если бы вы могли разуметь томление души, которая носила Духа Святого, а потом потеряла Его! Томление это нестерпимо. Душа тогда в неописуемой скорби и печали. О, это Адамово мучение по изгнании из рая!

* * *

Кто может разуметь рай? Кто носит в себе Духа Святого, тот может отчасти разуметь это, потому что рай есть Царство Духа Святого, а Дух Святой и на небе и на земле тот же.

Я думал: я мерзкий и стою всяких наказаний; а Господь вместо наказания дал мне Духа Святого. О, сладкий Дух Святой паче всего земного! Это пища небесная; это радость души.

Если хочешь ощутимо иметь благодать Святого Духа, то смиряй себя, как Святые Отцы. Пимен Великий сказал своим ученикам: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду». Сапожник в Александрии помышлял: «Все спасутся, один я погибну», — и Господь открыл Великому Антонию, что он в меру этого сапожника не пришел. Они вели крепкую брань с врагами и привыкли о себе смиренно думать, и за то возлюбил их Господь.

И мне дал Господь уразуметь силу этих слов. И я, когда держу ум свой во аде, то покойна душа моя, а когда забуду об этом, то приходят мысли, неугодные Богу.

* * *

Я думал: я — земля, и грешная земля. Но Господь явил мне милость Свою без меры и много дал мне Своей благодати, и радуется дух мой, что хотя я и мерзкий, но Господь все-таки любит меня, и потому душа моя ненасытно

влечется к Нему, и когда найду Его, то скажу душе моей: смотри же, не теряй, «да не горше ти что будет», ибо велико мучение, когда душа теряет благодать Святого Духа.

Верьте мне, пред лицом Господа пишу, Которого знает душа моя. Чтобы сохранить благодать, надо всегда смиряться. Вот и Господь тех, кто работает Ему, милостиво смиряет. Антоний Великий помышлял, что он в пустыне старше всех и совершеннее всех, но Господь направил его к Павлу Фивейскому, и видел Антоний того, кто старше и совершеннее его.

Преподобный Зосима подумал, что он с детства монах и никто не может с ним беседовать, но его смирила Мария Египетская; и увидел он, что далеко не пришел в ее меру.

Святителя Тихона (Задонского) смирил юродивый; ударил его по щеке и сказал: «Не высокомудрствуй».

Так милостиво Господь смиряет святых, чтобы они до конца пребывали смиренными. А нам тем более надо смиряться. И я день и ночь прошу у Бога Христова смирения. Дух мой жаждет стяжать его. Это высший дар Духа Святого. В смирении Христовом и любовь есть, и мир, и кротость, и воздержание, и послушание, и долготерпение, и все добродетели заключены в нем.

* * *

Смиренная душа, которая носит в себе обильную благодать Святого Духа и хранит ее, при божественном видении имеет большую силу понести его, а кто имеет малую благодать, тот падет ниц от видения, потому что мало в нем силы благодати.

Так на Фаворе, когда преобразился Господь, Моисей и Илья стояли и беседовали с Ним, а Апостолы упали ниц, но после, когда умножилась в них благодать Святого Духа, и они стояли при явлениях Господа и тоже могли беседовать с Ним.

Так Преподобный Сергий при явлении ему Божией Матери стоял пред Нею, потому что имел большую благодать Святого Духа, а ученик его Михей упал ниц и не мог смотреть на Божию Матерь. И Серафим Саровский имел много благодати Святого Духа и стоял, когда ему явилась Божия Матерь, а послушница его упала ниц, потому что имела меньше благодати.

Так же если душа имеет в себе благодать, то когда видит бесов, но боится их, потому что чувствует в себе силу Божию.

Сейчас четыре часа ночи. Я сижу в келлии своей, как в чертоге, в мире и любви, и пишу. Но когда приходит большая благодать, тогда я не могу писать.

Великая наука

ПОКАМЕСТ мы живем на земле, нужно научиться вести брань с врагами. Труднее всего умертвить плоть ради Бога и победить самолюбие.

Чтобы победить самолюбие, необходимо всегда смирять себя. Это — великая наука, которую скоро не одолеешь.

Нужно считать себя хуже всех и осудить себя во ад. Этим смиряется душа и стяжевается покаянный плач, от которого рождается радость. Хорошо душу свою приучить помышлять: я буду гореть в огне адском. Но жалко, что мало кто разумеет это. Многие отчаиваются и пропадают. Души их дичают и не хотят потом ни молиться, ни читать, ни даже мыслить о Боге.

Надо осудить в душе самого себя, но не отчаиваться в милосердии и любви Божией. Нужно стяжать смиренный и сокрушенный дух, тогда отойдут все помыслы и очистится ум. Но надо знать при этом свою меру, чтобы не перетрудить души. Изучи себя, и давай душе подвиг по силе ее.

* * *

Не все души одинаково сильны: одни крепки, как камень, а другие слабы, как дым. Дыму подобны — горделивые души. Как ветер носит дым куда попало, так враг влечет их куда хочет, потому что у них или нет терпения, или враг их легко обманывает. А смиренные души хранят заповеди Господни и стоят в них неподвижимы, как морской камень, о который разбиваются волны. Они предались воле Божией и умом созерцают Бога, и Господь дает им благодать Святого Духа.

Кто живет по заповедям, тот каждый час и минуту слышит благодать в душе своей. А есть люди, которые не разумеют ее пришествие.

* * *

Кто познал любовь Божию, тот скажет: не сохранил я заповеди. Хотя я и молюсь день и ночь и стараюсь всякую добродетель творить, но заповеди

о любви к Богу я не исполнил. Лишь редкие минуты достигаю я заповедь Божию, но душа хотела бы все время пребывать в ней. Когда к уму примешиваются посторонние мысли, тогда ум помышляет и Бога и вещь; значит заповедь: любить всем умом и всем сердцем — не вполне исполнена. Но когда ум весь в Боге и нет других помыслов, тогда исполняется первая заповедь, но опять еще не совсем.

Любовь к Богу бывает различная. Кто борется с плохими помыслами, тот в своей мере любит Бога. Кто борется с грехом, просит Бога, чтобы дал ему силы не грешить, но по немощи еще впадает в грех и скорбит о том и кается, у того благодать в глубине души и ума, но страсти еще не побеждены. А у кого побеждены страсти, тот уже не имеет борьбы, а только всячески блюдет себя, как бы не впасть в грех; у этого благодать большая и ощутимая. Но кто чувствует благодать и в душе, и в теле, тот совершен муж, и если сохранит эту благодать, то тело его освящается и будут мощи.

XVII

О ПОМЫСЛАХ И О ПРЕЛЕСТИ

ПОМНИ два помысла и бойся их. Один говорит: ты — святой, другой: ты не спасешься. Оба эти помысла от врага, и нет в них истины. Но ты думай: я — великий грешник, но Господь Милостивый, Он много любит людей и простит мне грехи мои.

Верь так, и будет тебе это: простит Господь. Но на подвиги свои не надейся, хотя бы ты и много подвизался. Один подвижник мне говорил: «Я непременно должен быть помилован, потому что кладу столько поклонов каждый день», но когда пришла смерть, то он порвал на себе рубашку.

Так не за подвиги наши, а туне, по благости Своей, милует Бог. Господь хочет, чтобы душа была смиренна, незлобива и всех с любовью прощала: тогда и Господь простит с радостью. Господь любит всех, и мы должны подражать Ему и любить всех, и если немощны, то просить, и Господь не откажет и поможет Своею благодатью.

* * *

Еще послушником познал я любовь Божию; и она — неописуема. Душа чувствует, что она с Богом и в Боге, и дух радуется о Господе, хотя тело

изнемогает от благости Божией. Но эту благодать можно потерять и за один плохой помысл.

С плохим помыслом входит в нас вражия сила, и тогда омрачается душа, и злые мысли терзают ее, чувствует тогда человек свою погибель и видит, что без благодати Божией он — грешная и немощная земля.

* * *

Душа, познавшая Господа, долгим опытом научается, что если человек живет по заповеди, то он хотя бы и немного, но чувствует благодать в себе и имеет дерзновение в молитве; но если согрешит одним помыслом и не покается, то благодать скрывается, и душа тогда скучает и плачет пред Богом.

Так всю жизнь душа проводит в борьбе с помыслами. Но ты не унывай от борьбы, ибо Господь любит мужественного борца.

* * *

Злые помыслы мучают гордую душу, и покамест она не смирится, не узнает покоя от них. Когда плохие помыслы осаждают тебя, то взывай к Богу подобно Адаму: «Господи, Творец мой и Создатель. Ты видишь — душа моя в терзании от плохих мыслей... Помилуй меня». И когда стоишь пред лицом Владыки, то крепко помни, что все прошения твои, если они полезны, Он исполнит.

Туча пришла, закрыла солнце, и наступил мрак. Так за один гордый помысл душа теряет благодать, и находит на нее мрак. Но также за один смиренный помысл опять приходит благодать. Я испытал это на себе.

* * *

Знай, что если помысл твой уклоняется следить за людьми, кто как живет, то это признак гордости.

Внимай себе. Наблюдай за собою — и увидишь: как только душа превознесется пред братом, так вслед за этим приходит плохой помысл, который неугоден Богу, и чрез это душа смиряется. А если не смирится, то придет некое малое искушение. Если опять не смирится, то начнется бурная брань. Если же опять не смирится, то впадет в некий малый грех. Если и тогда не смирится, то будет большой грех. И так до тех пор будет грешить, покамест не смирится. Но как только покается, так Милостивый Господь даст душе мир и умиление, и тогда пройдет все плохое и уйдут все помыслы. Но после держи смирение всеми силами, иначе опять впадешь в грех.

* * *

Видя, что душа не укрепилась в смирении, Господь отнимает благодать, но ты не падай духом от этого: благодать в тебе, но скрыта. Ты приучи себя отсекать помыслы сразу. А если когда забудешься и не отгонишь сразу, то принеси покаяние. Потрудись над этим, чтобы приобрести привычку. Душа имеет привычку: как привыкнешь, так и будешь делать потом всю жизнь.

У благого человека — благие помышления; а у злого — злые; но каждый должен научиться бороться с помыслами и из плохих вырабатывать добрые. Это признак опытной души.

Ты спросишь, как это бывает?

А так: как живой человек чувствует, когда ему холодно или когда ему жарко, так и познавший опытом Духа Святого — слышит, когда в душе его есть благодать и когда приходят злые духи.

Господь дает душе разум познавать Его пришествие, и любить Его, и творить волю Его. Также и помыслы от врага душа узнает не по внешнему виду их, а по действию на душу.

Опытом это познается; а кто не имеет опыта, того враги легко обманывают.

* * *

Враги пали гордостью, и нас влекут туда же, и приносят нам помыслы похвалы. И если душа примет похвалу, то благодать отступит, покамест не смирится душа. И так всю жизнь человек будет учиться смирению Христову, и, покуда не научится, не познает душа покоя от помыслов и не сможет молиться чистым умом.

* * *

Кто хочет чисто молиться, тот не должен знать никаких газетных новостей, не должен читать плохих книг или любопытно знать что-либо из жизни других. Все это приносит в ум много нечистых мыслей, и когда человек хочет в них разобраться, то они все больше и больше запутывают и томят душу.

* * *

Когда душа научится любви от Господа, то ей жалко всю вселенную, всякую тварь Божию, и она молится, чтобы все люди покаялись и приняли благодать Святого Духа. Но если душа теряет благодать, то отходит от нее любовь,

ибо без благодати Божией невозможно любить врагов, и тогда от сердца исходят помышления злые, как говорит Господь (Мф. 15, 19, Мк. 7, 21–22).

* * *

Хорошо знай, что если тебя мучают плохие помыслы, то значит ты не смирен. Господь сказал: «*Научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим*» (Мф. 2, 29).

Без смирения Христова душа никогда не будет покойна в Боге, но всегда будет волноваться разными помыслами, которые не дадут ей созерцать Бога.

Блажен, кто смирил себя, ибо он обрел совершенный покой в Боге. Я доселе каждый день прошу у Господа смирения, ибо душа моя научена Духом Святым, что есть смирение Христово, и потому жажду стяжать его.

О Христово смирение! Кто вкусил тебя, тот рвется к Богу день и ночь ненасытно.

* * *

О, как я немощен! Пописал немного, и уже утомился, и тело ищет покоя. И Господь на земле во плоти познал немощь человеческую; и Он Милостивый — и утомлялся от пути, и спал на корабле во время бури; а когда ученики разбудили Его, то повелел утихнуть морю и ветру, и стала тишина великая.

Так и в душе у нас, когда мы призываем святое имя Господне, бывает великий мир.

О Господи, дай нам хвалить Тебя до последнего издыхания.

* * *

В прелесть человек попадает или по неопытности, или от гордости. И если по неопытности, то Господь скоро исцеляет, а если по гордости, то долго будет страдать душа, доколе не научится смирению, и тогда исцелит ее Господь.

В прелесть мы попадаем, когда думаем, что мы умнее и опытнее других, и даже духовника. Так я по неопытности подумал, и за это пострадал, и очень благодарю Бога, что Он этим смирил и вразумил меня и не отнял у меня Своей милости. И теперь я думаю, что без исповеди духовнику невозможно избавиться от прелести, потому что духовникам дана от Господа власть решить и вязать.

* * *

Если увидишь свет внутри себя или снаружи себя, то не верь ему, если вместе со светом нет в тебе умиления к Богу и любви к ближнему; но и не убойся и смири себя, и свет этот исчезнет.

Если видишь видение какое-либо, или образ, или сон, то не доверяйся ему, потому что если оно от Бога, то Господь и вразумит. Душа, не познавшая вкусом Духа Святого, не может понять видения, откуда оно. Враг дает душе некую сладость, смешанную с тщеславием, и посему узнается прелесть.

Отцы говорят, что при вражеском видении душа почувствует смущение. Но это только смиренная душа, которая не считает себя достойною видения, при вражеском действии почувствует или смущение, или страх, а тщеславный может не испытать ни страха, ни даже смущения, потому что он хочет видений и считает себя достойным, и потому враг легко обманывает его.

Небесное познается Духом Святым, а земное — умом; но кто хочет познать Бога своим умом от науки, тот в прелести, ибо Бог познается только Духом Святым.

Если ты видишь умом бесов, то смиряй себя и старайся не видеть, но скорей иди к духовнику или старцу, которому ты предался. Все говори духовнику, и тогда Господь помилует тебя, и избежишь прелести. А если подумаешь, что ты в духовной жизни знаешь больше духовника и перестанешь говорить ему на исповеди, что с тобою бывает, то за гордость эту непременно попустится тебе некая прелесть ради вразумления.

* * *

С врагами борись смирением.

Когда видишь, что с твоим умом борется другой ум, то смирись, и брань прекратится.

Если случится — увидишь бесов, то не убойся, но смири себя, и бесы исчезнут, а если тобою овладеет страх, то не избежишь некоторого вреда. Будь мужествен. Помни, что смотрит на тебя Господь, надеешься ли ты на Него.

Если ты попал в прелесть и хочешь избавиться от нее, то не отчаивайся, потому что любит Господь людей и даст тебе поправиться, и не будешь иметь покой от помыслов, которые приносят враги. Но, чтобы душа обрела покой от бесов, нужно смирить себя и говорить: «Я хуже всех, я хуже всякого скота и зверя», — и чисто исповедоваться священнику, и тогда отходят бесы.

* * *

Как люди входят в дом и выходят из него, так и помыслы от бесов приходят и снова могут уйти, если ты их не принимаешь.

Если помысл тебе говорит — укради и ты послушаешься его, то тем самым ты дал над собою власть бесу.

Если помысл тебе говорит — ешь много, досыта, и ты будешь есть много, то опять бес взял власть над тобою. И так если будет владеть тобою помысл всякой страсти, то ты станешь жилищем бесов. Но если воспримешь должное покаяние, то они затрепещут и вынуждены будут отойти.

* * *

Когда мы плачем о грехах и смиряем душу, то не имеем видений, и душа их не желает, а когда оставим плач и смирение, то можем увлечься ими.

Долго я не знал, почему надо сокрушаться, раз Господь простил грехи. А потом понял, что кто не имеет сокрушения, не может устоять в смирении, ибо злые духи горды, они и нам внушают гордость, а Господь учит кротости, смирению и любви, чрез это душа обретает покой.

В нашей брани нужно быть мужественным. Господь сказал Пророку Иеремии: «Иди, проповедуй, и будь мужественным, а то Я тебя накажу». «*Скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их*» (Иер. 1, 17).

Господь любит душу мужественную и мудрую, а если у нас нет ни того, ни другого, то надо просить у Бога и слушаться духовников: в них живет благодать Святого Духа. Особенно человек, ум которого повредился от бесовского действия, не должен доверять себе ни в чем, но слушать духовника.

Душевные бедствия происходят с нами от гордости, а телесные часто попускаются от Бога по любви к нам, как это было с многострадальным Иовом.

Распознать в себе гордость — очень трудно. Но вот тебе признаки: если на тебя нападают враги (бесы) или мучают плохие помыслы, то это значит, что в тебе нет смирения, и потому, хотя бы ты и не понимал своей гордости, — смиряйся.

Если ты раздражительный, или, как говорят, нервный, то это сущая беда. Если кто страдает припадками или страхованиями, то эти болезни врачуются смиренным духом и покаянием и тем, чтобы любить брата своего и любить врагов.

XVIII

АДАМОВ ПЛАЧ

АДАМ, отец вселенной, в раю знал сладость любви Божией и потому, когда был изгнан из рая за грех и лишился любви Божией, горько страдал и с великим стоном рыдал на всю пустыню. Душа его терзалась от мысли: «любимого Бога я оскорбил». Не так жалел он о рае и красоте его, как о том, что лишился любви Божией, которая ненасытно каждую минуту влечет душу к Богу.

Так всякая душа, познавшая Бога Духом Святым, но потом потерявшая благодать, испытывает Адамово мучение. Больно душе, и сильно жалеет она, когда оскорбит любимого Господа.

Скучал Адам на земле, и горько рыдал, и земля была ему не мила. Он тосковал о Боге и говорил:

«Скучает душа моя о Господе и слезно ищу Его. Как мне Его не искать? Когда я был с Ним, душа моя была весела и покойна, и враг не имел ко мне доступа; а теперь злой дух взял власть надо мною, и колеблет, и томит душу мою, и потому скучает душа моя о Господе даже до смерти, и рвется дух мой к Богу, и ничто на земле не веселит меня, и ничем не хочет душа моя утешиться, но снова хочет видеть Его и насытиться Им. Не могу забыть Его ни на минуту, и томится душа моя по Нему, и от множества скорби стоном плачу я: “Помилуй мя, Боже, падшее создание Твое”».

Так рыдал Адам, и слезы лились по лицу его на грудь и землю, и вся пустыня слушала стоны его; звери и птицы замолкали в печали; а Адам рыдал, ибо за грех его все потеряли мир и любовь.

Велика была скорбь Адама по изгнании из рая, но когда он увидел сына своего Авеля, убитого братом — Каином, то еще большею стала скорбь его, и он мучился душою, и рыдал, и думал: «от меня произойдут и размножатся народы, и все будут страдать и жить во вражде и убивать друг друга». И эта скорбь его была велика, как море, и понять ее может только тот, чья душа познала Господа и как много Он нас любит. И я потерял благодать и вместе с Адамом зову: «Милостив буди мне, Господи. Даруй мне духа смирения и любви».

О любовь Господня! Кто познал тебя, тот неустанно ищет тебя день и ночь и кричит:

«Скучаю я по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя. Как мне Тебя не искать? Ты дал мне познать Тебя Духом Святым, и это знание Божие влечет мою душу слезно искать Тебя».

* * *

Плачет Адам:

«Не мила мне пустыня. Не милы мне высокие горы, ни луга, ни леса, ни пение птиц; ничто мне не мило. Душа моя в великой печали: я оскорбил Бога. И если бы взял меня Господь снова в рай, то и там буду скорбеть и плакать: зачем я Бога любимого оскорбил».

* * *

Адам по изгнании из рая болел душою и много слез проливал он от скорби. Так всякая душа, познавшая Господа, скучает по Нему и говорит:

«Где Ты, Господи? Где Ты, Свете мой? Почто скрыл лицо Твое от меня, и душа моя долго не видит Тебя, и скучает по Тебе, и слезно ищет Тебя».

«Где Господь мой? Почто не вижу Его в душе моей? Что мешает Ему жить во мне? Значит, нет во мне Христова смирения и любви к врагам».

* * *

Бог есть ненасытная любовь, и описать ее невозможно.

Ходил Адам по земле, и от многих болезней сердца своего плакал, а умом помышлял о Боге, и когда изнемогало тело его и не мог он уже проливать слезы, то дух его и тогда горел к Богу, ибо не мог он забыть рай и красоту его; но еще больше душа Адама любила Бога и влеклась к Нему силою самой любви.

О Адам, я пишу, но ты видишь, слабый ум мой не может разуметь, как скучал ты о Боге и как нес труд покаяния.

О Адам, ты видишь, я, чадо твое, страдаю на земле. Мало во мне огня, и едва не потухает любовь моя.

О Адам, пропой нам песнь Господню, да возвеселится душа моя о Господе, и да подвигнется хвалить и славить Его, как хвалят Его на небесах Херувимы и Серафимы и как все чины небесных ангелов поют Ему трисвятую песнь.

О Адам, отец наш, пропой нам песнь Господню, чтобы слышала вся земля и все сыны твои подняли умы свои к Богу, и усладились звуками небесной песни, и забыли горе свое на земле.

* * *

Дух Святой есть любовь и сладость души, ума и тела. И кто познал Бога Духом Святым, те ненасытно день и ночь рвутся к живому Богу, ибо любовь Божия зело сладка. Но когда душа теряет благодать, то снова слезно ищет Духа Святого.

А кто не познал Бога Духом Святым, тот не может слезно искать Его, и душа его всегда бывает борима страстями; ум его помышляет земное и не может прийти в созерцание и познать Иисуса Христа. Он познается Духом Святым.

Адам знал Бога и рай и по падении слезно искал Его.

О Адам, отец наш, скажи нам, сынам твоим, о Господе. Твоя душа знала Бога на земле, знала и рай, и сладость его, и веселие, и ныне ты живешь на небесах и видишь славу Господню. Скажи нам, как прославляется Господь наш за Свои страдания, и как поются песни на небесах, и коль сладки эти песни, ибо поются они Духом Святым.

Скажи нам о славе Господней, и сколь милостив Он, и как любит Он Свое создание.

Скажи нам и о Пресвятой Богородице. Как Она величается на небесах и какими песнями ублажается.

Скажи нам, как радуются там Святые и как сияют они от благодати; как любят они Господа, и в каком смирении предстоят они Богу.

О Адам, утешь и обрадуй наши скорбные души. Расскажи нам, что видишь ты на небесах... Что же ты молчишь?.. Ведь вся земля скорбит... Или ты от любви Божией не можешь и вспомнить про нас?

Или ты видишь Богородицу во славе, и не можешь оторваться от видения, и не хочешь нам скорбящим слово ласки сказать, чтобы мы забыли горе на земле?

— О Адам, отец наш, ты же видишь скорбь сынов твоих на земле. Что же ты молчишь?

Говорит Адам:

— Дети мои, не трогайте меня. Я не могу оторваться от любви Божией и говорить с вами. Душа моя уязвлена любовью Господней и веселится о красоте Его, и как могу я помнить землю? Живущие пред Лицем Владыки не могут помышлять земное.

— О, Адам, отец наш, оставил ты нас, сирот твоих. А ведь мы в горе на земле. Скажи нам, что делать, чтобы угодить Богу? Посмотри на чад твоих, рассеянных по земле, рассеянных умом своим. Многие забывают Бога, во тьме живут и идут в пропасти ада.

— Не беспокойте меня. Я вижу Божию Матерь во славе, и как могу я оторваться и говорить с вами? Я вижу святых Пророков и Апостолов; и все они похожи на Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия.

Я хожу по райским садам и всюду вижу славу Господню, ибо Господь во мне и сделал меня подобным Себе. Так прославляет Господь человека, что творит его подобным Себе.

— О Адам, ведь мы дети твои. Скажи нам, скорбящим на земле, как унаследовать рай, чтобы и мы, подобно тебе, видели славу Господню. Душа наша скучает о Господе, ты же на небесах живешь и радуешься славе Господней. Молим тебя — утеши нас.

— Что вопиете ко мне, дети мои? Господь любит вас и дал вам заповеди. Соблюдайте их, любите друг друга — и обрящете покой в Боге. Кайтесь на всякий час в прегрешениях своих, чтобы могли мы встретить Господа. Господь сказал: «Любящие Мя — люблю, и прославляющие Мя — прославлю».

— О Адам, молись за нас, детей твоих. От многих скорбей печальна душа наша.

* * *

«О Адам, отец наш, ты живешь на небесах и видишь Господа, сидящего во славе одесную Бога-Отца. Ты видишь Херувимов и Серафимов и всех Святых и слышишь песни небесные, от сладости которых душа твоя забыла землю. Мы же печальны на земле и много скучаем о Боге. Мало в нас огня, чтобы пламенно любить Господа. Внуши нам, что должны мы делать, чтобы рай обрести?»

Отвечает Адам:

— Не троньте меня, дети мои, ибо я от сладости любви Божией не могу вспомнить про землю.

— О Адам, скучают души наши, и скорби отяготили нас. Скажи нам слово утешения. Пропой нам от песней, которые ты слышишь на небесах, дабы слышала их вся земля, и люди забыли горе свое... О Адам, мы печальны зело.

— Не троньте меня. Время моих скорбей прошло. От красоты рая и сладости Духа Святого я не могу уже помнить землю. Но скажу вам: любит вас Господь, и вы живите в любви, будьте послушны властям, смиряйте свои сердца, и Дух Божий будет жить в вас. Он приходит в душу тихо, и дает ей мир, и свидетельствует спасение без слов. Пойте Богу в любви и смирении духа, ибо Господь радуется этому.

— О Адам, отец наш, что же нам делать? Мы поем, но нет в нас любви и смирения».

— Кайтесь пред Господом и просите. Он любит человека и все даст. И я много каялся и много скорбел за то, что Бога оскорбил, что за грех мой потерян мир и любовь на земле. Слезы мои текли по лицу и мочили грудь и землю; и пустыня слушала стоны мои. Вы не можете разуметь моей скорби, ни того, как рыдал я о Боге и рае. В раю я был радостен и весел: Дух Божий веселил меня, и я не знал никаких страданий. Но когда я был изгнан из рая, то холод и голод стали мучить меня, звери и птицы, которые были кротки в раю и любили меня, одичали, стали бояться и бежать от меня. Меня терзали злые мысли; меня опаляли солнце и ветер, меня мочил дождь; меня мучили болезни и все скорби земли, но я все терпел и крепко уповал на Бога.

И вы несите труды покаяния: возлюбите скорби, иссушите свои тела, смирите себя и любите врагов, чтобы вселился в вас Дух Святой, и тогда познаете и обретете Небесное Царство.

А меня не трогайте: ныне от любви Божией я забыл землю и все, что на ней, я забыл даже потерянный мною рай, ибо вижу славу Господню и славу Святых, которые от света лица Божия и сами сияют, подобно Ему.

— О Адам, пой нам небесную песню, чтобы слушала вся земля и усладилась миром любви к Богу. Мы хотим слышать эти песни, они сладки, ибо поются Духом Святым».

* * *

Адам потерял земной рай и плача искал его. «Рай мой, рай, прекрасный мой рай». Но Господь любовью Своею на кресте дал ему иной рай, лучший прежнего, на небесах, где Свет Святой Троицы. Что воздадим мы Господу за любовь Его к нам?

XIX

ПОВЕСТВОВАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ ОПЫТЕ И О НЕКОТОРЫХ ВСТРЕЧАХ И БЕСЕДАХ С ПОДВИЖНИКАМИ

С ДЕТСТВА душа моя любила размышлять, как вознесся Господь на небо на облаках и как Божия Матерь и Святые Апостолы видели сие вознесение. Но когда я потерял благодать Божию (в годы юности), то душа моя одичала, и пленилась грехами, и уже редко вспоминала о Вознесении Господнем. Но потом познала душа моя грехи свои, и опечалился я зело о том, что Господа оскорбил и потерял дерзновение к Богу и Божией Матери, и омерзел мне грех, и решил я пойти в Монастырь — просить у Бога прощения, и положил в душе — умолить Бога, дабы Милостивый Господь простил мне грехи мои.

По окончании военной службы поступил я в монастырь, и вскоре напали на меня помыслы и гнали снова в мир, жениться, но я решительно сказал в душе: «Умру здесь за грехи мои». И стал я крепко молиться, чтобы простил мне Господь множество грехов моих.

В одно время напал на меня дух отчаяния; мне казалось, что Бог отринул меня вконец и уже нет мне спасения, но ясно видится в душе вечная погибель. И ощутил я в душе, что Бог немилосерд и неумолим. Продолжалось это со мною час или немного более. Дух этот такой тяжелый и томительный, что страшно о нем и вспоминать. Душа не в силах понести его долго. В эти минуты можно погибнуть на всю вечность. Попустил Милостивый Господь духу злобы сделать такую брань с моею душою.

Прошло мало времени; я пошел в церковь на вечерню и, глядя на икону Спасителя, сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного». И с этими словами увидел на месте иконы живого Господа, и благодать Святого Духа наполнила душу мою и все тело. И так я Духом Святым познал, что Иисус Христос есть Бог; и я сладко желал страданий за Христа.

* * *

С тех пор как познал я Господа, душа моя влечется к Нему, и ничто меня более не веселит на земле. Но единое мое веселие — Бог. Он — моя радость; Он — моя сила; Он — моя премудрость; Он — мое богатство.

* * *

Боже, просвети нас Духом Твоим Святым, чтобы все мы поняли Твою любовь.

Господь показал нам на разбойнике и на блудном сыне, как Он с любовью идет навстречу кающемуся грешнику. Сказано, что «отец увидал его издалека и мил ему бысть, и побежав, пал на шею его и облобызал его» и не укорил его ни в чем, но заколол тельца упитанного и велел веселиться. Такова милость и любовь Божия. Но грешному человеку Господь кажется немилосердным, потому что в душе его нет благодати.

* * *

Один послушник у нас на Афоне, в Русском Пантелеимоновском монастыре привык непрестанно молиться Богу, дабы простил ему грехи. И стал он рассуждать о Царствии Небесном, и думал: «Я, быть может, спасусь, если буду усердно просить Бога, чтобы простил Он мне грехи, но если в раю я не увижу своих родителей, то буду о них скорбеть, ибо я их люблю. Какой же это будет для меня рай, если я буду там скорбеть за своих родных, которые, быть может, находятся во аде?»

Сей грешный послушник думал о Царстве Небесном: «Как на земле не весел бывает праздник, если нет родителей или родных, так и в раю, если не буду видеть родных, которых я люблю, то буду скорбеть».

Так думал он с полгода. И в один день во время вечерни послушник возвел глаза свои на икону Спасителя и немного молился, произнося всего пять слов: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного», и видит, икона стала живым Спасителем, и наполнилась душа и тело послушника неизреченной сладости, и душа Духом Святым познала Господа нашего Иисуса Христа, и Господь милостив, и красоты и кротости неизреченной, и вразумилась душа, что от любви Божией не может человек помнить ни про кого, и с тех пор горит душа его любовью ко Господу.

* * *

Слава, Господи, Твоему милосердию, Ты даешь душе познать, как Ты любишь Свое создание, и душа познала Своего Владыку и Творца.

Господь дал душе человека довольное познание Себя, и душа возлюбила Творца своего и рада зело. «Милостив наш Господь». И на сем пределе кончается мысль.

Душа довольна Владыкою. Он дает ей покой, и земля забыта Богом (т. е. пребывая в Боге), и только Единого Господа любит душа, и ни в чем ином, кроме Создателя, не обретает покоя, но по временам проливает горячие слезы: «зачем столь Милостивого Бога я оскорбил?»

* * *

Грешную душу Господь позвал на покаяние, и она обратилась к Господу, и Он милостиво принял ее и явил ей Себя.

И душа человека познала Бога, Бога милостивого, и щедрого, и сладчайшего, и возлюбила Его до конца, и рвется к Нему ненасытно по множеству жара любви, и не может забыть Его, ибо сей жар любви к Богу не дает душе забыть Его ни днем ни ночью ни на одну секунду.

И если умаляется в душе благодать, то не знаю, чему уподобить тогда печаль души: о, как просит она у Бога снова той благодати, которую вкусила.

* * *

Для меня то дивно, что Господь не забыл меня, падшее создание Свое. Некоторые отчаиваются, думая, что Господь не простит им грехов. Такие мысли от врага. Господь так много милостив, что мы постигнуть этого не можем. Чья душа исполнилась любви Божией в Духе Святом, тот знает, как любит Господь человека. Но, когда душа потеряет эту любовь, то скорбит и скучает, и ум ни на чем не хочет остановиться, но ищет только Бога.

* * *

Один дьякон мне рассказал:

«Явился мне сатана и говорит: “Я люблю гордых, и они принадлежат мне. Ты гордый, и я возьму тебя”. Но я ответил сатане: “Я — хуже всех»; и сатана стал невидим”.

И я испытал подобное, когда явились ко мне бесы. Я немного испугался, но сказал:

— Господи, Ты видишь, что бесы не дают мне молиться. Внуши мне, что я должен сделать, чтобы бесы отошли от меня.

И Господь говорит в душе моей:

— Горделивые души всегда страдают от бесов.

И я сказал:

— Господи, вразуми меня, что должен я помышлять, чтобы душа моя была смиренна.

И получаю ответ в душе:

— Держи ум свой во аде и не отчаивайся.

С тех пор я стал так делать, и душа моя обрела покой в Боге.

* * *

Душа моя от Господа учится смирению. Господь непостижимо явился мне и усладил душу мою любовью, но потом скрылся, и она теперь влечется к Нему день и ночь. Он — Милостивый, Добрый Пастырь взыскал меня, овцу Свою, уже раненную волками, и разогнал их.

Знает душа моя милость Господа к грешному человеку, и истину пишу пред лицом Божиим, что все мы грешные спасемся, и ни одна душа не погибнет, если покается, ибо Господь так благ по естеству, что невозможно описать этого никаким словом.

Обратись ко Господу душой и скажи: «Господи, прости меня», и не думай, что Господь не простит: Его милость не может не прощать, и Он сразу прощает и освящает. Так Дух Святой учит в нашей Церкви.

Господь есть любовь. «*Вкусите и видите, яко благ Господь*», — говорит Писание (Пс. 33). Душа моя вкусила сию благость Господню, и рвется дух мой к Богу день и ночь ненасытно. Стану писать о любви Божией, сытости не знаю в этом, ибо пленяется душа моя памятью о Боге Вседержителе.

* * *

От Духа Святого истекает любовь, и без этой любви никто не может разуметь о Боге, как должно. Духом Святым познается любовь Божия к нам, которую изливает Господь на Своих рабов, чтобы молились они за народ. И я не знал бы этого, если бы не научила меня благодать. Но вы не подумайте, что я в сильной благодати или что я — в прелести. Нет. Я только познал благодать в совершенстве, а живу хуже последнего темного мужичка. Я — схимонах, но недостоин этого звания. У меня только желание спастись, подвигов же нет никаких. Но Господь дал мне вкусить благодать Святого Духа, которая учит душу знать путь Божий, ведущий в Царствие Небесное.

* * *

Скорблю я, что живу нерадиво, но лучше не могу. Знаю, что я скудоумный, малограмотный и грешный, но вот Господь любит и таких, и потому всею силою влечется душа моя работать Ему.

О, какая милость Божия! Я такой мерзкий и скверный человек, а Господь так (много) любит меня. Но Он — Сама Любовь, и всех так любит, и милостиво зовет к Себе: «*Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас*». Сей покой в Духе Святом получает смиренная душа за покаяние.

Мы теперь последние монахи. Но и ныне есть еще немало подвижников, которых скрыл Господь тем, что они не творят явных чудес, но в душах их каждый день совершаются дивные чудеса, только люди не умеют их видеть. Вот чудо: когда душа склоняется на гордость, то впадает в омрачение и уныние, а когда смирится, то приходит радость, и умиление, и свет.

Кто не подвизается, кто нечисто кается, тот этого не знает, тот не ощущает благодать. Но Господь дал милостиво людям покаяние, и покаянием спасаются все без исключения.

* * *

Тем, кто имеет благодать, враги приносят похвалы, и когда душа прельстится ими, то теряет чрез то благодать. И слышит душа, что благодать уходит, но в начале не понимает, что это за гордость, и только после долгой борьбы научается смирению.

* * *

Когда я теряю благодать, то зело печалюсь душой и говорю: «Зачем прослушанием потерял я Господа? О, когда снова насытится душа моя любовью Божиею? Когда снова возрадуется она о Господе? Когда снова возвеселится сердце мое и наполнится премудрости Божией, чтобы любил Он меня, как возлюбил Пророка Давида за кротость его или Моисея за то, что он был верен в дому Господнем?» (Евр. 3, 5).

* * *

Господь бесконечно много нас любит. Это видно из Святого Писания и из личного опыта. Душа моя грешит день и ночь помышлением, но как только скажу: «Прости мне, Господи, ибо я немощен зело, и даруй мне мир Твой, который Ты даешь Своим рабам», то тотчас душа обретает мир.

* * *

Господь говорит: «*Блаженны миротворцы*». И я подумал: частию буду безмолвствовать, а частию людей умиротворять. И поселился я близ одного расстроенного брата, схимонаха..., и стал, беседуя с ним, уговаривать его, чтобы жил он в мире со всеми и всем прощал. Он немного потерпел, а потом так восстал на меня, что я и келлию бросил, и едва убежал от него, и много плакал пред Богом, что мир не сохранился. И понял я, что надо искать волю Божию и жить так, как хочет Господь, а не самому выдумывать себе подвиги. И я много в этом ошибался. Читаю, — будто бы хорошо так сделать, а на деле выходит иначе.

Трудно жить без старца. Неопытная душа не разумеет воли Божией, и много скорбей перенесет она прежде, чем научится смирению.

* * *

В самом начале, когда я был молодым послушником, я сказал духовнику, что я принял блудный помысл, и духовник мне ответил: «Никогда не принимай»; и с тех пор прошло сорок пять лет, и я ни разу не принял блудного помысла, ни разу ни на кого не прогневался, ибо душа моя помнит любовь Господню и сладость Духа Святого, и я забываю обиды.

* * *

Лет пятнадцать тому назад отец игумен (архимандрит Мисаил) посылал Отца С... на судно, но он отказался; сказал: «Не поеду». Тогда игумен его спросил: «Куда же ты хочешь?» Отец С... говорит: «Лес рубить», и когда пошел, то вскоре упало на него дерево, и он долго потом лежал в больнице и каялся за свое преслушание.

Так вот и я однажды выпросил себе послушание по своей воле. Я был в экономии и захотел пойти на безмолвие в Старый Русик. Там был всегда пост; всю неделю ели без масла, кроме субботы и воскресения, и из-за поста мало туда ходило народу. Архондаричным (гостиником) был тогда отец Серапион, который кушал только хлеб и воду; а после него архондаричным стал отец Онисифор. Этот многих людей привлек к себе кротостью, и смирением, и даром слова. Он был такой кроткий и смиренный, что и без слов, только смотря на него, будешь исправляться, такой у него был спокойный и здравый характер. Я с ним прожил много времени. Схимонах Савин — семь лет не ложился на койку. Отец Досифей был во всем примерный монах. Отец Анатолий,

схимонах, имел дар покаяния. Он мне сказал: «Много лет я не знал, как действует благодать, а теперь знаю». Получил он благодать во время трапезы.

Там же был схимонах отец Израиль. Он видел Божию Матерь. Был он очень старый, и когда жил еще в России, то ходил к преподобному Серафиму Саровскому и видел его живым еще. Жил отец Израиль в том самом домике, где теперь кипера (огороды); там была трава, и мы ее косили. Однажды пошел я к нему; он сидел на лавочке под зеленым дубом. Росту он был высокого; сам сухой; сидит, четка в руках. Я был молодой монах, подошел к нему, низко с благоговением поклонился и говорю: «Благослови, отче». А он ласково сказал: «Бог тебя благословит, чадо Христово». Я и говорю ему: «Батюшка, вот вы один; хорошо вам здесь умною молитвою заниматься». А он отвечает: «Молитва дура не бывает, а вот мы-то дураки». Мне стало стыдно, и я не посмел его более спрашивать, но и смысла его слов не понял. После уже понял я, что «мы-то — дураки», потому что жить, как должно, и работать Богу не умеем. Кроме старца Израиля, у нас в монастыре были еще двое, которые ходили к преподобному Серафиму: отец Савин и отец Серафим; они были тамбовские.

Вот к этим подвижникам захотел я пойти, с ними жить, и силою выпросился у игумена, оставив экономию. Но Богу было не угодно, чтобы я там жил, и через полтора года снова меня взяли на старое послушание, так как я имел опыт по постройкам; а за самочиние наказал меня Господь, и на Русике я простудил себе голову, и до сих пор она постоянно болит.

Так надо волю Божию узнавать чрез игумена, а не самому настаивать на чем-либо.

* * *

Любовь Божия дает силы всю ночь пребывать на молитве, а вот я немощный изнемог от головной боли и должен отдыхать. Дана мне головная боль за то, что я настоял на своем желании и вышел из экономии на пустыню, чтобы иметь больше свободы для молитвы; но Господь хотел, чтобы я всю жизнь в монастыре был экономом.

Два раза меня ставили строителем, один раз старшим экономом, но я отказывался, и за то наказал меня Бог. После уже я понял, что каждый нужен на своем месте и все спасаются независимо от чина.

* * *

Когда собором (монастырских старцев) поставили меня экономом, на место отца Севериана, то, придя в келлию, стал я молиться:

«Господи, Ты вручаешь мне заботу о нашей большой обители, помогай мне управить этим делом».

И получаю в душе ответ: «Помни благодать Святого Духа и старайся стяжать ее».

* * *

Душа моя скорбит. Не могу от болезни служить Господу. Головная боль томит, а той благодати, которая превозмогает болезнь, нет со мною. Когда бывает большая благодать, то душа желает страданий. Так у мучеников была большая благодать, и тело их радовалось вместе с душой, когда их мучили за возлюбленного Господа. Кто испытал эту благодать, тот знает об этом, а нам надо терпеть болезнь.

Болезнь и бедность смиряют человека до конца. Пришел я к больному Отцу С-ну и говорю: «Как живешь?» А он, расстроенный от болезни, вместо ответа бросил шапку на пол. Я ему говорю: «Благодари Бога за болезнь, а то плохо будешь умирать. Вот постригут тебя в схиму, придет благодать и утешит тебя в скорби».

Когда постригли его в схиму, то на другой день я пришел к нему поздравлять и спрашиваю: «Как живешь?»; и он с радостью ответил: «Как во святом крещении дал мне Господь благодать Свою туне».

И легко уже нес он свою болезнь и скончался в мире великом, ибо сладость Духа Святого превосходит всю сладость мира.

* * *

Господь дает грешным благодать Святого Духа, и потому крепка наша вера. И чем мы отблагодарим Господа за Его любовь, которую мы ощущаем каждый день и час?

Спросил я одного молодого схимника, не потерял ли он благодать, которая дается при постриге в схиму? А он прожил в схиме 12 дней. Он сказал мне:

— Хотя я и больной, но слышу в душе моей благодать Божию.

Прошло еще дней десять, и снова спросил я его о том же, а он с веселым лицом ответил:

— Слава Богу, чувствую милость Господню.

* * *

Испытал я, когда душа моя потеряла смирение, то стал я раздражительный, но душа моя помнила смирение Христово и жаждала его; и стал я умолять Бога, чтобы простил меня и очистил от гордого духа и дал бы мне мир. И когда душа моя возненавидела грехи, то Дух Святой научил меня непрестанной молитве и любви. И, зная, насколько любит Господь народ Свой, в особенности умерших, я каждый вечер проливал за них слезы. Мне жалко, что люди лишаются такого Милостивого Господа. И однажды сказал я духовнику: «Жалко мне людей, которые мучаются во аде, и каждую ночь я плачу за них, и томится душа моя так, что жалко бывает даже бесов».

И духовник сказал мне, что эта молитва от благодати Божией.

Один подвижник спросил меня: «Плачешь ли ты о грехах своих?» Говорю ему: «Как-то мало, но за умерших много рыдаю». Тогда он говорит мне: «Ты плачь о себе, а других Господь помилует. Так сказал игумен Макарий». Послушался я и стал делать, как он мне сказал, перестал плакать за умерших, но прекратились тогда слезы и за себя.

Сказал я об этом другому подвижнику, который имел дар слез. Он любил помышлять о страданиях Спасителя, как Господь, Царь славы, так много страдал за нас, и каждый день проливал большие слезы. Спросил я этого подвижника: «Молиться ли мне об умерших?» Он вздохнул и сказал: «Я, если бы было можно, всех вывел бы из ада, и только тогда душа моя успокоилась бы и возрадовалась бы».

При этом он сделал руками движение, как бы собирал снопы на поле, и слезы текли из очей его.

После того не стал я больше останавливать молитвы за умерших, и слезы вернулись ко мне, и много рыдал я, молясь за них.

* * *

Жизнь свою я провел в добре и во грехах и узнал за шестьдесят лет, какую силу имеет привычка. И душа и ум могут приобрести привычку. И к чему привыкнет человек, то и делает. Если привыкнет ко греху, то так и будет постоянно тянуть ко греху, и бесы в том помогают; а если привыкнет к добру, то Бог ему в том содействует Своею благодатью.

Так если привыкнешь постоянно молиться, любить ближнего и плакать в молитве за весь мир, то так и будет влечься душа к молитве, слезам и любви.

И если привыкнешь давать милостыню, быть послушливым, откровенным на исповеди духовному отцу, то так и будешь всегда делать, и в этом найдешь ты покой в Боге.

* * *

Душа, которая любит осуждать людей, или непослушлива, или невоздержна, или оставила покаяние, — не может избавиться от бесовских козней и освободиться от плохих помыслов; но если плачет о грехах своих и любит брата, то Господь дает ей слезы за весь мир.

О Господи, дай мне слезы, чтобы плакала душа моя от любви к брату день и ночь!

И вот Бог слушает молитву и дает душе великие слезы.

Любит Господь наш, когда мы в молитве за людей проливаем слезы от любви, и милостиво слушает нас.

* * *

Шел я однажды полем из усть-ижорского лагеря, где летом стоял наш саперный батальон, в село Колпино, чтобы там сдать на почту деньги, которые я хотел послать на Святую Гору; по дороге прямо на меня бежала бешеная собака, и, когда она совсем приблизилась ко мне, я только сказал: «Господи, помилуй», и с этим словом какая-то сила отбросила собаку в сторону, словно она наткнулась на что-то, и, обежав меня стороной, направилась в Колпино. Там она многих искусала и много вреда причинила людям и скоту.

С этого раза я познал, как близок Господь к грешному человеку и как скоро он слушает его молитвы.

* * *

Один раз без нужды я убил муху, и она бедная ползла по земле больная с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари, и до сих пор все помню этот случай.

Как-то у меня в магазине на портарейке (балконе) завелись летучие мыши, и я облил их кипятком, и снова много пролил слез из-за этого, и с тех пор никогда не обижаю я тварь.

Однажды, идя в Старый (Нагорный) Русик из монастыря, я увидел на дороге убитую змию, порезанную на куски, и каждый кусок ее судорожно бился, и стало мне жалко всю тварь и всякое творение страдающее, и я много рыдал пред Богом.

Дух Божий учит душу любить все живое, так что и зеленого листа на дереве она не хочет повредить, и цветка полевого не хочет потоптать. Так Дух

Божий научает любви ко всем, и душа сострадает всякому существу, любит даже врагов и жалеет даже бесов, что они отпали от добра.

Потому Господь и заповедал нам любить врагов, и Дух Божий дает силу любить их. И если мы немощны и нет в нас любви, то будем горячо просить Господа, и Его Пречистую Матерь, и всех святых, и во всем поможет нам Господь, Который так много нас любит; и когда коснется Он души и тела, то все в нас изменяется, и бывает великая радость в душе, что она знает своего Творца и Его непостижимое милосердие.

* * *

Есть люди, которые привязываются к животным, и гладят их, и ласкают, и разговаривают с ними, и оставили они любовь Божию, и через то теряется любовь между братьями, за которую умер Христос в великих страданиях. Неразумно так делать. Животному и скотине дай пищу и не бей их, в этом милость к ним человека, но привязываться, любить, гладить и разговаривать — есть неразумие души.

Душа, познавшая Господа, всегда в любви и страхе предстоит Ему, и как возможно при этом любить, и гладить, и говорить со скотом, с кошками, собаками? Это значит, что забыл человек заповедь Христову любить Бога всем сердцем, всей душою, всем помышлением.

Звери, скотина и всякое животное — есть земля, а мы не должны умом привязываться к земле, но всею силою ума любить Господа, Его Пречистую Матерь, нашу Заступницу, Святых, благоговеть пред ними; они молятся за нас и печальны бывают, когда мы пренебрегаем заповедью Божию.

* * *

Однажды мне пришел помысл купить свежей рыбы. Денег своих у меня не было, но были монастырские, и я мог бы купить, но не хотел нарушать порядок своей жизни. Помысл, однако, меня увлек, и дошло до того, что и в церкви, на литургии, и там рыба на уме. Тогда понял я, что это от врага, и познал милостью Божиею, что благодать помогает мало кушать, а бес толкает на многоядение и услаждение пищею.

Три дня мучился я от этого помысла и едва отбился молитвою и слезами. Так трудно бороться даже с такими малыми помыслами.

А на метохе было со мною так: поем досыта, а через два часа могу опять есть столько же. Я стал себя взвешивать на весах, и что же — в три дня я прибавил 3

ока (4 кило). И понял я, что это искушение, ибо мы, монахи, должны иссушить свое тело, чтобы в нем не было никаких движений, которые мешают молитве. Сытое тело мешает чисто молиться, и Дух Божий не приходит в насыщенное чрево. Впрочем, надо знать меру поста, чтобы не ослабеть безвременно, и тогда не сможешь нести послушание. Знал я одного послушника, который иссушил себя постом, но ослабел и помер преждевременно.

* * *

Помню, стоял я на вечерне в Покровском соборе. Духовник, отец Н., читал акафист. Смотря на него, я подумал: иеромонах толстый, не может класть низко поклоны. В эту секунду я сам стал делать поклон, и вдруг кто-то невидимо ударил меня в поясницу, я хотел крикнуть: «Поддержите меня», но не смог от сильной боли.

Так Господь милостиво наказал меня и этим вразумил — никого не осуждать.

* * *

Однажды после молитвы сел я и думаю: неохота мне помирать. И говорю: Господи, Ты видишь сердце мое, что не хочется мне помирать. Когда кто-нибудь долго не видит родителей своих, то с радостью идет к ним, а Тебя, Милостивый Господи, душа моя знает, и все же неохота мне помирать. И получаю ответ в душе: это потому, что ты мало любишь Меня.

И действительно, мало я люблю Господа.

* * *

Рассказывал отец Лазарь — капитан.

Один мужик поехал в лес за дровами. Утомившись от трудов, он лег отдохнуть под большим дубом и, снизу смотря на ветви дуба и видя на нем множество крупных желудей, подумал: «Было бы лучше, если бы на дубе росли тыквы». С этой мыслью закрыл он глаза, и вдруг упал один желудь и больно ударил его по губам. Тогда мужик и говорит: «Я ошибся, Бог умнее меня и хорошо устроил, что на дубе желуди, а не тыквы. Будь это тыква, она меня убила бы своею тяжестью».

Так часто все мы осуждаем творение Божие, вместо того чтобы предаваться на волю Божию. Кто предался Его святой воле, тот покоен, а кто своим умом пытается все постигнуть, тот неискусен в духовной жизни, Чтобы познавать волю Божию, нужно покориться ей, и тогда Господь Своею благодатью

будет вразумлять и легко станет жить. И хотя бы болен был тот человек или беден, но радостно будет на душе, потому что здоров он и душой, и разумом, и умом зрит он Господа, и во смирении духа любит Его, и от любви той забывает мир; а если и помнит, то любовь Божия понуждает его молиться за мир, и даже до слез.

Такой приятный путь Господень для духа нашего.

* * *

Недавно был пожар на келлии Св. Стефана. Монах этой келлии, когда загорелся корпус, был снаружи, и, чтобы спасти какие-то вещи, он бросился вовнутрь и сгорел сам. А если бы он помолился Господу и сказал: «Господи, хочу спасти такую-то вещь, внуши мне, могу ли я это сделать?», то Господь непременно известил бы его, и сказал бы «иди», если можно, и «не иди», если нельзя. Так близок к нам Господь, и так много Он нас любит.

В жизни своей я много раз в час беды спрашивал Господа, и всегда получал ответ. Эту любовь мы постигли не своим умом, но милосердием Божиим от благодати Святого Духа. Быть может, кто-нибудь скажет, что так бывает только со святыми, но я говорю, что и самых грешных любит Господь и дает Свои милости, лишь бы отвратилась душа от греха, и Господь с великою радостью принимает ее в свои объятия и ко Отцу приносит, и радуются тогда о ней все небеса.

* * *

14-го сентября 1932 года на Афоне было сильное землетрясение. Произошло оно ночью, в четвертом часу (в переводе на европейское время — 9 часов вечера) , во время бдения на Воздвижение. Я стоял на хорах, близ исповедальни отца наместника, а сам наместник стоял рядом со мной, вне исповедальни. В исповедальне с потолка упал кирпич и посыпалась штукатурка. Сначала я немного испугался, но скоро успокоился и говорю наместнику: «Вот Милостивый Господь хочет, чтобы мы каялись». И смотрели мы на монахов, и внизу в храме, и на хорах, и мало кто испугался, человек шесть приблизительно вышло из Церкви, а остальные оставались на месте, и бдение продолжалось своим порядком, и так тихо, как будто ничего не случилось. И думал я: как много благодати Святого Духа в монахах, что при столь сильном землетрясении, когда трепетал весь огромный корпус монастырский, сыпалась известка, качались паникадила, лампады и подсвечники, на колокольне зазвонили колокола, ударил даже большой колокол от сильных сотрясений, а они

остались покойны. И думал я: «Душа, познавшая Господа, ничего не боится, кроме греха, и особенно греха гордости. Она знает, что нас любит Господь, а если Он нас любит, то чего же нам бояться. Милостивый Господь посылает нам вразумление: "Дети Мои, кайтесь и живите в любви, будьте послушливы и воздержны, и научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим"».

* * *

Однажды шел я в сербский монастырь Хиландар. Ко мне присоединился отец Николай, архондаричный (гостиник) нашего Фиваидского Скита. Шли мы ночью, зеленым лесом; путь был приятный, и беседа тоже была приятная. Мы говорили о любви к ближнему, и отец Николай мне рассказал замечательный случай.

В России, на юге, около Ростова, работала артель в 20 человек. Один из них, по имени Андрей, был очень плохого характера и поведения, так что тяжело с ним было жить. А один, самый молодой из всех, был весьма добрый человек, любил Бога и хранил заповеди Господни, звали его Николай. Когда Андрей много зла и неприятностей сделал своим товарищам, то задумали в артели его убить, но молодой Николай не соглашался на это зло и убеждал их не убивать. Не послушали артельщики Николая и убили Андрея. Убийство стало известно. Дошло дело до полиции. Тогда Николай, видя беду их, говорит им: «У всех у вас есть жены и дети, а я холостой — один. Скажите, что я убил, и я скажу тоже, что я убил; мне не трудно пойти на каторгу, и пойду я один, а вас если осудят, то сколько народу будет страдать». Сначала артельщики не отвечали, потому что стыдно им было пред Николаем, который их уговаривал не убивать, но потом все-таки Николай их убедил, и согласились все говорить, что убил Николай.

Приехали в то место начальники, прокурор, следователи, жандармы; началось следствие: кто убил? Николай говорит: «Я убил». Спрашивают других, те тоже говорят, что Николай убил. У Николая было лицо кроткое и характер смиренный, и говорил он спокойно и тихо. Следователи долго допрашивали; им не верилось, что такой кроткий и спокойный человек — убийца, но дело в суд было передано по порядку. На суде тоже всем было удивительно, что такой смиренный и ласковый человек убил, и никто из судей не хотел этому верить, несмотря на то, что Николай говорил, что он убил. И долго не могли вынести приговор судьи. У всех в суде не двигалась рука подписать ему

приговор. И снова много его допрашивали и всех прочих, чтобы выяснить тайну, и заклинали его сказать правду. Наконец Николай, невинный подсудимый, сказал, что если не будут преследовать настоящего убийцу, то он скажет истину. Во время суда выяснилось, что убитый Андрей был дурной человек, и прокурор и судьи, все согласились прекратить дело, если узнают истину. И тогда не сам Николай, а другие рассказали, как было дело и как Николай согласился взять на себя вину, чтобы спасти их от наказания. Суд прекратили, сказали, что преступление Николая не было доказано, а один из начальников даже сказал: «Андрей был плохой человек, поделом ему и мука, а эти люди хорошие и пусть живут в мире».

И видно из этого случая, какую силу имеет любовь к ближнему. Благодать Божия была в сердце молодого Николая и отражалась на его лице, действовала на всех других.

Отец Иоанн Кронштадтский

ОТЦА ИОАННА я видел в Кронштадте. Он служил литургию. Я удивлялся силе его молитвы и доселе, а прошло почти сорок лет, не видел, чтобы кто служил так, как он. Народ любил его, и все стояли со страхом Божиим. И не дивно: Дух Святой влечет к Себе сердца людей. Мы видим из Евангелия, как множество народа ходило за Господом. Слово Господне привлекало народ, ибо оно говорится Духом Святым, и потому оно сладко и приятно для души.

Когда Лука и Клеопа шли в Эммаус, и на пути к ним приблизился Господь и говорил с ними, то сердца их горели любовью к Богу. И Отец Иоанн имел в себе обильно Духа Святого, Который согревал его душу любить Бога, и тот же Дух через него действовал на людей. Я видел, как народ бежал за ним, как на пожар, чтобы взять от него благословение, и, получив, радовались, ибо Дух Святой приятный и дает душе мир и сладость.

Некоторые плохо думают об Отце Иоанне и этим оскорбляют Духа Святого, Который в нем жил и живет после смерти. Они говорят, что он был богат и хорошо одевался. Но они не знают, что, в ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге, и от Бога изменилась, и забыла свое богатство и наряд. Счастливы те люди, которые любят Отца Иоанна, ибо он будет молиться за нас. Его любовь к Богу горяча, весь он в пламени любви.

О великий Отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога. И теперь пишу, радуясь, что Господь дал мне понять жизнь и подвиг доброго пастыря.

Великий подвиг — жить с молодой женой и не прикасаться к ней. Это могут только те, которые ощутимо носят в себе Духа Святого. Он сладкий и побеждает любовь милой жены. Многие святые боялись близости жен, а Отец Иоанн и среди жен имел Духа Святого, сладость Которого превышает любовь плотскую.

Еще скажу — он был настолько смирен, что не терял благодати Святого Духа, и потому так много любил он народ и приводил умы людей к Богу.

Видишь в нем силу Духа Святого? Когда читаешь его книгу «Моя жизнь во Христе», то душа чувствует в словах его силу благодати Божией. Ты говоришь: «А я читаю без всякого вкуса». Но спрошу тебя: не потому ли это, что ты гордый? А благодать к гордому сердцу не прикасается.

О отец Иоанн, ныне ты живешь на небесах и зришь Господа, Которого возлюбила душа твоя еще не земле; просим тебя: молись за нас, чтобы и мы возлюбили Господа и приносили покаяние, которому радуется Господь.

О добрый и святой пастырь, ты как высокопарный орел возвысился над великой Россией и видел нужды народа с высоты, на которую возвел тебя Дух Святой, живущий в тебе. Силою Духа Святого ты привлекал народ к Богу, и люди, слушая слово Божие из уст твоих, рыдали и приносили горячее покаяние.

О великий и добрый пастырь, ты хотя и умер телом, но духом ты с нами и, предстоя Богу, в Духе Святом ты видишь нас с небес.

И мы смиренно почитаем тебя.

Отец Стратоник

ДВАЖДЫ ПОСЕТИЛ Святую Гору кавказский пустынник — отец Стратоник. Родом он был из Харьковской губернии. В миру был торговцем, имел свой магазин. Были у него и дети. И загорелась душа его великим жаром покаяния, и, оставив семью и имение свое, удалился он на Кавказ.

Это был дивный муж. При виде его душа приходила в трепет. Его глаза были постоянно в слезах; а когда он начинал говорить о Боге, то говорил

с великим чувством и смиренным видом, и все слушавшие его получали радость и утешение. Слово его было сильное, пропитано страхом Божиим и любовью. Он был воистину как орел среди отцов. От общения с ним люди изменялись душою и, видя его святую жизнь, смирялись. Словом своим он перековывал души и многих восставил от падения. Слушая его, душа забывала земное и горячо тянулась к Богу.

Ростом он был немного выше среднего. Лицом приятный, темноволосый. Всем он нравился. Кавказские подвижники его почитали, и было за что. Он нес трудные подвиги. Терпел жар и холод. Зимою ходил босиком, страдая ради любви Божией, и никогда не было в устах его ропота на Бога, но душа его предалась на волю Божию и с радостью несла все страдания. Он проповедовал огненное покаяние и многих от тяжкого уныния привел к усердному подвигу. В его словах ясно ощущалась благодать Божия, и она возрождала умы человеческие и отрывала их от земли.

Однажды кавказские подвижники привели его к одному бесноватому, и когда отец Стратоник увидал его, то от многой любви заплакал и сказал: «О, бедное творение Божие, как мучается от беса» — и сделал на нем крестное знамение со словами: «Да исцелит тебя Господь Иисус Христос», и больной сразу стал здоров. Такой силы была вера и молитва этого мужа.

О дивный любитель плача, дорогой наш отец Стратоник, где обитаешь ты теперь? Приди к нам, и мы построим тебе келлию на высокой горе, и будем смотреть на твое святое житие, и по мере сил подражать твоему великому подвигу. Время твоих слез, отче, прошло. Ныне ты на небесах слушаешь песни херувимские и видишь славу Господню, Которого возлюбила душа твоя на земле и, стремясь к Нему, предавалась плачу покаяния. Господь любит человека и дал ему сей плач, чтобы душа омылась в этой воде и стала чисто созерцать Господа в духе любви и страха благоговения.

Говорил еще отец Стратоник, что придет время, когда монахи будут спасаться в мирской одежде.

* * *

Всеми силами до последнего конца жизни нужно хранить первую ревность, потому что многие ее потеряли и не возвратили. Для этого нужно постоянно помнить смерть, и если душа хоть отчасти готова к смерти, то не боится ее, но приходит в смирение и покаяние, и забывает все мирское, и хранит ум нерассеянным, и усердно молится.

Кто помнит смерть, тот не прельщается миром, любит ближних и даже врагов, бывает послушлив, воздержен; чрез это сохраняется в душе мир и приходит благодать Святого Духа. А когда Духом Святым познаешь Бога, тогда душа твоя усладится Господом, и ты возлюбишь Его, и всегда будешь помнить сладость Духа Святого, и это есть воистину пища небесная.

Мы много беседовали об этом с великим подвижником отцом Стратоником. Он рассказывал мне, что встретил на Кавказе семь человек, вкусивших благодати Святого Духа, но некоторые из них не знали пути Господня, не знали они, как воспитывает души Господь, и потому ослабели позднее. Об этом говорится в Писании и у святых отцов, но много надо прожить, чтобы опытом познать все сие.

Вначале, когда человек приходит работать Господу, Господь Своею благодатью дает душе силу ревновать о добром, и все ему легко и удобно; и когда душа увидит в себе это, то по неопытности думает: «Я так всю жизнь буду ревновать». И при этом превозносится пред теми, кто живет нерадиво, и начинает их осуждать; и так теряет ту благодать, которая ему помогала исполнять заповеди Божии. И не понимает душа, как это случилось — то было так хорошо, а теперь все трудно и молиться не хочется. Но не надо пугаться: это Господь воспитывает милостиво душу. Душа, как только превознесется над братом, то в ту же минуту приходит плохой помысл, неугодный Богу, и если душа смирится, то благодать не отойдет, а если нет, то последует некое малое искушение, чтобы смирилась душа. Если опять не смирится, то начнется блудная брань. Если опять не смирится, то впадет в некий грех. Если и тогда не смирится, то придет большее искушение и будет больший грех. И так будет усиливаться до тех пор, покамест не смирится душа; тогда отходит искушение, и если много смирится, то придет умиление и мир, и все дурное исчезнет.

Итак, вся война идет за смирение. Враги пали гордостью и нас влекут в погибель тем же. Враги нас хвалят, и если душа примет похвалу, то отступает благодать от нее, покамест не покается. Так всю жизнь душа учится Христову смирению, и доколе не имеет смирения, всегда будут ее мучить плохие помыслы. А смиренная душа обретает покой и мир, о котором говорит Господь (Ин. 14, 27).

Пост, и воздержание, и бдение, и безмолвие, и другие подвиги помогают, но главная сила в смирении. Мария Египетская постом иссушила себя за один год, потому что ей нечем было и питаться, но с помыслами боролась 17 лет.

Смирению сразу не научишься. Потому Господь и говорит: «Научитесь от Меня смирению и кротости». Чтобы научиться, надо время. А некоторые постарели в подвигах, а смирению так и не научились, и не могут они понять, почему им нехорошо, нет мира и душа унылая.

* * *

Сегодня пришел ко мне отец Т... (пустынник). Зная, что старец этот — подвижник, я подумал, что он любит говорить о Боге. Долго я с ним беседовал и потом просил его сказать душе моей слово, чтобы я исправил свои ошибки. Он немного помолчал и затем сказал:

— В тебе видна гордость... Зачем ты так много говоришь о Боге? Святые любовь Божию скрывали в своей душе, а говорить любили о плаче.

— Отче Т..., ты смирил мою душу, которая любит Творца. Любит душа моя Господа, и как скрою огонь сей, который согревает душу мою?

Как скрою милости Господни, которыми увлечена душа моя?

Как забуду милости Господни, в которых душа моя познала Бога?

Как могу я не говорить о Боге, если душа моя пленена Им?

Как буду молчать о Боге, когда дух мой распален любовью к Нему день и ночь? И разве противник я плача?

Что ты, Отче, вещал душе моей: зачем о Боге много говорю?

Ведь душа моя любит Его, и как скрою любовь Господню ко мне?

Я достоин вечных мук, но Он простил меня и дал мне благодать Свою, которая не может скрыться в душе.

Разве ты не знаешь, что я тебя люблю и стал говорить о Боге, думая, что и твоя душа любит Бога и согрета любовью Божиею?

Но что скажу я душе моей? Скрой словеса Господни в себе? Но ведь об этом знают все небеса; и я буду спрошен: зачем скрыл я милости Господни и не сказал о них людям, чтобы все любили Бога и нашли в Нем покой?

Ведь Владыка всех нас милостиво зовет: *«приидите ко Мне все труждающиеся, и Я упокою вас»*.

Душа моя знает сей покой в Боге, и потому я, любя Бога и брата моего, говорю о милосердии Божием.

Я думал, что душа твоя веселится о Боге так же, как и моя, но ты смирил мою душу, сказав: «Зачем ты много говоришь о Боге?»

Но ведь я истину говорю, что Господь наш милостив и прощает людям грехи их.

Итак, сомкну уста мои молчанием и буду петь песнь Богу душою, чтобы веселился наш Господь, ибо Он безмерно любит нас, и пролил кровь Свою, и дал нам Духа Святого.

* * *

Отец Кассиан говорил, что еретики все погибнут. Я не знаю этого, но я верю только Православной Церкви: в Ней радость спасения во Христовом смирении.

Благодарю Тебя, Господа и Создателя моего, что Ты милостиво смирил душу мою и открыл мне путь, которым шли святые Твои. Ты любишь плачущих, и путем плача шли к Тебе все святые. Ты любишь смиренных и Своею благодатию учишь их любви и смирению, чего боятся враги наши — бесы. Ты радуешься, Господи, о смиренной душе; дай же мне, Милостивый, идти к Тебе путем святых Твоих, путем смиренного плача, который Ты показал мне.

* * *

Был у нас в монастыре послушник, который упал с дерева при сборе маслин, и отнялись у него ноги. Когда он лежал в больнице в Преображенском корпусе, умер монах, лежавший рядом с ним, на соседней кровати. Служитель стал приготовлять тело умершего к погребению и попросил больного послушника подержать иголку. Больной ответил: «Что ты меня беспокоишь?» Но после этого слова душа его стала немирна, и тогда позвал он духовника и исповедал ему свой грех преслушания.

Мудрый поймет, почему душа монаха стала немирна, а немудрый скажет, что это пустяки.

* * *

1-го июля 1932 года пришел ко мне со Старого Русика отец Пантелеймон. Я спросил его, как он поживает, и он с радостным лицом отвечает:

— Очень я радуюсь.

— Почему же ты радуешься? — спрашиваю его.

— Все братья меня любят.

— За что же они тебя любят?

— Я всех слушаюсь, когда меня кто куда пошлет,— говорит он.

И подумал я: легок путь в Царствие Божие. Он обрел покой через послушание, которое творит ради Бога, и потому на душе его хорошо.

* * *

Иеромонах отец И... мне рассказывал, что у нас на Крумице стал помирать один схимонах — и не может помереть. Ему говорят: «Ты не исповедал грехов своих, и потому не помираешь». Он говорит: «Я дважды исповедался, но думаю, что грехи мне не прощены, и я хочу исповедаться у игумена Макария». По его желанию так и сделали: приехал из монастыря игумен Макарий и исповедал схимонаха, и тогда тот спокойно и в мире скончался.

Отец иеромонах И... спросил меня, почему это так, и я ответил ему, что хотя он и исповедался, но не было у него веры, что грехи прощены, и по его душевному расположению, т. е. по неверию его, так и было. Но мы должны иметь крепкую веру, что в Церкви нашей все установлено Духом Святым, и тогда по вере своей человек получает от Господа благодать.

Молодой монах

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, Господи, что сегодня Ты прислал мне раба Твоего, молодого монаха, имя которого скрою, чтобы не пал он от тщеславия, и обесценится тогда его святая жизнь.

Этот молодой монах, в беседе по любви, сказал мне, что он за тридцать лет своей жизни никогда никого не оскорбил. Я смотрел на него, и душа моя смирилась в прах пред ним.

С детства душа его возлюбила Бога, и он, созерцая духом Господа, не смел оскорбить кого-либо, и за это Господь сохранил его от грехов.

Вот за этих людей, думаю, Господь сохраняет мир, ибо они так приятны Богу, и Бог всегда послушает Своих смиренных рабов, и нам всем бывает хорошо за их молитвы.

Благодарю Тебя, Господи, что Ты показал мне Твоего раба. И сколько еще есть святых, которых мы не можем знать, но душа слышит приход святых и изменяется во смирении Духа Христова. Дух Божий живет во святых, и душа чувствует пришествие Его.

О Господи, дай, чтобы все люди были подобны этому молодому монаху. Весь мир красовался бы славою, потому что благодать Божия жила бы в мире обильно. Дух Святой дает душе познать любовь Божию и любовь к человеку. Дух Святой научает душу кротости и смирению, и она покойна в Боге

и забывает все горести этого мира, ибо Дух Святой утешает ее. Души святых вкушают Духа Святого еще на земле. Это и есть то «Царствие Божие», которое «внутри нас», как говорит Господь.

* * *

Сегодня мы с отцом ... говорили о благородстве души.

Действительно, она благородная, ибо приняла благородство от Самого Господа, которое Он дал ей, любя ее. И мы должны хранить его; а хранится оно все тем же благородством, которое дал душе Господь.

Когда по воскресении Господь явился ученикам Своим и стал говорить Апостолу Петру, то не укорил его, но благородно спросил: «Любишь ли Меня?» (Ин. 21, 15). Это ласковое слово отеческой любви Господа учит нас, чтобы и мы так же поступали с людьми, когда кто-нибудь нас обидит. В этом и есть благородство Христово, и оно непостижимо человеку и познается только Духом Святым.

Слава Господу и Его милосердию, что Он научает нас Духом Святым, а то бы мы не знали, какой наш Господь.

Орел и петух

ЛЕТАЛ ОРЕЛ в высоте, наслаждался красотою мира и думал: «Я пролетаю большие пространства и вижу долины и горы, моря и реки, луга и леса; вижу множество зверей и птиц; вижу города и селения и как живут люди; а вот деревенский петух ничего не знает, кроме своего двора, где видит всего лишь немного людей и скота; полечу к нему и расскажу о жизни мира».

Прилетел орел на крышу сельского дома и видит, как храбро и весело гуляет петух среди своих кур, и подумал: «Значит, он доволен своею судьбою; но все-таки расскажу ему о том, что знаю я».

И стал орел говорить петуху о красоте и богатстве мира. Петух сначала слушал со вниманием, но ничего не понимал. Орел, видя, что петух ничего не понимает, опечалился, и стало ему тяжело говорить с петухом; а петух, не понимая, что говорит орел, заскучал, и стало ему тяжело слушать орла. Но каждый из них оставался доволен своею судьбою.

Так бывает, когда ученый человек говорит с неученым, но еще более, когда духовный говорит с недуховным. Духовный подобен орлу, а недуховный петуху; ум духовного день и ночь поучается в законе Господнем и молитвою

восходит к Богу, а ум недуховного привязан к земле или занят помыслами. Душа духовного услаждается миром, а душа недуховного остается пустою и рассеянною. Духовный, как орел, летает в высоте, и душою чувствует Бога, и видит весь мир, хотя и молится в темноте ночи, а недуховный услаждается или тщеславием, или богатством, или ищет плотских наслаждений. И когда духовный встречается с недуховным, то обоим им скучно и тяжело общение.

Беседы с детьми

Во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.) отец Силуан как запасной гвардеец (вместе с другими русскими монахами Святой Горы, состоявшими в запасе) был вызван по мобилизации в Россию. Выехал он из монастыря 30-го декабря 1904 года и возвратился снова на Афон 16-го октября 1905 года. В третьей части нашей книги мы объясним несколько подробнее причины, по которым отец Силуан не был послан на фронт, а отпущен домой. Приехав в свою семью, он, как монах, ради безмолвия и свободного исполнения монашеского правила устроил в поле уединенную маленькую келлию, где и провел время своего пребывания на родине. В этот период своей жизни он беседовал иногда с детьми села, которые приходили к нему. Он рассказывал нам свои очень интересные наблюдения над детской душой, о том, как с самого малого возраста душа человека может определяться в своем отношении к Богу. Приводимые здесь беседы являются воспроизведением тех, которые он вел тогда с детьми. Возможно, что в чистых душах детей отпечатлевался светлый образ любящего монаха, но нельзя не отметить, что по своему содержанию слова старца доступны лишь взрослым людям.

МИЛЫЕ ДЕТИ бегают по лугам, рвут цветы, поют и радуются, потому что их веселит благодать Божия. Но вот увидели они монаха и говорят ему:

— Смотри: Господь украсил небо звездами и землю реками и садами; орлы высоко под облаками летают и наслаждаются красотою природы; птицы весело поют в рощах и полях, а ты, монах, сидишь в келлии и не видишь всей красоты Божией. Сидишь и плачешь. О чем ты плачешь в своей маленькой келлии, когда солнце светит, весь мир в красоте и всюду радость на земле?

Так спрашивали дети монаха, но он отвечал им:

— Дети, вы не понимаете моего плача. Душа моя плачет о вас, что вы не знаете Бога, Который создал всю эту красоту. Душа моя знает Его, и всем вам

я хочу этого знания и поэтому скорблю и слезно молю Бога о вас, чтобы и вы познали Господа Духом Святым.

— Что значит познать Господа Духом Святым?

— Умом, дети, познать Господа нельзя. Но вы читайте Божественное Писание, в нем живет благодать, которая будет услаждать вас, и так вы познаете Господа и будете с радостью работать Ему день и ночь. Когда же познаете Господа, тогда уйдет желание смотреть на этот мир, но душа будет стремиться видеть славу Господню на небесах.

— А нам нравятся цветы, и мы любим гулять и веселиться.

— Вы любите гулять по полям и рвать цветы; вы любите петь и слушать пение птиц, но есть на небе прекраснее всего этого — рай, где живет Господь со ангелами и святыми. Там тоже есть веселие и поются песни, но иные, лучшие, и когда душа услышит те песни, то не может забыть их никогда, и уже не влекут ее песни земные.

— Но мы любим петь.

— Пойте, дети, Господу Духом Святым; пойте во смирении и любви.

— А почему ты плачешь, мы не понимаем.

— Я плачу о вас, детки. Глядя на вас, жалею вас и прошу Господа, чтобы хранил Он вас, чтобы познали вы Творца и Господа своего. Я смотрю на вас, и вот, вы похожи на отрока Христа, и хочу, чтобы вы не потеряли благодать Божию и не стали бы, когда вырастете, похожи на врага за плохие мысли. Я хочу, чтобы вы всегда были похожи на Сына Пречистой Матери Божией. Этого желает душа моя вам. Об этом я и молюсь. Мне жалко всех детей на земле, и потому я плачу за всех невинных детей и сирот. Я плачу, дети, за мир и сетую о всем народе Божием.

Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым, и научи их славить Тебя.

Слезно прошу Тебя, услышь молитву мою и всем дай познать славу Твою Духом Святым.

— Дети, любите Бога, как любят Его Ангелы на небесах.

— Мы никогда не видали Бога, как можем мы Его любить?

— Детки мои возлюбленные, вы думайте о Боге всегда, что Он вас любит и дал вам жизнь для того, чтобы вы вечно с Ним жили и наслаждались Его любовью.

— Как можем мы знать, что Бог нас любит?

— По плодам, детки, познается любовь. Когда мы в любви Божией, то боимся греха, и на душе покойно и весело, и хочется помнить Бога все время, и хочется молиться, и в душе хорошие мысли.

— Как узнать, какие мысли в нас живут и какие из них хорошие или плохие?

— Чтобы распознать мысли добрые от злых, нужно держать ум свой чистым в Боге.

— Не понимаем, как можем мы держать ум в Боге, когда мы не видели Бога и не знаем Его; и что значит — чистый ум?

— Детки, вы помышляйте, что Бог вас видит, хотя вы Его не видите. Так вы будете ходить всегда пред лицом Господа. Хотя это малая любовь, но если сохраните слово мое, то оно приведет вас к большой любви, и тогда Духом Святым вы познаете все то, что я вам говорю и чего сейчас вы еще не разумеете.

XX

АСКЕТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ, СОВЕТЫ И НАБЛЮДЕНИЯ

МЫСЛИ МОИ пережиты долгими годами. Божии милости были со мною без конца. И если бы Господь не вразумлял меня, как Добрый Пастырь, Своею благодатью, то враги поглотили бы меня.

Я пишу милости Господни, и мне легко писать, ибо душа моя знает Господа Духом Святым и знает, как много Он любит человека. По множеству любви и кротости Своей Он не помянет нам грехов наших.

Дух мой ненасытно желает то молиться, то писать, или говорить о Боге, мирских же дел душа моя не хочет слышать.

* * *

Если ты говоришь или пишешь о Боге, то молись и проси у Господа помощи и вразумления, и Господь будет тебе содействовать и вразумлять. И если есть у тебя недоумение, то сделай три поклона и скажи: «Господи, Ты видишь, Милостивый, душа моя в недоумении и я боюсь погрешить. Вразуми меня, Господи». И Господь непременно вразумит, потому что Он очень близок к нам. Если же ты усомнишься, то не получишь просимого. Так Господь

сказал Петру: «*Почто усумнелся еси, маловере?*» (Мф. 14, 31), когда тот стал утопать в волнах. Так и душа, когда усомнится, то начинает утопать в плохих помышлениях.

«Господи, даруй нам полную веру к Тебе Духом Святым».

* * *

Кому не дано учить, а он учит, тот оскорбляет величие Божие.

* * *

Есть люди, и даже великие, которые, когда приходит недоумение, не спрашивают у Господа; а надо прямо говорить: «Господи, я человек грешный и не разумею, как должно, но Ты, Милостивый, вразуми меня, как нужно поступить». И милостивый Господь не хочет, чтобы душа наша была в смущении от врага, и внушает, что надо делать и чего не делать.

* * *

Когда мы многое знаем, то возблагодарим Господа за данное знание. Но одного знания недостаточно; надо чтобы были плоды Святого Духа в душе, хотя бы малое зерно, которое в свое время вырастет и принесет обильный плод.

* * *

Я пишу, и мне легко писать, потому что душа моя знает Господа. Но лучше молиться нерассеянно, ибо молитва дороже всего. Но непрестанно пламенно молиться душа не имеет сил, и потому надо давать ей отдых от труда молитвенного, тогда можно читать, или размышлять, или писать о Боге. Кому как внушает Господь.

Хорошо поучаться в законе Господнем день и ночь. Чрез это душа обретает покой в Боге, и Господь объемлет всю душу; и тогда для нее нет ничего, кроме Бога.

Когда душа в Боге, то мир забыт совсем, и душа созерцает Бога. А в другое время Господь двигает душу Своею благодатью молиться за весь мир; иногда же за одного кого-либо. Когда и как хочет Господь. Но, чтобы видеть тайны Божии, надо усердно просить у Господа смиренного духа, и тогда мы познаем их Духом Святым.

* * *

Знай, что когда случится беда народу и душа заплачет пред Богом за этот народ, то он будет помилован. Для этого Дух святой коснулся души и дал ей молитву за людей, чтобы они были помилованы. Так Милостивый Господь любит создание Свое.

Возможно, что кто-нибудь подумает: как же я буду молиться за весь мир, когда сам за себя не могу молиться? Но так говорят те, кто не познал, что Господь слушает наши молитвы и приемлет их.

Молись просто, как дитя, и Господь услышит твою молитву, ибо Господь наш настолько Милостивый Отец, что мы ни понять, ни вообразить этого не можем, и только Дух Святой открывает нам Его великую любовь.

* * *

Кто любит скорбящих, тому Господь дает пламенную молитву за людей. Они молятся со слезами за народ, который любят и за который скорбят, но скорбь эта — угодная Богу.

Господь избирает молитвенников за весь мир. Киевскому подвижнику Парфению, желавшему узнать, что есть схима монашеская, Божия Матерь сказала: «Схимник — это молитвенник за весь мир».

* * *

Господь хочет всех спасти, и по благости Своей призывает весь мир. Воли от души Господь не отнимает, но благодатью Своею толкает ее к добру, и влечет к Своей любви. И когда хочет Господь кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание за него молиться и помогает в этой молитве. Поэтому должно знать, что когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы. Но не должно смешивать желание молиться, которое внушает Господь, с желанием (которое рождается) по пристрастию к тому, о ком молишься.

Когда молитва идет от чистой скорби о живом или умершем, то в ней нет пристрастия. Душа в этой молитве скорбит о нем и усердно молится, и это есть признак милости Божией.

* * *

Душа моя испытала и видела великие милости надо мной и над теми, за которых она молилась; и я понял, что когда Господь дает скорбь о ком-нибудь

и желание молиться о нем, то это значит, что Господь хочет помиловать того человека. Поэтому если кому придет скорбь о ком-либо, то надо молиться за него, потому что Господь ради тебя хочет помиловать его. И ты молись. Господь услышит тебя, и ты прославишь Бога.

* * *

Всякая мать, когда узнает беду о детях, то тяжело страдает или даже умирает. И я испытал подобие. Одно срубленное и очищенное дерево быстро катилось по подкосу на человека. Я видел это, но от великой скорби не мог ему крикнуть: «Уйди скорей»; у меня заболело и заплакало сердце, и дерево остановилось. Человек этот был для меня чужой: я не знал его, а если бы это был родной, то, думаю, вряд ли остался бы я жив.

* * *

Молитва горделивых — неугодна Господу; когда же душа смиренного скорбит, то Господь непременно послушает ее. Один старец-иеросхимонах, живший на полугоре Афона, видел, как молитвы монахов восходили к небесам, и я этому не удивляюсь. Тот же старец, когда был мальчиком, видя скорбь своего отца по случаю сильной засухи, грозившей погубить весь урожай, пошел в коноп на огороде и стал молиться:

«Господи, Ты Милостивый, Ты нас создал. Ты всех питаешь и одеваешь; Ты видишь, Господи, как скорбит мой отец о дожде, Ты пошли на землю дождь».

И собрались тучи, и пошел дождь, и смочил землю.

А один старец, который жил при море у пристани, рассказывал мне:

«Была темная ночь. Пристань была полна лодками рыбаков. Началась буря и скоро усилилась. Лодки стали биться одна о другую. Люди старались их привязывать, но было невозможно в темноте и в бурю. Все смешалось. Рыбаки стали кричать, что есть силы, и стало страшно слушать крики испуганных людей. Я заскорбел о народе и слезно молился:

«Господи, укроти бурю, утиши волны, скорбящих людей Твоих пожалей и спаси. И скоро буря престала, утихло море, и успокоенные люди благодарили Бога». (Здесь в третьем лице старец рассказывает о случае, бывшем с ним самим).

* * *

Раньше я думал, что Господь творил чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешному сотворит Господь чудо, как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его молитвы.

Многие по неопытности говорят, что такой-то святой сделал чудо, но я узнал, что это Дух Святой, Который живет в человеке, творит чудеса. Господь хочет, чтобы все спаслись и вечно были с Ним, и потому слушает молитвы грешного человека ради пользы других или самого того, кто молится.

* * *

Кто просит у меня молитв, за тех слезно прошу Господа: «Господи, дай им Духа Твоего Святого, да познают Тебя Духом Святым».

* * *

Господь любит нас грешных без конца и дает человеку Духа Святого, и душа Духом Святым знает Господа и блаженствует в Нем, благодарит и любит Его, и от великой радости жалеет весь мир, и сильно желает, чтобы все люди познали Бога, потому что и Сам Господь того всем желает. Но поистине это возможно только по благодати даже и в малой мере. А без благодати человек подобен скотине.

О, как жаль тех людей, которые не знают Бога. А мы, православные христиане, счастливы, ибо знаем Бога. Научил нас Дух Святой. Он научает нас и врагов любить.

* * *

Человек, покамест не узнает большего, доволен тем малым, что имеет. Он подобен петуху деревенскому, который живет на малом дворе, видит немного людей и скота, знает десяток своих кур и доволен своей жизнью, потому что большего не знает.

А орел, который летает высоко в облаках и видит зорким глазом дали, и слышит издалека запахи земли, и наслаждается красотою мира, знает многие страны, моря и реки, видит множество зверей и птиц, не будет доволен, если посадить его с петухом на малом дворе.

И человек, покамест не узнает большего, бывает доволен тем малым, что имеет. Так часто бедный крестьянин бывает доволен тем, что есть у него

пропитание и одежда, и благодарит за это Бога. Но ученый человек, развитой наукою, не будет доволен такою жизнью и ищет простора для своего ума.

Так же бывает и в духовной жизни. Кто не познал благодати Святого Духа, тот подобен петуху, который не знает орлиного полета, не разумеет сладости умиления и любви Божией. Он познает Бога из природы и из Писания; он удовлетворяется правилом и тем бывает доволен, как доволен петух своею долею и не скорбит, что он не орел.

Но кто познал Господа Духом Святым, тот молится день и ночь, потому что благодать Святого Духа влечет его любить Господа, и от сладости любви Божией он легко несет все скорби земли, и душа его непрестанно скучает только о Господе и всегда ищет Благодати Святого Духа.

* * *

Кто хочет непрестанно молиться, тот да будет во всем воздержен и послушен старцу, которому служит. Он должен чисто исповедоваться и помышлять, что и духовником его и старцем управляет Господь благодатью Своею, тогда не будет у него плохих мыслей против них. Такого человека за его святое послушание будут учить благие мысли от благодати, и он будет преуспевать во смирении Христовом. Если же подумает: мне нет нужды советоваться с кем-нибудь, и оставит послушание, то станет раздражительным, и не только не преуспеет, но и потеряет молитву.

Чтобы удержать молитву, надо любить тех людей, которые тебя обижают, и молиться за них до тех пор, пока душа не примирится с ними, и тогда даст Господь непрестанную молитву, ибо Он дает молитву молящемуся за врагов.

В молитве учитель — Сам Господь, но надо смирять свою душу. Кто правильно молится, у того на душе мир Божий. У молитвенника должно быть милующее сердце ко всей твари. Молитвенник всех любит и всех жалеет, ибо благодать Святого Духа научила его любви.

* * *

Молитва — дар Святого Духа. Бесы всеми силами стараются отвести человека от памяти Божией и от молитвы. Но душа, любящая Бога, скучает о Боге и прямо к Нему молится: «Скучает душа моя по Тебе и слезно ищу Тебя!»

* * *

У молящегося сердце молится без принуждения: сама благодать творит молитву в сердце. Но ты смиряй себя, как можно больше; держи ум свой в сердце и во аде. Чем больше смиришь себя, тем большие получишь дары от Бога.

* * *

Слава милосердию Господа, что Он дает нам грешным быть в Боге.

Чтобы пребывать в Боге, будь доволен тем, что имеешь, хотя бы ты и ничего не имел. Будь доволен и благодари Бога, что у тебя ничего нет. Будь доволен тем, что ты служишь Богу, и он поставит тебя со святыми.

* * *

Кто хочет любить Господа, тот должен любить врагов и быть незлобивым; тогда Господь дает радость непрестанно славословить Его день и ночь и ум твой будет забывать мир; а если и возвратится и вспомнишь, то усердно будешь молиться за мир.

Так жили Святые, ибо Дух Божий учит душу молиться за людей.

* * *

Дух Святой учит любить Бога, а любовь хранит заповеди. Господь сказал: «*Кто любит Меня, тот заповеди Мои сохранит*» (Ин. 14, 15–23). Если бы Адам любил Господа, как Божия Матерь, то сохранил бы он заповедь. И мы видим на опыте, что, кто любит Бога, у того ум управляется Божиею благодатью и тонко видит все козни врага. Когда же Господь утешает душу, тогда она не видит уже врагов, но созерцает только одного Господа.

* * *

Послушливый закону Божию будет понимать, как хороши все заповеди Господни. Какую ни возьми заповедь, она приносит радость и веселие. Возьмите первую — любить Бога. Если ты помышляешь, что Господь нас любит, то за это помышление тебе будет дан мир. Возьмем вторую — любить ближнего. Если ты помышляешь, что любит Господь людей Своих и что в них живет Дух Святой, то душа твоя усладится законом Божиим, и тогда будешь гнаться за ним день и ночь, и будет дано тебе рассуждение добра и зла.

* * *

Когда Господь хочет утешить скорбящую душу, то дает ей радость, слезы, умиление и мир душевный и телесный, а иногда и Сам Себя являет душе.

Апостолы видели Господа во славе, когда Он преобразился на Фаворе, а после, во время страданий Его, малодушно разбежались. Так немощен человек. Воистину мы — земля, да еще грешная. Поэтому и сказал Господь: «Без Меня не можете творить ничего». Так и есть. Когда в нас благодать, тогда мы истинно смиренны, тогда мы умны, послушливы, кротки, любезны Богу и людям, а когда теряем благодать, то высыхаем, как розга, отрезанная от лозы.

Кто не любит брата, за которого умер Господь в великих страданиях, тот отпал от Лозы (от Господа), но кто борется с грехом, тому поможет Господь.

* * *

Человек иногда немоществует так, что нет у него сил даже муху прогнать, и от души не может он отогнать плохие мысли, но и в этой немощи Божия милость хранит человека, и нет плохих помышлений, но один Бог и в душе, и в уме, и везде.

* * *

Человек сам по себе немощен, как цветок полевой: все его любят, и все его топчут ногами.

Так и человек: иногда он в славе, а иногда в бесчестии. Но кто любит Бога, тот благодарит Господа за все скорби и пребывает покоен и в чести, и в поношениях.

* * *

Я считаю, что кушать надо столько, чтобы после кушанья хотелось молиться, чтобы дух всегда горел и ненасытно стремился к Богу день и ночь. А жить надо просто, как малые дети; тогда благодать Божия всегда будет в душе: за любовь Господь дает ее туне, и с этой благодатью душа живет как бы в другом мире и влечется туда любовью Божиею так, что на этот мир не хочет смотреть, хотя и любит его.

* * *

Как узнать, любит ли меня Господь или нет?

Вот признаки. Если ты крепко борешься с грехом, то любит тебя Господь. Если ты любишь врагов, то еще больше ты любим Богом. А если душу свою полагаешь за людей, то много любезен Ты Господу, Который и Сам положил душу Свою за нас.

* * *

Раньше я не знал, что значит — душа больная, а теперь отчетливо вижу это и в себе, и в других. Когда душа смирится и предастся на волю Божию, то становится здравою и бывает зело покойна в Боге, и от этой радости молится, чтобы все познали Господа Духом Святым, Который ясно свидетельствует душе спасение.

* * *

«Господь с небес призирает на (всех) сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога» (Пс.13, 2).

Монах день и ночь поучается в законе Господнем и так же день и ночь непрерывно ведет войну с неприятелем. Он должен взять семь крепостей.

Первая крепость — отсечь свою волю.

Вторая крепость — предать себя в послушание старцу.

Третья крепость — иссушить себя ради Бога.

Четвертая крепость — иметь нестяжание.

Пятая крепость — победить самолюбие.

Шестая крепость — смирить себя.

Седьмая крепость — отдать свою душу Богу, т. е. во всем предаться воле Божией.

Теперь посмотрим, какие же награды за победы получает монах от Господа еще на земле.

Первое — мир совести. Второе — душа и тело имеют мир от Господа. Третье — душа любит Бога и, созерцая Его, помышляет, что любит нас Господь. Четвертое — душа от любви Божией любит и ближнего своего, как самого себя. Пятое — душа упокоевается в Боге и созерцает величие Божие и милосердие. Шестое — душа ходит по земле и работает руками, но ум прилепился к Богу и, созерцая Его, забывает землю, ибо любовь Божия влечет душу Любимого любить. Седьмое — душа чувствует благодать Божию в мыслях своих.

Восьмое — душа чувствует благодать в сердце своем. Девятое — душа чувствует благодать Божию и в теле своем. Десятое — от любви Божией раскрывается Царствие Небесное, и душа Духом Святым знает, какой наш Господь.

* * *

За писание мое, кто будет читать, за все простите, за ошибки мои, и прошу вас молиться за меня.

Но писал я потому, что влекла меня любовь Божия, в которой я сытости не знаю. Я сидел, и вся душа моя была занята Богом, и ни единая мысль не приближалась ко мне и не мешала уму моему писать о любимом Господе. И когда я пишу слово, то другого еще не знаю, но рождается оно во мне, и я пишу его. Когда же кончаю писать, то помыслы, бывает, приходят и тревожат мой слабый и немощный ум, но я тогда жалуюсь Милостивому Господу, и Господь милует меня, падшее создание Свое.

Мысли об исходе

Я ЛЕЖУ телом на земле, но рвется дух мой видеть Господа во славе. Хотя и много я грешен, но Господь дал мне познать Его Духом Святым, и душа моя знает Его, знает, как безмерно Он милостив и какой Он радостный.

Душа до благодати Божией боится смерти. Боится душа и Самого Бога, потому что не знает, насколько Он смирен, и кроток, и милостив. И никто не может понять любовь Христову, если не вкусит благодати Святого Духа.

Братья мои о Господе возлюбленные, Милостивый Господь — свидетель души моей, что я пишу истину. И знайте, братья, и никто себя да не обманывает: кто брата не любит, тот и Бога не любит. Верно об этом говорит Писание, и его надо в точности исполнить, и тогда узришь ты сам в душе своей милость Господню, которая пленит твою душу, ибо сладка благодать Господня.

* * *

Юноша ищет себе невесту, а девушка ищет себе жениха. Это земная жизнь, Богом благословенная. Но та душа, которую изберет Себе Господь и даст ей вкусить сладость любви Божией, земную жизнь не равняет с любовью Божией, но занята бывает Единым Богом и ни к чему земному не привязывается. И если приходят к ней земные мысли, то она не услаждается ими, ибо не может возлюбить земное, но вся желанно стремится к небесному.

* * *

Божия Матерь с Иосифом Обручником, болезнуя, искали Христа, когда Он остался в Иерусалиме и беседовал в храме со старцами; и лишь после трех дней нашли Его.

Сколько скорбела душа Божией Матери за эти дни? Она помышляла: «Где Ты, Сыне Мой любезный? Где Ты, Свете Мой драгоценный? Где Ты, утроба Моя возлюбленная?»

Так каждая душа должна искать Сына Божия и Сына Девы, доколе не обрящет Его.

* * *

Душа, познавшая любовь Божию Духом Святым, умирая, испытывает некоторый страх, когда ангелы поведут ее ко Господу, потому что, живя в мире, она повинна грехам. Но когда увидит душа Господа, то возрадуется от Его милостивого кроткого лица, и Господь не помянет ей грехов по множеству кротости и любви Своей. От первого взгляда на Господа вселится в душу любовь Господня, и она от любви Божией и сладости Духа Святого вся изменится.

* * *

Наши отцы перешли от земли на небо. Что они там делают? Они пребывают в любви Божией и созерцают красоту Лица Божия. Красота Господня пленяет всякую душу радостью и любовью. Эта красота и на земле познается, но отчасти, ибо совершенной любви бренное тело не может вынести. На земле Господь дает душе столько, сколько может она вместить и сколько хочет щедрая рука Господня.

* * *

Душа моя приблизилась к смерти и сильно желает видеть Господа и вечно быть с Ним.

Господь простил мне множество грехов и дал мне Духом Святым познать, как много Он любит человека.

Все небо удивляется воплощению Господа, как Он, Великий Господь, пришел нас грешных спасти и приобрел нам вечный покой Своими страданиями, и душа не хочет помышлять ничего земного, но влечется туда, где Господь.

Милы сердцу слова Господни, когда Дух Святой дает душе их разуметь. Когда Господь жил на земле, то множество народа ходило за Ним,

и по нескольку дней не могли оторваться от Господа, но голодные слушали Его сладкие слова.

Душа любит Господа, и все, что мешает думать о Боге, печалит ее. И если еще на земле душа так сильно услаждается Духом Святым, то тем более там будет она наслаждаться.

«О Господи, как возлюбил Ты создание Свое!»

«Твой тихий, кроткий взор душа забыть не может».

* * *

Душа моя, Господи, занята Тобою целый день и всю ночь, и ищу Тебя. Дух Твой влечет меня искать Тебя, и память о Тебе веселит мой ум. Душа моя возлюбила Тебя и радуется, что Ты — мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе. И хоть в мире все красиво, но ничто земное не занимает меня, и душа жаждет только Господа.

Познавшая Бога душа ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать:

«Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищу Тебя».

* * *

Душа от любви Господа стала как бы безумною: сидит, молчит, говорить не хочет; и как безумная смотрит на мир, и не хочет его, и не видит его. И люди не знают, что она созерцает любимого Господа, и мир остался как бы позади, и забыт, и душа не хочет мыслить о нем, потому что нет в нем сладости.

Так бывает с душой, которая познала сладость Духа Святого.

«О Господи, дай нам сию любовь во всем мире Твоем!»

«О Душе Святый, живи в наших душах,
да все согласно славим Творца,
Отца, и Сына, и Святаго Духа.
Аминь».

АРХИЕПИСКОП ВАСИЛИЙ (КРИВОШЕИН)

Мирское имя Всеволод Александрович Кривошеин. Сын дворянина, министра земледелия, из Симбирской губернии Буинского уезда, села Шатрашаны. Имя матери — Елена. Родился в 1900 году.

Поступил в монастырь св. великомученика Пантелеимона 27 ноября 1925 года, пострижен в рясофор с именем Валентин 24 марта 1926 года, 5 марта 1927 года — в мантию. Послушание проходил в ризнице. С 8 февраля 1942 года был антипросопом в Карее, а с 1946 года в обители казначеем. 22 сентября 1947 года посажен в солунскую тюрьму на два года по обвинению якобы в сотрудничестве с немцами. Срок отбывал на острове Макронис. В феврале 1951 года уехал в Англию, так как на Афон его не пустили греческие власти. Рукоположен в Лондоне в иеродиакона 8 мая 1951 года, в иеромонаха 9 мая 1951 года. В апреле 1957 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) был возведен в сан архимандрита. 26 мая 1958 года был назначен вторым викарием экзарха Московской Патриархии в Западной Европе с титулом епископа Волоколамского и пребыванием в Париже. Хиротонисан был позже, в ноябре 1959 года. В апреле 1960 года указом патриарха Алексия I был назначен епископом Брюссельским и Бельгийским. В апреле 1977 года посетил Афон. Преставился 22 сентября 1985 года в Ленинграде. Погребен там же, на Серафимовском кладбище.

Доктор богословия, написал много научных книг и статей. В архиве монастыря хранится его личный фонд, где находится нижеприведенное письмо неизвестному лицу.

Тайна и смысл христианства[48]

(Письмо монаха Василия неизвестному адресату)

20 октября 1932 г.

Прошу Вас извинить меня за долгое молчание на Ваше письмо. Письмо Ваше очень серьезно по содержанию, и мне хотелось ответить на него пообстоятельнее. А между тем мне мешали мои занятия по послушанию и обстоятельства.

Очень Вас благодарю за присланную книжку «Tьrmer» и статей об Афоне. Записки, которые публикуются у Макса Бартеля, несомненно, воображаемы и не принадлежат реальному миру. Убедиться в этом нетрудно: там много фактически неверного в его описаниях монастырской жизни (например, он пишет, что в Ватопеде, где якобы живет этот немец-монах, братия ежедневно обедают в общей трапезе, что монастырем управляет игумен-отец). Между тем, на самом деле в Ватопеде общей трапезой не пользуются и все едят отдельно в своих кельях. Игумена там нет, монастырем управляет эпитропия, то есть комиссия из нескольких лиц. Также ошибка у В. о «сотне человек», которые живут в Ватопеде. Да и не только это, все описание в его записках есть фантазия, хотя и очень сочувственная к нашему Афону, но чуждая духу нашего монашества. Религиозная основа нашей жизни у него почти совершенно исчезает. Монахи из верующих христиан, живущих для Бога и вечности, превращаются не то в отвлеченных философов, не то в сторонников «простой жизни вдали от культуры». Вся внутренняя духовная жизнь православного монаха (борьба со страстями, чаяние молитвы, общение с Богом) — все это у него не раскрыто. К сожалению, на Афоне нет еще ни одного монаха родом из Зап. Европы. Главная причина тому — отчужденность и оторванность народов Запада от православия. А ведь Афон — это место, где нет духовности, кроме православной.

Очень сочувствую Вашему желанию побывать здесь и пожить подольше. Сейчас зима, и время не особенно удобное для путешествий. Лучше всего, если

[48] Название дано составителями сборника.

Вы приедете в апреле-мае или летом до октября. Для въезда на Афон необходимо особое разрешение Мин. иностранных дел. Это разрешение обычно дается на въезд на срок не более двух месяцев. Общая виза для въезда в Грецию тоже нужна, но она не дает права приезда на Афон. Кинотская бумага тоже недостаточна, она может только облегчить хлопоты о визе, не более. Лучше всего, если Вы подадите прошение греческому консулу в Гамбурге (или в каком-нибудь другом городе в Германии) о выдаче разрешения на въезд на Афон. Укажите ему, что Вы художник и что желаете там писать картины. Скажите, что уже там были три года тому назад. Консул напишет в Афины в МИД, и вам через некоторое время, вероятно, пришлют визу. Можно ограничиться сейчас простой визой в Грецию (ее, вероятно, дадут без затруднений), а по приезде в Афины лично похлопотать о визе на Афон. Первый способ, однако, лучше. Не советую хлопотать о сроках больше чем на два месяца, ибо вы рискуете совсем не получить визу. Греческое правительство вообще неохотно дает разрешение на въезд на Афон больше положенного срока, тем более на постоянное жительство.

I.

Теперь по существу Вашего письма. Отвечаю на Ваши вопросы.

Мне было отрадно прочитать в нем многие взгляды о сущности религиозной жизни, весьма близкие к учению Святой Православной Церкви. Вы совершенно правильно указываете, что современное западное христианство почти совсем утратило истинный смысл религии, заменив все ее содержание нравственной проповедью. Я очень рад, что Вам удалось усмотреть этот основной порок западного христианства, его полное духовное оскудение, являющееся, как я убежден, следствием его отрыва от истинной Церкви, в коей сохраняется в неповрежденном виде учение Христово и вся полнота Божественной благодати. Ничто так не чуждо истине, как превращение всей нашей религиозной жизни в простую мораль, будь то личная или общественная. Вы более всего правы, когда усматриваете в христианстве прежде всего познание Бога. Это верно и совершенно в духе Святой Православной Церкви. «Не приобретение той или иной добродетели, а познание Бога — вот суть нашей жизни», — пишет так один из аскетических писателей нашей Церкви, преподобный Нил Синайский в V веке. Необходимо, однако, выяснить именно выражение «познание Бога», ибо оно, будучи правильно само по себе, недостаточно ясно и может повести к уклонениям от истины.

Познание Бога не должно быть понимаемо как интеллектуальный процесс; Бог выше всякого смысла и разума. Вот почему вместо употребляемого Вами выражения «познание» (выражение совершенно верное, совершенно правильное) лучше сказать, что сущность христианства — в общении человека с Богом. Это общение, прерванное падением Адама и восстановленное воплощением Сына Божия, истинного Бога и истинного человека, имеет много степеней — от первоначального прикосновения Божественной благодати к душе кающегося грешника до единения возрожденного Духом Святым человека с Богом, до обожествления человека и обращения его в «Бога по благодати» (не по существу, конечно). Мы веруем, что Господь Бог пришел на землю и принял на себя человеческое естество, дабы сделать нас причастниками Божеского естества. «Бог соделался человеком, дабы человек смог стать Богом», — учит один из великих богословов Православной Церкви. Эти слова мы впервые читаем у святого Иринея («Господь наш по неизмеримой благости Своей сделался тем, что и мы, дабы нас сделать тем, что есть Он»), а затем и в трудах святителя Афанасия Великого («Он (Сын Божий) вочеловечился, чтобы мы обожились»), святителя Григория Богослова, святого Григория Нисского. А уж потом во все времена отцы Церкви и православные богословы повторяли их из века в век. В общении с Богом, в воссоздании нашего падшего естества, в стяжании нетления и бессмертия, в единении с Богом в вечности — вот в чем «тайна христианства» и смысл нашего краткого земного существования. «Не те спасутся, — пишет преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), — кои постились, раздавали милостыню, молились, но те, кто сделались похожими на Христа. Стражники, стоящие у врат в Царство Небесное, пропустят в них только тех, кто окажется подобен Христу, новому Адаму; а кто окажется подобен Адаму (ветхому), не будет допущен в Царствие Небесное».

Но как достичь Богообщения с Богом? Наша Святая Церковь учит, что наши усилия здесь недостаточны, необходимо действие Божией благодати, силы Святого Духа. Эта Божественная мощь дается прежде всего при условии веры в Бога, делающей нас участниками в делах спасения человечества. Вера сама есть плод Святого Духа, и, дабы вера оказалась действенной, она должна быть истинной; ибо всякая ложь, всякое неверное мнение о Боге удаляет от нас Бога, Который есть Истина, нарушает наше общение с ним. Мы верим, что наша Православная Церковь (как можно доказать и чисто исторически!) одна сохранила в неповрежденном виде догматическое учение христианства, и потому в ней только и возможно полное действие благодати.

Далее, общение с Богом есть любовь к Богу. А кто любит Бога, тот будет творить его заповеди. Это говорит сам Спаситель: «Аще кто любит меня, заповеди мои сохранит. И возлюблен будет от Отца Моего, и явлюся ему Сам, и обитель у него сотворим. *«Не любящий мя, слова моего не соблюдет»*. Исполнение заповедей Божиих (их можно свести к двум — любовь к Богу всем существом человека и подобная же любовь к ближнему) есть по нашему учению не цель в себе (как у католиков и протестантов), но только средство приблизиться к Богу (выражение нашей сыновней к Нему любви). В этом смысле Православная Церковь вполне приемлет все заповеди Христовы и видит в них единственный путь к Богообщению и познанию Бога. Конечно, это познание не есть результат знания заповедей или как бы плата за их усердное исполнение, а нечто большее — это дар Божий. Но Бог дает нам этот дар только тогда, когда видит у нас произволение его получить, видит наше свободное, жаркое желание к нему приблизиться, он чувствует наше тепло и даже высший свет, исходящий от нашего нутра. Исполнение заповедей есть проявление этого желания, признак его искренности и силы. Равное значение имеют и аскетические подвиги: пост, борьба со страстями и так далее... Но не ими очищается человек и не этим стяжает благодать! Бог, видя в них проявление нашей воли к очищению от греховной скверны, благодатию своею очищает и просветляет нас. И тогда у нас обнаруживаются плоды (или зачатки) Святого Духа — радость, мир, долготерпение, кротость и прочее. Это и есть признаки, что человек вошел в общение с Богом и познал Его.

Но помимо исполнения евангельских заповедей (а под ними нужно понимать не столько внешние действия, сколько внутреннее состояние сердца, откуда исходит истинность человека) и молитвы для восстановления падшего человека и воссоединения его с Богом, нужно еще нечто большее, какое-то явное и непосредственное и даже реальное действие Божией благодати. Это действие, эту помощь мы имеем в Таинствах Св. Церкви. Сначала Крещение, далее исповедь и особенно — Св. Евхаристия. Именно в ней мы становимся участниками Божественного естества, исцеляемся от всех немощей и пороков. Об этом определенно говорит сам Христос: *«Аще не снесте плоти Сына человеческого, не пьете крове Его, живота не имате в себе»* (Ин. 6, 93); *«Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем»* (Ин. 6, 56). Этим, конечно, не уничтожается свобода человека, ибо само приобщение Св. Таинств только тогда оказывает свое спасительное действие на человека,

если он приобщается их с должным душевным устроением, то есть главным образом и верою, и покаянием. Иначе мы недостойные «и суд себе ям и пию».

Все вышесказанное — и вера, и борьба со страстями, и аскетические подвиги, и молитва, и таинства — имеют одну конечную цель: стяжание благодати Духа Святого, внутреннее просветление и преображение Им человека. Достигнув такого благодатного состояния (а к нему должен стремиться всякий христианин), человек познает Бога, и ему откроется то, «что ухо не слышит, око не видит, и на сердце человека не всходило». Он ищет тогда по словам того же св. Апостола Павла, который, будучи восхищен, слышал «неизреченные глаголы, которые не лесть есть», а для сего «от души каяться, плакать и слезы лить, себя самого осуждая». Именно тогда, в этот высший момент, мы достигаем истинного духовного, благодатного богословия. Не нужно только думать, чтобы это богословие совершенно уничтожило бы наши обычные верования о Боге (выраженные, например, в Св. Символе Веры). Этого не происходит, ибо сам Символ Веры (как и все догматическое учение Православной Церкви) есть благодать самого высшего, самого духовного, богооткровенного богословия, но в обычном греховном состоянии мы постигаем догматические истины Св. Церкви только отвлеченно, внешне, поверхностно или даже интеллектуально и бессодержательно. Тогда же они откроются нам в своей истинной содержательности и смысле, когда человек углубится в них. И чем больше совершенствуется он, тем больше осваивает их и погружается во всю глубину и ширину, осознает необъятный смысл божественных догматов. Догматы Церкви (и прежде всего Символ Веры) служат даже проверкой правильности духовной жизни человека и основой ея.

Этот процесс бесконечен, и человек, вступая на путь познания, каждый раз, казалось бы, достигнув «нечто», вдруг погружается в еще большую неизвестность. Но радость велика!

Поэтому неправильно думать, что в христианстве есть какие-то тайны, где-то хранящиеся и из рода в род передающиеся, и что эти тайны отличные от обычного христианского учения. Этого нет и не может быть! Ибо Христом в Евангелии сказано, что Он ничему не учил тайно. Нет в христианстве тайны, подобной масонской или теософской, механически открываемой человеку при принятии им «высшей степени посвящения». Тайна христианства иная — и немногие ее знают: это тайна духовной жизни, просвещение человека благодатью Духа Святого, преображение грешного и падшего человека в благодатное богоподобное существо. Эту тайну можно познать только путем личного опыта, но передать ее в совершенстве никому нельзя. Только некоторое представление о ней можно составить из аскетических творений

Св. Отцов Православной Церкви, где указываются некоторые пути к ее достижению.

Большинство православных в наше время, даже из духовенства, утратили, к сожалению, всякое представление об этой тайне духовной жизни, о смысле христианства и земном назначении человека. Этому удивляться не следует, ибо полноту Божественного учения могут вместить и промыслить немногие. Действительно, на этом пути «много званых, но мало избранных», — говорит Господь. В наше время упадка и всеобщего духовного оскудения таких людей становится все меньше и меньше. Не надо поэтому соблазняться, если среди встречающихся Вам православных (хотя бы даже и духовенства) Вы мало встретите лиц, разделяющих или хотя бы приблизительно понимающих все то, о чем я Вам писал. Однако же никогда не забывайте, что истинное учение Св. Православной Церкви есть подлинное учение Христа. Вне Православной Церкви Вы не найдете его, как не найдете и средств на деле осуществить учение Христово. В этом я глубоко убежден.

Отвечая на Ваш вопрос, я не могу не коснуться и «делания» или так называемой «умной» молитвы. Тут я расхожусь со многими современными теоретиками. А потому считаю, что еще более и непосредственно вступает человек в общение с Богом в молитве. Молитва есть подлинно духовная жизнь; по мере своего совершенствования человек все более и более ощущает в ней потребность, пока молитвенное состояние не делается постоянным; согласно указанию апостола, необходимо непрестанно молиться. Нужно только помнить, что молитва может быть успешной и плодотворной, если она связана со всей жизнью человека, с его образом бытия сообразно его мыслям, основанным на исполнении заповедей Христовых. Истинная молитва — это высшее искусство, тайна которого хранится в православном монашестве, а о ценности молитвы мы можем судить по плодам, то есть стяжанию благодати Св. Духа.

II.

Напрасно Бердяев кричит о необходимости наряду с любовью к Богу иметь любовь и к человеку. Ибо ведь и это не ново и всем известно. У Бердяева очень много связано с мещанским представлением о социальной помощи, на уровне сострадания «сегодня и сейчас». А завтра?

Современное человечество страдает погрешимостью как раз против первой части этой двуединой заповеди (любви к Богу). О любви к человеку напоминать нет надобности, она никак не оспаривается. А вот любовь к Богу

все более и более охлаждается, самое понятие любви к Богу стало почти что чуждым «явлением» современному человеку. Люди все больше отдаляются и охлаждаются в любви «друг к другу», но при этом забывают, что над ними Господь, и прежде всего нужно любить Его. Вот в чем беда нашего времени. Как можно этого не видеть?

III.

Христианство ослабло не потому, что пренебрегло внешним строительством общества, а потому, что в нем оскудела внутренняя духовная жизнь — непосредственное общение души с Богом, внутренний духовный подвиг. Мы забыли заветы пр. Серафима: «стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи».

IV.

Нет ничего нелепее, как усматривать в аскетизме монофизитство. Тут Бердяев не замечает, что своим учением о «трагедии Божества» сам впадает в богословское монофизитство. Именно монофизитство учит, что Христос хотя рожден из двух природ (естеств), но не в двух пребывает — это христологическая ересь, и Бердяев ее повторяет и не замечает. Им же принадлежит учение о страданиях Божества в отличие от православного учения о его бесстрастности. Самой Церковью была отвергнута монофизитская прибавка — «распныйся за ны, помилуй нас» («мерзкая», как говорится в Четьи-Минеи)... «Аще и разорися Твой храм во время страсти, но... Божество бесстрастно пребысть (канон...)».

Монофизитство (в порядке нравственном) является полным отрицанием человеческой деятельности, свободных усилий человека, его личного человеческого борения и подвига, то есть всего того, в чем выражается высшая сущность аскетического подвига. Аскет — это активный борец за свое спасение (и за спасение всех!), напрягающий все свои человеческие силы на борьбу со злом, на стяжание Духа Святого. Слово «монофизитство», скорее, применимо к протестантскому учению по спасению одной верой без какого-либо усилия и подвига со стороны самого человека.

Вот вкратце то, что я хотел Вам написать. Более подробно об этом было бы лучше поговорить лично. Еще раз простите за промедление с ответом.

м. В.

ИЕРОСХИМОНАХ ФЕОДОСИЙ (ХАРИТОНОВ) КАРУЛЬСКИЙ

Мирское имя — Василий Васильевич Харитонов. Уроженец Саратовской губернии. Родился в 1869 году. Окончил Казанскую Духовную академию, где принял монашество с именем Феофан. После окончания Академии приехал на Афон, где сначала три года жил на келлии св. Николая (Белозерка) Хиландарского монастыря, потом поступил в Пантелеимонов монастырь, где был послушником на каливе у архидиакона Лукиана (Роева), по благословению монастырского чиноначалия работал также в библиотеке монастыря, а с 1914 года жил на Каруле, там по благословению игумена священноархимандрита Мисаила (Сапегина) специально для него была построена келлия Святой Троицы, где он был пострижен в схиму 16 июля 1919 года. Прожив на Афоне около 40 лет, преставился 2 октября 1937 года. Мы включили в этот сборник молитвенный дневник старца, в котором отчетливо можно проследить, какой практики Иисусовой молитвы он придерживался.

Молитвенный дневник старца Феодосия Карульского[49]

20 июля 1937 г.

Слава Богу. Со дня памяти св. пророка Божия Илии снова начал свой молитвенный труд умной молитвой Иисусовой, часто мной начинавшейся и по моей немощи прекращавшейся. За молитвы Пресвятой Богородицы, святого славного пророка Илии и всех святых помози ми, Господи Иисусе Христе. Аминь.

В продолжение суток, с вечера 20-го числа до вечера 21-го, с понедельника на вторник, выполнял свое первоначальное правило суточное: 100 четок или 10 000 молитв Иисусовых попеременно, то одною половиной всей полной молитвы, т. е. «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», то другой половиной: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя» — в различном положении телесном: стоя и сидя, и во время ходьбы. После каждых 20 четок отдыхал ночью 4–5 часов, а днем — полтора часа. При медленном произнесении молитвы старался каждое слово произнести словом или умом со вниманием, заключая ум в слова молитвы. Ум в продолжение молитвы иногда рассеивался и даже на минуту забывался, но опять заключался в слова молитвы. Молитва шла иногда претрудно, а иногда легко от навыка-повторения, особенно когда сердце, хотя мало, ощутит присутствие Божие — Господа Иисуса Христа в произносимом устами или одним умом Его Всесвятом Имени. Душа моя теперь довольна и первоначальной немощною своей молитвой, что занята молитвенным трудом «единым на потребу» и получает от него покой от помыслов различных греховных и суетных, и в таком мирном (устроении) сравнительно с прежней рассеянностью помыслов желал бы встретить смертный час, память о котором соединял я с непрестанной молитвой, как и вспоминание своих грехов. Когда душа и тело утомлялись от непрестанного молитвенного труда, то сердце располагалось к сокрушению и умилению, но я не уделял пока сему особенного внимания и не останавливался сердцем на нем, чтобы незаметно не рассеяться помыслами, а продолжал более внимать умом словам молитвы, особенно святому и сладчайшему Божественному имени Спасителеву.

---

[49] Сайт «Исихазм». URL: http://hesychasm.ru/library/praksis/dnevnik.htm (дата обращения 15/10/2015); см. также: Молитвенный дневник старца Феодосия Карульского. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский Ставропитальный монастырь, 1997; см. также: Непрестанно молитесь! О молитве Иисусовой. М.: Изд-во «ЛАРА». Братство Прп. Иова Почаевского, 1992.

22 июля

С навыком правило совершается легче. Но при легком совершении правила требуется большее внимание ума, чтобы он не рассеивался, ибо тогда незаметно вкрадывается поспешность при повторении умнословесной молитовки. Для поддержания внимания надо останавливаться при каждом новом зернышке-версточке, передыхая по совершении каждой молитовки. В конце правила ум уже утомляется и не в силах делается ко вниманию отдельно ко всякому делу молитвенному, тогда достаточно для него вообще памяти Божией — веры в присутствие Христа Спасителя во святом имени Его, как это бывает при псалмопении. Когда правило исполняется нетрудно и мир помыслов бывает, то враг завистливый, чтобы осквернить молитву, действует на ум и сердце тонкими прилогами тщеславия и высокоумия, если душа во время молитвы оставит память о греховности своей и о смертном часе. Если этим внутренним искушением, при бодрости ума и ненависти сердца ко всему греховному, не достигнет враг своей лукавой цели, тогда он старается смутить душу чрез внешние искушения при встрече с людьми душевно неустроенными и при различных затруднительных обстоятельствах. Сохранение в этом случае спокойствия духа с упованием на Бога и преданием себя Его святой воле и трезвение с молитвой побеждает и это вражие искушение.

23 июля

Пришлось быть побежденным гневливостью в обращении с братом. Сам смутился и его смутил, но вскоре и помирились. По уходе его начали смущать неприязненные помыслы против него, так что от смущения стал терять и дерзновение продолжать молитву, как уже впадший в большой грех. Ученик напомнил скорее браться за молитву, и взялся опять за нее. Припомнился рассказ в Прологе о том, как некий инок, падший грехом плотским с женою, мужеством победил вражие отчаяние. Об этом известил Бог другого, жившего близ него, пустынника. Вразумленный этим рассказом, и я, изгоняя память о происшедшем смущении, какое с разными неприязненными мыслями и чувствами продолжал наносить враг и во время молитвы, при помощи Божией скоро восстановил свой мир душевный: стал потом укорять не брата, а себя самого и жалеть его в происшедшем между нами смущении. Слава Богу, явно помогающему нам в молитвенном подвиге в борьбе с завистником нашим, врагом.

24 июля

С большим все навыком к постоянной молитве все более изощряется и устанавливается внимание ума к словам молитвы и ощущается в них присутствие Божие, проявляемое чувством сокрушения и умиления. А вместе с этими сердечными чувствами и ум все более и более приближается к сердцу — вместилищу и органу их.

25 июля

В этот день, сверх ожидания, по побуждению ученика не оставлять и в трудностях правила молитвенного, исполнил все свое положенное правило 10 000 молитв, вместе со служением Божественной Литургии и требо-исправлением — причащением больного брата в его келлии, потребовавшим около трех часов. Когда, при помощи Божией, внимание ума установится и чувство ума пробудится, тогда и молитвенное правило совершается легче и во времени успешнее, не принося, однако, ущерба качеству молитвы, вниманию и чувству.

26 июля

Посетил гость — знакомый благодетель, обительский монах. Разговор с братом о неустройстве обительской жизни и, более того, о делах мирских, которыми заняты мысль и чувства посетителя, затрудняет блюсти собранное в предыдущее уединение трезвение и молитвенное настроение. Боишься и Бога оскорбить невольным как бы невниманием к Нему во время беседы, ради суетной во многом беседы, не относящейся к «единому на потребу». Боишься, с другой стороны, и ближнего смутить как бы безучастием к беседе с ним, что выражается и в лице, и в тоне речи и от тонкого наблюдателя-собеседника не укрывается. Однако по окончании вынужденной беседы опять скоро возвращается прежнее молитвенное настроение, когда сам добровольно не увлекался ей.

27 июля

За молитвы святого великомученика Пантелеимона, память которого сегодня празднуется, Господь сподобил и Литургию отслужить, и молитвенное правило свое исполнить. Во время Литургии почувствовал благодатное присутствие святого великомученика, святые мощи которого в престоле

нашей, освященной архиереем, церкви. Также милость Божия ощутительно восчувствовалась в сердце по усердной моей молитве к великомученику, как бы извещение некое божественное и прощение Господом прежде бывших доселе моих грехов. В сердце водворился глубокий мир Божий. Смирение, сознание своего духовного убожества, горестное сознание своей греховности с рабским страхом претворилось в радостную «печаль по Бозе» — жалость больше о том, что своими грехами оскорбил Тебя милосердного Спасителя моего. Помоги мне, Господи, всегда хранить эту радостотворную печаль о Господе и бояться лишиться этого драгоценного для кающихся грешников дара великого неизреченного милосердия Твоего и человеколюбия.

28 июля

На прощание гость прочитал выписки из Номоканона (кажется, игумена Глинской пустыни Филарета) о строгости правил общежительной обительской жизни, с одной стороны, а с другой — многие большие нарушения их в обителях, и этим он много соблазнялся и недоумевал, как и спастися теперь в обителях. Закрывать глаза от истины строгости правил нельзя, ибо они — каноны Вселенских и Поместных Соборов и частных св. отцов Церкви — выражение святой воли Божией, и с легкомыслием, с каким они нарушаются иноками, нельзя извинять слабости жизни нынешней. Правду нужно сказать, чтобы не оправдался от дел закона никто из нас, иноков. Нам грозит неминуемый суд и наказание, но отчаиваться по сему одному не нужно. Есть убежище для нас — покаяние, если будем искренне осуждать себя и каяться с сокрушением во грехах и слабостях своих, по этому исправляться, то получим помилование по бесконечному милосердию Божию. Самая строгость закона побуждает идти в это убежище. В строгости закона тайно действует милость Божия, спасающая грешного человека страхом.

Итак, при взгляде на современную нашу жизнь требуется покаянный плач о себе и о ближних наших, подобных нам грешникам, смирение, уничижение себя самого и сострадание к ближним, а не фарисейский соблазн и жестокое осуждение грешников, которые могут быть евангельскими мытарями, оправдываемыми неведомым нам судом Божиим, паче фарисеева. В подвиге молитвенном особенно нужно памятовать притчу Христову о мытаре и фарисее и держать в сердце внушаемое ею христианское чувство смирения, и не осуждать ближних. При молитве умно-сердечной, когда она углубляется внутрь сердца, ум чистый от помыслов просветляется, тонко начинает уразумевать

божественные истины священного откровения, печатлеемые в сердце Божией благодатию; довольствуйся тем, что печатлеет на сердце благодать Божия, не углубляйся в это самодеятельно умом в созерцание и разумение этих тайн, когда ум твой не очищен от помыслов человеческих. И берегись в это время тонкого, незаметного высокоумия, которое обнаруживается начинающимся тонким внутренним каким-то смущением сердца. Это знак, что начинаешь из области света и мира вступать в противоположную область тьмы и смущения вражия.

29 июля

По отбытии гостя стало спокойнее на душе. Но покой этот ослабил внимание ума и чувства к Богу, бывших в тесных внутренних прежде обстоятельствах. Так духовное внутреннее дело Божие спеется более и крепнет в попускаемых внутренних подвигах и бореniях, чем во всегдашнем покое: «Кто не в борении и подвиге, тот в прелести» (Епископ Феофан Затворник).

30 июля

А вот приспел и новый подвиг и борение: погонщики мулов перевозить начали груз с моря наверх мимо нашей каливы и моего помещения. Сначала не возмущался шумом и гиканием, и звонками, и подпольным гулом от проходивших мимо мулов по подпольной скале. В молитве Бог подавал духовное рассуждение к успокоению сердца. Вспоминался и преподобный Макарий (Египетский), прежде бывший погонщиком ослов, и преподобный Андрей Христа ради юродивый, среди шума царьградского на улице соблюдавший внимание и постоянную молитву к Богу, и другие Христа ради юродивые, хранившие внутреннее безмолвие среди шума городской жизни. Припоминалось из жизни святых, как бесы и во сне не давали покоя некоторым святым своими мечтательными страхованиями и явными нападениями. Когда это духовное рассуждение держалось внутри своей души, оно имело силу успокоительную от шума и молвы; а когда оно открыто было другому (может быть, самодовольством и тщеславием), оно потеряло свою прежнюю благотворную для спокойствия сердца силу и явилось уже нетерпение, потом и смущение. На монаха-старца-муларщика сначала смотрел как на преподобного Макария, а потом готов уже был считать его неистовым бесноватым, пока не одумался и не увидел здесь вражьего искушения, попущенного для смирения. (Тайные

брани и защищения не всегда и не всем нужно открывать, чтобы не потщеславиться по немощи и не дать врагу повода к большему нападению.)

31 июля

Два дня совершал молитву Иисусову полную: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Чтобы внимать каждому слову полной молитвы, требовалось больше времени и напряжения ума, для исполнения положенного правила, с ущербом для чувства сердечного. С охлаждением же от непосильного труда чувства сердечного в непрестанной молитве стало ослабевать и внимание к словам молитвы, и духовное дело молитвы переходило по временам в дело механическое — совершение правила с забвением и сухостью. После порассудил паки держаться, как вначале, половинной молитвы, со вниманием особым к качеству молитвы: светлости ума и живости сердца.

1 августа

Вот уже десять дней миновало моего молитвенного труда. Внешний порядок наладился: с вечера, после ужина, 20 четок (2 000 молитв); на утрени столько же (после четырехчасового ночного отдыха); после чая утреннего до обеда — столько же; (после часового отдыха) после обеда столько же и, наконец, за вечерню — столько же до ужина. Правило совершал в разном положении тела: по три четки и сидя, и стоя, и на ходу. Поклоны малые совершал стоя по три четки. На каждые 10 четок (1 000 молитв) испробовал и полную и сокращенную молитву. В конце остановился на сокращенной, более удобной по немощи моей, первоначальной для внимательного совершения правила. Правило успевал совершать и в те дни, когда совершал Литургию и когда отвлекаем был посетителями. С учеником же только занимался беседой во время трапезы или кратко, по разной надобности, в продолжение суток. Для чтения или для другого какого-либо занятия (например, писания) времени не оставалось. Слава Богу, что словесной молитвы непрестанной (хотя и не всегда одинаково внимательной) навык: когда не было какого-либо постороннего развлечения. И после перерыва во время какого-либо развлечения, снова восстанавливалась, при напряжении внимания, постоянная непрестанная молитва, которою при помощи Божией охранялось трезвение

ума и прогонялись происходившие вышеуказанные смущения сердечные, каково произошло и еще.

2 августа

По слову Христову: «Враги человеку домашние его» — и еще более чувствительно — переживаются искушения, чем со стороны внешних, с которыми у нас более слабые узы. По моему невниманию после Литургии произошло смущение — оставление молитвы внутренней. Случилось оно по поводу непослушания ученика, вызвавшего у меня гневливое чувство негодования. Но, благодарение Богу, молитвой после чая восстановил свое спокойствие сердечное, осознав свою оплошность, извинил ученика — немощного послушника. Покаялся и он в своем непослушании, и прежний домашний мир восстановился. Все попускает Бог для нашего смирения и большего над собой бодрствования, ибо враг «яко лев рыкая ходит иский кого поглотити».

К вечеру того же дня нашла новая буря помыслов: брат, служивший другому брату больному, утомившись служением, просил освободить его от этого. И вот заботливые помыслы: кого назначить и долго ли продолжится такой уход за больным в нашей пустынной жизни. Заботливые помыслы, как волос в глазу, смущают умное око и препятствуют молитве не менее яростных помыслов. Много раз ум во время молитвы отклонялся к предмету заботы. Но усиленное внимание, а главное, предание всего в волю Божию, промышляющую о нас, успокоило смутившееся прежде всего излишними заботливыми помыслами сердце, и чистота ума, необходимая для молитвы, опять восстановилась на следующий день.

3 августа

Удалились при Божией помощи недоуменные обстоятельства мысли, хотя отвлекались ко вчерашнему, но сравнительно слабее и нечасто возникали для нее новые предметы заботы о причастниках Святых Христовых Тайн в предстоящий праздник Преображения Господня, но и этих предметов решения я, с упованием на милость Божию, отложил до самой исповеди их; тогда дастся, что подобает глаголати и творити для спасения ближних, ибо смирение и снисхождение к немощам ближних. Смирение и любовь — начало и конец христианской духовной жизни, и такое настроение души

всегдашнее — необходимейшее условие для успеха, в частности, в молитвенном подвиге.

4 августа

После вышеупомянутых смущений гневом и заботливостью молитва шла с рассеянностью ума и хладностью сердца — более только словесная. Это привело к невольному смирению, а за смирением последовала и милость Божия: ожил дух, сердце умилилось и просветлел ум и стал бодр ко внутреннему вниманию. Хотя бы правило исполнялось неопустительно, и словесная молитва не прерывалась, но это еще не молитва, а только внешнее выражение ее. Чтобы не остановиться на этом подвиге, нужно всегда помнить, что молитва есть дыхание души, живая беседа ее с Богом — Христом Спасителем. «Сладчайшее Имя Его да будет тебе вместо Него Самого» (святой Иоанн Кронштадтский), а посему и слова молитвы, особенно имена Господа, Спасителя, должно произносить с особенным благоговением, и тогда из него, как из сосуда, будешь черпать «живую воду», текущую в жизнь вечную. К вечеру снова враг по невнимательности моей хотел смутить сердце по поводу ухода за больным. Но скоро очнулся, и покой сердца восстановился в молитве.

5 августа (День моего пострига в схиму)

Слава Богу, упование на Господа не посрамляет: озаботившие мой ум и сердце помыслы о больном и об исповедниках и причастниках не произвели своего смущающего действия: и больному нашелся услуживающий, вместо отказавшегося, и исповедь прошла мирно. Теперь будем готовиться к светлому празднику Христова Преображения: да воссияет и нам грешным свет Его присносущный молитвами Богородицы, и да обновятся в душе моей чувства покаяния и пострижения в схиму, которая есть образ сугубого покаяния с умерщвлением миру и молитвы не только о себе, но и о всем мире. Схимник — всегдашний неусыпный молитвенник к Богу, в каковом подвиге более всего выражается умерщвление миру для жизни во едином Боге. С наступающего праздника мы со своим спутником положили мне начать заниматься «художественной» молитвой. Для сего после вечерни, пред ужином, прочитали подходящее учение из Никифора Уединенника в «Добротолюбии». Но при чтении произошло искушение: мой сожитель, читавший «Добротолюбие», по какому-то моему замечанию ему во время чтения зазрел меня в подозрительности, а потом и строгий суд высказал на мою

частую гневливость и нетерпеливость и по одному недавнему, припомненному им случаю моей вспышки нетерпеливости по поводу его медлительности в исполнении своего приказания, и, тогда же, как заметил он, увидел ясно, что молитва мне не дается, как страдающему гневливостью и вообще строгостью и жестокостью к ближним, и советовал мне, в противоположность тому, иметь простоту.

Я вполне принимал его обличение и совет, но видел резкость его суждений о моей страсти и непостоянство в этих суждениях. То он поощрял меня на умную и даже «художественную» молитву, то вдруг резко и решительно высказывал безнадежность и неспособность мою к ней. Я тоже стал сомневаться в себе, сознавая свою опасную страсть, и в нем за то, что он — сам неопытный и новоначальный в деле умной молитвы (а только начитанный) — из чина советника и спутника выступает диктатором совести и предводителем моим, что и для него не полезно. Хотя он и мог быть полезным мне своими замечаниями, как близкий мне, но при такой же самонадеянности его я не мог довериться ему, как незаблудному учителю, орудию Божия Промысла, Который действует только через смиренных. «Идеже два или три вас совещается о какой-либо вещи или собраны во имя Мое, то будет им от Бога, или Я посреде их». При совещании только двух или трех под руководством Господа, а не при своенужии и любоначалии, спеется благое дело Божие. Власть, с одной стороны, и послушание, с другой, правильно и благоплодно действуют только в отношении начальника и подчиненного или старца и ученика, а не в отношении равных спутников-советников в общем предпринятом деле Божием, тем более не в отношении ученика к старцу. Итак, я оставил «художественную» молитву, как несвоевременную для меня, а стал продолжать по-прежнему простую с упованием на милость Божию.

6 августа

Бдение прошло в обычной молитве Иисусовой. Под конец правила, когда обратился в молитве ко Пресвятой Богородице, чувство умиления исполнило сердце, как будто я соскучился, не призывая, как прежде, обычно в молитве Пресвятую Богородицу и святых, а довольствовался теперь во всем молитвенном правиле одною молитвой Иисусовою. Если и святые великие молитвенники, таинники Божии призывали в молитвах Пресвятую Богородицу и святых угодников Божиих, как друзей и слуг Божиих, тем более и мы, немощные и грешные, нуждаемся в ходатайстве за нас святых Божиих при

молитве Иисусовой и не забывать совершенно о них, особенно Пресвятую Владычицу Богородицу. Посему-то и преподобный Серафим Саровский как сам творил, так и других учил творить после обеда молитву Иисусову с прибавлением: «Богородицею помилуй нас».

И при Божественной праздничной Литургии сподобил Господь умиления, а также вечером, при окончании молитвенного правила. Чувство умиления, исполняющее сердце, без особого художества может показать место сердечное и служить простым, естественным (а не искусственно-художественным) и благодатным способом вхождения в него и пребывания в нем. Этим способом благодать Божия учит простых и усердных молитвенников истинной умной молитве (Св. Максим Капсокаливит), хотя, может быть, и не так скоро, как вместе с художественным способом, предлагаемым святыми отцами в «Добротолюбии», особенно под руководством опытного наставника.

Днем мой сожитель опять начал дело о «художественной» молитве (такова его ревность о ней). Для памяти дал мне выписку из св. Григория Синаита в «Добротолюбии»: «Истинное начало молитвы есть: 1) сердечная теплота, попаляющая страсти; 2) отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением и 3) утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все приходящее в душу, говорят святые отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемлю его, несть от Бога, но послано от врага». Эту выписку я понял как рецепт на вчерашнее мое сомнение и малодушие, какое произвела на меня вчерашняя нами начатая беседа по прочтении из Никифора Уединенника о «художественной» молитве. Размышляя по поводу этой данной мне сожителем для напоминания выписки из преподобного Григория Синаита, я думал, что преподобный Григорий говорит о начале истинной, т. е. совершенной духовной молитвы, которая действительно начинается с теплоты сердечной, и возбуждается и продолжается радость и прочие плоды благодатные; а не о той новоначальной, к какой мы приступаем с покаянием и сокрушением и с целью побеждения страстей. Иначе мы, еще страстные, совсем не должны и приступать к этой молитве — умно-сердечной. Об этом подробно рассуждается в житии блаж. Паисия Величковского (собственно, у сотрудника его Василия Поляномерульского). Равно и выписку о «сомнении и удостоверении сердца» мой сподвижник, как мне кажется, должен бы смиренно приложить как рецепт к себе, что вел вчерашнюю беседу не в духе Божием, а, как я заметил уже, самонадеянно, с ревностью не по разуму, а потому его строгое суждение и осуждение моей

неспособности к умно-сердечной молитве породило во мне сомнение и малодушие. Вечером он опять начал беседу об умной молитве. Я хотя и не желал (ибо смущался немного за его настроение), но высказал ему только что записанное мной свое мнение по поводу вчерашней беседы нашей; но в самооправдание, что будто он говорил о неспособности моей к совершенной, а не вообще умно-сердечной, «художественной» молитве, не принял он со смирением моих замечаний, и мы оба решили, что мы не готовы к молитве умно-сердечной «художественной», а должны только плакать о грехах своих в покаянии новоначальной молитвы. И порешил я продолжать начатый уже способ умно-сердечной молитвы, в дальнейшем уповая на милость Божию, ибо молитва, по Лествичнику, есть уже уменьшение раздражительности (Слово 28), и с тем мы распростились и пошли ко сну ночному с чувством малого неудовольствия сердечного о таком исходе нашей беседы.

7 августа

При первом пробуждении от ночного сна меня немного зазрила совесть. Напоследок вчерашней вечерней нашей беседы мой собеседник заключил: «Теперь я ничего не буду говорить и навязываться со своими наставлениями, а буду говорить, когда спросят меня». Но я на это ответил: «Не о чем теперь уже спрашивать». На это он, смирившись, смолчал, а мне бы по смирению надо бы и за это его поблагодарить, и все-таки я имел бы с кем проверять себя, а там дело опять наладилось бы. Но я, однако, для приучения своего ученика к смирению, для пользы его удержался от полезного мне извинения пред ним, думая и наперед пользоваться его замечаниями при всяком случае. День этот прошел не в такой же внимательной, как прежде, молитве. Мысль часто возвращалась к предмету предыдущих несогласных бесед, а чрез то и к другим предметам попечительности. Это заметно было и для моего сожителя, и он по своей ревности не утерпел заметить мне: «Забыли, батюшка, свои тысячи» (т. е. молитвы). Я же, приготовившись принимать его замечания для пользы своей, с охотой сознался пред ним в своем развлечении и просил прощения, и он остался, как заметно было, доволен этим моим признанием, и дело пошло, слава Богу, как будто наладилось по-прежнему. И правило свое докончил со вниманием и на другой день.

8 августа

Все правило свое закончил к заходу солнца, хотя четыре часа потратил на принятие посетителя и приготовление обеда вместо брата (ученика), ушедшего в лес за дровами и проходившего там десять часов. Сегодня память св. Григория Синаита, аскетического об умной молитве писателя, его же молитвами да сподобит Господь и нас своего преуспеяния в ней.

9 августа

Вчера пришедший гость еще отнял у меня на беседу с собою часа три. Много говорил за себя, и мне пришлось более слушать и только изредка отвечать. С многоговорливым, о духовном однако, гостем надо более предоставлять ему говорить, чтобы не оскорбить его, а самому в это время не внимать много его беседе, молиться тайно и за себя, и за него, и Господь Сам положит на сердце его прекратить беседу, когда она не нужна и праздна становится. После, отпустив его с обоюдным миром, легко можем перейти к своему молитвенному подвигу. Однако после беседы на вечернем, после ужина, правиле ослабел и душевно, и телесно. «Тяготы друг друга носите» (Гал. 6, 2).

10 августа

На утреннем правиле, во время молитвы, пришел помысл: какого чувства мне должно держаться в покаянной моей молитве, ибо она по виду и состоянию кающегося разнообразна и св. отцами разно указуется. Тогда я в помысле помолился, чтобы Господь Иисус Христос Сам Своей благодатью напечатлел то чувство покаянное, какого я преимущественно должен искать от Бога и, получивши, хранить. И чрез несколько минут пережил снова то чувство, которое испытал и записано мною на день св. великомученика Пантелеимона. Это чувство умиления — «печаль по Бозе», — что своими грехами оскорбил Милосердного Господа Спасителя. Это, вероятно, то, о чем говорит вышеприведенная выписка из Григория Синаита об истинном начале молитвы (см. 6 авг.): «Истинное начало молитвы есть сердечная теплота» и прочее. Но при этом радостном плаче не должно забывать и страх Божий, свою греховную срамоту, опасность падения, память смерти, муку вечную, особенно когда борют помыслы тщеславия и высокоумия, к которым я, многогрешный, особенно склонен, это низшее чувство «страха сыновнего» — боязнь лишиться милости Божией отеческой. При воспоминании своей греховной нечистоты должно избегать подробного в воображении плотских грехов, чтобы

не обновлять ощущения их в сердце, не огражденном всегда страхом Божиим; или при живом чувстве страха Божия и в то же время своей греховности не впадать в чувство нечаяния-безнадежия, сопровождающегося тяжелым чувством смущения, погубляющим молитву и приводящим к смерти душевной. От сего ли сохранит нас Господь, подкрепляющий в минуты глубокого сознания своей греховности. Гордость и высокоумие — причина, с нашей стороны, в таковых тяжелых искушениях, смирение же избегает их.

11 августа

Слава Богу! И правило свое молитвенное исполнил, и в запасе лишних 2 000 молитв собралось. Это пойдет в дни, в которые по непредвиденным случаям не будет выполнено все ежедневное правило. Или это пойдет за моего ученика, прочих чад духовных, за родственников и благотворителей. В часе, когда Бог даст молитвенное умиление, не спеши в то время поминать имена, чтобы перечислением имен не развлечься и не лишиться умиления. В это время Господь приемлет и одно твое воспоминание о всех или без твоего воспоминания помянет прежнее твое поименное поминовение, ибо за Богом молитва не пропадает, как за царем служба (по пословице).

12 августа

При умиленной молитве не отвлекай внимания своего от слов молитвенных к какому-либо внешнему образу или иконе Христовой. Пусть внутренний образ Господа, напечатленный благодатию Божией в умиленной молитве, неразрывно связан будет с именем Господа Иисуса Христа как со своей умной иконой. Тогда, при всяком воспоминании имени Христова, будут пробуждаться живые чувства веры и любви к Спасителю, подобно тому как при взгляде на фотографическую карточку любимого лица или простого воспоминания о нем пробуждаются в душе нашей и соответственные чувства к нему. Связывать чувства свои веры и любви ко Господу с именами Его безопасно; (надо) держать ум и сердце в области внутренней — духовной и не попускать переходить им в область внешнюю — мечтательную, как это бывает при воззрении на икону и при представлении внешнего образа Христова (1-й род молитвы по преподобному Симеону Новому Богослову)[50].

---

[50] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о молитве и духовной жизни... Указ. соч. — Письмо 16. С. 402.

13 августа

Среди прошедшего дня при объяснении с одним братом, поздно возвратившимся с работ к концу Успенского поста, произошло малое некое неудовольствие с моей и его стороны. Он желал причаститься в день Успения Пресвятой Богородицы, а для лучшего приготовления его ко Св. Причащению, после долгой отлучки, советовал ему отложить это дело до следующей субботы. Он сначала согласился, а потом слышу со стороны, стал роптать на меня. Думаешь полечить человека, сделать для душевной пользы его лучше, а он, не разумея того, в самооправдании исполнить свою волю, получает от того еще большую рану. Как трудно приходится духовнику с таковыми немощными братиями! Недоумевает, что лучше делать для его спасения и собственного мира душевного, без которого невозможно держать постоянную молитву. Помоги, Господи, вразуми, как поступить. Сам устрой во благо наше. От сего некоего смущения и вечернее, и утреннее правило молитвенное совершалось рассеянно; мысль отвлекалась к прошедшему. Но благодарение Господу Спасителю, во время часов посетила минута умиления, мир восстановился в надежде на дальнейшее вразумление Божие, и совесть стала мирна, что в происшедшем я не оскорбил много Господа и не лишился еще Его милости.

14 августа

Слава Богу, по милости Божией Матери, исповедь братии совершалась мирно. Завтра праздник Ее, а сегодня бдение. Много человек противится очевидной воле Божией примириться с наставляющим его о Господе по духовному своему неведению, которое, в свою очередь, происходит от нерадивой нашей христианской монашеской жизни, от небрежения заповедей Евангельских и святоотеческих. Требуется духовнику вразумлять бесчинных, и тогда они легче примут духовнические требования, видя их законность и полезность для себя. Но для сего духовнику потребно терпение и снисхождение к немощам человеческим и сострадание, а не негодование к грешникам, почему он называется отцом духовным, что муками страданий своих за них пробуждает и питает в них жизнь духовную. Тогда и молитва его за них искренняя, дерзновенна и благоприятна пред Богом. Исполнить свой долг пастырский он в мире совести может своею внутренней безмолвной жизнью, т. е. молитвой. Молитва же чад его духовных за него помогает ему преуспевать в том по милости Божией.

15 августа

А вот вначале еще, перед бдением, встретилось немалое искушение: брат по своей вине (непослушания), оставшийся ходить ко мне на исповедь, требовал (а не просил со смирением) причастить его. Видя раздражение в нем, я отклонил его. И все бдение прошло благополучно. В конце же брат тот с большой настойчивостью и дерзостью требовал от меня причастить его, и, несмотря на мои добрые убеждения отложить причастие до будущего объяснения, он, не послушав меня, продолжал (в сильном раздражении) требовать и тем произвел во мне смущение. Смущенный, я все время после бдения до Литургии не мог заснуть. Молитва прерывалась помыслами смущения, как бы брат тот во время самого причащения не произвел еще большего смущения. Во избежание сего, по малодушию своему, я на время даже принял помысл оставить Литургию. Но потом хотя и изнемог телесно и духовно, но в уповании на милость Божию и Царицы Небесной — виновницы празднества — решился служить и отслужил, сверх чаяния, при очевидной помощи Божией Литургию мирно, приобщил братию, сходил еще приобщить больного брата. Произведший смущение брат, вразумленный некоторыми из братии, пришел только к антидору. Возблагодарил я Господа Спасителя и Его Пречистую Матерь, однако воспоминание о происшедшем в беседе с учеником и недоумение, как наперед поступить с тем братом расстроенным, чтобы избежать дальнейших искушений, — все это перебивало молитву и не давало мне достаточно и спокойно отдохнуть после моих трудов, трудов бденных. Слава (Богу) Господу, смиряющему нас подобными искушениями, да не превозносимся. Как дорого в подобных искушениях сочувствие от кого-либо, понимающего твое душевное трудное состояние, и тяжело в это время оставаться без понимающего тебя и без участия. Враг влагает в этом случае помысл нечаяния, якобы оставления от Бога. В эти минуты духовного одиночества надо утвердиться упованием на единого Господа Спасителя, без благой воли Которого ничего не совершается с нами. Ни тварь какая видимая, ни бесы, ни враги невидимые не могут без попущения Божия вредить нам. Видя всегдашнее в брани заступление Божие, надо мужественно отвечать врагам на помыслы их отчаяния: «Аще паки возможете, паки побеждени будете». Господа Бога нашего освятим, призывая Его всесильное Имя в молитве, и Той будет нам в страхе. «Страха же вашего не убоимся ниже смутимся, яко с нами Бог». Поведал, призвав имя Господне, свои чувства своему дневнику и получил от него ответ на них. Прояснился взор ума на происшедшее искушение. По написании

этих строк помолился, и надменное пережитыми мыслями и чувствами сердце в сокрушении смирилось. Прилег отдохнуть немного и чрез несколько минут почувствовал, что ощущавшийся доселе и в сердце, и во всем теле жарок, вроде нервной лихорадки, вдруг сменился «хладом тонким», и во всем сердце, и во всем теле сердечное биение и дыхание стало ровным и спокойным, и молитва моя, прежде понуждаемая усилием, (пошла) теперь обычно ровно и легко, и все тревожные пережитые помыслы и чувства отошли, и мой прежний видимый возмутитель без влияния врага стал бессознательным, невольным в руках Промысла Божия моим благодетелем, заслуживающим с моей стороны сожаления и молитвы за него.

16 августа

После Литургии до обеда время прошло обычно. Вечером же сегодня и поутру следующего 17 августа беседовал с учеником о прочтенном в «Добротолюбии» у Феолипта Филадельфийского определении существа молитвы: «Когда ум, словно и дух припадают к Богу, первый — вниманием, второй — призыванием, третий — умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу как заповедует Господь: *"Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего"*» и прочее (Лк. 10, 27). А после обеда, ради отдыха от молитвенного подвига, прочитавши вместе с учеником из жития преподобного Максима Исповедника, излагали в сокращении его опровержение монофелитской ереси.

18 августа

Во время утреннего правила помысл отвлекался к прошедшему (15 августа) смущению: не погрешил ли я в чем тогда. Во время часов сподобился умиления, и, проверяя в те минуты свою совесть, я нашел ее мирной, кроме немощи моей, заметно не погрешившей ни против Бога, ни против ближнего — брата, давшего повод к смущению. Без такого молитвенного извещения одним обсуждением не всегда успокаиваешь свою совесть, без чего трудно продолжать молитвенный подвиг, враг смущает то помыслами ревности, строгости в деле Божием, то снисхождения и милосердия к ближнему.

В молитвенном же извещении те и другие помыслы примиряются по Писанию: «Милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастася». Так как при моем немалом молитвенном правиле почти всегда недоставало мне времени для чтения приличных моему настроению книг и к продолжению

написанных мной, почти за полгода сокращенных (по Четьим Минеям св. Димитрия Ростовского) Житий святых, то правило свое я, с совета сожителя, сократил на 2 000 молитв или 20 четок, по времени около двух часов. И правило молитвенное отселе я буду совершать, несмотря на количество молитв или четок, а на время, какое требуется для совершения их, и это для того, чтобы иногда, гоняясь за количеством положенных молитв, не поспешить в ущерб качеству молитвы; при наблюдении же одного времени (избежать) легче этой нашей человеческой немощи — предпочтения количества молитв качеству их.

19 августа

На рукописании у икон преподобного Сергия Радонежского иногда пишется: «Молю вас, братие, прежде всего имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную». Проходящему молитвенный подвиг должно быть особенно внимательным в обращении с своим телом и во время исправления необходимых потребностей телесных хранить свое зрение и осязание. Некоторое небрежение в этом случае немного смутило мою совесть и на время лишило дерзновения в молитве, но, ощутив в молитве ходатайство и заступление матернего милосердия Пресвятыя Богородицы, я успокоился в совести и стал продолжать свое молитвенное правило с прежним спокойствием и дерзновением.

Как необходим молящемуся мир совести. Вмешательство в какую-либо работу другого и особенно повелевание рассеивает внимание и охлаждает сердце к молитвенному делу. Будь равнодушен и безучастен в этом отношении, если не просят о помощи, и сохранишь мир собственный и другого. Оставление молитвы без особенной нужды и на краткое время вредно для нее: «Непрестанно молитеся».

20 августа

После продолжительного развлечения мыслей и забвения Бога последует и долговременная сухость в молитве. Только после смирения и усиленного сокрушения своего сердца приходит сладостное умиление в душу, как дождь на высохшую долговременной засухой землю. Эти оба состояния испытал сегодня, когда время после часов и утреннего чая употребил до обеда на дела не весьма необходимые.

21 августа

Вот и месяц прошел моего молитвенного труда. Что приобрел? На это трудно ответить, потому что, где увидишь свое убожество, там неожиданно последует за смирением и сокрушением милость Божия, поддерживающая нашу немощь и сохраняющая нас от чувства безнадежия, а где увидишь кажущееся преуспеяние, там за самодовольство и самонадеянность следует лишение благодати Божией, смиряющее нас и предохраняющее на будущее время от возношения и неминуемой за ним прелести. Одно только чувство: слава Богу и за малое приобретаемое при помощи Божией. Первое — сознание своей немощи и страстности душевной. При малейшем ослаблении внимания ум скоро уклоняется не прямо в грубогреховные, нечистые и неприязненные помыслы, но больше всего в суетные. Второе — искреннее благодарение Господу, так как Он всегда готов помогать нам в самонужнейшем нашем деле спасения — молитве, едином на потребу всем христианам, особенно нам, монахам.

Правило постоянного повторения молитвы Иисусовой, обратившись к первоначальному механическому навыку, привыкнув с усиленным трудом в одну седмицу, при внимании легко исполнял все время. Внимание, требующее особенного напряжения душевного, не всегда легко сохранялось, особенно когда в каком-либо из вышеописанных искушений терялся мир сердечный. Чувство же сердечного умиления, порождаемое чувством страха Божия или любви ко Господу, что необходимо для совершенства молитвы, — редкий гость, милостивый посетитель и утешитель, посылаемый мне от Господа более всего после искушений и моего невольного от них сокрушения, для поддержания моего малодушия и укрепления надежды на Господа Спасителя с преданностью Его святой воле.

Что касается молитвы «художественной», за это время я, по совету преосвященного Игнатия Брянчанинова новоначальным, особенно не искал места сердечного, обращая больше внимания на внимательное, благоговейное призывание Имени Божьего. Когда же «место сердечное» само собой определялось и ощущалось во время благодатного посещения умиления, тогда по совету другого преосвященного молитвенника епископа Феофана Затворника, пребывая умом в сердце в указанном умилением месте сердечном, творил там умом молитву, пока не отойдет умиление и не прекратится ощущение опытом места сердечного. После же не искал сам художественно (искусственно), по указанию святых отцев «Добротолюбия», места сердечного

и не творил там «художественной» молитвы Иисусовой, чтобы несвоевременным и ошибочным «своим деланием» без руководства наставника не усвоить неправильных приемов и не навредить себе в будущем, как бывает иногда, по описанию в «Добротолюбии» и других подобных писаниях.

22 августа

Исповедь прошла благополучно, только прискорбно было давать канон больному, страдавшему сужением горла, и пренебрежением в приеме пищи чрез невоздержание к вечеру пострадавшему рвотой, и другому брату, ухаживавшему за ним, по невниманию не употребившему настойчивости против невоздержания больного и еще подавшего ему соблазн приготовленною им для себя самого пищей. Как трудно врачевать каноном душевно и телесно больного, как соблюсти в этом случае приличную меру строгости правила и милости снисхождения к болезни, чтобы канон не нарушил меру той и другой, был душеполезен. Молитвенное же правило в этот день прошло обычно. После Литургии, благополучного причащения братии и после обеденного отдыха и беседы порешили со своим сожителем приступить, по истечении месяца, и к «художественному» совершению молитвы Иисусовой по «Добротолюбию»; ибо в этом уже начала ощущаться и естественная потребность моя к нему. Ознакомившись наперед через прочтение «Добротолюбия» с святоотеческими художественными приемами (искусственными) нахождения «сердечного места» и творения там Иисусовой молитвы, я, без особенного напряжения, иногда естественно переходил к ним при помощи вдыхания в себя воздуха, где оно остановится, определял место сердечное (Никифор Уединенник и Симеон Новый Богослов) и с дыханием соединял молитву, разделяя ее на две половины. Вместе со вдыханием воздуха в себя произносил слова «Господи, Иисусе Христе», для заключения ума вместе с именем Господним в сердце, с выдыханием же воздуха из себя произносил слова «помилуй мя», обращая внимание к самому себе с сознанием своей греховности (святитель Каллист, патриарх Константинопольский, Григорий Синаит). При этом, с переведением ума вниманием в сердце, туда же (для большей собранности) направлял умственно и очи телесные, напряженно наклонив голову к груди, туда же направляя и мышцы выи и рамен с болезненным напряжением (преподобный Григорий Синаит). Делать опыты художественные присоветовали пока по одному часу в сутки.

23 августа

Во время утрени, после часовой обычной молитвы, занимался час «художественной» молитвой с напряженным вниманием в сердце с направлением туда и мышц телесных чувств. В конце часового такого труда внимание стало более тонкое и сосредоточенное. Сначала место сердечное представлялось уму неопределенным — «землею безвидною и пустою», а затем в нем стало замечаться какое-то ощущение жизни телесной — движение органической (жизни), а затем душевный мир — покой приятный. В груди чувствовалась теплота от напряжения мышц и малая болезнь — усталость (ломота). Молитва же легко повторялась в сердце. Так и заснул для отдыха, после утрени, до Литургии.

После Литургии и обеда прочитывали остальных отцов-молитвенников по предмету, нас занимавшему, о пути (методе) схождения ума в сердце, обретения «места сердечного» и образа действия умной молитвы в сердце, и после этого на вечерне молился так же, как и на утрене.

24 августа

В этот день молился так трезвенно и напряженно, как в предыдущий день. Внимание во время «художественной» молитвы, кроме минутного по немощи забвения, развлекалось рассуждениями по поводу вечернего чтения и обсуждения недоуменных вопросов о художестве. По обычном совершении правила часов произошло малое столкновение между нами молитвенниками. Мой сомолитвенник без осторожности, наскоро сотворил молитву, постучав в дверь, вошел ко мне (не дождавшись ответного «аминь») и тем смутил и испугал меня. Я ему сделал замечание, что хотим заниматься молитвой, и ты учишь меня ей, а поведение, приличное молитвенникам, не соблюдаем, и тем мешаем друг другу. На мое замечание он ответил, что так нельзя держать себя, что мы до того молитвой занимаемся, потому около нас — ни стукнуть, ни кликнуть. Я, хотя за его возражением мне признавал долю справедливости и мне полезного для упражнения в терпении, но для его смирения и чтобы впредь он не подавал, по невниманию к своему поведению, часто излишнего повода к смущению и размолвке, вредной для подвига молитвенного, во время чая убедил его отказаться от самооправдания и согласиться с моим первым ему замечанием: каждый образ жизни требует своего собственного приличного поведения, хотя и всегда должно нам упражняться в терпении неудобств и ношении тягот друг друга, чтобы под благовидным предлогом

не быть раздражительным и совершенно неспособным к молитвенному, особенно «художественному» подвигу.

После чая до обеда правило совершил, слава Богу, внимательно и под конец остановился на покойном и мирном совершении молитвы сидя, однако без отчетливого и раздельного внимания к каждому слову молитвы, как это было при этом вначале: с ощущением при вдыхании в себя воздуха, обращения внимания в первых словах молитвы ко Господу, а в последних к самому себе. Во время же поклонов с крестным знамением старался навыкать крестное знамение, творить его во время произношения имени Господа, поклон уже после, с произношением «помилуй мя», чтобы крестное знамение не было одновременным и, как говорят, «не ломать креста». Часто ли при этом произносить слова молитвы, т. е. скоро ли творить молитву и соответственно ей (когда нужно бывает) и поклоны, об этом у разных писателей говорится разно: одни редко и благоговейно, как бы нараспев (еп. Игнатий), другие выражаются, что нужно творить его «часто», без определения в смысле скорости или постоянства (пресвитер Исихий). Одни — «соедини молитву с дыханием», опять без определения в смысле «скорости» или «постоянства». Никодим Святогорец в «Невидимой брани» скорость молитвы Иисусовой сравнивает с обычным в беседе обращением нашим к собеседнику. А в «Рассказах странника» соединяется каждое слово молитвы с биением сердца, что по скорости подобно обычной речи.

Посему думается, что это последнее — средняя мера скорости Иисусовой молитвы. Соблюдать все эти приемы молитвы Иисусовой и чтобы она была в это же время беседою со Господом, очень трудно. Между тем навык к этим приемам умно-сердечной молитвы большей частию узнан святыми отцами-молитвенниками как естественное пособие для успеха в молитве и необходим в своей мере с нашей стороны как первоначальный навык к простой словесной молитве (по «Страннику») для последующей умной — внимательной.

При творении молитвы Иисусовой художественными приемами грудь болит мало — утомляется от согбенного в это время положения тела сердце, а может быть, и легким внутри груди тяжело от задержания дыхания при неспешном, внимательном произношении слов молитвы, соединенных с дыханием. Равно и ум утомляется от напряженного внимания. Сердце же не должно бы утомляться от внимательного напряжения произнесения, как бы заключения в нем слов молитвенных, особенно сладчайшего имени Иисусова, разве только от постоянного вдыхания в себя воздуха, хотя и прохлаждающего его,

однако же тревожащего и беспокоящего его, которое по действию своему подобно воздыханию, по слову псалмопевца: «Утрудится сердце мое от воздыхания моего». Поэтому воздыханием нужно пользоваться только вначале для отыскания места сердечного и для поддержания пребывания ума в нем. Когда ум от навыка и благодатью Христовой утвердится в сердце, тогда постоянные и глубокие вдыхания не нужны бывают, и дыхание надо по святоотеческому руководству (святой Григорий Синайский) мало удерживать. «Так же разделение внимания, т. е. обращение его при первых словах молитвы к Богу, а при последних к себе» (Калист. и Игнат. гл. 48). «В частности, в первой половине при призывании только имени Господня имеет место двоякое внимание ума, то к призыванию, то к Лицу Самого Господа» (по Феолипту Филадельфийскому). Все это при совершенной сердечной умиленной молитве должно быть и будет совершаться естественно без особого утомительного напряжения ума. Когда ум и сердце соединятся с собой и с Самим Господом — и будет Троица во Единице и Единица во Троице. «*Буди, Господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на Тя*» (Пс. 32, 22).

25 августа

На утрене, в конце «художественной» молитвы претрудной, сподобился умиления. Ощутил милосердие Спасителя к нам со внушением: «Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем». Когда собирались парить по утру, после часов, просфоры на самоваре и с большим трудом (от неудобства места) слазил в церковную цистерну намочить просфоры, то сердце смутилось от нетерпения против ученика, что он не исполнил это трудное для меня дело. Но смутихся и не глаголах. От нетерпеливого слова ему по сему поводу удержало воспоминание об умилении со внушенною мне заповедью о кротости. После чая до обеда помолился сидя, без внимания к художественным приемам, и за три четки такой свободной молитвы много развлекся и, только встав, строгим соблюдением приемов и поклонами восстановил внимание и сподобился умиления. Двоякое внимание в молитве, с одной стороны, к Лицу Самого Господа, с другой, к словам молитвенным, соединилось в одно нераздельное внимание к имени Христову: «Господи Иисусе Христе». В сих именах ощущалось присутствие Самого Сладчайшего Господа Спасителя — без всякого внешнего образа. И из имени Его, как бы из сосуда, изливалась живительная сладость в сердце. Так нам, немощным и расслабленным духом, помогают предлагаемые нам святыми отцами от своего опыта и не без

внушения Духа Святаго «художественные приемы» (см. Еп. Феофана: Собрание писем. Письмо 321-е: «Когда ослабело умение привлекать Божию благодать, придумали механический способ, прописанный в «Добротолюбии»: художественное действие молитвы Иисусовой. Это и пригоже бывает» (прим. старца).

Древние святые отцы и, хотя редкие, современные, например приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский, и, может быть, другие сокровенные рабы Божии, простые молитвенники, богаты были живой верой и любовью ко Господу, и посему всегда и просто находились в молитвенном общении с Ним. Мы же, немощные и расслабленные телом и духом, до времени — *«до нарока отча»* (Гал. 4, 2) нуждаемся в пестуне — детоводительстве внешних правил (художеств) закона молитвенного, пока под опекой их не возрастет наш дух молитвенный; как и угодники Божии получают за труд своей веры и любви к молитве, а через нее к Богу, дар «усыновления», т. е. благодатные дары совершенной умно-сердечной молитвы, в которой благодатные сыны Божии непрестанно вопиют: *«Авва Отче»* (Рим. 8, 15 и Гал. 4, 6). Нам же грешным и недостойным довлеет ощущать по милости Божией хотя бы начатки этого благодатного усыновления (Рим. 8, 23) — умиление в извещение отпущения наших многих и великих грехов.

26 августа

После Литургии и после чая, помолившись немного на ходу, присел для молитвы в притворе церковном, там было потише. Скоро молитва пошла себе еще тише, в душе обрелось место сердечное, для нее устойчивое, удобное и покойное. Молится уже не ум, а само сердце, ум только по временам взирает на происходящее в сердце самодвижное молитвенное движение. Само сердце, видимо, смотрело на Господа, на себя и на свое молитвенное призывание Его, как бы на журчащий однообразно далеко в глубине его ручеек. Мир, теплота чувств ко Господу Спасителю, смирение и кротость было дыханием его. В таком состоянии оно представлялось уму моему живым «внутренним человеком», в противоположность «внешнему человеку» — обычному нашему сознанию. О, если бы сподобил Господь благодатию Своею утвердиться нам во «внутреннем человеке» и прочее... (Еф. 3, 16–20).

27 августа

На утрени «художественная» молитва сначала шла слабо и рассеянно, но я понуждал себя на внимание и чувство до изнеможения в груди и хотел уже оставить продолжение такой молитвы. Но вот, после сего перелома воли, ум скоро обрел, или лучше сказать, ему открылось «место сердечное» духовным чувством, как бы тонким жалом плачевного покаяния: «печали по Бозе» о чем-то дорогом для сердца и потерянном благе с неким ощущением его вновь и с некою надеждою опять возвратить его в сердце, а вместе с ним и Самого дародателя его Сладчайшего Господа Спасителя, как это чувствовалось в первые годы сознательного уже детства. Воспроизведение в памяти пережитого удерживает сердце и после в покаянных чувствах. Так молитва внимательная и усердная сопровождается благодатным посещением, постепенно пересоздает нашего внутреннего человека. Всегда нужно поставлять последнею целью молитвенного правила и искать в молитве благодатного посещения, а не останавливаться на нем и на приемах «художественных», не говоря уже о них самих, но и на первом благе, полученном от них, — сохранение от праздности и помыслов во время такого первоначального нашего молитвенного «делания». Первое, т. е. благодать Божия, созидает внутреннего человека, а последнее, т. е. наше делание, только охраняет здание благодати, притом при содействии той же благодати. От одного же нашего внешнего молитвенного делания — и простого, и художественного — рождается и воспитывается зараженный самомнением или, по меньшей мере, последует за ним духовное бесплодие в простых неразумных молитвенниках. «Господи, научи нас молиться», — просили апостолы. Или: «Господи, просвети тьму мою», — постоянно молился один из первых умных молитвенников св. Григорий Палама.

После обеда за чаем прочитали для проверки мой «молитвенный дневник» за три последних дня (с 24 по 27 августа). Мой сотрудник заметил по дневнику и по объяснению моему на его замечание, что неправильное у меня управление дыханием во время умной молитвы. Я употреблял усиленные вдохи, которые оканчивались в месте сердечном, и тем утруждал свою грудь, производя в ней волнение, тогда как в «художественной» молитве требуется тихое и плавное дыхание. Необходимо «удерживать, — по святоотеческому выражению, — борзое дыхание и задерживать его». С этим я согласился.

Другое замечание сделано было на мое выражение (от 26 августа): «Само сердце видит Господа и себя, и свое молитвенное призывание». «Это у вас, батюшка, — заметил мой сотрудник, — соединился ум с сердцем и из сердца видит, а вам кажется — сердце видит, но не сердце, а ум видит». С ним я согласился до времени, когда получу подтверждение более от святоотеческих слов. Также освободил мой сотрудник наперед от необходимости поклонов и призывания слов молитвенных с биением сердечным, особенно затрудняющим меня в числе приемов художественных, святыми отцами прямо не указанных, как и всякой истинной молитвы, состоящих в смиренном, внимательном и усердном призывании Господа умом в сердце.

28 августа

Сегодня на утрене, во время «художественной» молитвы, грудь уже не болела после того, как перестал делать частые вдыхания для определения «места» сердечного. А вместо этого сдерживал немного вдыхание и выдыхание, чтобы дыхание, по святоотеческому учению, не борзо было. От такого сдержанного дыхания в сердце и во всем теле чувствовался покой, что отражалось и на спокойствии духа и способствовало скорее ощущению места сердечного, чтобы творить там умную молитву. Так требуются нам вразумления и поправки друг от друга.

Исповедь в тот день прошла мирно, хотя и ожидал от некоторых из братии неспокойных объяснений на исповеди и сам был озабочен до исповеди. Всякую заботу и в этом отношении надо возлагать на Господа и не приготовлять своих объяснений с неисправимыми исповедниками, по упованию: «В тот час (на исповеди) дается, еже подобает рещи».

Проводив братию, сел в притвор и продолжал свое обычное правило молитвенное. От утомления, вероятно, и рассеянности, предыдущих в обращении с исповедниками, забылся на минуту или менее того. Но то диво, что после минутного незаметного тонкого забвения сном пробуждался с более ясным зрением умом Господа в глубине сердечной, и молитва после краткой остановки сама продолжала твориться опять до тех пор, пока она постепенно незаметно останавливалась, и я снова затем пробуждался с нею. Так продолжалось в течение часа несколько раз.

После обеда послышался издалека голос идущего к нам на беседу поклонника, русского беженца из Югославии. Как ни прятались мы, но вынуждены

были принять его. Так как до вечерни и после нее пришлось с ним долго беседовать о разных скорбных обстоятельствах беженских и требовалось оказывать внимательное сочувствие скорбному, то я под влиянием сего чувства забыл о своем занятии умной молитвой, потерял и место сердечное, с большим вниманием приобретенное. И в тот вечер под праздник Усекновения главы св. Предтечи Господня Иоанна, и на другой день на утрени никак не мог собраться умом и обрести место сердечное, и только призывание на помощь, после молитвы Иисусовой, Пресвятыя Богородицы и празднуемого св. Предтечи несколько смягчило сердце и привело в чувство.

29 августа

На Литургии, слава Богу, причастился с чувством, но после Литургии в новой беседе с гостем снова рассеялся и утомился, но, оставив гостя до обеда, не мог ни отдохнуть, ни направиться на молитву. Во время обеда и позже три часа продолжалась до проводов гостя та же беседа. Пришел после этого в свое тихое помещение, но не смог ни спать, ни молиться внимательно, ибо потеряно место сердечное. Хотя совесть спокойна была за проведенное время в беседе. Пришлось сознаться в своей немощи. Вместе с участием и вниманием к ближнему в то же время надо хранить и свое состояние молитвенное. Но и осознав эту немощь и собрав все свои силы на умную внимательную молитву, не мог получить, пока не вспомнил так часто забываемое нами то необходимейшее для нас в трудах спасения евангельское предупреждение Христа Спасителя: «Яко без Мене не можете творити ничесоже». Вспомнив же и помолившись Господу в сердце о помощи, тотчас незаметно и получил ее. В сердце самом изреклась молитва: «Иисусе Сыне Божий, помилуй», и обрел, таким образом, без художественных приемов место сердечное. Теперь мне пришлось пользоваться ими для поддержания молитвы, начавшейся Божией помощью.

Итак, благодарение Богу, помолился около часу, и усталость от беседы долговременной пропала, и забыл, о чем говорил с гостем, тогда как до этого все, что приходило на ум, отвлекало от молитвы. Сначала мы порадовались, когда на время уклонились от гостя, и он отошел в другое место. Мы же, узнав об этом, потом укорили себя в совести, что, охраняя свое безмолвие, пренебрегаем заповедью Евангельской о страннолюбии и любви к ближнему. И вот Господь дал нам случай исполнить заповедь Христову и увидеть свою немощь

и неспособность еще служить ближнему без ущерба своему духовному устроению. Что, чему и когда предпочесть? Да вразумит Господь на будущее в свое время в совести. Теоретически же это трудно обучить себя навсегда: чтобы заповеди о любви к ближнему и молитве для монаха были всегда равносильны. Одни от святых предпочитали иногда одно, а другие другое (преподобные Арсений и Моисей). В определении того, что чему предпочесть, много значит нравственное состояние, возраст духовного преуспеяния. Любовь к ближним и молитва могут быть в равной степени усвоенными преуспевшими духовно. Немощным же иногда вполне должно оставить служение ближнему для преуспеяния в молитве, а иногда и восполнять недостаток ее служением ближнему, особенно когда сам слабый молитвенник не обходится, а пользуется помощью других (об этом подробно рассуждает преподобный Исаак Сирин в главе об исповеди).

30 августа

После обеда читали о молитве Иисусовой из: 1) «Странника» (изд. 3-е, 1884), 2) «Русского Инока», 3) «Добротолюбия», и 4) из писем еп. Феофана по вопросу: кому можно и кому нельзя заниматься «художественной» молитвой по «Добротолюбию».

По «Страннику» (стр. 74, изд. 3-е), кто одолевается сном и разленением бурей помыслов во время умной сердечной молитвы, не готов к занятию ею. По «Иноку» (вопрос 75, февр. 1913, стр. 140) со слов преподобного Григория Синаита из «Добротолюбия» (часть 1-я, гл. 8-я), «непослушливые и страстные, с дерзостью приступающие к умно-сердечной молитве, не достигают ее и как самочинные впадают в дерзость, во мнение и в прелесть».

Еще строже высказывается еп. Феофан («Письма к разным лицам», 2-е издание, письмо 80-е: «О прелести при умной молитве», стр. 415), где решительно сказано, что всякий проходящий умно-сердечную молитву с художественными приемами по «Добротолюбию» без руководителя, по одному описанию в «Добротолюбии» неминуемо впадает в прелесть, переоценивая значение художественных приемов и достигаемые ими естественные последствия и собрание ума и теплоту, признавая их за действие благодати Божией.

Это все прочитанное несколько смутило меня недоумением, что без наставника-руководителя, которого ныне трудно и даже невозможно найти, не следует заниматься умно-сердечной молитвой по святоотеческому учению по «Добротолюбию» из-за опасения неминуемой прелести.

Но далее, прочитав все статьи из «Инока», мы увидели, что, правда, молитва умная по св. Симеону Новому Богослову зависит от послушания, в котором приобретается чистота совести и беспопечение, что есть необходимейшее условие для занятия умной молитвой. Там же далее разъясняется, как чистую совесть можно соблюдать по отношению, во-первых, к Богу, во-вторых, к духовному отцу и, в-третьих, к прочим лицам и вещам. Послушание для делания умной молитвы необходимо для приобретения чистоты совести и беспопечительности, которые без послушания невозможны. По словам преподобного Григория Синаита, где он говорит о безусловной необходимости для чистоты совести, первым приготовительным условием для умной молитвы иметь послушание, то разумеется под словом этим не первая ступень иноческой жизни (т. е. внешнее послушание), а разумеется внутреннее свойство характера — послушливость, которая может приобретаться и без внешнего послушания, от одного внутреннего послушания Заповедям Божиим (св. Григорий Богослов), как это видно и на примере святых, в числе коих были и занимавшиеся молитвой с художественными приемами по «Добротолюбию», и сподобившиеся молитвы умной благодатной, не живших под внешним послушанием, но угодивших Богу совершенно, в числе их Нил Сорский, Паисий Величковский и даже архиепископ Фессалоникийский св. Григорий Палама и св. Патриарх Фотий. Да и сам блаженнейший Симеон, архиепископ Солунский, велел всем мирянам в других письмах и книгах не говорить так решительно против художественных приемов и даже считал их пригодным и необходимым средством для нас, расслабленных и ленивых, конечно, не имеющих и добродетели послушания (Письма по поводу Сперанского, стр. 169 и 210).

Итак, в наши времена, когда оскудели наставники «художественной» молитвы, все-таки встречались среди иноков делатели этой молитвы (Парфений, киевский духовник; Филарет, игумен Глинской пустыни и другие).

После этого мы порешили, что нужно держаться по сему недоуменному вопросу нашего делателя умной молитвы Паисия Величковского, и с великой опасностью рассматривать этой вопрос.

На вечерней молитве Господь сподобил под конец умиления, и первая мысль, родившаяся от сего чувства, — это был ответ мне на мое недоумение: что можно и мне со смирением заниматься умной молитвой, к которой не раз возбуждал меня Господь через других и на которую я получил благословение от духовного отца своего и старца (Игнатия Болгарина). Даже чувствовал

в это время как бы угрозу немилости Божией, если пренебрегу и после этого молитвой.

На утрене после простой молитвы сел заниматься «художественной» молитвой, долго мучился. Не мог соединить с дыханием молитву. Когда слежу вниманием за дыханием — с низведением ума с ним из головы в сердце, — не могу в это время внимать раздельно и словам молитвы, так же и наоборот. Слова молитвы (и не полной) не вмещаются в один прием дыхания, т. е. вдыхание в себя и выдыхание, и по необходимости приходится скорее произносить слова молитвы, чем как в среднюю приблизительно меру вместе с биением сердца. Тогда оставил следить при каждой молитве за процессом низведения дыхания в сердце, внимая только словам молитвы. И что же, вскоре заметил, что в сердце, внимая слова молитвы, я одновременно стал замечать и дыхание, как сердце мое как бы расширялось, принимая в себя воздух и испуская. Теперь я мог яснее следить из сердца и за разделением дыхания на два физических приема: вдыхания и выдыхания, и соответственно с ними соединять две половины молитвы. Мало того, стоя вниманием постоянно в сердце, а не развлекаясь, всякий раз при произнесении молитвы процессом намеренного введения дыхания в сердце, я в тишине сердечной и неразвлекаемом внимании стал понемногу одновременно с дыханием замечать и биение сердца, с которым стал сообразовывать и скорость произнесения слов молитвы. С каждым биением произносил одно слово и, таким образом, вместе с пятью словами молитвы (сокращенной) совмещать пять биений сердечных в один прием дыхания. Это прежде казалось затруднительным, ибо из сердца я мог уже управлять и дыханием, задерживая его несколько (что согласно и со святоотеческим учением об умной молитве), чтобы вместить в него пять слов молитвы, совместимой с пятью биениями сердца. Слава Богу за открытие для меня нового опыта после долгих недоумений и труда! «*Ищите и обрящете*».

Возблагодарив Господа, я спокойно и с умилением помолился по новому опыту, внимая главным образом в глубине сердца словам молитвы, с которыми оно соединилось, особенно с именем, как бы дышало им и услаждалось. Даже и то заметил я после, что, когда совершаю умную молитву на ногах, передвижение ног за каждый раз само собой постепенно сообразуется под влиянием сердцебиения и со словами молитвы. Когда же поспешишь в движении или замедлишь, от частого у меня застоя крови в ногах, то чувствуешь некоторое неудобство в творении ее.

Так телесная и душевная жизнь у нас установлена Творцом в союзе и соответствии между собой, а через них с духовной жизнью, отсюда видно и значение художественных приемов, употреблявшихся святыми и предлагаемых нам ими в «Добротолюбии». Кроме этих главных нужнейших пособий для всех, могут у каждого обучающегося умной молитве с разумом быть и свои собственные пособия, ему только удобные, не противные святоотеческим писаниям и безвредные. И их нельзя уничижать (как это иногда делают наши духовные писатели более с теоретической, чем опытной точки зрения). Как бы кто с внешней стороны ни молился, только бы постоянно молился со смирением, вниманием и умилением. Дорого это внутреннее устроение — всегдашняя память Божия, приобретаемая нами немощными в вере и любви к Богу, при помощи всяких искусственных приемов, не взирая на их внешнюю красоту, как бы юродство во Христе. Параскева, Саровская юродивая послушница, в начале своей подвижнической жизни научена была справлять свои частые поклоны тем, что творила их, приговаривая при этом скромные, не нарушающие чувства целомудрия, слова мирской песни. И Господь не оскорблялся тем. Тем более не оскорбительно для Бога, если какие-либо у кого-нибудь свои особые скромные приемы, хотя и простые и, может быть, смешные для кого-либо не только легкомысленного, но и для серьезного образованного умного молитвенника-теоретика. Частое *«буее Божие премудрее человека есть и немощное Божие крепчае человеку есть»* (1 Кор. 1, 25).

Это последнее замечание о художественных приемах сказано нами по поводу уничижительного выражения «прибаутки» преосв. еп. Феофана о неких особых приемах умной молитвы, употреблявшихся неким старцем, и о некоторых приемах в «Добротолюбии» (Собрание писем, выпуск 5-й, письмо 908, стр. 185–186).

Пусть читатель поймет это замечание не как порицание нами, недостойными, великого духовного писателя, а как смягчение его выражений о некоторых собственных художественных приемах неразумных молитвенников, с высоким мнением о своем делании молитвенном часто уклонявшихся в бесплодие, в ошибки и прямую прелесть. Во многих его письмах часто высказывается убеждение, выражаясь по-ученому, не объективно, т. е. догматически, положительно применительно ко всякому случаю и лицу, а субъективно, т. е. применительно к кому-либо, к времени и к лицу. Вероятно, и многие случаи неумения пользоваться художественными приемами «Добротолюбия» без наставников и руководителей, что часто приводило к прелести, заставляли

таких писателей церковных часто предупреждать и предостерегать от них, и особенно о придуманных каждым своих приемов при этом с неподобающим душевным настроением — неразумным высокоумием, придающим излишнюю важность внешности молитвы в ущерб ее истинному внутреннему настроению (как об этом сказано дальше в вышеупомянутом письме).

Во время вечерни занимался умной молитвой второй час в сутки. Сначала молитва шла обычно, потом в груди стала ощущаться теплота. С продолжением молитвы она увеличивалась, потом стала ощущаться и ниже груди в нижней части живота с примесью нечистого, блудного ощущения, привлекающего туда своею сластью сердце и внимание ума, но без помыслов. Знакомый с этим смущающим совесть ощущением, я всячески силился отвлекать от него сердце и внимание ума, ограждал себя страхом, что это вражие искушение, и силился удерживать внимание ума над сердцем мало повыше левого соска. Это помогло на время, но потом теплота и волнение усилились, и я стал уже малодушествовать, как бы не произошло и невольное наружное осквернение. Но помысл внушил «держи неотступно ум ко Господу и произносимому в глубине сердца Его Святому и всесильному Имени и не бойся, сам Господь будет побороть за тебя».

Воодушевленный этим внутренним помыслом, я так и делал некоторое время, и постепенно стал чувствовать, как сласть уже не привлекала, как прежде, внимания ума, а наоборот, отвращала от себя опасением, и наконец все утихло. Я несколько минут продолжал молитву с благодарностью Господу Спасителю и поборнику нашему в искушениях вражиих. И когда я спокойно заканчивал уже свое правило и ослабело внимание молитвенное, а ум иногда уклонялся в рассматривание и рассуждение о прошедшей брани, незаметно прокралась в него высокоумная тщеславная мысль о будущих моих подвигах и победах над врагом чрез умную молитву и получении за это дарований благодатных от Бога. Скоро, с Божьей помощью, после благополучного борения, заметил это тонкое мысленное искушение. Оно было опаснейшим, грубо плотским. Подвергнувшись последнему, покаялся Господу мысленно, опытно осознал свою немощь в пережитом искушении и просил Господа всегда сохранять мое сердце и ум в глубоком смирении и помнить, что без Него самого мы не можем творить ничесоже (благое).

Во время ужина рассказал все своему сотруднику. Он, выслушав, сказал: «Требуется тебе глубокое смирение». И вообще сочувственно отнесся к сему и со своей стороны укреплял мое малодушие, но как-то легко, не сознавая

по опыту пережитой мной брани. Это производило во мне невнимание к его утешению. Он это заметил, и я ему, с замечанием насчет его легкомыслия от неопытности, объяснил свое невнимание. Вследствие такого объяснения у нас чуть не произошла размолвка, подобно как было пятого августа. Так враг, где не думаешь, ставит препоны.

Он (сотрудник) представлял себе, что я, по малодушию, готов оставить молитвенный подвиг, на который я, по его словам, вышел по воле Божией с благоволения духовника, а прежде и старца, и теперь у меня к тому удобства и приобретенный опыт, и некий успех с помощью Божией. А я говорил, что не хотел бы оставлять начатого подвига, но серьезно смотрю на него, ибо наши писатели духовные, как видно из предыдущей записи (от 30-го августа), строго предупреждают нас об опасности прелести в этом подвиге без опытного руководителя. Но решаюсь на этой подвиг и ввиду опасности, мною уже отчасти вначале испытанной, единственно уже потому, что в то же время видел вразумление и укрепление от Господа. Оставить же этот подвиг боялся — как бы по малодушию, но не желал поступить против воли Божией. Когда мой сотрудник, смирившись, согласился с моим убеждением быть серьезнее в своих советах, особенно не основанных на собственном опыте, и больше молиться за меня, мы примирились, и по-прежнему стал я продолжать свой подвиг в смирении и уповании единственно на милость Божию.

1 сентября

По обычной простой молитве «художественная» молитва сопровождалась и в этот раз теплотой в груди от напряженных душевных и телесных сил, но без смущения душевного, как вчера вечером. На «Честнейшую херувим» в конце утрени почувствовал умиление по милости Заступницы нашей Пресвятой Богородицы. Так милость Божия укрепляет и утешает нас, малодушных, в подвиге благочестия. Так и на вечерней молитве «художественной» ощущался жар в груди, но я, не обращая внимания на то, утвердил его все на призываемом имени Господня в «месте сердечном» (немного выше левого сосца) и избежал какого-либо смущения. Во время умной молитвы должно занимать ум и сердце одним только, чтобы чисто, без помыслов, молиться с сокрушением, не испытуя постороннего, происходящего в это время в душе и в теле. При этом внимании ума ко Господу в молитве должно утверждать его именно в имени Его святом, чтобы избежать каких-либо образов внешних,

мечтаний и неблаговременных, хотя бы и благих, рассуждений о переживаемом во время молитвы.

2 сентября

На утрене, после трех четок простой молитвы, сел за «художественную», потому что чувствовал себя бодрым и не расслабленным более кратким на этот раз сном ночным (два с половиною часа спал). И все время утрени затем провел в умной молитве — Слава Богу! При прежнем жаре в груди молитва совершалась спокойно, без прежних смущений и во умилении. Внимание занято было одним призыванием сладчайшего и всесильного имени Господня с верою, что в нем, как в невидимом своем образе, присутствует Сам Господь Спаситель. От этого внимательного и неуклонного к какому-либо постороннему помыслу призывания в сердце имени Господня оно исполнялось теплотой, но иной теплотой, чем та, какую я ощущал в прежние разы, и в этот раз в начале молитвы только. Та казалась внешнею по отношению к сердечному месту и волнением крови возбуждавшеюся, а эта — внутренняя и из имени Господня истекавшей. Та отвлекала внимание ума из сердца, а эта привлекала внимание к сердцу и к имени Господню.

3 сентября

На утрене, после простой молитвы, сел на час «умной молитвы». Сначала, настроив себя душевно и телесно по «художественным» приемам, молился спокойно и даже на минуту забылся от спокойного течения молитвы. Внимание уменьшилось, но потом, от того ли, что уменьшил свое внимание и вообще напряжение душевных и телесных сил, начала по-прежнему разгораться теплота от сердца в груди и до того усилилась, что сердце мое было как в пламени. По-прежнему стал тревожиться от этой сильной теплоты, которая стала из груди уже ударять в нижнюю часть живота, однако усиливался отвлекать внимание от нее и держать безысходно в сердце на словах молитвы, всячески смиряясь в душе и успокаивая свой смущенный дух упованием на Господа, что Он по-прежнему сохранит меня от искушения. Потом от разгоряченного состояния сердечного и дыхание, удерживаемое мною прежде, против моей силы стало вдруг усиливаться и сделалось частым, похожим на всхлипывание. Я еще сильнее смутился, подумав, не начало ли это искушения, которого я опасался прежде при усиленной теплоте в теле, а именно

в нижних частях живота. Но милосердный Господь сохранил от него меня грешного: хотя с великим напряжением, но молитву с упованием на Бога я в это время искушения не оставлял. Пламень в сердце и во всем теле от этой теплоты постепенно прошел, без особенного ощущения мокротной сласти и без помыслов нечистых. Просидев и после того несколько времени в умносердечной молитве, я благополучно, при Божией помощи, хотя и после большого душевного смущения, кончил свое утреннее правило.

После часов за чаем я передал о своем состоянии во время утренней умной молитвы своему сожителю. Стали обсуждать его, ища причины такого моего состояния. От своего опыта мой собеседник не мог ничего сказать в объяснение, как не испытавший теплоты во время молитвы в той усиленной мною испытанной степени. В писании же отеческом мы не нашли объяснения его. Прямых причин, которые бы послужили поводом, по которому Бог попустил это по действию вражию, совесть, помимо вообще греховности, не сознавала, разве только, быть может, забвение мною прежде внушенного мне во время искушения смирения и некая самонадеянность и излишнее упование на художественные приемы без покаянных чувств. Посему мы объяснили мое состояние излишним давлением на сердце внимания и вообще напряжения душевного и телесного по художественным приемам умно-сердечной молитвы. А посему решили мы продолжать далее мои упражнения в «художественной» молитве спокойнее и проще, без особенного напряжения и без точного наблюдения в это время биения сердца с дыханием, но со смиренным и покаянным чувством спокойного призывания Господа в сердце со вниманием к словам молитвы. Думали, что биение сердца совместно с дыханием само собою установится, как это было прежде (см. 31 августа). О Боже, как трудно без наставника проходить умносердечную молитву, однако для монаха необходимо. Одна надежда на Бога. Благодарение Богу, что имею хоть единомысленного собеседника о ней, с которым можно делиться вновь возникающими мыслями и чувствами.

На вечернем правиле творил «умную» молитву, как советовались мы утром со своим сотрудником. Творил ее спокойно, с покаянными чувствами, и молитва совершалась мирно, со вниманием и умилением. Приступала, правда, теплота от сердца в груди, но не усиливалась как прежде, потому что живое покаяние, чувство молитвы отвлекали от нее внимание ума. При этом, по окончании сотницы молитв, я полагал на себя крестное знамение. И когда

в конце молитвы приступала теплота помало снизу от чресл без всякой сладости мокротной, я с внимательной, по-прежнему покаянной молитвой стал полагать на себя крестное знамение, и теплота заметно отошла. При этом пришел внушительный, ободряющий помысл о величии и милосердии Спасителя и о моем маловерии и малодушии в искушениях. Итак, я с благодарением Господу Спасителю, умудряющему, укрепляющему и утешающему нас в немощах наших, закончил свое вечернее правило, и восстановилось мое прежнее благодушное душевное настроение, поколебавшееся было пережитым во время утреннего смущения.

Слава Богу за все, спасающему нас и десными и шуиями — и благополучием, и искушением противным.

4 сентября

На утрене молитва «умная» прошла мирно, без всякого приступа смущающей теплоты, во внимании к сердцу и в умилении душевном. Явилась мысль, что вчерашнее испытание было допущено Богом для упражнения внимания в сердце во время всякого наперед искушения. Исповедь в этот день также прошла благополучно.

После уборки келий утомился, а потому и умную молитву вечером совершал не очень напряженно, однако с умилением. Увидел свое душевное убожество, слепоту духовную — неведение в молитвенном подвиге и в обращении с ближними. Увидел неведение, как поступать с ними в том или другом случае, чтобы было все мирно и душеполезно себе и им. Слабость воли в противлении страстям и принуждении себя к добродетелям, забвение в мыслях, словах и делах вечности и главнейших Евангельских заповедей и добродетелей христианских, любви к Богу и ближнему, которыми должна быть во всем проникнута и направляться вся жизнь наша, у меня отсутствовали. И временами мне не хотелось даже понуждать себя к постоянной, особенной «умной» молитве — главному христианскому средству спасения души и первому монашескому, особенно схимническому, обету.

Все это побудило духовное зрение ума, тронуло и сердце мое нечувственное и породило желание молиться всегда Господу о помиловании себя и своих ближних — чад духовных, сродников, знаемых и всех православных христиан.

5 сентября

На утрене, когда приступил после простой к умной молитве, вспомнил прочитанные нами накануне строки из жития Филарета, Митрополита Киевского из книги о подвижниках XVIII и XIX века за декабрь, как в последние болезненные минуты его смерти не преставали течь слезы из его закрытых уже от изнеможения очей. Тогда подумал и молитвенно пожелал хоть в мале пережить его молитвенные чувства, и вспомнились в моей вскоре случившейся затем покаянной молитве слова 118-го псалма: «*Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохранших закона твоего*» (Пс. 118, 136). Затем вспомнился и плач Петров, тотчас по отречении от Господа и во всю жизнь в полуночные часы, как говорит о том Священное Писание и Предание, вспоминал и свои грехи с детства и до сего часа, и еще более усилились у меня слезы умиления, с одной стороны, горькое сожаление, что грехами своими, ведая и не ведая о том, всегда оскорблял Господа, от Которого получил в свою жизнь одни только благодеяния, а с другой стороны, теплое желание как бы удовлетворить за это Господа, чтобы стать к Нему в прежний завет, сыновний по неизреченной благодати любви, дарованной во святом крещении и отчасти испытанной в сердце в первые годы сознательного детства, но потом постепенно незаметно потерянный. Но сил нет уже к подвигам покаяния и «довлетворения», не вынуждаемым только внутренним законом правды Божией, но внушенным свободным теплым желанием уязвившегося «печалью по Бозе» сердца. Остался для меня один плач душевный и телесный со смиренным терпением находящих скорбей, которые будут. Это и есть единая приемлемая от грешника жертва Богу и удовлетворительное питие для его жаждущего в покаянии прежде потерянной любви духа. Долго молился умной молитвой с указанным покаянным чувством, с немалою теплотою сердечною и слезами, и с понуждением подольше пребыть в сем, однако прежних смущений от теплоты телесной не испытал. Так думаю, смиренные покаянные чувства в молитве умной сохраняют от нежелательных и вредных для души и тела последствий неправого усиленного применения одних внешних художественных приемов без подобающего душевного молитвенного устроения — покаянного смирения. Литургия в этот день с причащением братии совершилась благополучно. Слава Богу, благодетелю нашему, за все.

После обеда посетил гость, русский беженец из монастыря нашего. С ним провел в беседе около пяти часов. Из-за беседы был вынужден оставить

молитву и заняться вопросами гостя, наперед помолившись, чтобы Господь управил беседой. Хотя оставлено было трезвение и внимание к молитве, но совесть после проводов гостя осталась мирной, сознавая свою немощь к такому усиленному трезвению. Пошел после этого в 9 часов по-европейскому времени (3 часа пополудни) отдохнуть, но так как после беседы с гостем не спалось, то я лежа стал творить умную молитву, и через несколько минут она установилась со вниманием к словам молитвы и совмещением их с дыханием. Я попробовал потом присоединить к сему и биение сердечное. Одновременное употребление двух этих художественных приемов сначала затрудняло действие делания молитвы и начало вызывать теплоту в теле, но не смущенную. Когда я перестал обращать особое внимание при творении умной молитвы на совмещение двух указанных приемов дыхания и биения сердца, ибо они установились уже, а обратил внимание на духовное устроение молитвы — понуждал себя на сокрушение сердца, и оно появилось милостию Божией, — то вместе с сердечным чувством покаяния теплота в теле отошла, хотя молитва творилась с вышеуказанными приемами. Так важно в умной молитве для правильного и безопасного пользования художественными приемами иметь всегда во внимании главным образом покаянный дух молитвы. Высокое ценение внешних приемов сих в ущерб духовному устроению молитвы — по епископу Феофану причина и начало прелести. Ибо напряженное внимание к этим приемам и без горделивой мысли о своем делании усиливает теплоту в теле. Она естественно рождается от одного труда молитвенного, подобно тому как и всякое ощущение болезни (и самая болезнь) усиливается от обращения на него внимания, отчего рождается мнительность, и, наоборот, отвлечение внимания[51].

В конце молитвы сокрушенной я почувствовал и сострадание к гостям, переживаемому ими недоумению по вопросам духовной жизни, а потому молился и за них, как за себя. После сего я возблагодарил Господа, что Он помог мне исполнить заповедь Его о любви к ближнему и не расстроить, после временного только по нужде прекращения, своего прежнего молитвенного устроения. Однако утомление душевных и телесных сил под вечер сказалось: вечернее правило совершал рассеянно, а также и утреннее.

---

[51] Ср.: *Феофан Затворник, свт.* Письма о молитве и духовной жизни... Указ. соч. — Письмо 16. — С. 402–410.

6 сентября

И наутро впечатления вчерашнего дня отвлекали часть к себе внимания ума. Впрочем, милостию Царицы Небесной на «Честнейшую» сердце умилилось чувством Ее (Матери Божией) милосердия к нам грешным и немощным. Литургия, слава Богу, прошла благополучно. После обеда читали много выписок, сделанных прежде, из писем епископа Феофана о теплоте при умной молитве. Главнейшие из них следующие: 1). Когда внимание сойдет в сердце, то привлекает туда в одну точку все силы души и тела. Это средоточие всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается особым ощущением. Сие ощущение и есть начало будущей теплоты. 2). Они — внимание и теплота — друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно. 3). Эта теплота не духовная, а обыкновенная кровяная, но как способствующая вниманию и развитию духовных движений, она называется духовною, в том, однако, случае, если не сопровождается сладостию похотною, хотя легкою, но держит и душу и тело в трезвенном настроении. 4). Духовную эту теплоту можно познать тогда, когда она сопровождается духовными молитвенными движениями страха Божия, сокрушения, благодарения и пр. Держи свою натуральную теплоту, ни во что ее не вменяя, а только приготовлением неким к Божией теплоте почитаема бывает и естественная теплота, и умиление. 5). Благодатная теплота особая и она, собственно, есть духовная и свидетельствует тонким сладким чувством. 6). Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное (Собрание писем, второй том, письма 244, 318 и 322).

Из этих выписок я обратил внимание на ту мысль, что не всякая первоначальная теплота зазорна, как мешающая правильному художественному творению Иисусовой молитвы, и должна быть отрываема или по крайней мере не должна обращать на себя внимание, а только сопровождающаяся похотной сладостью, хотя бы и в малой мере. А бывает и другая, такая же обыкновенная, естественная кровяная теплота, не только не мешающая правильному творению Иисусовой молитвы, но и способствующая к сему, как привлекающая к себе и поддерживающая взаимно внимание, как и сама происходящая от него, сопровождающаяся духовными молитвенными движениями и приготовляющаяся к Божией благодатной теплоте.

На это суждение епископа Феофана об естественной теплоте я обратил свое внимание, потому что прежде всякую естественную теплоту, без

различия ее свойств и действий, считал мешающей молитве, а потому иногда, когда она начиналась без причины, смущался и опасался ее. Тогда как, не соединенная с похотною сластию и не почитаемая за что-либо особое, а естественная, она способствует вниманию и вообще молитве, и не должна быть отрываема. Ибо только не на месте держания внимания да еще с самомнением — причина смущающей теплоты (об этом можно прочитать в житии Старца Паисия Величковского, а таже в предисловии старца Василия на писания преподобного Исихия, с. 114.) В этом убеждении спокойно творил вечером свою «умную молитву» с умилением и теплотою сердечною.

Когда за ужином я рассказал о своем молитвенном состоянии ученику, он на это сказал, что «бывает естественная теплота и умиление», как об этом замечает выше и епископ Феофан (в письме 322). Этот ответ ученика я принял, как от Бога посланное замечание к смирению моему, что согласно о нашей «художественной» молитве и епископ Феофан пишет в другом месте следующее: «Художественное делание молитвы Иисусовой, творение ее простое со вниманием в сердце или хождение в памяти Божией, суть наш труд и сами по себе имеют естественный неблагодатный плод. Плод этот — собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и некоторая теплота сердечная. Все сие суть естественный плод внутренней молитвы. Надо это хорошо затвердить, чтобы пред собою не трубить и пред другими не кичиться. Пока в нас только естественные плоды, до тех пор мы гроша не стоим и по существу тела и по суду Божию. Цена нам, когда благодать придет. Ибо, когда она придет, это и будет значить, что Бог воззрел на нас милостивым Своим оком. А пока не придет, то, что бы мы ни делали, каких бы подвигов ни несли, значит, что мы плевые личности, на которые Бог и взглянуть не хочет» (Собрание писем, выпуск первый, письмо 12, стр. 8, Москва, 1898 г.)

7 сентября

В ночь испытывал небольшой жар в голове и во всем теле, впрочем, правило утреннее хотя с рассеянием, но кончил, на «Честнейшую» по милости Божией Матери и теплоту сердечную с умилением почувствовал. После утрени на отдыхе от жара не мог сразу заснуть, не мог творить и молитвы Иисусовой, хоть лежа. Сердце было как изломано, и всякое напряжение на полную и половинную молитву усиливало боль его. Но потом в сердце само собой

вырвалось с умилением и слезами начальное слово молитвы: «Иисусе...» И внимание ума само собой припевалось к Нему, и я несколько времени поддерживал свое полученное молитвенное настроение сладостным повторением одного сладчайшего имени Иисусова с умносердечным припаданием ко Господу Спасителю и (прошением о) помиловании, и так незаметно заснул.

Часы сначала провел в молитве, хотя с принуждением, а потом сидя, более свободно и сосредоточенно. После чая опять час помолился, и жар в теле как будто успокоился, и я кончил молитву, продолжив свой дневник, начиная с 6-го числа, и принимал на исповедь. Днем не отдохнул, заснул перед бдением, ибо жар в теле совсем не проходил. Вечером в 10 часов (4 часа пополудни) с трудом ходил и соборовал болящего брата. Изнемогши, с вечера не мог уже молиться внимательно. И всю ночь продолжалась перемежающаяся лихорадка — то жар, то холод. С двух до восьми часов я не вставал с постели. Молитва творилась в полусознании, немного посидев и походив. В девятом часу опять лег, чтобы отдохнуть перед Литургией.

8 сентября

К утру (11 часам) жар успокоился немного, так что я благополучно отслужил Литургию и братию причастил. А после Литургии, хотя в большом изнеможении, сходил причастить больного Св. Таин. После чая вместо обеда лег отдохнуть, но мало спал, ибо жар в теле не прошел совершенно, и к молитве усердие и способность ослабели. А тут некоторое время против воли занял посетитель Хартафилак, письмоводитель из Лавры, и ученый разговор с ним добавил рассеяние ума. Прилег после него еще отдохнуть, но сон не приходил, и молитва ослабела, и я пошел продолжать писать свой дневник. Вот какая моя слабость в молитвенном подвиге: малая болезнь телесная, малое стечение обстоятельств — и ослабела не только прежняя ревность к молитве, но и обычное продолжение сего подвига с одним «внешним деланием». Нужна постоянная ревность к молитве с понуждением себя и Божия помощь, *«яко без Мене не можете творити ничесоже»*. Воздвигни, Господи, силу Твою и прииди во еже спасти нас.

За чаем после обеда мой сотрудник заметил, что навык ко всегдашней непрестанной молитве — основание умно-сердечной «художественной» молитвы. Так как мы всегда не можем еще, по немощи нашей, творить молитву «художественными» приемами, то это требует вначале напряжения

душевных и телесных сил. А для постоянства непрерывности молитвы нужен наперед навык к простой словесной молитве без художественных приемов. Эту свою мысль он после подтвердил местами из второго тома «Странника» (стр. 67–68). Сообразив сии опытные наставления святых отцов (выше им перечисленные), приходил к тому истинному заключению, что главный, единственный и удобнейший способ к приобретению дел спасения и духовного совершенства есть частота, беспрерывность молитвы, как бы она ни была немощна... «Частота молитвы непременно произведет навыкновение и обратится в натуру, привлечет по времени ум и сердце в достодолжное настроение. Частота в молитве есть единственный способ к приобретению чистой и истинной молитвы, есть самое лучшее и самое действительнейшее приуготовление к молитве и вернейший путь к достижению молитвенной цели и спасения» (Из «Рассказов странника» о благодатном действии молитвы Иисусовой под редакций игумена Серафима (1933 год). Перепечатано с первого издания Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев посад, 1911), цензор Никон, епископ Вологодский).

Из Аввы Варсонуфия: «Вопрос 428-й: Хорошо ли всегда помышлять о Боге в сердце своем или сердечно молиться Ему без содействия языка? Когда случается, что я упражняюсь в сем, мысль моя погружается в рассеянность — я ощущаю тяжесть и мне видятся как бы какие предметы и призраки, и пребываю как бы в сонных мечтаниях. Ответ: не уклоняться умом и не погружаться сильно в рассеянность или мечтание есть дело совершенных, могущественных управлять умом своим и содержать его всегда в страхе Божием. А тот, кто не имеет постоянного трезвения к Богу, увлекается, передавая размышления свои языку. Подобно сему видим и на плавающих в море: те из них, которые искусны, смело ввергают себя в море, зная, что оно не может потопить хорошо обучившихся искусству плавания. Начинающий же обучаться сему искусству, почувствовав, что он находится на глубоком месте, из опасения утонуть, спешит выбраться из глубины на берег и, отдохнув немного, снова бросается в глубину, и упражняется таким образом, чтобы совершенно узнать это искусство, пока достигнет степени изучивших оное прежде него». Вышеприведенные слова вопроса и ответа мой собеседник относит к «художественной» и простой словесной молитве в том смысле, что немощные не всегда должны увлекаться в первой, только по временам — 1 час, 2 и т. д.

Когда же утрудится в ней по своей немощи, то должен возвращаться ко второй, совершаемой «при содействии языка» (вопрос). В том смысле он понимает и слова (ответа), «увлекается, передавая размышление свое языку». Последние слова как-то мне непонятны. Как он доказывает свою мысль? Чтобы избавиться от мечтаний, бывших в умносердечной без слов молитве, нужно переходить на прежнюю словесную (без особого внимания), свойственную новоначальным? Мне же кажется, тогда только простая молитва избавит от увлечений и мечтаний, бываемых у немощных умносердечных молитвенников, когда они внимание ума будут влагать усилием в каждое слово молитвы, что им возможно как упражняющимся уже в умносердечной молитве, что есть один из приемов «художественной» молитвы. В этом смысле и нужно понимать слова ответа: «передавая размышление свое языку», т. е. свои прежние умносердечные помышления (о Боге) и сердечную молитву содействию и управлению словесной, не простой только, но и внимательной к словам молитвы, держать в ней свой ум на якоре от увлечения и мечтания его. Как и Священноинок Дорофей пишет: «Егда что делаешь прилежно нужнейшее или помыслы насилуют зельне уму, или дремание и сон одолевают, тогда подобает устнами и языком молиться прилежно, дабы внимал ум гласу» (глава 32).

После беседы об этом он пошел совершать вечерню, а я остался по болезни на койке, помолился несколько времени просто словесно, якобы мне теперь в болезни непосильна «художественная» молитва, но время все прошло в рассеянности. Тогда я под конец собрал все свои силы, подвигнулся на «художественную», думая, что приемы ее и изобретены отцами для нас, расслабленных и рассеянных, и скоро установилась, таким образом, сравнительно внимательная молитва.

9 сентября

На утрени ощущался жар в теле, посему я начал молиться сразу сидя, умной молитвой, но слабо, на «Честнейшую» опять умилился, как бы соскучившись, что долго не обращался с молитвой к Пресвятой Богородице, будучи занят одною умной молитвой ко Господу Иисусу Христу. На это заметил ученик после, что после обеда надо творить молитву Иисусову с прибавлением: «Богородицею» (помилуй мя), по примеру преподобного Серафима Саровского. В простой молитве это удобно, но при навыкновении «художественной»

молитве и одно слово прибавленное затрудняет ее, ибо тогда все слова молитвы, полной с прибавкой, не вмещаются у меня в один прием моего слабого дыхания.

До и после часов и утреннего чая молился обычно. На вечерне молился «художественною» молитвой с постепенным, а не враз, применением всех художественных приемов: 1) стояние умом в сердце, 2) внимание к словам молитвы, 3) соединение молитвы с дыханием, 4) с сердцебиением, а также с подобающим внутренним духовным настроением, благоговением, смирением и сокрушением. И молитва через полчаса восстановилась свободная и самодвижная, требовалось только поддерживать ее вниманием. Когда же я особенное внимание остановил на чувстве молитвенного благоговения и старался как бы ощутить присутствие Божие, то внимание к словам молитвы остановилось. Когда взялся опять только за внимательное творение молитвы, то опять пошла молитва самодвижная и через некоторое время внимание углубилось. Я ощущал в сердце только присутствие Божие в Его святом Имени и себя самого. Полная молитва, т. е. произнесение умно-сердечно пяти слов: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя» — мне стало затруднительно. Тогда я стал умносердечно произносить три слова: «Иисусе, помилуй мя». Случайно обратил в это время внимание на дыхание и сердцебиение. Заметил, что они стихли и как бы замерли, и в теле моем неподвижном не было никаких ощущений. Внимательная такая молитва мне чувствовалась приятною. Внимание и чувство это держались и по окончании умной «художественной» молитвы, когда после часового продолжения ее перешел к обычной простой без особого внимания к приемам художественным. Они сохранялись теперь свободно сами собою.

Когда я во время ужина рассказал ученику свое состояние, он мне заметил на это, что это не от благодати, а от естества, то самое, что епископ Феофан называет неким ощущением, предшествующим началом будущей теплоты благодатной. Но это еще не благодатная теплота. Я ему возразил: Как не благодатная? Я и это считаю благодатью от Бога, без Которого и естественное наше добро не совершается одними нашими силами: «Яко без Мене не можете творити ничесоже». За особенную же молитвенную благодать я это не считаю, как и сам замечает епископ Феофан.

Он согласился с тем, что все естественное совершается по благодати, но испытанное мной в конце молитвы тонкое внимание с ощущением

присутствия Божия и после сохранявшегося, он продолжал настойчиво считать не благодатным действием, а естественным. Ради монашеского послушания и смирения и ввиду настойчивого различия теплоты естественной и духовной я согласился держаться его мнения о пережитом мною в молитвенном состоянии как безопасного, но и вынужден был заметить своему ученику, для смирения его, что он по тщеславию и гордости своей из чина сотрудника-собеседника переходит самонадеянно в чин учителя и руководителя моего — руководителя своего старца. Хотя несколько дней тому назад он своею неопытностью отказывался от того. Мы простились и помирились, но некоторое время неприятное чувство взаимной неудовлетворенности осталось у нас обоих. Через несколько минут, на повечерии, мой собеседник пришел с покаянием. Говорил, что совесть его зазирает за то, что осуждал меня за мое невнимание к святоотеческой письменности и малоначитанности в ней.

10 сентября. На утрени.

Так как после ужина я ощутил жар в теле, то начал молиться с вечера, чтобы время не прошло напрасно — ни в отдыхе, ни в молитве. Сев на стул, все время принуждал себя к простой молитве. В конце же углубился вниманием в присутствие Божие. Я внутренне от души воззвал: «Господи, пожалей меня, помоги мне...», и тотчас ощутил умиление со слезами. После же у меня явилась мысль, в пояснение прежних наших суждений, что наши естественные плоды усердной молитвы — теплота и внимание — приходят постепенно по мере нашего напряжения сил и умения пользоваться художественными приемами или от одного усердия в простой словесной молитве, а благодатные действия неожиданно и сразу с ясным ощущением и извещением, что они от Бога. На этом основании, сравнивая (это мое) теперешнее действие со вчерашним, я более заметил различие между ними, как говорил и мой ученик на основании Епископа Феофана. Как естественное не за свое, а данное мне туне от Бога. Естественное только держит наше внутреннее и внешнее в должном чине страха и порядка, а благодатное оживляет душу и тело и сопровождается каким-либо просвещением ума — новой благодатной мыслью. Сладость же теплоты духовной и естественной могут различать только долгим опытом искусившиеся в познании добра и зла. Духовное, конечно, более тонкое, чем естественное плотское, кровяное.

Передал во время утреннего чая пережитое состояние умиления своему собеседнику. Он признал его за благодатное посещение. Потом стал

рассказывать о своем молитвенном состоянии вчера вечером и сегодня утром, что усладился чтением псалмов и пением, а потом перешел от сего в помысл тщеславия и на основании этого свое услаждение считал простым, естественным. Потом не без действия врага разговор перешел на вчерашнюю тему о естественных и благодатных действиях молитвы. Опять некоторое препирательство со взаимным укорением друг друга в гордости, а меня и в легкомысленной горячности, с какою я берусь за молитву, а потом, при первом искушении, малодушествую, расстраиваюсь и бросаю. Все это я не отрицаю в себе, но и ученик мой, думаю, нуждается в лечении. И снова прощение друг друга, прощение хотя и не от всего сердца, пока время и внимание не очистят его совершенно от всякого остатка неприятности. Так немощь наша и враг мешают преуспеянию нашему в молитвенном подвиге. Потребно всегдашнее глубокое смирение и усердная молитва к Господу о помощи. Помози нам, Боже, спаси нас имени ради святого Твоего.

После обеда за чаем, пересмотрев свою прежнюю беседу, совершенно примирился и согласился. Однако я пожалел потом и немного приуныл, что время у нас проходит часто в спорах, а молитва наша не движется. Когда ученик вышел, меня сразу повлекло желание на молитву, которая сама изрекалась в сердце моем с умилением и слезами: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». В это время я лежал от немощи и молился простою молитвой около получаса с умилением и слезами, потом стал иногда увлекаться в простые краткие помыслы и посему встал для большого сосредоточенного внимания и продолжал творить простую молитву сидя. Но рассеянность по временам не проходила. Когда же, изнемогши, опять прилег в сознании своей немощи, опять пришло умиление и слезы, и внимательную молитву по немощи поддерживать напряжением с художественными приемами не мог, и она опять стала уклоняться в рассеянность. По прошествии часа я закончил свое вечернее правило простою, не «художественною» молитвою. Память умиленного чувства от ощущения милосердия к нашей немощи Господа оставалась и после окончания молитвенного правила.

11 сентября

Утреню, часы и вечерню молился обычно и рассеянно, и со вниманием, и умилением без особого различия естественных и благодатных действий, все приписывая Божией помощи, себе же одну немощь и греховность. Во смирении нашем помяни нас, Господи.

12 сентября
Болезненное состояние продолжается, и правило совершается обычно.

13 сентября
Обычно.

14 сентября
На вечернем правиле во время умной «художественной» молитвы усилилось постепенное биение сердца с не особенно большим жаром в нем, так что от частого биения его я не мог произносить всех слов молитвы. Потом биение, утихая постепенно, стало едва заметно. В таком виде сопровождалось и дыхание, однако болезненности от этого я не ощущал ни в сердце, ни в легких, ни в голове. Особых духовных чувств в это время, перемены сердцебиения и дыхания не переживал, кроме умиленного внимания к молитве, которым я отвлекал ум от происходившей перемены в процессе сердцебиения и дыхания, предав то воле Божией. Наконец сердцебиение и дыхание постепенно опять усилились и пришли в обычное состояние. Мой сотрудник, когда я ему о этом рассказал, сказал, что у него после усиления сердцебиения оно (дыхание) не ослабевает совершенно, как и у меня, и мое состояние признал болезненным. Разгорячение сердца объяснил соединением молитвы с сердцебиением, напряженное внимание к молитве передалось и сердцу через соединение с ним молитвы и тем усилило его до ненормального состояния, после чего последовало бессилие его, а вместе с ним и дыхания. И положили мы не соединять мне, слабому сердцем, молитвы с сердцебиением намеренно, хотя оно и помогает своим непрестанным действием, а соединять ее только с дыханием. Тем более что этот последний прием указывается святыми отцами, а тот, первый, упоминается только в «Страннике». Ему можно разве только не препятствовать, оно происходит само собой. Когда же заметим его вредное усиленное внимание на сердце, тогда отвергаем его и останавливаем, задерживаем помалу дыхание и тем успокаиваем быстрое движение сердца.

И вообще положили мы, довольно нам чрез «художественные» приемы, т. е. 1) творение молитвы в сердце, 2) внимание к словам молитвы с верою в присутствие в них Самого Господа и 3) разделение молитвы на две половины соответственно процессу дыхания — вдыхания и выдыхания, — обрести

внимательную в сердце молитву, а теплоты и чувств сердечных желать смиренно только покаянных, как безопаснейших, а не каких-либо высоких и радостных, что свойственно бесстрастным только. Творить же молитву всегда в спокойном духе и теле.

На вечернем правиле по вышеуказанному способу молитва «художественная», хотя краткая по недостатку времени, совершалась тихо.

16 сентября

По слабой (по слабости телесной) умной молитве со скорбию об этом лег отдохнуть и чрез полчаса, как заметил по бою часов, проснулся с пламенной умно-сердечной молитвой, начавшейся (как оказалось по пробуждении) в сновидении, бывшем в кратком послеутреннем отдыхе. Сновидения же такого: будто проходим мы с братией по двору церковному, беседуя о двух послушниках одной келии, что они до пострига много претерпели искушений. Потом я взглянул на небо и увидел в полумраке сначала как бы половину луны, а всматриваясь, далее заметил крест большой, изображенный четырьмя круглыми лунами, и обратил на это видение внимание шедших со мною в церковь братьев. Один из них на это сказал: «Как бы жили внимательно, то мы многое и другое увидели бы в небе». Потом оказался как бы на поместье нашего дома в селе: вдали чрез гумна и строения виднелась наша сельская церковь с колокольней, и вдруг слышу звон в большие колокола с колокольни, как бывало в давнем детстве. Этот звон исполнил меня нежно-умильных и вместе высокоторжественных чувств, ибо в это время я помнил, что церковь наша закрыта большевиками, сняты колокола и вдруг — неожиданно звон, и мне представилось, что кончилось владычество их большевистское (заметки ученика: в этом году старец получил из дома с родины письмо с извещением, что присланы были из Москвы в их деревню девки-коммунистки, которые сняли с колокольни колокола и разбили их на куски). В глубоком молитвенном чувстве я упал ниц на землю, потом встал на колени и с распростертыми руками и прежде молился пламенно за Россию, благодарил Бога — освободителя ее и славословил непостижимое в этом величество Его. Переполнившееся этими чувствами сердце мое искало слез для пролития их и облегчения от них. В этом состоянии я и пробудился. Сердце мое, воспламененное восхищением, в избытке чувств и по пробуждении долго повторяло со слезами только слова молитвы: «Сыне Божий, помилуй мя». И всякий раз, как вспомню

слышанный мною умиленный и торжественный звон тот колокольный, то горячие чувства и биение сердца усиливались во мне, так что я стал уже останавливать его задерживанием дыхания, и оно успокоилось. И думал я тогда, какого блаженства мы лишаемся своим невниманием к жизни христианской. И за Россию пришла мысль, что Господь, очистив ее скорбями, снова прославит благочестием, и от мысли о России перешла моя мысль к торжеству будущей вечной жизни после временных скорбей в земной жизни. Припомнились мне слова из Апокалипсиса: «*Сии суть приидоша от великой скорби*» (Откр. 7, 14). После этого не мог заснуть, а проведя два часа в размышлениях по поводу пережитого во сне и в молитве, встал и записал все это в дневник (весь этот день старец был в радостном изумлении — ученик).

Поутру передал сон свой и порожденное им душевно-телесное состояние своему сожителю. Он признал его «за утешение» от Бога и побуждающее меня к умной молитве. Я не противился, со смирением и благодарностью Богу принял его слова. Но потом, через несколько дней, прочитал из своих выписок об умной молитве слова одного афонского старца-подвижника, не принимая и не отвергая происшедшего. Слова же выписки следующие: «Когда случатся при этом какие-либо видения, то не доверять им. Должно полагать, что для нашего спасения необходимо одно лишь покаяние, плачь о своих грехах и никаких не допускать мыслей, что мы достойны каких-либо видений небесных. Слезы благодарные бывают со смирением и радостью о Господе, облегчающие сердце от скорби греховной. С тщеславием же слезы и высокоумием не угодны Господу и бывают лишены тех благодатных плодов, почему и должно тщательно охранять сердце от всего тщеславного и греховного» (из рукописи схимонаха Герасима-грека).

(Так изобразил старец свое видение).

17 сентября

Вчера вечером посетили гости греки (зилоты), и хотя особых разговоров с ними не было, но они не дали совершить вечернее правило. Простое любопытство (если не более того хуже), с каким они, по словам их, мимоходом зашли посетить меня, заметное необщение их с нами, хотя прикрываемое лицемерно внешним мирским приличием — пожатием рук, приятности в лице и в голосе — и после краткой в немногих словах и уже не согласной беседы, оставило чувство пустоты. А потом с вечера затронутый несколько больной

вопрос (о стиле) породил целый поток суждений, уже было забытых, но теперь снова оживленных и не только перебивших умную молитву, но и спать не дававших. Как вредны для занятия умной молитвой пристрастие к богословским рассуждениям, и особенно беседы с неединомысленными, не обходящиеся без словопрений. Они производят бурление в мыслях, от которых трудно бывает отвлечь ум, особенно когда и сердце бывает раздражено. Вот почему Апостол заповедал всем христианам не словопретися ни на какую потребу, особенно же эта заповедь касается монахов (Св. Василий Великий) и тем паче безмолвников.

18 сентября

Молитва шла обычно в немощи и на утрене, и на часах. Извещение о смерти наместника нашего Русского монастыря и одного схимонаха того же монастыря — знакомых моих — как вестники и о моей близкой, но не известной когда и как кончине, по жестокости сердца моего, не восприняты были мной в чувстве молитвенного сокрушения по умершим. Так же сегодня и завтра справлять будем память годовщины смерти моего старца по постригу и сослужителя на Каруле иеросхимонаха Игнатия, во всем близкого ко мне человека. Господи, упокой души их и за молитвы их даруй и мне живую память собственной моей смерти, которую святые египетские отцы соединяли с умной молитвой для большего успеха в ней. «Добрый педагог телу и душе, — говорит преподобный Исихий Иерусалимский, — есть незабвенная память смертная, и то, чтобы, минуя все посреде сущее (т. е. между настоящею минутою и часом смертным), ее всегда перед собой зреть, и тот же самый одр, на котором имеешь лежать, разлучаясь с телом» и прочее (Душеспасительное и полезное слово о трезвении и молитве, гл. 95. Преподобного Исихия Иерусалимского).

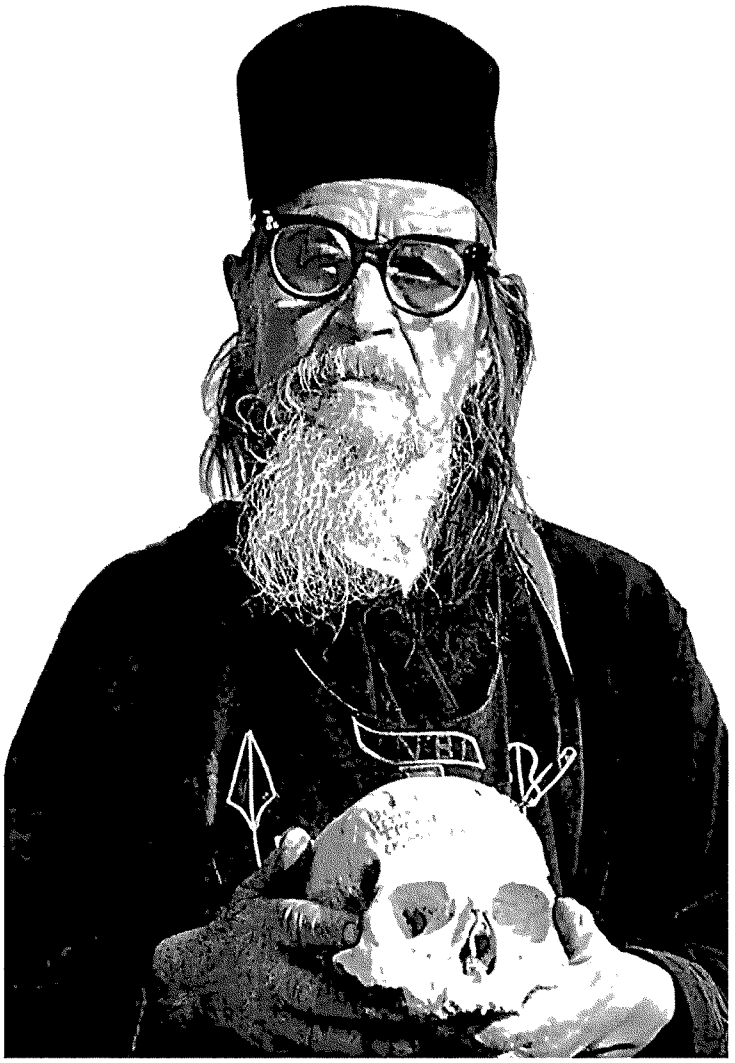
19 сентября

Переживаю после болезни рассеянность и охлаждение к молитве. И не разберу, от немощи болезни это или от лености. То и другое требует от меня смирения пред Богом и усердного прошения Его помощи, как сказал Он Сам: *«Яко без Меня не можете творити ничесоже»* (Ин. 15, 5).

Конец дневнику старца.

СХИМОНАХ НИКОДИМ (МУШКАРИН) КАРУЛЬСКИЙ[52]

Мирское имя его — Никифор Исаевич Мушкарин. Крестьянин из Рязанской губернии Сапожковского уезда села Затуши. Имя матери Иония. Родился в 1889 году, рост средний, волосы русые, глаза серые. Поступил в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь 29 ноября 1919 года. Пострижен в рясофор с именем Никодим 30 марта 1922 года, в мантию с тем же именем 8 марта 1924 года. Послушание проходил на Крумице и Новой Фиваиде. По благословению старца Силуана перешел на Карулю 1 апреля 1926 года, где под руководством старца Феодосия (Харитонова) проводил безмолвническую жизнь. Когда скончался старец Феодосий, духовник и сотаинник отца Никодима, то владыка Леонтий Чилийский поставил схимонаха Никодима во иподиакона, дабы тот мог сам приобщаться запасными дарами, не покидая своего пустынического убежища на Каруле.



Старец Никодим не имел священного сана, он был простым схиподиаконом. Родом он был из простого народа и не имел высокого образования. Но несмотря на все это, сила его духа была

[52] Сайт «Исихазм» URL: http://www.hesychasm.ru/library/praksis/nikodim.htm (дата обращения 15.10. 2015).

такова, что к нему на Святую гору ради духовного окормления приезжали православные христиане со всего мира.

Всю жизнь свою подвизаясь на поприще непрестанной молитвы, старец Никодим значительно преуспел в этом делании. Но он никогда не гордился этим и не выказывал перед другими свою молитвенность. Особенно сие видно из публикуемого ниже его молитвенного дневника, читая который можно подумать, что он написан новоначальным послушником, ибо старец говорит преимущественно о своих недостатках и по смирению умалчивает о своих достижениях. А ведь старец Никодим к моменту начала ведения дневника уже имел большой молитвенный опыт, т. к. непрестанной молитвой он начал заниматься еще до прихода на Афон.

Скончался старец Никодим в 1984 году, имея почти 100 лет от роду.

Дневник о молитве старца Никодима

С сего 15 сентября 1937 года по благословению старца я начинаю вести свой дневник, записывать свои мысли и опыты из духовной своей жизни в намерении не упустительного самоиспытания и для лучшего откровения старцу всего, что будет случаться в прохождении святого послушания и молитвы.

Прожил под старцем вот уже 11 лет, а послушания настоящего — внутреннего — еще не стяжал, да и во внешнем-то не совсем исправен: очень горделив и ленив, а потому и молюсь плохо. Хотя и нравится мне Иисусова молитва и я уже давно молюсь ей, навык и к художественному способу, по «Добротолюбию» и по «Откровенным рассказам странника... ». Но суета, к которой я пристрастился помимо прямого послушания, к тому же и укоренившиеся страсти мои — чревоугодие и леность с саможалением— не дают мне вполне испытать образ умно-сердечной молитвы с художественными приемами, который, по некоторым моим действиям, заметил я, очень полезен для собрания ума моего и приведения себя в чувство. Когда же удается более или менее успокоиться и собраться в себя, отринув всякую суету, тогда становится легко молиться, и обычные страсти: леность, сон — одолевают не так сильно.

Еще раньше, 24 апреля 1937 года, я открыл старцу свое смущение и боязнь, вызванные тем, что прочитал у еп. Феофана в «Письмах о духовной жизни» (стр. 257) по поводу графа Сперанского предостережение занимающимся умной молитвой и то же у св. Григория Синаита и Каллиста Игнатия Ксанфопуллов, что «без наставника и руководителя самому в умно-сердечной

молитве успеть невозможно, но легко уклониться в заблуждение и погибнуть, вместо пшеницы, увы, собрать плевелы». О чем я с верой и спросил старца. На что он ответил: «Это было сказано применительно к тем временам, когда кругом были наставники такого делания, а в наше время более подходяще правило Никифора Уединенника, ибо по нужде и закона пременение бывает». В тот же вечер старец повторил: «Чтобы заниматься умным деланием, надо удерживать ум от воображения и рассуждений, сердце держать в покаянии и сокрушении, а волю удерживать от самонадеянного напряжения сил».

Просил я еще старца, чтобы он по поводу этого моего смущения написал мне еще от своей руки для всегдашней памяти мне и по смерти его наставление. И дал ему прочитать то, что с его слов было написано мной в дневнике. Он кивнул в знак согласия и написал следующее: «Вся к благоугождению Твоему и мудрствующа и деюща» (молитва перед чтением Евангелия на Литургии).

21 июня 1934 года я прочитал старцу в 5-м томе «Добротолюбия» на стр. 231 смущающие меня слова св. Григория Синаита о прелести от умной молитвы, и слова еп. Феофана в письмах к разным лицам (стр. 215) тоже о прелести от образа действия умной молитвы. На первое он сказал: «Надо так понимать, что послушливость, смирение — необходимейшее приготовительное условие для умного молитвенного делания. Послушание же разумеется не от внешнего чина послушнической жизни, а от внутреннего духовного состояния послушника. Можно находиться и в чину послушника, но не быть послушным, равно может не находящийся в чине послушнической жизни быть послушливым, хотя очень редко это бывает».

На второе, т. е. суждение еп. Феофана, что творение молитвы умной по «Добротолюбию» без наставника-руководителя приводит к прелести, старец указал на пример Никифора Уединенника, который по нужде, когда не было наставника-руководителя, употреблял при помощи Божией предложенный им способ умно-сердечной молитвы.

Я спросил старца: «Как мне теперь и после смерти Вашей заниматься умной молитвой?» Он ответил: «Занимайся умной молитвой в покаянном духе, не ищи сладостей сердечных и видений умных — по воображению, — кроме случаев явной милости Божией к грешнику, подобно мытарю. Каким уже способом по отеческому писанию навык творить умную молитву, с таким и оставайся, только не привязывайся к нему, не давай ему, самому по себе, никакой особой цены, а считай его простым способом-орудием твоим для собрания

ума своего и приведения в чувство сердца своего. И благодатной силы к тому ожидай от Бога, дающего молитву молящемуся».

Потом, вскоре после этого, старец написал мне еще «Старческий завет и благословение». Вот он:

«Старческий завет и благословение. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

1. Господь да простит тебя, чадо, за все твои грехи прошедшие, настоящие и будущие, в коих будешь каяться духовнику после меня.

2. На этом основании веры и смирения твоего строй, с упованием на Бога, дом добродетелей разумным послушанием духовнику, с соблюдением моих старческих заповедей и посильным безмолвием с непрестанною молитвой ко Господу Спасителю: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

3. И покрой свой духовный дом венцом добродетели — любовью к Богу и ближнему, и да преселишься с ним в духовные небесные обители. Аминь».

Получив от старца для себя такое благодеяние: заниматься художественной молитвой с духовным завещанием, — я очень возрадовался и не знал, как благодарить его. А уже в болезни пред кончиной своей он еще добавил: «Ну, теперь ты своим послушанием заслужил себе безмолвие внешнее, а о внутреннем позаботься сам, стяжи его после моей кончины усердным покаянием. В пропитании и во всем необходимом Бог тебя не оставит».

Старец назначил мне пока на молитву с художественными приемами употреблять два часа в сутки: один час вечером, перед сном, а другой — во время утреннего правила. В полночь по пробуждении от сна я пошел в церковь на правило испытать благословенную свою молитву. И чтобы трезвеннее заниматься художественной молитвой, я сначала один час употребил на келейный канон с поклонами с намерением, чтобы сокрушиться и поплакать. И так отрезвившись, другой час проводил в умно-сердечной молитве. Так же затем поступал и в последующие дни. Притом если чувствовал себя совершенно истрезвившимся от сна, то садился на стульце, а если не совершенно прошел сон, то становился на стоятельную молитву и успокаивался, т. е. прекращал в себе всякое движение телесное во все время стояния, чтоб не давать нервам тревожить сердце и не мешать уму углубляться, а вниманию следить за произношением слов умом в сердце. Приводил также себе на память, как можно живее, вообще всю свою греховность, а также смерть, Страшный суд и вечные мучения во аде. Оживлял в своем сознании Божие присутствие,

Его неизреченное человеколюбие и милосердие и этим возбуждал в себе страх Божий и благоговение.

Затем с верой, уповая на помощь Божию и на молитвы старца, начал сводить ум из головы в сердце таким образом: вдыхая ноздрями в себя воздух, вместе с ним и ум опускал в сердце, в то же время умом произносил и слова молитвы Иисусовой, которые сами совпадали под такт удара сердца, а вниманием следил, как ум вмещается в слова молитвы. Иначе сказать: как ум слышит каждое слово, произносимое в сердце, и как бы зрел умом в произносимых именах присутствие Невидимого Живого Бога.

Выдыхая из себя воздух, произношу «помилуй мя», также с заключением ума в слова молитвы. По совету Каллиста и Игнатия, когда вдыхаю в себя воздух, смотрю на Господа, а когда выдыхаю — на свою греховность. Так производится произношение одной молитвы Иисусовой: пять слов с пятью сердечными ударами и одним двойственным дыханием (т. е. вдох — выдох). Сердцем же в то время стараюсь сокрушаться, умильно и просительно припадая к призываемому Господу Иисусу Христу Спасителю моему. Умоляя Его благость простить мои бесчисленные грехи и избавить от врагов сильных и лютых, в этой жизни и в будущей.

Таков образ моей умно-сердечной молитвы. В ней, при помощи Божией, полагаю и трудиться во всю остальную мою жизнь, в ней до конца преуспевать, с нею невоздержанно пройти воздушные мытарства и перейти в блаженную вечность.

Но увы мне, одержимому леностью и саможалением. Сия-то молитва у меня остается пока только в намерении. Редко когда удается помолиться как хочется, а то сплошь да рядом — хладность духа, сухость, нечувствие сердца и рассеяние ума. Сердце как стена каменная, попробуешь пробить его — и не вдруг-то оно поддается, а потрудиться подольше охоты нет. А время идет, и совесть не перестает напоминать... Буди, Господи, милость Твоя на мне, да не погибну до конца. Пресвятая Богородица, спаси мя, грешнаго и немощного. И вы, дорогой мой батюшка, помолитесь обо мне, чтобы дал мне Бог усердие положить начало доброму своему исправлению, и благословите меня.

Когда я прочитал сие старцу, то он благословил меня и сказал: «Так и всегда занимайся. Бог благословит».

Для возбуждения ревности к умно-сердечной молитве старец прочитал мне из Афонского патерика свою выписку из жития преподобного Феофила Мироточивого. «Исключительным же подвигом преподобного Феофила

было так называемое святыми отцами умное делание, или хранение ума непрестанною молитвой Иисусовою, то есть «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». По слову святого Каллиста, есть два рода иноческого делания: одно — для укрощения страстей, и состоит оно в посте, бдении, коленопреклонении и прочих подвигах внешних, а другое — для очищения ума и сердца от нечистых мыслей, что совершается строгим вниманием, с непрестанною молитвой сердечною ко Господу Иисусу Христу, творимою в тайне и с болезненным чувством и страдательным воплем души, как учат божественные отцы. Умным этим деланием и святою молитвой, плачем и слезами, рождающимися от этой молитвы, он очистил сердце свое от страстей и нечистых помыслов и, низложивши демонов вконец, сделался чистым избранным жилищем Святого Духа. И так как, по словам святого Дионисия Ареопагита, Божественная любовь не видит и не знает ничего, кроме своего предмета, — преподобный Феофил, пламенея любовию к Богу, ни о чем ином не думал, кроме Иисуса. Иисус был дыханием его, Иисус был жизнию его, Иисус был всегда в сердце его. Феофил, подобно святому Павлу апостолу, не жил более, но Христос жил в нем, а потому, подобно святому Павлу, удостоился он Божественных даров Святого Духа: предвидел будущее, знал тайны сердечные и помышления человеческие, как говорит святой Апостол: *«достиг в мужа совершенна и в меру возраста исполнения Христова»* (Еф. 4, 24). Наконец, будучи исполнен дней, святый предузнал смерть свою и начал готовиться к исходу в вечность... Преподобный Феофил распростерся на одре: «Господи Иисусе Христе! Прими дух мой», — произнес он и почил сном преподобнической смерти, в лето от Рождества Христова 1548-е, июля 8, в воскресный день, прежде восхождения солнца... Да подражаем и мы преподобному в нестяжательности, кротости и смирении, чистоте, безмолвии и любви к Богу и ближнему, дабы и нам наследовать с ним Царствие Небесное во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

16 сентября.

Вечером перед сном молился по обычаю один час умно-сердечной художественной молитвой. Ум с трудом заключал в слова молитвы, он неудержимо рвался в рассеянность, ежеминутно оказывался в каком-либо дневном воспоминании. Так же и дыхание при художественной молитве: оно вырывалось из груди, как из заключения, хотя не так часто, но при вдыхании и выдыхании воздуха производило сопение, что мешало сосредоточению и вниманию.

Теплота натуральная все время продолжалась. И так без плода кончил я свой урок и пошел спать.

На утреню в 6-й час ночи (по церковному времени — ред.), в полночь, будто по зову старца проснулся, начал исполнять канон келейный, с принуждением себя к плачу, и все время боролся с рассеянием помыслов и ожесточением сердца. И только при конце немножко умилился. Другой час на умно-сердечной молитве был более собран, чем вчера. На часах понуждал себя на плач и в конце немного всплакнул. На вечерне молился с художеством, усердно и собранно, испытывал теплоту естественную от сердца и по всему телу и пот.

17 сентября.

Вечером, перед сном, молился умно-художественно, без особых признаков. На утрени вначале располагался ко сну и неге, но, скоро опомнившись, начал понуждать себя на плач и с Божией помощью ободрился телесно, но сердце так сильно закуталось в неге — никак не поддается, чтобы расшевелить его и привести в чувство. Много и с большим усердием трудился, и едва-едва добился нескольких капель слез, а совершенно пробудить чувство так и не удалось. Наконец измучился, тело устало. Наверно, и сердце, утомившись от этого, стало делать неправильные биения, с перебоями. На другой час умно-сердечной молитвы сел уже на стульце. Перебои мешали заниматься умной молитвой, из-за этого я немного смутился. Не послушав помысла, я стал понуждать себя как обычно с дыханием произносить слова, по привычному такту прежнего биения пульса в ожидании исправления сердца. Не заметил, как часы пробили «восемь». Просидел полчаса лишнего, пошел спать с больным сердцем.

На часах сразу почувствовал склонность к внимательной молитве, и скоро от сокрушения родилось умиление и слезы. Остальное время молился без художества, в сердце продолжались перебои...

Заболел старец, и я все время был занят с ним, и дневник писать некогда было, и так до смерти его 2 октября 1937 года. Так и после смерти старца, как некому было показывать свой дневник, то я и прекратил писать его.

Болезнь старца началась с простуды. В своей безмолвной калибке он сокращал жития святых, ежедневно, по два часа в сутки. Комнатка-то его маленькая, и потолок в ней низкий, после полудня воздух в ней нагревается, и старцу становилось душно. Чтобы избегнуть этой духоты, старец открывал

два окна, одно против другого, делал сквозняк и на этом сквозняке просиживал по два часа, от этого и простудился. Простуда перешла внутрь, и открылась болезнь в желудке, а затем перешла в грудь — под ложечку. Такая мучительная усилилась болезнь, особенно последние три дня, так что не давала ему и десяти минут находиться в одном положении, т. е. не пролежит и десяти минут — велит посадить, посидит немножко — заставляет положить. И так попеременно, круглые сутки непрестанно: то посади, то положи. По временам еще одолевала икота. И пред кончиной старец за час до смерти, по прочтении мною молитв ко причащению, представил уста свои ко мне и шепотом сказал: «Лобызаемся», — и мы поцеловались, в знак прощения. И, благословляя меня, он сказал: «Господь да благословит тебя, чадо, и укрепит и сохранит, и в крайней нужде поможет». И кивком головы дал мне знак поторопить духовника (совершавшего Литургию) поскорей прийти, чтоб не опоздать до смерти причастить его. И спустя 12 минут, с молитвой умной, по «Страннику» (т. е. так, как советуется в книге «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» — ред.) тихо скончался. В момент смерти я сидел с правой стороны старца, обняв левой рукой его сидячего, а правой слушал пульс его и молился с ним вместе, наблюдал, как, выдыхая из себя воздух, произносил духом: «Помилуй мя». И вдруг заметил я, что пульс у старца остановился, глянул на лицо его и видел, как он три раза с паузами вздохнул и скончался у меня на руках. По Божию благоволению в день Воскресения Господа Иисуса Христа, 2 октября 1937 года — на память св. блаженного Андрея Христа ради юродивого, которому духом тайно он старался ревновать. Одно время дерзнул и самим делом юродствовать... Много можно бы писать о старце, но мне, как ученику его, неприлично писать о старце своем.

Еще за неделю старцу был указан день смерти его, когда уже больной он, причащая другого болящего полгода сужением горла, сказал ему: «Помру на Покров, а ты через три дня после меня». На Покров Божией Матери к вечеру (9-й час по-афонски) старец потребовал с зажженную свечу, и держа ее, лежал с нею. Все мы, духовные чада его, собравшись около него, молились. Прочитали канон на исход души от тела и несколько глав Евангелия, ждали смерти, а смерть не пришла. И старец спокойно сказал: «Возьмите свечу». Наверно, было опять открыто старцу, что помрет на другой день Покрова. Болезнь его с этого времени прекратилась, он лежал спокойно. Одно только желание было его: причаститься еще в последний раз. Этим озабочен был, боялся, что не сможет, т. к. в прошедший день с трудом проглотил Святое

Причастие. Хотя все время — подряд десять дней — причащался, но еще очень хотелось перед смертью, и вот придумал такой способ: «Надо кровь Христову положить под язык, чтоб Она согрелась и смешалась со слюной». И велел влить ему теплой воды под язык, с чайной ложечки. Я так и сделал, затем еще три раза попрактиковались. Все три раза с медлительностью легко проглатывал водицу. В заключение старец сказал: «Вот так смогу причаститься, скажи духовнику, чтобы он так причастил меня — под язык».

1943-го года, 23 февраля, Понедельник Чистый.

Начал писать свой дневник. Слава Богу, опять дождался святого Поста и с Божией помощью вступил в подвиг спасительного поприща говения и молитвы. Да поможет Бог благополучно переплыть кажущуюся мне страшной сию пучину святой Четыредесятницы, с пользой для души своей, также в благодушном терпении достигнуть светлого торжества Христова Воскресения. В благоговейном страхе поклониться честным Его страстям и светлому Воскресению. И удостоиться в духовной радости насладиться Святой Пасхи. Как всюду кругом тихо и спокойно, все работы и заботы теперь на время прекратились, и все внимание обращено на душевное устроение, и мне пришло на память продолжать давно оставленный дневник, в который с сего дня и решил опять записывать.

Страдание от помыслов и брань с ними

Вижу себя, представляю себя в плену и в большом здании или, лучше сказать, в обширной тюрьме, наполненной арестантами разных сословий и характеров, обоих полов. Всякого рода злодеи и развратники, разбойники, воры, грабители, убийцы, обманщики, льстецы, клеветники, празднословцы, сквернословцы, пьяницы, блудники, похабники, сквернители, ругатели, безбожники, хулители и просто сказать — все, что есть греховного и зловредного на свете, то все собрано в этой тюрьме. И все эти люди, погубившие в себе подобие человеческое и похожие, скорее, на зверей и на животных, не сидят на одном месте, а все время находятся в движении и беготне.

Я в этой тюрьме лежу на полу, больной и расслабленный, грязный и осквернённый, в одежде бедной, разодранной, а из ран у меня течет непрестанно издающий тяжкое зловоние гной. А эта подобная мне вся тюремная шваль, окружив меня, с сильным натиском старается навязать мне свои обманы и соблазны, и непрестанно, то один, то другой, досаждают мне. И этими

льстивыми, исполненными зловредностями и всякой гадостью беседами, как острыми ножами и смертоносными стрелами, изранили всю мою душу. Однако злоба и хитрость тюремщиков моих не умолкает. Они с еще большим злорадством и наглым издевательством как можно больше стараются досадить мне и навязать свои понятия, вкусы и убеждения. Одним словом, стараются сделать меня подобным во всем себе — гадким и злонравным. И как лютые собаки терзают меня. Ни на одну минуту не дают мне покоя. Всего меня измучили до крайности, так что не достает у меня и сил вырваться от них и освободиться, хотя бы на малое время. Не дают мне эти злодеи обратиться за помощью к родным, друзьям и знакомым, которых вблизи я не вижу. А если стану кричать жалобно и звать кого-либо на помощь, то они затыкают мне рот или сильнейшим своим шумом и гамом стараются заглушить меня, чтоб не был услышан мой слабый голос. И так я в таких муках остаюсь беззащитным и беспомощным, а потому по временам совершенно падаю духом, видя себя в таком беспомощном состоянии, и поневоле отчаявшись, отдаюсь им во власть, прекращая всякое противление им, и нехотя примиряюсь со своей горькой судьбой. А забыв о своем должном — упокаиваюсь и начинаю кое в чем соглашаться с ними, а оттого начинаю дуреть и в большее безумство приходить и сильнее душой и телом болеть.

Бывает, и подолгу в таком забвении и повиновении пребываю у своих злодеев. Но иногда случается, откуда — не знаю, спускается на меня луч света, и мне делается так хорошо и легко, а эта мрачная тюрьма и все злые арестанты становятся очень противны. В эту минутку и я снова воспринимаю надежду высвободиться из этой тюрьмы и начинаю опять, собрав в себе все силы, жалобно-жалобно кричать, звать кого-нибудь к себе на помощь. Так бывало — кем-либо и услышан был. В то время, или лучше сказать, момент, воссиявает свет и мрак тюремный исчезает. Да и сама тюрьма с арестантами исчезает. Открываются мои зажмуренные глаза, и я вижу пред собой во свете моих милых друзей, родных, знакомых, ласково и сладко беседующих со мной. На душе от этого света и бесед становится спокойно, тихо радостно, но это не надолго так бывает. По причине болезненной моей слабости я не в силах держать себя с ними в надлежащем и приличном состоянии, да еще и нажитом в дурном обществе. Дурным своим обычаем и зловониями скоро отгоняю их от себя, и они с жалостью от меня отходят. И тогда опять постигает меня тот же мрак и те же разбойники, да еще с большей лютостью и злобой начинают тиранить и мучить меня. Но кроме этих мучений временных, меня ожидают

еще страшнейшие и лютейшие мучения, уготованные для грешников: геенна огненная и тартар мрачный и червь не усыпающий, и мучение то — вечное, конца не имущее.

Опять вспоминаю и светлые минуты. В одно из посещений меня моими друзьями они сказали мне: «Хочешь ли ты, чтобы мы научили тебя, как избавиться от этой злой и темной толпы разбойников и никогда не омрачаться их тьмою, но всегда быть во свете?» На это я ответил им: «Хочу, друзи и милые доброжелатели мои. И очень хочу и умоляю усердно вас, научите меня, какие надо принять меры к избавлению». Они сказали мне: «Это вот как: всех сожителей твоих — арестантов — возненавидеть от корня души, совершенною ненавистью, но если ты еще по немощи духа твоего не можешь так возненавидеть, то возьми из нас, друзей твоих, самых лучших и нужнейших для тебя, — пять, в помощники себе, которые избавят тебя из тюрьмы и от арестантов, и от вечных страшных мук. Но с этими друзьями непременно нужно заключить любовный договор и союз, чтобы любить этих пятерых друзей больше и паче всего на свете. С ними всегда и везде жить и быть, не выпуская из памяти их, никогда и нигде не забывать о них, но и сидя, и лежа, и при ходьбе, и за работой, и за едой, и при разговорах не забывать о них, и никогда не изменять им в положенном завете с ними, а непрестанно смотреть на них и беседовать с ними, слушаться их во всем, что они будут внушать тебе, без перекора и отлагательств. И они покажут тебе тайную щель этой твоей тюрьмы, чрез которую входят к тебе твои друзья, из которой воссияет для тебя свет. Эту щель ты заприметь и непрестанно смотри на нее. В ней будут показываться тебе попеременно светлые твои друзья и беседовать с тобою и во всем научать тебя. Всяким хранением храни эту щель, чрез нее входит жизнь для тебя. Но так как ты теперь измучен и потемнел, потому и не можешь ясно различать своих от чужих. И часто случается, что ты принимаешь злодеев за своих друзей. По такому случаю положи себе правило: каждый день уделять пока хоть полчаса или час и два в претрудном упражнении — в искусной борьбе со злыми своими врагами. А искусство это заключается в том, чтобы, устремив весь свой взор на показанную тебе щель, с неразвлекаемым вниманием и ясно смотрел бы чрез нее на своих пятерых друзей и непрестанно повторял бы чудные, святые, страшные их имена: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», — попеременно одно за другим, как они по одному будут показываться тебе и беседовать с тобою, поучая и наставляя тебя на всяку истину. Притом еще ставится в условие тебе, чтоб кроме этих пяти своих ты никого

из чужих не видел и ни на что другое во все время урока не смотрел, а слипающиеся свои глаза насильно раскрывал, чтоб ясно можно было видеть каждого друга своего, а языком твердо выговаривать имена их. И так, с помощью Божией, возможешь избавиться из этой мрачной тюрьмы и от злых врагов твоих и получишь совершенную свободу.

Сначала этот урок будет для тебя труден, но если будешь неупустительно каждый день трудиться в нем, то постепенно он будет легчать, и душа твоя будет укрепляться, выздоравливать и просвещаться. И урок твой обратится в непрестанное занятие и станет жизнью для тебя, и в этой временной жизни, и в будущей вечной.

И так, когда я послушался совета любящих светлых моих друзей и с Божией помощью начал исполнять предложенный ими урок, то, действительно, собственным своим опытом убедился: все враги мои со злым своим шумом, во мгновение ока, как дым от ветра и тьма от света исчезают. И на душе делается легко и в уме светло.

Слава Богу, помогшему мне опять положить начало доброму подвигу, благословенному от старца деланию, к занятию умно-сердечной молитвой, и вести свой дневник тоже по благословению и настоянию от него (поясним, что в данной главе отец Никодим под арестантами подразумевал свои плененные грехом помыслы, под друзьями — помыслы от Бога, а под пятью нужнейшими друзьями — пять слов молитвы Иисусовой — ред.)

Размышления, сопутствующие молитве

«Соль — добрая вещь; но, если соль
потеряет силу, чем исправить ее?
Ни в землю, ни в навоз не годится;
вон выбрасывают ее» (Лк. 14; 34, 35).
«Имейте в себе соль» (Мк. 9, 50).

Соль сия есть три молитвеннея делания, привлекающие благодать Божию: самоукорение, сокрушение и крестное знамение. Помнить всегда надо, что человек в греховном своем состоянии, по сказанию святых отцов, есть «исполу-мертв» (Триодь Постная); «полу-мертв» (Филарет, архиепископ Черниговский); «мерзость есть пред Богом» (еп. Игнатий Брянчанинов). В чем же сие заключается?

1-е. По сердцу. В гордости своей человек мерзок, смердяч и вонюч, отвратителен и нестерпим для Бога, ангелов и св. угодников Божиих. «*Мерзость пред Богом всякий надменный сердцем*» (Притч. 16, 5); «*что высоко у людей, то мерзость пред Богом*» (Лк. 16, 15). Потому у гордого и все чувствования его, которые переживает он надменным сердцем, хотя бы и от добрых и святых предметов приходили к нему в сердце, но от надменности и высокомерия в нем оскверняются и становятся нечистыми. Отсюда и все мысли, из сердца рождающиеся, от скверных чувствований выходящие, бывают скверные, злые, тщеславные и блудные. А этими мыслями оскверняется и весь ум его: памятование, воображение и рассуждение. Вся умственная деятельность такого человека — сплошная сквернота, все мысли его — мерзость. Потому еще у мерзкого человека сердце грешно, что оно жестоко, раздражительно и нетерпеливо, уныло, гневливо, сластолюбиво и сквернолюбиво, а потому и гнусно и нетерпимо Богу и человекам.

2-е. И по уму такой человек мерзок. А мерзкий ум не может ни думать, ни рассуждать, ни молиться чисто. Святое и чистое, о чем он мыслит, в нем мерзкою гордостию, надменностию, высокоумием и зловонным тщеславием — осквернено. И молитва его, хотя бы и усердная, оскверненная бывает во грехе (Пс. 108; 7: Притч. 28; 9), и еще: «*Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*» (Иак. 4, 6; 1 Петр. 5, 5). А грешников Бог не слушает (Ин. 9, 31), и потому высокоумием осквернившийся ум становится прегордостным и злосмраднейшим. От испускания из себя непрестанно скверны своей, злобных, гордых, хульных и блудных помыслов, по слепоте ума своего часто не замечает. И по телу, все чувства телесные: слух, зрение, вкус, осязание и обоняние у такого человека осквернены. Всякое помышление злое, исходящее из сердца, по словеси Господню оскверняет всего человека. Слушать он любит только скверное, смотреть на скверное, и в разговорах любит он вставлять шутки и прибаутки, и этой беседой скверной любит услаждать слух свой. И в молитве своими скверными устами и языком хотя и святые произносит слова, но если они произносятся без участия смиренного самоукорения и сокрушения сердца, то и молитва его бывает скверная и не в пользу ему, потому что Бог не языку внимает, а сердцу. Как и через пророка Он сказал: «*Приближаются ко Мне люди и чтут Меня устами своими, а сердце их далеко от Меня отстоит*» (Ис. 29, 13), и еще: «*Сыне, даждь Ми сердце твое*» (Притч. 23; 26). Напрасна бывает и молитва такая, Бог не слушает ее. «*Отвращу лице Мое от них, да не услышу их*» (Иер. 11, 11). И если таково состояние грешного

человека даже во время усердной молитвы, то во время «ленивой» молитвы или в другое немолитвенное время каково его состояние? Конечно, тогда такой человек есть сплошная мерзость и непрестанное зловоние гадкое, которое подобно трупу дохлой скотины, выброшенной на поле, гниющей и полной червей, издающей смрад зловонный, мимо которого проходя, люди затыкают нос... Так и от человека, когда он забывает свою греховность, и в обольщении своем надмевается гордостью, отступает благодать Божия, и Ангел-хранитель отдаляется от него и сетует о нем. А он, бедный, не видит этого и не знает об этом и по привычке даже радуется своему зловонию. В то время бесы, чуя сродное им зловоние, приступают к нему, как к приготовленной пище, и, облепив его всего, подобно зверям, птицам и разным насекомым, с жадностью грызут, ядят эту смердящую стервятину. Бесы, по словам святых отцов, питаются человеческими страстями, т. е. услаждаются и радуются, когда человек творит их волю и охотно принимает их зловредное и пагубное внушение. А сам человек по привычке к болезни своей греховной и не чует этого, но даже и сам вместе с бесами с радостью услаждается своею погибелью.

А с некоторыми бывает еще и так: они, не зная о своей внутренней греховной прелести, по внешности кажутся исправными: ходят на службы в церковь и дома молятся усердно, а то еще и непрестанной молитвой занимаются — только внешней, тщательно исповедуются духовнику, в явных грехах своих, даже и причащаются Св. Таинств Тела и Крови Христовых, и всякие добродетели творят от избытка славолюбивого сердца своего, и хвалятся своим внешним преуспеянием, а о внутренней греховной болезни и погибели своей не знают, и не каются в том, и потому всегда находятся под влиянием бесовским: бесы живут в них, как в своем доме. По наружности таковые люди хвалимы, а по внутренности — не угодны Богу. «*Что высоко у людей, то — мерзость пред Богом*» (Лк. 16, 15). «*Приступит человек и сердце глубоко*», и «*ни кто же знает человека, токмо дух человека*», но у кого дух в порабощении у бесов и лишен чувства, как он может узнать и увидеть себя?

Некоторые, например, замечают явные свои грехи и хотят избавиться от них, но не могут. А причины не знают: почему это они не могут? — и никогда не узнают. Если только не постараются с усердием прочитывать деятельные творения святых отцов в «Добротолюбии» и подобных книгах отеческих. А если этого не сделают, то и не узнают себя и не избавятся в себе от прелести бесовской. И никто не избавит таковых, потому что гордость их не допустит им принять совета от другого. Требуется самому узнать себя

и покаяться слезно пред Богом, а без самопознания и усердного покаяния так и останется человек без надежды на свое спасение. Таким людям помогает на некоторое время причащение Тела и Крови Христовой, но за небрежение и невнимание скоро утрачивается в них это освящение. Итак, желающему избавиться от этой невидимой и неощущаемой беды своей душевной — прелести диавольской — и не быть мерзостью презренною, но быть благоуханием у Бога, прежде всего требуется хотя бы умом одним против воли поверить и убедить самого себя в том, что непременно есть во мне такая беда. А потом для избавления от нее принять во всегдашнее памятование, и особенно во время молитвы, три необходимые молитвенные делания.

1-е дело ума — самоукорение;

2-е дело сердца — сокрушение;

3-е дело тела — крестным знамением истовое себя осенение и слов молитвенных внимательное и благоговейное произношение. Этими тремя деланиями мы Богу бываем приятны. Именно: самоукорением с памятованием о грехах своих мы смиряем себя и этим приклоняем Бога на милость к себе и привлекаем взор его на себя. «*На кого воззрю? Токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес моих*», — сказал Бог (Ис. 66, 2). Сокрушением, как благовонным фимиамом, мы облаговониваем себя, заглушая тем зловоние своего мертвеца. Епископ Игнатий (Брянчанинов) сказал: «Кто хочет помолиться, тот должен прежде покадить сокрушением в сердце своем». «*Жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*» (Пс. 50, 19). Крестное знамение само уже есть Божия благодать, если оно полагается истово и благоговейно. Нужно помнить, что Сам Господь Иисус Христос распятый висит на кресте. Такая молитва есть время благоволения Божия к молящемуся. Следовательно, в это святое время все освящается в нас и не остается места зловонного. Эти три делания для человека прельщенного есть надежное убежище. Без них опять зловоние полезет и бесы паки облепят. Так скоро в человеке меняется духовное состояние его. Как сказал богомудрый пастырь отец Иоанн Кронштадтский: «От жизни до смерти один шаг» (Дневник). Состояние меняется: то в духовное, то в греховное, то святое, то в слепое. Посмотри на себя во время молитвы — как бывает с тобой. Самоукорения в уме нет, тоже и сокрушения в сердце нет, и крестишься без внимания не благоговейно, также и молитвы читаешь небрежно. Откуда же родится чувство умиления, являющееся признаком благодати Божией? Вот и есть ты живой мертвец.

Начнешь нудить себя на эти три делания — пробудится и чувство, согреется сердце от сокрушения, а затем придет и умиление — благодать Божия — и потекут слезы. Вот и воскрес мертвец, слава Богу. А чаще так будешь делать, а затем и повсегда в молитве и без молитвы, то и никогда не будешь умирать и освободишься от прелести благодатию Божиею, за ходатайство Божией Матери и за молитвы святых. Аминь.

Эти мысли — главные в моей молитве, и с помощью Божией я всегда пользуюсь ими.

Плен Сион. Христово благодатное время у христиан православных

В таинстве святого крещения люди, искупленные «от клятвы законныя», из плена бесовского высвобожденные Христом, потом снова запутываются страстями своими и опять попадают в плен бесовский. Страсти, по святым отцам, есть залоги бесовские. Заложили в человека греховные страсти и стали господами над ним и обращаются с ним, имеющим в себе залоги страстей, как с купленным рабом, хотя не со всяким одинаково, а по мере страстности его и по степени несопротивления или сопротивления каждого. Усердным покаянием и борьбой со страстями, углубленной в сердце умной молитвой, а особенно участием в таинствах исповеди и причастия святых Тела и Крови Христовых человек освобождается из плена бесовского, но не надолго. Это зависит от меры соблюдения себя от греха или несоблюдения. Так человек освобождается и очищается от грехов, а от страстей и святым Причастием не освобождается. Страсти в нем только утихают, в то время как ум просвещается, чувство ревностию возбуждается и воля склоняется к желанию добра. Так же и тут не у всякого одинаково, а по мере усердия, умения и твердости намерения. Страсти, как голодные звери, жаждут пищи грехов с нетерпением, ждут, когда человек впадет в какой-либо грех, хотя бы в один малый. Тут бесы огулом сунутся в сердце его к залогам своим и облепят, как пчелы соты. Бесы, по еп. Игнатию (Брянчанинову), живут в крови страстного человека. Тогда опять откроется усиленная и усердная работа бесовская, на малое время. Тогда потемнеет ум человека, охладеет ревность чувства и воля ослабеет. И возвращается человек в греховную свою жизнь, в плен бесовский. По мере страстности не у всех плен одинаков. У кого ум не совсем ослеплен, чувство не охлаждено и воля не расслабленна, тот скорее берется за сопротивление и борьбу со страстями, и бывает: то побежден от бесов, то сам побеждает их, а более страстный на долгое время остается ослеплен, без чувства и недвижим к покаянию, забывшись и примирившись со своим греховным пленом.

А чтобы освободиться из плена, необходима память о своем долге, нужно непрестанное самосознание и проверка себя словом Божиим и святоотеческими писаниями, чтоб внимательно прочитывать почаще аскетические книги и в трезвении внимательно бдеть над собою, не давая пищи страстям исполнением грехов. И так постепенно, мало-помалу, освободишься от страстей Божиею помощию и из плена бесовского избавишься.

О, как осторожно требуется проводить жизнь свою. «Бдите и молитеся, — сказал Господь, — да не внидете в напасть» (Мф. 26, 41). Хотя плоть и немощна, но надо всегда иметь дух бодр, ибо посреди сетей вражиих ходим.

Об имени Господнем

Святая Четыредесятница, 1944 год. Имя Божие для молящегося бывает или хлебом сладким, или твердым камнем. Когда Господь дает молитву молящемуся, тогда имя: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий — бывает приятным хлебом мягким и сладким. И насыщаясь им, молящийся обо всем ином забывает. А когда у молящегося имя Божие бывает твердым камнем, тогда он молитвой не насыщается, а тяготится ею и скорее бросить готов ее, ища другой пищи себе, и с приятностию питается ею во отраву для себя.

Молитва учителя не требует, она сама учитель: ты только прислушайся к ней и точно исполняй требования ее, и она поведет тебя своим мановением и покажет, что надо делать.

Имя Господне свет есть. Рассекай им пред взором ума своего всю тьму, наведенную на тебя. Если во время молитвы ты не чуешь себя грешнее всех, то хоть в сознании будь таковым, а если и того нет, то ты мерзок пред Богом. Если на одну минуту выпустишь из сознания греховность свою, то полезет из сердца зловоние твое, как из помойной ямы или от трупа, помыслами греховными.

О молитве ума с сердцем

Без соединения ума с сердцем нет истинной молитвы, сказали святые отцы. Труден этот вопрос, а в наше время мало кому и известен. Сердце, как всем известно, находится под левым сосцем в груди, и от сердца, по слову Божию *«всякие помышления злы»*. Но великая тайна, как найти отверстие в сердце, из которого выходит эта гадость, сквернящая человека. Указано, что это место немного выше левого сосца, но ведь это не пальцем ткнуть, а умом-то,

пожалуй, и голову сломаешь и не попадешь туда, куда надо, а искать ведь необходимо. Но помнить надо, что не своими только силами, а просить нужно помощи благодатной Божией и тщательно узнавать, как искали это место святые отцы. «*Сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие*». Труд и время всему научают, только то условие надо иметь в виду, чтобы раз начатое искание святого дела не перерывать, но непрестанно держать, и найдется искомое, непременно найдется.

Всегда вознося меч духовный — имя Божие, с непременною памятию о нем, рассекая мрачную мглу пред собою, да узриши Невидимого и душу свою юже зле погубил, да теплыми слезами омыеши, и явишися чистым Христу Богу в день Страшного Суда. «*Слово Божие живо и действенно и острее паче всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные*» (Евр. 4, 12). Так и в молитве, произнося имя Господа Иисуса Христа, как можно живее в памяти представлять эти имена, и тогда почувствуешь вышереченное апостольское действие Божие, а без живой памяти произносимые эти живые имена в твоем уме и сердце будут мертвые, т. е. всуе произносится имя Господне, во грех себе и во осуждение (Втор. 5, 11). Хотя и трудно это дело, но надо так. Трудно без привычки, а кто привык, тому оно любезно стало: «*Иго мое благо и бремя мое легко*», — сказал Господь.

Слова «Господи, Иисусе Христе», — слова живые, а потому и произносить их надо живо, раздельно и неспешно, со светлой памятию и с сосредоточенным вниманием, спокойно, в духе умиления и покаяния. После каждого слова мгновенная пауза — момент насыщения: в каждом слове Господь, а Он есть пища сладчайшая — «Сладчайший Иисусе» — для душ усердно молящихся.

Молитва, соединенная с дыханием, большую дает помощь. Тихо и плавно вдыхаемый в себя воздух освежает сердце и, как бальзам, помазует его, и телу доставляет здравие, и духу спокойствие, а соединяемое с дыханием имя Господа Иисуса Христа — душе радость и веселие.

Память Божия и память смертная — как два естества в одном теле (Св. Иоанн Лествичник). Вдыхай в себя воздух с памятью о Боге: возвеселится сердце (*«Помянух Бога и возвеселихся»* (Пс. 76, 4), а выдыхай с памятью о смерти: дух придет в сокрушение. И так в два оборота действует молитва Иисусова, по слову Каллиста и Игнатия Ксанфопуллов. Как в Господе Иисусе Христе два естества нераздельны, а в человеке душа и тело, так и в молитве

память Божия и память смертная должны быть неразрывны, и такая молитва есть не прелестная.

Исходный пункт молитвы — память смертная, а предел ее, память Божия: «*От туду пойдеши и до сели дойдеши и далее не прейдеши*» (Иов. 38, 11). Сосредоточение памяти Божией: уповаю... Сосредоточение памяти смертной: умру. «Господи Иисусе Христе, — на тя уповаю, — помилуй мя» — умру... Памятуя сие, произноси слова молитвы Иисусовой (старец имел в виду, что первую часть молитвы нужно соединять с упованием, а вторую часть с помыслом о смерти. Таким образом, Иисусовой молитве, по старцу Никодиму, должно сопутствовать такое настроение: «Господи, уповаю на Тебя, помилуй мя, ибо я умру» — ред.)

У зараженных тайною гордостью все заражено — и сердце, и ум, и уста, часто и молитва их бывает скверна: «молитва их в грех». Одно для них прибежище истинное есть — сознательное самоукорение и крест Христов, правильное осенение себя крестом. Крест есть символ любви Божией и крайнее прибежище нашего упования. Если все наше скверно — «и правда наша, как порт блудницы...» Отсюда и надежда на спасение погибла и дух реет во отчаянии. Тогда-то и необходим Крест Христов — крайнее упование. Возверзи всю печаль свою на Бога, осени себя правильным крестом и веруй, что помощь для тебя всегда близ тебя. Крест, правильно и с сознанием на себя наложенный, покрывает греховность нашу и привлекает благодать Божию на нас. Ради креста Христова все небо смотрит на нас.

О прелести, по творениям св. Григория Синаита и иных авторов

Многие, боясь прелести, внушают новоначальным преследовать в себе воспламенение огня любви, к каковому, напротив, призывает св. Григорий. И таким образом в самом начале погашают в них духа, не видя того, что, избегая зло, преследуют добро. Это есть уже сбивчивость понятий, ибо прелесть следует разъяснить... По сказанию св. Григория Богослова, за непрельстительный признак при молитве Иисусовой можно принимать то, когда сердце воспламеняется в любовь к Богу и человекам и когда любовь эта выражается пред Богом чувствованием сокрушения о своих грехах, а пред ближними чувством смирения; признаки же прелести всегда противоположные и страстные.

По разъяснению св. Григория Богослова, тот много бедствует душевно, подвергаясь опасности, кто не заботится познавать по признакам различия трепета, радующего в начале подвижничества, или, напротив, относя благодатное к прелести, что есть хула, или диавола принимает как Бога — вменяя прелесть за благодать.

Так немаловажно в деле спасения изучение различия признаков. Новоначальному, как младенцу неопытному, необходимо услышать, что двояко и несмешанно действует в новоначальных благодать и прелесть. Последняя действует потому, что воля его еще двоится. Таковое познание оберегает неопытных от уныния и смущения при частой перемене внутреннего состояния. При посещении благодати — от самовозношения, а при действии сатанинской прелести — от уныния и отчаяния.

Плакала слезами сладкими любви ко Господу Иисусу Христу, обливая слезами ноги Его, отирая власами своими, сестра Лазаря. Плачь и ты, если можешь. А если нет умиления и слез любви, то плачь слезами горькими сокрушения о грехах, как плакала блудница Мария Магдалина. А если и таких слез не имеешь, то страдай, как разбойник на кресте... Иного пути для отшельника-безмолвника нет в Царствие Небесное.

Если же ничего из вышесказанного делать ты не хочешь, то знай, что ты самообольщен, пребываешь или в лености, или в прелести бесовской.

«Друзи мои и искренние мои... »

Как бы хорошо было с друзьями по духу о Господе. Нет у меня друзей духовных, не с кем с пользой поделиться о душевном состоянии своем или хотя бы в сладость побеседовать о духовном. Да, нигде теперь не видно истинно духовного дружества. Настало такое время, что затруднительно духовные дела совершать совместно, по причине различных вкусов и понятий. Если соберемся на общую молитву, тут одному подавай длинное сладкопение, а другому поскорее бдение, чтоб лучше потом в уединении своим любимым заняться; другому нравится читать поучения, а иному нравятся общие беседы; и тяготится один другим. Если возьмемся книгу читать или беседовать о духовном, то по различию понятий поспорим или поругаемся и навсегда во мнениях разделимся. И наоборот, если сплетать житейские сплетни, судить и рядить обо всем, переливать из пустого в порожнее, то и друзей будет много и время незаметней проходит, а в особенности за сытным обедом: «речи рекой льются, а жажды утолить нечем». Вот тебе и друзи, вот тебе и люди нынешнего века, «как навоз на блюде» — от них же первый аз есмь...

Мысли о молитве

3-го марта. Четверток, за бдением. Молясь непрестанно Иисусовой молитвой, будь весел, в благодушном спокойном духе, и исполнись радостью — радостопечалию в сердце. Пребывая в памяти Божией (т. е. в непрестанной молитве — ред.), помни: ведь это райское занятие, тебя Бог ввел в этот райский сад и сказал тебе: «Смотри на эти прекрасные плодовитые деревья, возделывай и храни их и жди с них плода в свое время, и тогда вдоволь насытишься, а пока услаждайся только зорким вниманием и смотрением своим на эти райские деревья (перебирая в памяти святые мысли) и поливая их изобильно чистою водою твоих слез. И услаждайся надеждою на вкушение плодов от сих деревьев, в свое время, и уповай на милость Божию».

А безумное уныние, не стерпев труда сладкаго сего, кричит: «Трудно мне долго ждать. Дай скорее». Недовольно ему услаждения надеждой, а в беспокойстве духа кричит и кричит — дай да дай теперь, — а не то и роптать еще начинает. И Бог, не терпя такой дерзости и гордости, удаляет того человека из сада своего, из рая сладости — молитвы непрестанной. Тогда постигает человека того полное уныние и омрачение. Если иногда и захочет войти в этот сад, то не может, станет каяться и молиться, но долго прощения не получает. Итак, пылинка ты ничтожная, червячок слабейший, человече-грешниче, смирися и не дерзай никогда искать, желать и просить себе святости у Бога, чтоб сравняться со святыми. Но отвергни от себя уныние и леность, и от души возблагодари Бога за то, что ввел он тебя в этот рай и дает иногда, хоть отчасти, вкушать в надежде от цветов райских древес сладости (святых мыслей в молитве). Чем меньше этот твой рай того рая, в коем жил вначале твой праотец Адам? Посмотри, увидишь ли чего более, что есть на Небе у престола Божия? Там есть тьма тем святых ангелов, славящих Бога Саваофа и непрестанно взывающих: «Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф...» И тоже славишь, только иными словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...» (Эта мысль мне от Бога после долгого угнетенного душевного моего состояния, бывшего наказанием за гордость мою 28 февраля). Слава Богу за все: Бог наказал, Бог и помиловал. Наперед урок: «делая добро, да не стужаем», ибо в свое время пожнем добрый плод, если не ослабеем. И еще: *«сеяй в плоть от плоти и пожнет истление»*, а *«сеяй дух — пожнет нетление»* (Гал. 6, 8.) и жизнь вечную.

6-я неделя. Поклонение честному кресту Господню, за бдением. Человек есть луч божественного света. Как лучи солнечные, заимствующие свет свой от солнца, не отделяются от него, так и разумные сущности ангелы и святые человеки никогда не могут оторваться от Бога — источника своего, но всегда привязаны к Нему благодатною любовию, неразрывно в нем пребывают, во свете, на Небе. Так и на земле люди, любящие Бога и хранящие заповеди Его и в законе Господнем поучающиеся день и ночь, — тоже лучи от солнца Правды Христа Бога нашего и светят всему миру. По слову св. Иоанна Златоуста, душа человеческая, когда выходит из купели крещения, бывает светлее и ярче солнца. И ты, душа моя, тоже была лучом светлым. А теперь чем я стал? Увы, стал тьмою... Господь сказал: *«Кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего. А кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним»* (Ин. 11, 9–10). А сколько я спотыкаюсь, падая в ямы греховные, бесчисленно, часто и подолгу лежу в этих дьявольских ямах, вылезти из них не имея силы. Так падаю из ямы в яму, заблуждаясь в них по слепоте моей, не видя чистой и гладкой дороги без ям греховных. А еще проверяю себя по слову Апостола: *«Все вы — сыны света и сына дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы. И так не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и шлем надежды спасения»* (1 Фес. 5, 5–8).

Верю слову Божию и вижу, что нет во мне ни света, ни силы, ни ревности, ни решимости высвободиться из греховных ям: и каюсь в том, вскоре и забываюсь и свыкаюсь со своими ямами греховными и со страстями. Почасту, подолгу забываюсь и, как свинья, в болоте лежу. Надо всячески стараться вылезти и найти дорогу, а то застанет ночь смерти, тогда так и останешься навеки в еще более глубоких ямах ада лежать, где не будет никакой отрады, а лишь непрестанный вечный плач и скрежет зубов в пламени огня геенского, тартар мразный и тьма кромешная.

Молитва умно-сердечная — самая лучшая проверка себя, особенно на молитвенных правилах по ночам. Молитва, как читаем в Псалтири, есть *«время благоволения»* Божия к молящемуся (Пс. 68, 14). Когда человек молится усердно, без сожаления, и чисто, без помыслов, тогда от Бога подается ему бодрость и сила, просвещение и вразумление. Как св. Иоанн Лествичник говорит: «Молитва, по качеству своему, есть пребывание и соединение человека

с Богом; по действию же, она есть утверждение мира, примирение с Богом, матерь и вместе дщерь слез, умилостивление о грехах, мост для перехождения искушений, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, указание надежды, уничтожение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, укрощение гнева, зеркало духовного возрастания, познание преуспеяния, обнаружение душевного устроения, предвозвестница будущего воздаяния, знамение славы. Молитва истинно молящемуся есть суд, судилище и престол Судии прежде страшного суда.

Восстанем и услышим, что сия священная царица добродетелей высоким гласом к нам взывает и говорит: «*Приидите ко мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и обрящете покой душам вашим*» и исцеление язвам вашим. «*Иго бо Мое благо*» и исцеляет великия согрешения (Мф. 11, 28)». (Св. Иоанн, «Лествица», сл. 28).

Беседа со схимонахом Никодимом об Иисусовой молитве[53]

Старец Феодосий славился своей строгостью. Так, я решил, по благословению старца Силуана, поселиться у него. На всю гору говорили, что я в прелести. А я решил, что, если я выдержу у Феодосия, значит, я не в прелести. И выдержал. И умер старец у меня на руках. Старец был рад найти собеседника в лице моем. Я любил читать книги. Запретил мне старец совсем книги читать. Только Евангелие, Псалтирь и Авву Дорофея, и Речницу... одно только «Слово о послушании», и чтоб наизусть заучить. Девять лет не давал мне читать книги. А потом, когда сам стал заниматься Иисусовой молитвой, то и мне разрешил.

Еще в миру я «Странника» прочитал и по «Страннику» стал молиться. И как в Пантелеимоновом жил, так все и молился. Полюбил я это. А как пришел сюда, так старец мне и запретил, не дал благословения так молиться: «Молись словесно, устами, а сердцем не молись!» Что делать? Ради послушания я оставил сердечную молитву.

---

[53] Беседу на магнитофонную ленту записал владыка Марк, архиепископ Германский. Мы взяли текст из книги: Непрестанно молитесь! О молитве Иисусовой. М.: Изд.-во «ЛАРА». Братство Преп. Иова Почаевского, 1992. С.73–96.

А потом нашел выход. Старец Феодосий сокращал Жития святых, а я заговорил с ним про св. Симеона Нового Богослова. Когда я ему прочитал, ему и понравилось. Стал он сокращать св. Симеона Нового Богослова. Оттуда и полюбил молитву, а до того не мог вкуса понять в этом. Когда вначале вместе молились, то один молился вслух, — по большей части я говорил молитву, — а он занимался.

Боялся он сначала, что дыхания не будет хватать: «У меня, — говорит, дыхания не хватит». А я ему говорю: «Батюшка, для того не надо дыхания много. Наоборот, надо его сокращать». Попробовали. Хватает дыхания. И начали. По «Страннику». 100 четок. И смотрю, каждый день выполняет. Два часа сидя, два часа ходя, два часа стоя. И потом стал дневник писать. И мне читает. Проверяем мысли...

— Вы еще советовались с другими отцами?

— Был тогда еще Силуан в Пантелеимоновском монастыре. С ним советовались всегда... Старец занимался молитвой Иисусовой и дневник писал. Завтра возьмите, почитайте.

Итак, мы вместе стали молиться. Он полюбил умную молитву и мне благословил. То он меня проверяет, то я его. Мы еще со старцем перестали вычитывать службы. Перешли на четки.

— Вы быстро тянете четки?

— Нет, не быстро. С дыханием. Чтоб поместилось — вдох и выдох — «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

— Молитву совершаете сидя?

— Сидя.

— С самого начала, или вы начинали стоя?

— Сначала стоя. «Царю Небесный», «Святый Боже», «Отче наш», «Помилуй мя Боже», «Символ веры». И садись, — или с поклонами.

— Вы говорили, вы вместе со старцем совершали молитву.

— Вместе, вместе.

— Как можно вместе? Вы вслух читали?

— Нет. Умную молитву не вслух. Одновременно. Он в келии читает, а я — в церкви. Так мы устроились.

Сначала ведь умной молитвой не занимался старец. Четки тянул, как в Пантелеимоновском монастыре принято: за утреню 33 четки. Кто на работе, тот четку тянет: один говорит молитву, а другие слушают. Так и я пришел к старцу, и мы вместе так поначалу молились.

Вообще — вечерню по книгам читали, а утреню по четкам. Смотрю, а он свои четки очень скоро кончает. А я свои не кончил. Полагалось за утро по 33 четки, а я только 18 протянул... «Ты спишь, — он говорит. Спишь!» А я не сплю! И тут я догадался: «Вы, батюшка, наверное, пропускаете? У вас рука уже испортилась. Вы пропускаете зернышки. Попробуйте взять четки в другую руку!» Попробовал и убедился старец — так и было. Тогда он решил молиться не по четкам, а по часам: утром два часа молиться. Я редко так молился. Потом мы совсем перестали по книгам. Все по четкам.

...А потом у меня перебой сердца случился. Еще при старце. Порок сердца. Пульс трясется, нельзя сочетать собственный такт с молитвой. Оскорбеля. А потом мне мысль пришла: «Ты знаешь, какой такт у тебя был, так и оставь». Так и молился все время. Хотя перебои продолжались, а дальше — больше.

...Было такое время, после старца, я лежа молился. Ныне сердце стало очень слабо работать. Пульс очень тихо бьется, и я засыпаю. Вот беда моя какая! Что делать? Сядешь — засыпаешь. Встанешь — ноги болят... Старость подошла!

Раньше усердно молился, сердцем молился. Тогда не заснешь. А как перестанешь сердцем молиться, так засыпаешь. Как св. Иоанн Кронштадтский говорил: «Возьми сердце свое, как рукой, и держи». И я так устроился. Лежу на спине и держу сердце умом, как рукой, держу и не отпускаю. Всю ночь так лежу. А потом утром встаю, иду и причащаюсь, так сильно шла молитва. Но это только три раза у меня так было. А то лягу, и не могу удержать сердце. А тогда лежу и не шевелюсь даже, не поворачиваюсь, как замерз.

— Мне кажется трудным сосредоточиться, когда стоишь или, тем более, когда ходишь. Трудно удержать внимание.

— Можно стоя. Стоять надо так: не шевелиться, живот втянуть, пояс подтянуть, грудь поднять, плечи развернуть. Это моя прибавка.

Учиться молиться можно только по ночам. Полчасика. Определи себе время: каждую ночь, или когда спать ложишься, возьми себе полчасика, со вниманием, так, чтоб не подпустить ни одного помысла. Раздельно надо: «Господи... Иисусе... Христе... помилуй... мя...» Тогда помыслу негде проникнуть, потому что идет слово за словом. Только скажешь «Господи», а внимание уже встречает следующее слово «Иисусе... »

— А образы?

— Молиться в груди надо, а картинки-то в голове, в воображении. Держи внимание в груди, и не будет картинок. У нас воображение во лбу, а память

в затылке. Св. Иоанн Дамаскин об этом пишет. Если молишься в голове, то у нас ведь полна голова помыслов. Внимание надо спустить. В самую глубину сердца мы не можем, сердце глубоко, а вот в гортань надо. Где дыхание проходит в легкие, вот в этом месте и стоять. Когда опустишься в это место, тогда помыслы прекращаются! В гортани держи! И ма-а-а-ленькие паузы между словами, вот так... И хорошо это с дыханием! Исихий говорит: «Молитву соедини с дыханием», то есть когда тянешь его к себе, как в художественной молитве: «Господи... Иисусе... Христе...» к себе тянешь, а «помилуй мя... » — из себя. И вот все время так. Это хороший способ удерживаться от помыслов.

— Вы говорили о пятисловной молитве...

— Григорий Синаит говорит, что для новоначальных лучше пять слов только.

— А когда добавляются?

— Пять слов для новоначальных... А я до сих пор как новоначальный. Пять слов. Так привык. А можно переменить: «Сыне Божий, помилуй мя... Сыне Божий, помилуй мя...», а то «Господи Иисусе Христе, помилуй мя... Господи Иисусе Христе, помилуй мя...» Пять слов. В этом удобнее удерживать внимание. И обязательно, чтобы раздельно. Ма-а-а-ленькие паузы: «Господи... Иисусе... Христе... помилуй... мя».

— Нельзя ли, как Вы говорили раньше, полчаса сосредоточенной молитвы, а потом в той форме, какую практикуешь, когда стоишь или когда ходишь, или при работе?

— Лучше с поклонами поясными. Три четочки. Это как раз выходит полчаса. Со вниманием. А лежа, с молитвой засыпать — она тогда сама продолжается. И внимание на гортань, и стоя, и лежа. Если не будешь вниманием находиться в гортани, то будешь в голове. А там помыслы, памяти. У нас полна голова памятей — и голова, и воображение. И будешь лежать, и будут тебе картины всякие видеться.

— А когда вы тянете четки, стоя на молитве, вы тоже соединяете ее с дыханием?

— С дыханием. Я так привык. Я уж без дыхания не могу молиться. И когда хожу — всегда с дыханием.

— Не надо ли обращать внимание на особенность каждого организма? Мы в свое время говорили с Вами и с отцом Серафимом, что, когда я молился пятисловной молитвой и сидя, у меня оставалось слишком много воздуха.

Вы тогда посоветовали лучше семисловной молитвой пользоваться, для того чтобы не оставалось так много дыхания.

— Вот какое дело. У меня искушение такое получилось: научился с дыханием, и вот наберу дыхание, а уже выдыхать надо... Надо приспособиться: столько набрать воздуха, чтоб столько же и выдохнуть. Три слова втягиваешь воздух, а на два — выдыхай. Такое же количество должно быть воздуха. Если много набираешь, а выдыхаешь мало, тогда остается. Надо так научиться: сколько вдохнул, столько и выдохни.

— В этом надо особенно упражняться?

— Привыкнуть надо. А то, когда вдыхаем короче, чем выдыхаем... вредно выходит. Надо ритмически. Сколько времени на вдыхание, столько же и на выдыхание. А то только у больных так бывает: у больных всегда короткое вдыхание, а выдыхание длинное. От длинного выдыхания все тело ослабевает, расслабляется, леность приходит.

— Как сделать, чтоб не засыпать на молитве?

— Я каждый день сажусь и засыпаю. Стоять надо и поклоны делать. А если будешь в кресле сидеть, в форме (старец имеет ввиду не мягкое кресло, а деревянную монастырскую «стасидию» или «форму»)... нет, встать надо! Даже из кресла выйти наружу. И вот как надо сидеть, чтоб не засыпать. Разведи руки, и держи, пока не заболят. И уйдет тогда сон. А при людях грудь подыми, вот так, чтоб не видели, и сон тогда отойдет. А если грудь опустишь, то ско-оро заснешь. Пел я себе такую песенку: «Ты живот-то подбери, и пояс подтяни, и грудь ты подыми...» Когда подымешь грудь, не заснешь тогда. А не то живот распу-устишь, грудь опу-устишь, и ты уже как тряпка, как старуха какая-то, и... засыпа-а-ешь.

Бодрость надо! Бодрость и трезвение. В теле бодрость, в сердце трезвение, а в уме — внимание. Бодрость — это напряжение мускулов. А трезвение сердца? В удерживании маленького дыхания. Не дерзко, а тихо-тихо дышать. В этом трезвение. А внимание, это — умом смотреть в слова молитвы и на Господа. Это внимание. Одно без двух других не может быть, только все три вместе: бодрость и трезвение и внимание. Одновременно должны быть. А то если только в бодрости тело, а трезвения нет, то не удержишься. Держать их все три.

— Когда садимся и опускаем голову на грудь, тоже подбирать живот?

— Подбирать.

— Сознательно?

— Живот подбирать, все равно!

— Обязательно ли молиться, опустив голову на грудь? Это советует Симеон Новый Богослов. Я слыхал, что один Валаамский старец советовал как бы открывать свою грудь.

— Нет. Бороду прилепи к груди.

— Таким образом ведь дыхание спирается.

— Нет. Надо плавно, тихо, спокойно. Чтобы дыханием нервов не горячить. А если подымешь голову, дыхание у тебя не будет спокойное. В «Добротолюбии» старец Игнатий пишет: тихо вдыхай и тихо выдыхай, тихо. А то нервы раздражаются, кровяная молитва тогда будет, как Игнатий Брянчанинов говорит.

— При этом ощущается какая-то сжатость в груди?

— Нет. Свободно должно идти. Если будешь насильно дышать, этим тоже горячишь нервы. Надо спокойно и тихо. Это Григорий Синаит и наш русский Нил Сорский указывают: как можно удерживай дыхание. В чем тут смысл? Не так, что удерживать дыхание, чтобы не дышать, или втянуть дыхание и задерживать. Нет! Дышать свободно, тихо и спокойно. Это и есть удерживать дыхание.

— Тут недоразумение может быть оттого, что люди часто обращают внимание не на сердце, а на желудок. Тогда получается сжатость.

— Неправильно дышат, да? У нас — через ноздри, в гортань и в легкие.

— Люди часто путают и дышат желудком. Поэтому, когда они сидят прижимая бородук груди, у них получается сжатый желудок. От этого — смущение.

Разгорячение плотское бывает от этого. Дышать надо ровно. У нас ведь трубка одна. Этой трубкой вдыхаем, ею же и выдыхаем. Воздух идет в легкие, там много-много пузыриков, вдыхаем кислород, магнит и электричество. Все это идет в эти пузырьки. Когда расширяются легкие, тогда наполняются эти пузырьки. Когда легкие сжимаются, тогда эти пузырьки выливаются и обновляется кровь. Мы не в сердце дышим, а в легкие только. И из легких опять по гортани в ноздри выдыхаем.

— Но при этом ведь важно, чтобы внимание шло в направлении сердца, а не желудка. А то от этого происходит плотская раздражительность. В «Добротолюбии» в одном месте говорится о том, что от труда молитвы плечи должны болеть.

Григорий Синаит говорит, что молитва обязательно «с болезнью» должна быть. И грудь должна болеть, и плечи. А если не будет этой «болезни», то и молитвы неправильные.

— Это что, физически должно болеть?

— Чувствительность некая появляется в груди и в плечах от труда молитвенного. Когда посидишь так часа два, будет болеть.

— Вы говорили о внимательной молитве лежа. А можно ли молиться лежа перед сном, с целью заснуть?

— Это хорошо, если с молитвой засыпать.

— Но если приведешь себя в собранное, внимательное состояние, то и не заснешь...

— А все-таки заснешь! Да, хорошо так засыпать с молитвой. Засыпать, засыпать и все-таки заснешь.

— Бывает, когда начинаешь лежа читать молитву, при переходе в сон, сердце как бы пугается. Как бы екает. И тогда это надолго отгоняет сон, и какое-то неспокойствие появляется...

— Утомление сердца?

— Нет, ведь я тогда внимание на сердце не направляю. Оно просто так пугается. Может, я неправильно делаю, надо направлять?

— Надо, как преподобный Никифор в «Добротолюбии» учит: в словесности держи, в преддверии сердца.

— Поначалу я направлял внимание в сердце. Но от этого начиналась бессонница. Тогда я стал пробовать читать молитву без внимания на сердце. Но тогда сердце как бы увеличивается и пугается...

— Это ум пугает сердце. Один пустынник говорит: если молишься сердцем, не можешь уснуть. Остановись, а то не уснешь.

— А невнимательно нельзя?

— Невнимательно? Тогда это болтовня...

...В сидячем положении лучше сосредоточиться. В сидячем положении даже с молитвой Иисусовой, с художественной, сидеть надо согнувшись... Тут дыхание очень важно. Как только даешь себе свободно дышать — и тотчас же скоро заснешь. Больше вдыхай. Ритмически. Если коротко будешь вдыхать, а долго воздух выпускать, то скоро заснешь, прямо за пять минут.

А когда засыпать начинаешь, то являются какие-то неопределенные мысли вроде «я уже там был...» Где это был? Почему? или «Это прошло уже...» Такого рода мысли, это значит, уже засыпаешь. Мысли, неопределенные

какие-то, вроде «Это напрасно!..» Что такое? Я ни о чем не думал, и вдруг такие расплывчатые помыслы! Один-другой такой помысел придет, обязательно заснешь. Тогда лучше вставай, встряхнись. Вон какой секрет!

И не допускай, чтобы сердце опустилось. Сердце держи наверху. Хоть ты и согнулся, а сердце держи наверху, не опускай. Если сердце опустится, тогда и дыхание опустится и тотчас же заснешь. Много надо упражняться в этом.

...У Св. Григория Синаита были лавры. Там только и занимались Иисусовой молитвой. Сидели на стульчиках целые ночи и дни. А сердце не открывается. Редко кому открывается. Сердце и ум связаны вместе. Когда ум будет чистый — и сердце будет чистое. И когда сердце будет чистое, тогда и ум будет чист.

Надо учиться в груди молиться, в словесности, в гортани, где воздух проходит до легких. В этом месте держать ум.

По «Добротолюбию» преподобный Никифор учит: «Надо сходить умом в сердце, и тогда сердце открывается». А потом говорит он так: «Ты много трудился и никак не добился, чтобы сердце открылось. А я тебе другой способ покажу. Есть словесность». (А словесность — это часть душевная, т. е. она раздражительна, желательна и мыслительна). «Словесность находится в груди. Поэтому держи ум в груди, и откроется тебе сердце».

— Преподобный Никифор, значит, говорит: словесно творите Иисусову молитву. А словесность я так понял: словесность — это часть мыслительная.

— Потом переходите на сердце — это под гортанью.

— Когда мы псалмы читаем, молитву творим или сами с собой совещаемся, то делаем это в словесности. А далее есть часть сердечная. Умом мы учимся. Есть трое устных: устная головная, устная сердечная и устная душевная. Правильно?

— Правильно. Только это очень трудно бывает различать.

— Я так это понял: есть в груди словесность, а есть в голове словесность. Науки головой запоминаем. И вот еще что я понял: в голове у нас есть способность узнавать — познавательная. Умом узнаем, умом и запоминаем. Сердечные способности: сознавать и чувствовать. Ум не может сознавать, он только узнавать может. А сознает только сердце. Это способности сердечные. Правильно я понимаю?

— Мне так кажется. Да.

— Но медицина с этим будет спорить. У меня есть товарищ, который занимается медициной. Он меня спрашивает, что это там у вас, значит, с сердцем. Ничего там в сердце нет. Сердце — это насос.

— Молимся мы сердцем. Сердцем сознаем. А умом мы только знаем, что мы молимся. Если я молюсь, то я сознаю, я чувствую, что молюсь. Довожу себя до сознания. А потом уже явятся чувства. А как явятся чувства, тогда уже и слезки пойдут. Без сознания, без чувства и слезинка не выкатится.

— Так надо сердцем сознавать, что ты к Господу обращаешься в молитве?

— Если ты только знаешь, что молишься к Господу, то это одно. А когда сердцем, тогда чувствуешь, что к Самому Господу ты обращаешься.

— Значит если человек во время молитвы забывает о том, что он обращается к Господу, тогда он уже сердцем не молится?

— Когда он обращается сердцем, он и молится, и молитву сердечную имеет. А если он не сознает, что он к Господу обращается, тогда он только головой молится. Знает, что есть Бог, и помнит, что к Богу обращается, но не сознает. А сознание приводит человека в чувство. А когда в чувство придет, тогда и заплачет он уже. Истинное покаяние тогда откроется. Грехи тогда сознает и искренно тогда начинает каяться. Прямо кричит Господу: прости, прости, помилуй! Все заключает в сердце. Так Господь нас создал: дал нам сердце — «живот наш».

Если человек приступит к сердцу, а *«сердце глубоко»*, как в Псалтири писано (Пс. 63, 7). Сведи ум из головы в сердце. Свести-то легко, да не удержишь: ум все как пробка выскакивает из сердца! А для того чтобы удерживался, лучше поначалу держать его в словесности — на поверхности сердца надо ум держать, а не в глубине. В глубине-то как будто уже открывается, а на поверхности оно еще не открыто. Видите, какая разница: одно — поверхность сердца, а другое — глубина!

Из сердца исходят помышления злые и сквернят человека — желательные, раздражительные и мыслительные. Все страсти там. От греха как рана в сердце. Это уже залог бесовский. Он рану нанес: это уже страсть. А начинаются помыслы прилогами. Прилог даже безгрешный бывает... Когда молишься «Господи Иисусе Христе... » — прилоги как «младенцы о камень» (Пс. 136, 9) убиваешь, об Иисуса Христа. Как только в уме появляется помысел, прилог, так... «Господи... », убиваешь этих «младенцев». А если дашь ему войти дальше, не будешь внимать словам молитвы, но размышлять, уже это

будет собеседование, затем сочетание, сосложение, а потом пойдет и пленение, и тогда уж страсти. Вон как они, помыслы-то начинаются, а ты молитвой — как только прилог приражается — сразу его убиваешь как «младенца о камень».

— А что такое пленение? Как это?

— Сначала начинается прилог, потом — собеседование с этим помыслом, сочетание. А сосложение, когда согласился с этим помыслом. А потом, когда согласился — уже пленение. Диавол взял тебя уже как пленника. Уже помысел оставить не можешь. Он тебя заставляет рассуждать об этом помысле. И вот это пленением называется. И тогда образуется уже страсть. Уже привык человек и не может без этого жить. Рассуждает, рассуждает... Все время в помысле живет. Когда же ему молиться? У него помысел. Прилоги сразу убивай, как «младенца о камень». Нельзя собеседовать с этим помыслом.

— У меня случалось в молитве, что не удавалось довести молитву до конца, то есть я начинаю: «Господи Иисусе...», а потом замечаю, что нахожусь где-то, не в молитве. Не доведя молитвы до конца, я находился в каком-то образе, что-то видел. Однажды имел образ, как бы паука. Старался вырваться из этого и начинал вроде бы молитву сначала, но оказывался там же. Наверное, я недостаточно сознавал, что происходит, ведь надо было тут же встать и поклоны делать?

— Да, можно поклонами... Это бес запинает. И у меня так бывает: не выговоришь и слова «Господи Иисусе Христе...» Бес не дает — запинает...

— Но это несознательно делается. Я как бы сплю, но это не сон. Мне казалось, что очень долго это состояние длится, минут десять, а молитв до того скажешь две-три. Как с этим бороться? Это запинание?

— Запинание. Обращаться умом надо к Господу. Не просто выговаривать слова. А Самого Господа надо видеть в молитве. Наше назначение, чтобы мы были как ангелы. Ангелы беспрестанно смотрят на Господа, и нам надо к этому стремиться, чтобы умом видеть в словах Господа, смотреть на Него. А то если умом будем говорить одни слова, а смотреть на Господа не будем, это недостаточно для молитвы.

— Но это без-образно смотреть? Без-образно. Духом. Бог есть дух. И как он Самарянке объясняет: «Духом поклоняться будете». И молимся мы духом к Самому Господу. А как это? Когда я обращаюсь к Господу, и тотчас же верую, чувствую, что я смотрю на Господа и Господь на меня смотрит. Господь-то на меня беспрестанно смотрит. В «Добротолюбии» есть одно хорошенькое

словечко: Бог нас всегда видит, а человек видит тогда только, когда он кроме Господа ничего не видит. Тогда он может и слышать Его. Это маленькое выражение Илии Экдика в «Добротолюбии».

— Надо приобрести ясность в том, как себя представлять перед Господом во время молитвы, чтобы здесь не сбиться.

— Смотреть на Господа надо, с верой. На Господа смотришь и веришь, что Господь на тебя смотрит. Духом молиться, духом! Бог требует таких поклонников, духом поклоняйся. Бог есть Дух, и надо покланяться духом, и будут люди поклоняться духом. И мы своим духом молимся к Богу-Духу. Наш дух с Богом соединяется. Когда мы с верой обращаемся к Духу-Богу, то Господь на нас смотрит, и дух человеческий с Духом Господним соединяются во время молитвы.

— Как это сделать?

— Верой. И лучше всего, чтобы молитва соединилась с дыханием. Тогда очень хорошо. Когда вдыхаешь — привлекаешь благодать Божию к себе. Когда выдыхаешь, то питаешься благодатью Божией, вкушаешь благодать Божию. Это все верою совершается...

— А когда выдыхаешь?..

— Выдыхая, — вкушаешь благодать. Просишь милости Божией... «Господи Иисусе Христе» — это ты привлекаешь благодать, а когда выдыхаешь «помилуй мя» — уже к тебе приходит милость, уже вкушаешь прямо, милость Божию вкушаешь. Это все верой делается. Апостол Павел сказал, что *«сердцем веруем, а устами исповедуем»* (Рим. 10, 10). Близ тебе, говорит, Господь: в сердце твоем и в устах Твоих находится. Когда мы говорим: «Господи Иисусе Христе», — в этом имени Сам Господь, как говорит Апостол Павел. Все заключается в вере и во внимании.

— Это должно само родиться, с трудом, с работой, с молитвой?

— Упражняйся в этом. И так всегда, как молишься, тотчас же обращайся к Господу. Дух твой должен обращаться к Господу. И чувствовать Господа. И тут отголосок, тут же отклик получаешь. Милость к тебе приходит. Это все верой, верой совершается, верой и понуждением. Вот какое дело! «Го-осподи Иисусе Христе, поми-илуй мя! » Это очень хорошая молитва. От одного произношения молитвы уже чувствуешь вкушение милости Божией. И дальше больше. И если со вниманием. И во время молитвы, если четочку всю протянешь... слезки пойдут тогда... умиление придет... И теплота сердечная тогда пойдет.

— Самая беда-то это — внимание.

— Внимание. Старайся удерживать внимание в словах молитвы. Тогда и помыслам некуда вскочить, потому что внимание занято словами молитвы.

— Бывает так, что молитва идет, а помыслы параллельно к ней идут.

— Не могут они вскочить. Нет им места. Только сказал «Господи», сразу за ним следует «Иисусе... » Так некуда ему вскочить-то.

— Так они рядом идут!

— Молитва убивает их. Имя Иисусово убивает их. Не могут они. Только прилог вскочил — и имя Господне убивает его.

— Как-то сознание легко отходит от молитвы. Остаются слова, но внутри этих слов есть другие мысли.

— Что произносишь — сердцем сознавай. Не умом только слышу и понимаю, что я произношу слова. Нет! Сознанием. Сознание у нас в сердце находится. Это чувство сердечное. Когда произносишь слова, то сознавай, как бы ты их чувствуешь... Упражняться надо в этом. Средь дня, в толкучке, это невозможно-то. А вот среди ночи, или в какое-нибудь определенное время, полчасика так заниматься. И с поклонами. На каждой молитве поклон сделай. Молиться можно и так: на каждое зернышко одно слово. За каждое слово одно зернышко. Это очень для внимания полезно. По полчаса одну ночь, другую ночь, третью... И понемножку приучишься к вниманию.

— А каким образом в толкучке этим заниматься можно?

— В толкучке невозможно. Смирение только нужно: поми-и-луй мя, Господи.

— Приготовлять себя к этой вечерней молитве можно?

— Вечерняя молитва тебя приготовит, тогда и среди дня будешь вниманием отбивать это все. Ночная молитва тебя приготовит к дневной. Тогда днем отбиваешь, отбиваешь разные разговоры или встречи разные. Бороться с этим всегда. Трудно вам внизу-то... Смирение, сознание и покаяние. «Прости, Господи, что в мире живуще, тело носяще, от диавола прельщаеми...» — непрестанно. И что поделаешь, к милости Божией обращайся со смирением. Проси у Господа прощения. Что поделаешь? — «...немощен есмь».

— Для тех, кто живет в миру, самое трудное очищать ум, потому что они так заняты всякими мыслями. Труднее всего перед молитвой как-то успокоиться, сосредоточиться...

— Это только в ночи можно. Ночь кончается где-то после 12 часов. День длинный бывает. Вот в миру еще в 11 часов говорят по телефону, ложатся-то

в 12. Так у них ночь проходит в телефонных разговорах... Да и у вас, наверное, как в миру... У нас же: как солнце зашло, началась ночь. Тогда мы закрываемся, и тогда — молись! Как заморился — отдохнул, полежал. Проснулся — опять давай молиться. Никто тут не мешает.

— Но диавол тоже мешает?

— Очень мешает. Не дает даже выговаривать Иисусову молитву, запинает. Я хочу непрестанно умом говорить Иисусову молитву, а он затыкает. Так что и не выговоришь.

— А что тогда делать?

— Вот что. Становись на поклоны. Расшевелиться надо хорошенько. А то как свяжет тебя: «ложись, дескать, спи... » А как ляжешь — кошмары. Такие он тебе кошмары приплетет, что как проснешься — сам не разберешься: наяву ли это было или во сне?

Часто мне снился Серафим, покойник. Часто, почти что каждую ночь снился.

— Меня просил один человек спросить, что делать, когда внимание направляется на Господа, а вместе с тем хульные помыслы появляются.

— Хульные помыслы? Это диавол их нагоняет. Иисусовой молитвой убивай эти помыслы.

— Но он говорит, что эти помыслы появляются как раз во время Иисусовой молитвы. Что тогда делать?

— К Самому Господу обращайся. Смотри на Господа. Ведь эта хула на Бога — это от диавола. А ты плюнь на него, на диавола. Не верь этим помыслам. Он в нашем уме преобразуется так, как будто мы сами говорим. Он говорит нашим умом, нашими помыслами. Не внимай этим помыслам.

— Но человек сам в ужасе от того, что возможно в его уме.

— Не обращай внимания. Плюнь. Это не я говорю, а диавол говорит — моим умом.

— И не размышлять дальше?

— Не обращай внимания. Дух злой вмещается в наш ум и даже языком нашим говорит.

— Но человек сам себе это ставит в вину.

— Бог этого не принимает, не вменяет Господь этого в вину. Не согрешает человек этими помыслами. Это диавольский помысел. Так и говори: «Это не мое, это твое». Плюнь на него, на диавола. Когда не будешь ему верить, тогда он скоро отойдет. И плюнь на него и скажи: уйди от меня, запрещаю

Иисусовой молитвой. Внимай Иисусовой молитве, а этим помыслам, не верь им. Он стращает тебя: вон ты какой! Как ты хулишь Бога! А ответ твой должен быть: «Это не я хулю, это ты хулишь». Перекрестись, больше ничего. «Я этим не грешу. Это твое. Я Бога не хулю никогда».

— Но диавол спорит с этим. Говорит, что хула от гордыни, которая в тебе.

— Я каюсь. Я гордый. Господи, прости меня — я гордый. Исцели меня от гордости. Я каюсь в этой своей гордости. Это моя греховность. Гордость. Уныние. Тщеславие. Осуждение. Каюсь в этом, Господи. Прости мне, гордому. Чувствуешь гордость, прямо говори: «Господи, прости меня гордого». Обращаюсь к Самому Господу. Только Он может исцелить наши страсти. Сами мы не можем свои страсти исцелить. Он врач душ и телес наших, Он уврачует нас. Сами мы не можем избавиться от страстей. Сознавать это и каяться. Доводи себя даже до слез, чтоб поплакать об этом...

— Отец Никодим, в наше время очень много приходится сообщаться с неверием. Люди страдают от неверия. Я с этими людьми беседую и невольно заражаюсь этим духом...

— Не надо. Обладай самим собой. Верь, что это дьявол влияет на вас. Отгоняй его молитвой Иисусовой. При беседе надо тоже постоянно молиться. Прогоняй это, побеждай молитвой Иисусовой. «Пусть эти помыслы с тобой остаются, а я этим не согрешаю. Ты меня стращаешь этим, что я согрешаю. Я не согрешаю, потому что это не мои, это твои». Так ему говори, бесу.

— А если с людьми разговаривать, то после продолжительных разговоров, в которых борешься и стараешься отстоять веру, так потом, когда уже уходишь от этого человека, находит уныние, и продолжаешь в уме спор...

— Это бесовское влияние. Молись Господу и проси, чтобы отогнал это. Забыть этот разговор. Все это дьявольское...

— А как к человеку относиться?

— Да как к собрату. Он член наш.

— Как-то это тяжело слишком получается... Член наш. Должна быть любовь. Волей неволей как-то этим угнетаешься.

— Что будешь делать? Сознавай немощь свою и кайся Господу Богу — немощен я. А Господь молитвы принимает смиренные. В то же время сразу и покаяние приноси. Не тогда, когда придешь домой и воспомнишь о покаянии, а тут же, тотчас же и кайся.

— А еще у меня есть такие люди, которые говорят: «Я причащаюсь у протестантов, у католиков. Мне все равно. Бог один».

— У них благодати нет. Потому что благодать там, где истина. Бог есть истина. И кто держится истины, там благодать. А кто держится лжи, там во лжи нет благодати.

— Но такого человека, сколько ни убеждай, — он стоит на своем.

— А все равно: лжи веришь. Ты Богу не веришь тогда. Ты говоришь — Богу верю. Ты не веришь, потому что Бог противится этому.

— Такой человек утверждает, что дома молится по-славянски, а причащается у протестантов и ему хорошо. А в нашей Церкви причащаться не будет и исповедоваться у меня не может, потому что я слишком молодой.

— Такого и не исповедуй, не принимай его исповеди. «Лучше согласись сперва с православной верой, тогда буду тебя исповедовать и грехи твои принимать, и разрешу тебе, если ты будешь православным».

— Я чувствую тяжесть от того, что я не нахожу пути к этой душе.

— Убеждать ее, чтобы православие приняла.

— Не могу успокоиться, когда дела так обстоят.

— Так что будешь делать? «Принимай убеждение православное, и тогда мы с тобой будем разговаривать. А если ты не хочешь принимать веру православную, то нет у нас с тобой никакого общения, никаких разговоров». Я прямо, категорически скажу.

— А это не оттолкнет человека?

— Почему же оттолкнет? Я ему говорю: верь в Православие, а он не хочет верить. Так нет у нас с ним больше разговоров. Я человек православный, а ты —католик. И нет у нас с тобой общего.

— А не выйдет так, что я отогнал человека от Церкви?

— Он же не принимает Церкви. Как это ты отгоняешь?

— Но он не понимает, не сознает.

— Убеждать надо. От Священного Писания, от Евангелия. А пастору его скажи: растолкуй мне слова, которые Господь сказал: «*Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем*» (Ин. 6, 56). Вы Тело и Кровь принимаете? Спроси пастора протестантского.

— Человек этот мне говорит: у католиков нет обоих видов в причастии, а протестанты причащаются и хлебом, и вином, поэтому это то же самое.

— Нет благодати там. И профессора разные об этом спорят... Что будешь делать? Стоять на своем, да больше ничего.

Ко мне пришел один немец. Услышал: Никодим, Никодим... Искал, нашел меня. Просит: я хочу научиться по «Добротолюбию» Иисусовой молитве.

А я говорю: ты не православный. Эта книжка для православных людей. А как ты будешь учиться Иисусовой молитве по «Добротолюбию», когда ты протестант? Тебе надо вперед Православие принять, тогда о книге «Добротолюбие» разговаривать будем с тобой. Он отвернулся от меня и отошел. Вот как с ними обращаться...

— Мне самому трудно жить в таких обстоятельствах, где справа и слева такое окружает.

— Что будешь делать? Опять обращайся к Господу, что не смогу, Господи, прости. Хотел как-нибудь помочь человеку, да сам-то немощный. Обращайся к Господу: прости и вразуми меня, как мне поступить. И с грехами-то чужими как поступить? Бывают грехи большие. Эпитимию какую-нибудь надо давать, большую. Попоститься, например, столько-то дней.

— А ведь люди никак и не поймут, что такое пост. Как же быть?

— Да, миряне уж и не постятся. Поел мяса, а следующий день причащаться хочет... Убеждать надо: согрешаете вы, и я с вами согрешаю, если вас разрешаю. Ну что ж, каемся Богу, что согрешаем. И другой раз, когда будешь причащаться, смотри, приготовься. На этой раз уж я тебе прощаю, Бог простит. А другой раз попостись и тогда причащайся.

— От людей все слышны две фразы. Первая: Бог один...

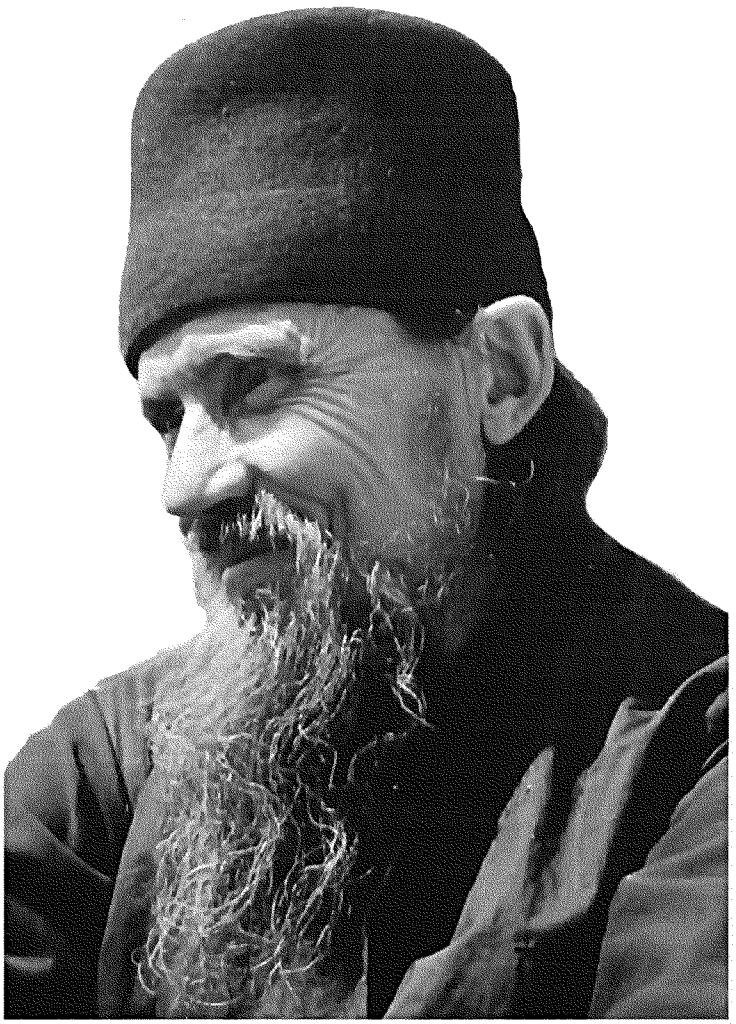
— Да, Бог один, но Он есть и Истина. Не может быть двух истин. Как же так — Бог истинный и ложный? А ты говоришь, что ложный бог, который у тебя — это тоже Бог.

— А другая фраза, которую часто слышишь: это — ну, Бог простит.

— Бог простит... — надо покаяние принести Богу! Исповедуй священнику, чтоб он тебе разрешил. Им дана власть прощать и разрешать. Своего покаяния недостаточно. Обязательно покайся священнику. И чтоб он тебе за это наставление хорошее дал и какую-нибудь эпитимию дал, чтоб ты больше не согрешал так, помнил об этом. Ну, хоть по три поклона на день клади — такие вот небольшие эпитимии, или по 10 поклонов клади. Объясни ему, что это, чтоб помнил и больше не согрешал. Если на месяц ему по три поклона в сутки дать, неужели три поклона в сутки положить не может? «Господи, прости меня» — и поклончик. С сердечным сознанием чтобы было, а не так просто — поклон бросал бы.

ИЕРОСХИМОНАХ СЕРАФИМ КАРУЛЬСКИЙ

Иеросхимонах Серафим (1903–1981) был одним из последних русских афонских старцев-отшельников, подвизавшихся на суровой Каруле, где он поселился в 1942–1943 годах. Он прибыл в 1930-х годах из Китая в находившейся на территории Сербии русский Мильковский монастырь и оставался там до нападения на обитель коммунистических партизан Тито. На Каруле отец Серафим спасался почти 40 лет, вплоть до своей кончины. Скончался он осенью 1981 года. Живя высокодуховной жизнью, постоянно простираясь мыслью к Богу, он стяжал истинное богомыслие. Плоды его богомыслия и суть нижепомещаемые записки.



О молитве и трезвении

О молитве Иисусовой

Молитва эта имеет многие степени, от начальной до нескончаемого совершенства. Нужно обратить внимание на то, что усвоение ее душой находится в связи с вхождением внутрь себя вниманием, устремляясь к сердцу.

Два центра у нас: ум со вниманием (размышлением, рассуждением, памятью, представлением предметов...) — в голове, и самосознание себя с духовным ощущением, переживаниями различными — в сердце. Так человек «рассечен» грехом, что то, что было у него соединено в одно (в одну общую жизнь), то грех разделил надвое, и стал человек раздвоенный сам в себе. Как потерял самого себя, оказался в падении в болезненном, ненормальном состоянии в своей внутренней жизни.

В восстановлении же от падения эти два центра внутренней жизни соединяются в одно: «Ум, внегда с душею соединится, неизреченныя радости исполняется», — говорит преп. Никифор («Добротолюбие», Т. V, 1966 г., стр. 179).

Молитва Иисусова, восстанавливающая от падения и очищающая, «далече разстоящее» — ум и сердце воссоединяет опять в одно.

И на всех ступенях этой молитвы Иисусовой, с самого начала совершается это соединение, доходя до совершенства, когда и молитва достигает высших степеней, — нужно это знать и к этому вхождению в себя стремиться при каждой молитве, т. е., произнося молитву в уме или устами, привлекать в то же время свое внимание к сердцу.

Хотя вначале, не зная точно, где сердце («сердечное место»), достаточно знать, что оно там, где бьется, т. е. приблизительно, и туда и привлекать внимание, главное, чтобы внимание не было в других местах, или, как бывает при рассеянии ума — неизвестно где. «Безтелесное в телесном доме заграждати», — как говорит преподобный Иоанн Лествичник (27, 6).

Внимание наше неудержанно везде может пребывать, устремляться по разным направлениям, напр., можем вспоминать какие-либо случаи, и обстановку их, недавно или давно бывшие, и тогда внимание пребывает в этих воспоминаниях, можем мысленно побывать в далеких странах, можем и в звездные пространства вселенной вознестись, рассматривая мысленно небесные тела, можем, и к себе вернувшись мгновенно, внимать какой-либо части своего тела и переводить внимание свое из одной части тела в другую, — так может «скитаться» наше внимание, имея это в виду, нужно учиться наблюдать за ним — где оно? куда пошло? И это для того, чтобы вернуть его к сердцу, где его место во время молитвы, которой хотим заниматься — чтобы преуспевать в молитве. Да и вообще такое скитание ума — болезненное есть явление, чего не было изначала.

Во время молитвы нужно низводить внимание свое к сердцу, чтобы, там пребывая вниманием, произносить молитву. Сердце — законное убежище для ума, там должно ему укрываться, и пребывать, и жить, чтобы избегать влияния внешнего мира — *«несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем и к миродержителем тмы века сего»* (Еф. 6, 12). Аще убо тьма есть настоящий век, бежим от него, бежим помышляюще, яко ничтоже обще есть нас со врагом Божиим (*«Не любите мира... все, еже в мире, похоть... есть — несть от Отца»* (1 Ин. 2, 15–16), но, подражая Отцам нашим, сущее в сердцах наших сокровище взыщем... Несть бо мощно с Богом примирения, аще не первее к себе возвратимся» (преподобный Никифор): с Богом примирения и приближения к Нему — молитва ищет, и есть она «возношение ума и сердца к Богу», и потому потребно первее к себе возвратиться (еже есть соединение ума с сердцем), тогда только и будет возможно «ума и сердца к Богу возношение».

Так что во время молитвы внимание должно весь мир оставить, все внешнее, вне нас сущее и внимать сердцу своему, тут его останавливать и оттуда возносить молитву ко Господу — из внешнего мира в тело, а в теле — в одном только месте — «над сердцем» должно стоять вниманию «и зреть во глубину его». И в теле не давать вниманию переходить в разные места, особенно вниз, но только «над сердцем» стоять недвижимо, — так делая, может человек преуспевать в молитве, т. е. — входя в себя.

Тогда «прививается» молитва к сердцу, переходит в сердечную, усваивается в собственность души, обращается в спасительную и блаженную привычку и потребность, делается непрестанною, соединяя молящегося с Господом «в един дух» — *«прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя»*.

Если же не внимать сердцу на молитве, то и помыслов остановить невозможно, все будут приставать к душе и рассеивать молитву.

Так что — «сиди дома»! Внимая и молясь, заключая сознание свое в сердце — Царствие — внутрь! — *«се бо Царствие Божие внутрь вас есть»* (Лк. 17, 21).

Сердце, законное убежище уму, — это дар от Господа: что можешь ты лучше придумать?!

Что есть «действо Духа»?

«Двема образы приобретается действо Духа, еже в Крещении таинственно прияхом» (преподобный Григорий Синаит, славян. «Добротолюбие», лист 113 на обороте).

Что есть «действо Духа»?

Действо Духа есть «действо благодати» в молящемся и есть сила огня духовного. Действо Духа совершается у молящегося во время умно-сердечной молитвы, когда происходит «соединение»: действа человека и действа благодати, свободы человека — с волей Божией, ума — с сердцем: человек, имея область для свободно разумного действования своего — ум, умом внимает Господу и молитве, а благодать, живущая от крещения в душе «верного», пребывает и действует в своей области, т. е. в сердце, и когда оба действа сойдутся, сливаются в одно, т. е. одновременно действует и благодать, и сам человек — каждый в своей области, что и бывает во время умно-сердечной молитвы, тогда и возгорается «действо Духа». Таким образом, человек своими усилиями, при свободном к тому желании, внимает уму своему, отгоняя помыслы (вообще говоря — воспоминания многоразличные) и направляя ум к («безвидному») Богу, тем начинает приближаться к живущей в сердце его благодати и ощущать в себе действо ее — вот это и есть «соединение», о котором говорит преп. Григорий Синаит на листе 115 на обороте.

О хранении внутренней чистоты

Место чистоты — отношение. Непонятно? Хочешь чистоты? Она в своем месте пребывает... Когда видна всякая нечистота и ощущается побуждение к ней, отношение ко всему такому законченно-отрицательное сохраняет чистоту сердца. Это и дивно: при наличии и близости нечистого, при ощущении его отношение сердечное (отрицательное) ставит человека превыше всего нечистого, в область чистоты! И даже тогда-то чистота истинная поселяется в сердце, когда нечистота окружает душу. Иначе и самое желание чистоты ненадежное, непроверенное.

Так устроено! Так дивно! Как раз то, что и нужно земнородному, не могущему в условиях земной жизни не встречать многообразной нечистоты, но она не может вредить ему, когда он твердо отрицательно относится к ней: «Не соизволяю!»

Один шаг до чистоты, но нужно знать, чего держаться, когда является нечистое пред сознанием — «отношение» храни тогда! И не повредит тебе!

О земном странничестве

Тяжело (скорбно) жить в суете, бессмыслии жизни этой («дурная бесконечность» — работать, чтобы жить...) — это так, когда полагать в ней все... а если по Апостольскому: «требующии мира сего, яко не требующии», странник на земле — все «мимоходом», в «полсердца» — то легко! Это то же, что и у отцов — «будь в жизни этой, как будто ты давно умер...», тогда — легко! Ибо сердце свободно тогда жить своей надеждою, в реальности которой оно так ясно убеждается день за днем... А жизнь сия и недостойна иного отношения, идущего к вечности, только как — «мимоходом» проходить ее день за днем... на то бо и сотворена, предназначена быть «полем» проходящих к вечности верою о Творце-Господе, зовущем в жизнь иную «обещания ради будущих благ». Эта легкость и есть признак найденного (опытом) правильного о ней понятия — такова она есть! Чего не зная, тяготится человек, «разочаровываясь» на каждом шагу.

От мира сего нужно отделяться хотящему спастись — противопоставляться внутрь-пребыванием: это тоже относится к приготовлению к смерти, к уходу — отделяться от внешнего, дело, или устроение «странника» на земле... горнего ищущего Отечества.

А отождествление себя со внешним — расслабление и слияние есть, и — нет ухода!

«Горняя мудрствуйте... вышнего ищите, идеже есть Христос» (Кол. 3, 1–2). Христианство — уход есть от внешнего мира сего: «начало иного жития вечного» — где же оно? начало это? — значит, забываешь главное — смысл дела Христова! И жизни земной!

«Требующие мира сего — яко не требующие!» В мире жить, а от земного отталкиваться — это Воля Божия о нас... если отталкиваться не будешь, не переходишь в жизнь вечную, если земным жить не будешь, т. е. в условиях земной жизни, — не от чего отталкиваться будет! — бездействие, бесплодие... но — то и другое: на земле жить, чтобы от земного уходить: это дело жизни этой нашей, земной.

Христианство бо на небо ведет — «вы не от мира сего», «кто Мне служит, Мне да последует... Царство Мое несть от мира сего».

Не теряй смысла мира сего временного, жизни земной и своей личной жизни!

Сначала врастает земнородный в мир этот, и жизнь его, чтобы силу взять, — оттолкнуться в вечность! Это и делай! Делами земными силу набирай, чтобы хватило силы оттолкнуться от внешнего на внутреннее — вечное — «идеже есть Христос».

17 июня 1972 года.

«Будьте яко дети...»

Ум внутрь входя — со-вне, вначале в более внешнюю, поверхностную область (сердечную) сходит, а там духи злобы кроются и особо яро и лукаво начинают действовать на входящего, сего ради ОСОБАЯ помощь ему нужна, она и дарована: *«Именем Моим бесы изженут...»* Потому все отцы наипаче с этой молитвы (Иисусовой — ред.) наставляют начинать духовную жизнь, т. е. входить внутрь. «Духовная жизнь есть внутренняя» (епископ Феофан Затворник). И во внешних делах помогает Господь, а в этом и подавно: против духов большая помощь требуется.

А со стороны человека — детское состояние ему предлежит, чтобы вернее и полнее принимать эту помощь — силу Господню. Во-первых, во истинное состояние приходит тогда: «не знаю, не умею, новое мне есть!» — и образ действия и самый подход к делу — иные!

Внутрь входя, вступая на путь тот во Отечество небесное (одиноко!) — особая и помощь необходима — *«тамо бо гади, их же несть числа»* — вместе и ко Господу приближается — Его бо и помощь и — благоволение и призыв на это: *«вы не от мира сего...»*, *«кто Мне служит, Мне да последует...»*, а это — вполне — ново, незнакомо, сего-то ради «будьте яко дети», «яко мравий пред Ним, и дитя лепещущо» (преподобный Исаак Сирин). Особая жизнь, особая близость к Богу, особое настроение души — детства обновление — особое отношение ко Господу! (зри, и монашество видится — детства возвращение! аще и стар человек...)

Вот тайна какая здесь еще открывается — человек «восприятель» или (хотя и неведомо) — «отвергатель» даемого от Господа — это обнаруживается. «Смирение — все Господу доброе приписывать» — истина бо и есть! «Что хвалишися яко (бы) не прием» — о том же! т. е. на самом деле все живительное наилучшее у человека дается ему, дарствуется! — только замечает ли он это или не разумея, думает, что он сам «вырабатывает» это, т. е. что-то, что способствует к восприятию (даруемого), считает

за вырабатывающее... вот и получается, что смирение — понятие правильное есть, а «гордость — безумна» — сущности не постигает!

Потому и *«аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидите в Царство Небесное...»*

Потому что пока человек не «обратится», он таков, каковы земнородные все в мире, живущие с общечеловеческим разумом — «Я!» — «делаю» и все для жизни «вырабатываю», на деле — весь этот разум (паче «кичит»!) — свой «промысл» и стяжание нужного для жизни — приспособленность... а это совсем другое, чем направить и двигать к себе нужное (свое бытие имущее — независимое!.. не под твоею властью существующее! Иными законами движимое... а вдруг — к тебе двинулось — власти над ним (тем) не имущему, — какою силою? ...что ты сделал (чтобы получить) желание и руки простертые — и тогда тебе (Следящим за тобою всегда!) дано было... а ты, Его-то и не замечая, думаешь, что сам добыл. Но ведь то — независимое от тебя Бытие имеет, тебе не подчиненное — что бы ты мог взять его, власть имел бы на это... но все, что ты сделал для этого («притяжения»), — потянулся к тому и было тебе дано Кем-то!

Все это совсем меняет дело! *«Просите — и дастся вам»*. Тут — то же и — яко же и дети — просят, тянутся, любят, доверяют, плачут по-детски — ибо ИСТИНУ уразумели. Потому переход от обычного — «гордость житейская» — к спасительному — второго детства переживание «трехлетния слезы» (преподобный Исаак Сирин). Ибо сначала начинали жить, опять начинали иную бо уже жизнь не ту, в которой воспитались, и прожили. А все новое для человека начинается с детской примитивности, когда знакомится и познавать начинает — обращается тогда он и бывает как дитя; а если сие отвергает, вернее, не примет — не внидет в Царство Небесное, ибо разумение его и настроенность, приспособление к общей жизни мира сего — не та! Т. е. в сущности — способность восприятия не та, которая была бы способна принять новые условия той небесной жизни. Главное — «гордость житейская!» — подход иной — гордый, самоуверенный — «я хочу, я могу, я возьму», как это в обычае в миру сем! А там — именно — подается, изливается от Вечносущего Жизнеподателя: Отдельное, Самовластное бытие имущего — Свою Волю. Нельзя уже — «возьму»!.. Иное должно быть устроение души и иной подход; а это и есть «обратитесь и будьте яко дети» — так по существу дела — по правде вечной!

Вот тут и граница (мир этот и та вечность — Царство Небесное) и нужда во втором детстве — для перехода в иную область, иные условия жизни от «взятия» к «принятию», от своей воли к Животворящей, от той жизни, где я — главный деятель, к той, где Господь Бог — главный деятель. Я вхожу в те условия, новые для меня. Вот я и начинаю с детства — перестройка устроения души, сообразная с иными условиями бытия, в которое входя от мира сего СПАСЕНИЕ совершается!

Тогда и молиться легко, свое все вкупе — оставляя, а не стараясь часть некую переделать, а остальное делая — противится этому, не «согласует» бо!

Так отложить свое, чтобы не противилось, не мешало иною жизнью жить в целом: воспринимать еже от Господа тогда подаемое, значит не прилаживать одно к другому» («новую заплату к старой одежде»), а вкупе все оставляя — воспринимать (свободну сущу внутренно) Господне — это — «Обратится яко дитя»!

О душеполезном одиночестве

Плакал я сегодня во сне: «Господи, дай мне одиноким, одним, уединенным быть, да в страхе Твоем спасаюсь! Ибо я увлекаюсь стадностию и до страха (из-за этого) не могу дойти, но — уста наша при нас суть, кто нам Господь есть? — как муравьи, попадавшие в воду, по чувству стадности хватаются один за другого и все погибают. Ибо нет в стадности падших разума духовного, ни страха Божия... сего ради начало спасения — *«Блажен муж иже не иде на совет нечестивых»* (не живущих по закону Господню, иже вси мы падшии, только «хотящии» спастися), но в законе Господнем воля его — и оставив стадность падших, уединившись душею и внешне — поучается *«в законе Господнем день и нощь»* — настолько, надолго, постоянно. Внутренно одинокий (монос): так и живет, чтобы страха Божия не потерять, который приходит, когда в одиночестве ощутит человек приближение Господа Бога Святого, яко Огнь все нечистое и дерзкое пред Ним пожигающий... и сего в общем кружении стадности падшии не ощущающе один другого низвергают в ров оный (преподобного Пахомия видение)».

Есть любовь Христа ради — заповедь, данная во спасение, дабы добрые дела делать по любви этой — спасаться. Есть любовь — близость духовная

во Христе — познание Христово и стремление к Нему, в общении и близости духовной единодушных о Христе подогревающая, а есть любовь — близость и смешение внутреннее, хотя и с желанием духовной дружбы, но по наличному, не духовному еще состоянию душ, с духовного начинаясь, а далее, по недостатку духовного в себе, на низшее нисходить, и, близости установившейся ради и смешения внутреннего, обоих увлекает в ров тот!

Сего-то ради одиночество лучше, в нем отрезвление от взаимовлияния, тогда мысль о Боге у хотящего спастись и страх Божий и труд чистительный во уповании милости Его, отсюда — движение ко спасению (сего и другу моему желаю и предоставляю, удаляясь от него, незрелости нашей ради), сего ради одиночество полезно, и желаю его и удаляюсь от людей (Да не тонем вместе близости своей ради, при ней же труд спасительный, заповеданный отцами во спасение — оставляется, как те муравьи).

Одиночество — да истрезвившись найду себя пред Господом, и тогда в страхе Его трезвенно возьмусь за дело свое, за дело очищения своего сердца — сего ради будь одинок внутренно, да спасительное совершается в тебе!

А образ жизни безмолвной, одинокой, конечно, и особый свой чин и делание имеет, и безрассудно и неправо оглядываясь на чин общежития его, во всем держаться — зачем и вышел? чего искал? Разве не жили отцы в безмолвии и — что делали там? общежительное ли? Верою вышел, на неже призван, трудясь в очищении, — раскрывайся пред Господом — сам (один!), иди к Нему! Сего не отрекайся под предлогом иных вразумить — привлечь, сам тогда останавливаясь, закосневая — за других не дадим ответа — чего они задерживались, а за себя, яко призвание ощутив, разумев — себя задерживал!

Все призываемся, всем открыто, всем делание свое предлежит, по мере своей и состоянию, и аще каждый своего не делает — как приближается? и заботится об этом только самому — остановка своему делу, призывающему иных.

«Нас ради человек и нашего ради спасения» — этого хочет Господь — да кто-нибудь приидет ныне к Нему... а не один другого призывая, — никто сам не идет! — большая тщета для Него! Если бо и истинно желаешь привлечь — ничего лучше нет, как личный пример — «спасайся сам и около тебя тысячи спасутся» — видя делом спасающегося!.. Не так ли жизнь отцов

показывала всегда? Сам прошедший путь некий и иному может указать, а не пройдя еще, призывать один другого, на месте толкаясь.

Господи, Господи, ведь указание нам дано, указание, что труд спасает падших, и какой труд — указано! А труда-то и нет у нас! Что же: иной закон будем полагать себе во спасение?! Богоданный чрез отцов труд обходя, будем спасаться?

Все средства спасительные и помощь Господня — ждет нас: только труд самый дай — этим занимайся, за «деланием» вся остановка... (сего ради сказано: «ленивый раб и лукавый» — труд обходя — мудрования многого взыскали взамен!.. Но все сие — всуе!)

А труженик по вере — простой! Не ищет такой мудрости: нет нужды!.. когда главную мудрость, т. е. самый труд производит. Сего ради и одиночество, и безмолвие: да если общая жизнь труда спасительного не производит, но даже и отвлекает от него — сего ради в одиночество уходи, да свое делаешь. Далек еще путь! А время сокращается — да успеешь ко дню тому!

Начало спасения — свобода, двигающая вниманием

Почему так долго-долго — длинный ряд лет! — мы не исправляемся?! Не поверили бы, если бы кто-либо сказал нам раньше: «и за 40 лет почти не изменишься!» — Потому что не живем внутреннею своею жизнью, но внешне! И она, незнаемая нами, остается все прежняя, неочищенная.

Живем в удалении от внутренней нашей жизни не трудясь, т. е. над очищением, преобразованием ее, и это потому, что не рассматриваем ее, и потому, что не употребляем средств и способностей, которыми это (очищение) делается.

Ум отсечен от сердца в нашей жизни душевной — каждый из сих живут отдельно, а ум-внимание мог бы чистить именем Господним! Но он бродит по всему миру, а сердце, как запущенный сад, производит терние и сорную траву... долго, долго!

Большие перемены совершаются часто в глубине нашей, а мы считаем, не видя того, что мы неизменны пребываем. Из этого исходим, на это рассчитывая, а вот это не так! Если таких перемен не замечаем, то что сказать про те малые, которым, внимая, очищает себя внутренно живущий?! Потому годами бесплодны!

Ум бродит, не внимает сердцу, не видит внутренней жизни, не работает в этом винограднике, саду, огороде... он и остается запущенным всегда, ибо внимания (ума) это дело!

Не становится ум на место свое, на стражу свою, на «делание»! И кто другой за него будет делать это его дело?! (Потому и сорок лет бесплодны!)

Вот о каких «переменах» говорю я: разве ты не знал уже этого сорок лет тому назад? А не замечал, когда и как теряешь сие «единое на потребу», не видишь, не знаешь, какая перемена в тебе? — «чего лишаюся аз!» не сообразишь, не оценишь... и остаюся чужой сам себе! Какое же может быть преуспеяние?!

Как же не чужой, когда жизнь свою внутреннюю не вижу, не знаю? Именно — чужой!

Начало спасения (что выше его для верующего?!), когда призывает Господь тайно, — есть склонение свободы (закон этот верен). Сочетание «свободы и благодати» от начала спасения и до конца его, до жизни вечной, — это возможность спасения со стороны человека. Но в чем оно выражается, как действует, чтобы ко спасению шел человек?

— Слыши! Свобода внимание направляет ко спасительному всему — к Богу, к словесам Его, к церковным богослужениям, таинствам, ко внутреннему «деланию» — («последние будут первии»). Эта свобода, когда это наше «что хочу — делаю!» Хочет спасаться, ибо на это Бог призывает... получается уже, что свобода из дара сего — «что хочу делаю» обращается в послушание Богу и данной Им совести и избегает тем погибельного «диавольского самовластия» — «занятый» получается сосуд! — занятый Волею Божиею, делом спасения.

Итак, начало спасения (со стороны самого человека): СВОБОДА направляет внимание, учимая Богом («Учай человека разуму» — Господь) — куда направлять,.. а далее, отсюда мысли, хотения, чувства напояются спасительным, Богоугодным, вместе и страстей избегают — и это от направления внимания зависит. Вот и шествие есть по пути спасения, подготовка души к исходу, верное шествие к вечности (как у того старца было, что улыбнулся трижды перед смертью).

Видишь, человек, не особые дела, подвиги, поставленные себе самому цели — сами по себе — (ибо когда главное это упускается — они «сами по себе» остаются... и рассыпаются в ничто). Не это все начало основания спасения о Господе, а внимание, управляемое свободой, научаемой Богом:

зная уже (от Церкви, от Отцов, т. е. от Бога: совне), что есть Богоугодно — спасительное: туда свобода направляет внимание, там внимание вместе с самой свободой находят пажити верные и источники чистых вод, и возрастает душа к вечности «в Бога богатея!»

Итак, когда в плену себя видишь, в омрачении — направь внимание свое на спасительное нечто (в прошлом познавал то), к словесам Его, к «деланию» о Господе — и быстро начнется рассвет в душе...

Это бо и общее начало вообще, это и в каждом отдельном случае: падения, забвения, омрачения, иже на пути спасения так часто случаются — периоды темные. Одно начало и основание («пал — восстань!»): внимание направь на Господа... а далее оно само найдет там нужное к восстанию: там бо, в сокровищницах Своих, уготовал Господь все нужное для спасения человека... и — Сам — близ! — «до скончания века, Аминь!»

«*Далече от грешник спасение яко оправданий Твоих не взыскаша...*» (Пс. 118, 155), «*Близ еси Ты, Господи, и вси путие Твои истина...*» (Пс. 118, 151) — вот куда свобода может направлять внимание, и направляя — идет человек ко спасению, Богом призываем, Богом вразумляем. Сам тайно руководит доверившихся Ему Посетитель душ наших! И благоволит к человеку, когда свобода его, избирая Богоугодное, направляет туда свое внимание... остальное бо — дело Его! «Свое» бо сделал человек: покорился Богу с доверием и любовью... и внимание направил к Нему и тому, что от Него!

А начало и основание спасительного такого склонения свободы, т. е. направлять внимание на Богоугодно-спасительное, — вера новозаветная, Богоявленная: Бог есть Господь наш Иисус Христос! Отсюда доверие Ему с покорной любовью... отсюда и свобода, избирая яже от Него, направлять внимание на все спасительное...

«Свет от Света! Бог истинный от Бога истинного... — Единосущен Отцу» — такое и отношение к Нему верующего сердца! И отсюда все дальнейшее...

«Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим!»

Молитва Иисусова и есть — это! Особенно, усиленно, вседушно, действительно: по смыслу дела спасения, по состоянию и нужде «падшего» это призывание Бога и стремление души к Нему есть «единое на потребу». Молитва Иисусова — «делание» сердца! На него же внимание направляет свобода!

Если посмотреть молча, беспристрастно, внимательно, чтобы увидеть самую сущность человеческой жизни на земле — состояние внутреннее, наличное, нужду истинную его, то ничего нет лучшего для него, ничего более нужного, соответственного его состоянию, как молитва Иисусова — «делание» ее! (это что касается его личной деятельности... а что касается даров Божиих, по потребе «падшего», — Св. Причастие!)

Молитва Иисусова

Молитва Иисусова — это кратко и точно выраженная истинная потребность человека, самая сущность всех его нужд, — все это наиболее верно и плодоносно восполняется молитвой Иисусовою! Довольно бы ее одной вместо всех дел спасительных, если бы человек мог бы удержать ее навсегда... и только потому, что не может по роду болезни своей внутренней ограничиться ей — тянет его болезнь его на рассеяние, на многое! Тогда только можно соглашаться, что нужно ему еще что-то, кроме молитвы этой — не может бо!.. А что касается самой наинужной потребности его — «падшего», то ничего более верного нет! Она — именно — «по болезни врачевство!» Его и даровал Господь как венец даров Своих любящим Его на Тайной Вечере — нужнейшее, кратчайший путь души к Нему!

Именно — верующим в Него, именно — любящим Его (обрати внимание на это!), ибо эти-то и наиболее готовы ограничиться «единым на потребу» — таковые-то наиболее закрыли в себе пути ко многим иным «подготовительным» деланиям, ко многому рассеянию! Таким, которые по вере и любви к Нему способны «потерпеть Господа» — этим наиболее и дана молитва эта, потому что могут ограничиться ей — того бо она требует! Вообще же она — кратчайший путь к Богу для всех земнородных «падших».

Не путай: одно — кратчайший путь, другое — доступнейший! Кратчайший — для всех, доступный же для тех только — особенно доступный — их собственный! которые верою и любовью ко Господу пролетели через многие ступени «делания» подготовительные, для приседения Ему яко Мария. Ибо ступени те нужны тем, у кого веры и любви ко Господу не хватает заняться исключительно этим даром Его — на них бо, ступенях тех восполняется недостаток в этом на тех ступенях. Чем же более веры и любви ко Господу и упования на Него, тем способней он, оставив многие (подготовительные) делания, ограничиться существеннейшим деланием

земнородного падшего — молитвой Иисусовою; им — особый путь, особые дары, особая жизнь — по достоянию, по справедливости... «неизреченными прикосновениями прикасающимся Неприкосновенному».

Не по лицеприятию, но по их порыву на призыв Господа, по состоянию их, по способности быть с Ним!

Вообще же для возгоревшегося духом устремиться к Самому Господу нет лучшего делания, как молитва Иисусова — эта жизнь духа в Боге!

Тут ответ и тем, кто по временам (только) возгорается духом ко Господу — взыскати Лица Его! В таком состоянии их, в такие времена и им тот же закон — «делание» молитвы Иисусовой — единое сие!

Подобно тому здесь, как видел преподобный Макарий Великий у тех двух братий монахов: у одного, как свечи огненные, возлетала по временам молитва к Богу, у другого — как непрестанная огненная вервь...

И еще раз повторю: испытай самым тщательным, вернейшим испытанием и найдешь, что никакая «деятельность» человеческая не нужна человеку столько, сколько Молитва Иисусова, именно «падшему», именно призываемому к небу — «кто Мне служит Мне да последует», «вы не от мира сего, яко же и Аз от мира сего несмь!» — таково призвание! Таков и соответственный призванию такому дар — имя Господне! к коему приложена на то сила особая, Божия, очищающая и покрывающая грядущего к Нему верою и любовию.

С другой стороны, сам человек без Бога — земля и пепел и погибший! гниющий пленник! Вот почему нет ничего вернее человеку, как молитва Иисусова! Вот преславные дела Бога нашего! По Величию Его неизреченному, так и дар Его! такая сила, такой размах: от тления — на престол Его! — Кто яко Бог?!! — ...только и ты, тварь, будь великодушна! зря величие дара, красоту добродетели Его — не мерою дает Бог Духа! — возгорись ответно духом к Нему — во-первых — смирением, также доверчивым самопреданием себя благой Его, спасительной Воле! Ничего больше ты и не можешь, ничего более от тебя и не требуется! Хочет — далее — чтобы ты очищался, освобождался плена земного, освящался силою имени Его — приими дар! «Делай!»

(1968–1969 гг.)

О совмещении внешнего делания с памятью Божьею

«С Богом Святым!»

Можно человеку жить с Богом, можно — без Бога, так и живут люди. С Богом жить возможно по причине изволения Его к тому и расположенности к тому самого человека... тогда обстоятельства и условия жизни человека делаются или благоприятными, или неблагоприятными к тому, т. е. открывается, что не в них суть дела, а в личном расположении человека, в желании его, склонности к тому.

Чтобы жить с Богом — осуществить это — нужно оставить место Ему в делах своей жизни, дать место!

У каждого человека свои дела, ими занята вся жизнь, и если есть мысль у него и желание жить с Богом, то осуществить это желание он может, присоединяя к делам своим — первое — память Божию. Можно присоединять тому, кто хочет, можно не присоединять — тому, кто и не думает этого и не ищет, а отсюда уже постепенно далеко расходятся их пути! А внешне, может быть, и рядом живут, т. е. в тех же равных условиях, но один — с Богом, другой — без Бога!

Итак, первое — желание! Далее — влияющее здесь и решающее — насколько человек захвачен своими внешними делами, насколько пленен ими, насколько важными и неотложными они представляются ему, может быть, потому, что старшие или начальствующие над ним требуют непременного исполнения их во время и во всем объеме — «сделай все» и — «к сроку», или личные нужды, или ближних, о которых он должен заботиться. Как бы то ни было, но это захваченность делами! И она-то много противится самой и памяти Божией, а без нее — как жить с Богом?! Нужно целью себе поставить — отвоевать эту свободу, чтобы можно было держать в себе эту память Божию — во что бы то ни стало! И это дело законное человеку, правое пред Богом и возможное по условиям земной жизни человеческой, вникай — увидишь! А препятствия к тому — кажущиеся. Верно, что сначала это трудно, но это просто от непривычки только, а вовсе не от того, чтобы память Божия действительно мешала делам! Ничего подобного!

Так что хотящий будет присматриваться к этому делу и, присматриваясь, найдет возможность исполнять это в себе, и тогда к удивлению его и убеждению оказывается, что память Божия много помогает всем его

делам, а самого его делает спокойнее, успешнее в делах его — веселее делается жить! Тогда вспоминает он слова псалма — *«помянух Бога и возвеселихся!»* (Пс. 76, 4).

Итак, если ослабеет эта «захваченность» души делами внешними, открывается возможность «дать место Богу» в делах своих, тогда можно и жить с Ним. Делами бо человеческими заполнена жизнь человека, а если есть в них место Богу, то вот и жизнь с Богом.

Но как это осуществляется практически? Память Божия — это начало, а далее — чувства сердечные, а ведь они — самая жизнь человека! Внимай себе! Чувства сердечные (разные!) во всей жизни человеческой, при всех делах его, движутся в нем, живут, меняются, сопровождают все его дела, соучаствуют в этой внешней жизни человека, чувства — приятное, неприятное, раздражение, радость, огорчение, зависть, стремление к чему-либо или уклонение от чего-либо, — всякие такие внутренние переживания сопровождают все внешние дела человека, всю жизнь его. Они — есть! Не то что это выдумано!

И вот среди них и есть такие чувства, которые сродны памяти Божией, соответствуют ей: страх Божий, вера, благоговение, благодарность Ему (как терпит нас многосогрешающих! да еще и благодетельствует!), доверие к Нему — склонность довериться Ему (благ бо есть и милосерд до нежности материнской! *«Аще и жена забудет исчадие чрева своего, Аз не забуду тебя!»* (Ис. 49, 15)), любовь к Нему, надежда — такие и сродные мысли и есть следующее, что нужно находить в сердце своем, выделять их из среды других, взращивать: при помощи их и осуществится желание — жить с Богом!

И их, вместе с памятью Божьею, нужно присоединять к делам своим, т. е. внешним, которые, подобно пузырькам некиим, сосудам, могут быть наполнены (и наполняются на деле!) теми или иными чувствами сердечными. Поминая Бога при делах своих, имей и чувства, соответственные памяти о Нем: эти чувства будут в тебе, делателе земных своих дел, будут же во время дел твоих — вот у тебя и начинается жизнь с Богом! Такая она и есть!

Господь хочет быть с человеком: *«радость Моя с сынами человеческими...»* (Притч. 8, 31), *«и тии будут людие Мои и Аз буду Богом их»* (точнее: *«и буду им в Бога, и тии будут Ми в люди»*) (Иер. 31, 33), *«и будет яко же радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе!»* (Ис. 62, 5) — в этом-то и основание надежды — жить с Богом! Остается человеку — содействовать

этой воле Божией, а содействовать в его состоянии падения (и Господь знает, учитывает это, по-человечески говоря о Нем) человек может — памятию о Боге, чувствами к Нему, хотя все это слабо и расстроено в нем, но главное — желание и усилие (то и другое — по вере!) — остальное Господь силен восполнить и сих укрепить. Поэтому благонадежно начинай!

А «захваченность» — это влияние внешнего на человека — противься ему! Нужно — нужно! Но да не обладают сердцем! (Дела). И нужное бо можно делать свободным или порабощенным сердцем — и так и так можно сделать нужное! Но ты делай — свободным сердцем. А свободное может, делая, и Бога поминать, и внимать Ему. В этом и возможность открывается жить с Богом и — начало сего! Отсюда и перевес может начаться: внимание и желание быть с Богом может брать силу и пересиливать захваченность, увлеченность, порабощенность души делами своими обычными — внешними. Дела остаются, а власть их над душою ослабевает весьма, тогда и перевешивает внутренняя жизнь, сопровождающая внешние дела: то раньше они занимали все внимание и сердце человека, а внутренняя жизнь при этом была не заметна (как шла — неизвестно! «сама собой», как растут безродные, запущенные дети — не внимает тому человек), а теперь (когда власть внешнего ослаблена над душою), меняется значение того и другого, т. е. влияние их на человека: внешние дела делаются маловажными для души, «пустеют» в своем (прежнем) значении, а внутренняя жизнь привлекает к себе все внимание и обретает главное значение — берет перевес. Вот и открывается отсюда самая реальная возможность жить с Богом, когда мысли и чувства сердца — с Ним!

Тогда и торопиться нечего в делах своих, ни суетиться — все это только мешает! Мешает тому, чтобы во время дел этих «жить с Богом». Раньше дела — «все»! А внутренняя жизнь при них — какой-то туман, на который не обращалось внимание, занятое «деланием» дела, а теперь дела — покров, под покровом которых делается главное дело, а оно, в сущности, жизнь с Богом! Отсюда истекает радость, веселие, свет! И здесь можно сказать: «возсия мирови свет разума!» Оказывается тогда, что без внешних дел труднее «с Богом жить» — не за что вниманию уцепиться! И чувства к Нему (ведь они слабые у начинающего, как и внимание его рассеянное) легко испаряются, и остается человек, без внешних дел, как растение, выдернутое из земли, корни его не обретают ни твердой опоры, ни соков укрепляющих... так и человек без внешних дел слабеет и во внутренней своей жизни и теряет

возможность жизни с Богом. Господь устроил жизнь человеческую! Внемли! «Суету даде Бог человекам, да не в горшая впадут». «Суета» — дела земные, «без Бога» делаемые, но они лучше, чем делание безумных и погибельных страстей и грехов, к коим так склонен падший человек! Но эта же «суета», т. е. дела земные, человеческие, если будут делаться с мыслию о Боге, с целью спасения, делаются лествицею восхождения духовного.

О понуждении себя служить Богу

По двум причинам, можно сказать, погибают монахи, т. е. столько имея средств от Господа, не достигают спасения:

Первая — увлечение житейским, внешним, так что дело спасения отходит на второй план, а после по законам внутренней жизни и совсем далеко куда-то уходит и исчезает из внимания — забывается, откладывается на «после»!

Вторая — леность с небрежением, за которые монахи недостойны делаются дара спасения и пособий к нему. Здесь нет уже такого увлечения внешним, как при первой причине... но и вообще ничем, одна теплохладность! дремота духовная!

Туман некий, гипноз появляется по добром начале у обоих, — «гипноз», который усыпляет свежесть души, силу восприятия смысла и силы «спасения». Пребывая в таком наваждении, душа теряет силу разума, и смысл спасения для нее все более затемняется и отходит на второй план и далее, ибо житейское остается в силе.

В сущности — та же сеть в обоих случаях: «обволакивается» душа неким туманом, со всеми ее силами, стремлениями, решениями «спасаться», как некоею сетью, которая, все более обворачивая душу и закручиваясь вокруг ее, все более скрывает от нее смысл, силу, значение спасения, и душа охладевает в своем к нему стремлении — не отказывается, но — отлагает. И — или в житейское, или в леность впадает и так удерживается от совершения дела спасения.

Но если посмотреть, как делалось спасение у Отцов, то одно и то же неизменное у всех веками увидим: подвиг! служение Богу! Постоянное, усиленное. И душа наша мысленно соглашается: да, так и должно быть, ибо мы — падшие, имеющие нужду меняться от худшего на лучшее, а это и есть подвиг.

Один основной подвиг для верующего — обновлять в себе свежесть души и воспринимать ею смысл и силу спасения, доколе действует это на душу верующую — не задремлет она, не увлечется временным.

Все зло оттого, что мертвеет, засыпает смыслом, каменеет душа в формальности, во внешнем служении, при усыплении духа.

Итак, начало — возьми себя в руки, овладей сердцем своим, как говорил батюшка святой Иоанн Кронштадтский, а тогда — делай!

Мир этот — место удаления от Бога, — или мятеж суеты, или, если кто оторвется от нее, место дремания. Но оба — погибельны относительно вечности, которая — «с Богом Святым»!

Хоть обновляй ты свое внимание, свежесть души, хоть не обновляй — но зри на Отцов, их жизнь одна и та же, неизменна веками, ибо на сущность неизменную они взирали. А ты как хочешь! Оценишь ли, поймешь ли, будешь ли благоразумно, следуя им, обновлять свежесть души своей, или нет, и завянешь, допустив себя быть объятым туманом, а вечное не изменится. Отцы достигли своего, не формы, но духа живого, а расслабевший — «уснуша сном своим, и ничтоже обретоша вси мужие богатства в руках своих».

Вот на чем основывается душа, верующая Господу: на Нем Самом и на деле Его, для нее сотворенном. Путь Он открыл для нее, и она, взирая на Него, идет по этому пути. Это и есть ее дело и жизнь. Это же было и у Отцов — у всех, всегда, одно и то же. Делай так — и не заснешь, не увлечешься житейским. А иного пути спасения и не было никогда. Безмерный дар спасения — в вечности, а в земной жизни, в условиях удаления от Бога, «на стране далече», здесь все для души несродно, все тяжеловесно, потому здесь необходимы и труд, и усилие, нужно себя разбудить и в этой обстановке работать, в труде обновляя себя и двигая дело спасения своего, проходя земное поприще своей жизни — «юдоль плачевную».

О душе моя, свободу свою храни прежде всего, свежесть, саму себя в мире этом полном тяготы, гипноза, неправды, в мире сем, «стране далече», который не ищет спасения!

«Вы не от мира сего, якоже и Аз от мира сего несмь!» Потому служение Ему — особый дух, особое устроение души — свежее, свежестью вечности, вечноживое и «не от мира сего».

Так что служение это словесное (также в делах) Ему по смыслу дела спасения, по устройству природы человеческой, по нуждам ее в ее падении, по предлежащему душе в вечности — есть и хвалебная благодарность

ответная человека Богу, устроившему спасение ему и путь, им же, уходя из плена мира сего, приближается человек к Господу, и упражнение души в будущей жизни, и возрастание ее духовное — все в этом служении «словесном», его же даровал Господь людям — аще кто поверит, аще кто уразумеет, и сотворит, и спасется!

Ты же смотри, что сделал со служением этим? Как относишься? Веришь, а не хранишь. Как развлекаешься?!

Как бы сквозит мысль у тебя в деле сем: «Я стал выше служения, оно не удовлетворяет уже меня, вот: смысл нужно понять». Добро есть смысл, но без служения как ты можешь пребывать? Вечного, ангельского, отеческого служения, в нем же самый источник жизни изливается.

А если служение является личным прикосновением ко Господу, то да будет оно ограждено. Но как? — Я расслабил себя в этом до стыдения лица. И верую, и небрегу.

В этом мире, который так устроен, что каждый всякое дело свое с трудом (более ли, менее ли) делает, служение (свое) отлагаешь, ибо труд (крест) в нем есть! Тогда не ешь и не пей — по той же причине — труда, ибо и это без известного труда не совершается, однако — делаешь! В волнах благодати хочешь купаться, но чем же зарабатываешь ее? бездействием? Получается, что ради Господа только труд не хочешь понести, а во всех прочих делах признаешь его и соглашаешься трудиться!

«Господи мой, Любимейший и Пречистый...», — говоришь, но и трудись же смиренно и терпеливо, именно по благодарной к Нему любви, свое личное служение Ему приноси, ибо и тебя лично Он спас, и тебе даровал спасительные те пособия: молитвы, таинства, веру Православную, дела Отцов и благое будущее — «их же око не виде и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его». От любви-то благодарной и служат Ему любящии Его, являя тем труд веры, усердие любви своей, чрез то и еще более в ней возрастая, в меру возраста, да достойны, через то окажутся вместить грядущее. А оно велико, оно полно силы, но душа расслабленная (бездеятельностию и мелкими страстьми) не в силах принять и понести того грядущего блаженства, но как ветхие меха новым вином — расторгается.

Сего ради служи с силою! Преуспевай, т. е. в том именно, что ожидает тебя в вечности, если ожидает служение Господу, то и служи Ему здесь, если ожидает сильное, то и будь в силе, если потрясающее ожидает в среде

хвалящих и величающих Его безмерную благость и величие — будь и сам, заранее — как огонь!

А сказать, что без личного служения можно этого достигнуть, не позволяет нам сама жизнь Отцов (если не сказать Истина)!

Ветка, не принадлежащая дереву, буйно растущему, изобилующему многими плодами, не говорим про нее, что она соучаствует в жизни дерева того. Каждое создание Божие соучаствует в общей жизни, своим служением, ангелы и святые соучаствуют в жизни Творца своего служением своим — призваны на это служением лично своим, а начинается это и держится добрым и правым изволением души — «аще хощеши»!

Тогда — *«блаженны непорочнии в путь ходящии в законе Господни...»* (Пс. 118, 1), блаженны нищии духом, блаженны плачущии, блаженны кротции, блаженны все, поверовавшии Господу и пошедшии вслед Его добрым изволением верующего сердца, восприявшии свое служение Ему.

Нужно жить тем, что прияла верою душа от Бога своего. А что есть божественная жизнь души? Это служение Господу, ибо в этой жизни Он — главное, и как Источник силы и света души, и как научивший ее, что именно делать ей, да соучаствует она в Его жизни божественной и вечной. Разве не есть это служение Ему? А в этом заключается и жизнь души верующей и ныне, на земле, и в предлежащей ей вечности.

О «прелести»

В духовной жизни, чтобы в «прелесть» не попасть, нужно жить «просто» — брать все как оно есть, т. е. исходя во всех поступках своих из истинного положения дел, и из своей меры. Об этом сказал преподобный Серафим: «добродетель не груша, ее сразу не съешь», т. е. желаемое человеком какое-либо духовное достижение нельзя достигнуть иначе, чем оно достигается вообще, по духовным законам («законно подвизаться»), а это очень связано с тем, чтобы знать свое состояние и свою меру и из нее исходить в своих трудах и усилиях, стремящихся к желаемому, иначе — начало всех «прелестей» — отсюда!

Не зная себя и потому не исходя в своей духовной жизни, из наличного своего состояния и из своей меры, человек и вступает на ложный путь, что и есть начало прелести.

Когда человек, не зная своей меры, не исходит из нее, тогда он «во истине не стоит» (как Господь сказал о диаволе), а следовательно, вступает в область фантазии и мечтания, а это и есть начало «прелести». «Прелесть есть утрата истины» — определяет епископ Игнатий Брянчанинов. И эта утрата истины началом своим имеет утрату истины именно о своем наличном, внутреннем состоянии, тогда и начинает человек ошибаться в своих расчетах и планах о своей духовной жизни, ставить себе цели, не соответствующие его внутреннему состоянию и его потребностям (в истинном, как правильно и должно, по его состоянию и мере духовного его возраста), а берется за то, что ему хочется и представляется нужным. Молодое деревцо, недавно посаженное, не может дать плодов, нужно ему сначала возрасти, потом дать цвет, тогда уже и даст плод, т. е. в свое, законное время!

Так и преподобный Григорий Синаит определяет прелесть: «аще неции совратишася, вреждени бывше умом (что и есть прелесть, утрата истины) вежды яка от самочиния и высокомудрия се пострадаша». Что же это за «самочиние и высокомудрие», о котором говорит преподобный как о причине прелести?

Сии суть неправые побуждения к духовной деятельности, по причине которых человек делает не то, что ему на самом деле нужно, чтобы правильно духовно возрастать, т. е. по причине самочиния и высокомудрия человек начинает действовать несоответственно своему наличному, внутреннему состоянию, — нужно ему одно, а он делает другое.

Итак, незнание своего внутреннего состояния, когда человек не видит, что в нем делается, каков его возраст духовный (в «темноте» живет относительно этого), и не задумывается об этом, не стараясь это прежде всего узнать, он думает (мнит о себе), что у него, во внутренней его жизни все благополучно, и потому смотрит только на описание внешних дел, которые делали святые для своего преуспеяния и спасения. Но в том-то и дело, что святые видели, что в них происходит, и что им вследствии того нужно, потому и избирали себе дела, кои соответствовали их внутреннему состоянию, — что нужно им для исправления своих недостоинств и для восполнения недостающего еще им для их совершенства, а не видящий себя, своего внутреннего состояния ставит себе цели без всякой связи с его внутренним состоянием — что выдумает.

Так что причина самочиния и высокоумия — незнание себя. Не зная себя, человек думает, что он может взяться за всякое духовное делание,

которое он пожелает и выберет, — вот и выбирает себе — «что лучше»! И «прет» изо всей силы, чтобы того достигнуть, а оно ему вовсе не нужно, потому что не ведет к его истинному духовному возрастанию. А обычно даже наоборот — вредит.

У кого, например, дом загорелся, а он занялся копанием огорода или еще чем нибудь, что хотя и полезно, но заниматься этим — не время, когда дом его горит. Так и не знающий себя (а ведь человек в состоянии падения и мрака духовного находится на земле — пока-то исцелеет) не зная, что ему нужно, берется за то, что сам себе выдумает, хотя и выбирает из того, что делали святые, но они делали, что им было нужно — зная себя, а этот, не зная себя, делает что захочет. Вот и разница.

В состоянии падения вообще всякому человеку свойственно думать о себе высоко, так как думает, что все у него исправно, думает же так потому, что видит, что в нем делается.

А раз все исправно, то можно и делать, что выберет себе человек. Так и было бы, если он был бы внутренно здоров, но этого-то и нет. Когда же он лечился, если внутренней своей болезни не видит и не знает, какое лекарство нужно для его болезни?

А болезнь падения такова, что человек поступает во всем по любви к себе, и отсюда действует по пристрастию — так вообще во всех делах жизни, так и в духовном.

Не видя себя, каков он есть на самом деле, он «мнит» о себе, что он хорош и все у него в порядке, потому и, выбрав себе какую понравится цель, стремится к ней изо всей силы, думая, что все дело в том только, чтобы сильнее и упорнее делать, не отступая. Таким образом, он неправильного мнения о себе (что и называют отцы «мнением»), человек по самоугодию и пристрастию действует самочинно и высокомудренно, и отсюда начинается у него «прелесть».

Поэтому нужно человеку хотящему проходить правильную духовную жизнь, прежде всего — познать себя! Конечно, если человек не готов еще, как он может видеть себя? Это принадлежит довольно высокому уже духовному возрасту и сразу, по одному только желанию не появится. Поэтому, слыша у Отцов, что мы «в падении», нужно на это и обратить свое внимание, «наблюдайте за собою» — говорит Господь в Евангелии, подмечать свои неправые дела и слова и даже мысли, и отсюда познавать в себе лично это «падение», а поскольку еще не видим этого ясно и подробно — верить,

что мы испорчены, и много в нас скрывается зла, и его влиянием мы почти всегда руководствуемся в своей жизни. Верить нужно этому и помнить и быть осторожным в своих словах и поступках. Так веруя и исходя во всем из убеждения, что зло скрывается и действует в нас очень сильно, всегда рассчитывая на это, стараться и замечать это в себе, и тогда, убедившись в этом в своей жизни, человек «стоит в истине», смиряется и укоряет себя, отчасти потому, что видит свои неправые дела и мысли, отчасти же, поскольку не видит еще ясно, верует этому.

Тогда не остается в нем «мнения» о себе, ни самочиния и высокомудрия, потому и безопасен он от прелести.

Познавая свои недостатки, человек старается победить их, действует уже соображаясь с этим и противодействуя им, тогда начинается в нем правильная духовная жизнь, далекая от прелести, в смирении, скорби, в борьбе со своим злом и отсюда в истинном преуспеянии духовном, потому что, борясь со своим злом и грехом, он тем угождает Богу, хотящему спасти человека (от чего спасти? — от зла и греха и бывающей от греха муки и смерти), и оказывается тогда человек достойным милости и помощи Божией, и посылается ему благодать, просвещающая человека и врачующая его болезнь падения.

«Бог гордым (мнящим о себе) противится, смиренным же дает благодать». Тогда начинается правильная духовная жизнь, потому что человек узнал свою болезнь, лечится и приближается к выздоровлению, а это и есть правильная духовная жизнь — приближаться к Богу, побеждая свое зло. Тогда и благословение Господне на делах его, и далеко прелесть. «Вся елико аще творит — успеет... ибо в законе Господнем воля его, и в законе Его поучится день и ночь», и, видя в себе нарушение этого закона, борется. За то и благоволит к нему Бог, и помогает.

Так что не столько беды в том, что человек во мраке и падении находится, сколько в том, что он не думает о том, не начинает с веры в это, чтобы замечать в себе проявление кроющегося в нем зла и противодействовать ему, но пребывает неисцельным. И это находим мы во всех писаниях отеческих, что причина зла и греха в самом человеке и покоится на незнании самого себя. «Знай себя», — говорил преподобный Серафим в этом смысле, говорил тем, которые берутся за дела, не соответствующие их внутреннему состоянию. «Прежде всего нужно нам смиренномудрие» — опять на это же, основное, указывается и много подобного у отцов. «Нет иного пути, как самоукорение», а оно опять же от познания себя, от чего смирение и покаяние.

Об освобождении сердца от земной «суеты»

Самый подвиг дела спасения, производящий движение от земли к небу, заключается в том, чтобы сердце оставляло, т. е. отвергало привычное и приятное ему земное — ради Бога, ради будущей жизни. И это происходит по вере, по вере, что будет будущая жизнь, что этого оставления оно и требует, ибо в этом «уход» и заключается.

Почему? Потому что человек живет сердцем, им любит, им прилепляется ко всему, что ему приятно, привычно, на что оно соглашается и принимает. Где сердце — там и весь человек внутренний. *«Идеже бо есть сокровище ваше, тут будет и сердце ваше»* (Мф. 6, 21). А ведь, он то и погибает от греха, в коем грехе и есть прилепление к земному, точнее — к неугодному Богу. И «прилепившийся» к земному уже не прилеплен к Богу, *«не можете, бо служить двум господам»* (Лк. 16, 13). Сердце наше неделимо, — когда любит одно — другое оставляет, привязываясь к земному, не может уже двигаться к небесному.

Рассмотри и виждь, что и во временной, земной жизни человек живет в кругу знакомых ему впечатлений, ощущений, переживаний, одного отвращаясь, к другому стремясь, — чем? — сердцем. Если же сердце возлюбит небесное истинно, т. е. потянется к нему, прилепится сочувствием своим, пожеланием, что и есть свойственное ему дело, тогда только и начинает двигаться к нему действительно. А от того земного круга впечатлений, в котором обычно оно живет и что удерживает его от жизни в небесном, отвращается, потому что не живет уже земными переживаниями, но небесными.

Переживать же небесное и есть «уход» от земного к небу, к ангелам, которые на небе переживают небесное, отсюда и выражение: «небесный человек» и «земный ангел». Живет тогда человек «небесным», «земное» сердцем оставляя. Собственное же дело сердца есть «вкус» к чему нибудь; у спасающегося — к духовному — «духовный вкус» («Путь ко спасению» еп. Феофана).

Итак, обрати внимание, что земное, привычное и приятное удерживает тебя от шествия к вечному, небесному отечеству. Отсюда понятно, в чем сущность «подвига» святых: оставляли (а это сердцем делается) привычное, приятное, заменяя его жизнью будущего века — какая там будет — верою,

«преогорчевая чувства» жестоким житием; сердце бо хочет своего привычного, а человек волею, разумом и верою не позволяет ему этого, но направляет к небесному. Со временем же привычное делается приятным, как говорит еп. Игнатий, тогда и подвигу конец, сердце бо привыкает к духовному и само уже живет им, не нужно принуждать его более. Сердце само удовлетворяется небесным, получив вкус к нему.

Так именно совершается движение к небу «день от дне», когда оставляется сердцем привычное, у каждого свое, а в сущности же очень близкое у всех людей, потому что у всех оно земное, доступное чувствам; устройство бо природы человеческой одно у всех, ибо в том земном все рождаются и к нему привыкают, что и нужно оставлять, идя к вечному.

Потому — внимай сердцу: чем оно живет? в том и нужно охлаждать его; но не просто (бессмысленно), а заменяя предмет его небесным, и — ради Бога, т. е. небесного и вечного, того, что угодно Богу, что приближает к Нему, — на то устремлять сердце, подвигать его. Охлаждать же сердце нужно к привычному земному, обращая внимание к лучшему, в этом заключается движение к вечному.

Вот и «внимай себе» (сердцу), вот и «делание», и отеческое «вырабатывание спасения», вот и молитва Иисусова, с этим она соединяется и обращается в непрестанную «память Божию» и «любовь Божию», что и есть дело непрестанной молитвы Иисусовой. Это и есть «с Богом жить». Когда усиливается внимание к Богу, ко Господу, тогда сердце охлаждается к земному, — это и есть «делание». Когда знаешь, и помнишь, и делаешь это, тогда и делание шествия к небу совершается одновременным — к Богу стремлением (что начинается с памяти о Нем) и сердца охлаждением к земному (удерживающему внутреннего человека от Бога), тогда-то и происходит шествие.

Потому люди и сделались наследниками суеты, что они отпали от небесного и в своем падшем состоянии тянутся к земному, сердце их живет земным. И куда от этого денешься?! Остается или закрыть глаза на это и навсегда жить в земном, или, зная, чем земное кончается, учись жить небесным, вечным.

Но как ты можешь жить небесным, когда сердце твое претворилось чрез падение человека в земное и земным живет? А чтобы исцелить его

и охладить к земному, зажечь же в нем огонь небесный, нужно не оставлять вниманием этого больного сердца, чтобы все земные пристрастия из него вычистить. Поэтому пока не совершится этого очищения, то и не отнимается от человека «суета». Ибо посредством «суеты» и делается возможным лечение пристрастий к земному, она их выявляет. Иначе, т. е. без дел суеты, скроется плен сердца и сделается недоступным к освобождению, а он есть! и сам собою не исчезнет, потому и долго держится суеты, даже до времени очищения сердца от земных пристрастий, лишающих вечности. Пока живешь земным — вечным не живешь, а кто перестанет наслаждаться, начнет блаженствовать.

А человек думает, что случайно попал он в условия суеты, и безразсудно старается отделаться от нее, безрассудно, т. е. не очистившись, не освободившись от плена земного. Ну, освободишься от суеты — дел земных, — а дальше что? Сердце-то ведь привязано пристрастием к земному, значит, и останешься в плену, привязанный к земле, — *«земля и все дела на ней — сгорят»* (2 Петр. 3, 10), а что с прилепившимся к ней будет?! Вот к чему ведет преждевременное освобождение от «суеты»! — к неисцельности и гибели. Да и дела-то земные называются суетою только тогда, когда делаются без памяти Божией, значит, без Него, с забвением, по увлечению ими, о спасении, без делания освободительного, тогда они — суета!

А если под покровом их совершается работа освобождения чрез то делание внутреннее при делах, то они уже не суета, а средство к освобождению из плена земного. А попробуй иначе освободиться, когда сердце твое земляное, а переработать его в небесное нельзя, нет к нему пути, и пребывают в нем цепи.

Но чрез «суету» — *«проникоша вси делающие беззаконие, яко да потребятся в век века»* (Пс. 91, 8), т. е. пристрастия человека делаются очевидными и тогда становятся доступными к искоренению.

Так, и стремясь к безмолвию, знай, что не столько внешние обстоятельства удерживают тебя от него, сколько сокрытое в тебе еще пристрастие к земному, т. е. сердце твое живет еще земным, привычным. Какая же тебе будет при этом польза от безмолвия, от лишения деятельности земной? Так и останешься в плену, неисцельным, потеряв возможность очищаться. Стремления к небесному, которое бы пересиливало в тебе земную жизнь сердца, еще не имеешь, а того, что ведет к этому — очищению от земного, уклоняешься. Пустыня бо сама по себе не очищает страсти, а усыпляет их,

но «сон» их не есть исчезновение, а когда «проснутся» пред лицом соблазна — что будет??

Поэтому знай пользу земных дел («суеты»), когда соединяются они с деланием; и если не дается безмолвие — еще приготовляйся к нему. Приготовление же заключается в очищении, очищение же заключается в видении своих пристрастий и отвержении их от сердца, что совершается во время дел земных; пристрастия бо живут и действуют в делах, и в них бывают достаточно видны, достаточно ясно, оставление же дел тех, ради Бога, ослабляет пристрастия и со временем уничтожает их. То и другое нужно! И чтобы действовали страсти (раз уж они есть), и чтобы отвергать их неудовлетворением, что бывает, когда оставляются, по временам, дела приятные (по вере, ради Бога), сердце отталкивает их. Этим отталкиванием они и ослабевают, чем и совершается очищение сердца.

Очищение бо — очищение страстей есть... как и: «Бог — Бог сердца есть». Во время действия страстей они искореняются, а когда сокрыты и бездействуют, тогда они недоступны искоренению, а пребывают! В делах-то и действуют и проявляются, потому и нужны дела, чтобы искоренять страсти.

Мудрость же в том, чтобы при сильных еще страстях не заходить в область их, она бо глубока, чтобы не потопила (не довела до падения), но нужно столько допускать им проявляться, сколько в силах удержать их, отринуть от сердца. Изволением бо сердца усиливаются страсти — «питаются» изволением, отвержением же их от сердца — исчезают, не имеют бо сущности сами по себе, но «развращенная воля» — причина их проявления и появления. Потому отталкивание сердца и уничтожает их — само дает жизнь или само и отнимает! В этом и смысл «делания» при делах.

Зри и поучение св. Иоанна Златоуста в «Прологе», ноября 15-го: по изволению человеков попускает Бог им, чего хотят — «занеже не изволиша вечныя пищи (сладости, как поясняется негде), ко жизни этой временной привязашася», а эта привязанность и есть изволение сердца к земному, привычному, и услаждение им, так что к небесному, невидимому еще, оно холодно, не стремится к нему, и достигнет ли его когда-либо, при таком холодном к нему отношении?!

СХИАРХИМАНДРИТ СОФРОНИЙ (САХАРОВ)

Мирское имя — Сергей Семенович Сахаров. Мещанин из города Москвы. Имя матери Екатерина. Родился в 1896 году.

Поступил в монастырь св. великомученика Пантелеимона 25 ноября 1925 года, пострижен в рясофор 24 марта 1926 года, в мантию — 5 марта 1927 года, в схиму — по случаю болезни 18 января 1935 года.

Рукоположен в иеродиакона епископом Николаем Жичским 30 апреля 1930 года. Послушание проходил в часовой мастерской, казначействе, библиотеке. Вышел из обители в пустыню на безмолвие 23 апреля 1939 года.

В 1941 году он был рукоположен во иеромонаха и с 15 февраля 1942 года стал духовником монастыря св. Павла на Афоне. С 1943 по 1947 год — член братии Троицкой келлии в Новом Скиту.

После войны по политическим соображениям иеромонах Софроний вместе с группой других русских монахов был выслан с Афона и в 1947 году приехал во Францию, где поступил на четвертый курс Свято-Сергиевского богословского института. Ввиду перехода в клир Западно-Европейского Экзархата Московского Патриархата был исключен из института и начал служить

помощником настоятеля Никольской церкви при Русском старческом доме в Сен-Женевьев-де-Буа (1947–1956).

В 1948 году публикует первое ронеотипное ручное издание книги «Старец Силуан», а в 1952 году в Париже вышло первое типографское издание книги этого труда о Силуане Афонском (через несколько лет было публиковано первое издание этой книги на английском языке).

25 апреля 1954 года был возведен в сан архимандрита, а в 1956 году во Франции на ферме Колара (близ Сен-Женевьев-де-Буа) им была учреждена монашеская община, но основать полноценный монастырь во Франции у него не получается.

4 марта 1959 года он переехал в Великобританию, где основал монастырь Святого Иоанна Предтечи в графстве Эссекс в юрисдикции Константинопольского Патриархата. С 1959 по 1974 год был его первым настоятелем. 1 сентября 1974 года отошел от настоятельства и стал духовником обители.

Скончался 11 июля 1993 года в монастыре Святого Иоанна Предтечи в Эссексе.

В предложенной ниже читателю его книге «Видеть Бога как Он есть» наиболее полно отражен его духовный опыт подвижничества на Афоне.

Видеть Бога как Он есть[54]

Предисловие

Господь заповедал нам не творить ни молитвы, ни милостыни, ни поста, ни иных добрых дел пред людьми, считая сие лицемерным исканием славы от них. Отец наш небесный, «*Который втайне... и видящий тайное*» (Мф. 6, 1–18), не благоволит о таких деяниях. И не только заповедь Божия повелевает скрывать нашу внутреннюю жизнь от посторонних глаз, но и нормальный духовный инстинкт, как некий «категорический императив», запрещает нарушать тайну души, стоящей пред Богом. Молитва покаяния пред Вышним есть самое интимное место нашего духа. Отсюда желание скрываться где-то под землею, чтобы никто тебя не видел, никто не слышал, чтобы все оставалось только между Богом и душою. Так я жил первые десятилетия моего раскаяния

[54] Сайт «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/otechnik/Sofronij_Saharov/videt-boga-kak-on-est/ (дата обращения 15.10.2015).

пред Господом. К тому же мой горький опыт немалое число раз показал, что необходимо убегать и от обращенности на самого себя, иначе мы становимся жертвою духа тщеславия или самодовольства. За эти движения нашего духа мы претерпеваем богооставленность.

Однако с того времени как я был поставлен духовником еще на Святой Горе Афон — более сорока лет тому назад, — разъясняя приходившим ко мне отцам-подвижникам происходившие с ними духовные явления, тем самым давал им возможность догадываться о ниспосланных мне Свыше опытах. И чем дальше продолжалось мое духовническое служение, тем больше становилось обнажение пред братьями моими. Приближаясь к исходу моему в старческом возрасте, подавленный день и ночь телесными немощами, я становлюсь менее уязвимым людскими о мне суждениями. В силу этого я решился на еще большее обнаружение, теперь уже пред многими, того, что ревниво хранил от посторонних глаз доселе.

Мой путь, мои опыты по характеру своему, вероятно, не совсем обычны. Однако своим существенным содержанием они раскрыли для меня трагизм положения миллионов людей, рассеянных по всему лицу Земли. Не исключена возможность, что моя исповедь, вернее — моя духовная автобиография, облегчит хотя бы некоторым из них найти благоприятное решение в постигающих их испытаниях.

Происходившее со мною не было следствием моей инициативы, совсем нет. Но Бог, по Ему единому ведомому Промыслу о нас, благоволил посетить меня и допустить меня прикоснуться к Его Вечности. Его святая рука беспощадно бросала меня ничтожного в неописуемые бездны. «Там» в изумлении до великого ужаса я становился зрителем реальностей, превосходивших мой разум. Об этом я пытаюсь говорить в предлежащих страницах.

Мои опыты не сразу усваивались моим рассудком. Прошли десятилетия, прежде чем они приняли форму моего догматического сознания. До посещения меня Богом я, читая Евангелия или послания Апостолов, не понимал действительно, какая онтологическая реальность скрывается за каждым словом Святого Писания. Сама жизнь показала мне, что вне живого опыта Бога или встречи с властями и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными (Еф.6:12), одна интеллектуальная осведомленность не приводит к тому, что является смыслом веры нашей: знание Бога, сотворившего все сущее. «Знание» — как вхождение в самый Акт Его Вечности: «*Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою*

Иисуса Христа» (Ин. 17, 3). В часы, когда ко мне прикасалась Любовь Божия, я «узнавал» в ней Бога: «*Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем*» (1 Ин. 4, 16). После же посещений Свыше я читал Евангелие с иным, по сравнению с прошлым, сознанием. Я глубоко и благодарно радовался, встречая подтверждение моему опыту. Эти чудные совпадения самых существенных моментов моего сознания Бога с данными Откровения Нового Завета бесконечно дороги моей душе. Они были даром Неба: Сам Бог молился во мне. Но все сие принимало форму «моего состояния».

Я был крещен в самые первые дни моего появления на свет. По чину нашей Церкви — при этом таинстве на все члены моего тела полагалась «печать дара Духа Святого». Не эта ли Печать спасла меня от блужданий по чужим дорогам? Не она ли была причиною многих «чудных совпадений» моих переживаний с духом Евангельского Откровения?

В данной книге я останавливаюсь вниманием на описании части ниспосланных мне опытов. Однако параллельно с этим считаю важным упомянуть, что весь ход моей жизни в Боге привел меня к убеждению, что всякое отклонение нашего умного сознания от правильного разумения Откровения неизбежно отразится в повседневности. Иными словами: истинно праведная жизнь обусловлена верными понятиями о Боге — Святой Троице.

Итак, я вручаю себя с доверием всякому читателю, надеясь, что он расположится помянуть меня в своих молитвах к Отцу нашему, Который на небесах.

Благодать смертной памяти

По истечении более чем пяти десятков лет невозможно мне восстановить в памяти хронологическую последовательность событий моего внутреннего мира. Полет духа в умном пространстве — неуловим, как сказал и сам Господь при беседе с Никодимом: «*Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа*» (Ин. 3, 8). В данное время моя мысль останавливается на некоторых из тех тягостных и отчаянных положений, которые в дальнейшем оказались для меня драгоценным познанием и источником сил для совершения всем нам предлежащего подвига. Испытанное мною, как резцом на камне, начертано на теле моей жизни, и это дает мне возможность говорить о том, что творила со мною десница Божия.

С юных лет мысль о вечности усвоилась моей душе. С одной стороны, это было естественным следствием детской молитвы Живому Богу, к Которому ушли мои деды и прадеды; с другой — дети, с которыми я тогда общался, с наивной серьезностью охотно останавливались раздумьем на сей тайне. Подрастая, я все чаще возвращался к размышлению о бесконечном, о том, что пребывает всегда; особенно в беседах с моим немного младшим меня братом Николаем (1898–1979). Он был мудрее меня, и я многому научился от него. Когда же началась Первая Мировая война (1914–1918), проблема вечности стала доминирующей в моем сознании. Вести о тысячах убиваемых на фронтах неповинных людей поставили меня вплотную пред зрелищем трагической действительности. Невозможно было примириться с тем, что множество молодых жизней насильственно прерывается, и притом с безумной жестокостью. И я сам мог оказаться в их рядах; и моей задачей было бы убивать неведомых мне людей, которые в свою очередь стремились бы возможно скорее покончить со мною. И если волею злых властителей создаются подобные положения вещей, то где смысл нашего явления в мир? И я... зачем я родился? Ведь я только что начал входить в осознание себя человеком: внутри загорался огонь благих желаний, свойственного молодости искания совершенства, порывы к свету всеобъемлющего знания. И все сие отдать? И таким образом! Кому и для чего? Ради каких ценностей?

Я знал по детским моим молитвам, что предшествовавшие поколения ушли в надежде на Бога; но в те дни не было со мною детской веры. Вечен ли я, как и всякий другой человек, или все мы сойдем во мрак небытия? Этот вопрос из прежде спокойного созерцания ума становился подобным неоформленной массе раскаленного металла. В глубоком сердце поселилось странное чувство — «бессмысленности всех стяжаний на земле». Что-то совсем новое, непохожее было в нем.

Внешне я все же был спокоен; часто весело смеялся; жил, как все вообще живут. Мирным образом что-то совершалось в сердце, и ум, всего совлекаясь, заключался вниманием внутрь. По необъятным просторам моей страны проходил гигантский плуг, вырывая корни прошлого. Все были подняты на ноги; повсюду напряжение, превышавшее силы людские. Больше того: во всем мире возникали события, полагавшие начало новой эре в истории человечества, но мой дух не останавливался на них. Многое рушилось вокруг меня, но мое внутреннее крушение было более интенсивным, чтобы не сказать — более важным моментом для меня.

Почему так? Я не мог в те дни мыслить логически. Мысли мои рождались внутри, исходили из состояния духа. Если я умираю действительно, т. е. погружаюсь в «ничто», то и все другие, подобные мне люди также бесследно исчезают. Итак, все суета; подлинная жизнь нам не дана. Все мировые события не больше, чем злая насмешка над человеком.

Страдания моего духа были вызваны внешними катастрофами, и я, естественно, отождествлял их (катастрофы) с моей личной судьбой: мое умирание принимало характер исчезновения всего, что я познал, с чем я бытийно связан. И это уже независимо от войны. Моя неизбежная смерть не была лишь как нечто бесконечно малое: «одним меньше». Нет. Во мне, со мною умирает все то, что было охвачено моим сознанием: близкие люди, их страдания и любовь, весь исторический прогресс, вся Земля вообще, и солнце, и звезды, и беспредельное пространство; и даже Сам Творец Мира, и Тот умирает во мне; все вообще Бытие поглощается тьмою забвения. Так тогда я воспринимал мою смерть. Овладевший мною Дух отрывал меня от Земли, и я был брошен в некую мрачную область, где нет времени.

Вечное «забвение», как угасание света сознания, наводило на меня ужас. Это состояние сокрушало меня; владело мной против моей воли. Совершавшееся вокруг меня навязчиво напоминало о неизбежности конца всемирной истории. Видение бездны становилось всегда присущим, лишь по временам давая мне некоторый покой. Память о смерти, постепенно возрастая, достигла такой силы, что мир, весь наш мир воспринимался мною подобным некоему миражу, всегда готовому исчезнуть в вечных провалах небытийной пустоты.

Реальность иного порядка, неземного, непонятного, овладевала мною, несмотря на мои попытки уклониться от нее. Я помню себя отлично: я был в житейской повседневности, как все другие люди, но моментами я не ощущал под собою земли. Я видел ее моими глазами как обычно, тогда как в духе я носился над бездонной пропастью. К этому явлению затем присоединилось другое, не менее тягостное: предо мною мысленно возникла преграда, которую я ощутил как свинцовую толстую стену. Ни один луч света, умного света, не физического, как и стена не была материальною, не проникал чрез нее. Долгое время она стояла предо мною, угнетая меня.

Независимо от всего внешнего: войны или болезней и подобных им бедствий, сознавать себя приговоренным к смерти в какой-то день было для меня несносной мукою. И вот, без того, чтобы я размышлял о чем-либо, вдруг

в сердце вошла мысль: если человек может так глубоко страдать, то он велик по природе своей. Тот факт, что с его смертью умирает весь мир и даже Бог, возможен не иначе, как если он сам по себе является в некотором смысле центром всего мироздания. И в глазах Бога, конечно, он драгоценнее всех прочих тварных вещей.

Господь знает мою благодарность к Нему за то, что Он не пощадил меня «и не отступил, все творя, доколе не возвел меня» до видения Царства, пусть еще «отчасти» (начало Литургического канона Иоанна Златоустого и 1 Кор.13, 12). О, ужасы этого благословенного времени! Никто не в силах добровольно пойти на эти испытания. Вспоминаю сейчас того космонавта, который отчаянно взывал к земле спасти его от смерти в пространстве; радио уловило его стоны, но не было ни у кого средств прийти ему на помощь. Думаю, что позволительно до некоторой степени провести параллель между тем, что переживал бедный космонавт, с тем, что испытывал я в моменты падения в мрачную бездну. Но мой дух обращался не к земле, а к Тому, Кого я еще не знал, но в Бытии Которого я был уверен. Я не ведал Его, но Он был как-то со мною, обладая вполне средствами для моего спасения. Он наполняет Собою все, но от меня Он скрывался, и я видел смерть не по телу, не в ее земных формах, но в вечности.

Так, «под знаком минуса» раскрывалось во мне глубинное Бытие. Материальный мир терял свою консистенцию, время же — протяженность. Я томился, не разумея совершавшегося во мне. В то время я еще не имел никакого понятия об учении Отцов Церкви, об их опытах. Вследствие столь существенного пробела в моих познаниях я увлекся мистической философией нехристианского Востока. В моем безумстве я предполагал найти в ней исход из ямы, в которую я погружался. Не мало драгоценного времени я потерял из-за этого. Впрочем, много лет спустя, претерпев не однажды отступление от меня благодати за тщеславные помыслы, я иногда думал: великое горе — духовное невежество; но в моем случае именно неосведомленность сделала возможным для меня носить в течение долгих лет излившийся в изобилии на меня дар Бога моего: благодать «смертной памяти», которую весьма высоко ценят Святые Отцы. Действительно: когда я встретился с писаниями святых аскетов, воспевавших высоту сего дара, то оказался в опасности утерять усвоившееся мне сознание моего ничтожества.

В том периоде жизни, незабываемом, но совсем не простом и нелегком, я был испытан не раз страшными помыслами: гнева на Создавшего меня.

Измученный непониманием происходящего со мною — я вступал в борьбу с Богом; я мыслил о Нем как о Враждебном Властелине: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал» (Пушкин). У всех людей единый природный корень, и поэтому я переносил мои личные состояния на всех. Мой умишко «бунтовал» во имя всех поруганных ненужным даром этой жизни, и я сожалел, что нет у меня такого меча, которым можно было бы рассечь *«проклятую землю»* (Быт. 3, 17) и тем положить конец отвратительному абсурду... Немало и других идиотских идей приходило мне на ум, но эти две, кажется, были самыми крайними. К счастью, этого рода горечь никогда не проникала глубоко в сердце: там место было занято. Недоведомо где-то в духе оставалась надежда, шедшая дальше всех пароксизмов отчаяния: Всемогущий не может быть иначе, как «благ». Если бы не так, то откуда у меня идея Благого Существа? И мой внутренний слух сосредотачивался на чем-то неосязаемом и вместе реальном.

Никогда не смогу воплотить в слова своеобразного богатства тех дней, когда Господь, не внимая моим протестам, взял меня в Свои крепкие руки и точно с гневом бросил в беспредельность созданного Им мира. Что скажу? Суровым образом, но Он открыл мне горизонты иного Бытия. Мои страдальческие перипетии были подлинно «хождением по мукам».

Война с Германией приближалась к печальному для России концу. За несколько месяцев до сего развязалась уже другая, гражданская, во многих отношениях более тяжкая, чем международная. Видение трагизма человеческого бывания как бы срасталось с моей душой, и смертная память не покидала меня, где бы я ни был. Я был расколот странным образом: мой дух жил в той таинственной сфере, для которой я не нахожу выражения словом, рассудок же и душевность жили, казалось, своей привычной повседневностью, т. е. подобно всем прочим людям.

Я торопился жить: боялся потерять каждый час, стремился приобрести максимум познания не только в области моего искусства, но и вообще; много работал как живописец в моем ателье, просторном и спокойном, сделал целый ряд путешествий по России, по Европе; месяцами жил в Италии и Германии, затем более оседло во Франции. Встречался со многими лицами, главным образом причастными к искусству, но никогда никому не сказал я ни слова о моей «параллельной» жизни в духе: ничто изнутри не толкало меня на такую откровенность. Совершавшееся во мне происходило от какого-то

начала, высшего меня, помимо моей воли, не по моей инициативе: я не понимал происходившего, и, однако, оно было свято для меня.

Красота видимого мира, сочетаясь с чудом возникновения самого видения, влекла меня. Но за видимою действительностью я стремился ощутить невидимую, вневременную, в моей художественной работе, дававшей мне моменты тонкого наслаждения. Однако настало время, когда усилившаяся смертная память вступила в решительную схватку с моей страстью художника. Тяжба была ни короткою, ни легкою. Я же был как бы полем борьбы, двуплановой: благодать смертной памяти не снижалась до земли, но звала в возвышенные сферы; искусство же изощрялось представить себя как нечто высокое, трансцендирующее земной план; в своих лучших достижениях дающее прикоснуться к вечности. Напрасны были все потуги: неравенство было слишком очевидным, и в конце концов победила молитва. Я чувствовал себя удержанным между временной формой бывания и вечностью. Последняя в то время была обращена ко мне своей «отрицательной» стороной: смерть обволакивала все.

Невозможно поведать здесь о всех формах, в которых созерцаемое мною угасание всякой жизни проявляло себя внутри моего духа. Ярко помню одно из наиболее характерных для тех дней: «Читаю, сидя за столом; подопру голову рукою, и вдруг — ощущаю череп в моей руке, и я мысленно смотрю на него извне. Физически я был еще молод и нормально здоров. Не понимая природы происходящего со мною, я пробовал освободиться от переживаний, нарушавших мирный ход моей работы. Я спокойно говорил себе: "Предо мною еще целая жизнь; быть может, сорок или даже более лет, полных энергии..." И что же? Внезапно приходил ответ, не мною обдуманный: "Если и тысячу лет... а потом что?" И тысяча лет в моем сознании кончалась прежде, чем была оформлена мысль».

Все, что подлежало тлению, обесценивалось для меня. Когда я смотрел на людей, то прежде всякой мысли я видел их во власти смерти, умирающими, и сердце мое наполнялось состраданием к ним. Я не хотел ни славы от «мертвых», ни власти над ними; я не ждал, чтобы они меня любили. Я презирал материальное богатство и невысоко ценил интеллектуальное, не дававшее мне ответа на искомое мною. Если бы мне предложили века счастливой жизни, я не принял бы их. Мой дух нуждался в вечности, и вечность, как я понял позднее, стояла предо мною, действительно перерождая меня. Я был слепой, без

разума. Она, вечность, стучалась в двери моей души, замкнувшейся от страха в самой себе (Откр. 3,18–20).

О, я страдал, но исхода не было нигде, кроме возродившейся во мне молитвы; молитвы к еще Неведомому, вернее, Забытому мною. Пламенная молитва захватила меня в свои недра и в течение многих лет не покидала меня ни наяву, ни во сне. Длительным было мое мучение. Я был доведен до истощания всех моих сил. Тогда, совсем нежданно для меня, некая тонкая игла как бы проткнула толщу свинцовой стены, и чрез создавшийся волосной канал проник луч Света.

Больной часто не знает, от какого недуга страдает он, и говорит врачу о своих субъективных ощущениях, ожидая узнать объективный диагноз. Так я просто излагаю «субъективную» историю пережитого мною опыта.

У Отцов Церкви я нашел учение о сей форме благодати. «Смертная память» есть особое состояние нашего духа, совсем не похожее на всем нам свойственное знание, что в какой-то день мы умрем. Она, сия дивная память, выводит дух наш из земного притяжения. Будучи силою, Свыше сходящею, она и нас поставляет выше земных страстей, освобождает от власти над нами временных похотей и привязанностей и тем делает нас естественно свято живущими. Хоть и в негативной форме, она, однако, плотно прижимает нас к Вечному.

Память смертная дает нам опыт бесстрастия, но еще не того положительного, которое проявляется как полновластие любви Божией; не имеет она и чисто отрицательного характера, т. е. как противоположение любви. Она пресекает действие страстей и тем полагает начало коренной перемене всей нашей жизнедеятельности и характера восприятия всех вещей. Тот факт, что она дает переживать смерть нашу как конец всего мироздания, подтверждает данное нам Откровение о том, что человек есть образ Бога, и как таковой он способен вместить в себя и Бога, и сотворенный космос. И это есть начало конкретизации в нас ипостасного принципа. Сей опыт приготовляет наш дух к более реальному восприятию христианского Откровения и тому богословию, в основе которого лежит опыт иного бытия.

Когда силою смертной памяти все мое существо было переведено в план вечности, тогда, естественно, пришел конец моей детской забаве — занятию искусством, владевшим мною как рабом. Скорбен и узок путь нашей веры: все тело жизни нашей покрывается ранами на всех уровнях, когда страдальческий ум умолкает в состоянии интенсивного пребывания вне времени.

Выпадая из сего бытийного созерцания, мы обретаем в глубине сердца уже готовые мысли, не нами изобретенные; в тех мыслях заключено предвосхищение дальнейших откровений о Боге. Сей благодатный дар не может быть описан нашими будничными словами. Опыт показывает, что ассимилируется он, дар, не иначе, как в длительном процессе всестороннего «истощания». Тогда, как бы уже сверх всяких ожиданий, приходит исцеляющий все раны Несозданный Свет. В сиянии этого Света пройденный «тесный» путь предстает как уподобление Истощанию Христа, чрез которое и нам даруется усыновление Богу-Отцу.

По мере того как нам открывается Абсолютное Бытие, мы все напряженнее ощущаем свое ничтожество и нечистоту. И это жутко. Однако я сожалею, что в последней старости моей сила благословенного состояния умалилась во мне. Господь дал мне жить в потоках Его милости, но я ничего не понимал: у Него все по-особенному. Но Он не оставил меня до конца во тьме: Он привел меня к ногам Блаженного Силуана, и я увидел, что весь мой предварительный опыт приготовил меня к пониманию его, Силуана, учения.

Да будет Имя Господне благословенно во веки веков.

О Страхе Божием

Страх Божий есть следствие духовного озарения человека. Его природа неизъяснима психологией. В нем, страхе этом, нет ничего общего с животным. Есть много степеней и форм его, но мы сейчас остановимся на одной из них, наиболее действенной для спасения нашего: «ужас» оказаться недостойным Бога, открывшегося нам во Свете незаходимом (Мф.10, 37–38). Охваченные сим святым страхом — освобождаются от всякого иного земного страха. Отцы наши, бестрепетные служители Духа, удалялись в пустыни и жили (да и теперь есть таковые) среди диких зверей и ядовитых змей, в условиях суровой природы и столь крайней нищеты, что идет дальше воображения современных людей. И это ради свободы предаться плачу в сознании своей далекости от Бога Возлюбленного.

Не всем доступно понять, почему духовные мужи, презревшие все, что есть в мире сем, рыдают не меньше, и даже более, чем женщины-матери над гробами дорогих сердцам их сыновей. Они, отшельники, плачут при созерцании внутри себя темной бездны: глубоки корни «познания зла», вырвать которые невозможно своею силою. Непознавшим сего состояния духа нашего

сие останется навсегда непонятным. Не потому скрывается от посторонних глаз тайна эта, что у Бога есть лицеприятие, но потому, что благодать сия доверяется лишь тем, кто сам доверяет себя Богу-Христу. И сия благодать есть также дар любви Божией, без которой слезы не потекут.

От любви Божественной рождается святое дерзновение. Так малая горсть Апостолов, прежде малодушных, после сошествия на них Духа Святого исполненные мужества пошли на духовную брань со всем прочим миром. Едва ли не все они приняли мученическую кончину. Дивные слова сказал Апостол Андрей игемону в Патрах, грозившему его распять: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедывал». И он был распят, и, вися на кресте, прославлял крестную смерть Владыки Христа.

Дары Духа Святого — бесценны. Всякий истинный дар есть не что иное, как пламя любви. Но для расширения сердца нашего до способности воспринять любовь Христову в ее ярких проявлениях необходимо всем без исключения пройти чрез многие испытания. Живущие в плотском покое атрофируются духовно и пребывают закрытыми для любви Божественной, универсальной, христоподобной. Таковые живут и умирают без того, чтобы дух их восходил к Небу. Между дарованиями Свыше и подвигом веры существует некоторая соразмерность: все, идущие путем заповедей Христа, в самом следовании Ему перерождаются: одни более, другие менее, в зависимости от проявленного усердия их. Чрез со-распятие воплощенному Богу-Слову нисходит на верующего благодать, уподобляющая человека Богочеловеку. Сей великий дар включает в себя и богословие живоносное чрез реальное пребывание во Свете любви.

Благодать покаяния дается тем, кто полною верою принимает слово Христа о том, что если мы не уверуем в Его, Христа, Божество и абсолютную истинность всего, заповеданного Им, то тайна греха не раскроется для нас в своей онтологической глубине и мы «*умрем во грехах наших*» (Ин. 8, 21, 24).

Самое понятие греха наличествует лишь там, где отношения между Богом-Абсолютом и человеком-тварью принимают характер чисто личный. Иначе остается только интеллектуальное представление о той или иной ступени совершенства формы существования. Грех всегда есть преступление против любви Отчей. Он проявляется как удаление наше от Бога и в склонении воли нашей к страстям. Покаяние всегда связано с воздержанием от греховных влечений. И вне христианства ведется борьба с некоторыми страстями; и в гуманизме наблюдается преодоление тех или иных пороков; но поскольку

отсутствует ведение о глубинной сущности греха — гордости, постольку сей злой корень остается непреодоленным, и трагизм истории не перестает нарастать.

Святые отцы говорят: одно смирение может спасти человека и одной гордости достаточно, чтобы свести в адскую тьму. Победа же над всем комплексом страстей означает обретение богоподобного бытия. Все страсти непременно облечены в некоторую форму, видимую или мысленную, воображаемую. В горячей покаянной молитве дух христианина совлекается представлений видимых вещей и рассудочных понятий. Совлечение ума от всех зрительных и мысленных форм практикуется и в других аскетических культурах. Однако в самом «мраке совлечения» душа не встречает Живого Бога, если молитва совершается без должного сознания греха и искреннего покаяния. Возможно все-таки испытывать некий отдых — покой от калейдоскопического хода обыденной жизни.

От великой печали о потерянном Боге душа естественно обнажается от материальных и мысленных образов, и ум-дух приближается к той грани, за которою может явиться Свет. Но и эта грань может остаться непройденною, если ум обратится на себя. Не исключены при этой обращенности на самого себя случаи, когда ум увидит себя подобным свету. Важно знать, что сей свет свойствен нашему уму, так как он создан по образу Бога, открывшегося нам как Свет, в котором нет ни единой тьмы (1Ин.1, 5). Так совершается переход к иной форме мышления, к иному роду разумения, высшему по сравнению с научным эмпирическим знанием. Совлекшийся в порыве покаяния всего преходящего — дух наш как бы с некоей вершины видит относительность и условность всех наших практических сведений. И опять, и опять: Бог истинно переживается или как Огонь очищающий, или как Свет озаряющий.

«*Начало премудрости — страх Господень*» (Пс.110,10). Страх сей нисходит на нас Свыше. Он, страх, есть духовное чувство, прежде всего Бога и затем нас самих. Мы живем в состоянии страха в силу живого присутствия Бога Живого при сознании нашей нечистоты. Действие сего страха таково: он ставит нас пред Лицом Бога, чтобы быть судимыми от Него; мы же пали так низко, что скорбь наша за нас самих становится глубинным страданием, более тяжким, чем мука видеть себя во тьме неведения, в параличе нечувствия, в рабстве страстям. Страх сей есть пробуждение наше от векового сна в грехе. Он же несет нам свет разумения: с одной стороны, нашего гибельного состояния, с другой — ощущение святости Бога.

Удивительна природа сего блаженного страха: вне его действия, очистительного конечно, не откроется нам путь к совершенной любви Божией. Сам Он есть не только начало премудрости, но и любви. Он и потрясает душу нашу видением нас самих, как мы есть, и привязывает нас к Богу сильным желанием быть с Ним. Страх порождает изумление пред открывающимся нам Богом. Сознавать себя недостойным «такого» Бога, вот в чем ужас. Быть вечно в том адском мраке, сущность которого мы узреваем при еще невидимом нами, но дающем нам «видеть» Свете нетварном, вызывает томительную жажду вырваться из гнетущих объятий нашего падения, войти в сферу Света невечернего, к Богу любви святой.

Только чрез веру в Бога-Христа получаем мы подлинный критерий о реальностях нетварного и тварного миров. Но для этого нам необходимо все наше бытие: и временное, и вечное — строить на незыблемом камне заповедей Христа. Весьма многие ходят в рукотворенные храмы на молитву, но вовсе не так много таких, которые находят «узкий путь», ведущий в нерукотворенную скинию небес (Мф. 7, 14).

В начале нашего покаяния мы ничего, кажется, не видим, кроме нашего внутреннего ада, но странным образом незримый еще нами Свет проникает уже внутрь как живое ощущение присутствия Бога. Если мы крепко, обеими руками, будем держать край ризы Господней, то чудо нашего роста в Боге будет все усиливаться, и нам начнет открываться дивный облик Иисуса и с Ним — созерцание, какими мы, люди, были замыслены Творцом прежде создания мира. Чтобы в силу сказанного богатства дарований не вознеслось сердце человека, ему дается Промыслом идти крутым подъемом к сему познанию, истомляющим и ум, и душу, и тело.

По временам Бог отнимает от подвижника Свою руку, и чуждый дух улучает минуты, когда он сможет колебать наше сердце и мысль. Отсюда у нас никогда нет совершенной обеспеченности, и мы даже при великих излияниях на нас милости возлюбленного Бога не «возносимся». Вот и Апостол Павел о том же говорит в своем послании к Коринфянам: *«И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился»* (2 Кор.12, 7). Так было в начале христианства, так будет и до конца истории мира сего.

Неописуемы дары нашего Бога. И как возможно человеку не возгордиться пред братьями своими? Да, при содействии той же Божественной силы осуществимо сие, ибо Сам Бог есть Смирение.

О покаянии

Отец наш *«обитает в неприступном свете»* (1 Тим. 6, 16). Он неизменно пребывает великой тайной для нас. И это даже тогда, когда мы преисполнены близостью Его. Но и Человек, созданный по подобию Всевышнему, тоже есть тайна сокровенная. И в отношении к нему не должно умаляться желание все более глубокого познания о нем, о величии его призвания «от сложения мира».

Бог есть Абсолютное Бытие, Начало всех начал. Он открылся нам как «Аз Есмь», как Лицо — Ипостась — Персона. Ныне мы познаем Его чрез Сына Единосущного, явившего нам Отца: *«Бога не видел никто никогда; единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил»* (Ин.1, 18). Мы знаем Отца также и Духом Святым: *«Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во Имя Мое, научит вас»* (Ин.14, 26). И сие живое знание освободило нас от всех абсурдов интеллектуального взлета к Сверх-персональному Абсолюту, к Чистому Бытию, трансцендирующему все сущее, собственно уже «небытию».

Собезначальный Отцу и Духу — воплощенный Логос начал Свою миссию призывом к падшим: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф.4,17). Он дал нам познание и об Отце, и о Духе Святом. И Сии два свидетельствовали о Нем. Он же показал нам и незаблудный путь ко Отцу.

В конце моей жизни я хотел бы воспеть достойный гимн данной Им нам благодати покаяния... Воспользуюсь для сего вдохновенными словами древнего псалмопевца.

Боже мой, Боже мой! Велики и чудны дела Твои. Ты, Святой, живешь во Свете неприступном.

«На Тебя уповали отцы мои, и Ты избавлял их;

К Тебе взывали они, и Ты спасал их,

Я же червь, а не человек,

Поношение у людей и презрение в народе; Но ты извел меня из чрева;

И Ты Бог мой от чрева матери моей.

Не удаляйся от меня, и я буду возвещать Имя Твое братьям моим: «Боящиеся Господа, восхвалите Его, Ибо Он не презрел скорби моей и не отверг моления моего.

Я взыскал Его, и Он не скрыл Лица Своего от меня. И ныне о Нем хвала моя в Собрании Великом» (Пс. 21).

«Не вем, в теле или вне тела» (2 Кор.12, 2). Именно так бывает с кающимся горячо. Сокрушенный дух человека в смертельной жажде спасающего Бога влечется к Нему всем существом. И сам он не знает, когда и как произошло с ним изменение, но забывает он вещественный мир и самое тело свое. Пребывает же при этом самим собою, как лицо-персона, возможно сказать — сильно, ярко, как никогда в нормальном житейском состоянии. Живет себя как бы бестелесный дух. В такие моменты благословения Свыше дается ему познание об иной форме бытия, уже неразрушимого.

Случалось: мой дух сознавал себя в некоей беспредельности, которая странным образом прозрачна, хотя и не видится свет как таковой. Не нахожу определения той бездонной сфере. Мой дух бывал всецело поглощен молитвою: ничего, кроме Бога, я не видел, не знал.

Великий Апостол Павел писал к Коринфянам, что он был *«восхищен в рай и слышал неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать»* (2 Кор. 12, 4). Что имел он в виду, говоря о данном ему высшем познании как о «глаголах»? Были ли те глаголы — наши человеческие слова или факты того духовного неба, куда он был «восхищен»? Не вполне раскрыл он в своем повествовании о сем бытии.

Мне приходит дерзкая мысль: Павла не оставляла память, что он *«гнал церковь Божию»* (1 Кор. 15, 9); что он был хулителем и обидчиком, и в предельном напряжении раскаяния о всем этом был он *«восхищен до третьего неба»*. Хочу сказать: сам я переживал мое отпадение от Христа как нестерпимо гнусное преступление против Его любви. Я знал сию любовь в раннем детстве: Он давал мне жить ее. Чрез сокрушение о моем безумстве пребывал я в молитве, вырывавшей меня из всего тварного в иной мир. Когда мы действительно осознаем наш внутренний мрак, когда нам открывается инфернальная сущность греха, тогда мы становимся восприимчивыми к действиям благодати: будет ли то озарение нетварным Светом или иного рода восхищение, познание, откровение.

Отцы говорили, что ощутить свой грех — есть великий дар Неба, больший, чем видение Ангелов. И я немалый срок был слеп духовно: я не видел греха в моем отходе от моего детского Бога. Я *«поступал по неведению»* (1 Тим. 1, 13). Я полагал, что я восходил дальше-выше Евангелия; покидал последнее без неприязни, рассудочно, как не дающее мне высшего познания.

Уразуметь сущность греха мы можем не иначе, как через веру во Христа-Бога, воздействием в нас Света нетварного (Ин. 8, 24).

В человеке, взятом как недетерминированная персона, как дух, наделенный как дух свободою самоопределения, наличествует возможность увидеть некую безусловность, «божественность», как бы не требующую иного Бога. Он может признавать себя родственным, даже единосущным Перво-Бытию; решиться на акт самообожения: возвратиться к своему первоначальному бытию. Я жил в этом заблуждении в моей молодости под влиянием книг об индийской мистике и в силу встреч с людьми из тех стран, где тысячелетиями культивируется сей род мистики. Выйти из этой аберрации — совсем не просто: пред вами всегда может встать вопрос о вашем якобы еще недостаточном совлечении всего, что есть в космическом бытии. В стремлении к совершенству нужно преодолеть в нас принцип персональности, как временной формы бывания, вносящей ограничения во все проявления наши. Словом, волею идти на распад или умирание человеческой личности в неименуемом океане Чистого Бытия Сверхперсонального Абсолюта.

Я не смог избежать вопроса: кто же познает? кто самоопределяется? И другой вопрос: если я исшел из безначального принципа, то как могла произойти столь глубокая деградация моего бытия? Почему теперь я с таким трудом ищу развода с плотью, чтобы снова стать тем, чем я всегда был и в порядке отвлеченного умственного видения — не перестаю быть?

Медитации приводили к покою от рассеянности заботами земной жизни, давали мне часы интеллектуального наслаждения, возносили меня в мнимые духовные сферы, поставляли меня выше окружающей меня среды. Философски я не мог мыслить Абсолютное Начало — персональным. Причиною тому было отчасти мое следование общему заблуждению тех кругов, в которых я вращался: смешение понятия персоны с понятием индивидуума, тогда как философски они диаметрально противоположны. Ребенком я был научен молиться Бессмертному Отцу Небесному, к Которому ушли все мои деды и прадеды. Тогда, в детской вере (Мф. 18, 3; Лк. 18, 17), Персона и Вечность легко сочетались. Итак, с младенческого возраста воспринятый мною христианский персонализм в какой-то момент стал самым существенным вопросом: Бытие, абсолютное, может ли быть персональным? Мой искренний «восточный» опыт носил, скорее, интеллектуальную — оторванную от сердца — форму: аскеза умного совлечения со всего относительного. Постепенно

я убеждался, что стою на неправильном пути: ухожу от истинного реального Бытия в не-бытие.

Этот период был чрезвычайно напряженным: состояние ума было подобным малой ладье в темную ночь на волнах — то он, ум, восходил на вершину некоей волны, то снова другою бывал брошен вниз с гневом. Но Тот, Кого я оставил как бы «за ненадобностью», не отвратился от меня до конца и Сам искал случая явиться мне: Он вдруг поставил предо мною текст Библейского, Синайского Откровения: «*Аз есмь сущий*» (Исх. 3, 14). «Бытие» — это «Я», Бог, Абсолютный Владыка всех звездных миров — «персональный — Аз есмь».

С этим Именем открылись для меня дали, убегающие в недосягаемость. Не в порядке отвлеченного мышления, но бытийно сей Личный Бог стал для меня очевидностью, которую я жил всем моим существом. Весь строй моей духовной жизни преобразился — мой дух еще не до конца ясно, но знал куда стремиться: Свет полярной звезды достигал моего зрения, а мой ум мог восходить до нее. Да, сей Бог страшно далек, но достижим для духа нашего. Быть богом вне сего Единственного Истинного — безумие, худшее всех прочих форм безумия. И я предался отчаянному плачу, горькому, жгучему, осознав ужас моего падения: Господь даровал мне благодатное отчаяние. И когда я оплакивал себя глубоким плачем, не смея возвести мысли моей к Нему, Он явился мне во Свете Своем. Так положил Он начало моей новой жизни, породив меня в слезах покаяния. Все, что было раньше притягательным для меня в мире сем, утеряло прелесть свою, и, ни о чем более другом не думая, я погрузился в молитву. Не скажу, что борьба за мое освобождение от всего, чему я предавался страстно, была легкою; ни даже краткою. Особенно тяжко переживался отрыв от живописи.

Благодать покаяния есть восхищение души к Богу, увлеченной явлением Света. Он, сей Свет, вначале еще никак не видим, но от теплоты Его смягчается сердце. Душа в разрыве: с одной стороны, ужас видеть себя как я есмь; с другой — прилив неведомой ранее силы от узрения Живого Бога. Странным образом внутри при этом превалировало отчаяние за самого себя настолько, что даже когда Он был со мною и во мне, я не мог прекратить плача о моем грехе, который предстал во мне в своей метафизической сущности превосходящим все видимые преступления. Сильное желание порвать со всем прежним принимало форму ненависти к себе в моем прошлом. Положительная сторона отталкивания от моих страстей была в том, что оно являлось в то же время актом становления моего в открывшемся мне Боге.

От напряжения святой ненависти к себе молитва черпает могучую энергию и становится подобною бурному пламени. Дух тогда живет и свою смерть, и мрак, и надежду на Бога Спасителя. Нет сомнений для меня: сила моей молитвы была не моею — она исходила от Бога. Она, молитва, истомляла меня до полного изнеможения всего моего психофизического состава. И бывало, приходил чудный мир в душу, и атмосфера иной жизни нежно обнимала меня, принося ощущение присутствия Бога, возлюбившего свою умную тварь.

Болезнен подвиг совлечения страстей, препятствующих пришествию Света. Многовековой опыт святых аскетов показал с неопровержимой достоверностью, что гордость есть главное препятствие для озарения нас Духом Святым. В той молитве, которую давал мне Господь, когда я ощущал себя до конца истощенным во всех планах моего существа, я тогда, по-видимому, приближался к заповеданному смирению, ибо тогда раскрывалась моему духу светоносная сфера. И не было противостояния между моим духовным состоянием и действием Бога во мне. Смирение Бога — непостижимо, оно безотносительное: в нем нет сравнения себя ни с кем, оно есть атрибут Божественной Любви, отдающей себя вне всякой меры.

В молитвенном подвиге предшествовавших нам поколений, да и в Писании Святом, Богу даются имена по характеру Его, по Его отношению к нам, по Его проявлениям: Бог есть Свет, Бог есть Истина, Любовь, Милосердие и множество других. Я дерзаю добавить: Бог есть смирение. Ничто нечистое, т. е. гордое, не прикасается к Нему. Гордость есть мерзкая тьма, антипод Божественного Блага; гордость есть принцип зла, корень всех трагедий, сеятель вражды, губитель мира, противник богоустановленного порядка; в ней — сущность ада.

Гордость есть та *«тьма кромешная»*, пребывая в которой человек отрывается от Бога любви. *«Люди... возлюбили тьму»* (Ин. 3, 19). Спасение от сего ада возможно не иначе, как чрез покаяние.

«Покаяние» есть бесценный дар человечеству. Покаяние есть чудо Божие, воссоздающее нас после падения. Покаяние есть излияние божественного вдохновения на нас, силою которого мы возносимся к Богу, Отцу нашему, для вечной жизни во Свете Его любви. Чрез покаяние совершается наше обожение. Сие событие неизъяснимо велико. И дар сей стал возможен чрез Гефсиманскую молитву Христа, чрез Его смерть на Голгофе и Его Воскресение (Лк. 24, 45–47).

Гордость есть та мрачная бездна, в которую погрузился человек в своем падении. Склонившись к ней волею, он ослеп духовно и стал неспособным распознавать ее присутствие в движениях сердца и ума. Только нисходящий на нас нетварный Свет чрез веру в Божество Иисуса Христа дает узреть метафизическую сущность гордости. Благодать Духа Святого просвещает сердце человека, и он обнаруживает внутри себя наличие злокачественной опухоли, несущей ему смерть. Пережившим опыт Божественной любви свойственно отталкиваться от специфического ядоносного запаха, которым пропитана страсть гордости. Отрывая от Бога, гордость делает человека замкнутым в себе кругом. Гордый, как бы ни был одарен интеллектуально, всегда и навсегда пребудет вне всеобъемлющей любви Христа. Опьяненный в раю сладостным зельем люциферического самообожения, человек обезумел и стал пленником ада. Обращенный к самому себе как к центру, он рано или поздно натолкнется на томительную пустоту, ту, из которой он вызван Творцом к жизни сей. Обратившись вне себя на искание компенсации в окружающем его мире, он претерпевает всяческие извращения, может стать способным на всякие преступления.

Неисчислимы формы выявления гордости, но все они искажают образ Божий в человеке. Вне Христа, без Христа — неразрешим трагизм земной истории человечества. Атмосфера земли пресыщена запахом крови. Каждый день вселенная питается вестями об убийствах или об истязаниях побежденных в братоубийственных конфликтах. Мрачные тучи ненависти скрывают от взоров наших небесный Свет. Сами люди строят свой ад. Не без нашего тотального изменения чрез покаяние придет избавление миру: «избавление» от страшнейшего из всех проклятий — войн. Для смиренного носителя любви предпочтительнее быть убитым, чем убивать.

Дух наш бывает в состоянии благодарного восторга, когда открывается нам Святая Тайна, превосходящая тварный ум: Бог Живой, Которому можно говорить «Ты». Его величие нас пугает; Его смирение нас поражает. И сколько бы мы ни восходили в нашем влечении к Нему всей силой нашего существа, мы с радостью ощущаем процесс восхождения, но вместе с тем представляется Он все более недостижимым. И бывает, что мы изнемогаем, нас охватывает некое отчаяние, мы видим себя готовыми пасть, — и вдруг Он, уже нежданный, с нами и обнимает нас любовно. Бог удивительно странный. Душа намеревается спросить Его: Где же Ты был, когда мне было так тяжело? Но не может выговорить своего вопроса, видя Его с собою. Смысл

богооставленности — показать нам, что мы еще не готовы, что путь еще не до конца пройден, что нам надлежит пройти через подвиг более полного истощания, испивать чашу, которую Он испил (Мф. 20, 22). Итак, в благоговейном страхе и в свете крепнувшей надежды смиряется душа и углубляется радость сердца об умножении познания путей Бога, Спасителя нашего.

Ум воображающий — непригоден для богословия. Зная вред от пребывания в сфере воображения, Блаженный Старец Силуан подвизался предстоять Богу чистым умом. Это состояние дается человеку в предельном для него напряжении покаяния, дарованного миру воскресшим Христом. Ни объяснить этого состояния нашего духа, ни дать пережить его посредством описания — нельзя. Многим оно покажется невероятным. Да, *«человекам это невозможно, Богу же все возможно»* (Мф. 19, 26). Молитва чистым умом — редкое явление. Подступом к ней является прежде всего глубокая скорбь нашего духа, сознающего свое ничем не вознаградимое лишение: разлуку с Богом. Печаль эта подобна агонии. Болезнь сия острее ножа. Если нет при этом покаяния, то, полагаю, она, боль, может принять гибельный характер и, быть может, привести к смерти. При молитве же — это чудный дар Любви Божией. Мучительное борение пробуждает в душе прежде скрытую энергию молитвы, бьющей день и ночь горячим ключом. И неожиданно, непреднамеренно молитва достигает «чистоты». Тогда человек подлинно живет в светоносной реальности Святого Духа.

И для Бога, и для самого себя он предстает в полной обнаженности своего существа.

В такой молитве дух наш вылечивается от зачарованности «призраками истины», от многих неясных влечений во мгле неведения.

С детских лет я вошел в молитву. Но настал такой день, когда на одной московской улице, утром, в мой ум врезалась мысль: Абсолют не может быть «личным», и вечность не может заключаться в «психике» евангельской любви... Странным было сие событие, сила мысли была подобна удару молота. Навсегда запомнилось мне это место... Я стал с некоторым насилием над собой отрываться от молитвы и склоняться к медитации нехристианского типа. Вскоре после сего однажды ночью я был разбужен непонятным для меня образом. Я увидел всю комнату, наполненную разорванными кусками вибрирующего света. Душа моя смутилась, я бы сказал — нечто вроде неприязни, смешанной с некоторым страхом, подобным боязни аспида, вползшего в твой

дом. Я вышел из моей комнаты в столовую — провел там несколько минут и затем возвратился к себе. Света больше не было, и я снова заснул.

Несколько позднее, во время моих медитаций, возраставших в смысле сосредоточенности, я видел мою мыслящую энергию подобною свету, несильному; свет сей бывал внутри черепной коробки и вокруг нее; сердце же при этом не участвовало, живя отдельно от мозга.

Много лет спустя, уже после посещения меня милостью Бога Вышнего, я заметил, что Нетварный Свет — спокойный, целостный, ровный, воздействует на ум, на сердце и даже тело. При созерцании его все существо пребывает в состоянии, которого не знает «земля». Сей Свет есть свет любви, свет разума, свет бессмертия и дивного мира.

По моем новом обретении Христа мой «восточный» опыт, длившийся приблизительно семь или восемь лет, предстал моему духу как самое страшное преступление пред любовью Бога, Которого знала моя душа с раннего детства. Мною овладел некий священный ужас от сознания, что я, неверный и отступник, останусь навсегда недостойным «такого Бога». Не без боли вспоминаю сейчас то страшное и вместе чудное время. Я молился тогда как безумный, со многим плачем, сокрушавшим и самые кости мои. При этой молитве внутри ощущался огонь, пожигавший во мне, казалось бы, все. Не знаю, как я выжил. Никогда не смогу я втиснуть в слова испытанных мною «огня» и отчаяния; а вместе и той силы, которая удерживала меня в непрестанной молитве крайнего напряжения годами. В то время я ничего не понимал. Теперь же не нахожу путей показать Богу мою благодарность за Его «крепкую руку» Святого Ваятеля: мне было тяжело, я действительно страдал во всех планах моего существа. Я удивляюсь Ему: Он преложил мое адское безобразие на нечто иное, менее далекое от Его неизреченного Света.

Благоволение Бога ко мне выразилось в том, что Он дал мне «благодать покаяния» (Лк. 24, 47). В начале этого страшного, но все же благословенного периода преобладала безнадежная скорбь в молитве, сопровождавшейся нередко ощущением «огня». Природу сего огня я не узнавал, да и не искал я ему объяснения, так как ум мой влекся к Нему, к Богу моему. Сей пламень огненный пожигал во мне нечто, это было не без боли. По прошествии многих лет, уже на Афоне, когда дух мой пребывал в мире, вспоминал я ранее пережитое внутри как событие, переродившее меня и поставившее мою жизнь на новую орбиту, в сфере иного бытия. И благодарил я Бога.

Описываемое мною время отчаянного покаяния я склонен признать «событием», быть может, не только для меня. Как не удивляться: в прежнем совлечении моем временной формы бывания я уходил куда-то далеко от обычной жизни. И вот там Его рука настигла меня. Это был момент вторичного создания меня Его волею: я снова был вызван из «небытия» в свет жизни. Как странно все произошло, происходило.

В своих, оправданных нашим рассудком, движениях мы не можем видеть «греха». Настоящее видение греха принадлежит тому духовному плану, из которого мы выпали в нашем падении. Грех осознается по дару Духа Святого совместно с верою в Личного Абсолюта, Творца и Отца нашего. Речь идет о наших личных с Ним отношениях, а не о чем-нибудь ином.

Чуден момент живой встречи с Ним. Да, я преступник против Его любви. Я не знал Его, как должно знать. Но я не могу сказать, что я не повинен в моем неведении. Душа интуитивно у всех нас ощущает некоторую борьбу с нашей совестью, прежде чем совершится внутренний акт склонения нашей воли к чему-то, что отрывает нас от Бога. Так было со мною в юные годы, когда я согласился с идеей, внушенной мне Врагом, в момент, описанный мною выше.

Если я буду разбираться во внутреннем процессе моего обращения к Богу после падения, то мне приходит такое сравнение: Свет Божий, Свет Духа Святого, еще не зримый мною, откуда-то сзади далеко освящает меня, показывая то место духовное, в котором я пребываю. И имя сему месту — ад. Я не вижу Света, как такового, но он мне открывает глаза, чтобы узреть тьму, в которой я живу. Я не могу понять тьмы, если нет противоположного ей света. Чрез невидимое присутствие сего Света создается положение, что я постепенно начинаю созерцать идею моего Создателя *«прежде основания мира»* (Ин. 17, 24). Мое новое, еще только начинающееся познание Бога Живого приводит меня к узрению во Христе именно того образа, по которому мы созданы (Быт. 1, 26–27). И сердце мое поражается печалью: «Вот каким должен быть каждый из нас, чтобы жить свое единство, нерушимое в веках, с Отцом всего сущего. О горе: я лишен сего. Мне с детства была дана мысль о вечности; мне бывал дан некий опыт или приближение к нему, т. е. опыту несозданного бытия. А я умираю в бессмысленном мраке моего невежества во всех планах».

Этот мрак стоял предо мною, как свинцовая стена, отделяя меня от Бога с непреодолимой для меня самого властью. Эту тяжелую стену Святой

Апостол назвал *«законом греха»* (Рим. 8, 2). Бог наш есть Свет, в котором нет ни единой тьмы: Он отказывается соединиться с нашей тьмой. Мы должны очиститься от обладающей нами скверны, иначе мы не войдем в Царство Истины и Света (Откр. 21, 27).

С того часа, как мне была дана благодать покаяния, я осознал себя во аде. Как бы ни был по временам болезнен сей путь, другого к дверям Божественной Вечности для падших сынов Адама нет. Глубока моя скорбь за самого себя, но там, впереди, я вижу Свет. Мой восторг пред Богом мучает меня, когда я ищу выражений для него. Я воспитался избегать высокопарного языка, а теперь мне все слова, все языки кажутся выцветшими красками, неспособными изобразить моей благодарности Богу.

Когда рука Божия, озарив сначала нас Светом, ставит нас на новый, дотоле неведомый «высокий» путь, то там мы встретим две грандиозные ступени: имя одной — «ад покаяния», другой — «ад любви». Покаяние связано с двумя заповедями — наибольшая из них: *«возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим»* (Мф. 22, 37–38). Мы не имеем сей любви, и велик для нас труд, чтобы стяжать ее. Следующая ступень, не менее болезненная, стоит в зависимости от второй заповеди: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Господь не совершил ни единого греха (Ин. 8, 46; Лк. 23, 41), и потому не имел нужды в покаянии. Но, взяв на себя грех мира (Ин. 1, 29). Он сходил во ад любви к ближнему, и сходил до последних глубин, т. е. до предельных измерений второй заповеди. Мало кто из людей познает сей ад, потому что мало в нас любви к ближнему, т. е. ко всякому со-человеку, ко всему от века множеству людей. Божественная любовь Христа истощает себя в служении именно всему человечеству от Адама до последнего, имеющего родиться от женщины. Он положил душу Свою за друзей и за врагов. Если мы уразумеем подлинный смысл второй заповеди, то увидим, что еще не начали нашего покаяния. А если бы было нам дано жить ее в возможной для нас полноте, тогда мы познали бы Единого Бога в Трех Ипостасях и наше бессмертие (Мф. 16, 28).

Пребывание во плоти весьма затрудняет ясно осознать-жить абсолютность стоящей пред нами задачи. Плоть всегда налагает некий покров несовершенства и неведения. Однако при целостной вере, свободной от колебаний и сомнений, благодать Духа Святого дает горячо кающимся и опыт схождения во ад, и опыт ада любви и воскресения души еще в границах жизни в этом теле.

Одна из весьма трудных живописных проблем для пейзажиста — голубое небо, непрестанно дивно вибрирующее; на цветных фотографиях его цвет может напоминать кузов автомобиля, окрашенный голубым лаком. Таким скучным, возможно, является в силу многих повторений описание моей духовной жизни, полной в действительности глубоких контрастов, никогда не теряющей своего динамического характера. Но я рискую продолжить взятый на себя труд — исповедать пережитое мною.

Живого Бога я познал с самого раннего детства. Бывали случаи, по выходе, вернее сказать — выносимый на руках из храма, я видел город, который был для меня всем миром, освещенным двумя родами света. Солнечный свет не мешал ощущать присутствие иного Света. Воспоминание о нем связывается с тихой радостью, наполнявшей тогда мою душу. Из моей памяти выпали едва ли не все события этого периода, но Света сего я не забыл.

В начале зрелой юности я отступил от Бога моего. Преступлений, наказуемых государствами, я не совершил, но чрез мой ум, чрез мое сердце свободно проходили всякие гады, всех планов и родов.

Неосязаем Бог наш, невидим, непостижим; неисследимы и пути Его о нас промысла. Как Его нежная, но могущественная рука уловила меня, когда я с упорством юного безумства устремился в меоническую пустоту? Огонь небесный проник внутрь, и сердце мое было растоплено жаром. Мою покаянную молитву я приносил Святому Богу, прижавшись к полу, к земле. О, какого стыда я был исполнен в те годы! Я сознавал себя самым подлым преступником за мой гордый порыв превзойти Его. Мой грех против Его любви предносился мне в своей кошмарной сущности: как самоубийство, и притом не в плане тленной плоти, но как отпадение в вечности от моего Творца. Он в безмерности Своей любви желает дать мне светоносную беспредельность. Я же стучал в двери смерти не во времени, а за его гранями. Я ненавидел себя, десятилетия проливал слезы от горя моего и стыда моего.

Я горько плакал (Мф. 26, 75). Не знаю, а может быть, и знаю до некоторой степени, как плакал Петр после своего отречения от Христа и как, согласно преданию, он не забывал о сем всю свою жизнь, почему и взыскал, чтобы его распяли головою вниз. Правда, я не помню вовсе, чтобы у меня было отталкивание от христианства. Я был увлечен идеею трансцендентального созерцания. Мне казалось, что я покинул низший уровень жизни — психический, душевный: «Люби Бога и люби ближнего». Когда же мне открылась духовная сущность моего внутреннего движения, а именно повторение Адамова

падения, тогда я ужаснулся, и молитва моя характеризовалась уже неприязнью к самому себе. В этой молитве мой ум не обращался на меня самого. Я не анализировал мои состояния, я пребывал в великом трепете, почитая себя недостойным прощения. Я стоял как бы на Страшном суде высочайшего трибунала: все мое внимание сосредоточивалось на моем Судье. У меня не было слов: я молился неоформленными словом воздыханиями сердца моего. Я не находил себе оправдания, во мне не было надежды. Быть может, вернее будет сказать: я молился с надеждою, которая идет дальше всякого отчаяния. В этой молитве я, бывало, терял ощущение моего тела. (Обнаруживал сие явление лишь после того, как снова приходил в состояние нормального мироощущения.) Дух мой при этом входил в некую умную сферу, границ которой невозможно достигнуть; быть может потому, что их нет. В этой духовной бездне душа моя искала только Бога. Я бывал один: не было «там» ни предметов, ни какого-либо другого личного существа со мною. Я как-то сознавал, что если Господь соблаговолит, то беструдно придет ко мне, где бы я ни был. И Он соблаговолил.

Назвать ли сию молитву «чистою», потому что дух мой совлекался всего тварного? Не знаю, как описывать происходившее со мною, но в ней, этой молитве, существовал для меня только Бог: во всем Бытии — только Он, и я, жалкий урод.

О покаянии и духовной брани

Вся наша земная жизнь от рождения до последнего вздоха в своем конечном завершении предстанет как некий единый, непротяженный акт. Его содержание и качество возможно увидеть в один миг. Представьте себе сосуд идеально чистого стекла, полный воды. С первого взгляда можно сказать — чиста ли вода или нет, и насколько. Так будет с нами по переходе в иной мир. Всякое движение, даже мимолетное, сердца или мысли оставляет некий след в общей сумме нашей жизни.

Предположим, что за весь срок моего земного существования лишь раз чрез мое сердце пробежала злая мысль, например — убийства (Мф. 15, 19). И эта единственная мысль останется темным пятном на теле моей жизни, если не будет извергнута чрез покаянное самоосуждение. Ничего невозможно скрыть: *«Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы»* (Лк. 12, 2–3).

Мы часто успокаиваем себя, думая, что никто нас не видел, или никто не знает, что мы мыслим или делаем. Но когда мы полны заботы приготовления к вечности, тогда все меняется, и мы стремимся освободиться от всякой тьмы внутри нас.

«Если мы говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1, 8–9). Чрез искреннее раскаяние с решительным самоосуждением себя пред Богом и людьми внутренний человек очищается, и вода в сосуде, проведенная чрез духовный фильтр покаяния, восстанавливается в своей чистоте. Отсюда, когда я исповедуюсь, то обвиняю себя во всяком зле, потому что не нахожу во всем мире такого греха, которого я не сотворил хотя бы мгновенным прикосновением ума. Самая возможность такого движения моего духа является показателем моего греховного состояния. И кто может быть совершенно уверенным, что он вне власти посещающих его идей? И где гарантия, что момент прикосновения ко мне недоброго помысла не превратится в вечность?

Доколе мы живем, есть еще возможность исправления; но что будет с нами по исходе нашем отсюда, мы еще не знаем. В плане материальном: масса, получившая достаточно сильный толчок, теоретически может по выходе из сферы притяжения земли, с большой скоростью вечно лететь в беспредельность космических пространств; не будет ли того же с душой? Увлеченная любовью к Богу, покинув тело, душа пойдет к Богу; или, обратное сему: оттолкнувшись от Бога, она двинется «во тьму внешнюю» — к нескончаемым терзаниям противоположного любви состояния? Итак, в меру нашей способности видеть себя нужно чисто исповедывать наши грехи, чтобы не унести их с собою по смерти.

Чтобы побеждать злые помыслы или хотя бы суетные, не всегда удачным бывает метод прямого сопротивления им. Часто лучшим способом является память о величии предвечного замысла Отца о нас. Знать о себе, что еще прежде создания мира мы задуманы как полнота совершенства, необходимо для того, чтобы жить должным образом (Мф. 5, 48; Еф. 2, 10, 1, 4–5). Умалять инициальную идею Бога о нас не только ошибка, но действительно великий грех. Не видя в самих себе, ни тем более в брате своем непреходящего достоинства, люди становятся звероподобными в своих взаимоотношениях и легко убивают друг друга. О, какое парадоксальное смешение представляет собою человек: с одной стороны, он вызывает восторг удивления пред ним,

с другой — горестное недоумение своей жестокостью и дикостью! Душа решается на молитву за мир, но сия молитва никогда не достигает своей последней цели, так как никто и ничто не может лишить людей свободы склониться ко злу, предпочесть тьму свету (Ин. 3, 19).

Молитва, принесенная Богу истинному подобающим образом: *«в духе и истине»* (Ин. 4, 23), есть бытие нетленное, нерушимое. Психологически мы можем забыть о ней среди житейской суеты, Самим Богом она вечно хранится (Лк. 10:42). В день воскресения и Суда все, что мы сделали доброго в течение нашей жизни, станет рядом с нами, оправдывая нас; и наоборот, все, что мы сделали дурного, обличит нас, если не было принесено соответствующего покаяния. Худые поступки и недобрые слова могут быть стерты с нашей души слезами покаяния, как бы это ни казалось странным и логически даже невозможным. Излечиваются, конечно, отрицательные последствия греха на нас, исчезает негативная сила совершенных нами действий по отношению к ближним, Божественною силою воссоздается полнота жизни, однако не односторонним вмешательством Бога, а всегда в соединении с покаянием и расположением людей, потому что Бог ничего не делает с человеком без человека.

Участие Бога в нашей личной жизни мы именуем Промыслом.

Сей Промысл вовсе не подобен языческому року. В некоторые решительные моменты мы действительно сами выбираем из представляющегося возможным. Когда пред нами открываются различные пути, то, нормально, мы должны решительно двинуться к последнему искомому нами Благу. Сей выбор неизбежно будет связан с готовностью на жертвы. В таких случаях особенно ярко проявляется наша духовная свобода. Более часто, к сожалению, люди руководствуются временными побуждениями, уклоняясь от указанного Богом пути в Царство Света. Так человек впадает в круг обманчивых страстей, мешающих ему узреть желанную зарю. При всяком выборе все же неизбежны страдания и жертвы.

И когда мы избираем волю Божию, то всякая жертва уподобляет нас Христу: *«Отче! О если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк. 22, 42).

Всем нам необходимо пройти через таинство смерти ради большего уподобления Христу. За этим, еще неведомым нам порогом Бог и Отец наш введет нас в область невечернего «дня». Такова наша надежда во Христе, которая

сбудется, так как все обетования Его неложны и непреложны, как показал это тысячелетний опыт Церкви нашей.

Евангелие — «благая весть» и начинается, и заключается призывом к покаянию. И учение святых аскетов, Отцов Церкви наших, пронизано сознанием, что всякий раз, когда человек приносит молитву Богу не как грешник, молитва его не достигает Престола Божия, потому что Сын Божий пришел призвать не тех, кто мнит себя праведником (1 Ин. 1, 8), и, следовательно, стоит вне истины, а тех, кто сознает себя грешником (Мф. 9, 13).

«Смрадное море, лежащее между нами и мысленным раем, мы можем перейти лишь на корабле покаяния, управляемом гребцами страха. И если кораблем покаяния, на котором преходим мы море мира сего к Богу, не правят сии гребцы страха, то мы утопаем в этом смрадном море... Покаяние — корабль, страх же его кормчий, а любовь — Божественная пристань... К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием, и когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога» (Преподобный Исаак Сирин, слово 83).

Покаяние является основным фоном всей нашей аскетической жизни. Преп. Ефрем Сирин оставил нам нужную молитву: «Даруй ми зрети моя прегрешения». Опять и опять: видеть свой грех — есть духовный акт, чрезвычайно великой ценности для всех, кто ищет Лицо Бога Живого. Больше того: акт сей есть действие в нас Самого Бога, Который есть Свет.

За время нескольких десятилетий моего духовнического служения я с печалью убедился, что редки люди, уразумевшие чувством сердца подлинную природу греха. Обычно они стоят на уровне человеческой морали, и если когда и поднимаются над ним, то все же недостаточно.

Из путей, ведущих к познанию нами грехов наших, наиважнейший есть вера в Божество Христа, ради которой нисходит на человека любовь Духа Святого. Познавший опытом святой огонь Божественной Любви естественно стремится пребыть в этом благодатном состоянии. И если он совершит что бы то ни было делом или только во внутреннем движении своем, последствием чего бывает ослабление чувства любви Божией, то самое сие умаление благодати, без всяких рациональных психоанализов, является показателем отступления нашего от Правды Божией. Тогда дух наш устремленно обращается к Богу в покаянной молитве, чрез которую приходит прощение как восстановление в любви. И чем большею была познанная благодать в часы посещения Духа Святого, тем болезненнее и глубже бывает раскаяние. Такой человек живет пред Богом в простоте, как бы без рассудочных размышлений,

водимый любовью и страхом Божиим, — таковой может восходить даже до совершенства в святости, сам того не подозревая (Лк. 17, 20).

Другой путь к познанию греха состоит в том, что дух человека ставит себя на суд слова Божия. Разумным контролем своего внутреннего состояния он убеждается, что не хранит заповеди, и в силу этого приносит покаяние. Чтобы путь сей приблизил его к искомому, необходимо усердно поучаться в законе Господнем, ибо «широка заповедь Божия» и «углубишася зело помышления Господни» (Пс. 118, 96; 91, 6).

Совесть людская и ум человеческий по своей способности проникать в область Духа стоят много ниже данных нам заповедей (1 Ин. 3, 20). Для полноты покаяния необходимо идти сими двумя путями — сердце и ум, которые затем, в акте подлинной вечной жизни, сливаются воедино. «*Бог есть любовь*» (1 Ин. 4, 8), и Он знает Себя и нас Абсолютным образом; и все в Нем — едино. Так и человек должен достигнуть прежде всего состояния любви Божией, затем Богопознания (1 Ин. 4, 7–8) и самопознания: проникновение в предвечную идею Бога о Человеке.

Для уяснения моей мысли приведу пример. Преподобный Симеон Новый Богослов пишет сам о себе, что ему многажды являлся некий свет, и он любил этот свет и тянулся к нему, но долгое время он не знал: Кто есть сей свет? Наконец, в один из моментов видения света он обрел в себе дерзновение спросить: Кто Ты? И получил ответ, и познал, что являвшийся как Свет был Иисус Христос. После сего он не только пребывал в любви, но и «знал» эту любовь. Соединение переживания и познания привносит в нашу жизнь достоверность.

Подобные опыты и других аскетов легли в основание учения Церкви о несозданной природе являвшегося им Света.

«*И сказал им: так написано и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во Имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах*» (Лк. 24, 46–47). Велик невыразимо дар покаяния: с ним связано проникновение духа нашего в Тайны безначального Бога, Отца нашего. Не иначе, как чрез покаяние мы воспринимаем бытийно Откровение: каким прежде сотворения задуман Человек в предвечном Совете Святой Троицы.

Познание Бога вездесущего разумными тварями осуществимо повсюду. Но для стяжания его далеко недостаточно посредничество богословских школ и книг. Истинное познание неизъяснимым образом проникает в самое

существо наше, когда Он с нами. Действенное пребывание Бога в нас означает введение нас в самый акт Божественного Бытия. И именно этим путем сообщается духу нашему живое, никем не отъемлемое ведение о Нем (Лк. 10, 42). Вернейшее средство достигнуть сего блага — покаянная молитва, дарованная нам по вере во Христа.

Без того, чтобы созерцать первую творческую идею Бога о Человеке, без того, чтобы переживать «святость» Бога, не придет к нам сожаление о понесенной нами в падении потере с должной силой. Мы можем страдать в нашем данном положении. Мы можем отчасти и как бы с расстояния чувствовать Огонь Божий и чрез сие в соответствующей нашему разумению мере — каяться. Но совсем иное покаяние, уже тотальное, мощно захватывает все наше существо когда нетварный Свет дает нам видеть наш внутренний ад и вместе ощущать Святость Живого Бога.

В состоянии глубокого плача нашего о грехах чудным образом внутри нас воспринимается действие Самого Бога, отечески обнимающего нас тесно-тесно в любви Своей. Сей тонкий Дух неудержим нашими усилиями. Когда Он отходит от нас, мы снова погружаемся во мрак смерти; Мы ищем Его, но Он, все наполняющий, ощущается в недосягаемой дали.

Когда я измеряю себя заповедями Христа: любить Бога всем существом и ближнего, как самого себя, тогда я не имею возможности судить о том, насколько я далек от стоящей предо мною цели. Мне кажется тогда, что я еще не достиг покаяния, пламя которого все же коснулось меня и дало о себе знать. В свое время поразили меня слова умирающего Сисоя Великого явившемуся ему безначальному Господу: «Дай мне, Христе, время на покаяние...» Стоявшие около его одра братья спросили: «Ты ли еще не покаялся?» Святой ответил: «Поверьте, братия, я еще не начинал каяться». Для братьев слова Сисоя явились показателем, что он достиг возможного на земле предела совершенства.

Парадоксальным кажется сие, но именно так воспринимается нами Божия безначальность. Томительная жажда Бога Живого, перейдя меру наших сил вынести, вырывает наш дух из всего тварного и вводит в некую неизобразимую бездну духовного пространства, где ничего и никого нет, кроме Бога любви и видения Его беспредельности. Там не видится Свет как таковой, но нет там и мрака, ибо бездна сия странным образом прозрачна, и умное око беспрепятственно уходит в бездонность и никогда не достигает края.

Верующим свободною от сомнений верою во Христа, как Бога Творца и Бога Спасителя нашего, в покаянном порыве дается опыт и ада, и воскресения прежде смерти по телу. Покаяние не есть лишь мысленное действие, как перемена нашего интеллектуального подхода ко всему, совершающемуся в мире. Этой перемене, этому обращению нормально сопутствует чувство горечи за себя, как я есмь, сожаление сердца моего о разрыве с Богом Святым. Нет большего горя, чем сие сознание, при котором я вижу себя воистину худшим всех и всего. Все земные переживания временны, а отношения наши к Богу — вневременны. Выброшенные в просторы вечного Духа молитвою, исторгающеюся из ненависти к самому себе, мы молимся без возврата внимания на себя.

Всякое созерцание божественных реальностей возможно не иначе, как если дух человека придет в состояние, в какой-то мере соответствующее созерцаемому. Действительно: может ли связанный когтями гордости иметь внутри себя пребывающим Смиренного Духа Святого? Возможно ли в судороге ненависти и прочих темных страстей видеть недомысленный Свет Божества? Или как «презирающий», хотя бы *«одного из малых сих»* (Мф. 18, 10), будет богословствовать о Божественной любви? Итак, только пребывая ощутимо в благодати Духа Святого, удостаивается человек видения бессмертной славы и незаходимого Света.

Каждое истинное боговидение есть дар Великого Бога, делающего нас причастниками Своей жизни: смирения и мира, премудрости и ведения, любви и благости. Чрез вселение в нас Нетварной Силы сообщается нам безначальная жизнь. В силу чего спасенные люди становятся «безначальными» (не по существу, а по благодати).

В пределах Земли суждение о степени дарований основывается на мере нашего подобия Христу в нашем мышлении, переживаниях, в наших молитвенных воздыханиях: *«Ибо в нас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»* (Флп. 2, 5), Который *«во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти»* (Евр. 5, 7). Пребывая в Духе Христовом — мы становимся сынами Отца Безначального и богами еще отсюда.

Быть может не лишне подчеркнуть, что для внешнего наблюдателя, не познавшего опытом христианской жизни, нет ничего достойного внимания в таком носителе невещественного Света. Верующий человек — чаще аскет в пустыни — может быть жалким бедняком в своем физическом явлении, одетым

по-нищенски, беззащитным пред лицом Князя мира сего, но по внутреннему духу он все же истинно велик. Царство, к которому он принадлежит по дару Свыше, не есть от мира сего.

В начале покаяния преобладает горечь, но вскоре за тем мы видим, что в нас проникает энергия новой жизни, производящая чудесную перемену ума. Само покаянное движение предстает как обретение Бога любви. Пред духом нашим выявляется все яснее неописуемо великолепный образ Первозданного Человека. Узрев сию красоту, мы начинаем сознавать, какому страшному искажению подверглась в нас первичная идея о нас Творца. Свет, от Отца исходящий, дает нам *«познание славы Божией в Лице Иисуса Христа»* (2 Кор. 4, 6). Сам Он сказал об этом: *«Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец»* (Ин. 6, 44). Благодать покаяния раскрывает в нас образ Сына Отчего. О, сколь болезнен сей процесс! В сердце наше проходит меч своим раскаленным концом. И как говорить об ужасе, который овладевает нами при этом? И как описывать сей акт воссоздания нашего Богом? Образ Единородного и Единосущного Отцу Сына и Логоса возжигает в нас сильное желание уподобиться Ему во всем. И снова мы оказываемся в парадоксальном положении: мы страдаем, но иным, неведомым прежде страданием. Оно, страдание сие, вдохновляет нас, а не убивает. В нем соприсутствует нетварная сила. Мы бываем брошены в Божию беспредельность. Мы в изумлении от совершающегося внутри нас события. Мы превзойдены величием его (события). Мы сжимаемся, мы умаляемся до крайности в сознании о себе самих, и вместе с тем Бог приходит обнять нас, подобно евангельскому Отцу (Лк. 15, 20). Страх и трепет отходят от нас, давая место «удивлению Богом». Он облачает в драгоценные одежды. Он украшает нас высокими дарами, лучший из них — всеобъемлющая любовь. Наше первое, покаянное страдание прелагается в радость и сладость любви. Теперь любовь принимает новую форму: сострадания всякому существу, лишенному Света Божия.

Велик восторг еще и оттого, что мы начинаем воспринимать волю Бога о нас; мы видим себя вовлеченными в творческий процесс Самого Бога; мы были сотрудниками Ему в нашем собственном восстании от падения и искажений; и вот: Он поставляет нас быть Его «соработниками» на Его «ниве». Такова последовательность возрождения нашего в Духе чрез покаяние.

Господь во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти и услышан был за Свое благоговение. Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию и,

совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного... О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно изъяснять глубины христианской жизни людям, не имеющим в сей дивной сфере должного опыта (Евр. 5, 7–11).

Христос «для всех послушных Ему» сделался единственным путем и не отказывает им уподобляться Ему в молитве. Что скажу я, ничтожнейший из всех людей? За время долгой жизни моей и я «приносил Ему молитвы и моления с сильным воплем и горячими слезами». К этой молитве приводило меня мое отчаяние за самого себя, когда я ставил себя на суд заповедей Христа. Бывало, что мучительная горечь ненависти к себе, бросив меня в неизобразимую словом бездну, отступала затем назад, давая место светоносной любви. Я думал, что любовь моя становилась безвозвратной. Мне казалось, что я лежу у порога входа *«во внутреннейшее за завесу»* (Евр. 6, 19), откуда никак бы не хотел возвращаться на покинутую мною Землю. Господь, однако, не благоволил взять меня.

Многажды вспоминал я Пророка Моисея, который после Откровения ему в «неопалимой купине» был послан в Египет и в течение сорока лет томился в болотной тине мелких страстей тех, кого надлежало спасать, тех, которые сами того не искали. Говоря так, я вовсе не равняю себя с Пророками, ни с Апостолами или Отцами, но улавливаю лишь некую долю аналогии, без которой невозможно было бы ориентироваться на нашем пути. Бог по безмерному смирению Своему не отверг меня, но давал мне созерцать Его Нетварный Свет. Христос стал моей жизнью. Я возлюбил Его и не представляю никакой параллели Ему: Он единственный для меня Господь и Бог. Почти непрестанно болею я сердцем, страшась потерять Его милосердие за множество моих преткновений. Не без спора с Ним, не без многочисленных попыток уклониться от Креста Его, я все же лобызаю Его, Крест Христов, и как-то несу посланный мне мой крест (Мф. 16, 24).

И ныне я благословляю Бога моего, соблаговолившего дать мне возрождение в покаянии горячем.

О духовном плаче

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4). Вот, вижу сердце мое в борьбе: как буду говорить о святом плаче моим современникам? Знаю,

что они сочтут стыдом для взрослых плакать о чем бы то ни было. Да, действительно стыдно плакать, но это только тогда, когда речь идет о вещах преходящих: о карьере, об имуществе, о привилегиях, или социальном положении, или о здоровье и подобном сему. Но плач, о котором предстоит нам слово, касается наших отношений с Вечным Богом: он, плач сей, принадлежит иному плану бытия. Он вызывается прикосновением к нам Духа Божия. Он посетил... сердце исполнил нетленною любовию, ум же поразил новым видением... Он дух наш восхитил в сферы нетварного бытия. Огонь Гефсиманской молитвы — сострадания всему страждущему тварному миру — приблизился к нашему хрупкому существу, и сие последнее целиком отдалось власти посетившей его Любви. Таким плачем плакали Апостолы и наши Отцы, воспринявшие небесное благословение. Огонь сей брошен на землю наших сердец Самим Христом (Лк. 12, 49; 22, 44).

Весьма редко изливается на нас исходящая от Бога святая сила Его Любви в такой мере: невыносимо для нашего естества в его данном состоянии сие пламя. Обычно начинается наше возрождение явлением нам нетварного Света, открывающего нам видение тайны нашей разлуки с Богом, и сердце кроме плача не имеет иной формы для выражения своего умиления, печальной любви пред Богом.

Наивен тот, кто думает, что путь вслед Христу возможно пройти без слез. Возьми сухой орех, положи его под тяжелый пресс и увидишь, как потечет из него масло. Нечто подобное происходит с нашим сердцем, когда невидимый огонь слова Божия опаляет его со всех сторон. Окаменело сердце наше в своем животном эгоизме и, что хуже, в своей гордой спазме. Но воистину есть такой Огонь (Лк. 12, 49), который способен расплавить даже крепчайшие металлы и камни.

Кто ни разу в течение своей жизни не испытывал приближения к себе вплотную сего Огня, тот не поймет, о чем идет речь здесь. Первое слово евангельской проповеди: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф. 4, 17) — зовет нас к радикальному изменению всей нашей жизни. Это изменение осуществимо не иначе, как чрез слияние нашего огненного желания с воздействием небесного Огня, который смягчит наше сердце, и уже смягченное, оно перековывается ударами мощного молота.

Духовный плач по природе своей совсем иной, чем плач душевный. Он связан с непрерывной мыслью о Боге в болезненной печали разлуки с Ним. Страстный, душевный плач — убивает тело, угашает его жизненность, тогда

как духовный очищает человека от смертоносных страстей и тем оживотворяет всего его. Горячим плачем очищается наш ум от страстных образов. Чрез него в душу нашу нисходит духовное мужество, и человек поставляется превыше тревог и страхов. Чем глубже наш покаянный плач, тем основательнее освобождаемся мы от целого ряда кажущихся естественными нужд, от таких разрушительных страстей, как гордость и гнев.

Думать, что предписанное Евангелием преображение нашего естества возможно и без плача, может лишь тот, кто не восчувствовал убийственной власти над нами греха. От горького в первичном покаянии, плач затем становится слезами восторгающей Божественной Любви. И это есть знак, что молитва наша услышана и что ее действием мы вводимся в новую, уже нетленную жизнь.

Духовный плач — явление небесного порядка. Стараюсь, и не могу припомнить — плакал ли я когда-нибудь в зрелом возрасте? А ведь жизнь моя совпала с грозными событиями нашего века. Много раз бывал я не только в трудных положениях, но и действительно смертельно опасных. Когда же чрез явленный мне Свет я узрел глубину моего падения, тогда стал приходить плач, которого я не мог остановить: он бывал сильнее меня в постигшем меня отчаянии. Сначала я плакал за самого себя в ужасе от моего падения. Позднее — за людей, не знающих Бога, охваченный состраданием к ним в их бедственном состоянии неведения Бога. На Афоне же, и особенно в пустыни во время войны (Второй), я горько рыдал за мир в целом.

Долгое время в моем уме было: «*Страшно впасть в руки Бога Живого*» (Евр. 10, 31). И жуткая вещь — богопокинутость. Вне Бога Любви — все бессмысленно: душа видит себя брошенною во мрак смерти (1 Кор. 13, 1–3). Страх от этой тьмы мучителен тем, что она не только вне меня, но присуща и внутри меня. Когда же Свет нетварный освобождает меня от моего внутреннего ада, тогда от меня отходит всякая страсть, и я понимаю, что Господь Вседержитель может и меня сделать господином, по образу Его Господства: свободным от всякой чуждой власти, неуязвимым от какой бы то ни было злобы.

С переменой в моем внутреннем состоянии связываются перемены и в характере плача. По временам и сердце, и ум живут чудный покой, и слезы становятся «сладкими» от любви. Когда же Дух Господень отступает от меня и дыхание бессмертной жизни угасает во мне, тогда некая тоска и даже испуг приходят в сердце. Молитва принимала форму томительного отчаяния,

и я часами, бывало, лежал лицом к земле. Изнемогая, я переходил на жесткое ложе; слезы продолжали течь, а ум молчал в изнеможении.

Я хотел бы говорить о сих явлениях совсем просто, но тогда от читателя скрылась бы могучая сила сих «явлений», бесспорно превышающих меру человека, ибо суть дар Свыше.

«Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). Слова Христа: «в духе и истине» допустимо понимать в двояком смысле: в Духе Истины, исходящем от Отца (Ин. 15, 26), и в духе и истине, свойственных кающемуся человеку (1 Ин. 1, 8–10). Дух Святой нисходит на человека, и сей последний, как образ Бога, под действием Божественной Истины и сам становится истинным.

Бытийное соединение наше с Богом Любви предполагает слияние двух воль: Бога и человека. Само соединение совершается в состоянии любви. Бог — Личный Дух, и человек — личность (персона) соединяются воедино в вечном Акте Божественной Жизни. Так познается нами Бог.

Стяжать сию Любовь есть конечная цель христианского подвига. Достижение сей цели связано с долгим и трудным путем. Но испытывать посещение Божие в великой силе возможно по дару Свыше в какие-то моменты, когда душа, в порыве раскаяния в грехах, становится восприимчивою к сходящему на нее от Бога Свету. Однако эти первые посещения еще не суть на веки стяженное состояние спасенных. Это только еще «неправедное богатство», которое еще может быть отнято за неверность. Сохранить же сию благодать, пребыть верным всему, чему она нас научила, невозможно без глубокого плача годами (Лк. 16, 9–12). Кто думает иначе, с теми Отцы наши не согласились бы. И мы стараемся пребыть в унаследованном от них предании святой жизни.

Путь Господень таков: Он являет Себя человеку, нелестно кающемуся, и человек воспринимает Его Любовь во Свете нетварном вневременным образом. Мы повторяем все то же слово — Любовь, но в нем онтологически совокуплены и мудрость надмирная, и величие беспредельное с свойственным ему безмерным смирением, и красота всепобеждающая, и мир глубокий. Посещая человека, Бог тем самым делает его причастником Своего Бытия, неописуемого земным словом. Нас объемлет одно желание: познанную Божественную любовь стяжать так, чтобы она стала нашей натурой, неотъемлемой в вечности.

Когда Бог видит, что уже ничто во всем мире не сможет снова оторвать душу от Его Любви (Рим. 8, 35–39), тогда наступает период испытаний,

правда тяжких, но без которых остались бы недоведомыми глубины тварного и нетварного образов Бытия. «Жестоко» сие испытание: невидимый меч отрезает тебя от возлюбленного Бога, от Его невечернего Света. Человек бывает поражен во всех планах своего существа. Ему совсем непонятно, где причина того, казавшийся в молитве, подобной Гефсиманской, уже окончательным «союз любви» сменился адом богооставленности. Ответ на сие недоумение находим в 12-й главе послания к Евреям, особенно в стихах 26–29. Но прежде и после всего мы имеем «пример» в Самом Христе: на Голгофе, пригвожденный ко кресту, Он вопрошал Отца: «*Для чего Ты Меня оставил?*», и вслед за сим: «*Совершилось! И, преклонив главу, предал дух*» (Мф. 27, 46; Ин. 19, 30).

Итак, для нас открылась Тайна Любви Божией: полнота истощания предваряет полноту совершенства.

Любовь, пламя которой брошено Христом в Душу человека, имеет удивительное свойство: она поведет его по никому другому недоступным безднам и высотам; даст ему перебороть всякое страдание и даже смерть; бросит его множество раз в неописуемую беспредельность, где он будет «один», томясь снова увидеть Свет возлюбленного Бога.

Таков процесс очищения нашей природы, зараженной люциферическим ядом. Путь Христа ведет от относительного, вечно колеблющегося рода бывания к безотносительному, непоколебимому Царству. Духу человека свойственно быть беспокойным в условиях отрезанности от совершенной любви Отчей — последствия падения. Образ Бога — человек — ищет святого, непреложного, абсолютного Блага. И кто сможет описать любовь к Нему? Где обретаются слова, могущие показать хотя бы тень того горя, которое испытывает душа от разлуки с Богом?

И ничто иное, как только святая любовь источает слезы из сердца христианина. Писание говорит, что Иисус, «возлюбив Своих, сущих в мире, «*до конца возлюбил их*» (Ин. 13, 1). И лишь этим «до конца» объясняется Его кровавый пот в молитве Гефсиманской. Там, где нет любви, — нет слез, хотя бы аскетический подвиг принимал крайние формы: интенсивные медитации, длительные посты, суровые условия жизни в удалении от прочего мира. Примеров тому немало и на Западе христианском, и на нехристианском Востоке.

Когда смиренный дух владеет нами, тогда льются слезы из глубины сердца. Об этом плаче говорит Христос: «*Блаженны плачущие, ибо они утешатся*»

(Мф. 5, 3–4). Каким утешением? В данном случае утешением, исходящим от Духа Святого, Которого Христос именовал «Утешителем»; утешением не психологического или физиологического порядка, но «онтологического», относящегося к Божественной вечности.

Если сейчас я уклонюсь от общих богословских и аскетических положений к некоторым «деталям» многовекового опыта христианских аскетов, то сделаю сие возможно кратко. Духовный плач меняет свой характер в зависимости от того состояния, в котором он — аскет — пребывает: бывают сладостные слезы от близости Бога Любви, объемлющего всего человека. Чаще же средний плач, в котором смешаны радость и печаль. В начале покаяния преобладают горестные слезы, порождаемые или сознанием своего рабства греху, или умалением ощутимой благодати, или горечью богооставленности. Возможен плач сострадания человечеству и даже всей твари. Во всех этих видах духовный плач омывает человека от всяких скверн, облепивших его в ходе повседневной жизни, обновляет в нем силу стремления к Божественному Миру. Плач любви к Богу приобщает его всего к Возлюбленному Владыке: ум, душа и даже тело — все сливается воедино в крепко слитом движении к несозданному Свету. Такой плач разрывает тесное кольцо земного бывания, изводя дух человека в сферы небесные освобожденным от насилия греховных страстей, сообщает нам опыт бесстрастия, освящения всего нашего состава.

Отсутствие плача, по учению Отцов наших, есть показатель, что молитва наша еще не достигла своей первой ступени восхождения к Богу. Впрочем, после того как истощаются физические слезы, может быть дана иная молитва, без слов, как тихое ощущение благодати Духа Святого внутри нас, когда мир превыше всякого ума (Флп. 4, 7), наполняет сердце. Подобное тонкое созерцание объемлет человека обычно после молитвы, в которой он принес жертву любви Богу до конца.

Духовный плач — изобилие жизни, бурно возрастающей от силы любви, тогда как «душевный» плач убивает земнородных. Промысл привел меня жить в стране, где люди воспитываются с детства не плакать, где плач презирается, как нечто недостойное цивилизованного человека. Нельзя не уважать сей культуры, но не следует забывать, что это относится к тому положению, когда ноги наши крепко приклеены к земной коре. И отцы-аскеты не плачут о лишении временных ценностей, и вместе они же настаивают на необходимости духовного плача, без которого не смягчится окаменелое в страстях сердце, неспособное любить евангельской любовью. Ум плачущего христианина

всецело направлен в сферу Божественной вечности. Ибо только о сей последней говорится в заповедях Христа. Множество положений, несносных для живущих банальной жизнью мира сего, для плачущего согласно с заповедью Бога проходят незамеченными: его не устрашает бедность, его не низлагают ни оскорбления или уничижения со стороны сынов века сего, ни иные удары временной судьбы, ибо не только ум, но и ноги его высоко подняты над землей. Он сострадает людям, печалится о них пред Богом, но не разделяет их интересов, будучи вдохновлен в своем стремлении к непреложной Истине.

Плач истинно духовный есть следствие воздействия Духа Святого. Совместно с Ним нисходит на нас Несозданный Свет. Сердце, а затем и ум обретают в себе силу включить в себя всю вселенную, любить всю тварь. Духовный плач не беспредметен: он направлен к Богу, и, в Боге пребывая, человек в молитве о всем человечестве со слезами сострадает всему миру. Отцы советуют беречь сей дар хранением заповедей, чтобы не оскорбить Духа Святого каким-либо грехом, но его нельзя «культивировать», ибо он не заключен в пределах нашей тварной натуры: он есть благодать, а благодать Божия не в нашей власти.

Бывает — слезы любви даются в изобилии и текут ручьем. Но в периоды богооставленности внутри нас все иссыхает и едва набирается в глазу некая капля, похожая на капли горячей крови из раненого сердца. Кто не испытывал на себе действие Огня Свыше (Лк. 12, 49), тот не поймет сказанного.

Снова дерзаю напомнить, что аскеты стоят на суде Божием со страхом: дело идет не о скоро преходящих вещах, но о вечности или во Свете Лица Всевышнего, или во «тьме кромешной» (Мф. 25, 30). В силу этого они становятся бесчувственными к своему земному положению: их ум в Боге, и, когда приходит «утешение» от Отца светов, тогда плачущий легко прощает все неправды против него, потому что дух его вознесен от земли на небо, и в Духе Святом он становится способным любить даже врагов.

Один старец на Афоне в своих беседах о молитве говорил о разновидностях плача, судя по действию каждого из них на человека. Он насчитывал их до двенадцати. И я, как и все другие, познал разные виды плача за многие годы моего отчаянного покаяния, но никогда мне не пришла мысль подсчитывать их.

«Но и ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании» (Иоил. 2, 12). «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — сказал Господь на все века. Да и Сам *«Он во дни плоти Своей с сильным*

воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение» (Евр. 5, 7). И для всех и каждого, стремящегося к Божественной вечности, предлежит именно сей путь: «с сильным воплем и со слезами», чтобы спастись от содержащей нас смерти — греха.

Колебания в поисках непоколебимого

Христос — Живая Истина: *«Аз есмь... истина и жизнь»* (Ин. 14, 6). Жизнь безначальная, никем и ничем не ограниченная, не обусловленная, совечная Отцу, от Отца неразлучная, неотделимая. Его любовь и Его Свет прикасались ко мне на ранней заре моей жизни. Однако и сей дар благодати не предохранил меня от скольжения в бездну мрака небытийного. На переломе созревавшей молодости я совершил великий грех: в безумном движении невежественной гордости я «оставил» Его ради иного, воображаемого Сверхличного Абсолюта. Преодолев добрый навык молиться моему детскому Богу, я в часы медитации стремился к абсолютному Бытию. Я совлекался, как мне казалось, всего относительного, что связано с различными формами: видимыми или невидимыми, чувственными или мысленными. Я упорно уходил во мрак неведения, чтобы чрез совлечение всего преходящего достичь Того, Что или Кто трансцендирует грани всего изменяемого, колеблемого. Случалось, я испытывал некий «покой» и не чувственно-плотски услаждался этим состоянием. При более полном порыве к неименуемому, всетрансцендирующему Бытию-Небытию я видел мой ум как свет. Я не гнался ни за чем на этой Земле, кроме как к вечному. Параллельно с этим я напряженно искал выражения в картине красоты, свойственной едва ли не всякому природному явлению. Тот период моей жизни кто-либо мог бы счесть полным вдохновения, но я вспоминаю его далеко не с любовью: я понял, что я предавался своеобразному «упокоению», которое было по существу своему самоубийством в метафизическом смысле.

Из этого ложного положения я никогда бы не вышел своими силами, но Господь пожалел меня и настиг, быть может, в последний момент. Сотворил Он сие чудо милосердия, посетив мое сердце, которым немалое время я пытался пренебрегать. Не вижу путей рассказать последовательно о духовных событиях того времени. Как бы вдруг мне стало ясным до очевидности, что мое искусственное погружение в отвлеченную умную сферу не приведет меня к достоверному познанию о Первоначале всех начал. Чрез мои

аскетические совлечения всего относительного я не достигал реального единения с Искомым мною. Мои мистические опыты носили негативный характер. Не «чистое Бытие» представало предо мною, но смерть для всего меня, включая мое персональное начало.

Заповедь: люби Бога всем существом твоим и ближнего твоего как самого себя (Лк. 10, 27), — неожиданным для меня образом встала пред моим умом в ее евангельском контексте: бытийное слияние с Богом совершается чрез любовь. И так то, что прежде отвело меня от Евангелия — «любить» мне показалось «тогда», в «тот» странный час на московской улице недостойным психологизмом, — «теперь» проникло в сердце мое и ум как свет истинного познания: бытийное единение происходит в акте любви. Евангельское понятие любви идет несравненно дальше нашего психического или плотского понимания. Бог моего детства возвратился ко мне во свете разума.

Христианская жизнь слагается из сочетания двух воль: Божественной — вечно единой, и человеческой — подверженной колебаниям. Бог открывает Себя человеку многоразличными путями. Он не насилует воли людской. Если мы с любовью воспринимаем Его к нам приближение, то Он часто посещает душу с кротостью и смирением Своим. Может случиться, как о том свидетельствует история христианской веры, что Он явит Себя человеку в великом Свете. Душа, узрев Христа во Свете Его любви, влечется к Нему; она не может, да и не хочет противиться сему влечению. Но Он есть Огонь, пожигающий нас. Всякое приближение к Нему связывается с болезненным напряжением. Естественно падшему естеству нашему уклоняться от боли; и мы колеблемся в нашем решении следовать за Ним. Пребывать же вне Его Света тоже становится отвратительным. Итак, дух мой стоял пред двумя положениями: ложно смирившись, смешаться с окружающей нас действительностью и осудить себя на растление или принять страшный призыв Христа. Когда я избрал второе решение, тогда возродился я к жизни в Боге Живом.

Господь знает, с каким страхом написаны многие из страниц этой исповеди моей. В конце жизни моей я решаюсь сказать, что слова 33-го псалма оправдывались и на мне не раз: «Сей нищий воззвал, — и Господь услышал и спас его... Бойтесь Господа... ибо нет лишения боящимся Его». Далеко не радостно увидеть себя «нищим», осознать свою слепоту. До великой боли страшно услышать смертный приговор себе за то, что я такой — как я есмь. Однако в глазах моего Создателя блажен именно за сие познание своего ничтожества (Мф. 5. 3). Сие духовное видение связано с открывшимся нам

«Небесным царством». Я должен увидеть Христа «как Он есть», чтобы сопоставить себя с Ним и из сего сравнения ощутить свое «безобразие». Я не могу знать самого себя, если предо мною нет Его Святого Образа. Сильным было и еще остается мое отвращение от самого себя. Но из этого ужаса родилась во мне молитва особого отчаяния, погружавшая меня в море слез. Я тогда никак не видел путей к моему исцелению; мне казалось, что мое уродство не может преложиться в подобие Его красоте.

И эта безумная молитва, потрясавшая все мое существо, привлекла ко мне сострадание Бога Вышнего, и Его Свет воссиял во мраке моего небытия. В глубоком молчании мне дано было созерцать Его благость, Его премудрость, Его святость.

Чрез ад моей безнадежности пришло небесное избавление. Внутри меня раскрывались новые силы, иное зрение, иной слух. Неописуемое благолепие становилось доступным моему восприятию. Однако сие не было «моим»: колебания в моем бытии еще не кончились — я выпадал из надмирного сияния; я возвращался к моей нищете. И все же я достоверно узнал, что оно — Святое Царство Христа — есть вечная реальность. Ее, сию реальность, должно стяжать в долгом подвиге молитвы: *«Царство Небесное силою берется»* (Мф. 11, 12).

Благословлять надо Бога, когда открывается нам, с одной стороны, действительная гибель, не временная только, но и вечная; с другой — неисповедимый Свет Божества. Писание говорит нам о «вечной муке». Но в чем она? По-настоящему мы еще не знаем всех различных форм мучения, возможных по исходе нашем из мира сего. Но опять то же Писание говорит: *«... извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов»* (Мф. 8, 12). Так и мне представляется, что «вечные муки» не в том, что во аде нас будут жарить на сковородах некие мрачные и гнусные существа, но в том, что мы окажемся недостойными войти в Святое Царство Любви Божией.

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», — таково начало проповеди Христа Иисуса (Мф. 4, 17). Чрез покаяние возрождается в нас сила жизни обновляется утерянное в падении Адамовом достоинство Человека; в покаянном плаче восстанавливается наша способность, убитая грехом, воспринимать исходящий от Бога — Святой Троицы — Нетварный Свет. Но что показал мне мой собственный опыт? Вот что: десятилетия моих рыданий над моим внутренним мертвецом не сделали меня непоколебимым в жизни по Богу: грех в той или иной форме побеждает меня. Каждое скольжение

в грех глубоко опечаливает душу. Помимо сего — у нас, т. е. у меня, очень часто нет уверенности, насколько праведен я в моих действиях или насколько я далек от истинно святой жизни. Особенно это при конфликтах с людьми. Нас преследует постоянное сознание нашей недостаточности, и мы говорим Господу: «*Прости меня, недостойного раба Твоего*» (Лк. 17, 10). Конечно, как монах я научен осуждать себя за все — «держать ум свой во аде». Но сие дело требует великого терпения. И только таким путем успеваем мы уменьшить число томительных для сердца и ума колебаний. Совершенная же непоколебимость явится заключительным на вечность даром Бога, Спасителя нашего.

Единственно Христос дает нам разумение вещей земных и небесных. Вот Он сказал: «*Дерзайте, я победил мир*», по-гречески «космос» (Ин. 16, 33). Победил не как Бог, Творец всего сущего, но как человек. К тому же Он и нас зовет. Победитель космоса «человек-Христос Иисус» (1 Тим. 2, 5) стал сверхкосмическим. К победе этого рода приводит жизнь по заповедям Евангелия; и мы, люди, можем победить и стать тоже сверхкосмическими, т. е. богами, — но не иначе, как в Нем и Его силою. Нет во всем Бытии никого, кто бы раскрыл нам тайны Бытия в его беспредельности, как Господь Иисус. Нет никого, кто охватил бы в едином вечном Акте и Небо, и Землю, и Преисподнюю, как Собезначальный Отцу Единородный Сын. Если мы следуем за Ним в решимости пребыть в духе Его учения, то и нам даются мгновения, когда, осиянные Светом, и мы в молитве обнимаем и Землю, и Преисподнюю, и даже Небо, и целуем Вечность. «*Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же*» (Евр. 13, 8).

Насладившись вожделенным Светом Неба, мы затем поставляемся в страшные положения: Дух Святой оставляет дом наш пустым, покинув нас. Нам уже казалось, что мы достигли Искомого, что мы созерцаем сокровенные от века тайны в недрах Божества... и вдруг мы снова подобны обнаженным нищим. Блаженны мы, когда от тьмы неведения и смерти переносимся в чудный Свет; но когда выпадаем из Света в нашу прежнюю тьму, тогда живем ее, эту тьму, с умноженным страданием. Пройдет немало времени прежде чем мы начнем понимать пути нашего Бога. В Своей безграничной любви к нам Он жаждет причастить нас к Божественной Полноте, но нам не приходится мечтать о достижении сей Полноты в пределах Земли. Здесь мы всегда как бы разорваны: тянемся всей силой к Вечности, но убеждаемся в неспособности нашего настоящего тела воспринять и нести с постоянством полноту. На какой-то час духу нашему Свет показывает беспредельность, но затем

непременно удаляется. Правда, где-то в глубине нашего ипостасного бытия тускло, «как в зеркале», отпечатлевается явленное в миг, но вечное по существу. Господь воскрес, и воскресшее тело Его приобрело свойства духа. Значит, доколе мы облачены непреображенным телом, дотоле мы не избежим болезненных колебаний в следовании за Христом.

Человеку моего возраста нормальнее готовиться к смерти, а не писать. И кто я, чтобы говорить о том, как проходила моя жизнь в плане духа? В моем прошлом я никогда не имел подобной идеи. Больше того: я не располагался раскрывать мой внутренний процесс: я считал его следствием моего падения, которое затем предстало мне и в своей инфернальной природе. Постигшие меня внутренние конфликты многим могли бы показаться недалеким от сумасшествия явлением, но я как-то интуитивно знал, что мой случай вне компетенции банальной психиатрии. Обратиться к профессиональным врачам было бы воистину непростительной профанацией.

Дни мои в общем объеме жизни моей проходили, скорее, вне широких контактов. В силу этого я не скоро прихожу к тем или иным выводам. Теперь, однако, я не боюсь серьезно ошибиться, предполагая, что в наше время миллионы людей самых различных пластов и национальностей живут в трагическом круге противоречий, в той или иной мере аналогичных моим.

Ознакомиться с одним конкретным случаем, как мой, для некоторых из них может оказаться даже полезным.

В жизни каждого христианина духовный рост принимает специфический, свойственный только данному лицу ритм или последовательность. Но в основе всего лежит тот же самый Дух (1 Кор. 12, 4–11), следовательно, та же самая конечная цель, выраженная в заповедях Христа, из которых заключительная: *«будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф. 5, 48). Отсюда случающееся на пути одного лица может совпадать с опытами других лиц той же веры, подвизающихся в разные эпохи, в различных не только внутренних, но и внешних условиях. Та же самая заповедь о совершенстве дана на все века, всем людям независимо от места, культуры, национальности и чего бы то ни было — условного, относительного. Иными словами: заповедям Бога свойственна абсолютность.

Духовная жизнь христианина носит исключительно динамический характер. Она никогда не статична: неисчислимо изобильна в своих манифестациях. С одной стороны, это является ее богатством, с другой — показателем еще не достигнутого нами совершенства: в жизни Самого Божества Святой

Троицы — моменты динамический и статический сливаются в непостижимое для нас единство. И в этом «единстве» заключена истинная непоколебимость, обетованная всем, принесшим подлинное покаяние.

Бытие нашего мира приближается к моменту, когда все «мы изменимся... в мгновение ока», когда *«воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают»*, когда колеблемое преложится в непоколебимое (1 Кор. 15, 51–52; 2 Пет. 3. 12; Евр. 12, 26–28; Откр. 21, 1). Человеку будет дано пребывание в Божественной непоколебимости, вечно предельно динамичной. И это есть воистину «вечный покой».

Благословение знать путь

В начале моей жизни на Афоне, помню, я просил одного пустынника говорить мне о молитве. Усмотрев в моей просьбе желание услышать о великой молитве, он ответил: «Будем говорить о том, что в пределах нашей меры; беседа о том, что выше нас, может вмениться в празднословие». Устыдился я от его слова, но все же осмелился спросить: «Действительно я желаю узнать о более совершенном; о том, что превосходит мою меру. Но это не потому, что я притязаю на высшее меня, но потому, что мне представляется необходимым как-то узреть путеводящую звезду, чтобы проверять себя, на верном ли я пути. В древности мореплаватели ориентировались по невероятно далекой звезде; так я хотел бы иметь в духе видение истинного критерия, пусть чрезвычайно высокого, чтобы не успокоился на том малом, что до сего часа познал». Святой муж согласился со мною, что так мыслить не только допустимо, но и должно.

Я всегда терзался сознанием великой нужды разуметь: зачем я рожден в этот мир?.. Куда все мы, люди, идем?.. Что нам достижимо?.. Где наш «конец»? Не знать всего этого — нестерпимый кошмар, нескончаемая мука. Предмет искания — велик. Но при одной мысли о полной недосягаемости Искомого я терял всякое вдохновение, и отчаяние охватывало душу мою: лучше бы мне не родиться. Спокойный внешне, я метался внутренне. Я не избежал хождения по чуждым христианину путям. Но все было — мрак. Возросши, я встретился со Христом, Который сказал: *«Дерзайте, Я победил мир»* (Ин. 16, 33). И еще: *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие, восхищают его»* (Мф. 11, 12). И Он влил в сердце мое непокидающее вдохновение. Трудности не слишком пугали меня, но я понимал безумство последовать

за Ним: победить мир. Победу Христа сделать моей победой, к чему и призван каждый из нас. Если Он о Себе сказал, что «Он есть путь», то не исключено, что пред нами в какой-то момент встанет задание — единоборства со всем миром. Не был ли Он оставлен всеми (Ин. 16, 32), даже и Отцом?

Скоро открылась необычность Христова учения. С одной стороны, я до боли сознаю мое ничтожество, с другой — стремлюсь к Безначальному. Молитва к Нему неуклонно держит дух пред Лицом Абсолюта, не отвлеченного философского порядка, как это было раньше для меня, а Живого и Личного. Открывается Христос, сошедший в глубины ада и затем восшедший на небеса, сидящий «одесную Отца», носящий в себе всю полноту Бытия. И Он — наш Путь.

«Блаженны мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу. Дерзай народ мой...» (Варух. 4, 4–5). А мы, христиане, одаряемся Богом в безмерно большей степени, чем все пророки и праведники до пришествия Иисуса на Землю. Когда осознаем сие, то в благодарности восклицаем: «Блаженны мы, Новый Израиль, освященный род христиан, ибо Сам Господь благоволит соединяться с нами настолько, что и Он, и мы — становимся *«едино»* (Ин. 17, 21–23).

Именно так свидетельствует и сам Господь: *«Блаженны очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат. Истинно говорю вам: многие пророки и праведники вожделели видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали»* (Мф. 13, 16–17). Апостол Петр писал: *«Пророкам было открыто, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшим Духом Святым, посланным с небес, во что желают проникнуть Ангелы»* (1 Пет. 1, 12). Павел же утверждает, что Апостолам дано Духом Святым познание тайны Христовой, которая «не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих», что ему была дана благодать возвещать народам «неисследимое богатство Христово», всех просвещать благовествованием Тайны, от вечности сокровенной в Боге. Как и Апостол Петр, он указывает на столь великую глубину этой тайны, что даже начальствам и властям небесных бесплотных умов должна была быть возвещена чрез Церковь *«многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него»* (Еф. 3; Евр. 11, 39–40, 12, 22–24). Естественно нам влечение к Высшему благу, но шествие к нему начинается нашим нисхождением в преисподнюю. Покаявшийся Апостол Павел говорит о Христе: «восшел — что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли?

Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, *«дабы наполнить все»* (Еф. 4, 9–10). И именно сие является нашим путем после падения.

В нашем сознании мы нисходим во ад, потому что с того момента, как нам открывается образ предвечного Человека, мы острее переживаем глубину нашего омрачения. Великая скорбь поражает все наше существо. Вневременные страдания духа превосходят всякую физическую болезнь. В молитве последнего напряжения ищется помощь Свыше. Рабы страстей, оторванные от Бога, взываем из глубины: «Прииди и исцели меня от одержащей меня смерти... Прииди и изгони из меня всякую злобу... Прииди и Сам ты совершай во мне благоугодное Тебе: ибо я бессилен сделать что бы то ни было доброе: я пленник ненавистной мне тьмы».

Гордость есть и злоба, и тьма. В ней корень всех грехов. Господь начал Свою проповедь на Земле призывом к покаянию. Греческое слово: μετάνοια значит радикальное изменение нашего умного подхода ко всей жизни, переход от старого мировидения к видению в «обратной» иконографической перспективе: чрез смирение восход к Всевышнему, ибо чрез гордость мы ниспали во тьму кромешную. Так начинается наше покаяние, которому нет конца на Земле: конец — в совершенном уподоблении Христу-Богу, вознесшемуся ко Отцу; в совершенном богоподобном смирении — завершение нашего обожения.

Когда Бог влечет нас, тогда молитва горестного покаяния становится всепоглощающею. В уме и сердце нет ничего, кроме жгучей жажды обрести Святого святых Господа. И неожиданно совершается чудо: приходит то, о чем не думал, о чем не слышал, что и на сердце не приходило: в бездну нашей тьмы проникает луч несозданного Солнца (1 Кор. 2, 9). Возможно ли говорить о Свете сего Солнца? Он, Свет, утешает душу свойственным ему образом; он умиряет взволнованное сердце; он просвещает ум новым созерцанием. Дотоле умиравшая душа воспринимает нетленную жизнь.

Дух жадно тянется к любви Отчей. Наш психосоматический состав включается в эту молитву, но может последовать за ней только до известного, доступного ему предела. Когда жажда приблизиться к Богу пожигает наше сердце, тогда молитва очищается от всего постороннего и сосредоточенно устремляется к искомому Господу. При этом мы можем утерять ощущение нашего тела и окружающего нас мира вещей. Не могу сказать, как это происходит, но знаю, что не всем было дано перешагнуть этот порог. Многие, достигнув сию грань, приходят в страх и отступают. Некоторые же, увлеченные

ходом молитвы, не замечают ничего и недоведомым им образом бывают «восхищены» в иную сферу бытия, забыв Землю. Рука Божия совершает это с такой осторожностью, что человек вовсе не улавливает самого момента, подобно тому как это бывает при нормальном засыпании. Лишь по возвращении в обычное мироощущение догадывается он, что дух его исходил из обычной формы нашего существования и соединялся с Богом. После сего события все вещи Земли воспринимаются в их преходящей хрупкости. Душа же осознает смысл своего бытия в том, чтобы быть с Богом, в Нем, в Его вечности.

Читал я об одном несчастном случае на авиационном заводе. Один инженер испытывал работу одного реактивного мотора. Двигаясь кругом пущенной машины, он по неосторожности попал в поток воздуха, который захватил его и, оторвав от земли, понес в направлении мощного двигателя. Ассистент инженера, увидев эту сцену, немедленно остановил мотор. Подбежав к упавшему на пол коллеге, он нашел его мертвым.

Ищущий молитву тоже может быть захвачен ее стремлением и оказаться вырванным из этого мира. Возвратившись, он также бывает «мертв» для страстных интересов и материальных стяжаний: он не будет искать никакой карьеры; он не слишком печалится, будучи отвергаем, и не гордится хвалимый; он забывает о прошлом, не прилепляется к настоящему, не заботится о земном будущем. Новая жизнь, исполненная Света, открылась ему и в нем; детские развлечения, занимающие огромное число людей, перестают интересовать его. И если мы о качестве жизни будем судить не по количеству приятных психофизических ощущений, но по объему наших познаний о космических реальностях и прежде всего — о Первой и Последней Истине, то поймем, что скрыто за словами Христа: *«Мой мир Я даю вам»*, сказанными Апостолам всего лишь за несколько часов пред Его смертью на кресте. Сущность Христова мира — в совершенном знании Отца. Так же и с нами: если мы знаем Вечную Истину, лежащую в основе всего бытия, то все наши тревоги будут затрагивать только периферию нашей жизни, внутри же нас будет царствовать мир Христов. Никакое временное благополучие не может дать нам подлинного мира, если мы пребываем в неведении о Начале всех начал.

Редкие души обладают достаточным мужеством, чтобы сойти с утоптанной тропы широких масс и жить по заповедям Христа в этом падшем мире. Из несомненной веры в Божество Иисуса естественно рождается духовное мужество. Следование Господу некоторых довело до края неожиданно разверзшейся пред ними бездны без возможности отступления. Однако всем

нам необходимо перейти, перенестись чрез нее (бездну), чтобы достигнуть Божественную вечность. Но что, в сущности, имею я в своем уме? Глубокую яму неведения — тугу безнадежности осужденных на смерть — власть над ними тьмы века сего (1 Тим. 1, 13–14; Быт. 2, 17; Лк. 22, 53). Для полета над этой бездной нужна энергия благословенного отчаяния; действие благодати в нас принимает форму «решимости». Свет видится вдали. Влекомые к нему неведомою силою, мы решаемся броситься в неизвестность, призвав Святое Имя Иисуса Христа, Бога Спасителя. И что же? Вместо того чтобы разбиться головой о скрытые во мраке скалы, является некая невидимая рука, бережливо держащая нас над пропастью. Без этой дружественной руки Живого Бога ни один человек не может устоять в условиях тех бурь и превратностей, которые в подобные периоды обступают душу. Мы, из земли взятые, представляем собой некую малейшую часть массивного тела человечества, из которого совсем не просто вырваться, особенно в наше время, когда едва ли не вся вселенная держится под контролем властей. Нельзя обратиться за помощью к князьям мира сего: за каждую их снисходительную услугу мы рискуем утерять нашу свободу (Ин. 14, 30). Наилучший «риск» — по-детски довериться Промыслу Божию в поисках жизни, где первое место отдано Христу. *«Вы слышали что сказано древним: не убей»* (Мф. 5, 21; Исх. 20, 13). *«А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...»* (Мф. 5, 22). *«Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй»* (Мф. 5, 27; Исх. 20, 14). *«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»* (Мф. 5, 28). *«А Я говорю вам: не клянись вовсе...»* (Мф. 5, 34). *«А Я говорю вам: не противься злому...»* (Мф. 5, 39). *«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего»* (Мф. 5, 43; Лев. 19, 17–18). *«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»* (Мф. 5, 44). *«И так, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 5, 19–20).

Был на мне страх нарушить заповеди Господни и таким образом погибнуть. В те годы, тяжкие, но благословенные, «жить» по заповедям евангельским во мне принимало образ хождения по канату, натянутому через бездну,

связующему два конца ее. Скоро это преложилось в видение распятых рук Христа, собирающих во-едино расходящиеся горизонтали мира: разделенные враждою народы. Все безмерно превосходило меня, и я бывал «распят» учением Христа. В ответ на отчаянную молитву мне предстало висящее на кресте тело Господа подобным чудному мосту между Небом и Землею. Путь христианина — распятие: *«если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя; возьми крест свой и следуй за Мною»* (Лк. 9, 23). Так сливаются в душе и тонкая радость «узнать путь», и немалый страх от безмерности задания.

Невозможно рассказать словами о страшной привилегии шествия по таинственному канату. Подобно тому как те, что ушли от нас в иной мир, не пытаются своими явлениями поведать пребывающим во плоти о том величии, что раскрывается пред ними в новом плане.

Соединив в Себе и Бога, и человека, Господь зовет нас следовать за Ним. На этом высоком пути дух наш, преодолев влекущие долу страсти, созерцает дотоле недоведомые, невообразимые реальности Божественной сферы Бытия. Подобно тому как тяжелое тело, выброшенное из пределов земного притяжения, попадает в условия «небесной механики» и движется с невозможной на Земле быстротой, так и дух наш вступает в бесконечность «умного» пространства, пронизанного Светом, свидетельствующим о безначальной Истине и о нашем бессмертии. Уму тогда даются созерцания исключительные по глубине и объему.

Прикосновение любви Божией к сердцу — первый шаг на берегу небесного конца бездны и новое, Свыше рождение в вечности. Эта любовь воспринимается как Истина, как Свет, как Царство. Мысль о смерти, о врагах, о земном выпадает из сознания, и в свободе от сих дух живет иную форму бытия.

По возврате в обычное мироощущение душа бывает в печали об утерянном: она предпочла бы не возвращаться, хотя и не совсем отошло чувство любви Божией.

Христос даровал нам все: Он открыл нам величайшую тайну «Святой Троицы», Он *«показал нам Отца»* (Ин. 14, 8–9); чрез Него мы получили и в опыте нашем познали Духа Святого, и мы можем непогрешимо судить о том, когда действует в нас именно Он, исходящий от Отца, Третья Ипостась, а не какой-либо иной дух, могущий еще неопытным показаться «владычественным». Чрез Христа и в Нем нам показан с чрезвычайной конкретностью и Человек в его первообразе и богоподобии. И уже нет у нас ничего и никого другого, кроме Него, кто явился бы основой нашего бытия, взятого и в пределах

земной относительности и в Божественной Абсолютности. И слова Христа: *«Все, сколько их ни приходило предо Мной, суть воры и разбойники»* (Ин. 10. 8) — звучат для нас в данном нам ясном понимании их правды. Но их надо разуметь в той же перспективе, как мы живем и другое положение: *«враги человеку домашние его»* (Мф.10, 36). Они — *«домашние»* — любят нас, и мы любим их; но нам нельзя последовать за ними, когда они препятствуют нам отдаться Богу. Постольку, поскольку они отклоняют нас от единого истинного пути, они становятся нашими *«врагами»*, они *«суть воры и разбойники»*.

Чрез жизнь по заповедям Евангелия мы постепенно, правда — в болезненном процессе, но получаем разрешение многих извечных проблем человечества. Не удивляйтесь, это действительно так: в Нем спасение каждой отдельной личности, в Нем спасение объединенных о Имени Его групп и также целых народов и всего мира (Ин. 4. 42; Мф. 12, 21). Нет и не может быть такого положения, когда Он бессилен спасти. Говоря так, мы вовсе не мыслим, что Он непременно вылечит ту или иную болезнь, избавит от какой-либо беды, физической, моральной или материальной, от насильников и вообще от чего бы то ни было, что обычно почитается вредом или гибелью. Хотя и это все в Его руках. Подлинное спасение в том, чтобы во всех обстоятельствах устоять в Его любви, как Он Сам соблюл заповеди Отца Своего и пребывает в Его, Отца, любви (Ин. 15. 10). Все мы знаем, чрез какие испытания проходил Господь, особенно в последние дни пребывания с нами. И, однако, перед самой смертью Он говорил Своим ученикам: *«Сие сказал Я вам, да "радость Моя" в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна»* (Ин. 15, 11). И еще: *«Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк. 23, 43).

Всякая любовь проходит чрез испытания, и истинная дружба познается в беде. Когда любовь — крепче смерти, тогда она совершенна. После такой «пробы», необходимой для всех нас без исключения, любовь чрез смерть в земном плане побеждает смерть в вечности и делает человека способным к «царству непоколебимому» (Евр. 12, 28).

Подвиг христианина вначале сосредотачивается внутри самого себя; но в своем завершении он становится молитвою за весь мир, за всего Адама. Первое движение любви идет к Богу, второе — к ближнему. Как к Богу Отцу любовь воплощенного Сына достигла своей абсолютности, так и к человеку Его любовь идет «до конца» (Ин. 15. 10–15, 13, 1). И именно сие заповедано нам.

Заповеди Христа по существу своему суть самооткровение Бога. Выраженные в земных словах, они кажутся нам релятивными, но того, кто соблюдает их должным образом, они поставляют на грань между относительным и безусловным, конечным и беспредельным, детерминированным и самовластным. Следование сим ненасильственным повелениям далеко превосходит наши тварные силы. Необходимо, чтобы Сам Он, открывшийся нам Вседержитель, Своим действенным вселением внутрь нас возносил нас в свойственную Ему сферу безотносительного, никем и ничем не обусловленного Бытия: *«Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15, 5). Так говорит безраздельный Властитель всего сущего (Мф. 28, 18).

Божественное происхождение евангельских предписаний обнаруживается еще и из того, что хранящие их, независимо от уровня их внешней культуры, воспринимают Безначального в сердца свои: *«Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты... открыл [сие] младенцам»* (Лк. 10, 21). Апостолам, младенцам в человеческой науке, Христос дал реальное знание Предвечной Истины (Ин. 17, 3).

Кто познал Отца, который на небесах, в том уже пребывает вечная жизнь: *«Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»* (Лк. 10, 20).

Жить по-христиански невозможно; по-христиански можно только умирать, но смертью в земной форме нашего существования. Однако и это умирание нелегко, непросто: оно есть те *«тесные врата»*, тот *«узкий путь»*, которые ведут в жизнь, но которые лишь немногие находят (Мф. 7, 13–14).

Благовестие Христа невероятно превосходит все, что знает Земля. Как исцелить ту страшную болезнь, которою заразил Враг Человека на заре его явления в мир (Быт. 3, 1–6)? Каким путем возможно дать людям познать, что тот, до крайности необычный человек — Евангельский Иисус Христос — есть подлинно Безначальный Бог, Творец всего сущего, открывшийся Моисею с Именем *«Аз Есмь»*? Кто из «здравомыслящих» может дойти до такого безумия, чтобы признать Богом человека, умирающего на кресте посреди преступников?.. Но что сказать? Те, которые не могут поверить в Божество Христа, никаким другим способом не достигнут их собственного обожения. Веровать способны — или дети, чистые сердцем, или те, кто носит в себе, при всем сознании своего падения и ничтожества, интуицию о своем родстве с Богом. Веруют во Христа те, что верят в свое обожение. От возвышенного или приниженного понятия о Человеке зависит вера и неверие. Для верующего

крестная смерть Иисуса, т. е., как и за что Он был распят, есть сильнейшее свидетельство в Его, Христа, пользу. Смотрите, как воспринял сие Павел, прежде гонитель. *«Христос послал меня... благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить "креста" Христова. Ибо слово о кресте для погибающих есть безумие, а для... спасаемых — сила Божия... написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну... Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией (явленной в творении), то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Эллинов безумие, для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков... Мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего... но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал... Нам Бог открыл сие Духом Своим... мы приняли... Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога»* (1 Кор. 1, 17–25, 2, 6–12). Мы малодушествуем, но Христос говорит нам: *«Дерзайте: Я победил мир»* (Ин. 16, 33). Если Он победил «мир» (по-гречески «космос»), то это значит, что Он и как человек стал превыше твари, надмирным. И всякий верующий в Него, побеждающий в подвиге покаяния действующий в нас *«закон греха»* (Рим. 7, 23), становится, подобно Христу, надмирным (сверхкосмическим) .

«Отче... слова, которые Ты дал Мне... и славу, которую Ты дал Мне, Я дал им... Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин. 17, 8, 24).

Чтобы созерцать эту славу, необходимо и самому быть в этой славе. Чтобы понимать хотя бы отчасти: *«Кто есть Сей?»* (Мф. 21, 10), непременно нужно уподобиться Ему чрез пребывание в духе заповедей Его. Кто не последовал Ему с полной верой, кто не возлюбил Его всем сердцем и всем умом, и потому не соблюдал слово Его, тот да не дерзает в своем малоумии судить Его, ни о Нем (1 Кор. 2, 14). Пусть молчание его будет честным, ибо нет у него никаких данных для суждения о Сыне Божием и Слове Отчем. Если в области науки или искусства, чтобы достойно оценить гений артиста или ученого, нужно быть не слишком далеко от него; то же самое и в сфере Духа. Но кто

построил жизнь свою на камне учения Его, как на скале (Мф. 7, 24–29), тот постепенно придет к уразумению: «*Кто есть Сей*».

Христос сказал: «*"никто" не знает Сына, кроме Отца; и Отца "никто" не знает, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть*» (Мф. 11, 27). Значит обретаются такие, которым Он открывает: «*"никто" не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец». Стало быть — привлекает; "никто" не приходит к Отцу, как только чрез Меня*» (Ин. 6. 44, 14, 6). Из сего видно, что «приходят» к Отцу чрез Него.

Человек воистину великая тайна. Создаваемый из ничтожества, он возводится к полноте нетварного Бытия. Бог так возлюбил человека, что отдается ему без меры, без границ. Как Бог превосходит все, что есть в космической реальности, так и человек, обоженный чрез вселение в него Духа Святого, драгоценнее всех галактик. Именно это сознание свойственно христианину, и вне сего он не может поступать «*достойно звания, в котором призван*» (Еф. 4, 1).

Не есть ли подобное дерзание неумеренная гордость? Конечно, нет, если мы будем следовать примеру Христа: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин. 13:15). Если будем подражать Апостолам и Отцам нашим: «*Будьте подражателями мне, как я Христу*» (1 Кор. 11, 1).

В 16-й главе Евангелия от Матфея находим целостное учение об этом. «*...Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: "Ты — Христос, сын Бога Живого". Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь не земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах, Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что "Он есть Иисус Христос". С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что "Ему должно" идти в Иерусалим и "много пострадать" от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Петр (еще не познавший тайны путей спасения нашего) начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана; ты Мне соблазн, потому*

что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною; ибо кто хочет душу свою спасти (сберечь), тот потеряет (погубит) ее; а кто погубит душу свою ради Меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его. Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16. 13–28).

В этом евангельском отрезке нам даны самые существенные моменты откровения о *«тесных вратах и узком пути, ведущих в жизнь»*. Когда многие из народа стали почитать Христа великим пророком, а Апостолы и «Сыном Бога Живого», тогда Он «начал открывать ученикам» о предстоящих Ему страданиях и смерти. На «человеческое» чувство Петра Господь дал решительный ответ: *«отойди от Меня»* — и продолжил учение о необходимости креста для всех последователей Его; доходит при этом до крайних идей: чтобы спасти душу для вечности в Царстве, нужно погубить ее в плане земных интересов. Достоинство души настолько велико, если ценою приобретения всего мира будет причинен ей вред в плане Божием, то и все блага Земли не покроют понесенного духовного «ущерба». Свою Церковь, необоримую адом, Он строит на исповедании Его Божества. Если отнять от Него полноту Божественности, то и ни Церковь, и никто вообще не может победить ни мира, ни преисподнего ада.

И опять мы слышим слова о Его безначальном величии и власти, которые будут явлены некоторым из стоявших в тот час там. Последнее совершилось на Фаворе, где Христос молился о Своем «исходе» на суд и смерть (Лк. 9, 31), где нетварный Свет Духа Святого осиял Апостолов, и они увидели Моисея и Илию как служителей Господа и услышали непостижимый голос Отца, свидетельствовавшего о предвечном Сыновстве Иисуса.

За короткий срок и Слава беспредельная, и схождение во ад. И «это есть путь для христиан»: они себя осуждают на муки, а в ответ воспринимают дар милосердия Отчего, для которого нет адекватных эпитетов. Так, в богатстве своем «избыток» принесенной нам жизни Христом (Ин. 10, 10): она, Христова жизнь, объемлет и ад, и Царство; она совмещает в себе и предельное страдание, и высочайшее блаженство. Она творит маленького человека великим,

универсальным, богоподобным во всем... К сожалению, *«немногие находят его»* (Мф. 7, 14).

Дары Отца превосходят нашу меру понести их. Когда неисчетная сила исходит на человека, тогда, возможно, приступит к нему тот, кто пал в пароксизме своей гордости. Как избежать нам падения сего? Опять и в этом учит нас пример Христа, искушаемого в пустыне. Мы же вспоминаем еще и слова Его: *«И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься»* (Мф. 11, 23).

Чтобы яснее нарисовать картину нашего христианского пути, подобно Отцам прибегнем к методу аналогий. Когда мы смотрим на вековое дерево, высоко к облакам возносящее свою крону, то мы знаем, что сила корней его, идущих в глубину, должна соответствовать массиву дерева. Если бы корни не проникали бы в темные недра земли, быть может, настолько же глубоко, насколько возвышена крона, если бы масса корней и крепость их не были соответственными объему и весу видимой части дерева, то не могли бы они ни кормить дерево, ни удержать его стоящим: и малый ветер повалил бы его. Так и в духовной жизни человека. Если мы сознаем величие призвания нашего во Христе, т. е. нашего избрания в предвечном Совете Божием для усыновления, и это прежде создания мира, то отсюда мы не возносимся в гордости, но действительно смиряемся. Движение вниз, во тьму кромешную, необходимо всем нам, чтобы устоять в подлинно христианском духе. Выражается оно в постоянной памяти о нашем изначальном ничтожестве, чрез самое жестокое осуждение себя за все. И чем глубже нисходит человек в своем самоосуждении, тем более возносит его Бог. *«Глаголю вам... всяк возносяйся — смирится, смиряяй же себе — вознесется»* (Лк. 18, 14).

Весьма многие, не познавшие опытом благотворных действий молитвы, не знают, что чрез нее (молитву) духу человека раскрывается мир неописуемого величия: и мрачные глубины ада, и светоносные сферы небес. Без веры в воскресение едва ли не всякое страдание становится тупым, лишенным смысла; оно способно укрощать строптивую душу, но не излечивает ее от скрытой на дне души гордости; оно обогащает опыт жизненный, но без молитвы не возносит душу к бесстрастию, постепенно убивает и тело, и сердце, и ум, без того чтобы они усовершенствовались в познании Бога. Когда же прикоснется к душе Свет вышнего мира, тогда все изменяется: замирают земные страсти и дух восходит к созерцанию Вечного. Одаренный сим благословением, человек всякое земное положение (социальное, материальное

и даже научное) воспринимает как «временный аксессуар» и вовсе не заботится о своей земной карьере. И если удерживается в смиренном о себе познании, то будет дано ему еще большее познание о тайнах будущего века.

Соединясь чрез молитву со Христом, человек внутренно, в сердце и уме, получает извещение, что в вечности все содержание богочеловеческого бытия дастся ему в неотъемлемое достояние. В силу сего всякое доброе дело, осуществленное кем бы то ни было, уже отсюда начинает радовать его радостью об общем спасении (Лк. 15, 31–32). Слава брата будет и его славою. Видеть лица, прославленные Божественным Светом, сладостно; и чем обильнее их осияние, тем прекраснее видение. Грядущее Царство святых состоит в преизбытке любви, предвкушение которой дается Богом еще отсюда. Любовь Божия — объемлет и ад. И мы знаем теперь, что наше схождение во ад в течение сей жизни — есть верный путь к совершенству.

Победа над адом имеет два периода: первый — преодоление его тьмы внутри нас самих; второй — есть свойственная Божеству сострадательная любовь ко всей твари. Да, сия любовь наполняет весь тварный мир, и Духом Святым она сообщается спасенным людям. Вечность — не имеет «протяжения», но содержит в себе все протяженности веков; вечность беспространственно включает в себя все просторы мироздания.

Наш земной опыт не достигает абсолютной полноты. Но это не умаляет его достоверности. Ап. Павел так говорит о сем святом событии: «*Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видим как бы сквозь (тусклое) стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю (совершенно), подобно тому, как я познан (Богом). А теперь пребывают сии три: вера — как начало любви; надежда — как ее созрение; любовь — в ее совершенстве. И любовь из них больше*» (1 Кор. 13, 8–13).

Знание пути сохраняет нас живыми даже во аде, но это не делает наши страдания «воображаемыми»: мы мучительно живем убийственный мрак страстей, свойственный всем наследникам Адама падшего; но не становимся жертвами адского пламени: «Держи ум свой во аде — и не отчаивайся». Не должно чрезмерно пугаться этого погружения во тьму, так как вне сего, после падения, недостижима полнота познания.

Как бы не преуспевал человек в той или иной научной области, он никогда не должен забывать «элементарных», т. е. основных положений своей

науки; так и мы, пока в сем теле, твердо держимся того метода, которому научены и Отцами нашими, и действием в нас Духа Божия: несвободные от следов действующего в нас закона греховного, мы с гневом, с ненавистью к самим себе осуждаем себя на сгорание во тьме кромешной, ибо нет иного огня, который угасил бы в нас действие страстей. И что же? Когда горестная молитва обжигает наше нутро и сердце изнемогает в своем терпении, тогда неожиданно приходит прохлада небесного утешения. Когда ощущение нашей тленности погружает дух наш в безнадежность, тогда вдруг нисходит на нас новая сила Свыше и облекает нас в нетление (1 Кор. 15, 54). Когда сгустившаяся тьма подавляет ужасом нашу душу, тогда необъяснимым образом предивный Свет глубокую ночь превращает в ясный день, возносит нас на высоту и как сынов вводит в Дом Отца.

Как объяснить сии контрасты? Почему наше гневное самоосуждение оправдывает нас пред Богом? Не потому ли, что в этом сознании всеподавляющей силы одержащего нас греха есть подлинная бытийная правда? Такое покаяние, идущее к истокам всемирной трагедии (Быт. гл. 3) открывает внутри нас «место» для пришествия в нас Духа Святого, Духа Истины, Который вводит нас обновленными в светоносное Царство.

Как удивительны пути Божии! Сам человек не может их изобрести, но Дух, исходящий от Бога, Своим явлением освещает пред нами сей чудный доступ к вечному спасению. «*Когда же приидет Утешитель, которого я пошлю вам от Отца, Дух Истины, который от Отца исходит; Он будет свидетельствовать о Мне... Он... наставит вас на всякую истину*» (Ин. 15, 26; 16, 13).

Невозможно не петь гимна Богу, когда выйдешь из пламени покаяния, которое незримо переплавило нас для нового образа бытия, попалив все, что тяготило нас, как нудное бремя. Как и кто будет описывать стояние в этом пламени? Как и кому можно предложить сей опыт? Пожелать всем и каждому восход к Божественному Бытию — естественно. Но кто стерпит адские муки, избежав последнего отчаяния? Обращение на меня самого, осужденного на жизнь в страшном для истории Земли веке, склоняет мой ум к убеждению, что для очень многих современников, быть может, и нет иного пути.

Я уже не раз дерзал высказать мой опыт: молитва тотального покаяния пред Творцом нашим проходит чрез все духовные испытания, возможные для тварных «по образу Бога» существ. «Образ и подобие» человека Господу — ясно говорит, что каждый из нас может стать «господином» не иначе,

как если победит, конечно не своей силой, но верой во Христа (1 Ин. 5, 4–5), все, что населяет сей видимый и умопостигаемый космос (Ин. 16, 33). В книге Иова (Септуагинта, 1, 7) читаем: «*И рече Господь диаволу; откуду пришел еси? и отвещал диавол Господеви, рече: обшед землю, и прошед поднебесную се есмь*». В Священном Писании часто под небом разумеется Божественная сфера, а поднебесная (Еф. 6, 12) есть тварный мир... нет такого места на Земле, ни во всем космосе, где бы возможно было избежать встречи с диаволом. И если сей последний контролирует не только нашу вселенную, но и весь прочий мир, как «князь мира сего», то где бы мы ни оказались «местно» или духовно, он придет нас испытывать. Блаженный Старец Силуан при беседе о сем предмете сказал: «Ум с умом борется... наш ум с умом врага...». Даже ко Христу, бывшему в пустыне, он приступил, искушая Его (Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 4–14). Но перед молитвой Своей в Гефсимании Господь сказал Своим ученикам: «... *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего*» (Ин. 14, 30). Что же, собственно, я пытаюсь сказать? Да то, что на всех уровнях нашего восхождения к Богу враг будет преследовать нас и искушать. И когда мы сильно болеем во всех планах нашего существа или предадимся гордой о себе мысли, он пытается нас отвратить от Бога.

Если не перечислять всех форм выпадающих на долю подвижника Христова мучений, что, впрочем, и невозможно, а только привести некоторые из борений с «умом врага», то не без страха остановлюсь на немногих из них. В десятой главе книги о Старце Силуане я написал следующее: «Человеку с Богом не всегда легко. В период отнятия благодати, который обычно весьма продолжителен, Бог иногда может представляться душе беспощадным мучителем. Не достигая милости Божией, несмотря на предельно доступный для него подвиг и труд, человек страдает настолько тяжко, что если бы было возможно, отказался бы вообще от всякого бытия...

В чем же его страдания? Ответить на этот вопрос — задача нелегкая.

Испытав Бога, познав жизнь во свете Лица Его, душа уже ни в чем в мире не находит себе ни покоя, ни удовлетворения и не на чем не может остановиться; и вместе, все, кроме Бога, окружает ее. Все, что познала она как зло, как тьму, всякое демоническое действие обуревает ее; и мучительство страстей временами доходит до последнего напряжения; а Бог словно отвратился от человека и не внимает никаким призывам его. Как самое беспомощное существо повисает он над страшною бездною и кричит к Богу о помощи, но все крики остаются не услышанными. Богу как бы безразлично до всех

его страданий... Душа осознает правду суда Божия, но страдания ее от этого не умаляются. Не воображением, но действительно погружаясь в сень смертную и не обретая с собою Бога, которого зовет день и ночь, душа страдает невыносимо. (Такие дни богооставленности особенно избирает враг). Встает вопрос: зачем же все это?..

Во время самого испытания душа не может воспринять его как проявление милосердия Божия; как «доверие» Бога к ней, как желание Бога приобщить человека святости и полноте бытия в Себе. Душа знает только одно: Бог оставил ее после того, как явил ей Свой Свет, и тем безмерно умножил ее страдания. И когда, обессиленная вконец, она не видит Бога, склоняющегося к ней Своим милосердием, тогда приходят «такие мысли и чувства, о которых хранится молчание».

Вот предо мною труд: довериться ли зрелости наших современников и говорить с ними, как с жаждущими подлинного слова о совершенстве, или пощадить их младенческую немощь? Прошу всякого читателя этих страниц молиться за меня, чтобы не принести вместо пользы вред каким-либо душам.

Враг в подобных случаях возбуждает душу до бунта против Бога. Он, враг, имеет со времени падения власть проникать в самую глубину нашу и там начинает обвинять Бога во всех терзаниях мира, ибо «Он» создал его, сей мир. Непонимание становится подобным тюремным оковам; и сердце, и ум возмущаются. Искуситель пытается толкнуть человека на крайности: делать все противное Богу.

Остановлюсь на этом. Некоторые из вражеских действий можно уподобить едким жидкостям на слизистую оболочку; другие — пронизывающему холодному или жгучему ветру; по временам, однако, мы бываем как бы защищены от всех ветров и из нашего убежища видим лишь гонимые тучи, качающиеся ветви деревьев, и это дает нам возможность заключить, что ветры проходят, что они сильны, но все же не достигают нас. Мы тогда как свободные наблюдатели следим за мыслями, которые носятся в атмосфере, нас окружающей; но они не имеют власти над нами. И так бывает только с теми, которые познали действие благодати, внутри которых заброшено божественное семя. А неопытные похожи на профанов, которые пришли в выставочный зал или музей и не знают, какое произведение носит на себе печать высшего гения и какое посредственно и недостойно внимания. Часто их предпочтение на стороне последних ничтожеств.

«Наша брань против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12). Все сии духи *«злобы поднебесной»* стремительно атакуют смягченное покаянием сердце и пробужденный стоянием пред Богом ум. Они, сии духи, нагло проникают внутрь нас и действуют там таким образом, что у нас создается впечатление, что принесенные нам врагами мысли и чувства свойственны нам самим. Действительно, после падения мы носим в себе некоторые созвучия демоническим внушениям. В силу сего порыв покаяния достигает такой силы, что дух наш исходит из форм мира сего в умную беспредельность и «там» единый пред Единым предстоит в своей наготе, без слов получая познание о характере падения нашего и о вечности Божией.

Павел, бывший гонитель Церкви и убийца верующих, имел в чем каяться. Полагаю, не безответственно, что исход или экстаз его совершился в броске отчаянного покаяния. Сам он так пишет о сем событии: *«Знаю человека во Христе, который... в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает, восхищен был до третьего неба... в рай, и слышал "неизреченные слова", которых человеку нельзя пересказать»* (2 Кор. 12, 4). Он же к Римлянам писал так: *«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас каждый день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»* (Рим. 8, 35–39).

Нетрудно понять, что Павел бывал в огне таких испытаний, которые вылились в приведенных словах его. В книге о Старце Силуане я, на основании опыта современных аскетов, приложил некоторые пояснения к словам великого Апостола. Я написал: «От любви Божией отрывают подвижника протесты рассудка... не могущего вместить или принять закон Христова Духа, который рассудку представляется безумием (ср.: 1 Кор. 2, 14). В минуты богооставленности эти протесты могут приобретать чрезвычайную силу...

От любви Божией будут отрывать подвижника: иногда желание жизни, иногда страх смерти; иногда позывы к услаждениям, иногда болезни или голод или гонения и другие страдания; иногда высота или свет каких-то иных откровений; иногда глубина и великолепие иных постижений; иногда величие каких-то иных обладаний или широта каких-то иных возможностей;

иногда видение ангелов и других небесных существ, иногда насилия страшных темных сил.

С большим основанием можно утверждать, что на пути к стяжанию Божией вечности христианин встретит весь ряд возможных искушений и испытаний, так что... все пути человеческие ведомы будут христианину, в то время, как его пути скрыты от чуждых взоров» (ср.: 1 Кор. 2,15–16).

Я знаю, что я ничто. Но при всем моем ничтожестве моя боль, мое страдание не кажутся мне недостойными внимания. И Господь, давший нам заповедь: «*Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих*» (Мф. 18, 10), не презрел моего взывания, «*и услышал и спас меня от всех бед*» (Пс. 33, 7). В моих безумных молитвах я бывал несдержанным, даже дерзким, но Он отвечал тихо и кротко, не уничижая моего невежества. Я, молясь, ждал ответа и вместе с тем не смел надеяться на него. Сверх моих ожиданий — Он пришел. Особенно неожиданным был образ Его явления. Враги отступили. Он победил их и меня. Странно: впервые я познал неизрекаемую радость оттого, что я побежден.

Бог непостижимо велик. Мы слышим и читаем слова о Его величии, но совсем иное — жить его, это величие. Никто и ничто не может как бы то ни было умалить Его безначального Господства, но Сам Он умаляет Себя также в непостигаемой нами мере: в нашей хрупкой плоти он достиг абсолютности. Теперь я знаю по опыту моей жизни: Он жаждет нашего совершенства. Попуская нам тяжкую брань с врагом и с нами самими в нашем падении, Он хочет увидеть нас победителями. Если мы не отступим от него даже в наиболее полном уничижении нашем от врагов, то Он непременно приходит. Побеждает — Он, а не мы. Но победа будет приписана нам, потому что мы страдали.

Нет в природе абсолютно идентичных повторений. Тем более нет их и в бытии разумных существ. Каждый человек имеет сердце, созданное Богом «наедине» (Пс. 32, 15). Оно есть сердце данного лица-ипостаси и как таковое — неповторимо. В своем конечном завершении каждая личность получит и конечное на все века «имя», ведомое только Богу и самому человеку, носителю сего «имени» (Откр. 2, 17). Таким образом, хотя и будет жизнь всех спасенных — «единая», как Едино Царство Святой Троицы (Ин. 17, 11, 21–22), но персональное начало пребудет несводимым ни на кого другого.

Если эти данные Откровения верны, то явится понятным и то положение, что нет и не может быть единой для всех системы, программы или последовательности возрастания. Но это не значит, что нигде нет и общих основ.

Так наблюдается одно почти неизменно повторяющееся явление в порядке духовной жизни нашей; не в деталях, но в принципе, а именно: при своем обращении к Богу человек получает благодать, которая сопутствует ему, просвещает его, научая многим тайнам сокровенной в Боге жизни. Затем «неизбежно» благодать отойдет от него, во всяком случае в своей «ощутимой» силе, и Бог будет ждать ответа на излитый Им дар. Это испытание верности имеет двойной смысл: один — необходимый для нас — проявить нашу свободу и наш разум; воспитать и довести, если возможно, до совершенства дар свободы для самоопределения нашего в сфере вечности. Другой — дать Отцу нашему Небесному возможность «все», что Он имеет (Лк. 15, 31), передать нам в вечное пользование, потому что всякий дар свыше осваивается нами непременно в страдании. После того как проявлена нами непоколебимая верность, снова приходит Бог и вселяется навсегда в человека, ставшего «способным» вмещать Огонь любви Отчей (Ин. 14, 23; Лк. 16, 10–12).

Итак, хотя и нет общих рецептов для жизни в Боге, но есть некоторые основные положения, которые мы должны иметь в нашем сознании, чтобы путь наш мы совершали с разумом, чтобы не стали мы жертвою неведения путей спасения. «Боже, Спасителю наш, не скрой от меня тайны путей спасения Твоего».

Для христианина, как мы его понимаем, путь к Отцу лежит только чрез Сына. *«Все, что имеет Отец, есть Мое»* (Ин. 16, 15). В предвечном рождении Сына Отец излил в Него всю полноту своего Бытия. Посему Сын во всем равен Отцу: Он исчерпывающая полнота выявления Отца; Он Его (Отца) жизнь, сила, могущество, власть, царство, сила, мудрость, всеведение, творчество, любовь... *«Видевший Сына — видел Отца»* (Ин. 14, 9). *«Ненавидящий Сына и Отца ненавидит»* (Ин. 15, 23). *«Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а неверующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем»* (Ин. 3. 36).

Духом Святым, от Отца исходящим и в Сыне почивающим, познается Сын в Его (Сына) Божестве и в воспринятом им человечестве. В том же Духе — живем мы Отца.

Каждое слово Христа есть не подлежащая людскому суждению истина. Повсюду мы имеем свидетельство об Его, Сына и Слова Отчего, единственности. И Сам Он подчеркивает сие категорическим образом: *«Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники»* (Ин. 10, 8). И относительно имевших и имеющих еще появиться после пришествия Христа — Он сказал:

«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить, я Христос; и многих прельстят... тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там; не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, не верьте. Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже и до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24, 4–5; 23–27). Не может быть сомнений, что Господь отстраняется от всех иных, мнимых «учителей человечества»: *«один у вас Учитель, Христос; все же вы братья»* (Мф. 23, 8).

История знает о многих попытках поставить Христа в один ряд с другими учителями, пророками и основателями религий; таковые попытки умножились в наши дни; приходится ожидать и в будущем. Все они сходятся в одном: отказе принять изначальное Божество Христа и, следовательно, признать Его абсолютный авторитет, как это сделал Первый Вселенский Собор (325).

Свет безначальный сообщен нам чрез воплощение Отчего Логоса. Там, где отвергнута *«великая благочестия тайна»* (1 Тим. 3, 16) сия, там не приходится ждать познания Истины. В христианстве соединяются и предельная конкретность, и конечная непостижимость Бога. Мы едим Тело воплотившегося Бога и пьем Кровь Его: мы становимся членами Тела Его (Еф. 5, 30). В общении слова Его — наш тварный ум сливается с предвечным Божественным Умом. И вместе с тем: *«Бога никто никогда не видел»* (1 Ин. 4, 12). *«Царь царствующих и Господь господствующих... обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел, и видеть не может»* (1 Тим. 6, 15–16).

Бога, который в существе Своем превыше всякого понятия, всякого имени или образа, Церковь Христова знает в своем вековом опыте. И Отцы наши, чрез опыт крайней для человека возможности, сделались причастниками сего познания, оставленного ими нам в наследие драгоценное, неотъемлемое (Лк. 10, 42). Смиренный Бог наш не презирает нашего ничтожества и не отказал в блаженстве знать Его в меру благоволения Его к человеку (ср.: Мф. 11, 27).

Наш путь к познанию Бога лежит не через книгу, но через веру слову Христа; вера сия низводит ум наш в сердце, объятое пламенем любви ко Христу. Мы нисходим в бездонность сего океана, которым является сердце

человека. Мы знаем труд сего погружения: оно обусловлено тяжестью страданий. Там на дне рука Божия нежно обнимает нас и возносит на небо. Впрочем, и на небо подъем возможен, если на то имеется энергия боли любви.

В этой книге я часто говорю о «боли», и часто приходит мне боязнь, что не все корректно поймут этот аскетический термин. Та боль, о которой я пишу, есть лейтмотив моей в Боге жизни. Я не могу о ней забыть. Она вовсе не похожа на физические или психические боли, хотя нередко захватывает и сей нижний план. Это есть боль любви Божией, которая вырывает молящегося из мира сего, возводя его в иной мир. Чем сильнее эта духовная боль, тем мощнее тяга к Богу; чем динамичнее наше погружение в глубины безбрежного океана страданий, тем вернее восход нашего духа на небо. Когда же он, дух, возведен в светоносную сферу небес, тогда боль прелагается в также невыносимую радость торжествующей любви. Опять то же по существу положение: крайнее страдание сливается воедино с предельной радостью. Именно это растяжение характерно кающемуся. Духом Святым он поставляется на непредвиденные рубежи, где ему сообщается некий зачаток Божественной универсальности. Присмотритесь ко Христу: как Он жил в условиях Земли после падения Адама. В Нем сочеталось Божественное могущество с немощной плотью. С нами происходит нечто подобное: *«Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»* (Флп. 4, 13). Что Господь есть по существенному Божеству, то человеки имеют по благодати. И тот, кто подобен Христу в своих земных проявлениях, тот естественно подобен Ему и в плане Божественном.

Духовные страдания — реальность невесомая и большинству незримая. Любовь Божия порождает внутри нас целую гамму различных мучений духа, о которых следует говорить как о вышеестественных, метафизических. Внешне такие страдальцы могут находиться в условиях не худших, чем таковые у других людей, но душа их не удовлетворяется никаким богатством, никакой роскошью, никакими привилегиями и властью, ни даже славою в мире сем. В своем влечении к Богу безначальному из тесноты настоящей данности страдает душа, ощутившая дыхание Духа Святого. Скорбь ее (души) острее, чем у матерей, плачущих над умершими детьми.

Первое слово Господа, по выходе Его из пустыни, было: *«покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф. 4, 17). Он Сам и есть сие Царство. И вот мы, люди, видим Его: Он встал пред нами так близко, что можно было не только видеть, но и *«руками осязать»* (1 Ин. 1, 1). И когда «осязаемый» образ предвечного Бога в величии Своей любви уязвит нашу душу,

то последняя никогда не может забыть о сем чуде. «*Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашедше одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее*» (Мф. 13, 45–46). В этих притчах Господь говорит о том, что я сейчас имею в виду. Узрев духом Красоту Бога, человек уже все, что и имеет в пределах Земли, оставляет, чтобы стяжать то «сокровище», ту «жемчужину».

Когда Дух Святой являет духу нашему во Свете несозданном Божию действительность, тогда душа нуждается найти мужество поверить данному видению: оно безмерно превосходит все, что мы знаем в обыденной жизни. Переживший сие состояние может как-то понять колебания Святой Девы Марии при благовестии Архангела Гавриила. И только когда Ей были открыты и те страдания, с которыми связано Ее служение миру, «*Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел. Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин. И вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее, и Елисавета исполнилась Святого Духа, и воскликнула... "благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева твоего! И откуда мне сие, что пришла Матерь Господа моего ко мне?.. Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа*». Получив такое подтверждение истинности данного Ей откровения, Мария сказала: «*Величит душа Моя Господа; и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем*» (Лк. 1, 38–47). «*...увидев Его, Апостолы поклонились Ему; а иные усомнились*», ибо происходившее превосходило меру человека (Мф. 28, 17; см. также: Лк. 2, 35; Мф. 20, 22; Деян. 9, 15–16).

Свет нетварный сначала открывает нам наше состояние, которое ужасно; и мы сходим в нашем сознании в преисподнюю нашего ада и видим себя в нашем уничижении, как мы есть. Но когда Свет приходит уже иным образом, во славе, тогда смирившаяся душа нуждается, чтобы Сам Бог взял ее в руки Свои и дал ей силу понести несказанный дар.

Грех начинается услаждением, а кончается трагической гибелью. Спасение от власти греха над нами начинается болезненным покаянием, но конец его — благое торжество. Не раз я слышал от людей нашего времени: «Готов принять религию, если она дает мне радость». Но они думают о радости с самого начала их веры, что не всегда возможно. И те же самые люди действительно понесут огромный труд, чтобы создать для себя базу в борьбе за насущный хлеб или за некоторые привилегии. Еще больший подвиг необходим

для артистов, чтобы усовершиться в избранном ими роде искусства. Нередко даже всю свою жизнь поэты и живописцы, писатели и музыканты легко идут на всякие лишения из-за любви к искусству. Так и еще более с радостью терпят все те, кому дано было преимущественно прикоснуться к небесному пламени.

Возьмем учение Христа: «*Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное*». Уже теперь блаженны они, или только в грядущем Царстве? «*Блаженны алчущие и жаждущие правды... блаженны милостивые... чистые сердцем... миротворцы... блаженны изгнанные за правду... блаженны вы, когда поносят вас... злословят за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесах...*» (Мф. 5, 3–12). Возможно ли сие осуществить без великой брани со своими страстями, без сокрушительного плача, без множества скорбей, без жгучей печали? Конечно, нет. Но как это ни странно, лучи светоносного Царства Небесного уже с самого начала веры во Христа-Бога начинают нас достигать. «*...истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной*» (ср.: Мк. 10, 30; Лк. 18, 29–30).

Все, о чем говорит Господь, стяжевается многими страданиями ищущей Бога души, влекущейся к Нему силою любви. Сия любовь устремляет дух человека к Богу с такой властью, что в нем прекращают действовать многие, усвоенные ранее рефлексы и реакции. Дух человека предстоит как ум — Уму Первому, в совлечении всего видимого, преходящего. Это состояние у аскетов называется «чистою молитвою». Человек при этом бывает вне земных категорий: он ни старый, ни молодой; ни эллин, ни иудей, ни скиф, ни варвар; ни царь и ни раб; ни богат, ни беден; ни ученый, ни неуч. Даже больше того: ни муж, ни жена. Он тогда «*новая тварь*» во Христе Иисусе (ср.: 2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15; Гал. 3, 26–28).

Когда покаяние христианина достигает наибольшего напряжения, тогда он вступает в битву с «*князем мира сего*» (Ин. 12, 31; 14, 30; 16, 11). Ум Врага — космических измерений. С ним у нас идет невидимая брань. С большим основанием можно сказать, что все, что есть в пределах духовного мира, встретит дух христианина, кающегося до дна. Так должно быть потому, что покаяние приближает человека к подобию Христу — Господину мира. Чтобы сообщилась человеку полнота богоподобия и в Господстве, он, человек, подвергается испытаниям на всех уровнях. Ему предстанет множество

видений, возможных и в нехристианских мистических опытах. Но встречается он со всем сим в иной перспективе, как бы обратной: то, чего ищут адепты иных учений, к чему они стремятся, что они принимают за истину, христианин переживает как выпады из подлинной жизни. Явившийся ему Свет Божий дает видеть бездны ада; но так, что он распознает призраки истины, влекущие к себе неопытного подвижника. *«Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас»* (Мф. 24, 4). На чужих же путях состояния христианского духа — неведомы. Прежде всего в этом порядке стоит Свыше сходящая любовь, объемлющая состраданием всю тварь.

Боль любви к Богу на краткие мгновения бывает похожа на боль сердца, пронзенного раскаленным железом. Но — опять «но» — сия боль сраствorена с невыразимо сладостной и воистину всеобъемлющей любовью. Получается, что и боль, взятая только как таковая, и радость без боли — были бы смертельны для нашего психосоматического организма.

В моем конечном анализе, после десятков лет покаянной молитвы, я убедился, что было бы непоправимой ошибкой смешать описанную мною боль любви Христовой с явлениями патологического порядка. Страдания кающегося не суть ни нервное расстройство, ни следствие неудовлетворенных страстей похоти, ни психологический конфликт, ни потеря разумного контроля; нет в них и какой-либо иной патологии. Совсем нет. Они, эти страдания, по природе своей принадлежат иному плану бытия. В некоторые начальные периоды они отражаются на всем человеке, т. е. и на душе его и теле, так что весь человек страдает; но духовные страдания по Богу не убивают человека, а оживотворяют. Этим путем человек препобеждает последствия падения — освобождается от живущего в нем *«закона греховного»* (ср.: Рим. 7, 23).

Труден путь нашего возрождения возврата в первозданное состояние. Но никак не оправдано никакое уклонение от сего подвига. Возьму для примера нашу эпоху с ее революционными движениями. Опыт, более чем полувековой, убедительно показал всему миру, насколько трудно и болезненно перейти от одного социального строя, несправедливого, созданного в условиях страшного падения человечества, к другому, тоже еще далекому от Божией Правды, кажущемуся все же менее жестоким. В этой страстной борьбе миллионы людей идут на всякий риск, вплоть до смерти. И все их «понимают». Возьмем этот пример, чтобы оправдать «риск» христианского аскета. Да, не просто, не легко преображается наша жизнь из тления в нетление, из временности в бессмертие.

Неизбежно одно из двух: или в погоне за психофизическими услаждениями и комфортом удаляться от Бога, а следовательно, умирать духовно; или в стремлении к сверхприродному образу бытия — умирать для мира сего. В этом «умирании» крест наш, наше распятие. Многие в усилиях добиться реализации представляющегося им идеала гибнут, хотя речь идет лишь о временном торжестве. Христианин же в обретенной им в Боге свободе своего бессмертного духа готов страдать за осуществление высшей истины. В этом его, христианина, достоинство, подобного которому не встречается в природном мире.

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную... И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его... Они победили его кровью Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. И так веселитесь, небеса и обитающие на них...» (Откр. 12, 7–12).

Любить Бога до ненависти к себе — есть совершенство любви. *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин. 15, 13). Это есть любовь «до конца» (Ин. 13, 1). Кто приближается к сему великому порогу, тот достиг двери, ведущей в *«непоколебимое царство»* (Евр. 12, 28).

Чтобы стяжать сие царство, каждый должен помнить, что для всякого тварного «по образу Божию» духа предстоит перешагнуть «порог» страдания — страдания вольного ради святой любви. Без сего испытания нашей свободы мы сами не сможем осознать себя воистину свободными персонами. С другой стороны, чтобы пребыть вечно с Богом и в Боге, мы должны научиться свойственной Ему, Богу, любви. Открыл нам сию тайну Христос, воплотившийся Логос Отца. Без Его примера никто и никогда не познал бы сего таинства. «Перешагнуть порог» — значит переродиться радикально, стать «новой тварью», получить дар Божественной вечности так, чтобы Божественная жизнь стала нашим неотъемлемым владением. Благодать изначальная так соединяется с нашей тварной природой, что сии два — становятся едино: и это есть обожение.

Благословение знать путь включает сказанное выше. Христианин, помнящий сие, перенесет *«огненное искушение»* (ср.: 1 Пет. 4, 12), и даже, быть может, с радостью, как это видим у святых мучеников. Не знать сего — опасно,

потому что душа может поколебаться в любви Божией, в доверии к Нему в дни подобных испытаний и отказаться следовать за Христом, восходящим на Голгофу.

Резюмируя все вышесказанное, пытаюсь предложить сию воистину великую науку духа в немногих словах: побеждай всякое земное страдание, погружаясь в большее страдание; «держи ум твой во аде» — осуди себя самого на ад, как недостойного Бога, но «не отчаивайся».

Сей подвиг приведет тебя к победе над миром (ср.: Ин. 16, 33). Он возведет тебя в царство непоколебимое (ср. Евр. 12, 28).

Какой предел сей науки на Земле? Он указан нам Христом, Который «смертию смерть попрал».

Да будет Имя Господне благословенно от ныне и до века.

Суммарное изложение жизни нашего духа

Подлинно христианская жизнь протекает *«в духе и истине»* (Ин. 4, 23). В силу этого она возможна во всяком месте, во всякое время, в любую историческую эпоху. Божественным заповедям Христа свойствен абсолютный характер. Нет и не может быть во всем мире таких условий, когда соблюдение их (заповедей) стало бы совершенно невозможным. Как Божественный Дух и Истина, эта жизнь, конечно, в своем вечном существе стоит выше всякой внешней формы. Но поскольку человек является в сей мир как «табула раза», постольку ему предстоит *«возрастать, укрепляться духом, научаться премудрости»* (ср.: Лк. 2, 40), постольку создается необходимость в этих или иных организационных формах, в той или иной дисциплине ради координации совместной жизни и воспитания еще далеко несовершенных людей. Отцы наши, Апостолы, да и Сам Христос, благодаря которым мы научились чтить Истинного Бога, прекрасно знали, что, с одной стороны, жизнь Божественного Духа превосходит все земные институции, с другой — знали они и то, что сам Дух сей созидает Себе некое обиталище, имеющее в пределах Земли те или иные очертания, которые Являются выражением Духа, сосудом для хранения Его даров. Сие чудное жилище Духа Святого есть Церковь, которая принесла чрез полное всяческих тревог века драгоценное сокровище Богооткровенной Истины. Оставим тех, которые, будучи недостаточно умудренными, становятся неумеренными приверженцами именно «форм», отвлекаясь вследствие этого от заключенной в них духовной сущности. *«Господь и есть*

Дух, а где Дух Господень, там свобода... будем взирать на славу Господню, преображаясь в тот же образ от славы в славу» (2 Кор. 3: 6, 17–18). Назначение Церкви — ввести своих чад в сферу Божественного Бытия. Она — духовный центр нашего мира, глобально объемлющего всю историю от сотворения первого человека до последнего, имеющего родиться от жены. Она — Церковь — союз любви Христовой в силу неразрывного единства с Ним. Выросшие в недрах Ее чрез долгий подвиг пребывания в заповедях евангельских до сознания свободы сынов Божиих ни географическим местом, ни внешними традициями уже не связаны; общие обычаи и установления их не ограничивают, им не вредят. Пример Самого Христа: Он соблюл заповедь Отца, не нарушая неудобоносимого бремени (ср.: Лк. 11, 46) предписаний Закона Моисеева.

Много раз я прерывал работу, недовольный тем, что написал. Пытался выяснить причину этого явления и теперь, кажется, немного понимаю. Я поставил пред собой невыполнимую задачу: представить в книге то, что мне дано было пережить в течение десятилетий моего «ада покаяния». Ведомо, я не писатель. Вспоминая наиболее ясно уцелевшие в памяти события моей духовной жизни, я нередко бывал остановлен самой природой моего опыта. Думаю, что это не только моего опыта, но и всех других аскетов-писателей, древних и менее древних. Повторение в течение иногда длительного периода одного и того же, по существу, явления; едва ли не каждый раз оно слагалось в различных последованиях или из перемен в составе и содержании деталей: вступали новые элементы в мои состояния или выпадали другие, ранее бывшие. Создавалось разнообразие, предложить которое в книге, где требуется систематическая организация всего материала, невозможно. Перечитывая мои первые заметки для более обширной книги, я то и дело замечал, что на одной и той же странице дан сгусток из многих тем. Некоторые могли бы быть отнесены к нескольким главам, например: о Покаянии, о Молитве, о Созерцании, о Свете или о Персоне и подобное. Иногда получается так, что если бы я написал каждую из мыслей на отдельном листе бумаги, то после было бы почти возможно оперировать с ними, как с картами в игре: смешивать в различных сочетаниях — одна и та же мысль могла бы войти в десяток смежных проблем. Пусть это не покажется карикатурой. Духовная жизнь подобна живой воде: иногда это малый ручей; иногда река или слияние рек; в других случаях — это широкое море. То это музыка ручья, текущего между камней; то непрестанно вибрирующее, но все же спокойное течение могучей

реки; то круговороты водные при слиянии двух стремительных горных потоков; то зеркальная поверхность вод, отражающих солнце и синее небо; подчас же на великих пространствах глубоких морей тяжкие бури, после которых наступает величественная тишина в молчании лунной ночи. И при всем этом — воды одни и те же.

Дух человека при обращении к Богу всегда может воспринять от Него новые излияния иного бытия, иного познания, достигает границ времени, переходит в иные измерения, охватывает содействием Духа Божия земной мир, космическое бытие, века времен; прикасается к самой безначальности в молитвенном порыве к Безначальному.

Я не знаю такого опыта, который являлся бы как бы суммою, показательной для всех других, особенно когда речь идет о начальных и средних состояниях. Если и приближается моментами дух наш к более совершенному видению во Свете, то и сие совершенство все же относительное, и в нашем земном движении оно не бывает непоколебимым, словом, чрезвычайное богатство Свыше не может быть представлено в хронологически и логически последовательной организации, и я оставляю эту работу.

Метод Старца Силуана — ставить человека пред общим принципом, чтобы затем он сам мог себя контролировать и распознавать свои состояния. Вот некоторые примеры: «Кушать надо столько, чтобы после принятия пищи не прерывалась молитва и чувство Божьего присутствия» (ср.: Лк. 21, 34); «Всякое начинание, на которое душа не решается испрашивать благословение Божие, лучше отложить; как и всякое дело пред которым не идет несмущенная молитва — лучше не делать». «Если при молитве привходит в сознание посторонняя ей мысль, то такая молитва не есть "чистая"». «Если в сердце живет неприязнь к кому-либо, злопамятство, то мы еще в объятиях смерти и не познали Бога, как должно Его знать». И подобное.

Я решаюсь продолжить мое писание с меньшими требованиями к самому себе, предлагая мой более чем полувековой опыт в частичных проявлениях, в его связи с воспринятыми мною основными положениями нашей веры: Бог Любви есть Троица Единосущная и Нераздельная; Абсолютное Бытие — Персонально, и наши отношения с Персональным Богом — прежде всего персональные. Грех всегда есть преступление или уклонение от любви Отчей. Восстановление непорочности и непреложности в веках союза любви с Богом достигается чрез покаяние. Полнота видения греха вне Христа и Света Духа Святого никогда и никем не достигается, не уразумевается. Путь

к Отцу всего сущего — Христос, и усыновление наше возможно только и исключительно чрез Него и в Нем, как Единородном Сыне, Собезначальном Отцу и Духу. Плач всего нашего существа — нормальное состояние истинного покаяния. Чем разрушительнее страх вечного разлучения с Богом, чем разительнее ужас от видения нашего безобразия, тем целостнее устремление духа нашего к молитве.

Чрезвычайность задания, стоящего пред нами, никак не должна уклонить нас от его выполнения. Если мы веруем, что Христос, творец нашего естества, знает совершенным образом конечные потенции сего естества, то мы вдохновимся на подвиг. Согласно Откровению — мы избраны во Христе *«прежде создания мира»*. Апостолы и Отцы наши осознали это; почему бы нам малодушествовать пред таким дивным званием, пред которым все иные смыслы и цели бледнеют? Больше того: вне этой идеи все опустошается, и жизнь становится бессмысленной суетой. Христос явил нам Собою, как человек, достижимость святой вечности в недрах Отчих; невозможно нам отказаться от следования зову Его (ср.: Ин. 16, 22, 33). Конечно, мы не сильнее Апостолов, которые *«ужасались и были в страхе»*, следуя за Господом, восходящим в Иерусалим для предстоящего над ним суда и предания позорной смерти (ср.: Мк. 10, 32–33). И мы знаем, что мы на войне. Но наша единственная война, которую мы избрали, есть святая брань с врагом, общим для всех людей, всего человечества — смертью (1 Кор. 15, 26). В сущности, нет у человека другого врага. Мы боремся за воскресение, наше собственное и каждого иного сочеловека. Господь *«послал нас, как овец среди волков»* (Мф. 10, 16).

В шкале духовных состояний христианина, и быть может, прежде всего монаха, на нижней ступени лежит *«тьма кромешная»* (Мф. 8, 12), а на высшей — *«Царство Божие, пришедшее в силе»* (Мк. 9, 1). Самодовольная ограниченность весьма многих, к сожалению, не только не способна воспринять подлинное христианство, но даже и отвращается от него. Однако возможно и в наше время встретить подвижников благочестия, опыт которых приближается к всеобъемлющему. Они прошли чрез болезненность душевных колебаний, чрез терзание совести от сознания своей порочности и неправды пред Богом, чрез губительные сомнения и страдальческую борьбу со страстями. Они познали состояние адских мучений, тяжкий мрак отчаяния, неподдающуюся описанию тоску и горестность богооставленности. Взыскавшему истинного покаяния дается также познать многие градации духовной радости и мира, вдохновенной веры, целительной надежды; к сердцу и уму

молящегося прикасается огонь Любви Божией, и с ним видение немеркнущего Света *«грядущего града»* (Евр. 13, 14). Утонченное постом и молитвою сердце легко становится прозорливым по благодати, когда ему открываются глубины душ и пути к исцелению покаянием. Иным видам прозорливости не уделяется внимание. Вначале обычно нисходит благодать смертной памяти: это есть особое состояние, когда вечность стучится в сердце человека, пребывающего во тьме греха. При этом Дух Божий, еще не опознанный, еще неведомый и скрывающийся, сообщает духу человека трудно объяснимое видение окружающего мира: сей мир, все космическое бытие, где с момента зарождения на всем ложится печать истления, представляется бессмысленным, погруженным во мрак смерти.

Сознанию испытанного христианина становится доступным Евангельское слово. То, что прежде казалось противоречивым, раскрывается как Божественная универсальность, как от века утаенная от нечистого ока святая Тайна. Слишком велик контраст нового разумения с предшествующим омрачением, чтобы выразить сие словом. Дух человека достигает двух пределов: ада и царства, меж которых движется вся духовная жизнь разумных личных существ.

Соберется ли дух вовнутрь от мучительного томления или от нашедшей на него небесной славы — молитва его становится подобною молнии, в миг прорезывающей вселенную от края до края. Освобожденный от власти над ним всего преходящего, дух легко восторгается в мир непреложный. Казавшееся смертельным страдание сплетается с нестерпимым блаженством.

Естество человека не выносит долгое время предельных состояний. Некоторые из них даются лишь немногим, лишь однажды. Но в данном опыте в кратчайший временной момент открываются такие сферы Бытия, о которых обычно люди и не подозревают: их сердце закрыто для восприятия святой Жизни Бога.

Начало победной борьбы с грехом состоит в удалении от мест, от лиц и обстоятельств, с которыми были связаны наши падения. Уход из мира, бегство в пустыню в этом смысле явятся положительным этапом, потому что там, в пустыне, мы материально, физически не можем исполнить делом многих грехов, например: насилие, обман, клевета, любостяжание, распутство, невоздержание и подобное. Конечно, этого далеко недостаточно. Внимательный христианин и само наличие в нем еще не преодоленных страстей, побеждающих его хотя бы только в начальных стадиях мысли (помысла), переживает как

рабство греху и смерти. Помимо сего есть много грехов, которые независимо от их осуществления в видимой форме губят нас, например: гордость, тщеславие, самовозношение, злопамятство и другие. Борьба с ними может быть весьма тяжкою даже в пустыне, в полном одиночестве. Победа над всем — в смирении, уподобляющем нас Господу, бесстрастному и смиренному.

Бесстрастен Бог, и спасенные в Нем — бесстрастны. Смысл христианского бесстрастия в том, что человек освобождается от власти над ним «закона греха» (ср.: Рим. 8, 2). Состояние бесстрастия характеризуется неотступным присутствием благодати Духа Святого внутри человека, Который свидетельствует духу нашему, что мы перешли от смерти в жизнь нетленную. Действие Духа Божьего познается в любви, ибо Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4, 16). Эта любовь бессмертна по роду своему. Она не умаляется от страданий, но ей свойственно сострадание. Поставляя человека вне смерти, она, сия любовь, естественно полна сострадательной жалости даже ко врагам. Она не убоится убивающих тело: она их жалеет, как лишенных Света истинной жизни (ср. Мф. 10, 28). Так научены мы разумевать вещи Святыми Отцами нашими, и сами живем сие разумение как истинное.

Рожденные в этом мире, мы связаны с ним крепкими узами родства. Мы любим его; в пределах его мы строим нашу вечность; но мы страдаем в нем: он тесен для заповеданной нам любви. Мы не можем не любить мира сего, но это не значит, что мы пойдем его, падшего мира, путями. Мы не можем не любить мира, но, когда влечение к нему препобеждает нашу любовь к Богу, тогда мы должны найти в себе силы поступить подобно Аврааму: взять в руки огонь и нож и принести в жертву все дорогое нам ради торжества любви Божией в нас (Быт. 22, 6).

Благословение Творца пребывает в мире сем — там, где его благодарно принимают. Но даже и в своей благословенной части мир никак не является нашей последней целью. Мы томимся здесь святым томлением: нас влечет зов Отца надмирного. Мы сознаем, что та сторона нашего существа, которая стремится к Нему, и сама в себе становится надмирною. Мы знаем, что Бог призвал нас к соучастию с Ним в Акте творения Им бессмертных богов. Мы сами тварь, но Господь Иисус Христос Своим явлением на Земле, учением Своим, примером Своим творит нас подобными Ему. Завершается в нас подобие Единородному Сыну вселением в нас Духа Святого. Таким образом становимся мы также сынами Вышнего (ср. Лк. 1, 35). И все, что говорит Христос

о Себе в Своем воплощении, может быть отнесено и к нам: «*Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам*» (Ин. 5, 19–20).

Двойственен человек: он и в мире сем, он же и превосходит сей природный мир. В низших формах своего земного существа он является «вещью» сего мира, и как таковая — он детерминирован. Как ипостась, образ Ипостасного Бога, он идет дальше всякого определения. Отсюда у нас двойственное сознание о самих себе: мы — ничтожество, из "ничто" взятое, мы же величие в благодати спасения. В нас сожительствуют зависимость и свобода, тленность и бессмертие, рабство и царственность. В своем падении люди стали жертвой пагубной аберрации: почитают величием то, что в очах Бога есть «*мерзость*» (Лк. 15, 16); чуждаются и презирают то, что драгоценно пред Ним (1 Пет. 3, 4; Лк. 1, 52).

Чтобы быть христианином, человеку нужно дерзновение, пред которым блекнут все иные дерзания. «Человек Христос Иисус» победил мир и нас зовет к общению в Его вечной победе (1 Тим. 2, 5; Ин. 16, 33). По вознесении Своем Он уже как Человек воссел «*одесную Бога*» (Мк. 16, 19). Всем нам необходима великая сила апостольской веры или простота младенца, чтобы воспринять без колебаний сие призвание. «*Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил, и сел со Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо да слышит...*» (Откр. 3, 21–22). «*Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера ваша...*» (1 Ин. 5, 4).

Кто пытается следовать за Христом, «*куда бы Он ни пошел*» (Откр. 14, 4), тот неизбежно будет потрясен многажды: при каждом восхождении своем от меньшего к большему познанию — от меньшей меры любви к большей. Не вмещаем мы Его всемогущества сердцем нашим; не постигаем мы Его беспредельности умом нашим. «*Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь*» (Ис. 55, 8).

Как часто останавливаемся мы в изнеможении уразуметь Его волю, Его первую и последнюю мысль о нас. Не легко покидаем мы «наши пути» и с великим трудом обретаем «Его пути». Едва придет момент, когда нам кажется, что вот начинаю немного видеть, а Он уже показывает, что Он далек неизмеримо. Напрягается душа до предела своих сил; изнывает дух мой; ужас охватывает меня пред открывающимися безднами богопознания; ищу подкрепления в слове Божием. И что же? Падаю на: «*еще раз поколеблю не только*

землю, но и небо...» Зачем? Ради *«изменения колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое»* (Евр. 12, 6–27).

«Господи, я немощен. Ты знаешь сие. Со страхом ищу я путей к Тебе. Не презирай меня; не удаляйся от меня в падении моем; приблизься и ко мне, ничтожному, но жаждущему. Вселись в меня и Сам Ты совершай во мне все, что Ты заповедал нам; сотвори меня Твоим на веки вечные в любви непоколебимой».

Божественная жизнь для нас недомыслима. В силу этого мы обычно говорим о тайнах Божиих. Это, однако, не значит, что Господь нарочито скрывает от нас некоторые стороны Своего вечного Бытия. Конечно, нет. Нам, как творимым из «ничто», следовательно, как лишь «потенциям», предстоит известный процесс созревания и становления в Истине, чрез постепенное сознание Тайн. Путь такой: все дары Творца суть чистые дары, ибо мы ничего не имели до нашего явления в сей мир, да и самое бытие мы получили из Его рук, но усвоение дарований связывается с болезненным напряжением всего нашего существа. Только при этом условии дается возможность Богу приписать нам самое стяжание их — даровать нам исходящую от Него жизнь в полное наше обладание на всю вечность: Его жизнь становится нашей жизнью.

Безначальный Абсолют — Бог открылся нам как Персональное Бытие. И мы создаемся как потенциальные персоны. Познание нами, тварными персонами, Бога есть двусторонний акт: Дающего и воспринимающего. Оно, сие познание, всегда носит персональный, не объективный характер. Мы — образ Божий, носим в себе непреодолимое стремление к разгадке открывающегося нам Самосущного — Божественного Бытия.

По сотворении Человека Господь уже не действует Один, но всегда с согласия сотворенного. Процесс нашего завершения слагается из встречи двух воль: Творца и творения; двух персон: Бога и человека. Познание о Боге Живом сообщается нам в акте соединения нашего с Ним в самом Бытии Его. Подобный акт "соединения" есть следствие взаимной любви, открывающей сердце наше, все существо наше в полноте его. Если же мы отдаем Ему лишь часть нашей жизни, то не должно ожидать, что Он, Безначальный, откроется нам во всей Своей Полноте, и притом навеки неотъемлемым образом. Господь неисповедимо щедр, но Он считается с мерой нашей самоотдачи Ему; иными словами: Он отдается нам настолько, насколько мы готовы в нашей свободе Его принять.

Бог так сливается с человеком, что последний живет Его как свою жизнь, и вовсе не как «объект» познания. Научный, объективирующий метод познания ни в каком случае к Нему не применим. В единении Бога с нами — и Он, и мы — неизменно пребываем персонами, сознающими себя связанными любовью. Он говорит о Себе: «Живу Я»; именует Себя «Аз есмь» — и нам сообщает именно сию жизнь; так что и мы можем сказать с чувством про себя: «аз есмь». Он — Самосущный, мы же имеем наше бытие от Него. Поскольку мы в Нем, постольку мы вне смерти, т. е. вечны.

Имя Ему — *«Альфа и Омега», «начало и конец»* (Откр. 1, 8); *«первый и последний»* (Откр. 1, 10). Он первичный принцип и Самого Себя, и для всего существующего. До того как Он прикоснется к нам Своим перстом, до того как энергия Его предвечной жизни пройдет чрез наше сердце, наш ум и даже тело мы терзаемся в догадках о Нем. Тварные, мы не постигаем, как возможно вообще Бытие. Мы констатируем сей факт, но идти дальше не в силах. Он открывается сначала на Синае Моисею с Именем *«Аз есмь»*, но еще и несравненно сильнее чрез Свое явление в сем мире, в нашей плоти. И дал нам благословение знать Его как персону и самих себя видеть возносимыми к этому образу Бытия чрез веру в Него, чрез встречу с Ним в самом бытийном соединении, чрез пришествие Духа Святого в наши сердца.

Явлением Света дается человеку бытийное познание Бога; душа, ум и даже тело участвуют в этом познании. Но мы не вмещаем всей полноты Его; и этот факт вызывает в нас любовную жажду умножать наше общение с Ним, глубже проникать всеми сторонами нашего существа. В этом томлении по Богу есть увлекающая сила, дающая радость и вместе связанная с болезнью. Скорбит дух наш, видя себя еще так неизъяснимо далекими от вожделенного Отца, и молитва принимает характер стремительного потока; опыт в ней весьма многогранен; дни и ночи становятся полными заботы и творческого искания путей к Нему.

Та святая любовь, дыхание которой может посетить нас при этом, внутренно-субъективно представляется нам не подлежащей сомнению о ее божественном происхождении. Но, несмотря на всеобъемлющий порыв этой чудной любви, явленной во Свете, было бы не только неправильным, но и опасным довериться самому себе. Из Писания мы знаем, что Пречистая Дева Мария спешит к праведной Елисавете, чтобы услышать от нее — истинно ли данное Ей откровение о рождении от Нее Сына, Который *«будет велик и наречется Сыном Всевышнего... и Царству Которого не будет конца»*

(Лк. 1, 32–33). Другой пример — Павел. Он *«был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»* (ср.: 2 Кор. 12, 4). *«Бог... благоволил открыть во мне Сына Своего»* (Гал. 1, 15–16). И все же он дважды был в Иерусалиме, чтобы предложить на суд Петра и других, «особо знаменитейших», проповедуемое им благовестие, чтобы получить от них подтверждение, что не напрасно он подвизается (ср.: Гал. 2, 1–2). И нет конца подобным примерам в истории Церкви нашей, установившей как обязательное правило — проверять себя судом других, опытнейших, старейших, признанных верными. И мы держимся этой традиции.

В основе нашего существа лежит печать тварности из «ничто», лишающей нас возможности какого-либо индивидуального суждения о Само-Бытии Абсолютного Существа. Помимо сего — мы несем в себе последствия «падения Адама», выражающегося в тенденции к самообожению. Опыт свободы нашего самоопределения, конечно, свидетельствует о нашей абсолютности, и мы легко можем утерять сознание, что мы сотворены, но сотворены «по образу Абсолютного Бога» и что наша «абсолютность» есть не более, чем отражение Перво-Абсолюта. Аберрация в этом пункте возможна для нас и интеллектуально, и психологически. Мы можем стать жертвой нашего «воображения» и выпасть из подлинно сущей реальности, которая не индивидуальна, но «соборна». Мы призваны вместить в себе всю полноту бытия человеческого и даже Божественного, но мы должны сознавать, что мы еще далеко не «там». И так — пребывает совершенно необходимым для каждого из нас, каким бы пророческим даром не обладал кто-либо, удостовериться, что мы включены в Соборное, по образу Троичного Бога Бытие, чрез свидетельство других персон. Мы, естественно, ищем таких свидетелей, которых можно найти не иначе как в Церкви, вековой опыт которой несравненно превосходит всякий индивидуальный опыт. В далеком прошлом таковыми компетентными наставниками были Апостолы, оставившие нам в письменной форме непосредственное от Бога полученное ими познание. После них — сонмы Отцов (учителей и аскетов), которые передавали из поколения в поколение прежде всего «дух самой жизни», скрепив его нередко так же своими писаниями. Мы верим, что в каждый данный исторический момент в Церкви наличествуют живые свидетели; что до конца дней мира сего не утеряется человечеством подлинное боговедение.

Лишь по обретении авторитетного подтверждения нашему индивидуальному опыту можем мы довериться своему, и опять-таки не сверх меры.

Дух наш не должен остановиться в своем движении к Богу; и на каждом новом шагу нам необходимо помнить, что самоуверенная изоляция нашей личности чревата возможностью погрешить против Истины.

«Царю Небесный, Утешителю, Душе Истины от Отца исходяй и в Сыне почиваяй прииди и вселися в ны, настави ны на всякую истину и спаси, Всеблагий, души наша» (ср.: Ин.14, 15, 16)

«Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13) — обетовал нам Господь пред исходом Своим на крестную смерть.

Сознавать себя удаленным от Бога, Бога сокровенного, но все же возлюбленного — мучительно тяжко. Теперь, когда я думаю о том, что же в действительности происходило со мною в те благословенные годы, мысль идет по трем направлениям. 1) Жажда Бога, пожиравшая меня, казалась единственно естественною, единственною *«на потребу»* (Лк. 10, 42) в моем бедственном состоянии. 2) Я немощен, во всем неустойчивый... откуда же пришла ко мне молитва, превышавшая силы моего естества? 3) Не Сам ли Господь влек меня Своею силою?.. Не соединялись ли две воли: Божия и моя, поскольку Отец и Творец наш не совершает с нами чего-либо без нашего согласия и содействия.

Томление души моей было непрестанным — днем и ночью. Эта мука выливалась в такую же непрерывную молитву даже во сне или когда я бывал на людях. При свидетелях, однако, некая сила удерживала меня от проявлений, но как только возвращался я к себе, так прежде, чем я успею закрыть дверь моей комнаты, как плач овладевал мною. Моментами боль души от разлуки с Богом бросала меня на пол, и в ночной тишине я часами не отрывался от рыданий о невыразимо великой потере моей. Весь я: мой ум, мое сердце и даже тело мое — все соединялось воедино, тесно, туго, подобно крепко стянутому узлу. И когда плач переходил некую грань, тогда земля, весь видимый мир выпадали из моего сознания, и бывал я один пред Богом. Неосязаемый Свет, исходящий от Безначального, давал мне видеть себя не в моем внешнем явлении, не в условиях моей повседневности, но странным образом, которого я не могу описывать: я стоял пред моим Творцом до конца обнаженный в самой природе моей; и не было во мне ничего скрытого от Его глаза.

Одним из важнейших событий моей жизни, по благому обо мне Промыслу, была встреча со Старцем Силуаном. Этому смиренному мужу было Свыше дано молиться за весь мир, как за самого себя. Преобладала, однако, в нем

печаль об уже ушедших отсюда. Душа его была прикована к видению ада, который за пределами Земли. Созерцал он сей ад в силу данного ему опыта реальности сего духовного состояния человеческого духа. Вообще ему было свойственно не ограничиваться в своей молитве ни временем, ни пространством, ибо дух его всегда был обращен к вечности. Мною же всегда владело видение ада здесь, в Истории. Живя в пустыне, я не только освободился от этого состояния, но даже и наоборот: мука моя возросла вследствие вообще событий нашего времени и больше всего во время Второй Мировой войны. Пустыня давала мне возможность отдаваться молитве за человечество, особенно в ночные часы. Я бывал как бы одержим ощущением страданий вселенной. Этому помогал мой опыт Первой Мировой войны и последовавшей затем Революции в России. Я жил годами в удушливой атмосфере братоубийственной ненависти; сначала международной, затем междоусобной войны. С тех пор я предпочитаю слышать о гибели подчас многих тысяч людей во время стихийных бедствий, как землетрясения, наводнения, эпидемии и подобное. Этого рода катастрофы нормально вызывают сострадание со всех сторон. Тогда как войны едва ли не всех втягивают в моральное соучастие в убийствах. Нет большего греха, чем войны. В те годы я жил Литургию, помня Гефсиманскую ночь Христа и страшный Голгофский день. Я был в отчаянии: мне раскрылись размеры Падения Человека. Как я остался живым — не понимаю.

«Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось. И преклонив главу, предал дух» (Ин. 19, 30). Что было в сознании Христа, когда Он произнес сие слово — совершилось? Раскрыть в полноте ту вечность, в которой всегда пребывал наш Господь, никто не в силах. Но не будет ошибкой предположить, что в Его глобальное видение входило не только крайнее «истощание» вплоть до схождения во ад, но и узрение Его победы над смертью: Он узрел множество спасенных Им во Свете Царства Отца. То, что было замыслом Всевышнего о Человеке в творческом уме Бога *«прежде сложения мира»*, ныне станет возможным и осуществленным: Дело, которое поручил Христу Отец, Он исполнил (Ин. 17, 4).

Мы в страхе, мы в ужасе, когда раскрываются пред нами крайние степени страданий. Но особенность христианского пути именно в том, что в параллель схождению в страну мучений становится возможным восход человеческого духа в сферы нетварного Света. Когда на нас выпадают несносимые, как нам кажется, терзания, тогда нежданно открывается доступ к действительно безмерному избытку жизни, тогда мы начинаем глубже познавать Христа

и в Его Человечестве, и в Его Божестве. И дух наш торжествует, и удивляется чуду, которое сотворил с нами Бог. Подобно тому как Гефсиманская молитва пребывает вечно в своей реальной силе; подобно тому как Голгофская смерть Христа выжжена навеки в теле сотворенного мира; подобно тому как неизгладимы из истории нашего рода все деяния и слова Господа, — так и в нас самих будут на всю вечность выгравированы все наши труды в следовании нашем за Христом, но преображенные силою любви Божией.

Верующему даются состояния, уподобляющие его Воплощенному Богу; мы не говорим о полном тожестве их, но не отрицаем их аналогии. Безумием было бы первое; нечестием и неблагодарностью — второе. И если бы никогда, никому не давалось переживать в молитве хотя бы малое подобие состояний Богочеловека, то как вообще было бы доступно людям распознавать в Нем Бога? «*Сия есть вечная жизнь, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа*» (Ин. 17, 3). Весь наш нелегкий подвиг — знать Единого Истинного Бога. Дух наш направлен не на временные явления, а на непреходящее Бытие. Стремление нашего ума к Тому, Кто есть, Кто в основе всего существующего, Кто есть Первый и Последний. И как могли бы мы приписать «историческому» Христу подобные атрибуты, если бы следование Его заповедям не приносило тех плодов, о которых с таким благоговением и восторгом говорят Отцы наши из рода в род? Если бы Он был такой же ограниченный индивидуум, каким кажемся все мы? Но... «*Сын Божий... дал нам разум, да познаем истинного Бога и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе...*» (1 Ин. 5, 20). И Апостол Павел говорит, что в нас «*должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе*» (Флп. 2, 5). И опять Павел преклоняет «*колена пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа*», чтобы нам было дано «*Духом Его утвердиться во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца наши, чтобы мы... могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы нам исполниться всею полнотою Божиею*» (ср.: Еф. 3, 14–19).

Итак, если в начале христианства Дух, Который влагал в уста и сердце Павла эти слова, то Тот же Дух и до сего дня не перестал двигать сердца верующих на подобную молитву о всем мире, чтобы всякий человек познал всем существом, что Господь призывает всех и каждого «*в Свой чудный Свет*» (1 Пет. 2, 9).

Мы не охватываем нашим умом, что значит спасение мира или как понимать воскресение из мертвых (ср. Мк. 9, 10); но в молитве и нам дается иногда

состояние, приоткрывающее тайны будущего века. Верим, что придет такой момент, который именуется *«исполнением времен»* (Еф. 1, 10), как завершение всего, что мыслил Творец о нас.

Вечность не имеет длительности, хотя и объемлет все протяженности веков и пространства. О ней можно говорить как о «вечном мгновении», не поддающемся никаким определениям или измерениям: ни временным, ни пространственным, ни логическим. В нем, в этом неизъяснимом мгновении, и мы, по дару Духа Святого, в едином непротяженном бессмертном акте всего нашего существа любовно обнимем все сущее от века, и Бог будет всяческая во всех (ср.: 1 Кор. 15, 28).

Бытие разумной твари должно стать совершенным: по образу Триединого Божества. В этом смысл, и цель, и задание Церкви Христовой: *«да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино...»* (Ин. 17, 21). Ясно, что каждый член Церкви должен достигнуть полноту подобия Христу, даже до тожества, иначе не осуществится единство Церкви по подобию единству Святой Троицы.

О духовной свободе

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1).

Начало нашей жизни в теле, от земли взятом (Быт. 2, 7), дает нам опыт зависимости от природных сил и вообще космических энергий, с которыми связана необходимость и детерминизм. Лишь чрез Христа познаем мы Царство свободы Духа Божьего (ср.: 2 Кор. 3, 17), а затем и духа человеческого (ср.: Ин. 8, 31–32). Последний, дух человеческий, как образ Первого, непостижимым путем творимый Богом, зарождается как бы в материи тела нашего, но по природе своей он, дух человека, стоит выше космической материи. От встречи со Христом вырастает он в своем ипостасном сознании до той зрелости, когда перестает зависеть от естественных законов земли и начинает действенно воспринимать дыхание Божественной вечности.

Свобода человека, уверовавшего в Божество Иисуса Христа и пребывающего в сфере слова Его, принадлежит плану иных измерений: она, сия свобода, ничем не детерминирована извне. Такой человек — приближающийся к мере полного возраста Христова (ср.: Еф. 4, 13) — хотя и является тварью Бога, однако Творец обращается с ним не как со Своей «энергией», но как

с определенным фактом даже для Него: Бог ничего не навязывает ему насилием, даже любви к Нему, как к Отцу. Он открывается человеку *«как Он есть»*, оставляя человека реагировать в свободе его. Так Церковь отклоняет даже Божественный, т. е. «оригенистический» детерминизм: якобы благость Божия найдет пути, не нарушая принципа свободы, спасти всех и все.

Свобода сия, опыт которой дается человеку-христианину, принадлежит персональному началу в человеке. Эти два — Персона и свобода — соединены неразрывно: где нет свободы, там нет и Персоны; и наоборот: где нет Персоны, там нет и свободы. Этот род вечного Бытия свойственен исключительно Персоне, и никак не индивиду (ср.: 1 Кор. 15, 47–50).

Созданы мы Богом «по образу Его» для жизни «по подобию Ему», т. е. ради конечного обожения нас: сообщения нам Божественной Жизни во всей ее полноте. Отношения между Богом и человеком основаны на началах свободы: в наших заключительных самоопределениях пред Богом — мы самовластные персоны. Когда в свободе нашей мы склоняемся к греху, тогда мы разрываем с Ним союз любви и удаляемся от Него. Возможность отрицательного самоопределения нашего по отношению к Отцу Небесному доставляет трагический аспект свободы. Но сие роковое самовластие все же является необходимым условием для тварной персоны при восхождении для восприятия Божественной Жизни.

Да, мы свободны, но не в той абсолютной мере, в какой свободен Сам Бог: Он во всем определяет Свое Бытие. Мы же, тварные из «ничто», в самих себе бытия не имеем: мы не можем созидать какое бы то ни было бытие, которого хотели бы мы по разуму нашему или безумию. Пред нами факт Первого Самобытия Бога, кроме Которого ничто самобытное не существует. Нам предстоит выбор: или наше усыновление Богом и Отцом нашим, или отход от Него во мрак небытийный, — среднего нет.

Христианин признан к дерзанию поверить, что мы можем быть введены в обладание Божественным Бытием. Оно не принадлежит нам, потому что мы тварь; мы не располагаем силами создать сие бытие; оно может быть дано нам как чистый дар любви Отчей.

О чем говорю я сейчас? Я пытаюсь найти некоторую параллель из нашей обыденной жизни, которая объяснила бы, что происходит с нами, когда Господь вселяется в нас... Человек рождается слепым, беспомощным младенцем. Его орудие борьбы за свое существование — плач, которым он выражает свое недовольство или страдание, каким бы путем сие ни пришло. Родители,

и прежде всего мать, по любви к плоду чрева своего, спешат ему на помощь. В начале жизни младенец прилепляется к матери: руками охватывает ее шею; жмется к ее лицу, плечу, груди, ногам, когда он стоит на полу, и подобное. Постепенно научается он различать вещи, произносить некоторые слова, усваивает некоторые понятия, становится более сильным, способным стоять, ходить и бегать, наконец достигает своей зрелости — физической, моральной, умственной; сам может быть отцом или матерью; вступает в самостоятельную жизнь. Все, что испытал он в младенчестве, выпадает из его памяти; он знает, кто его отец и мать, но не имеет более ощущения своей зависимости от них; живет, как бы ни от кого не исшедший; свободный в своих движениях и решениях; видит себя как некую полноту, как целостную индивидуальность; словом — «я живу». Как это случилось, не знаю, но факт этот до конца убедителен для меня самого... Только разум мой знает, что та жизнь, которую имели мои родители, сообщена мне, потекла в моих жилах, стала моею, нашла свой путь.

Так у нас обстоит с Богом: *«... как Отец имеет жизнь в самом Себе: так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе»* (Ин. 5, 26). *«Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом: так и ядущий Меня жить будет Мною»* (Ин. 6, 57–58). *«Я живу и вы жить будете»* (Ин. 14, 19). Когда сия Жизнь сообщается нам бытийно, то мы ощущаем ее как нашу собственную жизнь. Мы знаем из предшествующего опыта, что эта жизнь нам дана Богом; она не наша по существу своему; но, данная в неотъемлемое достояние спасенным, она становится действительно нашей жизнью. О ней можно говорить словами Апостола Павла: *«И уже не я живу, но живет во мне Христос»* (Гал. 2, 20). Опять повторю: я знаю, что он живет во мне, но Его жизнь стала ядром, самым внутренним, всего моего существа, так что я могу говорить о ней, как о моей жизни: живет Господь, живу и я.

«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам... и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 21–23). Сотворят, конечно, не на время, а на вечность.

Вхождение наше в обладание сей бессмертной жизнью обусловлено хранением заповедей Господних.

«Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 31–32).

Подобие природы нашей Богу естественно порождает в нас жажду познать Истину, стремиться к Божественному совершенству. Оно, сие совершенство, не в нас самих, а во Отце, Источнике всего существующего. Следование Ему во всем никак не имеет характера подчинения диктату внешней для нас власти: это есть влечение любви нашей к Нему; мы непрестанно томимся по Его совершенству. И Христос дал нам заповедь: «*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*» (Мф. 5, 48).

Святая воля Отца, от века сущая в Нем, не чужда нам, Его «образу». Она родственна нашему духу, хотя и превосходит наше тварное естество. Превосходство Отца объясняет необходимость борьбы за полное освоение Его нами; мы свободно идем на сей подвиг, одновременно мучительный и вдохновляющий. Чрез молитву нисходит на нас сила Вышнего. Святой дух совершает в нас искомое и чаемое, а не наши потуги. Мы скорбим до великой боли, потому что не вмещаем полноты Его в себе самих. И болеем, и страдаем, но и блаженствуем в самом сем страдании; и почитаем Его, и поклоняемся Ему в любви нашей. В своей наиболее чистой форме молитва наша есть не что иное, как восторг нашего духа пред ним.

«*Господи! научи нас молиться... Он сказал им, когда молитесь, говорите: Отче наш...* » (Лк. 11, 1–2). Молитесь же так: (Мф. 6. 9–13).

«Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое: Ты дал духу моему обонять благоухание Святыни Твоея, и ныне душа моя жаждет быть святою в Тебе.

«*Да приидет Царствие Твое*»: молю Тебя, да Твоя Царственная жизнь преисполнит меня, нищего и убогого, и да будет моей жизнью во веки веков.

«*Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли*» моего тварного существа... да включусь и я, смертный, в великий поток Света сего, как он есть в Тебе Самом от начала.

«*Хлеб наш насущный даждь нам днесь*», и прежде всего, и после всего «истинный хлеб, сходящий с небес и дающий жизнь миру» (Ин. 6, 32–33).

«*И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим*». Молю Тебя, ниспосли на меня, растленного, благодать Духа Святого, дарующего силу простить всем и все так, чтобы не оставалось во мне препятствия воспринять прощение от Тебя безмерности моих грехов.

«И не введи нас во искушение». Ты, сердцеведец, знаешь мое развращение и склонность ко греху... молю Тебя: пошли Ангела Твоего с огненным мечом, чтобы преградил путь к падениям (ср. Числа 22, 23 и далее).

«Но избави нас от лукавого». Отче Святый, Вседержителю Благий, освободи меня от власти врага нашего и Твоего противника... самому мне бороться с ним невмочь.

Первое движение нашей молитвы — прошение о нас самих. Когда же Дух Святой умножит наше познание и расширит наше сознание, тогда молитва принимает космические измерения, и мы, призывая Отца нашего, под словом *«наш»* мыслим все человечество и на всех людей испрашиваем благодать с таким же сердцем, как и для нас самих:

«Да святится Имя Твое» среди всех народов; *«Да приидет Царствие Твое»* в души всех людей, так чтобы Свет исходящей от Тебя жизни стал жизнью всего мира нашего; *«Да будет воля Твоя»*, единственно святая, соединяющая всех в любви Твоей на Земле, обитаемой нами, подобно тому, как она царит среди святых на небесах. *«Избави нас от лукавого»* *«человекоубийцы»* (Ин. 8, 44), повсюду сеющего злое семя вражды и смерти (ср. Мф. 13, 27–28).

По христианскому пониманию — зло, как и добро, наличествует только там, где есть персональная форма бытия. Вне этого рода жизни нет зла, но лишь детерминированные естественные процессы.

В связи с проблемой зла вообще, и главное в мире людском, стоит вопрос об участии Бога в исторических судьбах народов. Весьма многие отвергли веру в Бога, потому что им кажется, что если бы Бог существовал, то не мог бы иметь место такой дикий разгул зла, такое множество неоправданных страданий, такое отсутствие порядка и смысла во всем. Они забывают или вовсе не знают, что Создатель бережет человеческую свободу как основной принцип в творении богообразных существ. Вмешательство всякий раз, когда воля людей увлекает их на пути злодеяний, было бы равносильным лишить их возможности самоопределения; приводило бы к сведению всего к космическим безличным законам.

Бог, конечно, спасает и отдельных страдальцев, и целые народы, если сами они направляют свои стопы по Его путям и взывают к Нему о помощи.

Не у всех одинаковое представление о смысле слова — спасение. Для христиан, ведущих непримиримую брань с грехом, оно состоит в том, что Сам Бог отдает Себя человеку в необъятности Своей вечности. Такому подвижнику видимые бедствия могут сопутствовать всю его жизнь, но он внутренне

предстоит Невидимому (ср. 2 Тим. 4, 7; Флп. 1, 29; Деян. 9, 16; 1 Кор. 15, 30; 2 Кор. 6, 4). Напрасною будет попытка описывать его состояние: он предается в волю Божию и в этом самоумалении уподобляется Христу (ср. Лк. 22, 42). Сей акт в существе своем есть свободное выявление кенотической любви, уподобляющей человека Богу: *«...пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников»* (Мк. 14, 41). Нет любви большей, чем сия: мы отдаем себя в святые руки Создавшего нас, чрез сие входим в полноту Божественной жизни.

Достоинство молитвы превосходит ценность всякой иной деятельности, будь то в сфере социальной или политической, научной или искусства. Познавший сие на опыте легко жертвует своим материальным благосостоянием ради досуга для беседы с Богом. Великая привилегия останавливать свой ум на непреходящем; на том, что выше и дальше всех самых выдающихся достижений науки, философии или общественного служения. Вначале борьба за духовную свободу может показаться чрезмерно тяжкою и рискованною; но все преодолевается, когда молитва всецело захватит душу.

Молитва глубокого покаяния может привести человека в такое состояние, когда он получает опыт свободы в Духе Истины: *«и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8, 32). Сия святая свобода, к сожалению, неведома большинству людей. Первый симптом освобождения — нежелание властвовать над кем бы то ни было; последующая ступень — внутреннее раскрепощение от власти других над тобою; и это не по презрению к установленным от Бога властям и управителям внешней жизни народов, но в силу страха Божия, не допускающего преступить заповедь о любви к ближнему.

Безначальный Бог открылся нам в Своем неизъяснимом смирении. Он, Творец всего существующего, не властвует над нами. Правда, и над Ним никто не властен. Человек — образ сего смиренного и свободного Бога; нормально бы нам стремиться уподобиться Ему в образе Бытия: отстраняться от господствования над другими и самим *«стоять в свободе, которую даровал нам Христос»* (ср.: Гал. 5, 1; 1 Кор. 15: 23–28).

Свет Божий своим пришествием в душу молящегося изымает ее из рабства страстям и возводит в светоносную сферу богоподобной свободы, полной любви, исключающей всякую склонность к рабовладению, которое противоположно любви. Там, где нет свободы и любви, все бессмысленно. Даже такие дары, как пророчества, ведения всех тайн и силы чудотворения, без любви теряют ценность (ср. 1 Кор. 13, 1–3).

Велик и дивен мир святой свободы. Вне ее невозможно спасение как обожение человека. Необходимо, чтобы он сам (человек) свободно определился на вечность. Вся тварь стремится к освобождению от рабства тлению в свободу богосыновства (ср.: Рим. 8, 21–23).

Повсюду ныне происходит борьба за свободу и независимость, но едва ли найдешь человека, которому открылась тайна богоподобной свободы детей Отца Небесного. Неописуемо в словах достоинство сего состояния: познается оно не иначе, как по дару Свыше. И опять не могу не вспомнить Апостола Павла, несомненно знавшего божественно-царственную свободу: *«Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что покорилась суете недобровольно...»* (Рим. 8, 19–20).

«Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5, 1). Легко понять, что страсть преобладания над братом немедленным последствием имеет потерю своей независимости, притом, что страшно отступление от Бога любви, лишение благодати Духа Святого. В душе поработителя создается провал в небытийную пустоту. Подобие Господу господствующих исключает рабовладение, в котором нет вечной жизни, ни даже временной. Доминация обычно достигается насилиями и убийствами. К таковым, как к не оказавшим милости, на последнем Суде будет применен принцип: *«Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»*; и еще: *«Суд без милости не оказавшему милости»* (Мф. 7, 2; Иак. 2, 13).

«Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Свобода в своей абсолютной форме свойственна только Богу. Человеку же дается благословение познавать ее отчасти в молитве, соединенной с жизнью по заповедям. Молитва — бесценный дар Неба — требует от нас «досуга». Ради встречи с Живым Христом не трудно отказаться от влекущих человека услаждений и всему предпочесть беседу с Ним. Мне была дана сия бесценная привилегия, — скажу смело — блаженство, наибольшей силы достигшее в пустыне. Аскетическое понятие пустыни связывается не с географией, а образом жизни: такая удаленность от людей, когда тебя никто не видит и не слышит, когда над тобой нет человеческой власти и ты не властвуешь ни над кем. Эта свобода необходима для полного погружения духа, да и всего состава нашего, в Божественной сфере. Тогда может быть нам сообщено Божественное бесстрастие, стоящее выше всех ценностей Земли. Не мыслит такой человек ни преобладания над братом, не ищет чести или прославления, ни тем более вещественных богатств. О, положительное определение свободы истинной

не поддается выражению в словах! Не понимаю, почему в пустыне на меня снизошло благословение жить в свободе *«детей Божиих»* (Рим. 8, 21). Не говорю, что я воспринял сей дар до его высших степеней, т. е. когда человек воистину превзошел власть над ним греха и смерти. Но я бывал моментами на той грани, откуда уразумел, что полнота освобождения приходит, когда преодолена смерть.

Кто не боится смерти, тот стоит на пути к свободе. В рабстве удерживается человек, если в нем доминирует привязанность к земному. *«Вот, я и дети, которых дал Мне Бог. Поскольку дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, т. е. дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству»* (Евр. 2, 13–15).

Лишь отчасти испытал я восторг духовной свободы. С тех пор, как я был поставлен духовником, живу вне ее, будучи связан любовью к тем, кого Господь посылал ко мне. Любовь нередко порабощает меня тем, кому я служу, которые нуждаются во мне ради Бога. Однако где-то в глубине души остается след пережитого мною опыта. Впервые, в еще далеко неясной форме, опыт сей был мне дан во Франции, когда я ощутил крепкую нужду удалиться из мира. Я благодарил Промысл Господа обо мне, увидев себя свободным совершить сей шаг удаления из мира, так как не было никого во всей вселенной, чья жизнь зависела бы от меня. В моей жажде Бога я мог идти на всякий риск; я не дорожил ничем; я свободно предал себя на все трудности. Это было начальным опытом царственной свободы моей души. Христос в свободе Своей любви предал Себя на смерть, открыв тем нам дорогу к высшему познанию, к Божественному бессмертию.

О вдохновении

При всем сознании моего крайнего ничтожества, быть может, даже в силу этого томления (ср.: Мф. 5, 3), я молился десятилетиями, чтобы и мне дал Господь вдохновение на следование за Ним, *«куда бы Он ни пошел»* (ср.: Откр. 14, 4): в пустыню ли, на испытание верности моей любви к Отцу (ср.: Лк. 4, 1 и далее), на исполненную миллиона терзаний проповедь Царствия любви Отчей, на Фавор ли, где три избранных услышали голос Отца: *«Сей есть Сын мой Возлюбленный»* (Мф. 17, 5), но прежде и больше всего в Гефсиманию и на Голгофу. Под вдохновением я разумел присутствие силы Духа Святого

внутри нас (ср.: Ин. 4, 13–15; 7, 37–39). Этого рода вдохновение принадлежит иному плану бытия, по отношению к тому, что я принимал за художественное или философское таковое. И сие последнее, свойственное падшему естеству нашему, может быть понято как дар от Бога, но еще не дающий ни единения с Богом личным, ни даже интеллектуального ведения о Нем.

Подлинно святое вдохновение, Свыше от Отца исходящее, не навязывается силою никому: оно стяжевается, как и всякий иной дар от Бога, напряженным подвигом в молитве (ср.: Лк. 11, 9–13). Не в том дело, что якобы Бог дает за труды некую «плату»; но в том, что стяженное разумно в страдании становится неотъемлемым обладанием человека на вечность. Всем нам необходимо претерпеть полное перерождение действием благодати, восстановление в нас способности воспринять обожение. Но все сие возможно не иначе, как чрез исполненный муки возврат наш к Нему. Бог действительно отдает нам Свою жизнь в полном смысле в наше личное обладание. Его предвечная слава вселяется в Им искупленных, и притом не как нечто придаточное, несвойственное нашей природе; не как присутствие в нас чего-то не-своего, «чужого», «неправедного» (ср.: Лк. 16. 11–12). Нет. Истинное обожение состоит в том, что разумной твари действительно и во веки неотъемлемо сообщается безначальная жизнь Самого Бога. Иными словами: Жизнь Бога «ипостазируется» человеком подобно тому, как Бог, воплотившийся, ипостазировал — воспринял в Свою Ипостась — Им же сотворенную форму нашего бытия. В грядущем веке единство Бога с человеком станет полным во всем содержании Его Бытия, кроме, разумеется, тожества по Сущности. Сия последняя не подлежит сообщению тварям и всегда пребудет непостижимой для всех сотворенных существ: Ангелов и человеков.

Царство Отца есть онтологическое единство всех спасенных, и как таковое, уже никем и ничем не поколебимое (ср.: Евр. 12, 27–28). Вдохновение Свыше в значительной мере зависит от нас: откроем ли мы дверь сердца нашего, чтобы ненасильственно вошел внутрь нас Господь — Дух Святой, Который стоит у двери (сердца нашего) и стучит. Если кто услышит голос Его и отворит дверь, войдет к нему, и будет вечерять с Ним, и он с Богом (ср.: Откр. 3, 20). Господь бережет свободу созданных «по образу» Его. И мы должны знать, что приемлемо для Него. Отсюда создается нужда для всех и каждого из нас: не позволять себе таких деяний, не допускать таких внутренних движений духа нашего, которые оскорбляют Дух Божий. Чрез искреннее пребывание

в сфере заповедей Христа излечивается наша греховная смерть, и вся жизнь становится пронизанною Нетварным Светом Божественной Вечности.

Когда душа бытийно прикасается сей Вечности, тогда отпадают от нас низменные страсти, — и мы отстраняемся от братоубийственной войны за обладание земными ценностями, и на нас снисходит «мир Христов», и мы получаем силу «любить врагов». *«Мир Мой даю вам»* (Ин. 14, 27). Мир Христов драгоценнее всех богатств, всех услад и радостей земли. Он состоит в несомненном знании Живого Бога — Отца нашего. Довольно нам немного пищи, быть под кровлей дома, иметь тело прикрытое от холода и стыда (ср.: 1 Тим. 6, 8). Лишь бы ум — наш дух — был свободен погружаться в созерцание Божественного Бытия, открытого нам Христом. Тоска по горнему миру, любовное устремление к нему является веселием нашим, делает даже болезненную старость царственно великолепною, полною ожидания милосердных *«объятий Отчих»* (Лк. 15, 20).

Об истощании и богооставленности

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Блаженны потому, что вместе с сознанием нашей нищеты в духе к нам приходит сила для восхождения к Богу. Вне сего сознания нет движения к Высшему; самодовольство же есть симптом или паралича духовного, или падения. Чрез постоянное поставление самих себя на суд Божиих заповедей обостряется в нас чувство далекости от Бога, углубляется уразумение, что гордость есть корень всех зол. Гордость есть противница Богу; гордость — антипод любви Божией. Чрез нее человечество стало рабом тления. Чтобы возродиться в Боге, в первозданной красоте духовной, необходимо нам руководиться Евангельским учением. Только крепкая вера, что Христос есть Вседержитель Бог, поможет нам удержаться «на недвижимом камне заповедей» Его. При этом условии возникает тяжкое борение со всем тем, что стяжали мы в нашем падении. Вера, что Христос есть единственный Спаситель человека, не допустит нам отпасть от Него, когда начнется непредвиденный и недомысленный процесс нашего очищения от греховного «богатства». Апостолы сообщили нам о том, что услышали и познали от Самого Господа; Отцы же нашей Церкви в непревосходимом подвиге сохранили все заповеданное Богом и передавали нам свой бесценный опыт и знание (ср.: Мф. 28, 19–20). Благодаря им, Апостолам и Отцам, мы являемся обладателями познания тайны путей спасения.

Эти незримые пути повешены над безднами. Чтобы никакие бури не снесли нас с них и не сбросили нас в темные пропасти, нет, повторяю, иной силы, иного разума, кроме несокрушимой веры во Христа-Бога. *«И сия есть победа, победившая мир, вера наша»* (1 Ин. 5, 4).

Перейду к посильному описанию сего таинства. Заповеди ставят нас лицом к Лицу Абсолютного Существа. Все наши попытки соблюсти их, заповеди, неизбежно проваливаются. Мы обнаруживаем нашу полную непригодность для сего шествия.

Мы видим в себе такие извороты духа-ума и такие страсти сердца, которые убивают нас. Страх отпадения от Бога, в Которого мы уверовали, велик. Мы непременно приходим в сердечную тугу от нас самих. Все, чем мы считали себя обогащенными в прошлом, мы отбрасываем и становимся обнаженными от всего: от наших земных привязанностей и знаний, и даже воли. Так мы обнищеваем, "истощаемся". Конечно, наиболее тяжкое испытание для нас в том, что, несмотря на предельное для нас напряжение пребывать верными Богу, мы терпим периоды богооставленности. Нищета духовная, соединяясь с болью богооставленности, погружает нас в отчаяние. Нам мнится, что над нами тяготеет некая страшная клятва. Мы можем страдать во всех планах нашего существа: духом, умом, сердцем, телом. Именно в подобные минуты духу нашему предстает библейское откровение о падении Человека в своем подлинном трагизме, и вера в любовь Христа внушает нам предаться возможно полному покаянию. Чем глубже наше покаяние, тем шире раскрываются пред нами и глубины нашего падения, прежде скрытые от нас же самих. Ясно осознавая безнадежность нашего положения, мы начинаем ненавидеть нас такими, как мы есть.

Сей вид истощания, или смирения, не достигается человеческими усилиями — это есть дар Бога-Спасителя: благодать покаяния к прощению грехов (ср.: Лк. 24, 47). Мы не понимаем Его действий в нас, но все же Его силою мы сводимся до нуля; а нам жутко: Его нет с нами. Он, наше единственное искание и любовь, скрылся от нас.

Таким образом совершается наше очищение от *«проклятого»* (См.: Быт. 3, 14–19) наследства; таким путем постепенно проникает в нас уже новая, несозданная энергия: мы причащаемся Божественного Бытия. Тогда приходит Свет Божий и объемлет нас. Дух Истинный, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, нисходит в наше сердце как Утешитель: *«Блаженны плачущие, ибо они утешатся»* (Мф. 5, 4).

Возвращаясь в ничто, мы становимся «материалом», из которого свойственно творить Богу нашему. Он, и никто другой, раскрыл для нас сие таинство. Отдавшись в Его святые руки, испытывая на себе Его творческий процесс, уразумеваем мы, как все, ниспосланное Им, превосходит нас: не видел того наш ум, не приходило нам сие на сердце (ср.: 1 Кор. 2, 9). И нет конца удивлению пред Ним. О, как Он знает человека! Только Создавший нас может иметь такое ведение о возможностях нашей натуры. Я ищу слов для выражения утерянной людьми тайны. Я умоляю Бога дать мне нужные слова. Прошу случайного читателя: не думай обо мне, ничтожном, но смотри лишь на сущность предмета. Не я выдумал сие учение, но был научен снисхождением Божиим чрез Его избранника. Я не пытаюсь расшифровать сей парадокс: почему сие выпало на мою голову? Но приведенный к подножию великой Тайны, я был поражен ее великолепием. Совершенство Бога-Христа не может быть воспето должным образом.

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Появление внутри нас сей святой «ненависти» знаменует собою приближение к созерцанию сего святого таинства. Кому было дано сие страшное благословение, тот начинает познавать *«единого истинного Бога, и посланного Им Иисуса Христа»* (ср.: Ин. 17, 3), и поставляется он на пороге входа в царство непоколебимое. Прекрасное описание пути спасения нашего имеем в 12-й главе послания Апостола Павла к Евреям.

«Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, то не хвались как бы не получивший» (ср.: 1 Кор. 4, 7). Господь, дававший мне в мои младенческие годы видеть Его Свет с простотою детского возраста, попустил мне пережить подобное Адамову падение. Но Он не покинул меня до конца: Он дал мне понять, куда я удалялся от Него (ср. Лк. 15, 13–24). Параллельно с тем Он излил на меня в потоках слез моих благодать сокрушения о содеянном мною. В начальный период я был полным невеждой в учении Святых Отцов-аскетов. Происходившее со мной во всем превышало меня, и я, невежда, рыдал в раскаянии моем, зная, что недостоин прощения. Тоска по Отце была всепоглощающею. Настолько, что когда пожигавшее меня пламя прелагалось в Свет, то я не мог внимать сему дару, и самоосуждение на «тьму кромешную» не покидало меня. Пламя невыносимого стыда испепеляло меня: «я оставил Его за ненадобностью для меня: я превзошел

Его в моем разумении Первого Бытия». Я молился лежа ниц: я не смел взглянуть на Него. Я ненавидел самого себя.

Человек, взятый в своей отдельности, не располагает возможностью идти в одиночку за Христом: слишком грандиозна картина, раскрывающаяся пред ним. Здравый умом отстранится от самодовольства и взыщет надежных свидетелей: «*не напрасно ли он подвизается*» (ср.: Гал. 2, 2). Свидетели же, естественно, должны избираться среди тех, которые в древности последовали Христу, а также и среди современников своих той же веры. Не пойду я спрашивать буддиста или магометанина: верно ли я разумею заповеди Господни? Так я обратился к чтению преимущественно Нового Завета, к священнослужителям Церкви, к профессорам богословия; к чтению писаний апостольских мужей, великих аскетов, не игнорируя и трудов недавнего прошлого и современников моих. В то время труды последних мало помогали мне непосредственно. Зато знакомство с творениями аскетов действительно соответствовало моим нуждам. В них я находил не только вдохновенное руководство на избранном мною пути, но и многие чудные растолкования внутренних духовных событий, которые были мне уже известны. С одной стороны, я утверждался в познании духовного мира, с другой — входил в сложную брань с моим тщеславием. Обнаруживая в их писаниях сходство с моим опытом, я, бывало, испытывал наплыв удовлетворения, которое подобно болотной тине окутывало сердце мое. Тогда терялось видение Света Небесного — иногда надолго. Я впадал в великую печаль в связи с этим явлением. Положение мое казалось безвыходным: я не могу быть самодовлеющим, но когда я начинал разумевать ниспосланное мне десницей Божией, так «шуйца» моя губила все (ср.: Мф. 6, 3). «*Несчастный я человек! Кто избавит меня от сей смерти*?» (ср.: Рим. 7, 24). Не раз случалось — молюсь, утопая в слезах сокрушения, и едва где-то рядом, в воздухе еще, появится тщеславный помысл, как я встаю с земли окраденный: нет слез, душа опустошена, тело здорово, жизнь духовная ушла. После многих повторений подобного бедствия я приходил в страх при малейшем приближении сего врага и удваивал плач покаяния: «Господи, пришли убийцы, спаси меня!» Тогда я понял, почему Отцы не любили похвал: даже совершенные не выходили без некоторого ущерба в любви Божией.

«*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*» (Мф. 5, 3). Эти слова Христа лежат в основе пожизненного подвига, ведущего ко спасению, понимаемому как обожение.

«Молю Тебя, Христе, собезначальное Отцу и Духу Слово Ипостасное, даруй мне ныне слово, могущее хотя бы отчасти изъяснить, каким сокровенным тайнам Ты научаешь нас чрез промыслительное удаление от нас. Ты бо единый Учитель и Наставник наш (Мф. 23, 8, 10); Ты — Свет, Ты — Премудрость; Ты же — единственный путь ко Отцу».

Поставленные вплотную пред невыразимым величием Божественной любви, явленной нам воплощенным Логосом Отца, мы, в стремлении нашем следовать по Его стопам, сначала проходим тяжкий опыт обнаружения нашего ничтожества. Горек, а вместе и дивен сей процесс; глубинный смысл его, однако, открывается нам лишь на конце пути.

Во Христе мы встречаемся с Абсолютным Существом; не иначе как Его силою мы можем преодолеть все, что неспособно воспринять вечность, что противно Его любви. Печально нам на каждом шагу убеждаться в нашем бессилии; тесен наш ум, чтобы уразуметь Его святые повеления. Но в самом страдальческом стремлении к Нему мы начинаем видеть вдохновляющий призыв, исходящий от безначального Божества. Еще не сладостно, но мы возлюбили Его: Он благолепен, и любовь сия сильнее смерти. Как бы ни было тяжко хранить Его слово, но мы не можем уклониться от стоящей пред нами цели: стать навеки селением Его Света. Так с болезнью всего состава нашего утопаем мы в море слез всецелого покаяния. Мы знаем из опыта, что нет иного способа выбросить из нас унаследованную в падении гадостную страсть гордости. В состоянии этого покаяния мы становимся открытыми для действия в нас Духа Святого, действия могучего, дающего нам предвкушать вечное единение с Богом.

Переход из унаследованного нами от Адама растления в область Невечернего Света Христова есть событие более важное, чем все иные факты Земли. Признаком приближения к сему великому таинству служит появление в нас святой ненависти к самому себе (ср.: Лк. 14, 26). Сказано: ничто нечистое не войдет в Царство Агнца Божия (ср.: Откр. 21, 27). Испытаем сурово самих себя и без сожаления осудим себя во ад, как недостойных Бога. Только так мы преодолеем нашу склонность снисходить к нашим немощам: прощать легко наши преступления, особенно если они совершены лишь в мыслях. Игра наша грандиозна; в ставку идет все наше существо; выигрыш — бессмертие во Свете безначальном. *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его»* (Мф. 11, 12).

Учение Христа исходит от «*Отца светов*» (Иак. 1, 17); ему присуще Божественное совершенство; оно принадлежит иному плану бытия. Никто из людей не может согласовать свою жизнь с Евангелием своею силою. Сколько бы мы ни напрягались, заповедь в своем совершенстве остается недосягаемой. Возможно, в какие-то моменты нам будет дано приблизиться к сему Огню (ср.: Лк. 12, 49), но устоять в нем надолго мы не можем. То же нужно отметить относительно опыта бесстрастия: он может быть дан подвижнику, но не носит характера постоянства и подвержен колебаниям, в зависимости от окружения, от формы служения людям.

В пределах Земли нет абсолютного совершенства, и опасно нам удовлетвориться уже достигнутым. Не верующие в Бога не знают богооставленности. Сие горе переживают лишь те, кто уже познал благость Бога и всеми силами стремится пребывать в Нем и с Ним. Чем в большей мере вкусил человек радости единения с Богом, тем глубже страдает он при разлуке с Ним. Последний предел, известный нам из Евангелия, — есть Сам Господь: после молитвы с кровавым потом в Гефсимании, в которой Он отдал все Отцу Своему, на кресте Он «*возопил громким голосом... Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?.. и опять возопив... испустил дух*» (ср.: Мф. 27, 46–50). При таком полном истощании «*человека Христа Иисуса*» (1 Тим. 2, 5) истощание сие преобразилось в столь же завершенное обожение воспринятого Им в акте воплощения нашего естества. И Ему, уже как «человеку», дано Имя, превышее всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср.: Флп. 2, 9; Еф. 1, 21).

Христианину как-то следует приблизиться к этому состоянию, чтобы удостоиться принять соответствующее глубине его личного истощания — спасение. Такова любовь Бога: в вечности ей свойственно никогда не умаляемое предельное напряжение Бытия, при полном отвлечении от себя. Она смиренна, а Божественному смирению естественно быть открытому для всех, приходящих к Нему (Ин. 6, 37–40). В Царстве Бога-Отца никто эгоистически не затворяется внутрь себя. Святая любовь все желание переносит на возлюбленных. Весь мир, Божий и тварный, объемлет она в смирении. Таким путем все Бытие явится ее содержанием. В этом великолепии любви — ее неисчислимое богатство и невыразимое блаженство.

Нищета же и мрак адский — в самовлюбленном погружении в себя. Крайняя степень гордой замкнутости в себе выражается как ненависть к Богу.

Чрез долгий подвиг самоистощания стяжевается любовь Божия. О ней дается откровение в краткие минуты посещений Свыше. Затем неизбежно последуют дни, годы богооставленности. Страх объемлет душу, покинутую Богом. Мы можем не знать — за что? Мы стоим перед опасностью: она, любовь, что явилась нам во Свете, уходит, скрывается подобно заходящему солнцу... спускается мрачная ночь. Таким образом научаемся мы следовать за Христом, сходящим во ад. Следовать за Ним, *«куда бы Он ни пошел»* (Откр. 14, 4).

Всякому человеку, подлинно взыскавшему спасения, необходимо пройти чрез опыт богопокинутости. Моментами она может достигать такой силы, что и короткие мгновения кажутся вневременными. Такие крайние состояния ниспосылаются подвижнику не часто, но умеренная степень сего испытания может сопутствовать нам долгие годы во втором этапе духовной жизни христианина, т. е. когда промыслительно он претерпевает ослабление и даже удаление первой благодати. В этом неизбежном ослаблении есть глубокий смысл: дать человеку проявить свою свободу и верность Богу.

Но как возможно не отчаяться, если ни одна молитва не достигает Всевышнего? Как бы ни был человек утвержден все предшествующие годы живым общением с единственно Сущим, положение покинутости Богом, уже возлюбленным, ставит дух наш в тягостное недоумение: что же было со мною тогда? Неужели Бог, такой, каким я познал Его, может так удаляться, что ни один вопль уязвленной души не трогает Его?.. Подобные мысли смущают и колеблют ум. Окончательный ответ все же может не скоро прийти.

Когда и мой личный опыт дал мне увидеть, что заповеди Христа по самой сущности своей суть проекция Божественной жизни в нашем плане, тогда мне стали понятными слова Господа: *«Без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15, 5). В трудные времена провала всех моих усилий согласовать мои жизненные проявления с евангельским учением, я, бывало, молился так: «Прииди, и Сам Ты твори во Мне волю Твою: повеления Твои не вмещаются в мое узкое сердце, и мой тесный ум не постигает их содержания... Если же Ты не пожелаешь вселиться внутрь меня, то я неизбежно уйду во мрак... Ты, знаю, не действуешь насилием, но молю Тебя: войди в мой дом властно и всего меня перероди — преложи адскую тьму гордости моей в Твою смиренную любовь; Светом преобрази извращенную природу мою, так, чтобы не осталось во мне ни единой страсти, могущей воспрепятствовать приходу Твоего Отца с Тобою (ср.: Ин. 14, 21–23); сотвори из меня обиталище той святой жизни,

которую Ты же Сам допустил меня отчасти узреть... Ей, Господи, умоляю Тебя, не лиши меня сего знамения благости Твоей».

Часто на такую молитву уходили долгие часы.

Позднее верная душа уразумеет свое избрание Благим Отцом именно чрез ниспосланные ей мучительные испытания. Вне сих никто бы не проник в глубины Божьего о нас замысла и не познал бы той любви, о которой говорил Христос. В часы богооставленности узреваем мы, что все, сделанное ранее, далеко недостаточно для спасения, что благая вечность еще не принадлежит нам. Острое неудовлетворение собою, переживаемое как отвращение от себя, есть первый признак приближения к полноте заповеданной нам Богом любви: преодоление страшного порога обращенности на самого себя. В молитве, порожденной ненавистью к себе, внутри нас раскрывается новое, уже надмирное бытие, и мы созерцаем величие Божие.

Христианское совершенство — сверхчеловечно: оно Божественно. Господь явил его нам в Своем воплощении. Никто не ушел отсюда в равной Ему мере (ср.: Флп. 3, 12). Некое приближение, однако, бывало дано, скорее немногим (ср.: Мф. 7, 14), чрез учение и пример которых и мы вдохновляемся на подвиг стяжания смирения Христова и Его любви. Небесный огонь, пронизывающий жизнь Церкви и Таинства ее, удерживает в веках веру в Евангелие, которое *«не есть человеческое... и не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа»* (Гал. 1, 11, 12).

Многие спасутся, насладятся в океане Христовой любви, но немного таких, которые не без страха, но все же восприняли сие пламя еще в земной плоти. Помню, блаженный Старец Силуан по своему снисхождению ко мне, убогому, однажды сказал, что полноту благодати наше земное естество не может выдержать; в силу этого явление Бога в Его предвечной славе возможно лишь на кратчайший момент; и сие не иначе, как при укреплении тела и психики благодатью Святого Духа... Легче пронести в обнаженных руках горящие угли на, скажем, сто метров, чем удержать сию благодать и остаться живым. (Передаю точно смысл, но моими словами.)

Носители такого познания кладут отпечаток на множества верующих; благодаря им удерживается в веках исторической реальности живое предание духа жизни.

«Знают» Христа лишь те, которые имеют внутреннюю жизнь, подобную Его земной жизни. По словам Апостола, в нас должны быть те же чувствования, те же разумения, какие видим во Христе Иисусе, Который, будучи Богом

по существу, уничижил себя, восприняв наш рабский образ, и смирил Себя даже до смерти крестной (ср.: Флп. 2, 5–8). Он есть «камень», отвергнутый правителями мира сего, но в действительном бытии лежащий в основании всего существующего. Когда брошенный Им на Землю Огонь касается сердца человека, только тогда он обретает силу следовать за Ним в Гефсиманию и на Голгофу. Следовать, конечно, духом, в глубоком страдании всего нашего существа. Этого рода познание Господа, «сшедшего с небес» на Землю и далее во ад, приводит к частичному предвкушению воскресения.

Шествуют христиане по сему неизъяснимому словом пути в раскрывающиеся пред ними бесконечные дали. Дается им и опытное знание мрачных бездн, и радостное созерцание Света Царствия. Присутствует оно, Царствие сие, повсюду, но вхождение в него зависит только от Бога, ибо само оно не есть нечто «объективно» сущее, но Сам Он, имеющий власть принять нас в Себя или, что то же, вселиться в нас вечным веселием. Тогда мы в Нем, и Он — в нас; и Его Жизнь становится нашей неотъемлемой жизнью.

Та богооставленность, которую было дано Старцу Силуану переживать перед тем, как явился ему Господь, в своей духовной реальности есть «истощание» (кеносис) самого Старца. В той богооставленности, которую он выразил словами: «Бога умолить невозможно», очевиден Промысл Божий, давший Силуану погрузиться в темное отчаяние — испытать ужасающее душу умирание, быть сведенным до крайнего умаления в силу отступления от него Бога. Но именно сие снисхождение во ад было приготовлением души для восприятия Христа, явившегося ему с великой силой. Свет Божества озарил его, и благодать Духа Святого преисполнила всего его, включая и тело; нетварная жизнь объяла его, и ниспосланное Свыше «отчаяние — истощание» преложилось в «смирение Христово, которое неописуемо». Посмотрим, как пишет Силуан о своем опыте: «Господь научил меня держать ум во аде и не отчаиваться, и так смиряется душа моя. Но это еще не есть настоящее (т. е. Божественное) смирение, которое неописуемо... »

«Смирение Христово в меньших обитает; они рады, что они меньше. Так мне дал разуметь Господь». «Я пишу об этом потому, что душа моя знает Господа. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым».

«Смирение есть Свет, в котором мы можем узреть Свет Бога».

«Кто познал Бога Духом Святым, тот от Него (Христа — Бога) научился смирению и уподобился своему Учителю, Христу, Сыну Божию (ср.:

Мф. 11, 29), и на Него (Христа) стал похож» (Старец Силуан. Слова в скобках вставлены мною ради ясности смысла).

Никто из земнородных не достигает полноты Христа в мире сем. Христос — изумляющее нас чудо: Бог всемогущий, Он умаляет Себя чрез воплощение во всех последующих за сим страданиях — вплоть до смерти на кресте и схождения во ад. Чудо в том, что в нашей рабской (ср.: Флп. 2, 7–8) форме бывания Он явил совершенство истощания Божией любви: «совершилось» (Ин. 19, 30; 17, 4). Никто не может сравниться с Ним, но аналогия должна быть дана, хотя бы некоторым, чтобы «познать Бога Духом Святым».

«Я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас... Вы слышали о домостроительстве благодати Божией, данной мне... Потому что мне чрез откровение возвещена тайна... вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой... посредством благовествования, которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его. Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия...» (ср.: Еф. 3, 1–8).

«Всякою молитвою и прошением молитесь... о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово... открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования» (ср.: Еф. 6, 18–19).

Апостол Павел просил Ефесян молиться о нем, чтобы ему дано было слово с дерзновением возвещать открытую ему «тайну благовествования». Насколько более нуждаюсь я в молитвах всех и каждого, чтобы я смог верно представить один из важнейших аспектов христианской жизни. В моем случае речь идет не о каком-либо исключительном откровении, но все же очень важном, как показал мне опыт духовничества, напоминании об утерянном в массах познании о путях ко спасению. Итак, усердно прошу: молитесь обо мне.

Велик гений блаженного Старца Силуана, к ногам которого допустил меня Промысл Божий. Он говорил и писал о данных ему состояниях простыми словами, понятными, однако, только тем, кто и сам жил в той атмосфере, в какой Силуан. Мне привелось беседовать с некоторыми из выдающихся представителей академического богословия. Было очевидно, что даже те из них, которые знакомились с творениями святых аскетов древнего Египта и Палестины, живым опытом не познали того, о чем свидетельствовали Отцы. Вот почему я решился хотя бы отчасти раскрыть особый характер того мира, в котором пребывал дух Старца; как-то указать на ту реальность, которая заключена в его «простых» словах, например: «Я стал делать так, как научил

меня Господь; и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал душе спасение». Что же суть «чистый ум» и «свидетельство Духа»?

Дерзновение на сей труд я черпаю из того, что его, Старца, молитвами и я был поставлен в ту же духовную перспективу. Да, я не познал в полноте той меры благословения, которую излил Господь на него; но мне, последнейшему из человеков, все же дано было жить приближение к тому же опыту. В силу сближения моих состояний, в некоторые моменты моей жизни, с тем, что испытывал Старец, я осмеливаюсь на беседу о сем высоком предмете. При этом неизбежно коснемся мы глубоких догматических проблем.

«Бога умолить невозможно», — подумал Старец. Напал на него дух отчаяния: ему казалось, что Бог отринул его вконец, и что уже нет ему спасения, но ясно виделась в душе вечная погибель (см. Старец Силуан). «Дух этот такой тяжелый и томительный, что страшно о нем и вспоминать. Душа не в силах понести его долго... я пошел в церковь... и, глядя на икону Спасителя, сказал: Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного. С этими словами я увидел на месте иконы Живого Господа, и благодать Духа Святого наполнила душу мою и все тело. И так Духом Святым я познал, что Иисус Христос есть Бог. И сладко желал страданий за Христа».

Самый факт явления Господа Живого Силуану вскоре после постигшего его испытания говорит о том, что в тот час состояние Старца было не так уж далеко от состояния Христа на Голгофе: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»* (Мф. 27, 46). Мы знаем, что созерцающий что-либо Божественное должен и сам быть в состоянии, аналогичном созерцаемому.

Христос после Своего возглашения предал Свой Дух в руки Отца. А что происходило с Силуаном ?.. В смертельной печали идет он в храм, и едва произносит молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», увидел Его Живого; и все его существо исполнилось огня благодати Святого Духа до предела его сил. От видения он пришел в изнеможение, и Господь скрылся. Но Духом Божиим Силуан был возведен на небо, где услышал неизреченные глаголы.

Позднее Старец утверждал, что когда Господь Сам в великом Свете является душе, то душа не может не узнать в Нем своего Творца и Бога: *«Господь мой и Бог мой!»* — сказал Апостол Фома воскресшему Христу Иисусу (Ин. 20, 28). И Савл-Павел на пути в Дамаск в том же Свете узнал Христа Бога. Странна и исключительно своеобразна жизнь христианина: богооставленность и мрак вечной погибели сплетаются воедино с явлением Бога во Свете нетварном. Подобно тому, как при благодатной смертной памяти вечность

сначала предстает под знаком минуса, т. е. как всеобщее угасание бытия, но затем прелагается в восприятие Света воскресения.

Господь Иисус вопрошал Отца: «*Вскую оставил Мя еси?* » Мы ясно сознаем, что в плане Божества онтологически сего не могло произойти, т. е. чтобы Отец отступил от совечного и единосущного Сына Своего, в Которого излил всю полноту Своего извечного Бытия. Как же понять, что собственно совершалось с «*человеком Христом Иисусом*»? (1 Тим. 2, 5). Из опыта Силуана, как и всех других великих подвижников благочестия в истекших веках, мы отмечаем совпадение состояния тягостной богооставленности с предельным напряжением соблюдать заповеди Божии (Ин. 5, 30; 10, 18; 14, 31; 15, 10; 18, 11). Мы констатируем сие явление, но никак не можем дать объяснения сему, особенно когда речь идет о Богочеловеке Христе. По существу в этих нечастых случаях промыслительной богооставленности нужно увидеть безмерное величие дара Божия. Вне сего опыта трудно понять обетованное обожение падшего человека.

Событие, о котором идет Настоящее слово, есть «истощание» Божией любви. Христос Иисус «во образе Божий сый»: по существу Своему Сущий Бог; или как выразился Апостол Павел: «*имеющий образ Божеского Бытия*», Сам Себя умалил: смирил Себя в акте послушания Отцу до полного отказа от Своей человеческой воли даже до крестной смерти: «*душа Моя скорбит смертельно... И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты...*» (Мф. 26, 38–44). «*И был пот Его, как капли крови, падающие на землю*» (Лк. 22, 44). «*Еще отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя... и в третий раз сказал то же слово*» (ср.: Мф. 26, 38–44). И именно за сие «*Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени*» (ср.: Флп. 2, 6–9).

Превознесен Христос-Человек, никем не достигнутый в акте Своего истощания: пойти на позорную казнь, предназначенную для злодеев; висеть на кресте обнаженным пред Своею Матерью, пред женами, служившими Ему; быть покинутым учениками; видеть полный провал Своей проповеди... И кто изочтет все, что нес Он в те дни внутри Себя?

Итак, этого рода богооставленность есть другой полюс Любви Божией. Она, сия любовь, заповедана нам Христом в таких страшных словах: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит (все, что ему дорого), а при том и самой души своей, тот не может быть Моим учеником» (ср.: Лк. 14, 26, 33).

Редко кому за всю историю Церкви давалось переживать промыслительную богооставленность в такой мере, в какой сподобился Силуан, раб Бога Всевышнего. Когда великий Свет осиял его в видении Христа, тогда казавшаяся смертельной болью богопокинутость преложилась в «Христово смирение, которое неописуемо», которое есть онтологический аспект безначальной любви Бога Троицы. Бог, абсолютный в Своем неисчислимом могуществе, непостижимым образом абсолютен и в Своем «истощании — смирении».

Всякий, горячо возлюбивший Иисуса Христа, Бога — Творца нашего и Бога Спасителя, непременно живет два состояния, кажущиеся противоположными: схождение во ад и вознесение на небеса. Святой Павел так говорит об этом: «Мне, наименьшему из всех, дано благовествовать... неисследимое благовествование Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною чрез Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в Котором мы имеем дерзновение и надежный доступ чрез веру в Него. Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава. Для сего преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши; чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (ср.: Еф. 3, 8–19).

Диапазон христианской жизни идет безмерно дальше обычного слуха людского. «Дальше» — и вниз, и вверх. К сожалению, весьма многие не чувствуют чудных волн божественного гимна, идущих к нам из неисследимых глубин Бытия. Для верующего в Божество Христа, и в силу сей веры строящего свою жизнь на камне слова учения Его (ср.: Мф. 7, 24–27), открываются сокровенные бездны, неосязаемые для не принявших Христа как Истинного

Бога, как всесвятого и абсолютного Авторитета (ср.: Мф. 23, 8). Авторитета (не насилия, а) Истины Безначального факта и Совершенной Любви.

Блаженный Старец различал два рода смирения: аскетическое и Божественное. Незадолго до его кончины на мой вопрос: «Старец, Вы хотите умереть? » — он ответил: «Я еще не смирился». У меня нет сомнений, что он имел в виду неописуемое Христово (Божественное) смирение, которого он никогда не мог забыть. Вспоминая сие, он так писал: «Блаженна душа, которая хранит чистоту душевную и телесную: любит ее Господь и дает ей благодать Святого Духа; и благодать сия связывает душу так любить Бога, что от сладости Духа Святого не может она оторваться от Бога и ненасытно стремится к Нему, ибо в любви Божией нет конца. Хотя я знаю человека (это он сам), которого посетил Милостивый Господь Своею благодатью, и если бы спросил его Господь: «Хочешь ли, Я дам тебе больше благодати?», — то душа, немощная в теле, сказала бы: «Господи, Ты видишь, что если еще больше, то я не вынесу и умру» (См.: Старец Силуан). Пребывающим еще в теле крайние напряжения даются весьма редким подвижникам — и сие лишь на мгновение, в котором, однако, открывается вечность, не имеющая протяжения.

Беспомощно слово мое. Вижу, что не только «смирение Христово», как совершенство любви Божественной, неописуемо, но для меня и многие другие стороны жизни сей также невыразимы. Нам заповедано именно Божественное совершенство, которого мы не достигаем, но самое желание которого дает нам ощущать всем существом, что к нам прикасается Абсолютное Божество. Оно влечет душу к Себе, и душа страдает, что не в силах вместить сей жизни, — и так, распятая, проводит свои годы на земле. И не может сойти с этого нематериального креста, потому что всякий раз, когда хотя бы отчасти «сходит», умаляется в ней поток подлинной вечности (ср.: Мф. 27, 40).

Христианство, можно сказать, не есть некая философская доктрина, а именно жизнь. Жизнь и любовь «до конца»: до ненависти к себе. Сия есть великая тайна благочестия (1 Тим. 3, 16), *«возвещенная нам чрез откровение»* (Еф. 3, 3) во Христе, предложенная в слове Его, явленная примером *«осязаемого»* Христа (1 Ин. 1, 1) и все же пребывающая непроницаемой, неприкосновенной, «неописуемой».

Старец Силуан многообразно выражал все ту же идею: Бог и все небесное познается не иначе как Духом Святым. И это по дару сего Святого Духа, от Отца исходящего, что мы в Церкви нашей бытийно, живым опытом познаем "истощание" Сына Отчего в акте Воплощения, в Пустыне, в Гефсиманской

молитве и на Голгофе. Он, Дух Святой, показывает предстоящее и нам истощание в нашей смерти.

По вере в Господа и Бога нашего Иисуса Христа сие становится доступным нам в какой-то мере. Но можем ли мы идти далее сего?.. Мы научены в Церкви жить рождение Сына в Троице Святой, как истощание Отца, отдающего всего Себя, во всей полноте Своего безначального Бытия — Сыну. И так Сын равен Отцу в абсолютной полноте Божеского Бытия. Затем мы видим обратное движение: Сын в такой же совершенной полноте самоистощающейся любви предает Себя Отцу и в Божестве, и в человечестве Своем.

Позволительно ли человеку дерзнуть и, перешагнув меру живого опыта, в своем умном созерцании уразуметь соучастие Отца и Духа Святого в крестной смерти Сына? Сын, Которым вся быша (ср.: Ин. 1, 3), Творец человека; Он воплощается; Он воспринимает в Свою Божескую Ипостась наш «рабский» (ср.: Флп. 2, 7) образ бывания, а следовательно, и страдания человечества после падения. В предвечном Совете Троицы такой путь искупления падшего человека был предрешен. Не есть ли это самоистощание Отца, Который *«так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16) в недрах Божества? И Дух Святой, от Отца исходящий, живет тою же любовью, которая и во Отце. Итак, вечно соучаствуют Отец и Дух в *«деле»* (Ин. 19, 30; Евр. 2, 18). Так мы живем в надежде, что в наш смертный час Он будет с нами, если мы были с Ним в подвиге нашем.

О любви до ненависти к себе

Иисус Христос — Бог безначальный, дал нам заповеди, которые обладают свойством раскрыть ум и сердце человека до беспредельности. Вначале, однако, верующий в непреходящее значение Евангельского слова (Мф. 24, 35) вводится во внутреннейшую область души непрестанным поставлением себя на суд Божий: *«Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя (как человек); но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная»* (Ин. 12, 48–50). Естественным следствием благоговейного стремления сохранить заповеди будет ясное осознание себя бессильным. Но чрез трудный подвиг пребыть в духе слова Господня ум человека постигает, что заветы

Христа, по своей духовной сущности, суть нетварный Свет Божества. Ни одно наше действие не достигает совершенства, требуемого Всесвятым Богом.

Сошедший с небес Свет Евангельского учения просвещает наше внутреннее зрение и утончает сердечную восприимчивость; в силу чего то, что раньше было неуловимым для нас, уже не может скрыться: каждое движение сердца или мысли быстро улавливается, и мы видим себя — каковы мы. Чем напряженнее трепет наш оказаться недостойными Бога, тем «обнаженнее» становится весь наш внутренний мир и для нас самих и, конечно, пред Лицом Бога: *«Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его»* (Евр. 4, 13). Бодрствование ума и трезвение сердца приводят к тому, что многим неопытным может казаться невероятным или преувеличением, а именно: христианин обнаруживает в себе и явно, и скрытно присутствующим внутри всякое зло, по крайней мере как возможность (его проявления), и видит он себя воистину худшим всех и всего.

До явления нам Божественного Света мы живем как слепые. Вне сего Света мы не познаем греха; без него не раскрывается пред нами падение Человека в своих подлинных измерениях. Лишь Дух Святой Своим наитием делает нас способными сначала видеть трагизм нашего собственного положения и чрез нас — затем переживать великую драму всей мировой истории человечества. Последствия падения — недуг, неизлечимый от земных врачей. Сообразовать наши сердечные чувствования с духом заповедей Христа мы не можем. Отсюда болезненный подвиг борьбы с убивающим нас *«законом греха»* (Рим. 7, 23–25).

Драгоценен сей период жизни при всей его мучительности; со всех сторон охвачены мы пламенем страстей, принимающих форму *«огненных искушений»* (1 Пет. 4, 12). Но на помощь нам приходит благодать, которая вначале не видится как Свет, но ощущается как небесный огонь, пожирающий в нас корни греха.

Сколько раз душа моя, как маленькое беспомощное существо, повисала над пропастью в великом страхе: я не стремился к бесконечному продлению этой жизни. Мой ужас был в том, что после того, как Бог снизошел до меня, я увидел, какими язвами весь я поражен. Я осознал себя до конца неспособным к Царству Святого Бога. Я не в силах описывать ту скорбь, которая погружала меня в длительный глубинный плач. Безумный, я все же знал, что я в руках моего Создателя, о которых сказано: *«Страшно впасть в руки Бога Живого»* (Евр. 10, 31). Мне бывало тяжко до невыносимости, и я не раз

пытался вырваться из Его святых рук (ср. Ин. 10, 28), но все попытки проваливались, потому что мне некуда было уйти: ничто в мире не влекло меня, не могло удовлетворить мой дух.

Господь сказал: «*...не бойтесь убивающих тело, но... бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь*» (Лк. 12, 4–5). Господь, предавший себя на крестную смерть, не говорил праздных, ничего не значащих слов. И я никак не хотел умалять их категорического характера. И страх, животворящий, — не отступал от меня. Больше того, совершалось нечто странное: как только он, страх, ослаблялся, я внутренно ощущал отступление от себя живой силы: молитва снижалась, ум рассеивался, чувство божественного уходило в туман — я, умирал духом. Лишь много позднее я понял, что Дух Божий воспитывал меня, и моя мука обратилась в неисчислимую пользу: трепет пред гибелью вечной и покаянный плач таинственным образом всего меня превращали в «молитву». Дух мой свободно, без волевых усилий восходил в состояние созерцания прежде недоведомых реальностей: беспредельной пропасти бытия, мрачных селений ада, но и озаренного нетварным Светом Неба.

Да будет благословенно Имя Его во веки веков.

Не ждите от меня должным образом сконструированного описания жизни души моей в долгие годы моего прошлого. Нисходила она, душа, иногда в низины ада, моментами же Господь возносил ее до Небес. Стояла она по временам на той неопределимой грани, откуда созерцала и Свет Божества, и «тьму кромешную», наводящую ужас на душу, особый, не похожий на страх пред физической смертью. О нет, это есть нечто качественно иное. Пред духом моим открывалась благая вечность, еще далеко не достигнутая, а также и вневременная тьма, дававшая знать о себе своим присутствием внутри. Я бывал в разрыве: не свободный от тирании страстей, я страдал и в жажде непреложного блага стремился к Богу. Покаянная молитва всецело поглощала меня. Невесомая, невидимая сила переносила меня в умно-духовное пространство. «Там» я бывал один: исчезала земля; не было ни солнца, ни звезд, ни людей, ни иной какой-либо твари; и тела моего я не ощущал. Бывало: света как такового я не видел, и, однако, взор мой проникал в абиссальные глубины. Душа в болезненном отчаянии взывала к Богу. Да, я грешный, но жажду Бога, Святого Бога. В памяти у меня не было конкретных актов из моего прошлого, кроме пронизывающего знания моего отступления от Бога, Которого я знал в годы моего детства и начальной юности. Он уклонился от меня после того,

как я отошел от Него в безумных поисках иного, якобы высшего, сверхперсонального Абсолюта.

Такая молитва с особою силою захватила меня, когда я был уже в пустыне. Не смогу теперь сказать, насколько долгими бывали мои моления в ту или иную ночь. Помню, когда душа возвращалась к обычному вещественному мироощущению, то испытанное мною духовное чувство от молитвы в той беззвучной, вышеобразной бездонности оставалось со мною, во мне. В той беспредельности — нет ни верха, ни низа, ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. И все же наступал момент, когда я начинал двигаться, как мне казалось; и это движение я ощущал как падение; и глухой крик вырывался из груди: Господи, спаси... Ты единый можешь беструдно достигнуть меня во всякой бездне... И Он спасал.

Но почему «падение»? Не потому ли, что мой ум не мог более стоять в Вечном? Ибо после этого кончалось видение.

Условия пустыни благоприятствовали такой молитве, потому что на мне не лежала забота в материальном плане ни о ком: я был один. Но это не значит, что она, молитва, по существу своему зависит от нашего внешнего положения: она есть дар Божий, связанный с другим даром — покаянием (ср.: Лк. 24, 46, 47). Начатки такой молитвы я имел и прежде, чем поселился на Афоне; имел ее и в монастыре, но меньшей интенсивности и частоты. Она выводит человека из рамок времени. В самом состоянии молитвы он не знает себя в категориях Земли: он вне всяких иерархий — социальных и даже церковных. Он не мыслит ни о чем другом, как только о Боге, и предстоит Ему один Единому.

В одиночестве моей пещеры я получил исключительную привилегию отдаваться целиком такой беззаботной молитве. Она владела мною месяцами. Пресекалась в дневные часы житейскими делами, но когда кончался трудовой день и начиналась безмолвная ночь в пещере, та молитва снова обнимала меня: опять все выпадало из памяти, оставалось лишь сознание невещественного, но страшного греха, порождавшее во мне сожаление, стыд, отталкивание и даже ненависть к самому себе. И снова все утопало в плаче покаяния, и дух мой входил в неименуемую беспредельность.

Я всегда был весьма медлительным, чтобы понять положение вещей, разобраться ясно в происходящем внутри меня. Долгие сроки я проводил без мыслей. Последние приходили при беседах, но не тогда, когда я бывал один пред Богом. Я не богословствовал, не возвращался критически на самого

себя. Я не цеплялся за посещавшие меня состояния, хотя и пребывал в безвидной умной сфере. Назвать ли это безумием? Но когда сие безумство отошло от меня, тогда только я уразумел понесенную мною невознаградимую потерю в моем духовном бытии. Тогда, через ту молитву, открылся мне отчасти смысл слов Христа: *«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой души своей, тот не может быть Моим учеником»* (Лк. 14, 26).

Милость Бога ко мне выразилась в том, что Он даровал мне мощный порыв покаянного страдания, которое увлекало меня в ненасытимую молитву — такую, что душа все забывала, ни о чем не помнила, но неудержимо тянулась к Богу невидимому, но любимому, недоведомому, но знакомому, недостижимому, но близкому. Не найду я слов для описания дарованного мне Господом богатства.

Попытаюсь дать краткий список тех мыслей, которые приходили мне на сердце в скорбные часы воспоминаний об утерянной мною молитве. Нормальным следствием хранения заповедей Господних является крайнее умаление наше, т. е. истощание; без искреннего осознания, что мы воистину исчадия ада в нашем падении, мы никогда не достигнем полноты покаяния; через тотальное покаяние вырываемся мы из мертвых объятий эгоистического индивидуума и вводимся в созерцание божественной универсальности Христа, *«возлюбившего нас до конца»* (ср. Ин. 13, 1). Когда мы ненавидим самих себя за живущее в нас зло, тогда раскрываются для нас беспредельные горизонты заповеданной нам любви: вне Христа мы никогда не обымем всего мира в животворном пламени Свыше сходящей благодати, не узреваем мы онтологических измерений второй заповеди: *«возлюби ближнего своего, как самого себя»* (Мф. 22, 37–40). Блаженному Старцу Силуану была дана молитва за весь мир, как за самого себя. Да даст Господь всем и каждому узреть Свет такой молитвы, ибо чрез нее восстанавливается первозданный образ Человека. Кто не приближался к граням этих состояний, тот пусть не без страха и не без стыда дерзает называть себя христианином, сознавая до боли недостоинство на сие звание. *«Если кто хочет идти за Мною»* — тот да отвергнет все свои прежние восприятия и понятия, и взяв крест свой, говорит Господь, да последует *«за Мною...»*; *«если кто приходит ко Мне и не возненавидит... и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником... тот недостоин Меня»* (ср.: Мф. 16, 24; 10, 37–38; Лк. 14; 26, 33).

Пугает меня мысль: где, в чем моя неправда пред Богом, которая преградила мне путь к той полноте, что излилась на главу Старца Силуана? Память

о моем прошлом блуждании связана с острым чувством моего недостоинства вообще предстать пред таким Богом. И если я в некоторые моменты моей жизни приближался к тем рубежам покаяния — когда освящается весь человек, то это было возможным не иначе, как за его, Старца, молитвы. Я не достиг его меры, но все же я знаю, что пишу о том, что истинно.

«Бог есть любовь»; Он есть *«свет, и нет в Нем никакой тьмы»* (1 Ин. 4, 8; 1, 5). Любовь Христова по природе своей есть животворящий Огонь, брошенный с небес на Землю пришествием Сына Божия (Лк. 12, 49). Любовь сия есть нетварная жизнь самого Бога. В пределах нашего земного существования она пожигает в нас все чуждое ей и вместе наполняет нас энергией иного бытия, дотоле недомысленного. Необходимо, чтобы нас осенила сила Свыше, удостаивая нас познать сию Любовь бытийно. Без сего опыта никто из людей не в силах понять кажущиеся парадоксальными заповеди Евангелия: *«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев... а притом и самой жизни своей* (по-славянски и по-гречески: "еще же и душу свою"), *тот не может быть Моим учеником»* (Лк. 14, 26).

Бог наш есть *«огонь поядающий»* (Евр. 12, 29). Любовь Божия есть ядро предвечного Бытия; в ней, Любви, находят свое наивысшее выражение все прочие атрибуты Божества: Премудрость, Царство, Сила, Свет. В ней красота извечного непоколебимого Царства. Любовь Христова есть откровение Тайны и Отчей любви.

Любовь Христова, обретши сердце, готовое принять ее пламя, вселяется в него. Но сие исключительное благословение в сем мире не дает покоя своему служителю, доколе не совершит своего дела (ср.: Ин. 17, 4). Слово о молитве, порождаемое сей Любовью, ужасает сердца.

Болезнен путь, ведущий к стяжанию святой Любви. Не потому ли многие отпадают от христианства?.. уклоняются от крестного пути на иные дороги? Но нет иного пути, как нет иного Бога (ср. Ин. 14, 6).

«Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). К земнородному сердцу в избранные часы может прикоснуться несозданный Свет любви Христовой. В ней — вечность Божия; в ней единственная и последняя цель нашего подвига.

Ни ум наш в своем падении, ни сердце — без воздействия Любви, от Отца исходящей, не могут последовать за Христом на Голгофу. Глубокий плач всего нашего существа от ее, любви, палящего присутствия внутри нас при молитве за мир может достигнуть силы, превышающей нашу выносливость.

Тогда исходит дух наш в вечность Божию, и молитва пресекается. Так болезненно предваряется блаженный к Богу исход духа нашего. По возвращении же своем душа испытывает сладкий покой и тот мир, о котором Апостол Павел сказал, что он превосходит всякий ум (Флп. 4, 7).

Не без некоторой тонкой печали возвращается сознание к обычному образу жизнеощущения. Скоро видит душа ту же действительность, что и ранее, и снова принимает многие раны. В своем следовании Христу всею силою существа — дух человека ощущает сей видимый мир подобно тесной камере тюрьмы: всякое благое движение его, духа, натыкается на дикое сопротивление темных сил.

«Бог наш есть любовь... Он есть огонь поядающий». Совсем не легко приближаться к сему Огню. Далеко не безопасно для говорящего о сем святом Огне распространяться. Страх сжимает душу оказаться по исходе своем недостойным сего.

Многие годы, особенно на Святой Горе, в пустыне, как и в монастыре, мой ум в стремлении к Богу отрешался от прошлого. «Отрешался» не чрез аскетическое напряжение, а увлекаемый молитвою покаяния. Но с того времени, как я был поставлен духовником, иногда приходилось «вспоминать» пережитое. Теперь же, занятый написанием моей «исповеди» и вместе духовной автобиографии, я не без благодарности отмечаю, что многие моменты прикосновений Перста Божия неизгладимо отпечатлелись на теле моей жизни. «Пишет» Дух Бога Живаго не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца (ср.: 1 Кор. 3, 3). Написанное Богом стало содержанием моего Бытия.

Что, собственно, хочу сказать я всем этим? А то, что чрез данное мне покаяние — даже до ненависти к себе — я нежданно для себя испытывал чудный мир, и Свет нетварный окружал меня, проникал внутрь, делал и меня подобным ему светом, давал мне жить Царство Бога Любви. Царство, которому *«не будет конца»* (Мф. 18, 10–14).

Мы видим, что и Сам Он живет согласно с данными нам заповедями. В заповедях Евангелия заключено Божие Само-откровение. Чем глубже входим мы в их дух, тем конкретнее становится наше Богосозерцание. И когда эти заповеди, по Его благоволению, станут единственным принципом всего нашего бытия — и временного, и вечного, тогда и мы станем подобными Ему, потому что увидим Его, *«как Он есть»* (1 Ин. 3, 2).

Бог есть Любовь.

О нетварном свете

I

В основе христианской жизни лежит факт воплощения Бога. В нашей плоти, Им сотворенной, Он явил нам Свое изначальное совершенство. Благодаря сему мы обладаем критерием — насколько мы удалены от Него или приближаемся к Его надмирному Бытию. Уподобляясь Ему во внутренних движениях нашего сердца, в образе нашего мышления, в реакциях наших на все, случающееся с нами в плане Земли, мы тем самым становимся подобными Ему и в Его Божестве. Он достаточно ярко описан в Евангелии, и опыт жизни в Нем представлен в посланиях Апостолов. Заповеди Его суть Нетварный Свет, в котором Он особенно открывается нам, *«как Он есть»* (1 Ин. 3, 2). *«Я Свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»* (Ин. 8, 12).

Дивны воздействия сего Света на нас: мы стоим в крайнем изумлении пред непостижимым чудом явления нашего в сей мир. Акт творения всего существующего — влекущая нас к Нему тайна. Но прежде озарения Свыше, пребывая во тьме неведения, мы с тягостным недоумением проходим болезненный путь нашего становления в Бытии: почему для создания сынов Божиих из "ничто" понадобился сей сложный процесс — рождение духа нашего в теле, составленном из земных элементов? Как возможно сочетать дух, подобие Абсолюта, и землю? Духу нашему тесно в этих тисках: он бессмертен по своей природе, тело же наше подвержено распаду и умиранию. Отсюда напряженная борьба: дух стремится к Богу; он хочет и тело свое видеть нетленным, способным следовать его, духа, восходу; тело же тянет вниз, к земле, из которого оно взято, и передает духу свою смертность.

Ничего не понимая в самом себе, изнемогая от непрестающих конфликтов и неразрешимых противоречий, я делал попытки поставить себя в положение Творца и размышлял: как бы я сотворил мир? Заключив себя в темноте и тишине, я сосредотачивал свою мысль на этом задании. Исходя из уже данного мне опыта бытия, держа в уме испытанные мною трудности, я от некоторых деталей быстротекущей повседневности переходил ко все расширяющимся горизонтам космического бытия. И что же случалось? Вместо того чтобы внести поправки в "нескладно" сотворенное Богом, я скоро пришел в удивление пред тем Умом, который с таким знанием создал и Небо, и Землю. И неприятно, и вместе радостно было обнаружить свою беспомощность.

И мой младенческий ум улыбнулся Отцу, как улыбается дитя из колыбели матери своей. И восторг от неисследимой премудрости Бога залил мою душу. Где-то вдали, в бездонности неба сиявший бледно Свет вызвал молитву славословия и породил во мне жажду приобщиться ко всему миротворческому Делу Творца. Когда я, бывало, писал пейзажи под открытым небом, некоторые люди тихо подходили сзади и подолгу молча следили за моей работой. Так я желал бы встать недалеко от Вседержителя и наслаждаться созерцанием Его творческого вдохновения.

На такие опыты решаешься в те времена, когда смерть смотрит тебе в лицо или грозит унести других людей, дорогих тебе. Дерзания мои были наивными, но смешанными с недовольством Богом. В Библии я нашел слова, которые выражали близко мои переживания. «Господь отвечал из бури и сказал: кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда я полагал основания земли?.. Кто положил меру ей?.. На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? (По переводу 70-ти: "Когда сотворены были звезды, восхвалили Меня великим гласом все ангелы Мои")... Нисходил ли ты в глубины моря и входил ли в исследования бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти. Где путь к жилищу света, и где место тьмы?.. Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?.. И продолжал Господь и сказал: будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему... И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что ты все можешь... Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал... (Раньше) я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя: поэтому я отрекаюсь от безумия моего и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов, из глав 38–41).

Исследуя самих себя чрез делание — жизнь по заповедям Господним, мы увидим себя до конца растленными и неспособными к добру. В ужасе от самих себя, мы каемся пред Богом и умоляем Его исцелить нас от поразившей нас смерти. Мы становимся готовыми разорвать узкое кольцо нашей индивидуальной воли и во всем предаться на Его волю, святую и совершенную. О, труден сей подвиг, особенно вначале, но в нем дана нам возможность включиться в поток Его вечности. Уповая на Бога в минуты опасности, сосредотачивая наш дух на Нем, и мы сможем принять прикосновение к нам Его бессмертного дыхания. Приходит сей великий дар чрез смиренное, но огненное

покаяние. Странное чудо: чем больше я вижу Бога, тем пламеннее становится мое покаяние, так как я яснее сознаю свое пред Ним недостоинство. И это чудо неизменно повторяется из века в век. Вот пример из Ветхого Завета: «*Видел я Господа, сидящего на Престоле высоком... вокруг Него стояли Серафимы... взывающие друг ко другу: свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его... И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами... и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. И тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен*» (Ис. 6, 1 и далее).

Из Нового Завета замечателен пример Апостола Павла. Он ощутил свой грех лишь после того, как на пути в Дамаск предстал ему Господь в великом Свете Своего Божества, и удалился в пустыню (ср.: Гал. 1, 17), чтобы принести покаяние пред Тем, Кого он, Павел, гнал. Жутким было его прошлое. До встречи со Христом Павел мог думать, что, подобно Пророку Илии, и он так же ревнует о Господе, Боге Саваофе (ср.: 3 Царств: 19, 10; Ин. 16, 2).

И вдруг: то, что раньше он переживал как свет и правду Божии, предстало его духовному взору как мрак и вражда против Бога (ср.: Иак. 4, 4; Лк. 11, 35). И с великой болью он осознал себя грешником, большим всех других: «*Христос Иисус пришел спасти грешников, из которых я первый*» (1 Тим. 1, 15); «*Христос умер за грехи наши... был погребен... в третий день воскрес по Писанию... явился Кифе, потом двенадцати, потом... более нежели пятистам... а после всех явился и мне, как некоему извергу, ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию*» (1 Кор. 15, 3-9). «*Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован...*» (1 Тим. 1, 12–13). И Петр после своего отречения, «*вышед вон, плакал горько*» (Мф. 26, 75). И никто из человеков не был без греха, кроме Пресвятой Девы Марии.

Многим может показаться непонятным, даже парадоксальным то устроение души, которое встречается у людей, познавших явление Божие в силе. Они действительно сознают себя достойными ада, но Господь для них бывает вовеки благословенным. Видение бесконечной святости смиренного Бога, с одной стороны, и чувство живущей в нас тьмы — с другой, приводит человека в такое состояние, что все существо его сжимается в неудержимом, болезненном порыве к Святому Богу. Сильно при этом отвращение к себе;

и глубинный плач объемлет душу. Боль сия — духовная, метафизическая, нестерпима. Желание прощения-примирения с Богом подобно смертельной жажде. Это есть нечто трудно объяснимое непознавшим. Плач сей по природе своей — явление совсем иное, чем плач душевный, связанный с катастрофами в пределах конечной жизни (ср.: 1 Кор. 15, 42–46; Иак. 3, 15; Иуд. 19).

Когда человек плачет всем своим существом от боли, которую он испытывает от сознания своей гадости, то эта боль для него превосходит всякую иную боль вне его, и он мучительно живет себя как худшего всех. Свет Божьего Царства, узренный на Фаворе ли, или на пути в Дамаск, или в иных обстоятельствах, влечет к себе, но видится недосягаемым, беспредельно превосходящим наше достоинство, вернее сказать — недостоинство. Молитва в этой святой доли может вырвать дух человека в иной мир; и этот, земной — забывается; и самое тело уже не ощущается. Отцы назвали это «адом покаяния», уподобляющим нас Христу, сходящему в Свой ад Любви. Как ни тяжко сие «адамово мучение», как ни велико страдание, ему соприсущи радость зова Божьего и свет новой жизни.

Отцы наши по дару благодати в вековом опыте, повторяющемся из рода в род, категорически утверждали, что нет иного пути к Отцу светов. Благодать такого покаяния дана миру чрез молитву Гефсиманскую, чрез крестную смерть на Голгофе и воскресение Христа (ср. Лк. 24, 47).

Небезопасно открыто говорить о сем предмете среди неверующих, а следовательно, и неведущих о нем, как должно ведать. «Душевные» непременно воспринимают слово сие в извращении, им свойственном. Блаженный Павел пишет о сем так: «*...кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но наученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает сие безумием; и не может разуметь, потому что о сем (надобно) судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем никто не может судить*» (1 Кор. 2, 11–15).

Намереваясь приступить к посильному для меня описанию действий Божественного Света, считаю не лишним предварительно кратко сказать об одной из форм световых явлений, опыт которой мне был дан. В годы зрелой молодости не один раз случалось, что в состояниях напряженного мышления о тайнах Бытия я ощущал — видел мою мыслящую энергию подобною свету.

Мир умных созерцаний по-своему лучезарен. Да и наш ум все же является «образом Ума Первого», который есть Свет.

Интеллект, сосредоточенный на метафизических проблемах, может потерять восприятие времени и вещественного пространства: как бы выйти за их пределы. Именно в таких случаях ум мой виделся мне светом. Сего рода состояние доступно человеку по естеству. Позднее выяснилось для меня, что описанное мною состояние качественно отличается от события — Явления Бога во Свете Нетварном.

«Господи, мне страшно говорить... прости меня, исцели меня, помоги мне, не отступи от меня».

Апостолы на Фаворе удостоились войти в сферу Света, исходящего от Отца, и услышать голос Его, свидетельствующий о возлюбленном Сыне. Но это стало для них возможным не прежде, чем они исповедали Божество Христа (ср.: Мф.16, 13 и далее).

Мне было дано переживать некоторые роды света и светов: «свет» артистического вдохновения, вызванного красотою видимого мира; «свет» философского созерцания, переходящего в мистический опыт; втиснем сюда и «свет» научного познания, всегда и неизбежно относительного достоинства; был я искушен и световыми явлениями, приносимыми духами неприязни. Но уже в зрелом возрасте, когда я возвратился ко Христу, как к Богу совершенному, осиял меня Свет безначальный. Сей дивный Свет, пусть в той мере, в которой благоволением Свыше мне было дано познать, затмил все прочие, подобно тому как восходящее солнце не дает видеть даже наиболее ярких звезд.

Церковь основана на камне исповедания Божества Христа Иисуса (Мф. 16, 18). *«Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти...»* (1 Тим. 3, 16). *«В начале было Слово»... «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины»* (Ин. 1, 1, 14). Собезначальный Отцу Сын стал Сыном Человеческим. Он родился от Девы Марии. Ее величие как Матери Иисуса-Бога превосходит меру человеческую. Невозможно отделить Ее от Христа-Бога; и вместе с тем — Она единосущна нам по всему. В стихире на Рождество Христово подчеркивается, что всякая тварь принесла свойственное ей, «мы же (люди) Матерь». Вне сего «историчность» воплощения могла бы быть поколеблена в глазах людей, и значение «человечности» Христа ставилось бы под сомнение (докетизм).

Факт боговоплощения занимает центральное место во всей истории человечества, во всем мироздании. Сие событие опрокинуло все человеческие попытки познать Безначальное Начало идущими снизу усилиями, пусть подчас и кажущимися гениальными. Теперь мы научены избегать приписывать Богу порождения нашего земного ума и болезненного воображения. Все наши идеи, все наши признания или отвержения никак не могут изменить Бога в Его извечном Бытии (ср.: Ис. 55, 8–9). Когда мы стремимся познать истину — мы прежде всего должны решить вопрос: считаем ли мы То или Того, Кто или Что является действительно Перво-Бытием, Началом всего сущего, следовательно Истиной, независимо оттого, совпадает ли сие с нашей идеей или нет; или мы заранее отвергаем все то, что не соответствует нашему представлению об «Истине» или нашим желаниям? Лично я жажду познать то, что реально есть; и тогда поставлю себе задачу — как мне с Ним быть.

Как мне с Ним быть? Вот Он открылся нам; Тот, Кто сказал, не как некий безумец, но с абсолютным сознанием: «*Аз есмь Истина*» (Ин. 14, 6). И огромное большинство людей пришло в ужас. Он никак не укладывается в рамки нашего нормального мышления; Его повеления нам совершенно не достижимы; Его жизнь исполнена таких страданий, что душа приходит в страх, а Он говорит, что нет иного пути, как только последовать за Ним. Что же нам, т. е. мне делать?

Я испробовал другие пути и убедительнейшим для меня образом увидел, что там нет Истины. Я возвратился к Нему, как «блудный», но все же с новым знанием о человеке и бытии вообще. Его слова зазвучали для меня иначе, чем прежде. Я поверил в Него целиком. И это не потому, что Он уложился в схемы моей мысли, или что заповеди Его показались мне нетрудными, или что уподобиться Ему в страданиях я принял с легкостью. Нет. Но и сейчас я не могу рассказать о том глубинном процессе, что происходил внутри меня. Я не нахожу имени той силе, которая сдержанно, но действенно исцеляла мой ум и сердце. В самом интимном месте сердца восставало нечто таинственное, однако как-то ведомое с самого детства моего. Рост сей был своеобразный: то он принимал форму медлительного и трудного прогресса, то внезапными вспышками отрывал меня от всего, что не Он. Думаю, что это было не иное что как Самооткровение (ср. Мф. 11, 27) Бога внутри моего духа.

«*Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня...*» (Ин. 6, 44). Изыскивает ли Его Отец только великих? Или и "малых"? Если возможно сие последнее, почему бы я исключил сие последнее для меня,

хотя я и весьма ничтожен? Не Он ли вложил в меня некую тонкую интуицию, которая, однако, была глубже всех моих мыслей и достовернее всех иных моих знаний? Как бы то ни было, но, когда я поверил в Божество Христа до полной несомненности, тогда меня осиял Свет не от мира сего. И до некоторой степени, подобно Павлу, во Свете Его я познал Его. Сначала я поверил живою верою, затем явился мне Свет. Не то же ли было с Апостолом Петром, Иаковом и Иоанном? Когда они устами Петра исповедали Его Божество, тогда в ответ Он сказал им: *«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем»* (Мф. 16, 28). Что исполнилось вскоре после сего на Фаворе. Также и Павел носил духовно в сердце своем Христа, Которого гнал; и потому явился ему Свет Божества в силе. И дерзаю сказать, что видение несозданного Света связано неразрывно с верою в Божество Христа. И связано, и странным образом зависит одно от другого. В едином Свете являются и Христос, и Святой Дух. Сей Свет свидетельствует о Божестве Христа, потому что нельзя не узнать Бога в том Свете, о котором идет речь. Неописуемы его действия. В нем вечность; в нем невыразимая благость любви. В нем видит дух наш необъятные горизонты. И не сразу, но постепенно дух открывает все новое и новое в том светоносном прорыве Небо, *«где Бог»* (ср.: Исх. 20, 21).

«Мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3, 2). В сущности, Бог во всяком Своем явлении человеку пребывает все тот же; но мы не воспринимаем Его как должно; мы не вмещаем Его абсолютности в пределах земли, но все же *«видим»* Его, хотя и *«как бы сквозь тусклое стекло»* (1 Кор. 13, 12). И самое это «стекло» не всегда одинаково «тускло». Это зависит от того, в какой мере мы храним заповеди Христа, в которых дано Самооткровение Бога нам. В них живет Дух Отца: *«...слова, которые Ты дал Мне, Я передал им; и они (из этих слов) уразумели истинно, что Я исшел от Тебя»* (ср.: Ин. 17, 8). И еще: *«Если пребудете в слове Моем, то... познаете истину, и истина сделает вас свободными»* (Ин. 8, 31–32).

Принятие Истины происходит в свободе; она никем и ничем не навязывается человеку-персоне. И отнять ее насилием — нельзя. Вера по приказу — несовершенная в корне своем, хотя и возможен переход ее в истинную, т. е. ту веру, чрез которую Истина вселяется в нас, как искомая и вожделенная, и на всю вечность.

Истина есть Само-Бытие «как Оно есть». Оно открылось нам как Личный Абсолют — Троица Лиц в полном единстве и тожестве Бытия. Соединение с Ним сообщает и нам Божественный образ Бытия, вовеки непреложный. Евангельское слово, чрез пребывание в нем, становится кристально прозрачным и ассимилируется нами настолько, что мы уже обладаем им, подобно тому как владеем материнским языком. Когда оно, слово, становится нашим кровно-родным, тогда мы приближаемся к уподоблению Христу, даровавшему нам сию драгоценность (ср.: Ин. 17, 8). И как я уже много раз говорил, что отождествление наше Богу, воплощенному из сего видимого плана, по аналогии переходит в вечность, как наше обожение: вечное пребывание в сфере Божественного Бытия.

Обратное сему нужно сказать о том же Евангельском слове: когда оно никак не прелагается в акт нашей жизни, тогда оно и непонятно человеку в своем извечном существе, и становится далеко непрозрачным экраном между Богом и нами.

Полноты совершенства Христа мы не достигаем; поэтому все суждения наши о Нем остаются неадекватными. Однако велико для нас и то, что пусть отчасти, но и нам открывается интимно Его внутренний мир. Через данный нам опыт благодати, в долгом подвиге жизни нашей, мы как бы сквозь щель в заборе, но видим Свет Его Божества (ср.: 1 Кор. 2, 9–12). И что могу я сказать? В основании моей жизни лежит сознание, что Бог, Творец мира, и мой также, абсолютный в Своем безначальном Бытии, снизошел до нас, возвестил нам о путях к достижению нами Его вечности; раскрыл нам тайну смерти — т. е. грех; явил нам смысл бытия — Любовь.

Если подвиг понимать как волевое преодоление тех или иных наших страстных стремлений, то в подлинно благодатной жизни подвига нет. Пришествие Божественной силы внутрь приводит к тому, что все жизненные проявления человека принимают характер положительного акта, свободного от внутренних противоречий. И ум, и сердце, движимые Любовью Христовой, не знают сомнений. Когда же любовь Божия изливается обильным потоком, тогда она переходит в созерцание Света Нетварного, сообщающего бесстрастие, дающего несказанную радость свободы духа, так как вне смерти и страха пребывает человек.

Дается нам познание бесстрастных состояний, длящихся иногда большие, иногда же меньшие сроки. В существе своем это прежде всего любовь, «изгоняющая страх» смерти, исполняющая душу торжествующего

вдохновения, вводящая в созерцание нашего богоподобия. Но при всем этом та же любовь погружает всю душу в море страданий. И действительно: «чем больше любовь, тем больше страданий душе» (Старец Силуан).

Приходит Святой Свет при молитве глубокого покаяния за себя; а также и при молитве с любящим состраданием за обижающих нас: вдруг любовь сливается со Светом, и Свет проникает в душу, и извне становится насыщенною Светом атмосферой, воспринимаемою глазом.

Небесный Свет не поддается чувственному контролю. Иной, неуловимый по своей природе, он приходит неопределимым для нас образом. Бытие иных измерений прорывает завесу земного тела: пронизывает наше тварное естество нетварною энергией.

Сообщает нам разумение надмирного Бытия не чрез зрительные или чувственные, но духовные видения. Описание этих видений выражается различными словами, в зависимости от характера и дара слова того лица, которому они даны. Но под теми или иными словами тот, кто имел опыт посещений Свыше, увидит, о чем идет речь, — распознает скрытую за ними, словами, реальность.

Исходя из Единого Существа, Свет сей ведет к единому познанию Бога Любви. Нет разногласий в последствиях явления подлинного несозданного Света: все они, явления, приводят к одному: Откровению Божества Христа Иисуса. Бывают моменты, когда дух человека Божиим могуществом вводится в Его, Христа, Царство, которое *«не от мира сего»* (Ин. 18, 36).

Судя о добре и зле не по количеству совершенных дел, а по духовному качеству посещающих его мыслей и расположений своей души к этим «посетителям», подвижник действительно знает себя худшим всех людей. Параллельно с этим, несмотря на всю свою мерзость, он видит себя облагодетельствованным Богом вне всякой меры (ср.: Ин. 3, 34 — *«не мерою дает Бог Духа»*). Недоумевает он, почему многие другие, более одаренные, чем он, остаются вне Света?

Падение человека было тяжким, но все же не абсолютным. В силу этого наличествовала возможность покаяния и спасения. Писано: *«Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир»*. Следовательно, нет такого человека, который был бы совершенно чужд света. «Более одаренными» я назвал тех лучших, которые пребыли удовлетворенными тем, что они суть, и потому *«не познали или не приняли Его»* (ср. Ин. 1, 9, 11, 16).

Худшие же «*приняли благодать на благодать*» за горячность своего покаяния (ср. Рим. 5, 20; Лк. 5, 32; 1 Тим. 1, 15).

Следуя примеру Апостола Павла, и я прошу всех, кто расположится читать написанное мною, молиться, чтобы Господь Дал мне, косноязычному, слово, достойное для выражения тайны Христовой (ср.: Кол. 4, 3). Известно, что говорящий о Боге как должно — получает благодать, а тот, кто проповедует ложь, будет брошен в бездну мрака. Когда мы произносим духовное слово пред лицом Духа Истины, то мы первые подпадаем под его, слова, суд, страшный всякому, возлюбившему пришествие Спасителя мира.

В атмосфере наших дней исповедать о дарах, связанных с верою во Христа, совсем непросто. Предо мною стоит цель — дать возможно правдивую картину того, что выпало на мою долю переживать; притом так, чтобы не скрылись от читателя глубокие импульсы сердца. Бог наш есть Царь смиренной любви. Он призывает нас учиться от Него Самого смирению (Мф. 11, 29). Первым словом Его проповеди было: «покайтеся». И вековой опыт христианства показал, что едва человек с болезненной горестью восчувствует мерзость своих демонических притязаний на превосходство и возненавидит сей темный дух, как сердце его вводится в сферу неизведанной дотоле свободы, и Свет Божий изумит его до изнеможения созерцанием благости Божией. Все внутри при этом замолкает: ум не в силах мыслить, ни сердце изречь слово благодарности.

О, кто даст мне разум истинный и слово правое говорить о Свете Божества? Стыд овладевает мною, когда пытаюсь я обнажать свою душу; открывать то, что я пытался утаить от посторонних взглядов. Не ошибаюсь ли я, думая, что любовь Христова толкает меня на сей акт?.. Страх, который наполняет меня, приступающего к исповеди пред лицом, быть может, многих, не позволяет мне отступить от предпринятого дела. Итак, прошу, молитесь за меня, где бы я ни был.

Христос есть мера всех вещей — Божественных и человеческих. Он — духовное солнце, освещающее все мироздание. Во свете Его повелений мы знаем путь. Чрез Него открыт для нас «*доступ к Отцу*» (ср.: Еф. 2, 18).

Человек, как образ Абсолюта, естественно влечется к Началу всех начал, к Перво-Бытию. Шествие сие, однако, начинается схождением в преисподние глубины. Апостол Павел говорит о Христе: «*...восшел, что означает, как не то, что Он прежде сходил в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все*» (Еф. 4, 9–10). И именно это

есть наш путь после падения; и нет другого. Мы нисходим в акте самоосуждения в темные пропасти, потому что с того момента, как во Христе и чрез Него открывается нам образ предвечного, в творческом уме Бога, Человека, мы постигаем бездну нашего омрачения. Подобно тому как сверкнувшая в ночи молния, угаснув, делает тьму непроглядною, так явившийся нам Свет Божества по контрасту дает нам видеть наш внутренний мрак, подобный сгущенной массе отвратительной нечистоты. От этого видения рождается внутри великая скорбь, поражающая наше существо во всех планах. Страдание нашего духа бывает при этом вневременным, большим, чем от всякой иной физической боли. Мы всецело погружаемся в потоки слез. Рабы страстей — мы вдруг узнаем себя оторванными от Бога, стрела любви Которого ранила нас. «*Из глубины взываем*» мы к Нему (Пс. 129).

«Приими, Ты, Единый Святой, и освяти и очисти меня от всякой скверны. Приими, Ты, Единый воистину Живой, и исцели меня от поразившей меня смерти. Приими, Свет истинный, и вселись в меня вечным веселием».

Так зарождается в нас покаяние. Вначале оно сопровождается глубокой печалью; затем, меняясь в силе напряжения в своих формах, остается с нами неотступным. Покаянию на земле нет конца: конец означал бы полноту обожения нашего чрез совершенное уподобление вознесшемуся Христу.

Покаянный порыв временами бывает всепоглощающим. В уме и сердце нет ничего, кроме страдальческого сознания: «Я пленник злой тьмы». И вот, непредвиденным образом, в темницу души проникает Свет несозданного Солнца: тот Свет, что наполняет все космические просторы. Он любовно объемлет наш ум и сердце. Мы видим Его и пребываем в Нем; однако не в силах еще поверить этому чуду Благости Отца нашего, — «*...увидевши Его, поклонились Ему; иные же усомнились*» (Мф. 28, 17). «*Усомнились*», будучи не в силах вместить происходящего: я — убогий и мерзкий... неужели это возможно?

О нетварном свете
II

Смотря пристально на чистое голубое небо, я иногда останавливал мой взгляд в избранном мною направлении, а иногда пробегал его от края до края. Достигнув горизонта, я мысленно шел дальше и уже умом видел его объемлющим нашу планету. Я всматривался в глубину его, стремился проникнуть до его пределов, но чем более я удерживал внимание на этом чудном явлении,

чем усерднее смотрел в небесную сферу, исполненную света, тем более увлекала она меня своей тайной. Когда же по дару Свыше я удостоился узреть Нетварный Свет Божества, тогда с радостью узнал в голубом сиянии нашей «голубой» планеты символ сияния надмирной славы. Оно, сияние сие, повсюду; оно наполняет все бездны мироздания, пребывая неизменно неосязаемым, запредельным для твари. Голубой есть цвет запредельности. Многим на земле было дано блаженство увидеть сей дивный Свет. Большинство из них сохранило сие благословение как драгоценную тайну их жизни, и увлеченные сим чудом, перешли в иной мир. Другим же было повелено оставить свидетельство ближним и дальним братьям о сей высшей реальности.

Душа не без страха решается говорить о том Свете, который посещает человека, жаждущего увидеть Лицо Безначального. Таинственна его природа; и в каких образах описывать его? Неизъяснимый, невидимый — он иногда бывает видим вот этими телесными очами. Тихий и нежный — он влечет к себе сердце и ум так, что забываешь о земле, будучи восхищен в иной мир. Это бывает и среди белого дня, и во тьме ночной. Кроткий, он, однако, более могущественен, чем все, что нас окружает. Он объемлет человека странным образом извне; видишь его, но внимание уходит вглубь внутреннего человека, в сердце, согретое любовью, иногда сострадательною, иногда благодарною. Случается, что не ощущаешь материальности: ни своей, ни окружающей действительности, и себя видишь как свет. Уходит болезненность; забываются заботы земли; тревоги поглощаются сладостным миром. Бывало: Свет сей, вначале, являлся как тонкое пламя, целительное и очистительное, дожигавшее и внутри, и извне все неугодное ему, но тихо, едва уловимым прикосновением.

Свет сей святой любви, являясь в силе, приносит смиренную любовь, изгоняет всякое сомнение и страх, оставляет далеко позади все земные отношения, всю пирамиду мирских чинов и иерархических положений: человек становится как бы «никто» — он не стоит на пути братьев своих; не ищет себе никакого места в этом мире. Свет сей есть в самом себе нетленная жизнь, пронизанная миром любви. Он дает духу нашему познание об ином Бытии, не поддающемся описанию; ум останавливается, став превыше мышления самим фактом вхождения в новую форму жизни. Невесомый, тончайший всего, что знает земля, он сообщает душе неуязвимость, неприкосновенность от всего, что отягощало прежде. От лица его бежит смерть, и молитва — «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный» — чудно сочетается с ним.

Дух наш торжествует: сей Свет — есть Бог, Всемогущий и вместе неизъяснимо кроткий. О, как осторожно обращается Он с человеком: Он сердце, сокрушенное отчаянием, исцелит; душу, надломленную грехом, вдохновит надеждою на победу.

Спасительная сила заключена в вере несомненной во Христа-Бога. Он есть верховный факт безначального бытия; Он — Начало и Конец; Альфа и Омега. На камне сей веры становится возможным даже для нас подлинное покаяние и дальнейший духовный опыт, подобный опытам Апостолов, Отцов Церкви, аскетов всех веков. По роду дарований, последствующих искреннему покаянию, человек познает их неземное происхождение. Апостолы Петр, Иаков и Иоанн на Фаворе были объяты нетварным Светом, и в этом осиянии восприняли невещественный голос Отца, свидетельствовавшего о Христе как о возлюбленном Сыне Своем. Апостол Павел на пути в Дамаск узрел тот же самый Свет и в явлении Его познал Божество Иисуса. Подобного дара за истекшие века удостоились многие иерархи, аскеты, мученики и праведники. И даже до наших дней сия благодать не перестала изливаться на верующих.

Предваряется видение Света подвигом покаяния, очищающего нас от страстей; весьма болезнен сей подвиг, самое созерцание Света сладостно для сердца и ума. Свет сей есть совершенно особая любовь, блаженство которой может усиливаться дотоле, доколе душевность и телесность человека способны нести сие небесное пламя.

Сей Свет, присущий Отцу светов (Иак. 1, 17), перерождает и даже новотворит нас; радикально изменяется направление нашего внимания: прежде оно влеклось к земле и временным вещам; по воздействии благодати оно, внимание, заключается внутрь и оттуда восходит в духовную сферу невидимого и невечернего (ср.: 2 Кор. 4, 18). Что раньше нам казалось важным и даже великим, становится ничтожным для нашего духа: и богатство, и власть, и слава земная, и все сему подобное теряет свою притягательность. Даже наука, не дающая нам самого существенного познания, т. е. о Боге; так же и философские спекуляции, лишенные подлинной жизни, предстают лишь как преходящие ценности.

Когда неприкосновенный, по существу, и неименуемый Свет объемлет нас извне и проникает внутрь души нашей, тогда и мы становимся как бы вневременными. Сей исходящий от Бога Свет есть свет любви и ведения; но любви и знания особого порядка; оба сии сливаются воедино, да и суть едины

в вечности. Любовь соединяет в самом Бытии с самим Бытием; и вот мы пребываем в нем, этом Бытии, и знаем его чрез наше единство с ним; но представить сие в словах — не дается. Любовь влечет так сильно, что ни на чем, происходящем с нами, дух наш не останавливается вниманием, хотя и живет в этом «происходящем». Нет движения к самому себе; он, дух, весь в порыве осязать Неосязаемого, обнять Невместимого, постигнуть Неуловимого; быть только в Нем, и не видеть уже ничего другого.

Многоразлично и многообразно является нам Свет. Но как возможно сие?.. Не ведаю, как бывало с другими, но если в безумии моем дерзну говорить о том, что знаю, то скажу.

Господь дал мне благодать отчаяния; и даже больше сего: святую ненависть к моему греху, т. е. ко мне, самому себе, сросшемуся с грехом, смрад которого подобен ядовитому газу. Исцелиться своими усилиями — невозможно. При полном отчаянии от самого себя, как я есмь, единственно, что остается, — броситься к Богу с безнадежной надеждой. Бросок сей может быть всецелым, безвозвратным: я боюсь возвратиться; я не в силах супротивиться греху, удержать новую жизнь непорочною. Господь, однако, не всегда берет душу в таком состоянии. Человек же, из которого вышли бесы (страшился отойти от Христа и), просил Его, чтобы быть с Ним; но Иисус отпустил его, сказав: *«Возвратись... расскажи, что сотворил тебе Бог»* (ср.: Лк. 8, 38–39). Верь, что уже ни один из владевших тобою духов не возьмет над тобою верх. Больные, хотя бы отчасти подобные «гадаринскому», зная свое бессилие противостать владевшей ими «одержимости», боятся отлучиться от Того, Кто освободил их от чуждой власти.

Жизнь души, познавшей блаженство любви Христовой, в прежнем окружении неизбежно становится полной скорбей: *«В мире будете иметь скорбь: но мужайтесь...»* (Ин. 16, 33). «Рассказывать», свидетельствовать о Свете любви Божией — странным образом вызывает неприязнь в сердцах весьма многих людей. Нам нужно переживать и эту Иисусову скорбь: она поможет нам глубже проникнуть в Его земную жизнь: *«О, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?»* (Мф. 17, 17).

Возрадовался Бог о явлении человека в мир (ср.: Ин. 16, 21). Возрадовался падший мир о явлении Бога на Земле: *«И сказал Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам... Спаситель, который есть Христос Господь»* (Лк. 2, 10–11). Сей Спаситель даровал нам познание об утерянном нами в падении Отце Небесном; Он открыл нам

«тайну, сокрытую от веков и родов» (Кол. 1, 26); Он передал нам слово, которое исходит от Отца (Ин. 17, 14); Он дает нам и предвечную славу, которую Сам имеет от Отца (Ин. 17, 22); Он в грядущем веке желает видеть нас там, где Он Сам, т. е. одесную Бога.

В начале видения Света нет ощущения тайны, нет вопроса: все внутри и вне освящено; ничто иное, кроме Света, не зрится.

Ум и сердце «молчат», полные блаженного удивления Богу; *«Я увижу вас... и возрадуется сердце ваше... и в тот день вы не спросите Меня ни о чем»* (Ин. 16, 22–23).

Боговоплощение дало человеку возможность вступить на верный путь ко Отцу чрез пребывание в духе заповедей Христа во всех обстоятельствах земной жизни. Возрастающая от этого любовь ко Христу сделает молитву напряженною, пламенною; доведет ее до великой жажды Господа, когда дух человека переходит границы сего мира и весь погружается в Единого Бога. Эта молитва роднит душу с Духом Истины, и, зная Его, она затем «по вкусу», как говорил Старец Силуан, будет узнавать Его и отдаваться Ему; и обратное: непосредственно, интуитивно отталкиваться от многих призраков истины, способных привлечь к себе неопытный ум и непросвещенное сердце. Свет Божий выявляет подлинные лики духов и тем освобождает человека от одурманивающего шарма-прелести сопротивного.

Свет, который является человеку за веру во Христа, свидетельствует о Его, Христа, Божестве. Дух наш воспринимает Иисуса Господа как непреложную Истину, подлинно Святую. И сей безначальный Свет порождает внутри нас слова, тожественные учению Христа. В этом Свете мы созерцаем Отца; сей Свет мы воспринимаем как Духа Святого; в Нем мы видим Христа как Сына Единородного Отцу. Чрез этот опыт мы познаем единосущие Трех. Молясь сему Богу, мы живем единое бытие Трех. Но в этом Единстве все же живем мы и различения: иной характер носит мое обращение ко Отцу; иначе молюсь я Духу Святому; по-другому обращаюсь ко Христу. С каждым связывается некое особое духовное чувство, не разбивая нисколько Единства Бытия. К каждой Ипостаси Святой Троицы мы питаем в каких-то оттенках различное отношение. Ближе всех мы знаем Иисуса Господа чрез Его воплощение, вочеловечение, и чрез Него вводимся в Первобытие, которое и есть Истинный Бог: Троица Единосущная и Нераздельная.

Иногда Божественный Свет созерцается таким образом, что человек уже ничего физического не воспринимает. Во время молитвы дух его вступает

в сферу умного Света, и вместе с потерей окружающего его вещественного мира теряет он и ощущение своего тела. Восхищается дух в это видение с такой нежностью, что он не может дать отчета, что с ним происходит. Не может он после сказать, был ли он в теле или вне тела.

Чаще случается, что сохраняется нормальное видение материальной обстановки; в подобном состоянии человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть два света: физический и Божественный. Такое явление у Отцов имеется в виду, когда они говорят, что видят Несозданный Свет естественными очами. Да, воспринимаются два света, но не одинаковым образом. Свет нетварный по природе своей иной, и видение его не подобно физическому зрению, при котором свет производит известное раздражение оптического нерва, переходит затем в психофизиологический процесс видения, не оказывающего на нас духовного влияния. Обратное со Светом Божественным: его приход всегда связан с особым благодатным состоянием, ощутимым и в сердце, и в уме, и даже в теле. Невидимый по естеству своему, он необъяснимо становится видимым. Таковое явление, однако, менее обычно, чем возможные интенсивные духовные состояния благодати, не сопровождающиеся видением Света.

Первый из описываемых здесь образов созерцания выше второго, так как причастие к Божественной жизни, прикосновение к Безначальному Бытию переживается глубже, чем при втором. Но как объяснить, что в состоянии видения не улавливается вообще какой бы то ни было процесс мышления, т. е. появление в уме понятий или образов. И, однако, по окончании сего состояния и ум, и сердце ощущают себя исполненными нового познания; сердце, действием в нем благодати Божественной любви, глубже постигает тайны, превосходящие всякое интеллектуальное восприятие. Назвать сие воскресением души? или дыханием Вечности, объемлющей нас? Возможны оба выражения.

В нашем земном существовании, *«прежде, чем мы вкусим смерти»* (Мф. 16, 28), наиболее тесное общение с Божеством нам дается чрез осияние нас Нетварным Светом. Когда сей Свет приходит «в силе», тогда, как говорит Старец Силуан, «нельзя не узнать, что это Господь, и Дух Святой бывает в человеке во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле» (Старец Силуан). Действие Его, Света, не может пройти незамеченным, неосознанным. Будучи безначальной энергией Бога, сей Свет проникает нас этой силою, и мы становимся «безначальными» не по происхождению нашему, но по дару благодати:

безначальная жизнь сообщается нам. И нет конца мерам излияния любви Отчей на человека: он становится тожественным Богу. Тожество по содержанию, не по Изначальности Само-Бытия. Бог вечно пребудет для твари разумной — Богом. Христос по воскресении Своем сказал Марии Магдалине: «*... иди к братьям моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему*» (Ин. 20, 17). Святитель Григорий Богослов прекрасно объясняет смысл слов Господа. «Отцу Моему» — по существу от века; «Отцу вашему» по дару любви Отчей. «К Богу Моему» — по человечеству, воспринятому Им, а не в «собственном смысле» (Св. Григорий). И это есть вечное положение. Для Человека-Христа — Отец пребывает Богом; для нас также. Но как полнота Божественной Жизни сообщена Человеку-Христу, так и спасаемым во Христе сообщается та же полнота. Это следует из молитвы Господа: «*...Они не от мира, как и Я не от мира... Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина... Не о них только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую ты дал Мне...*» И еще: «*...все Мое — Твое, и Твое — Мое; и Я прославился в них*» (Ин. 17, 10 и 17, 26).

Свет, исходящий от Отца светов, эти слова делает родными, нашими внутри нас. Сей Свет влагает их в самое внутреннее существо наше. В этом Свете наше общение с Ним; общение «личное» (персональное), лицом к Лицу, персона к Персоне.

Начальные действия Света сего в мерах, если можно так выразиться о сем Божественном даре, малых — опознается глубоким чувством Живого Бога в сердцах и умах наших, но еще не как пришествие Царства в силе, не как очевидное «личное» общение с Ним. Необходимо подчеркнуть, что Свет Божественный непременно соединится с ощутимой всем нашим существом благодатью. В связи с этим Блаженный Старец Силуан говорил и писал: «если ты видишь свет, и при этом ничего другого (т. е. ощутимой благодати), то это от "неприязни" и не должно его принимать».

Интеллекция непостижимости Само-Бытия возможна и на невысоких степенях духовного познания. Многие, не узрев еще Несозданного Света, т. е. того, что познаваемо бытийно в Божестве, были уже способны ощутить

непостижимость Божества в порядке естественного человеку философского созерцания. Это последнее не равно опыту Моисея (Исх. 20, 21): онтологически оно стоит значительно ниже, хотя все же показывает потенциальную возможность для интеллекта прийти к подлинным созерцаниям, но не в отрыве от сердца, сего центра персональности человека.

Я не раз говорил, что подобные умы при напряженном сосредоточении дают ощущать себя как свет; неясный, но свет. И если он, ум, признает себя высшим проявлением человека и без любви сердечной предастся своим отвлеченным восхождениям к Абсолютному Бытию, то в некоторых случаях может дойти до люциферизма, с его убийственным холодным светом, с беспощадным презрением к страданиям миллионов людей.

Наш ум создан по образу и по подобию уму Первому — Богу. Ему, нашему уму, свойственен свет, ибо сотворен по образу Того, Кто есть Свет безначальный. Когда в опыте аскетических созерцаний о таинствах и тайнах Бытия Изначального он — ум — переступает порог времени и пространства и для нас самих становится подобным свету, тогда человек стоит в опасности счесть сей естественный свет тварного ума за Нетварный, Божественный. В состоянии подобных аберраций ум человеческий создает мистические теории, которые, однако, не выводят его к подлинно сущей вечности, а доступны ему по тварному естеству.

Христианин, пребывая бытийно в сфере Нетварного Света, может еще не уразуметь, что есть сей Свет. Тем же, кто не познал действенно сего состояния, рассуждение о природе этого Света может показаться излишним, "академическим", не имеющим реального значения для нашего спасения. Не так обстоит дело с подвижниками, предавшими себя на предельный для них труд покаяния. И как возможно для ищущего истинного познания Бога уклониться от вопроса: что или Кто является ему? Знание Бога, бытийное знание, непременно соединяется с пришествием Бога внутрь человека. Это событие по существу своему неописуемо велико. В сердце самом нет сомнений, но все же явление в силе настолько превосходит наше падшее естество, что никто из верующих во Христа не должен доверять себе без должного свидетельства или в Писании, или в творениях Святых Отцов. Больше того: даже Писания недостаточно для окончательного суждения, потому что и слово Божие почти всеми понимается различно. Необходимо подтверждение от другого лица, живущего единою с нами верою, но удостоившегося прежде нас Божьего посещения. Итак, сии три: 1) Святое Писание Нового Завета; 2) творения

святых аскетов нашей Церкви и 3) «живой» человек. Если нет сего последнего, то праведной душе свойственен крик к Богу: «пощади меня, и не попусти мне, растленному душой и телом, отпасть от Твоей Истины и вступить на иной, чуждый путь». «Да не прельстиши Мене лестию» — такие слова влагает церковное песнопение в уста Пресвятой Девы, получившей от Архангела Гавриила откровение о действенном рождении от Нее Сына Божия.

Явления несозданного Света менее редки, чем некоторые думают. В покаянном порыве многие удостоились сего дара, без того чтобы дерзнуть остановиться на нем умом и осознать подлинно: Кто есть сей? Они довольствуются воздействием Света на душу: примирение с Богом, неоценимое утешение, ощущение вечности, преодоление смерти.

Не все по естеству обладают одинаковой силой выражения пережитого ими опыта. И это наблюдается даже среди величайших. Пример: Апостол Петр, объятый огнем любви ко Христу, творил чудеса подобно Самому Господу, но в своих посланиях он менее богат, чем Апостолы Иоанн и Павел. Петр, свидетель Фаворского преображения, знал, что чрез Христа, во Христе он соединяется с Богом в вечности, что *«дарованы нам великие и драгоценные обетования, чтобы чрез них соделаться причастниками Божественного естества...»* (ср.: 2 Пет. 1, 4); "нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы спастись" (Деян. 4, 12). Немало и других великолепных слов находим мы в его посланиях, но Иоанн и Павел, менее его совершившие чудес, в своих учениях дали нам еще более богатый материал, открывая нам необъятные горизонты богопознания. Апостол Павел более всех других Апостолов располагал аппаратом (развитию которого обычно содействует наука) для описания данных ему опытов. Ему принадлежит слава за целые ряды глубочайших выражений откровенных истин.

Моя мысль, естественно, часто возвращается к моему в Боге Отцу, блаженному Старцу Силуану. Бытийно сей смиренный муж пребывал в состояниях, которых за всю историю Церкви удостоились немногие, но в своих писаниях он явно обнаруживает отсутствие у него запаса слов и понятий для более наглядного изображения излитых на него великих благословений. Церковь, мы знаем, одинаково чтит и тех, кто в немногих словах, но в обилии чудес и высотою духа созидали Ее, и тех, кто послужил той же цели даром учительства.

Когда воистину Сущий Бог — онтос Он — открывается в явлении Нетварного Света, тогда интуитивно человек покидает идущую снизу философию о транс-персональном Абсолюте. Не отвлеченное, но бытийное познание

Бога никак не ограничивается одним интеллектом: необходимо живое слияние-общение всего человека с Актом Божественного Бытия. Реализуется сие в любви: «*Законник сказал Иисусу в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим*» (Лк. 10, 27). И это есть наша гносеология — наука о познании.

Заповедь призывает нас «любить». Следовательно, любовь не есть нечто, уже данное нам: ее нужно стяжать подвигом нашего личного самоопределения. Призыв Господень обращен прежде всего к сердцу как духовному центру персоны. Ум-рассудок является одною из энергий человеческой личности. Любовь Божия чрез веру зарождается в сердце, и ум поставляется пред новым внутренним событием. Пламя сей любви привлекает всецело ум в сердце, и как бы расплавленный — он сливается с сердцем воедино и созерцает Бытие во Свете Божественной Любви. Человек становится «целым»: исцеленным.

Нет духовной борьбы более трудной, более болезненной, чем борьба за торжество любви Христовой. Начинается она в нас самих, затем исходит во весь мир. Подлинно, сия любовь не от Земли, но от Неба. В ней смысл Бытия Самого Бога, Который дал нам заповедь «любить». Восход духовный в Царство нетварной любви Божией требует весьма длительного аскетического подвига. Сему «восходу» усматриваем некую аналогию в утомительном подъеме на крутую гору: в муках творчества одаренных артистов во всех областях искусства, в многолетнем усидчивом труде для приобретения научных знаний, да и во многом другом, подобном сему. И если люди в большинстве случаев идут с готовностью на всевозможные жертвы для приобретения кратковременных материальных ценностей или привилегированного социального положения, то не приходится удивляться в необходимости еще и во много раз больших усилий для стяжания непреходящих ценностей Царства Божия, по глаголу Христа: «*Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*» (Мф. 11, 12).

О нетварном свете
III

Сейчас я хочу говорить о том, что Господь даровал мне после моего обращения к Нему в зрелом возрасте, когда посещения связывались с глубокой покаянной молитвой. В начале этого периода Свет являлся, скорее, как Огонь, пожигавший и на поверхности тела моего, и внутри души нечто такое, что

я воспринимал при этом горении как чуждое Богу. О, я тогда ничего не знал и не понимал, что со мною происходит. Мысль моя не шла на исследование природы сего Огня и сего Света. Я страдал в моем покаянии всем моим существом; но я знал, что я ожил духом. В те годы чрез меня проходили мощные волны и чувств, и мыслей. Приливы их бывали внезапными или постепенными; иногда все смешивалось в неясную полуночную грозу; и сказать теперь точно об испытанном в хронологическом порядке — невозможно. Что помню я достоверно, так это основной мой порыв к Богу в моей смертельной тоске по Нему. Я выражал ее в моих молениях такой сосредоточенности, что если и приходил Огонь ли, Свет ли, то и тогда мое внимание не отрывалось от Бога, и все стремление было к Нему. И вот в Великую Субботу (быть может, в 1924 году) Свет посетил меня после причащения, и я ощутил его как прикосновение Божественной вечности к моему духу. Тихий, исполненный мира и любви, Свет пребывал со мною три дня. Он разогнал стоявший предо мною мрак небытийный. Я воскрес, и во мне, со мною воскрес весь мир. Слова Иоанна Златоустого в конце Пасхальной Литургии предстали в своей потрясающей силе: «Воскрес Христос, и мертвый ни един во гробе». Истомленный до того видением всеобщей смерти, я переживал в тот момент: да, и моя душа воскресла, и я уже никого не вижу мертвым... Если таков Бог, то скорее надо оставить все и искать только с Ним соединения.

В конце дней моих решился я говорить братьям моим о том, о чем раньше не посмел бы, считая сие нецеломудренным. Как бы ни был я ничтожен во всех отношениях, факт остается фактом: Бог Отец благоволил ко мне, как Ему вообще свойственно благоволить к сокрушенным сердцам (Пс. 50, 19); Он, Отец, привлек меня к Своему возлюбленному Сыну, и Сын восставил меня из моего бедственного падения (ср.: Ин. 6, 37–40; 44–47). Дух Святой, от Отца исходящий, дал мне жить *«великую благочестия тайну: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе»* (1 Тим. 3, 16).

Теперь я знаю, что вне такой веры пережитые мною состояния были бы исключены. И при еще недостаточном опыте возможна вера, которая в дальнейшем возрастает в силу излияний благодати на человека. Свидетельствую, что, когда при сильном отвращении к самому себе, как я есмь, все существо погружается в молитву ко Христу, вырывающую дух наш из когтистых тисков страстей и материи, тогда ощущение Божественной вечности настолько ярко, что никакая логика или психоанализ не могут поколебать очевидности. Почему говорю о логике и психоанализе? Потому что первая не позволяет поверить,

что исторический человек, которого можно видеть, осязать (ср.: 1 Ин. 1, 1), которого можно убить, повесив на кресте, как разбойника, есть Творец всего безбрежного космоса. Второй — психологически убеждает нас в необходимости недоверия своим переживаниям. Но, как говорил Старец Силуан: такой свет, такая любовь, такая сила жизни и мудрость — могут исходить только от Истинного Начала всего существующего. Старец Силуан — необычайно одаренный человек; но и я, пусть по всему жалкий урод, могу как-то судить о том, что доступно человеческому духу, а также и нашей мысли и психике.

Апостол Павел удалился по явлении ему Христа в Аравийскую пустыню и там, в порыве всепожирающего раскаяния о своем прошлом, удостоился многих и великих откровений; среди них удостоверение, что Иисус Христос есть Бог. Я не ищу логических доказательств снизу; но и в моем покаянном плаче, превышавшем мою силу, опалявшем меня огнем, — я убедился в том же: Он, Христос, есть высший, изначальный факт бытия. Характер моего покаяния никак не допускал возможность «воображать», что со мною может Безначальный Бог быть так близко, так действенно. Бывали моменты, когда я понимал образ откровения небесных тайн Пророкам, Апостолам и Отцам нашим. Свет, который посещал меня, есть Свет *«Царства не от мира сего»*. Царем его называл Себя Христос (Ин. 18, 36).

Что, в сущности, происходит? Как объясняются подобные события? Наш дух вводится Духом Божиим в сферу сего Царства. При этом останавливается всякое дискурсивное мышление: мы живем новый для нас образ бытия. Нам дается опыт «быть»: аз есмь. И Апостол Павел, и другие Апостолы: Петр, Иоанн и все последующие богословы Церкви повествуют о познанных ими фактах бытия.

Мне до боли стыдно произносить такие слова, которые могут показаться чрезмерно гордыми и потому отталкивающими. Но в этом парадокс: я сам живу двойное состояние: мое, мне самому отвратительное ничтожество — одно, и сострадательное снисхождение Бога — другое. Я мыслю так: дары Божии даются каждому без отказа (ср.: Мф. 7, 7–11), но по мере жажды и верности Дародателю каждого из нас: одним обильно, другим умеренно. Я знаю себя: я самый обыкновенный человек, нередко по-детски бестолково веселый; излишне говорить об этой очевидности. Но то, что мне было дано от Бога, по Его инициативе, есть нечто аналогичное Апостолам, Отцам Церкви, моим наставникам. В силу этой аналогии данное мне выражается теми же словами, что мы находим в Писаниях Нового Завета и творениях Отцов. Нет сомнений

о колоссальной дистанции между Ветхим Заветом и Заветом Христа (См.: Мф. 5, 17–48). И все же даже в пределах Моисеева Закона Пророки иногда говорили с подобным апостольскому дерзновением. То же со мною. И в монастыре, и в пустыне мне было дано познать описываемые мною состояния духа. Я не удержал их в полной силе: возвратившись в мир, я утерял постепенно очень многое. Но я помню о них. И дарованное мне там освободило меня духовно от власти людских суждений. Но страх Божий не прекращает сокрушать меня: сие значит, что я не перехожу моей малой меры.

Вот что мы читаем у Старца Силуана: «Некоторые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это устарело; но у Господа никогда, ничто не умаляется, а только мы изменяемся, делаемся плохими, и так теряем благодать; а кто просит, тому Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит» (О смирении).

Мой отъезд со Святой Горы был вынужден обстоятельствами. В Европе я лишался постепенно многого из того, чем была полна моя жизнь на Афоне. Служение людям, как показывает опыт, связано с необходимостью входить в их скорби, их борьбу со страстями и слишком часто примитивными нуждами. К сожалению, это не помогает пребыванию в созерцании и безмолвной молитве. Ход событий убедительно показывает, что на мое возвращение была воля Свыше. Но и при этом я не перестаю печалиться о потере тех даров, которые изливал на меня Господь сверх моих ожиданий.

Действие Света, о котором я пишу, на дух человека свидетельствует о его Божественности: он — несозданный, неименуемый, неудержимый; он — сокровенный, невесомый, неприкосновенный. Недоумеваю — как мыслить или говорить о нем?

Он по природе своей — надмирный. Его схождение на нас есть не иное что, как явление Бога человеку: откровение небесных таинств. Дарованием сего Божественного Света при Фаворском преображении утвердилось богопознание. С момента осияния сим Светом Апостолов на Фаворе Он вошел в историю нашего мира и стал «неотъемлемым наследием» сменяющимся поколениям верующих во Христа-Бога. Без сего Света Земля пребывала бы вне истинного богопознания. Сей Свет я позволил себе назвать Светом воскресения, исходя из моего личного опыта: пришествием сего Света дух человека вводится в сферу, где нет смерти. Вне осияния сим Светом не постигается, как должно, тайна путей спасения: мир — люди — остались бы во тьме неведения. Отвлеченное богословское образование, даже самое утонченное,

не спасает, потому что дает лишь интеллектуальное понятие, но не возносит реально в область Божественного Бытия.

Иногда сей Свет можно уподобить горному облаку, покрывающему вершину, где мы стоим: само облако насыщено светом, но мы не видим ничего, кроме него: весь прочий мир где-то утонул. Так Божий Свет, принося новый образ духовного бытия, скрывает от глаз видение материального мира. Свет сей ровный, целостный; он исполнен глубокого мира. В нем душа созерцает Любовь и Благость Божии. При обильном излиянии человек перестает воспринимать материальность окружающего места и даже своего тела. Больше того: себя самого он видит как свет. Приходит сей Свет тихо, нежно, так, что не замечаешь, как он объял тебя. Не сразу, не внезапно обычно «забывается» мир. Это явление похоже на тихое засыпание здорового человека; но, конечно, это вовсе не сон, а полнота жизни.

По отшествии Света сего, тихом, как пришествие, душа медлительно возвращается к обычному восприятию материальной действительности. В смягченном сердце — глубокий мир. Дух человека одновременно пребывает и в вышнем Божественном плане, и в земном; однако первое постепенно ослабляется, и в душу приходит некая печаль, чувство сожаления, что несказанно милое прикосновение Божьего Духа умаляется в силе своей, тогда как восстанавливается физическое самоощущение. Благоуханный свет видения бледнеет, но не исчезает вполне. Однако и самое ослабление порождает тонкое томление о Боге, но молитва течет мирно и от всего существа. Пребывание с Господом убивает страсти: нет тогда влечения ни к славе, ни к богатству, ни к власти, ни к чему земному, неизбежно страстному и всегда отмеченному трагизмом и кратковременностью.

Повторные посещения души благодатию приводят к усмотрению сходства между состоянием созерцания и впечатлением от евангельского слова. Последнее начинает восприниматься как Свет, как животворящая сила, как новый акт творения уже не в виде повеления: «да будет», но как обращение к разумному существу как чаду Небесного Отца, не насильственно зовущее к чудному восхождению в Царство любви Отчей, где нет ни смерти, ни начала, ни конца. Духу нашему дается разумение, что воистину слово Христа исходит *«от Отца светов»* (Иак. 1, 17–8), Который *«восхотев, родил нас словом истины»*. В слове Христа заключена Божественная жизнь, и тот, кто открывает ему сердце до конца, становится богоподобным.

В начале моей монастырской жизни на Афоне Господь даровал мне непрестанную молитву, которая, не умаляясь в силе своей, переходила время от времени с одного предмета на другой. Расскажу о том, что помню достаточно ярко, так как речь идет о молитвах, оставивших неизгладимый след на моем бытии.

Много раз случалось следующее: вечером, по заходе солнца, плотно закрою окно, занавешу тремя занавесками, так, чтобы создать условия наибольшей тишины и темноты... Приникнув лбом к полу келлии, я медленно произносил слова молитвы одно за другим, и терялось всякое ощущение тесноты моей малой комнаты, и ум, забыв тело, чувствовал себя во свете слова евангельского. Сосредоточенный на бездонной премудрости слова Христа, мой дух, свободный от всего вещественного, чувствовал себя подобно тому, как тело под солнцем в зените, залитым всецело сиянием Умного Солнца. Кроткий мир при этом наполнял мою душу, забывавшую все нужды и тревоги Земли.

Чем объяснить, что пришествием на нас Света Христова, немногие заповеди Его, будучи написаны на сердце и в уме, сделали бы излишними все законы, включая и закон Моисеев? Это умное видение принимало характер полной несомненности: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим... и ближнего твоего, как самого себя»*. Господь давал мне жить это состояние, и дух мой жаждал прильнуть к Его ногам в благодарности моей за сей дар (Мф. 22, 37–39).

Повторения такого состояния, не без интервалов, длились месяцами, быть может годами.

Под влиянием того же Света молитва за людей в глубокой печали овладевала моим существом. Было ясно, что неизбывные, неисчетные страдания всей вселенной суть следствие отпадения человека от Бога, Создателя нашего, открывшегося нам. Если бы мир возлюбил Христа и Его заповеди, то все преобразилось бы коренным образом, и земля стала бы чудным раем. Слово Писания о первозданном рае при этом видении являлось для меня осязаемой реальностью "данного" момента. Истекшие тысячелетия в плане вечного духа становятся умным видением, вневременным, непротяженным.

«И поселил Господь человека в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Вдохновляющая задача, включающая его, человека, на сотрудничество с Самим Богом в творении мира. Казалось мне, что даваемая мне свобода в молитве в ночной тишине Святой горы есть уже предвосхищение Царства. Достаточно этого пребывания в Боге возлюбленном, чтобы

уразуметь значение слов: Рай Божий. От Него, Святого святых изошли евангельские слова, носящие абсолютный характер Божественного всеведения.

Когда кончалась молитва, сами собою приходили ко мне слова псалма: «нощь просвещение в сладости моей... яко день просветится» (*«...тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день»* (Пс. 138, 11–12).

В начале тридцатых годов, когда я был уже дьяконом, в течение двух недель благоволение Божие было на мне. Вечером, когда солнце готово было скрыться за Олимпийскими горами, я садился на балконе близ моей келлии, лицом на заходящее светило. В те дни я видел вечерний свет солнца и вместе другой Свет, который нежно окружал меня и тихо проникал в мое сердце, странным образом давая мне испытывать сострадание и любовь к людям, которые обращались со мною сурово; бывало и некоторое неболезненное сочувствие твари вообще. По заходе солнца я входил в мою комнату для совершения правила готовящимся к служению Литургии, и Свет не покидал меня во все время молитвы.

И вот в один из вечеров подошел ко мне монах отец Ювеналий (Егоров), единственный мой сосед по этажу, и спросил: «Сейчас я читал гимны Св. Симеона Нового Богослова... скажите, как вы понимаете его описания видения им Света нетварного?» До того момента я жил благодарным сердцем находившее на меня благословение Господне, но у меня не было никакого вопроса относительно сего явления, и моя мысль, устремленная к Богу, не возвращалась на меня самого. Чтобы ответить отцу Ювеналию, я мысленно остановился на происходившем со мною в тот самый час. Пытаясь скрыть себя, я говорил уклончиво: «Не мне судить об опыте Святого Симеона... Но быть может, пребывая в благодатном состоянии, он ощущал ее (благодать) как Свет... Не знаю». Казалось мне, что отец Ювеналий ушел к себе, не заподозрив ничего большего, чем то, что я сказал. Но вскоре после этой короткой беседы я, как обычно, начал мою молитву. Свет и любовь уже не были со мною.

Так снова и снова я познал из горького опыта, что чистая молитва бывает только тогда, когда дух наш всецело погружается в Боге без возврата на себя самого. Странно: беседуя с отцом Ювеналием, я не видел движения тщеславия внутри меня... И все же! Но мог ли бы я предвидеть, что продолжение моего видения Света по вечерам и ночам того периода — начало моего священнослужения — не привело бы меня к возношению? Если сия беда стояла на моем пути, то Господь нашел прекрасный способ смирить меня отнятием дара. Да будет Ему слава во веки веков.

Сам Бог, Свет неприступный и Жизнь вечная, пришел в мир, жил с нами в нашей осязаемой плоти, и мир Его не узнал, не принял. Те же, что возлюбили Его пришествие, знают, что через Единородного и они усыновляются Богу, Отцу Вседержителю. Неизъяснимо познается Он в явлении Света благодати, тонком и чутком, утешительном и оживляющем. Вещественное солнце есть прекрасный образ Солнца Любви и Правды. Без лучей видимого солнца не была бы возможною жизнь на нашей планете. Все мы ощущаем благодетельное действие его лучей. Ранее он мне казался нематериальным, но после созерцания Нетварного Света Божества и он, естественный свет, стал для меня грубым, временами агрессивным. Он освещает земную природу, но непосредственно еще не дает нашему духу проникновения в тайны Божественного Бытия. Обратное со Светом Божества: он прежде всего приносит откровение о Царстве Отца Небесного.

По воскресении Своем Христос являлся исключительно тем, кто был способен воспринять Его уже в обоженной и просветленной плоти, пребывая невидимым для прочих людей. Так Свет Нетварный, "вся наполняяй", пребывает незримым для тех, кто не взыскал познать Бога всем существом своим. И опять, любопытная аналогия со светом физическим: он тоже невидим, если не находит воспринимающего и отражающего его предмета. При свете земного солнца природа становится великолепною для глаза. Свет же Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными.

Снова и снова сердце готово петь славословие Христу-Богу, являющему Себя в нетварном Свете: таким образом, неисчислимо могущественный, всему запредельный Он нисходит до нас. Неприкосновенный, непостижимый Свет Его Божества все животворит, объемлет все существующее. К нему не приложимо понятие места, объема, и, однако, не пространственно он присущ повсюду. Озарение сим Светом дает человеку опыт воскресения, как предвкушение грядущего блаженства. Он без слов говорит нашему духу, что «созданный по образу» в последнем осуществлении явится носителем полноты богочеловеческой жизни, будет усовершенным подобием Христу, Богочеловеку. Действием Света сего внутри кающегося раскрывается дивный свет: Персона-Ипостась. И мы познаем, что сему в нас началу свойственно любовью вместить в вечности невыразимо грандиозную и святую жизнь.

Свет Христов есть «энергия» Божества, нетварная, безначальная жизнь Бога Троицы. Она, энергия-действие, свойственна и Отцу, и Духу Святому. В этом Свете мы познаем и Отца, и Духа Святого, и Сына Единородного. Когда сей Свет благоволением Бога осеняет нас, тогда ипостасное начало в нас из потенциального состояния в рождении нашем актуализируется и становится способным «видеть» Бога (ср.: Мф. 5, 8), воспринять Его бытийную силу, богатство жизни Самого Бога. На земле — человек не вмещает абсолютного совершенства Божества, но по действию в нем Духа Святого он осознает себя связанным с Тем, Кто есть воистину Творец всякой жизни и единый Центр всего сущего.

Опять и опять о том же Свете жизни, которого не поглощает тьма небытия (ср.: Ин. 1, 5). Я не живу собою: я весь к Тому, Кого люблю. Он дал мне жизнь, Он же есть моя жизнь. И если так, то что же я есмь?

Велик человек, когда он в Боге Великом. Силою Божией любви он, человек, объемлет весь мир и сам в некотором смысле является «центром мира». Впервые сия мысль посетила меня, когда Бог даровал мне благодать «смертной памяти». Этот, скорее, негативный опыт в своей наибольшей интенсивности давал мне мой уход в небытие переживать как уничтожение всего космоса во мне: «во мне», с моею смертью, умирает весь род человеческий со всеми страданиями и радостями, стремлениями и познаниями. Больше сего: Сам Бог, еще недоведомый и все же как-то познанный, и Он умирает во мне и для меня. Все тварное и нетварное бытие исчезает в бездонном мраке забвения. Опыты такого состояния были, в сущности, созерцанием «абсолютности» (образ-отражение Абсолюта) ипостасного начала в нас, но под знаком минуса.

Когда же пришел нетварный Свет, свидетельствуя духу моему, что я вне власти смерти, тогда все то, что раньше умирало во мне, действием сего Света совосстало со мною.

И пугающий мрак смерти, и тягостное отвращение к самому себе за живущий во мне грех, ощущаемый как разрыв с Богом любви, и горестное безнадежие о себе самом, и возмущение бессмысленностью бытия вообще, как оно преломлялось ранее в моем сознании, — все сие возрождающей силой покаяния преображается коренным образом: становится христоподобным «истощанием». Уподобленные Ему в смерти своей, Духом Святым воздвигаются и возносятся к подобной Его вечной славе (ср.: Флп. 2, 7–8; Рим. 6, 5).

Так познается Иисус Христос в Его безначальном владычестве и вместе в Его неисповедимом истощании *«нас ради человек и нашего ради спасения»*.

Христос победил мир (Ин. 16, 33). И уже нет никого и ничего, что или кто мог бы ограничить Его господство. Во многом страдании освобождаемся мы от власти над нами всего, ранее пережитого. Обогащенные опытом победы чрез покаяние, мы уподобляемся Единородному Сыну в Его Господстве: ад уже не владеет нами, и мы смотрим на него уже без прежнего ужаса.

Я вовсе не настаиваю, что и Сам Господь Иисус Христос таким же образом переживал Свое «истощание» в Гефсимании и на Голгофе. Но в моем раскаянии пред Ним за все мои духовные преступления так мне было дано разуметь. Почему бы такой человек молился: *«Душа Моя скорбит смертельно... Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия... И был пот Его, как капли крови, падающие на землю»* (Мф. 26, 38–39; Лк. 22, 44)?

Для моего ничтожества было великим и доныне пребывает непрестающим возрастать то, что я испытал. С благоговейным страхом я размышляю: что же видел Он, Мой Господь, чтобы так молиться? Он, беспредельный в Своем Божестве, недосягаемый в Своем умалении; безмерный в Своей любви *«до конца»* (Ин. 13, 1), неприступный в Своей Славе?

Несомненно, мука его была большею, чем всех прочих людей, чтобы быть «мироискупительною страстию».

Воистину Он есть свет, пришедший в мир, дабы всякий верующий в Него не оставался во тьме (ср.: Ин.12, 46).

Явления Света, единого в своей вечной природе, различествуют между собою и по силе, и по образу. Редко в истории Церкви видения Света достигают такой полноты, когда в момент озарения дух человека удостаивается еще и личного откровения Бога. Так было на Фаворе, когда Петр, Иаков и Иоанн услышали невещественный голос Отца, свидетельствовавшего о Сыне Возлюбленном. Подобно и Апостолу Павлу на пути в Дамаск, великим было воссияние и вслед за ним личная беседа со Христом, удостоверившая Павла, что тот Бог, Которого он чтит, Который открылся Моисею на Синае, был Он: *«Я Иисус, которого ты гонишь»* (Деян. 9, 5).

Значительно более часто Свет сей объемлет человека, когда он пребывает в состоянии молитвы поглощающего покаяния, подобного стоянию на грани отчаяния. В начале подвига раскаяния в грехах сей святой Свет дает опыт Божией милости и любви, но еще не носящей беседы лицом к лицу; такой беседы, когда человек действительно в Боге и Бог в нем; когда дух

молящегося знает, что явившийся ему есть Предвечный Владыка всего сущего, Первый и Последний; непостижимый и так тесно близкий; невидимый и ощутимый вместе с тем даже телесно; огнем любви наполняющий сердце, светом разумения просвещающий ум. Свет познания, но невыразимого в словах. Впрочем, Сам Он называет Себя *«Аз Есмь Сый»*. Каждый воспринимает эти святейшие слова лишь в меру своего реального опыта. И никто из смертных не может сказать, что он познал «до конца», какое Бытие скрыто за сими словами. Дана однако же нам надежда, настанет такой вечный день, когда Он будет *«все во всем»* (1 Кор. 15, 28).

О личном начале: в Бытии Божественном и бытии человеческом

Воистину незыблемое основание боговедения дано нам чрез воплощенного Логоса Отца — Иисуса Христа. Влекомые любовью к Нему, мы претерпеваем глубокое преображение всего нашего существа. Его беспредельная жизнь передается нам. Наш дух становится на двух противоположных полюсах: с одной стороны — мрачные низины ада, с другой — Царство Бога, озаренное незаходимым Солнцем. Невыразимо расширяется содержание нашего бытия. В безумной молитве душа стремится к сему дивному Богу. Мы ненавидим себя, как мы есть. Пройдет много времени, пока мы поймем, что это Он Сам молится в нас, приобщая нас к Своей безначальной жизни. Чрез сию молитву, богоданную, мы бытийно соединяемся со Христом: сначала в Его неисповедимо таинственном истощании и снисхождении даже до преисподней, и затем — в Его Божественном Всемогуществе — *«...да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»*, — сия есть жизнь вечная (Ин. 17, 3).

Персона-Ипостась в Божественном Бытии не может быть лимитативным принципом. И в нашем тварном бытии ипостась есть начало, воспринимающее в себя беспредельность. Пред нашим ипостасным-личным духом в пределах земли стоит задание: пробить стену времени и преодолеть порог пространственности. Сему духовному событию в нашей данной повседневности имеем некоторую аналогию: авион, переходящий на сверхзвуковую скорость, производит потрясение атмосферы, подобное взрыву. Так дух человека, вступающий в мир Божией вечности, бывает потрясен величием открывшегося ему видения. Вселенная при этом переживает некое изменение в своих судьбах: «Человек родился в мир» — это событие, сообщившее всему

мирозданию новую, непреходящую ценность. Человек, как ипостасный дух, принадлежит вечной онтологии. Спасенные во Христе — святые являются носителями Божией вечности: они воспринимают безначальную жизнь, нетварную, в свое неотъемлемое обладание, но по природе своей они все же неизменно остаются тварью.

В духовном мире человечества наблюдается двойное движение. Одно из них — негативное. Грубая форма сего выражается во всевозрастающей динамике падения: в банальном нигилизме и моральном разложении; сублимированная же форма — люциферическая; с нею нас знакомит Книга Бытия (3, 5). Сущность сей последней, что тварь, наделенная даром свободы самоопределения, отвергает заповедь Бога: рассматривает ее как некое, налагаемое извне ограничение, стремясь к абсолютному самоутверждению, самообожению.

Другое движение — положительное, восходящее, проявляется как влечение любви к бесконечному соединению с Отцом, «иже на небесех».

В параллель сим замечаем наличие двух противоположных тенденций в сердцах и умах людей. Одни целятся совлечься земной формы существования: их воображению предносится великий покой таинственного, всетрансцендирующего Не-бытия. Другие же, по слову Христа: *«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»* (Мф. 11,12), идут на болезненный подвиг преодоления нашей тварной тленности: *«мы... не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью»* (2 Кор. 5, 4).

Для одних характерно мыслить Перво-Абсолют сверхличным. Персональность для них есть в лучшем случае первая ступень деградации, самоограничения Абсолюта. Для вторых — именно персона лежит в основе всего сущего. И сие есть наше христианское боговидение и мировидение. Нам открылся Ипостасный Бог, Творец «неба и земли, и всего видимого и невидимого». Он есть Само-Бытие; Он Первый и Последний: никого и ничего раньше него, ни после него. Сей есть Бог Любви нетленной. Возлюбившим Его обетована полнота богосыновства чрез Единородного Сына Отчего, Иисуса Христа, Который сказал: *«Я живу, и вы будете жить»* (Ин. 14, 19).

Ипостась-Персона есть самый внутренний принцип Абсолютного Бытия — его начальное и конечное измерение: *«Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был, и грядет, Вседержитель»* (Откр. 1, 8).

Ипостасность Бога ускользает от всякого определения, ибо лежит за пределами всего, что носит на себе печать какой бы то ни было детерминации. Непознаваемая рационально, она познается бытийно и исключительно в меру самооткровения Бога человеку (ср.: Мф. 11, 27; Лк. 10, 22; Ин. 17, 26).

И в человеке, образе Личного Бога, принцип персоны есть самый *«сокровенный сердца человек в нетленной красоте... что драгоценно пред Богом»* (1 Петр. 3, 4). И тварная персона уходит дальше всяких определений. Научное и философское познание выражается в понятиях и определениях; персона же есть бытие, неуловимое ни для философской, ни для научной форм познания: она, подобно Богу, непознаваема до конца извне, если не открывается сама другой персоне.

Бог есть Бог Сокровенный, и человек внутри имеет утаенные от посторонних глаз глубины. Бог есть начало Бытия, а не Человек; но сей последний сотворен с потенциальной возможностью ассимилировать и вечно носить в себе нетварную Жизнь Божества.

Христос, *«имеющий образ Божественного Бытия»* (Флп. 2, 6–7), т. е. по естеству сущий Бог безначальный, в акте воплощения воспринял в Свою Ипостась образ рабского бывания. Человеческая же ипостась претерпевает обожение по благодати, в силу чего осуществляется в ней полнота «образа Божия». В личном, персональном принципе человека заключено, прежде всего, подобие Тому, Кто открылся нам с Именем *«Аз есмь»*. В акте обожения человеческая личность восторгается от измерений и форм земли в измерения и формы Божественной Жизни. Иначе: человек ипостазирует Божественные атрибуты, как: вечность, любовь, свет, премудрость, истина. Становясь Богом по содержанию своего бытия — тварная ипостась, однако, никак не становится Богом для других разумных тварей.

Отцы и Учителя Церкви во все века выражали откровение о нашем подобии Богу, но не все и не всегда с одинаковой силой. Отчасти это оттого, что не все они стояли на том же уровне познания Бога и Человека. Слово о полноте подобия, даже до тождества, смущало тех, которые понимали сие как слияние с Богом до неразличимости. Между Богом и Человеком вечно пребывает онтологическая дистанция: Бог — никем и ничем не обусловленное Перво-Бытие, люди же — творение Его. Но в акте творения «по образу Своему и по подобию» Создатель наш, в сущности, повторяет Себя и в этом смысле является нашим «Отцом». Не сей ли факт имел в виду Господь, давая нам молитву «Отче наш»? Чрез воплощение Свое предвечный Логос Отца дает

нам причащаться Его Крови и Плоти, чтобы таким путем влить в наши жилы Его безначальную Жизнь; чтобы мы стали Его детьми, плоть от Плоти Его, и кость от Кости Его.

Христос явил нам совершенство образа Божия в человеке и возможность для нашей природы освоить полноту обожения настолько, что Он, Христос, по вознесении Своем посадил *«одесную Отца»* естество наше. Но даже и в Нем наше естество не стало единым с Сущностью нетварного Бога. Во Христе, воплощенном Сыне Отчем, созерцаем мы предвечную идею Бога о человеке.

Откровение — *«Аз есмь сущий»* (Бытие — это Я) — показывает, что ипостасное измерение в Божестве имеет основоположное значение. Принцип Персоны в Боге не есть отвлеченное понятие, но сущностная реальность, обладающая Своею Природою и Энергией жизни. Сущность не есть первенствующий и даже преимущественный момент, определяющий Персоны-Ипостаси в их взаимоотношениях. В Божественном Бытии нет ничего, что было бы внеипостасным принципом. Неисследима глубина тайны Божественных Персон. Их самоопределение в вечности является безначальным фактом: не было такого момента, когда Отец не имел бы Сына и не изводил бы Святого Духа. Начало всему — Отец, Который в предвечном рождении Сына сообщает Ему всю полноту Своей Природы, Сущности. То же и в исхождении Святого Духа. Откуда утверждение, что и Сын, и Святой Дух совершенно равны Отцу.

Воплощенный Логос Отца — Христос-Человек — нам более понятен чрез слово, которое Он имеет от Отца и которое Он передал нам (ср.: Ин. 17, 8). Мы знаем Его земную жизнь чрез Евангельское благовестие; чрез духовное предание о Нем. Собою Он явил нам *«Отца Своего и Отца нашего»* (Ин. 20, 17). Медлительнее приходит ведение Духа Святого как Лица. Сей непрестанно оживотворяет не только Церковь и детей Ее, но и весь мир, всю тварь. Он излечивает нас от последствий падения; Он перерождает нас и освящает. Но все совершает незримым образом, как некий скрывающийся чудный Друг, не хотящий обременить благодарностью к Нему, ибо ведает, что в нашем данном состоянии благородное чувство благодарности становится бременем. Великое блаженство узнать Его приходит постепенно, по мере того как в нас, при Его содействии, раскрывается ипостасное начало, в силу чего мы начинаем воспринимать все: и Божественное Перво-Бытие, и бытие

космическое — иным образом, свойственным человеку-персоне, осуществленному образу Того, Кто открылся нам под Именем — *«Аз есмь»*.

Персона есть Тот, Кто единственно и подлинно живет. Вне сего живого начала ничто не может быть: *«В нем жизнь, и жизнь была свет человеков»* (Ин. 1, 4). Существенное содержание сей жизни —Любовь: *«Бог есть любовь»* (1 Ин. 4, 8). Встречей в любви с другою или другими персонами реализует себя персональное существо. Исходя из чудного Откровения *«Аз есмь сый»* и Человека, созданного *«по образу и по подобию»*, мы живем прежде всего как персональное существо. Именно сему началу в нас предлежит вечность. Оно, и только оно, обладает способностью познавать Свой первообраз — Живого Бога. Человек более чем микрокосм, он микротеос: будучи тварью, он получил заповедь стать подобным Богу (святитель Василий Великий). Если Творец во всем уподобился человеку (ср.: Евр. 2, 17), то значит и человек создан с возможностью во всем стать подобным Богу: *«Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть»* (1 Ин. 3, 2).

В наивысшем, доступном нашему естеству напряжении молитвы, когда Сам Бог молится в нас, человеку дается вышеобразное боговидение. Тогда человек-персона действительно молится *«лицом к Лицу»* Безначального. В этой встрече с Персоной Бога актуализируется в нас то, что вначале было лишь потенцией, — персона.

Влекомые Духом Бога к молитве за весь мир, к участию в молитве Господа в Гефсимании, мы вдруг видим в самих себе Божие чудо: внутрь нас восходит духовное солнце, имя которому «лицо» (персона). Это есть начало в нас новой формы бытия, уже бессмертного. Мы воспринимаем при этом не поверхностно, рассудочно, но в недрах нашего бытия Откровение Ипостасного принципа в Святой Троице. Нам предстает во Свете величайшая тайна Безначального Бытия: Бог Личный, Живой; Единый в Троице Лиц; Бог любви, единственно истинный.

Пишу историю моей души. Мне самому дорого обошлись заблуждения, которыми я увлекался около семи-восьми лет. По-человечески рассуждая, я не смог бы своею силой выбраться из бездонности трансцендентизма восточного видения: Сверх-Личного Абсолюта. В молодости моей по телу и разуму сия философия представилась моему уму как исполненная величия, превосходящего христианскую эмоциональную душевность: «люби Бога и ближнего». Самое слово персона в то время в моем сознании было идентичным понятию

индивидуума. Не безумно ли переносить это измерение на Абсолютное Бытие? — думал я.

Когда же по дару Свыше мне было дано уразуметь онтологическое место принципа Персоны в Божественном Бытии, тогда, естественно, все переменилось и предстало в обратной перспективе: мы — тварь; как персоны мы создаемся потенциально, не актуально. Я не есмь Перво-Бытие, но тварный образ Его. Евангельскими заповедями я призываюсь актуализировать, реализовать мое персональное богоподобие, стать личностью-ипостасью, преодолев лимитацию индивидуума, который никак не может унаследовать Божественный образ бытия.

Бог наш есть Дух всеведущий, вездесущий: *«...нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано... ни одна из птиц не упадет на землю без воли Отца вашего. У вас же и волосы на голове все сочтены»* (Мф. 10, 26–30); *«нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его...»* (Евр. 4, 13). Мы не постигаем сего рода знания: непосредственного, беспроцессуального, всецелого. Но мы веруем в благой Промысл Бога о нас, в течение лет усердного подвига жить по воле Его, мы не раз убедимся математически точному Провидению Бога о нас.

Если бы Бог не был Существом Персональным, то и мы, образ Его, тоже не могли бы войти в ипостасную форму бытия; да и самая персональность наша являлась бы не более, чем эпифеноменом. Но в силу того факта, что персона в нас рождается в вышеестественной молитве лицом К Лицу Живого Бога, она, персона, неподвластна природным стихиям: она трансцендирует земные пределы и движется в сфере иных измерений. Единственная и единичная, неповторимая и несводимая ни на что другое, она не подлежит арифметическому счету.

Абсолютное Перво-Бытие — Ипостасно; и человек, подобие Абсолюта, есть личность-ипостась. Бог есть Дух; и человек-персона — дух. И дух сей не абстрактный, отрешенный, ибо он обладает своей природой. В земном плане он конкретизируется плотью, с которой проходит свой первый опыт бытия. Бог-Слово воспринял на Себя человеческую плоть (Ин. 1, 14) и тем показал, что Он не есть вымысел нашего рассудка, ни порождение нашего воображения, возбужденного мистическим страхом пред неведомыми, враждебными нам силами. Бог есть Первая сущностная Реальность; и человеческая личность также есть сущностная жизнь.

Персоне, образу Бога любви, свойственны отношения любви. Она не определяется оппозиционно, чрез противопоставление себя тому, что «не Я». Любовь есть самое внутреннее содержание и наилучшее выражение ее сущности. Объемля в молитвенной любви весь мир, она является единством всего существующего ad intra. В творческом акте своего становления она стремится к всеобщему единству и ad extra. В любви ее подобие Богу, Который есть любовь (1 Ин. 4, 16).

Творец мира, Господь, в Своей длани содержит все сущее; и человек-персона есть некий центр, способный вместить в себе не только множественность космических реальностей, но и больше сего — всю полноту Богочеловеческого бытия. Сама в себе персона есть непреходящая ценность, большая чем весь остальной космос. В своей радости обретения свободы бессмертия она созерцает новый образ бытия.

Рожденный Богом в молитве — человек никогда не бывает один. Персона не знает одиночества: она всегда в присутствии Вездесущего Бога. Прежде чем она достигнет своей полноты, она иногда «терпит» Его с великим трудом, подобно Моисею, который «Невидимого, яко видя терпяше» (ср.: Евр. 11, 27). В иное же время она бывает исполнена тихой и мирной радости, сознавая себя в руках Святого Хранителя.

Человек-персона не знает одиночества еще и потому, что, в какой бы пустыне он ни был, он молится за весь мир, будь сей в страданиях или довольстве.

Пусть еще лишь «отчасти» (ср.: 1 Кор. 13, 9), но все же и во мне Христос, за молитвы Отца моего Старца Силуана, раскрыл таинство персоны. Я пережил многолетний период отчаянной молитвы, Господь не возгнушался мною и милостиво нисходил даже до меня. Вначале воздействовало на меня Его евангельское слово. Оно, сие, от Отца исходящее слово (ср.: Ин. 7, 16–17; 17, 14; 17, 17), своими корнями входило в сердце мое, разрывая его очерствевшую ткань. В болезнях рождалась моя новая жизнь. Первое время я был один, еще вне Церкви. Я ничего не знал тогда, но невидимый огонь пожигал меня, и душа в великой скорби тянулась к Могущему спасти меня. Где-то теплилась смутная надежда, побеждавшая страх вступить на болезненный путь. Сия болезнь, о которой я пытаюсь говорить, свята для меня. Странное чудо, она, болезненность сердца, приводила моментами мой дух в восторг: я удивлялся — как Бог сотворил мою природу, способную к страданиям, чрез которые мне раскрывались недоведомые прежде глубины молитвы. Были моменты, когда, сжимаясь от сильной боли, я тихим голосом, но «кричал» в изумлении:

«Слава Тебе, Премудрому Творцу...» Молитва выносила меня из тесного, как тюремная камера, мира, и дух мой жил в свободе беспредельности Бога моего. Без этих страданий я никогда бы не понял, о какой любви говорил Господь: *«идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что я люблю Отца, и, как заповедал Мне Отец, так и творю...»* (Ин. 14, 30–31).

Если бы заповеданная в Евангелии любовь была нам естественна в нашем падении, то излишним было бы призывать: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мф. 22, 37–39). Когда же та любовь прикасается к сердцу, тогда дух наш во Свете видит Бога и живет Им и в Нем. Он превосходит всякую человеческую мысль. К Нему не приложимо ни одно из наших отвлеченных понятий. Он — Живой. Его могущество неисчислимо; Его любовь неисповедима. Жить с Ним есть неизреченное богатство. В свое время, будучи живописцем, я не находил удовлетворения, потому что имевшиеся в моем распоряжении средства были бессильны выражать явленную в творении красоту. Теперь же все мои слова для выявления моего удивления Богу до конца ничтожны.

Великое лишение быть слепым. Но нет большего горя, нет острее болезни, чем не знать Бога.

Если *«человек Христос Иисус»* (1 Тим. 20, 5), предавший себя волею для искупления всех, молился Отцу: *«Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее; да будет воля Твоя»* (Мф. 26, 42), то что мы, малодушные, можем сказать о самих себе? «Чаша сия» — какая чаша? Что видел он в Своей молитве, чтобы выразиться таким образом? Объема Его видения мы не достигаем; Тайна Его сознания лишь отчасти раскрывается верующим, когда им бывает дано приблизиться к тем неописуемым граням. Люди исключительного мужества — Отцы наши, уходившие в пустыни, в далеком от мира одиночестве рыдали, конечно, не потому, что лишались чего-то земного, но потому, что пред ними раскрывались потрясающие бездны, о которых невозможно поведать на обыденном языке. Кто пребывал в этих состояниях, тот знает, что он доведен до последних пределов, доступных человеку. И все же — это еще не конец: «Еще раз поколеблю не только землю, но и небо». Слова: «еще раз» означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое (Евр. 12, 26–27), как обоженное. Когда мы мыслим о сем новом испытании всего тварного и колеблемого, то никак не можем мы быть уверенными в самих себе до конца. Сознание

нашей тварной хрупкости пребывает с нами всегда, кроме исключительных моментов нисходящего на нас Света, когда мы предвосхищаем Царство Святого Отца нашего (ср.: Мф. 16, 28).

В основе нашего подвига лежит потребность стяжать смиренную любовь Христову. Когда сей Дух — любви Христовой — входит внутрь нас, тогда душа наша жаждет спасения для всех людей. В ужасе созерцает она, что далеко не все желают себе того, чего мы просим для них в молитвах наших. Больше того: в них мы встречаем отказ и даже вражду. И как возможно спасти человека в таком извращении? Мы живем в эпоху, когда очевидною, в силу событий нашего века, становится трагедия падения нашего. Вот сейчас моя мысль возвращается на себя самого. И что же я вижу? Более полувека я молился иногда до глубокого плача, по временам до безумия отчаяния — о мире всего мира и о спасении, если возможно, всех. И до сего дня, в старости моей, непрестанно стою пред злом, все возрастающим в своей динамике. Конец земной истории человечества становится «научно» мыслим; завтра, быть может, уже технически осуществим. Глубоко иррациональный характер событий наших дней приводит нас в полное недоумение. Мы ищем разума в слове Божием, и среди многого находим и следующее: «*...услышите о войнах и смятениях; не ужасайтесь — ибо сему надлежит быть... на земле уныние народов... люди будут издыхать от страха и ожидания грядущих на вселенную бедствий; ибо силы небесные поколеблются... Когда же начнет сие сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше*» (Лк. гл. 21). И еще, и снова: «поколеблю не только землю, но и небо». Так во всем Господь зовет нас на грандиозную брань за овладение Царствием непоколебимым. Понятно, что такое Евангелие пришло к нам не от человека; и по измерениям своим — оно не по человеку (ср.: Гал. 1, 11–12).

Что же сотворим мы, если таково положение? Отчаемся и отпадем от «вечного Евангелия»? (Откр. 14, 6). И если отпадем, то что удовлетворит иное во всем мироздании? Воистину, нет положительно ничего, что могло бы разлучить нас с Ним, каким бы тяжелым ни был наш подвиг (ср.: Рим. 8, 35–39). Он открыл нам глаза на беспредельность, и уже невозможно снова закрыть их и предпочесть слепоту младенчества: «*Дерзайте, Я победил мир*», — сказал Господь (Ин. 16, 33; ср.: 1 Кор. 13, 11).

Вот мы стоим пред Живым Абсолютом. Именно сего, и только сего мы и ищем.

Живой опыт персоны редко дается людям в этом мире: он приходит чрез христоподобную молитву за весь мир, как за «самого себя», согласно с заповедью: «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Мф. 12, 31). Вводимый действием Духа Святого в такую молитву — человек бытийно живет образ Триединства. В такой молитве переживается единосущие человеческого рода. В этой молитве раскрывается нам онтологический смысл «второй заповеди»: весь Адам становится единым Человеком — Человечеством.

Все, что ниже сего, ниже и евангельской заповеди. Не без основания можно сказать, что заключенная в заповедях Христа реальность остается в историческом христианстве не вполне осуществленною. В своем бытийном достоинстве христианство превосходит разумение тех, что по лени своей не восхотели обрести святое боговедение, которое и есть вечная жизнь (ср.: Ин. 17, 3).

Люди ищут Истину; весьма многие любят Христа, но слишком часто они пытаются свести Евангелие на уровень моралистической доктрины. Забываются наставления Христа, что только соблюдающий слово Его постигает, откуда оно: от человека ли, или от Отца Небесного (ср.: Ин. 7, 17). Чтобы воистину проникнуться боготворящею силою Евангельского благовестия, нужно трудиться значительно больше, чем для приобретения житейско-практических или научных познаний. Ни чтение огромного количества книг, ни знакомство с историей христианства и других религий, ни изучение различных богословских систем и подобное не приводит к искомой цели: спасению чрез познание единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа (ср.: Ин. 17, 3). Вековой опыт академического богословия убедительно показал, что возможны случаи обладания обширной эрудицией в научном богословии при отсутствии живой веры, т. е., в действительности, при полном неведении Бога. В таких случаях богословие становится интеллектуальной профессией, наподобие юриспруденции, различной в каждой стране, как различно богословие во множестве разделенных между собою конфессий.

Наше познание есть результат Откровения Свыше: «*В начале было Слово... и Слово было Бог*». Для многих представителей современной науки — «в начале был атом водорода», и из него эволюционным путем в течение энного числа миллиардов лет возникло все, что существует ныне. Наука еще не поставила пред собою вопроса: что же было до возникновения сего мира? Кто с таким невероятным знанием дела приготовил столь удивительный «биг банг»? Чем по существу является время и пространство, с его галактиками,

и подобное? Нам представляется абсурдною идея, что из «случайных» комбинаций, неожиданных для самого первоатома, могла возникнуть человеческая мысль, с ее исканиями «первоначала». Неприемлема идея, что водородный атом является первичным самобытием. В состояниях наивысшей восприимчивости мы получили извещение о Бытии особого порядка, не имеющем для Себя никакой внешней причины, ни начала, ни конца. Раскрыть достоверно глубинный характер сего Бытия своими усилиями мы не можем. Но нам свойственно стремление к нему; и на вопрос: «Что есть Бытие?» — мы получили ответ: «Аз есмь бытие». Не «что», а «кто». И Сей, Кто вступает в общение с нами, живое, нами сознаваемое.

Сие Персональное Бытие, никем и ничем не обусловленное, Само Себя во всем поглощающее, — Виновник нашего явления в мир. Откровение, что сие Бытие персонально, делает очевидным, что и познание о Нем, лучше — Его, может быть лишь чрез персональное общение Его с нами как персонами. В моменты бытийного общения с ним Он Сам сообщает нам познание о Себе, показывая нам Себя чрез Свои действия внутри нас.

Опять и опять не лишне повторить, что наше познание безначального Абсолюта, открывшегося нам как Бытие Персональное, носит характер персональный, бытийный, неотвлеченный. Попытаемся выразить сие в иной терминологии. В обычном ходе мышления о познании различаются познающий субъект и познаваемый объект. В нашем же понимании о познании Бога устранен процесс объективации познаваемого, ибо Он всегда познается «в союзе любви», в состоянии чистой молитвы. Наша тварная персона Духом Святым вводится в сферу нетварного Божественного Бытия таким образом, что мы воспринимаем Бога внутри нас как нашу жизнь.

В этом кардинальное различие между научным познанием и познанием духовным. Последнее понимается как совместное существование, как спайка в самом бытии: познание есть «со-бытие».

Чистая молитва — вот вернейший путь к познанию Бога. Молящийся обнажает себя от всех своих внешних познаний и обладающих им образов, чтобы преклонившись пред Тем, Кто в начале всего, воспринять исходящую от Него жизнь. Он без слов, *«воздыханиями неизреченными»* (Рим. 8, 26) умоляет Бога, еще неведомого, спасти его, что в конечном смысле значит: принять Его дух для вечного пребывания с Ним. Его моление включается в тысячелетнее стенание всей твари; крики его вливаются в единый хор вселенной, взывающей о спасении. Описывать сию молитву невозможно: она

не воплощается в слова наши. Страдание, которое лежит в основании ее, тяжелее и самих воздыханий.

Голод познания в пределах сего земного бывания ненасытим. Неясный вначале смысл молитвы сей в известный единому Богу час прелагается в радостное сознание Его призыва: Он Сам, силою Своею влечет нас к восхождению к Нему. Сей восход дивный, при всем страдальческом напряжении нашего существа, переживается как блаженный избыток изливающейся на нас Новой Жизни. Когда наш дух становится весь молитвою, тогда бывает он способен восчувствовать дыхание Божией Вечности. В великих муках покаяния рождается человек для «непоколебимого Царства». И об этом событии «*бывает радость у Ангелов Божиих*» на небесах (Лк. 15, 10).

Имя Бога — «*Аз есмь Сый*». Для человека, образа Всевышнего, сие слово «*Аз*» — одно из самых драгоценных, потому что выявляет принцип Персоны в Нас. Вне сего начала все становится бессмысленным, не-сущим, ибо Сущий непременно «*Аз*». Каждый из нас да хранит свое персональное достоинство: в нем и только в нем богатство и красота нашего бытия. В условиях данного нам исторического существования борьба за осуществление высокой идеи нашего Творца и Бога о нас совсем не легка. Господь даровал нам свет откровения Персоны, но мы родились и оставлены жить в громоздкой массе индивидов, которым свойственен эгоизм и самолюбие. Персоне же дано обнять всю тварь в пламени любви Христовой. Мы и связаны с этим миром, как он есть, после падения и вместе с тем вынуждаемся бороться за нашу свободу в Боге. Современная цивилизация индивидуалистическая по роду своему. Культивируется в людях индивидуализм во всех его страстных проявлениях. Особенно ярко это сказывается в области искусства: прославляются гении, создатели (первопричина) того или иного особенного стиля. Иными словами — ценится оригинальность, индивидуальность артиста. По сему принципу строится наше социальное общество. Но собрание индивидов, по существу своему, есть состояние падения с его безысходным трагизмом. Культ падения ведет к отчуждению от Бога: снижается человек омрачением в нем образа Божия. Обратное сему — собор персон: «соль земли и свет миру». Осуществляется сие в Церкви Христовой, с особенной силой в литургическом акте: именно там является образ Пресвятой Троицы. Всем содержанием Божественной Литургии священнослужитель призывается к тому, чтобы приносить Богу служение, свойственное персоне: в духе Гефсиманской молитвы Христа.

Персону в Божественном Бытии мы не мыслим как статическое самозамкнутое начало. Это было бы возможным в перспективе генотеизма Ислама и даже в пределах Ветхого Завета, но никак не в открывшейся нам Троице, Триединство Которой есть Бытие предельно динамическое. Сию динамику мы научились видеть в Любви, которая является самым глубоким моментом факта вечного самоопределения Лиц Святой Троицы. Мы не говорим, что Любовь есть Сущность Божества, но что она выражает сию последнюю более, чем что-либо иное (ср.: 1 Ин. 4, 8). Сущность несообщима твари и потому пребывает вечно непознаваемою. Все, что несообщимо разумным тварям, не познаваемо. Энергия же Божественной Любви изливается на сотворенных «по образу», и стяжание ее заповедано нам.

В Божественном Бытии момент, выявляющий Сущность, именуется Акт — Энергия. Сообщение нам нетварной Энергии совершает наше уподобление Творцу: обожает нас. Любовь, как изначальная и непреложная жизнь Триединого Бога, своим вселением в нас делает нас не только бессмертными, в смысле непрекращающегося вовеки существования, но и «безначальными», ибо безначальна сама внутритроичная Любовь. Несозданный Свет, нисходя на человека, дает ему живой опыт сей Любви. Ее воздействие преодолевает поразившую нас смерть и переживается как воскресение из мертвых в новую жизнь, уже безначальную. При этом отымается от нас чувство нашего земного происхождения.

Сей опыт, однако, есть только некоторое предвкушение обетованного обожения; опыт, как вдохновляющий нас призыв на подвиг, а не уже завершенный акт обожения. Сей дар благодати обогащает нас сознанием о том, *«что Бог приготовил любящим его»* (1 Кор. 2, 9), но он, дар, еще не является вполне стяжанием нашим и может быть отнят, как *«неправедное богатство»* (ср.: Лк. 16, 11–12). Даже внимательный подвижник не всегда пребывает в равной силе благодати. После периода посещений она — благодать — может умаляться, и тогда мы снова бываем покрыты некою тенью.

Но познание остается как память в душе.

Различая в явленном нам Божестве Ипостасный принцип, Сущность и Энергию мы вовсе не мыслим Его, Божество, составленным из нескольких элементов. Божественное Бытие — Живой Бог, а не отвлеченное философское понятие «чистого бытия». Живой Бог, потому что Ипостасный. И живет, в сущности, сей принцип, т. е. Персона. Ипостась не есть некая отвлеченная идея. Нет. Она имеет Свою Природу, Свою Энергию, и сие есть Единое

Бытие. Сущность, или Природу, мы не рассматриваем как «объективный» момент в Божестве. Если когда и говорим об этой стороне Божественного Бытия, как об объективном аспекте, то исключительно в том смысле, что Сущность и Энергии, как Божественная Жизнь в ее абсолютной полноте, есть обладание не одной из Ипостасей Троицы, но в равной мере всех трех.

Сущность совершенно тожественна Персональному Началу в Боге; она заключена в Лицах; никакого «отдельного» существования от Лиц или вне Лиц она не имеет. В Божественном Бытии, до конца персональном, самоопределение Божественных Ипостасей исходит из самих Ипостасей и никак не предопределяется, называется Сущностью.

В нашей тварной жизни действительно мы видим, что естество, или природа наша, еще не составляет полного тожества с персональным началом. Больше того: мы, как персоны, находимся в напряженном противоречии с некоторыми проявлениями нашей природы. Рождаемся мы как персоны лишь потенциально. Когда сие начало в нас достигает известного развития, тогда начинаются конфликты между нашей личностью в ее самоопределении и позывами нашей падшей натуры. Она не ипостасирована нами в полноте, так что возможно говорить о ее относительной объективности. Она никогда не проявляется вне конкретных индивидов.

Расхождение между естеством и личностью в нас мы не переносим на Бога. И в нашем конечном завершении должно установиться полное тожество природы и личности, иначе было бы невозможным обожение наше в целостность нашего бытия. Мы уверовали, что Господь вознесся на небо, не разлучившись с человеческим естеством. В вечности — Он в двух природах, которые не преложились одна в другую, но Он, Господь, в гармоническом сочетании двух природ. Так и с нами должно быть: мы сохраняем наше естество по смерти, благодать же Божия соединяется с нами так тесно, что мы тоже будем в целостной гармонии нашей вечной жизни.

«Аз есмь Сый». Сей Аз есть сущностное Бытие. Пророки (Исаия и Иеремия) прекрасно выразили сие: *«живу Аз»*. И Апостол Павел повторил то же самое (Ис. 49, 18; Иер. 22, 24; 46, 18. Рим. 14, 11). Все в этом Аз. И мы имеем обетование персональной вечности: «Я живу, и вы будете жить» (как персоны, Петр, Иоанн, Андрей), — сказал Господь (Ин. 14, 19). По исходе отсюда наш персональный дух сохранится именно как таковой, и не вольется в океан сверхличного абсолюта, как некая капля, или подобно тому, как наше дыхание сливается с атмосферой и растворяется в ней.

Бог создал естество наше, и, конечно, Он единый знает пределы его возможностей. Наши ипостаси поставляются в данной природной стихии. Мы же не знаем ее как должно. Она постепенно раскрывается нам, становясь содержанием личности, призванной к всецелому обладанию своей природой. В своей финальной актуализации тварная ипостась также явится носителем полноты этой природы, которая задумана Творцом способною вместить полноту богочеловеческого бытия. Христос, Который и есть мера человека, явил сие в Своем вознесении. Даже в Нем тварное естество не преложилось в безначальную Сущность Божества, и все же во Христе человеческое естество восприняло неумаленную полноту Божества, — настолько, что в Его Лице оно посажено одесную Бога-Отца.

Пред нами стоит задание: в условиях, созданных падением, реализовать бессмертное бытие нашей личности. Процесс сей необычайно сложен. Опыт показывает, что в силу первородного греха природа наша претерпела существенный вред. Создалось парадоксальное положение: будучи нашей природой, она стоит в некотором противоречии с нашим личным началом, когда сие стремится, следованием заповедям Евангелия, исцелить себя во всех планах нашего существа: сделать совершенно «целым» разбитое в падении естество. Духовная динамика нашей личности, при содействии благодати, лишь молитвою преодолевает все ограничения, налагаемые на нас не только косностью нашей натуры, но и вообще космическими силами. Жить в этом мире согласно учению Христа — значит непрестанно бороться со страстями, препятствующими стяжанию вечной жизни во Свете Бога и Отца нашего.

«Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). В тех пределах, в которых нам дано познать Иисуса Христа, молящегося в Гефсимании, умирающего на кресте, сходящего во ад, воскресшего и вознесшегося на небо, сидящего одесную Отца, ниспославшего Духа Святого, от Отца исходящего, в «наследие неотъемлемое верным», — мы знаем, что нет никого иного, кто превзошел бы Его в каком бы то ни было плане (ср.: Флп. 2, 9–11; Еф. 1, 10). Так воспринимал я вещи в те благословенные дни, когда Господь соблаговолил возродить меня в любви Своей. Так и доныне, с той лишь разницей, что по мере углубления опыта возрастает ясность видения. Чрез веру я смотрел на мое будущее как на предстоящий мне экзамен, единственно важный для всякого человека. О, как я страшился и всегда страшусь провалиться на этом испытании пред Лицом возлюбленного Бога! Не будет ли чрезмерно дерзким для меня, такого, как я есмь, сказать, что *«Отец привлек меня к Сыну Своему»* (ср.: Ин.

6, 44–65; Гал. 1, 15–16)? Куда бы ни устремлялся дух мой в беспредельности Божией, какой бы вообще ни вставал предо мною вопрос, Он, Единородный Сын, бывал и остается для меня путеводной звездой. Чрез Него я познал Отца. По Его указаниям я научился узнавать Духа Святого. А Сей последний давал мне ощущать всем моим существом, что и я обрел Перво-Истину (ср.: Ин. 16, 13–14; Гал. 1, 15–16). Единственной заботой моей по обретении было осуществить сию дивную Истину в жизни моей. Не достигая сей святой цели, я пребывал в таком горе, выразить которого я не смогу. Зная мое порочное прошлое, я до конца сокрушался сознанием моего недостоинства. Я годами рыдал от этой скорби. Моя грудь истомлялась неудержимыми воздыханиями сердца. И откуда явилась во мне такая сила? Те, что не согрешили, подобно мне, не поймут меня. Но если подумают, что я преувеличиваю, то ошибутся. Нет большего несчастья, чем оскорбить любовь Святого святых. Сердце мое бывало, как разогретый воск. Но его, сердца, боль была странно животворной: некая скверная смерть поедалась горячими слезами, подобно тому как известные химические и биологические средства поедают на давно ношенной одежде накопившуюся нечисть.

Человек-персона для себя самого выявляется в акте самосознания, самоопределения, в обладании способностью познавать не только мир тварных вещей, но и Божественное Бытие, т. е. Самого Творца. Он полнее сознает себя в пламени любви, соединяющей его с возлюбленным Богом. Любовь, соединяя его с Богом свойственным ей образом, дает ему познание Бога. Персональному началу в нас открывается Бог во свете и как Свет, в горении любви и как Любовь. В состоянии озарения Свыше созерцает человек евангельскую истину, как отражение жизни Самого безначального Бога в плане нашей Земли. В явлении нетварного Света познается слава Христа как Единородного от Отца. Сей нетварный Свет являлся в веках тем, кто воспринял глубокой и несомненной верою Христа как Бога. Свет сей есть Энергия Божия, и как таковая он есть Единый Свет Святой Троицы, Он, сей Свет, исходит от Отца; он есть Свет собезначального Отцу Логоса; он есть действие внутри нас Духа Святого. Его, Света, снисхождение на нас является как бы «личным откровением» тем, кто удостоился сей благодати. В силу этого благоволения Отца Небесного Писания Нового Завета предстают духовному зрению в их неизменной в веках актуальности. Исчезает ощущение, что слово сие было дано когда-то в прошлом; оно несет в себе вечность, объемлющую всю протяженность времен (ср.: Мф. 24, 35).

Личное откровение о Надмирном Бытии может прийти как бы внезапно, подобно блеску молнии. Но воспринятое внезапно, оно все же усваивается постепенно, в длительном процессе молитвенного подвига. С первого прикосновения светоносной благодати существенное содержание явленного познания бывает внутренне ясным; в душе нет потребности изъяснения переживаемого в рациональных понятиях: она удивляется благости Божией и всецело заполнена присутствием Духа Божественного в ней. Когда же Свет сей отступит от души, тогда тихий восторг ее сменяется печалью, и естественно растет жажда более совершенного, т. е. непреложного и неотъемлемого единения с возлюбленным Богом.

Первый, кому открылся Абсолютный Бог как персона, был Моисей. Но и его исключительный гений не смог воспринять всей глубины явленного ему «*Аз есмь*» (ср.: Исх. 33, 23). Из истории Богооткровенной религии Ветхого Завета мы видим, что ни один пророк не достиг всей полноты, свойственной персональному началу. Образ сего бытия с великой силой был явлен миру Христом. Но далеко не все уразумели его как должно. Даже в христианской исторической Церкви этой формы бытия достигали лишь единицы на поколения. Редки сии герои веры, но их влияние распространяется на все множество членов Церкви. Следуя за избранниками Бога Вышнего, не поддающееся учету число благочестивых подвижников становились в ту же перспективу, хотя и не достигали ее вершин. Так я рассматриваю себя самого. Старец Силуан был на моем жизненном пути важнейшим событием: благодаря ему я так близко в течение ряда лет был зрителем, и даже учеником, подлинно христианской жизни. Его молитвам обязан я несравненно более, чем всем другим моим наставникам. А среди них было несколько выдающихся представителей нашей Церкви: облагодатствованных аскетов, в монастырях и в пустыни; епископов и священников; также и профессоров богословской школы.

Старцу Силуану в начале его монастырской жизни явил Себя Господь в великом Свете, как я пытаюсь описать сие событие в моей о нем книге. Тогда «познал он Бога Духом Святым»; тогда ему было дано насладиться «неописуемым Христовым смирением», и он стал молиться за весь мир, как за самого себя. Нет нужды говорить, что это духовное состояние идет далеко за пределы человеческой этики; что ему, Старцу, дано было жить в сфере сего Света, дышать воздухом горнего мира.

Процесс моего роста был медлительным по сравнению с ним. Но и то, что я получил, незаслуженно велико для меня. Позднее, уже в пустыне, моему

духу-уму в молитве пришло уразумение онтологического места персонального начала в Бытии Божественном и человеческом.

Да не покажется противоречивым, что в одиночестве пустыни я глубже осознал Ипостасное Начало. Уверен, что это было следствием моего стремления все жить во Христе, чрез Его Ипостась. Без Него я не знаю ни Бога, ни Человека. В пустыне же более, чем в других местах, и мне бывала дана молитва за весь мир, за все человечество, за всего Адама. Чрез молитву «весь Адам» перестает быть продуктом усилий воображения: становится конкретной реальностью, действенным содержанием созерцания. Глубокому состраданию всему человечеству содействовала и мировая война (вторая). Да не вменится мне в безумие или чрезмерное дерзание считать ту молитву даром от Бога, как некую отдаленную тень Гефсиманской молитвы Христа.

Когда Живой Бог — Аз есмь Сый — приходит в сердце, тогда радость души полна Света. Он тихий, Он кроткий. Я могу говорить Ему — Ты. И в этом — Аз, и в моем Ты — все Бытие: и Бог, и сей мир. Он самосущий, Он любящий. Он смиренный. И вместе беспредельно могущественный. Его очам открыто и проницаемо все сущее. *«Нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его»* (Евр. 4, 13). Всякий момент моей жизни, каждое биение сердца моего — все непрестанно во власти Его. Все мое бытие, и временное, и вечное, от него даруется даже до деталей; кроме моих грехов, о которых Он знает, но в которых не участвует. Когда я в Нем, то и «я есмь». Если же вне Его, то я умираю. Когда Дух Божий нисходит на меня, тогда я люблю Его всем моим существом. Такое состояние я живу как мое личное, а не как нечто вне меня сущее. Но даже и из моего опыта я знаю, что сия жизнь от Него нисходит на меня. Чрез Его пришествие внутрь меня, следовательно чрез соединение с Ним в самом Акте Бытия, я живу, как Он; Он моя жизнь; Его Жизнь — моя. В часы Его пребывания со мною — я познаю, что Он есть Любовь. Однако странная, особенная любовь, которая никак не может прийти человеку на ум или в сердце, если он, человек, в мышлении о сем предмете отправляется от самого себя, как он есть ныне, в падении своем.

Любовь Бога — кенотическая. Он открыл нам тайну Своего Бытия, заповедав нам любить Бога до ненависти к себе (ср.: Лк. 14, 26–27, 33). Открывает Он нам тайны не чрез отвлеченную философию, а бытийно, т. е. включая нас в Свое Бытие так, что оно становится нашим. Именно так живем мы сей дар.

Частое явление, которое я встречал на Святой Горе Афона: монах весь в Боге; он во Свете, и Свет сей в нем. Но у него нет рассудочной реакции на сие событие: оно ему представляется естественным состоянием.

Тайна Божественного Кенозиса — непостижима твари: беспредельный Бог, пребывая неизменно в полноте Своего всемогущества, умаляется до края, «до конца» (ср.: Ин. 13, 1). И это характерно для вечной жизни Бога. Она, тайна, нам недоступна, потому что мы живем сие истощание-кенозис как смерть; и это — доколе не снидет на нас благоволение Вечного Бога. Ни один из человеков не может следовать за Христом, если нет с ним силы Отчей (ср.: Ин. 6, 65). Не может естественный человек, доколе не родится он Свыше (ср.: Ин. 3, 3), воспринять евангельское слово как благую весть об обожении человека чрез сообщение ему Божественной вечности в его, человека, неотъемлемое обладание. Заповеди Христа суть не иное что, как самооткровение Бога, как проекция Его бытия в плане Земли. Да, в них, заповедях, ощущается запах — для одних смертоносный, на смерть; а для других — живительное благоухание на жизнь нетленную. Но как подойти к сему таинству (ср.: 2 Кор. 2, 16)? Начало сему — молитва, хотя бы отчасти подобная Гефсиманской.

«Аз есмь Сый». Да, только Он и есть воистину Сущий. Все, что существует во всем космосе, вызвано из «не-бытия», и не иначе как по воле Его. Разумное прикосновение к Нему не проходит бесследно: познавший Его любовь уже не отойдет от Него вовеки (ср.: Ин. 10, 28–30). Ум такового перерождается: прежде он был склонен повсюду видеть детерминированные космические процессы, теперь же все начинает воспринимать во свете персоны.

Подобное познается подобным. Лишь персона способна познавать Живого Бога. Удаляется бессмысленное круговращение всего, что неперсонально. Земля, все миры, достигаемые нашим умом и убегающие в неисследимые дали, все говорит о Нем. *«И без Него ничто же бысть, еже бысть»* (Ин. 1, 3). *«Что есть человек, что Ты помнишь его?»* (Евр. 2, 6; Пс. 8, 5). Вот Он Сам, первый, ищет быть с нами, чтобы сообщить нам полноту Своей неувядаемой жизни. Мы жаждем получить сей дар. Но опять и опять — мы никогда не должны забывать, что усвоение *«всякого дара совершенного, нисходящего от Отца светов»* (Иак. 1, 17), связано с неизбежным распятием всего нашего существа. Мы должны уподобиться Его, Отца, Единородному Сыну, как Сей уподобился нам *«во всем»* (ср.: Евр. 2, 18). Только при этом условии мы будем там, где Он (ср.: Ин. 12, 26), и уже никто не отнимет у нас сей святой радости (ср.: Ин. 16, 22).

Великое слово — Я: оно означает персону. Самым существенным ее содержанием является любовь, раскрывающаяся прежде всего к Богу. «Я»

не живет в спазме самолюбивого обращения на себя. Творимая волею Бога-Творца из «ничто», погружаясь в себя, она пребудет в своем ничтожестве. Заповеданная Христом любовь к Богу до ненависти к себе, при отрешении от всех душевных и плотских связей, выводит дух человека в просторы Божественной вечности (ср.: Лк. 14, 26–27; 33; Ин. 12, 25; Мф. 16, 25). Любовь сия — атрибут Божества. Когда сила этой любви прикасается к сердцу человека, то раскрывает его до беспредельности: дает ему радость любовно обнять всю тварь, весь мир.

Полнота нетленной любви к Богу и ближнему чудным образом связывается с отталкиванием от самого себя даже до ненависти. Но это — святая ненависть: она дар Божий нам. Ею преодолевается наша смерть, стяженная в падении Адама. Чрез нее мы действительно приобщаемся вечности. Любовь до ненависти к себе возможна не иначе, как если Сам Бог соединится с нами и становится нашей жизнью.

Если бы Господь Иисус не открыл бы нам сию дивную тайну, то никто из смертных недомыслился бы до такого парадокса: возненавидь себя чрез любовь к Богу — и ты обымешь своей любовью все сущее. И Бог, и все богатство сотворенного Им бытия — становятся содержанием твоей жизни. «Я» забывает себя в порыве любви к Богу, но все же именно это «Я», кто блаженно носит в себе и Небо, и Землю.

Мне и радость, и мука говорить об этой любви, благодать которой я утерял. Не раз бывало в моей жизни по Богу, что как только я осознавал моим рассудком («шуйца» моя) совершающееся со мною по Божиему снисхождению, так Свет покидал меня. Особенно я познал сие бедствие, когда был поставлен духовником. И до того времени я также переживал состояния покинутости Богом в связи с приближением к сердцу мысли или духа тщеславия, но тогда было менее трудно восстановить себя покаянием. Поведать же, как на площади, другим о даре Божием — много опаснее.

Господь хочет, чтобы мы были там, где Он (ср.: Ин. 12, 26; 14, 3; 17, 24). Он дал нам повеление возненавидеть самих себя, потому что и Сам совершил сие по отношению к Отцу Своему, да и к нам, искаженным грехами. О, если бы видели, в каком мире живет Христос! Тогда бы мы оценили заповеди Его как невыразимо высокую честь: уподобиться Ему во всем.

В «те дни», когда приблизились Его Гефсиманские и Голгофские страдания, Он решительно двинулся к тому, чтобы и как человек совершить подвиг истощания: «*Отче! о если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!*

Но не Моя воля, а Твоя да будет... и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22, 42–44). Когда мы стоим пред заповедью возлюбить Христа до ненависти к себе (ср.: Лк. 14: 26–27 и 33) и всему, что мы имеем в мире сем, то бываем близки к опасности сказать: «Какие жестокие слова! кто может это слушать » Господь же на это ответил: *«Никто не может прийти ко Мне, если на то не дано будет ему от Отца Моего»*. С того времени многие отошли от Него... Но блаженный Петр почувствовал силу слов Христа: *«Ты имеешь глаголы вечной жизни»* (ср.: Ин. 6, 60–68).

«Бог есть любовь... Любовь до того совершенства, что мы имеем дерзновение в день суда поступать в мире сем, как Он» (1 Ин. 4, 16–17). Та ненависть, о которой говорит Господь любви, в существе своем есть полнота кенотической любви Божией. Любовь, от Отца исходящая, влечет нас вслед за Христом. Видя себя в узах страстей безлюбовного эгоизма и не способными следовать за Ним, мы ненавидим себя. Сила боли этой святой ненависти выносит нас за грани времен и пространств. Тогда забывается и сия боль, и все преходящее, и остается с нами лишь стремление к любви. Так молится персона, отблеск Бога в нас и подобие Христу, молящемуся в Гефсимании.

Бог есть Любовь; и человек-персона одарен способностью воспринимать от Бога пламя сей любви. Бог есть Свет, в котором нет никакой тьмы; и мы призваны стать светом в Божественной вечности (ср.: Мф. 13, 42). Богу все совершенно открыто, все ведомо Ему до конца; и человек-ипостась, включенный в Акт Божественного Бытия, чрез Бога и в Боге становится носителем всеведения (это показал опыт веков молитвы к Божией Матери и Святым). Бог все наполняет, везде присутствует, не Сущностью, которая абсолютным образом трансцендирует все тварное, но Своей жизненной энергией; и сыны Царствия, в Духе Святом, становятся как бы везде присутствующими: обращенные к Единому Богу, Святые в Нем видят весь мир.

Человек — тварная ипостась; однако в своем внутреннем существе как образ Абсолютного Бога и он есть некий всемирный центр, великий и дивный в своем конечном завершении чрез Сына, собезначального Отцу. Сие отчасти предугадывается в состоянии благодатной смертной памяти, когда человек свою смерть переживает как космическую катастрофу: в нем самом, для него самого с его смертью все умирает, даже и Бог, уже познанный до некоторой меры. Негативный характер этого опыта прелагается в позитивный опыт воскресения души, когда нисходящий на молящегося Нетварный Свет порождает в нем глубокую молитву за всего Адама.

Тварная ипостась-персона является богообразным центром: Творец относится к нему не как к Своему акту, но как к некоему факту даже для Него. Для ипостаси нет внешнего авторитета. В силу этого нет никого и ничего во всем бытии мира, что или кто мог бы навязать ему (человеку) свою волю, принудить к тому или иному выбору насилием, будь то во времени или в вечности. И Бог Вседержитель и Создатель всего сущего Своим явлением во плоти завершил Свое откровение нам чрез смерть на кресте о безмерности Своей любви к нам и тем «влечет» нас к Себе — Первообразу нашему (Ин. 6, 44; 12, 32–33).

Спасаемся мы только чрез веру во Христа, как извечную Истину Бытия несокрушимого. Он заключил Свое Истощание на кресте возгласом: «*Совершилось!. И, преклонив главу, предал дух*» (Ин. 19, 30).

Непостижимо в полноте своей сие «совершилось». Но в данном контексте я осмеливаюсь остановиться вниманием на том, что именно тогда закончилось откровение о кенотическом характере любви Божией, любви, свойственной персональному Началу.

На пороге моей физической зрелости (в 17–18 лет) Господь оставил меня, и я пал падением нашего Праотца. Не до конца удалился Он от меня, как я могу судить об этом теперь, но воззвал меня из темной бездны и приоткрыл мне духовную сущность первородного греха. Если понимать грех как уклонение от Бога и Отца в силу аберрации ли умственного видения бытия или вследствие преступления против Его любви, то грех Адамов, т. е. мой, имел оба сии аспекта.

Человек, ощутив внутри самого себя отражение, отблеск Абсолютного Существа, рискует впасть в преувеличенное о себе понятие и взыскать нечто, превосходящее его меру. Находясь в подобной аберрации, он стремится утвердиться в своем видении, ошибочно приняв его за истину о себе. Именно сие претерпел Адам, а вслед за ним многие из его потомков повторили и продолжают повторять тот же грех. Человеку оказались не чуждыми гордые порывы безумной свободы. Всем нам необходимо знать эту правду о нас. Но роковое безумство, отлучившее нас от любви Отчей, может и должно продлить в нас святой страх и молитву с глубинным плачем. Мы — тварь. Абсолютное Истинное Существо даровало нам бытие и обещало приобщить нас Своей безначальной и бесконечной Жизни. Мы отвергли сие обетование и ринулись на пути к иному, воображаемому нами Абсолюту, слияние с которым обусловлено нашей персональной смертью.

Спасение от смерти приходит чрез принятие Христа; такого принятия, какого Сам Он ожидает от нас: «*...если не уверуете, что это Я (Который открылся прежде Моисею на Синае), то умрете во грехах ваших*» (Ин. 8, 24). Когда же мы веруем в Него, как Истину Бытия несокрушимого, тогда Дух Божий возносит нас в область Божественного Света.

Откровение чрез Христа состоит в том, что Абсолют Персонален, но Он не есть одна Персона (Магометанский генотеизм), а три Персоны, единые в Своей Сущности, в Своем Царстве, в Своей Славе, в Своем Действии: Христианский монотеизм. Чрез веру в сего Бога Любви, Святую Троицу, мы входим в Царство безначальное, сохраняя наше личное бытие. Здесь нам дается первая встреча с нашим Творцом; осуществление же искомого нами соединения с Ним лежит за пределами нашего земного бывания (ср.: 1 Кор. 13, 12).

В перспективе нашего откровения: Абсолюта — Персоны, исходя их нашего современного опыта, возможен, до некоторой степени, домысел о «психологии» грехопадения Адама: страх пред лицом непостижимого Бога, ничем не детерминированного, всегда совершенно свободного в Своих реакциях на всякое движение человека. Поставив человека пред Собою, Он тем самым ждет от него наивысшей формы ответственного сознания. С одной стороны — это призыв к нетленной славе богосыновства; с другой — христоподобный подвиг истощания, связанный с молитвою до кровавого пота. Сей Бог наш непрестанно влечет к дальнейшему восхождению, заставляя Своих сынов покидать страдальчески пройденные нами этапы. Он — Всеблагой, но как будто никогда не бывает доволен достигнутыми нами мерами. И боль человека в следовании Ему как бы не вызывает в Нем ожидаемого нами сострадания. «*Господь... бьет всякого сына, которого принимает*» (Евр. 12, 1–11). Несомненно крайний предел сему истощанию явил нам Единородный Сын в Своем воплощении: «*Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия... если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя*» (Мф. 26, 39–42).

Человеку естественно влечься к Божественному образу Бытия. Не состояло ли «искушение» (Быт. 3) в том, чтобы использовать «естественное» его стремление к непреложной вечности и внушить ему идею возможности достигнуть искомую Божественность помимо сего «жестокого» Бога? Идти не путем мучительного распятия (ср.: Гал. 5, 24–25), но чрез вкушение усладительного плода познания добра и зла? «*И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание;*

и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3, 6). И в наши дни нередко можно встретиться с носителями той же идеи: уклониться от крестного пути Евангелия и идти к соединению с Абсолютом посредством знания — гносиса.

Убеждаясь в относительности, весьма далекой от совершенства, личного начала в нем самом, человек логически приходит к мысли о недопустимости переносить сие начало на Абсолют. Отсюда неизбежное скольжение натуралистического рассудка к идее Сверхличного Принципа, трансцендирующего все относительное. В своем движении к сему неименуемому Принципу ум человека не без труда успевает отвязаться от понятия о Нем, как о всекосмичности, как некоем «все» (то Пан, то Ен). Когда же перешагнет и сей воображаемый порог космических конкретностей, тогда приводится к идее «Чистого Бытия».

Так было со мною в моей молодости. Пишу о себе. Моя умственная аскетика состояла в том, чтобы чрез мысленную и волевую сосредоточенность совлечься материальности тела с его чувственностью; затем идти дальше — к всетрансцендирующему Чистому Бытию чрез отрешение во мне самом и личного начала, и мышления, и прочих форм космического бывания. Так я в те годы служил «богу философов», не сущему подлинно.

Многолетним рыданием платил я за мои заблуждения. Нет лишения страшнее, чем не знать Истинного Бога. Во мраке неведения не только болезни и другие страдания, но и радости, и удовольствия, и все вообще теряет смысл. В противовес сему — нет высшего дара, чем встреча с Живым Богом. Во Свете сего познания не только благоприятные состояния, но и удручающие и мучительные положения полны глубинного разума, и потому становятся сносимыми, оправданными (ср.: 2 Кор. 4, 6–11). Весь многообразный ход жизни, все мировые процессы, входящие в сознание наше, должны служить приготовлением к личной с Ним встрече, которая по роду своему принадлежит метаистории, будучи вхождением нашим в осуществленную вечность. Кому было дано благословение сей встречи, тому вместе дается разумение Богоявлений, описанных в Ветхом и Новом Заветах.

Исключительный гений Моисея не смог воспринять всей глубины явленного ему *«Аз есмь»*: *«ты увидишь меня сзади, а лицо Мое не будет видимо [тебе]»* (Исх. 33, 23; ср.: Мф. 18, 10). Истинное содержание Синайского Откровения веками пребывало не раскрытым, и сокровенный Бог созерцался во мраке (Исх. 20, 21; ср.: 2 Кор. 3, 14–16).

«Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). Закон, данный чрез Моисея, содержал в себе семена, долженствовавшие в своем развитии приготовить людей к восприятию воплощения Бога и сделать их способными «узнать» в явившемся предсказанного Моисеем Пророка, Который сообщит миру познание о Боге Истинном как о Свете, в котором нет ни единой тьмы, и уже не во мраке Синайском, но во Свете Фаворском (ср.: Втор. 18, 15–19; Ин. 1, 45; 4, 25; Мф. 11, 3; Деян. 3, 22).

Всему, что было открыто в Ветхом Завете, Господь дал новые, вечные измерения, но намек на предстоящее восполнение был вполне необходим в истории Богооткровения (ср.: Мф. 5, 17 и далее). Велик и свят для нас Ветхий Завет, когда мы его понимаем, как учит Христос и Апостолы Его, и даже Моисей. Никто из них не абсолютизировал Закона, как последнее совершенство, в силу чего нужно было бы отвергнуть всякое новое «восполнительное» откровение. Да и Моисей заповедал ждать нового Пророка, который *«когда придет, то возвестит нам все»* (Мф. 5, 17).

Христос говорил народу на языке, понятном и самым простым людям, но содержанием Его бесед были реальности, недоступные никому на Земле; ни даже Апостолам: *«Прежде, нежели был Авраам, Аз есмь». «Я и Отец — едино есмы». «Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». «Отец мой возлюбит Его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим». «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек»* (Мф. 11, 27; Ин. 8, 58; 10, 30; 14, 23; 14, 16).

Вот некто Третий... Как возможно примирить сие с нашим глубоким сознанием, что Бог один? Опять Господь сказал: *«Когда придет Дух Истины, который от Отца исходит, то наставит вас на всякую истину»* (Ин. 16, 13; 15, 26). И Он, Дух Святой, пришел и действительно наставляет, но, как видим, и это «наставление» оказывается медлительным процессом.

Христос открыл нам Тайну Перво-Бытия; Того, Кто «в начале»: Три, несводимых один на другого, суть, вернее, быть может, сказать — есть Бытие Единое, даже простое; которому, однако, не противоречит множественность «различений». Наше дискурсивное мышление не совпадает с данными Откровения. И Господь не слишком пытался разъяснять сие Таинство, но указал нам путь к бытийному постижению Предвечного Бытия: это есть путь Его заповедей.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая

же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40). И когда по дару Свыше человеку бывает дано входить молитвою в подлинные измерения второй заповеди, тогда ему открываются новые горизонты, недомысленные в прежнем состоянии. В глубокой молитве за весь мир, как за «самого себя», уподобляющей человека Христу Иисусу, молящегося в Гефсиманском саду, он реально живет все человечество как единую жизнь, единую природу во множестве персон. От этой формы познания многоипостасного единства совершается переход к богословскому усвоению догмата о Единстве Святой Троицы. Христианский монотеизм не тот же, что генотеизм Ислама.

После опыта «ипостасной» молитвы — мы оставляем позади категории формальной логики и переходим к бытийному восприятию, т. е. категориям самого бытия. Истина не есть то, что создает идущая снизу философия падшего человека. Истина есть Тот, Кто воистину есть прежде всех веков.

«Возвращаясь» из чистой молитвы к дебелости плоти мира сего, мы выпадаем из пережитого единого человека и снова с печалью видим, что люди друг для друга не вполне прозрачны. Грань между человеческими персонами не исчезает в такой мере, как это явлено в Божественной Троице, где каждая Ипостась всецело открыта для других, где кенотическая любовь является основным характером Божественной Жизни, в силу чего единство Троицы явлено совершенно абсолютным образом, что выражается в богословии понятием «взаимопроникновения» (перихорисис). По образу сего Троичного Единства призывается человечество стать единым человеком (Ин. 10, 30; 17, 21).

Боги, изобретаемые людьми, мертвы. Знание же Живого Бога есть несравненный дар. Преподается оно чрез явление Бога человеку и затем ложится в основание всей его жизни. Будучи по роду своему Божественным действием, каждое явление Бога человеку отражается на судьбах всего мира; в некоторых же случаях оказывает огромное влияние на ход исторической жизни. Примеры: Синайское Откровение явилось источником силы и власти для всех действий Моисея, хотя оно, откровение, в своей последней глубине превосходило его разумение, как не вмещалось оно в сознание еврейского народа вплоть до явления Христа. Евангельское Откровение Деве Марии переживалось Ею как воистину от Бога исходящее, но величие сказанного Ей Ангелом превышало в тот момент Ее силы, и Она нуждалась в подтверждении подлинности открытой Ей тайны. Приветствие Елизаветы явилось таковым:

«Благословенна Ты в женах... И откуда мне сие, что Матерь Господа моего пришла ко мне?» Тогда Святая Дева воскликнула: *«Величит душа Моя Господа... Он призрел на смирение рабы Своей»* (Лк. 1, 41). И вся Ее жизнь приняла другой характер; а с Нею и благодаря Ей история всего мира вышла на новую орбиту, несравненно более грандиозную, чем все бывшее до Нее.

Экспериментальная наука идет к познанию природного мира индуктивным методом: от частных явлений к выводу общего закона. Иное видим при нисходящих Свыше откровениях. Душа интуитивно узнает — «откуда» пришло созерцаемое ею. Будучи еще не в состоянии охватить полноту излитого на нее благословения, она все же начинает строить свое будущее на скале данного чудесным образом познания: *«И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их; все (сделайте) как я показываю...»* (Исх. 25, 8–9). *«И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе»* (Исх. 16, 30). Так христианин зиждет свою земную и вечную жизнь, согласно данному ему благодатному видению.

Когда речь идет о бытийном познании персонального Бога, тогда имеется в виду общность бытия, а не голое интеллектуальное понимание проблемы. Человек-персона живет Богом и в Боге. Эта реальность может быть выражена иным порядком: Бог объемлет человека всецело — ум, сердце и тело. Познающий-персона и Познаваемый-Бог соединяются воедино. Ни один, ни Другой никак не становятся «объектом» в своем слиянии. Взаимное познание: Богом — человека, человеком — Бога носит характер «персональный», исключающий «объективацию». Сей союз любви есть духовный акт, при котором Возлюбленный является нашим бытием. Любви свойственно переносить жизнь в Того, Кого любишь до забвения о самом себе. Божественная любовь по своему роду, достоинству, величию, гармонии, власти — превосходит все, что знает земля. Чудно при этом то, что это состояние воспринимается как воистину единственно естественное человеку. Дивная вещь: Он — и Другой, и вместе — мой.

Достижение сей любви, по существу, есть «стяжание благодати Духа Святого», о чем говорил Св. Серафим Саровский. Процесс стяжания проходит через три стадии: первое соединение с Богом возможно как дар благоволения в некий момент, который Бог находит благоприятным: когда человек воспримет посещение с любовью. Это есть акт Самооткровения Бога данному лицу: Свет Божий дает подлинный опыт Божественной вечности. Однако это не есть завершение обожения человека. Сей дар возможно определить

как еще «неправедное богатство»; т. е. благодать Божия еще не слилась с нами так, чтобы наша природа и благодать стали навеки едино (ср.: Лк. 16, 9–12).

Второй этап: длительный период богооставленности различной силы. В своих крайних степенях это страшно: душа испытывает свой выпад из Света как смерть в плане духа. Явившийся Свет еще не есть неотъемлемое состояние души. Бог уязвил наше сердце любовью, но затем отошел. Предстоит подвиг, могущий длиться годами, даже десятилетиями. Благодать иногда приближается и тем подает надежду, обновляет вдохновение и снова покидает. Это альтернативное состояние — чрезвычайно важный этап выращения человека до возможности самоопределения в вечности. Бог оставляет нас, чтобы мы проявили наше самовластие. Знание же «пути» к совершенству мы унаследовали от Отцов. Замечено, что весьма многие после испытания благодати, затем лишившись ее, отпадают от Бога: пережитое посещение Свыше склоняются они признать временной психической экзальтацией, особенно свойственной началу возмужания. Старец Силуан так говорил об этом: «Все, чему когда-либо научила благодать, надо делать до конца жизни... Господь иногда оставляет душу, чтобы испытать ее, чтобы душа показала свой разум и свое произволение. Но если человек не будет понуждать себя на делание, то потеряет благодать; а если проявит свое произволение, то благодать возлюбит его и уже не будет оставлять».

«Благодать возлюбит человека и уже не будет оставлять его» — завершение подвига стяжания благодати. Это есть третий этап, конечный. В совершенстве он не может быть длительным, подобно первому, ибо состояние обожения благодатью земное тело не выдерживает: непременно последует "переход от смерти в жизнь". И сам человек не желает «возвращаться» все в ту же тягостную смену состояний; но если благоволит Господь продлить пребывание в этом мире подвижника, то удерживает его на той мере благодати, при которой сохраняется способность действования, а следовательно, и возможность *«передать верным людям, которые были бы способны и других научить»* (ср.: 2 Тим. 2, 2) тому, что сам он воспринял от Отцов и непосредственно от Бога.

Совершеннейшая жизнь в Боге Истинном выражена в простых словах Евангелия, но усваивается сие учение с великим трудом. Тысячи раз мы возвращаемся все к тем же словам Писания и едва улавливаем их вечный смысл. Мы часто переходим от одного состояния в другое: от доброго к злому, от любви к неприязни, от Света ко тьме страстей. Мы сравниваем их действия

на душу человека и боремся за стяжание лучшего. Мы подвергаемся самым различным испытаниям, и чрез это растем духовно. Нам нужно от младенческих рассуждений подняться до разума *«мужа совершенного, до меры полного возраста Христова»* (ср.: 1 Кор. 13, 11; Еф. 4, 13), до способности сделать в свободе разумный «выбор» для самоопределения, решающего всю судьбу нашу. Свобода без полноты разума легко становится злом.

Открывшись нам во Свете Своем, Бог затем скрывается от нас. В безмерной печали о потере душа восходит до тотального покаяния, до «ненависти к себе». Без этого едва ли возможно человеку, наследнику Первозданного Адама, освободиться от следов люциферического падения. А ведь только при этом сможет человек войти в сферу невечернего Света, *«во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус»* (Евр. 6, 19–20). Сие последнее явится завершением обожения, когда новое падение становится исключенным.

Признаками «полноты Христова возраста» в пределах Земли являются: молитва, подобная Гефсиманской молитве Христа, и смерть, подобная Голгофской. При этом совершается подлинное проникновение человека в Божественную вечность: *«вхождение в радость Господа»* (ср.: Мф. 25, 21).

В молитве нашей, подобной Гефсиманской, дается нам бытийный опыт «ипостаси» (персоны); уподобление смерти же нашей смерти Христа есть путь «истощания»; и чем полнее было сие последнее, тем совершеннее вхождение духа нашего в светоносную область Предвечного Божества. И независимо от того, говорит ли человек или не говорит в словах о своем реальном состоянии, он живет его как бытийное сознание: ныне во Христе и «аз есмь».

Литургическая молитва

В этом мире Литургия наиболее адекватно отображает то, что мы именуем ипостасной молитвою, т. е. молитвою, подобною Гефсиманской Самого Христа. Пройдет немалое число лет, прежде чем мы вырастем до способности углубляться в ее, Литургии, подлинные измерения. Внимательно следуя всему порядку и содержанию сей службы Богу, мы вводимся в созерцание Бытия Божественного и бытия космического. Мы вспоминаем многие важные события от «Начала», т. е. когда Бог творил Небо и Землю; когда в Совете Троицы Святой вспыхивает решение «создать Человека по образу и по подобию Богу» (ср.: Быт. 1, 26); затем страшное падение сего «образа», нашего Праотца

Адама; далее трагические судьбы всех его, Адама, сынов; сострадательное пришествие в нашей плоти Творца и Бога, облекшегося в Им же созданный образ; впитываем Его учение, благоговейно почитаем Его страдания ради нашего искупления; робко следуем в Гефсиманию и даже на Голгофу; мы с Ним на суде Каиафы и Пилата; мы с ужасом слышим дикие крики: *«распни Его»*; мы поражаемся и крепимся, когда Он говорит сораспятому разбойнику: *«ныне же будешь со Мною в раю»*. И вслед за сим: *«Для чего Ты оставил Меня?»*... *«Совершилось! И преклонив главу, предал дух»*. И дальше: Погребение, Воскресение, явление апостолам и многим другим; Вознесение; ниспослание Духа Святого... и всякая деталь полна недостижимого для нас смысла. Так мы научаемся жить в планах двух реальностей: Божественной и нашей тварной. Мы в ожидании Его Второго Пришествия; мы в каждый литургический момент и во времени сем, и в вечности; в нас еще течет жизнь, растленная падением и смертоносная, и вместе с нами Его слово, Его Свет, Его жизнь. И сколько бы мы ни повторяли сие служение, данное нам по Его благому о нас Промыслу, сколько бы ни наполнялись мы все новыми и новыми проникновениями в литургическую действительность, мы никогда не достигнем ее «конца». Но все же мы и в радости, и в страхе — причащаемся Божественной Жизни и уже не в силах оторваться от открывающейся нам невместимо великой мысли Творца и Отца нашего. Воистину Бог возлюбил нас и пригласил быть с Ним во веки веков.

Теперь мы знаем всеми силами нашего естества, что Он *«от вышних ... что Он не от мира сего»* (Ин. 8, 23). Тот Огонь, что Он низвел на землю наших сердец (ср.: Лк. 12, 49), возгорелся в нашей крови чрез причащение Его Крови. И, естественно, мы преисполнены благодарности к Нему за безмерные дары Его нам. И самое служение наше именуется «Благодарение — Евхаристия»... Но...

Литургическая молитва — одна из самых тягостных. Мы живем ее в страшном разрыве всего нашего существа. Благословив в начале Царство Отца, и Сына, и Святого Духа, мы затем постепенно снижаемся до преходящих житейских нужд, чтобы опять подняться чрез славословие до Престола Божия. Непрестанное движение — то к Богу, то к миру — характеризует нашу Теургию. И заповедями Евангельскими, и примером Христа (ср.: Ин. 13, 15) мы воспитываемся обнимать полноту всемирного бытия: от сотворения всего сущего до конца нашей земной истории, и далее сего. Однако, параллельно с вдохновляющим восхождением в сферу небесного Света, мы замечаем углубление нашей болезни сердечной: мы видим, что вселенная

по-прежнему объята мраком неприязни. Дух Божий не находит отклика в отчужденных от Бога сердцах, и молитва, как бы отвергнутая людьми, возвращается к молящемуся, нанося ему рану. Кажущееся бесплодие моментами становится благоприятной почвой для горестных мыслей: человечество неизлечимо больно; напрасна всякая надежда увидеть его исцеление; зло не перестает усиливаться, внедряться все глубже и глубже в сердца людей; надо оставить молитву за него, за человечество, ибо это безрезультатное страдание, жертвою чего станешь первый ты сам. Защита от сих упадочных мыслей — иметь в памяти Христа, боровшегося против всего мира в своем одиночестве. Победа неизбежно придет, но не в плане видимой истории Земли. Она, победа, уже неустранимый факт: *«Я победил мир»*, — сказал Господь (Ин. 16, 33).

Свободным тварям предоставлена возможность идти до крайних проявлений зла; но доколе приносится Бескровная Жертва, доколе Литургическая молитва объемлет всех людей — живых, умерших и еще долженствующих родиться, доколе наличествуют души, молящиеся за врагов по наитию Святого Духа, — дотоле Земля сохранится от всепожирающего апокалиптического огня. Так верил Блаженный Старец Силуан. В ней, Христоподобной молитве, видел он «удерживающую» силу, о которой говорит Св. Апостол Павел в послании к Солунянам (2 Сол. 2, 7).

Благой промысл Бога допустил меня десятки лет совершать Литургию, и каждый раз, в той или иной мере, я чувствовал снисхождение Божие на службу сию. Чрез Литургическую молитву душа погружается в океан людских страданий. В годы Первой Мировой войны, катастрофически тяжелой для России, затем в течение первых лет революции с неописуемым хаосом гражданской войны — в душе моей отпечатлелись навсегда безысходные муки многомиллионных масс народа. И сам я стоял в условиях возможной гибели в не поддававшейся контролю буре; но Господь чудным образом сохранил меня от всякого участия в этой бойне: я никогда никого не убил. Когда же приблизился час получить благословение священства, тогда я не находил слов благодарности Богу моему за столь исключительную милость ко мне: я не только не выстрелил ни в кого, но, надеюсь, никому не нанес вреда видимого, произвольного. Разве только все мы можем одним фактом нашего существования стеснить кого-либо из живущих вокруг нас. Благодаря сему не обрелось в деяниях жизни моей канонических препятствий для восприятия священства. Но в духе я ощущал себя достойным только на тьму кромешную. Бог же делал

со мною обратное: чем большим было мое сознание недостоинства, тем щедрее Он давал мне созерцать Его вечное Архиерейство. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый» (из иерейской молитвы во время Херувимской песни).

Спасаемся мы в высшем смысле чрез соучастие в страданиях Христа за нас. Включаясь в жизнь Господа на Земле, мы обретаем Божественную вечность, исполненную любви. В условиях нашей исторической данности — любовь сия неизбежно страдающая, сострадательная, и сие даже «до конца», до полного истощания. По дару Духа Святого нам ниспосылается парадоксальное благословение: опытное познание состояний Иисуса Христа в мерах благоволения Отца о нас. Мы со Христом и на Тайной Вечере, и в Гефсимании, и на судах Каиафы и Пилата; мы разделяем с Ним несение креста после изнеможения от пыток и истязаний — богооставленность и сошествие во ад. И в этом следовании за Христом — наш крест, но реальный и Богу ведомый.

Когда же нисходит на нас Несозданный Свет, тогда сообщается нам радость воскресения, и ум наш созерцает Господа возносящимся туда, откуда пришел Он (Ин. 6, 62). Любезны нам слова Апостола Павла: *«если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога»* (Кол. 3, 1).

Подлинные измерения Литургии — воистину Божественны, и мы никогда не исчерпаем ее содержания, особенно живя еще во плоти. Созданные из "ничто", мы постепенно растем, развиваемся, совершенствуемся. Чем напряженнее наша жажда Бога, тем обильнее потоки новых достижений изливаются на наши головы. Разделяя со Христом Его Чашу, мы через причащение Тела Его и Крови воспринимаем также и Его Божество, как оно явлено Им на земле во плоти и как оно вечно пребывает на небесах. Таков путь: чрез соединение в любви с Божественной Ипостасью Единородного Сына мы становимся Его подобием и, как ипостаси в полноте своей завершенности «по образу и по подобию» Ему, усыновляемся Отцом Небесным на бесконечные веки.

На кресте, в последний момент Христос воскликнул: *«Совершилось!»* Недоведомы нам глубины мысли Господа, но мы знаем, что тогда произошел великий сдвиг во всем космическом бытии. Сие «совершилось» относится к предвечному Совету в недрах Святой Троицы, о чем отчасти говорится и в данном нам Откровении. Для нас еще не вполне совершилось то, чего мы ждем в надежде от Бога. Мы продолжаем в тревоге видеть нынешние небеса и землю, содержимые творческим словом Божиим, как сберегаемые *«огню на день (страшного) суда и погибели нечестивых человеков... Приидет*

же (тот) день, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (ср.: 2 Пет. 3, 7 и 10). Все мы стоим духом на этом Последнем Судилище, так невероятно близко даже по самой своей терминологии описанном Апостолом Петром.

Приведем в параллель сказанному Апостолом Петром слова Самого Христа: *«...скажи нам... какой признак... кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: я Христос; и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть; но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое...»* (Мф. 24, 3–44). *«Люди будут издыхать от страха и ожидания (бедствий), грядущих на вселенную... Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше... знайте, что близко Царствие Божие... день тот... внезапно, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному»* (Лк. 21). *«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей, и все Святые Ангелы с Ним; тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую сторону, а козлов по левую»* (Мф. 25, 31–33).

Все сие входит в состав Божественного Акта Литургии: «Поминающие убо спасительную сию заповедь, и вся яже о нас бывшая: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, второе и славное паки пришествие: Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

«Время сотворити Господеви (Пс. 118, 126), Владыко, благослови». С такими словами обращается дьякон к иерею пред началом Литургии. Смысл этих слов: «Время (Самому) Господу действовать». Итак, Литургия есть прежде всего Божественный Акт. Все понятия в ней меняют свой объем, свое значение. Слово «время», например, что значит? Заклание Агнца было предрешено еще в предвечном Совете Троичного Бога: *«искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, драгоценною Кровью Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мертвых...»* (1 Пет. 18–21). Даны нам два бытийных плана: один, что «прежде создания мира», другой — наше историческое время. Совершается

Литургия по всему лицу Земли изо дня в день, из века в век. Следовательно, «время» Литургии: «ныне, и присно, и во веки веков». Христос, «принесший одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога... одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых» (ср.: Евр. гл. 9 и 10).

Таков вечно-временной и временно-вечный характер сего Таинства. В нем, иерургически, мы встречаемся с некоторыми нарушениями хронологической последовательности; в нем — наши преходящие нужды переплетаются с вечными положениями Божиими. Литургия не есть психологическое «воспоминание» (ср.: Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24) когда-то имевшего место события, но непрестанно пребывающая в Истории сила. Истекают тысячелетия, но не изменяется ее, Литургии, актуальность: «*У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день*» (2 Пет. 3, 8). Для нас историческое время является как бы «местом» нашей первой встречи с Богом и Его Вечностью. Сия последняя объемлет все века непротяженно, но всецело. В Литургии мы живем одновременно, совокупление и тленность нашего земного существа и предвосхищение Царства, пришедшего в силе (ср.: Мк. 9, 1). В Литургии мы предвкушаем «Брачный пир» в Царстве Отца Небесного (ср.: Мф. 22, 2). «Отчасти» обладаем мы сиим даром уже теперь, ожидаем же в терпении «*наступления совершенного, когда все то, что отчасти, прекратится*» (ср.: 1 Кор. 13, 10).

Литургия строится таким образом, чтобы воспроизводить в нашем сознании возможно полнее «дело» Христа на Земле. (Ин. 17, 4). Чрез постоянное повторение сего Акта всеобъемлющий смысл его становится все более и более нашим личным созерцанием, нашим мировидением. Картина сия чрезвычайно богатая; в сущности — никогда не исчерпаемая, вечно новая и живая. В коротком по времени священнодействии вмещается «воспоминание» (Лк. 22, 19) о событиях, потребовавших ряд тысячелетий, неисчислимое количество людей, сынов и дщерей Адама. От сотворения мира и явления Человека, от момента падения Адама, потрясшего космическое бытие, до пришествия на Землю Бога-Спасителя; от Его возгласа «совершилось!»: мига, в который Он вкусил смерть по воспринятому им человечеству и в который началось восстановление сотворенного Богом — все сие сливается воедино созерцание и молитву. Незадолго до совершения Своей первой и единственной Литургии и в час Гефсиманского плача Своего — Он, Господь, беседовал обо всем этом с учениками Своими (Мф. 26, 38), и все носил в Себе как «*наши*

болезни» (Ис. 53, 3–4). И нам Он дает осязать Его *«раны»* (Ин. 20, 25), когда мы входим действенно и разумно в совершающееся в час Литургии.

Литургия есть Действие Самого Бога; она всецело принадлежит плану вечности. В ней проявляется Любовь Отца, и Сына, и Святого Духа в ее, любви, сострадании погибающим грешникам. Любовь Божия — жертвенная. Сею жертвою удержано человечество от исчезновения (ср. Быт. 2, 17). Животворящей силой ее сохраняется жизнь мира. Любовь Божия отдает Свою жизнь возлюбленным сынам человеческим: *«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16; 1 Ин. 4, 9–10).

Вечный характер Литургии выражается еще и в том, что Господь до Своей смерти на Кресте, на Тайной Вечере, преподал Апостолам Свое Тело и Кровь. В историческом плане нарушена последовательность. Сохранена она в предвечном Троичном Совете, где все соединено в едином Акте, непротяженном, но объемлющем. Сначала все совершилось в Божественном Замысле о сотворении мира. Тогда уже Христос определился как Непорочная Жертва. Не раз говорил Он Апостолам, что Ему предстоит суд и смерть — и затем воскресение.

Да даст всем нам Дух Святой созерцать Христа, умирающего одиноким, всеми осужденным, никем не понятым. Он умирал один, по-человечески — позорною смертью; но таким путем Он потряс весь мир, радикально переменил ход истории, спас для вечности благой миллиарды людей, облагодетельствовал всю тварь.

Все сие, поскольку возможно, должен носить в своем сознании иерей, готовящийся совершить Литургию, *«ибо в нас должны быть те же чувствования, которые и во Христе Иисусе»* (ср.: Флп. 2, 5). Чем теснее к стопам Христа приблизится христианин, тем меньше спутников обнаружит он вокруг себя. Имея в себе мысль о полном одиночестве Христа, не должны ли мы быть готовыми к нашей смерти тоже в одиночестве? Если бы нам, по любви к Нему, пришлось умирать без свидетелей от рук мучителей в застенках тюрем, то Он не оставит нас одинокими, но разделит с нами могущий выпасть на нашу долю подвиг, *«ибо как Сам Он претерпел, быв искушен; то может и искушаемым помочь»* (Евр. 2, 18).

Литургический акт, при внимательном отношении к его основной идее и к его составным частям, воспитывает нас пребывать в атмосфере Христа. Господь увлекает нас духом обнимать весь мир, где миллионы людей в каждый

данный момент или сокрушены ударами жестокой судьбы, или лежат у дверей смерти и стонами своими призывают помощь Свыше. В меру нашего личного опыта всякого рода страданий мы можем погружаться в безбрежное море людских терзаний и чрез молитву разделить с ними их ужасы, а иногда и радости. Возможно, что в какой-то момент мы настолько включимся в неизбывные муки всего человечества, что ни тело, ни психика, ни мысль не будут в состоянии следовать за плененным молитвою духом, предстоящим Богу в не выраженных словами воздыхания (ср.: Рим. 8, 26–27). Такая молитва есть дар Духа Святого, а не человеческих усилий: она доводит до грани смерти и вместе оживотворяет; она ведет нас в Гефсиманию и даже на Голгофу и в то же время дает предвосхитить воскресение. В этой молитве мы познаем Христа, нисходящего во ад Своей безмерной любви, победительницы смерти.

Спасение миру сообщается чрез Литургическое священнодействие; особенно тем, которые жаждут воспринять благословение Отца Небесного. Нет ничего равного, ни подобного Делу Христа в путях избавления человечества. И те, которым вверено служение установленной Господом Литургии, содействуют братьям своим в шествии к бессмертию. В этом служении Церковь молится уже два тысячелетия, заботясь, подобно Апостолу Павлу, о том, чтобы людям дано было истинное разумение открытых Богом вещей; чтобы они могли «постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, глубина и высота» предвечного замысла Творца о нас, предопределившего прежде сложения мира усыновление наше в Своем возлюбленном Сыне (ср.: Еф. 3, 14–21; 1, 5).

Проходят век за веком, но в Духе Святом ничто не стареет, и тот же Дух, который влагал в уста Павла такие молитвы, и по сей день движет сердца священников и вообще верующих на молитву, в которой познается глубинным существом нашим, что Бог есть Отец наш, что на Земле явлен Свет безначального Бытия.

«Отче Святый, почтивый ны образом Твоим и даровавый нам благословение познати Истину Твою чрез воплощенного Сына Твоего и сошествие Святого Духа, от Тебе исходящего, не отврати Лица Твоего от нас, недостойных раб Твоих, но приими молитву нашу и ниспосли на всех сынов Земли дух истинного благочестия, да исполнится вселенная нетленным светом Твоего богоразумия, молимтися, Отче Благий, услыши ны и скоро помилуй».

Литургия — бесценный дар человечеству: чрез нее мы познаем от века сокровенную Тайну распятия любви Божией; в ней мы живем действенно

образ Воскресения; чрез нее мы восходим на гору созерцания славы Преображения; она утоляет жажду нашего духа иною водою, текущею в жизнь вечную (Ин. 4, 14). Вкушавшие манну в пустыне — умирали, ядущие же хлеб, сходящий с небес, живы будут вовеки (Ин. 16, 48–58). Служители Нового Завета, закрепленного Кровью Христа, свободны от древнего покрывала (ср.: 2 Кор. 3, 12–18) и открытым лицом приносят прошения свои пред Лицо Отчее. Храм, где совершается Литургия, — есть преддверие Святого Царства, пребывающего на небесах. Сие служение для нас является источником непорочного наслаждения. Совершитель Таинства Литургии стоит в непосредственной близости к Сыну Божию, Который есть «исполнение Закона и Пророков» (Лит. Иоанна Зл.), чрез Которого мы стали обладателями *«глаголов вечной жизни»* (Ин. 6, 68; Ин. 17, 8).

Встреча вплотную с Единородным Сыном Отца не безболезненна для растленных грехом; она поражает нас, казалось бы, до последнего уничтожения, но она же затем перерождает нас уже в свободе от греха, приобщает нас к богочеловеческой универсальности Христа, доводя в нас образ Божий до совершенства.

Иерей, совершающий Литургию, как и присутствующие верующие, научаются жить в двух планах, по примеру Самого Христа: пребывать духом в сфере Божественной и вместе тесно соучаствовать в трагических судьбах вселенной. По временам его, иерея, внимание будет преимущественно обращено на грандиозную панораму сотворенного мира, что и составит содержание его молитвы литургической; временами же дух его допускается восходить к бесконечному, к усвоению смысла излитой на нас благодати, к Свету, исходящему от Святой Троицы. Необходимо всем нам такое погружение в Литургию, чтобы ее вечная реальность стала сопутствующей нам в нашей повседневности, чтобы мы воистину *«соделались царями и священниками Богу»*, независимо от того, из какого мы *«колена или языка, народа или племени»* (ср.: Откр. 5, 9–10).

Литургия, в своей совокупности, охватывает не только библейские события, относящиеся к экономии спасения человека, но и вообще космическую жизнь, и даже то, что было до сотворения мира и чего ожидаем, когда *«Бог будет все во всем»* (1 Кор. 15, 28); когда *«времени уже не будет»* (Откр. 10, 6). К этому переходу из временной последовательности приготовляет нас Божественная Литургия. Ее полнота захватывает всецело нас, настолько, что когда я был в пустыне и служил один, имея только одного монаха на клиросе,

который приходил ко мне, чтобы отвечать на прошения ектений, читать послания Апостолов, да и прочее вспомогательное участие, заменяющее народ, то ни я, ни тот монах — не испытывали какого бы то ни было недостатка: весь мир был там с нами; мир и Господь; Господь и вечность. Этот пустынный опыт научил меня молиться священнической молитвой и с народом, и без его видимого присутствия.

Позволю себе сказать, что в моем сознании преобладает современный опыт, а не древний. Начался сей опыт тогда, когда я еще вовсе не был знаком с творениями Святых Отцов. Внушенный — я так верю — тем же Духом, исходящим от Бога, он, опыт, во многом совпадал с писаниями Отцов-аскетов, но вместе и отличался от них в силу разительной перемены условий мировой жизни. Эсхатологические предощущения свойственны нашему веку в большей мере, чем когда-либо в прошлом: «*Земля и все дела на ней сгорят*» (2 Пет. 3, 10). Огонь уже готов и отдан в руки безумных. Мир взят от лица вселенной. Положительная сторона этих страшных событий в том, что не только христиане, но даже и неверующие настойчиво призываются расшириться умственно и перешагнуть узкие рамки своих национальных инстинктов или культур и мыслить в общечеловеческих измерениях. Нам приходится наблюдать, и даже часто, обратное сказанному: стремление к независимости даже малочисленных и несовершенно развитых племен. Но эти обратные движения, полярно противоположные подлинной нужде, всегда были присущи парадоксальной истории падшего человечества.

Ныне становится невозможным для иерея, приносящего Бескровную Жертву, пребыть в пределах лишь местных нужд, забывая все прочее человечество, судорожно бьющееся в адских тисках взаимной ненависти и всякого рода насилий. Как бы ни была чревата наша современность апокалиптическими катастрофами для грядущего, молитва христианина не должна ослабеть от кажущейся безнадежности, но возрастать в своей интенсивности: мы брошены в первые ряды великой духовной битвы.

Высока наука Евангельского Духа: нашим естественным — в состоянии падения — силам она недоступна. Но двухтысячелетний опыт нашей Церкви в подвиге покаяния показал, что человеку может быть дана Свыше духовная мощь, и тогда он становится способным выносить выше-естественное сострадание. Настоящее тело наше, с его психическим аппаратом, несравненно слабее нашего духа: «*Дух бодр, плоть же немощна*» (Мф. 26, 41). Наш телесный «состав» следует за движением нашего духа к Богу лишь до известной

меры, после которой наступает момент его изнеможения. Сострадание убивает нас. Инстинкт самосохранения закрывает наши глаза, чтобы не видеть бесчисленных бедствий, выпадающих на долю нам подобных. Но вкусивший Духа Христова не может отказаться от встречи с этим океаном злосчастий и включается в молитву Господа, давшего нам «пример» (Ин. 13, 15). Как Он молился за весь мир, так и мы должны жить и чувствовать (Флп. 2, 5). Особенно сие необходимо для священника, совершающего Литургию, если он стремится войти полнее в ее, Литургии, всеведение.

По существу нет иной Литургической Чаши, кроме той единственной, которую принес Сам Господь перед исходом Своим на искупительную жертву. Он один есть воистину Перво-Священник. Его благоволением Литургия, будучи неповторимою, в веках повторяется. В этом повторении вечного по сущности Таинства проявляется его актуальность, неизменное присутствие в рамках истории. Неделимая Литургия — дробится и непрестанно распространяется во все концы вселенной. Сионская горница дивным образом расширяется, чтобы стать доступною все новым и новым поколениям *«верующих в Него»* (ср.: Ин. 17, 20). Чрез святое причастие Христос собирает преданных Ему в то единство, которое задано нам Творцом нашим: созданный *«по образу и по подобию»* — призван к единству по образу Святой Троицы:

«Отче Святый, соблюди во Имя Твое тех, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17, 11).

Литургия в своей вечной реальности есть всегда соприсутствующая нам Пасха Господня. До пришествия Христа Еврейская Пасха — в воспоминании исторического события: перехода чрез Чермное море Израильского народа, избавленного от египетского рабства, прототипа всех прочих рабств. Христианская же Пасха есть избавление от рабства греху и смерти; переход от частных и ограниченных положений к универсальным, Божественным; восхождение от земных форм бывания к небесным, к бессмертию. И заповедано нам совершать ее в Его воспоминание (Лк. 22, 19), во Имя Его. Он — истинный центр всего мироздания — является сосредоточием нашего внимания: *«Все произошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло»* (Ин. 1, 3). В этом радикальное изменение характера нашего Пасхального торжества. Вся Литургия в ее существенном содержании есть не что иное, как воспоминание о Нем, а не о каком-либо историческом факте. «Воспоминание», понимаемое как живое вхождение в сферу Духа Христа,

в Его Божественном и земном измерениях. Он — смысл и свет Христианской Пасхи.

Вечная актуальность Литургии подчеркнута также содержанием молитвы, которую все верующие произносят пред принятием святых тайн Тела и Крови Христа: «Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими». В этом «днесь» — ныне — нет ни прошлого, ни будущего, но только настоящее. И этою молитвою снова мы просим быть принятыми в лоно предвечного Божества Святой Троицы.

Душа священника неизбежно множество раз дойдет до изнеможения от видения всякого рода страданий, с одной стороны, и неправд и насилий — с другой. Именно сии безобразия и кажущиеся бессмысленными едва ли не все действия людей являются показателем падения нашего мира. Упорным подвигом мы должны удержать неумаленным наше вдохновение на Литургическую молитву за все человечество. Все страсти и гадости греха, в нас ли самих, в других ли вне нас, и составляют повседневное содержание сей универсальной молитвы. Долг священника — неизменное повторение во времени Божественного акта искупления мира, во исполнение заповеди Христа: «*сие творите в Мое воспоминание*». Живое «воспоминание» и как видимое присутствие в истории вселенной Гефсиманской молитвы и Голгофской крестной смерти Господа.

Литургия в своей вечной духовной реальности есть жертва за грехи человечества. Вот почему мы, встречаясь со вседавящей массой греха, в нас ли самих, вне ли нас, мы не перестаем пребывать внутри литургического акта. При таком сознании о священстве вся наша жизнь является служением спасению мира. В этом сущность Божьего нам дара — «царственного священства».

Быть носителем благодати «царственного священства» (1 Пет. 2, 5 и 9) возможно и не имея священнического сана. Внутренняя сущность сего священства в том, чтобы молиться о всем мире, следуя «примеру» (Ин. 13, 15) Самого Господа. Для нас, человеков, последняя, доступная нам мера — молиться за всего Адама, как за самого себя. Такая молитва является знаком, что в нас восстанавливается тот «образ», по которому создан был Человек (Быт. 1, 26). Страдания Христа и его воскресение снискали человечеству сию благодать (ср.: Лк. 24, 46–49). Все и каждый из верующих в Сына Божия призваны принять сей дар от Дародателя: быть «царственным священством». Нет цены сему благословению, но оно стяжевается долгим и болезненным подвигом.

Литургический язык

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог ... все чрез Него начало быть» (Ин. 1, 1–3).

Язык человеческий предназначается для выражения реальностей различных планов: есть житейский план — естественных потребностей; есть близкий к нему, но все же отличимый — примитивных душевных чувств и страстей; есть язык политической демагогии; есть научный, философский, язык поэзии; наконец, наивысший из всех — язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми — Литургический.

Отвлеченное познание о бытии имеет метафизические корни; сюда относится наука, философия и прежде всего Богопознание. Слова, выражающие вышеуказанные роды познания так же, как и Имена Божии, исходят из умной сферы, метафизической. В то же время им свойственно вызывать в уме или сердце различные реакции, и в этом смысле они являются «условными рефлексами», носящими характер непосредственный, автоматический.

Каждому языку поставляется задача: ввести слушателя или читателя в ту область, к которой данный язык принадлежит. Учитывая «условно-рефлективную» энергию слов, мы должны особенно большое внимание отдать литургическому языку, призванному порождать в умах и сердцах молящихся ощущение иного мира, высшего. Это достигается наличием имен и понятий, принадлежащих исключительно Божественному плану; а также употребление небольшого количества специфических форм выражения.

Славяне промыслительно одарены благословенным языком, служившим веками для богослужения, Священного Писания и молитвы, и никогда не низшим житейским нуждам, ни даже церковной литературе. Мы категорически убеждены в необходимости употребления сего языка в богослужениях; нет вовсе нужды заменить его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и тем причинит неисчислимый ущерб. Неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка — людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов — дело нескольких часов. Все без исключения затрачивают огромные усилия для усвоения сложных терминологий различных областей научного или технического знания, политических, юридических и социальных наук,

языка философского или поэтического, и подобное. Почему бы понуждать Церковь к утере языка, необходимого для выражения свойственных ей высших форм богословия или духовных опытов?

Все, кто искренне желает приобщиться вековой культуре Духа, легко найдут возможность освоиться с бесценным сокровищем священного славянского языка, который изумительно соответствует великим таинствам богослужения. Немногие особенности сего языка облегчают труд временно отрешиться от страстных будней: «всякое ныне житейское отложим попечение».

Если бы мы при совершении Литургии употребляли язык нашей повседневности, то он порождал бы в душах присутствовавших реакции низшего плана — нашего физического существования. Человеческое есть образ Предвечного Слова Отца. «*Словом Господним сотворены небеса... Он сказал, и соделалось! Он повелел и явилось*» (Пс. 32, 6 и 9). И наше слово обладает творческой силою. «*Слово Бога нашего пребывает вечно*» (Ис. 40, 8); и наше слово достигает вечности, если сказано в путях воли Его. Чрез призывание Имени Божия совершаются Таинства Церкви, включая преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Господа.

Слова Литургии и вообще молитв не суть только человеческие, но и данные Свыше. Церковный язык относится к сфере Божественного Бытия; он должен выражать откровение Духа и им порождаемые умные видения. Чрез «*слышание слова Божия*» (Рим. 10, 17) вдохновляется человек на веру, «победившую мир» (1 Ин. 5, 4; ср.: 1 Сол. 2, 13).

Гефсиманская молитва

Гефсиманская молитва Христа есть, несомненно, наивысшая из всех молитв по своему внутреннему достоинству и по своей мироискупительной силе. В то же время она является одним из бесценнейших откровений о Боге и Человеке. Принесенная Богу-Отцу в Духе Божественной любви, она как Свет, никогда не умаляемый, вечно пребывает действенною в бытии мира. Как исторический факт — она длилась недолго; но как духовный акт любви Божией началась она еще до сотворения мира (ср.: 1 Пет. 1, 20) и не прекращается до сего дня. Присутствие ее силы мы ощущаем в час молитвы за весь мир, преимущественно же во время совершения Литургии. Ее святость и величие влекут сердца тех, кто сохранил в себе образ Бога Живого.

В этой молитве Господь включил все, что произошло с момента явления в жизнь Первого Адама до последнего имеющего родиться от жены. Так научены мы мыслить в нашей Церкви (Ин. 1, 29; 1 Ин. 2, 2). Лишенные бытийного опыта подобной любви — бессильны постигнуть ее необоримую энергию, освящающую в веках всякого человека, жаждущего принять сей дар. *«Небо и земля прейдут»*, но дело, совершенное Христом (ср.: Ин. 17, 4), «не прейдет» (ср.: Мф. 14, 35). Сия молитва войдет как существенное содержание в неумолкаемое славословие небес. Она не перестанет восторгать дух наш, порождать в нас желание ответить столь же полною любовью «до конца» и в сем веке, и в грядущем.

Вся вселенная в своем падении судится с Богом, обвиняя Его в своих страданиях. Судится страстно в своем увечье, последствии отпадения от Его любви. Знаю это я и по себе. Но Иисус — Бог изначальный, в Гефсимании и на Голгофе «оправдал» Бога-Творца; *«Человек Христос Иисус»* (1 Тим. 2, 5) там же «оправдывает» на суде Бога и Отца — Человека-человечество.

Для людей: если Бог такой, каким явил Его Христос, то Ему подобает всякая слава, честь и поклонение во все века. Для Бога-Отца: если Человек такой, каким был Христос, то Отец принимает Его как равного: дает Ему трон *«одесную Себя на небесах»*, превыше всякого начальства и власти, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср.: Еф. 1, 20–21).

Любовь Христова, победоносная в вечности, в плане Земли подвержена тягчайшим испытаниям. Никто никогда не страдал так, как Он. Глубина муки находится в прямой связи с мерою восприимчивости каждого. Между людьми возможна такая же разница, которую мы наблюдаем между носорогом и червем: ударьте первого сильно кулаком, и он не почувствует вашего удара; едва коснешься червяка, и он извивается от боли всем телом. Тонкий слух музыканта болезненно встревожен неуловимым для других диссонансом; глаз живописца различает различные тона там, где другие при всех объяснениях остаются ничего не замечающими. Чуткий духовно при соприкосновении с кем-либо как бы видит его моральное состояние, тогда как очень многие ничего не ощущают. И если так с людьми, то кто может понять Христа, Творца космоса? *«И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»* (Быт. 1, 31). Сотворивший Божественную гармонию мира не мог не скорбеть, встречаясь повсюду с нетерпимым извращением первозданной красоты гнусными и преступными деяниями людей.

Все мы знаем, чем глубже мы любим, тем болезненнее переживаем даже малейший конфликт. Что же переживал Он, предвечная любовь, когда с такою ненавистью отвергли Его свидетельство об Отце? Он, которого Церковь именует солнцем Правды, отдал Себя на суд лукавству осудивших Его на смерть. Он, Ипостасная Истина, был оклеветан, бесстыдно поруган, жестоко бит и нагло оплеван. Он, безгрешный (ср.: Ин. 8, 46) взял на Себя грехи мира, как если бы Он Сам и был виновником всей трагедии. *«Возлюбивший нас до конца»* (Ин. 13, 1) переносил преследования неутолимой злобы убивавших Его, «думавших, что они тем служат Богу» (ср.: Ин. 16, 2).

Чтобы хотя немного приблизить наше сознание к уразумению происходившего в те самые трагические за всю историю мира дни, чтобы узреть бытийно, хотя бы как *«в мутном зеркале»* (1 Кор. 13, 12), путь, пройденный Христом, всем нам необходимо пройти через множество испытаний. Когда постигают нас всякого рода удары и ужасы, тогда мы должны переносить наш ум к созерцанию мук всех страждущих на Земле; включить их чрез наши собственные болезни в молитву сердца нашего. Таким образом расширится оно и примет всех братьев и сестер, сокрушенных бедствиями, подобно тому, как матери опечаленной любви обнимают своих больных детей.

Пусть молитва наша станет криком всей Земли к Богу и Отцу. Чрез такую молитву по действию Духа Святого войдем мы в соучастие с искупительными страстями Божественной любви Господа. Никто из нас не достигает ее безмерности; но велико для нас и то, что и нам, пусть отчасти, но с неотразимой убедительностью открывается жизнь Его. «Сообразуясь (духовно) смерти Его», мы удостоимся бытийно познать Христа (Ин. 17, 3) и *«силу воскресения Его»* (Флп. 3, 10). *«Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его (духовно), то должны быть соединены и подобием воскресения»* (Рим. 6, 5). Чрез постигающие нас потрясения возрождается наша омертвевшая в грехе натура к молитве, как-то отражающей Гефсиманскую молитву.

По достижении зрелого возраста нам нередко дается переживать частичное умирание, и в меру этого опыта мы становимся более способными созерцать Христа, идущего в Гефсиманский сад и далее на Голгофу. Не физические боли Его, на кресте распятого или бичуемого, занимают первенствующее место, но они делают Его страдания тотальными, во всех планах. Даже и мы знаем, что душа в своей сфере получает раны более страшные, чем тело. И если так в земном явлении души, то что сказать о душе-духе, воспринимающем вечность? Чем больше любовь, тем больше страданий душе. Чем глубже любовь,

тем безмернее ее боль (ср. Старец Силуан). А кто из людей дерзнет сказать, что его любовь превышает Христову любовь? Здесь мы имеем в виду ту сферу бытия, которая постигается не иначе, как только силою любви духовной, которую человеку было дано Свыше познать.

Нарисовать картину страданий Иисуса Назарянина невозможно. Вся Его жизнь с нами была не что иное, как непрерывное терзание. Голгофа — лишь заключительный акт, в котором все, как в кульминационной точке, соединилось: физические боли; душевные вследствие отвержения людьми Благовестия о любви Отчей; позорная смерть преступника; злосмрадный смех мстивших за понесенные от Него обличения в неправдах... Все Его осудили: Римское государство с его классическим правом; Ветхозаветная Церковь, основанная на Синайском откровении; облагодетельствованный Им народ, и тот кричал: «*Распни Его*». Ко всему этому покинутость учениками, предательство Иуды, отречение Петра; богооставленность: «*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты оставил Меня?*»; предстоящее схождение во ад, к тем, кто наполняет сие мрачное место. Ад Христа, конечно, не мог быть адом вражды, но был самый болезненный ад Любви. И еще многое, чего не постигает наш ум, не знающий надлежащей любви ни к Богу, ни к ближнему.

Не о Своем грехе молился Господь до кровавого пота — о нашей погибели. Это видно из Его слов к плакавшим о Нем женщинам: «*Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших*» (Лк. 23, 28). Однако и Ему Самому нужно было пройти в Его человечестве подвиг полного истощания, как это уже было совершено в небе по Божеству по отношению к Отцу. Об этой «чаше» молился Он как человек. Чрез Него нам дано откровение о характере Бога-Любви. Совершенство в том, что эта любовь смиренно, т. е. без остатка отдает себя. Отец в рождении Сына выливает Себя всецело. Но и Сын все возвращает Отцу. Именно сей акт тотального истощания совершил Господь в Своем воплощении, в Гефсимании и на Голгофе. Именно такую любовь заповедал нам Христос: «*...кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни (души) своей, тот не может быть Моим учеником*» (Лк. 14, 26); тот «*недостоин Меня*» (Мф. 10, 38). Так, только тот, кто в движении всецелой своей любви, подобно мученикам, губит душу свою в мире сем ради Христа, «*входит на самое небо, чтобы предстать пред Лице Божие для жизни непрестающей*» (ср.: Евр. 9, 24; 7, 16).

Смысл жертвы Авраама в том, что он на старости лет привязался к «обетованному сыну» своему Исааку настолько, что любовь его к Богу утеряла свою полноту. Чтобы снова любовь к Богу стала «краеугольным камнем» его жизни, Авраам должен был принести жертву: заклать возлюбленного сына. Когда же внутренно сей акт был совершен... тогда излишнею стала смерть Исаака: он мог оставаться при отце.

Подобное повторяется в жизни христианина: когда та или иная страсть отрывает его от Бога, он решается на многие жертвы. И если внутренний акт достиг завершения, то страсти отступают и «заклание» становится излишним.

Не так обстоит с Христом. Господь внутренно совершил Свою жертву в Гефсимании, но Ему ради *«дела»* (Ин. 17, 4) нужно было пострадать «до конца» и внешне, иначе никто бы не постиг тайны искупления. Так, только на Голгофе, уже умирая, Христос воскликнул: *«Совершилось!»*, а не в Гефсиманском саду.

Человечество в лице первого Адама претерпело страшную алиенацию, лежащую в основе всех последующих. Падение Праотца — катастрофа космических измерений. Нам необходимо учесть это, чтобы понимать органический (чтобы не сказать — логический) ход развития, выражающегося в политических формах, но являющегося по существу духовным: *«смертию умрете»* (Быт. 2, 17) от огня, уже готового пожирать нас. К болезням Адама дальнейшие поколения добавили множество других, так что все тело человечества *«от подошвы ноги до темени головы покрыто язвами и гноящимися ранами»* (Ис. 1, 6). Самый скелет повсюду изломан. Прикасаться к такому организму — значит причинять несносные боли. Когда, однако, сие происходит с физическими болезнями, то люди с доверием отдают себя в руки врачей, терпеливо ожидая помощи. Обратное наблюдается в духовном плане: всякую попытку поставить кости в надлежащем порядке, омыть раны, что неизбежно сопровождается болями, они встречают с неприязнью, как будто врач виновник болей.

Так происходит со Христом: Он, единый истинный целитель, Своим явлением оскорбил всех, показывая всему человечеству его смертельную болезнь. Для падших сынов человеческих нет ничего и никого более страшного, чем Христос-Истина. Весь мир Его боится. Столь многие с необъяснимой ненавистью изливают на Него, и только на Него, всякую хулу. Все же те, кто действительно воспринимает Его как Перво-Истину,

по естественному людям влечению к Истине, не могут отказаться последовать за Ним. А сие значит быть носителем Его любви и, как таковому, неизбежно быть распинаемому многоразличными образами.

Бесценно для нас откровение, пусть еще частичное, глубинной жизни Христа. Чрез долгий подвиг мы постепенно входим в вечный смысл и особый характер Его страданий. Мы постигаем, что не только качественно, но и по силе своей они превосходят все, что знает мир. Мы нигде и ни в чем не достигаем Христа. Ему единственно во всех планах принадлежит непреходящее первенство. Однако стремиться к возможно полному познанию Его все мы, верующие, должны. В меру познания нами Его искупительных страданий почиет на нас и вечная слава Его: «*Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им*» (Ин. 17, 22). Чрез Него мы становимся сынами Отца безначального. Ныне мы знаем, что «*никто не приходит ко Отцу, как только чрез Него*» (Ин. 14, 6). Эти слова Христа мы принимаем в их абсолютном смысле. Действительно: если нет в самом Божестве изначала принципа Отчества и Сыновства, то никакой человеческий подвиг не сможет привести к тому, чтобы изменить существенно и Само Перво-Бытие.

Христос есть чудо, превосходящее всякий ум. Он всесовершенное откровение Бога триипостасной любви; Он же явил нам Человека в его беспредельных возможностях. В известный единому Богу момент мы будем приведены на тот невидимый рубеж, который лежит между временем и вечностью. На сей духовной грани мы должны будем окончательно определить себя для предстоящей нам вечности или со Христом, в подобии Ему, или в удалении от Него. После сего решающего свободного выбора — и подобие, и расхождение — примут вневременный характер. Готовясь к сему бесконечно важному для каждого событию, в нашей повседневности мы не раз будем колебаться: исполнить заповедь?.. или поступить по страсти нашей? Постепенно в этом всежизненном подвиге нам будет открываться тайна Христа, если мы по любви к Нему слово Его сделаем единственным законом всего нашего бытия.

Придет такое время, когда видение святости смиренного Бога-Христа переплавит, как огонь, наше существо, превратив его в целостный порыв любви. Полные отвращения к самим себе, к гнездящемуся в нас злу, мы возжелаем уподобиться Ему в смирении, и желание это будет подобно смертельной жажде. Умножившаяся любовь к Господу естественно сроднит нас с Ним в глубоких движениях сердца и прозрениях ума. Картина,

превосходящая наше воображение, раскроется пред нами. Великая печаль о страданиях людей, как болезненная спазма, стиснет сердце наше. Забудем мы тело, и только в доступной ему мере войдет оно в поток Гефсиманской молитвы Христа. Таким путем рождается в нас познание Господа Иисуса Христа (Ин. 17, 30), которое само в себе есть вечная жизнь. Ради приобретения этого познания Апостол Павел все то, «что было для него преимуществом», «правда законная», он *«почел тщетою... от всего отказался... чтобы приобрести Христа... и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения»*. Говорил же Павел так не потому, *«чтобы уже достиг... но, забывая прошлое, простирался вперед... к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе»* (ср.: Флп. 3, 7–14).

Великий Павел сказал, что он «не достиг»; позволим ли мы себе претендовать на равенство с Христом? Но некая параллель все же должна существовать. Хотя бы бледное уподобление Господу совершенно необходимо, чтобы разумно носить имя христианина. И опять: Павел не стремился к почести... призывал же Коринфян подражать ему (1 Кор. 4, 16), как он подражает Христу. Что мы и делаем ныне, чтобы и нам стать сонаследниками Иисусу в неувядаемой славе (ср.: Рим. 8, 17).

Беспомощно пытаюсь я говорить о Науке, величайшей из всех ведомых на Земле и Небе. Усваивается она не за несколько коротких лет академической учебы, но всем нашим бытием. Реальное, не отвлеченное, познание стяжевается соучастием в бытии; чрез пламенное покаяние и пребывание в духе заповедей дается нам сие страшное благословение.

Когда некая тень подобия Гефсиманской молитве осенит человека, тогда он разрывает узы эгоистической индивидуальности и вступает в новый образ бытия: персональный, ипостасный по образу Ипостаси Единородного Сына. Воспринять страждущую любовь Христа есть неоценимый дар Духа Святого, приближающий духовно к ощущению смерти Его на кресте и, вместе, силы воскресения. Соединенный с Ним подобием умирания в глубокой молитве о мире, в томительной жажде спасения людей, предвосхищает подобие воскресения (ср.: Рим. 6, 5; 8, 11). Вводимый нисходящею Свыше силою в этот новый образ Бытия, достигает «конца веков» и ощутимо прикасается к Божественной Вечности.

Ипостась — Персона есть первичный принцип и последнее, всеобъемлющее измерение в Божественном Бытии; также и в человеческом, по образу

Божию тварном бытии. Вне сего ипостасного принципа ничего не существует и не может существовать. *«Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем жизнь»* (Ин. 1, 3–4). *«Живу Я! говорит Господь»* (Ис. 49, 18). *«Аз есмь... Начало и Конец, Первый и Последний»* (Откр. 22, 13). *«Аз Есмь»* (Ин. 8, 58)

Неописуемы дары Божии: они делают человека носителем полноты богочеловеческого бытия чрез единение со Христом в молитве, уподобляющей его Ему. Редкая привилегия, совмещающая крайние состояния страданий любви и ее, любви, победу. Восстав от такой молитвы, человек сквозь животворящую боль медлительно входит в действенное ощущение воскресения своей души. Он ясно зрит, *«что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти»* (Рим. 6, 9). Победа Его в вечности неизбежна. И дух молится внутри:

Господь мой и Бог мой...

Ныне, Господи Иисусе Христе, по дару неисследимой силы Твоей и благоволения Твоего к нам, и я убогий и нищий перехожу от смерти в жизнь...

Ныне — аз есмь.

О молитве, в которой открывается Бог-Истина

Всякий человек, кто бы он ни был, где бы ни жил, какое бы место ни занимал, учен или неуч, богат или нищ, знатен или никому не ведом, в молодости, в зрелом возрасте или старости, в дни радости или горя, «из глубины» и с силою или едва касаясь, но задумается над смыслом жизни и поставит пред собой вопрос: что есть истина? (Ин. 18, 38).

Девятнадцать веков тому назад Пилат небрежно бросил Христу этот вопрос. Содержание и дух вопроса, при той же самой словесной формуле, могут радикально различествовать. В случае Пилата сказался критицизм посредственного философа-римлянина: задав вопрос, он вышел к Иудеям, не дожидаясь ответа от Христа, он был убежден, что удовлетворительного ответа вообще нет. Полагаю, что в наше время подавляющее большинство людей стоят не выше уровня пилатовской мысли и строят свое земное бывание не на скале веры, а на отрицании возможности посмертного бытия.

Что есть Истина? Существует ли она вообще? Еще прежде, чем мы познаем ее, внутри нас присутствует положительный ответ, как сознание, что

без нее было бы невозможно и само Бытие. Истина недоказуема путем снизу идущих логических демонстраций, но бытие ее для нас несомненно, ибо дано как непосредственное знание: оно предваряет всякую нашу мысль, Вне сего сознания невозможно было бы вообще мышление, цель которого всегда есть нахождение именно истинного решения.

На каком уровне ставится этот вопрос? Здесь мы встретимся с бесчисленным множеством расхождений. Оставляя позади все прочие, возьмем тот уровень, который соответствует нашей идее о Человеке. Человек по природе своей не может остановиться на середине, он должен идти до конца: он имеет в виду Перво-Истину, лежащую в основе всего существующего.

Что представляет собою Первая и Последняя Истина, вечно неизменная, всеобъемлющая? Вот единственно насущный вопрос (ср.: Лк. 10, 42). По мере того, как в нашем земном бывании мы претерпеваем неудачи, срывы, поражения, потерю дорогих нам лиц, уносимых смертью в неведомое нам «ничто»; после того, как переживаем падение многих идолов земли: науки, философии, искусства, гуманизма, политики, внутри вырастает не выраженное словом чаяние того, что пребывает непреложным.

Убедившись в недостаточности всех человеческих усилий достигнуть сию искомую нами вечную Истину, так, чтобы слиться с Нею, иметь Ее как свое личное достояние, я обратился к молитве, сначала нехристианской, а типа дальневосточных медитаций. Прошло немало времени, приблизительно 7–8 лет, когда я с большой силой увидел себя на ложном пути: в духе мне явился Тот, Кто сказал: «*Аз есмь Истина*» (Ин. 14, 6). О, этот светоносный момент, что вывел меня из ада смертной тьмы. Всем существом я ощутил, что вступил на верный путь. Но как бы ни был он, путь, великолепен, он в то же время исполнен многих скорбей, прежде чем мы достигнем Искомого (Ин. 16, 33).

Когда огонь веры в Него воткнулся в мое сердце подобно острию меча, тогда я преисполнился жизнерадостного вдохновения. Я еще не достиг Живой Истины, но само то вдохновение превращалось в ощущение Ее, становилось Ее присутствием внутри меня (ср.: Евр. 11, 1). Я пытался найти возможно близкую аккомодацию моего умного зрения, чтобы яснее, как в фокусе, уловить очертания явившейся мне Святой Истины, но скоро догадался, что это было безумием с моей стороны: чем больше я всматривался, тем беспредельней становилась она.

Я не собираюсь писать о какой-то мною открытой доселе не ведомой миру Истине. Я пишу о том, как мне дано было жить мое покаяние. Дух наш алчет и жаждет познать Истину, т. е. то Перво-Бытие, которое никем и ничем не обусловлено: абсолютное Само-Бытие, о котором говорили Пророки Ветхого Завета, о котором свидетельствовали Апостолы Нового Завета (ср.: Исх. 3, 14; Ис. 44, 6; Ин. 1, 1–4; Откр. 2, 13).

Мы не воображаем, да и не можем воображать Его, исходя из самих себя. Мы не творим Бога *«по образу и по подобию нашему»*. В благоговейной молитве мы ожидаем, что Он услышит наш вопль и даст нам о Себе «знак». В болезни нашей мы открываем себя для восприятия ответа-откровения, от Него исходящего. Мы хотим «знать» Его, Виновника нашего бытия, «как Он есть». Он являлся отцам нашим и прадедам, и мы свято храним как драгоценность полученное от них свидетельство. Доверяя им, мы веруем тому, что они сообщили нам, но вместе с тем, подобно Моисею, мы взываем к Нему: *«Дай мне познать Тебя, как Ты есть в Твоей вечности»*. Ибо иное дело — *«вера от слышания»* (Рим. 10, 17), и совсем иное — «знать Тебя».

Едва мы решимся предать себя в «руки Бога Живого», как сии руки бросают нас в такие просторы, о которых мы никак не подозревали. Мы приходим в ужас пред открывающимися нам безднами. Бог кажется нам «жестоким». И, однако, чрез причиненные нам «боли» неизъяснимым процессом внутри нас раскрывается способность созерцать сверхобразно — *«как Он есть»*... пусть еще *«отчасти»* (ср.: 1 Кор. 13, 12).

Он есть Свет и Истина. И когда сей Истинный Свет (Ин. 1, 9) объемлет нас, тогда мы живем Его любовь и Премудрость. Мы бываем в радости, и на нас нисходит глубинное ведение, не как мысль, но как состояние нашего духа.

Он Сущий. В Нем нет ни начала, ни конца. Он Сам есть и Начало — Принцип всего существующего и бесконечный конец всех наших чаяний. Мы узнаем в сердце нашем, что Он хочет видеть нас совершенными не менее, чем Он Сам (ср.: Мф. 5, 48Истомленные тиранией низменных страстей, мы, естественно, молим Благого Господа, чтоб Его Дух почил на нас: Дух разумения путей спасения Его. И, укрепляемые сим Духом, мы видим, что в трагических испытаниях освобождаемся мы от последствий падения, что в страданиях наших расширяется наше бытие, и мы становимся раскрытыми для иных великих миров. Мы преодолеваем замкнутость-эгоизм

звериного индивидуума, выходим из полуживотного состояния: не знать нашего Творца. Постигая, что для меня, из «ничто» сотворенного, необходимо пройти чрез огненную боль, чтобы познать глубже *«Мужа скорбей»* (Ис. 53, 1–12), я с благодарной любовью принимаю сию святую боль. Она преисполнена смысла; она посвящает меня в тайны бытия, не только тварного, но и нетварного. Благодаря Ей я становлюсь сострадательным, чрез нее (боль) я духом вижу всех других — страждущих: внутрь меня нисходит любовь Божия, сначала как сострадание всей твари, а в веке грядущем — как блаженство видеть спасенных во Славе Нетленной.

Маленькое отступление. Сказанное выше вовсе не значит, что мы культивируем «долоризм» психического порядка. Совсем нет. Но кто прошел чрез метафизические страдания духа, тому бывает ясно, что эта «боль» есть нечто качественно иное: необходимый «этап» в нашем вырастании от земных измерений до космических и даже более сего: вечных. Не только ли об этом Благая весть Христа: Евангелие?

После того как человек начинает разумевать место Креста в нашем бытии по Богу — иначе он *«идет на крест»* (ср.: Лк. 14, 27). Иначе он и понимает «крест». Сей последний воспринимается как зов Свыше от Отца Небесного (ср.: Ин. 6, 44; Ин. 18, 11). В нем, кресте, как и в чаше Господней, осуществляется сопряженность моего тварного с Божественным несозданным Бытием. В знак сего мы лобызаем крест, которым благословляет священнослужитель верующих в храме.

Мы не отрицаем реальности происходящего: христианам свойственно одновременно пребывать в двух планах — временном и вечном. Мы и самое время воспринимаем как некий дивный процесс творения Богом из ничто подобных Ему богов. Когда тварное достигнет своего совершенства-завершения, тогда мы услышим *«клятву Ангела, клянущегося Живущим во веки... что времени уже не будет»* (ср.: Откр. 10, 5–6).

Господь сказал о Себе: *«Аз есмь Истина»* (ср.: Ин. 14, 6). Он же призывал во свидетели Отца Своего и Духа Святого. Не без усилий в течение ряда лет покаянной молитвы приходит уразумение этой стороны Божественного Бытия. Чем больше следуем мы за Господом в хранении заповедей Его, тем шире и глубже становится наша личность. Итак, когда мы сами приближаемся к реализации в нас принципа Персоны, в котором прежде всего выражен в нас образ Божий, тогда из нашего опыта мы видим, что наша персональность для своего осуществления нуждается во встрече с другой

и даже другими персонами. При подлинной «встрече» в нас отразится не только подобие принципу Персоны в Божестве, но и образ внутритроичной жизни: нам бывает дано любить единосущных нам людей в молитве за весь мир — жить все человечество как Единого Человека. Чрез сей опыт мы получаем новое познание, бытийное: Персона по естеству своему, по структуре и характеру не живет одна-одиноко, но непременно в любви к другой, другим, себе подобным. В акте любви персона несет в себе ответ другой персоне и тем свидетельствует о ней.

Не только в Божестве, Святой Троице, Отец, Сын, Святой Дух свидетельствуют Друг — Другу, но Они же свидетельствуют нам, людям, Друг о Друге. Больше того: Апостолам поручил Господь свидетельствовать о Нем: *«Когда же приидет Утешитель... Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы с начала со Мною».*

Таковы отношения между людьми и между Богом и человеками: свидетельство, как истинная жизнь в любви, движется вечно по всем направлениям (ср.: Ин. 1, 7–8; 1, 15, 32, 34; 5, 31–39; 8, 13 и 18; 12, 28; 15, 36–37; Деян. 1, 8; 10, 39–43).

Воздыхая, дух мой тянулся к Живой Истине. И *«воздыхание мое не скрылось от Него»* (Пс. 37, 10). *«Из ямы глубокой я призывал Имя Его, и Он услышал вопль мой»* (ср.: Плач 3, 55–56): Его любовь коснулась моего Сердца. Мне предстал неописуемо прекрасный мир христианской молитвы. Чрез нее мне дано было общение с Богом Истинным и Живым. Говорю о молитве моего покаяния. Она принимала различные формы. Иногда мое существо, собираясь внутрь, становилось стянутым в неизмеримо малом пространственно центре. В иные разы происходило как бы обратное: мой дух вводился в некую умную сферу, не знающую границ, и мой покаянный плач странным образом сливался воедино с созерцаемой бездной. Случалось также, что я в молитве обнимал, как я чувствовал, весь мир. Господь давал мне моменты чистой молитвы лицом к Лицу, и вечность тихо, но властно проникала в сердце мое; и уму сообщалось блаженство быть расплавленным в пламени любви, исходящем из сердца. Этот сплав всего существа: ума, сердца и тела — воедино давал ощущение целостности бытия, столь отличной от обычного разлада меж духом нашим, душевностью и телом.

Теперь я свидетельствую об Истине, которую знали отцы и праотцы наши. Свидетельствую о том, как она благоволила являться мне в ответ на длительный, пожиравший меня плач покаяния. Я жил сию Истину как подлинно извечную, и в меру моей веры говорю и пишу. Писал о ней и Павел: «*...имея тот же дух веры, как написано: я веровал, и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим...*» (2 Кор. 4, 13).

Я знаю, что ведение мое не абсолютно, но это не значит, что есть некая иная истина. Я верю, что касалась меня безначальная Истина, но также знаю, что не реализовал в акте моей жизни познанного в опыте молитвы... Но где критерий, который утвердил бы нас в доверии к данным нам опытам Бога-Истины?

Неотъемлемо от нас стремление к Тому, Кто есть прежде всех веков; Кто пронизывает все существующее и Своею властию удерживает в бытии. Трудно нам, ничтожным, поверить в то, что Сей Беспредельный Владыко не презирает нас (Мф. 18, 10). Как это ни странно, но когда мы обращаемся к Нему в истинной молитве, т. е. покаянной молитве, то Он выбегает нам навстречу (Лк. 15, 20) и любовно объемлет нас Собою. Сие событие не может быть плодом воображения, потому что превышает возможности нашей способности воображать (ср.: 1 Кор. 2, 9).

Я исхожу из Откровения: Человек создан «*по образу и по подобию Бога*» (Быт. 1, 36). Отсюда следует, что человек наделен потенциально возможностью достигнуть подобия своему Творцу, что в самой природе человека заложена идея Абсолютного Существа, так, что когда Бог Вседержитель входит в общение с духом человека, то сей последний может «узнать» Его, ибо Он родствен ему. Вводимый в сферу Ума Бога-Творца, тварный дух человека начинает видеть Бога «*как Он есть*» в Самом Себе (ср.: 1 Ин. 3, 2). Я избегаю сказать — наш ум, — чтобы не породить недоразумения, приняв за ум рассудок.

Наше первое движение — к Тому, Кто «в начале». Наша установка: принять Его как основоположную Истину, независимо от того, совпадает или не совпадает такая онтологическая Истина с нашими о Ней представлениями. И великою бывает наша радость, когда данные Откровения (1 Ин. 1, 5; 4, 13; 4, 16) подтверждаются ниспосланным нам видением, а именно что мы созданы «*по образу*» Бога: Он является нам как Бог любви, и мы живем Его внутри нас как абсолютную гармонию, и начинаем «*поклоняться Отцу в духе и истине*» (Ин. 4, 23–24).

«Если говорим, что не имеем греха — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8). Отсюда: только покаянная молитва соответствует истине о нас. Сей момент я не перестаю подчеркивать: предстоя Отцу Небесному в сознании себя грешником, становимся мы в план Истины Божией. Чем глубже живем мы наш грех, как поразившую нас смерть, тем полнее предаемся мы Богу в молитве и Его животворящею силою вырываемся из тисков времени и пространства. Да простит меня Господь, и да не осудят меня строго мои братья: так было со мною. И потому, читая послания Апостола Павла, я предполагаю, не скрою — с уверенностью, что и ему были даны *«видения и откровения Господни»* (2 Кор. 12, 1–6) в его раскаянии пред Христом *«с сильным воплем и со слезами»*: тогда был он *«услышан за свое благоговение»* (ср.: Евр. 5, 7).

В подобной молитве наш ум-дух включается в Ум Бога и получает разумение вещей, которое, разумение, не поддается адекватному выражению на обыденном языке нашем. Например, все создано Его волею, Его мыслию. Он мыслит мир, и Его творческое мышление становится тварным бытием. Не материя, но мышление Бога-Творца первично. Так мы живем сей мир не только чрез призму экспериментального знания, но и в Духе созерцаем его иным образом (ср.: Евр. 11, 1–3).

«Если любите Меня, соблюдите заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает, и в вас будет»... «вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня: а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю Его, и явлюсь ему Сам... кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим... слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Ин. 14, 15–26).

«Утешитель, Дух Святой... научит вас всему». «Научит» нас мыслить, как мыслит Сам Бог; научит нас любить, как любит Бог. Не удивляйтесь этому: таков смысл Евангельского зова; все послания Апостолов — Иоанна, Павла, Петра и прочих — говорят о том же; то же самое свидетельствуют Отцы наши в веках.

Встает вопрос: как мы можем достигнуть сего благословения? Ответ дан Христом: «соблюдите заповеди Мои. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек». Итак, мы «знаем» Духа Святого чрез святое предание Отцов Церкви и тоже чрез наш собственный опыт Его, Духа, действий внутри нас. Он «напоминает нам все».

Больше сего: *«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и (вечную) обитель у него сотворим»*. Что может значить сие? Да то, что нам обещано унаследовать полноту Божественной жизни, полноту ведения и силы любви, которая явлена нам Нетварным Светом, не имеющим в себе никакой тьмы (1 Ин. 1, 5).

Вот свидетельство Павла: *«мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога»*. И еще: *«Кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов»* (1 Кор. 2, 12–16). Чрез нашу школьную науку мы вошли в мировое мышление и стали общниками экспериментального знания. Нечто аналогичное происходит с нами в области Духа: чрез жизнь по заповедям Евангелия мы входим в самое тесное родство с Божественным Умом. Заповеди сии суть не что иное, как самооткровение Бога *«как Он есть»*. Становясь единственным законом нашего бытия, они (заповеди) сообщают нам «образ» искомого нами Божественного Бытия. *«Мы знаем... что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного»* (ср.: 1 Ин. 5, 20).

Бог-Истина не творил ничего ложного, противного Истине. И всякий акт-энергия, от Него исходящий, истинен. Христос открыл нам подлинного Человека, как он задуман Творцом: в нас вложена Истина Самого Бога, ибо мы «образ и подобие» Его. Истина вечная сообщается ипостасному началу в нас. И как Персона в человеке рождается сначала лишь как потенция, так и семя Истины в нас — тоже подлежит актуализации из потенциального состояния. В падении Адама Истина в нас подверглась искажению. Чрез благодать покаяния и послушание любви ко Отцу — Истина, в ее изначальной святости, сообщается нам как жизнь Самого Бога.

Но что происходит с человеком, принесшим покаяние в плаче? Он живет Истину не как результат своих размышлений, но как состояние своего духа, данное ему Духом Божиим. Состоянием есть факт бытия, из которого и самая наша мысль схватывает свойственным ей образом разумение Истины. Опять-таки не в процессе демонстративного мышления, но как

интуитивное проникновение или констатация факта, как познание Божественного Бытия, к нам от Бога снисходящее.

Разумение путей Господних не приходит быстро. Глубоким было мое томление — ощущать краткость наших дней. Душа была полна страха — сойти в гроб прежде, чем придет ответ от Бога на ее вопль к Нему. Но не до конца я был оставлен: чрез молитву несомненной веры во Христа-Бога Его сострадание гибнущему человечеству постепенно передавалось и мне. До великой боли я жил мою личную гибель, и эта боль раздвинула стены окаменевшего сердца моего. Я вообще привык мои опыты переносить на все человечество и сострадал всем людям, пребывающим в подобной моему состоянию богоудаленности. Таким образом страдания всех становились «моими», и в одиночестве пустыни приходила иногда молитва за весь мир с таким же плачем, как за самого себя. И в той молитве я ощутил предвечного Бога, как Отца нашего. И сие чувство было убедительным свидетельством о безначальной Истине, сообщенной нам Христом.

С трепетом вспоминаю я те часы, когда Господь давал мне жить сие духовное событие. А теперь — горе мне: я не вижу в себе той святой силы во мне.

Предмет, о котором я беспомощно пытаюсь лепетать, — Живая Истина; она не похожа ни на научные, ни на философские истины. Открывающаяся нам Истина идет безмерно далее рассудочных спекуляций. Она не есть некая отвлеченная формула нашего логического мышления; ни некое математическое уравнение, но Персона. Прежде всего это Сущий «от начала», т. е. безначальный Бог — Святая Троица: Отец, Сын и Дух Святой. Но наш логический рассудок неспособен следовать за реальным Бытием Бога со своими понятиями. Например: мы живем Отца как абсолютную Истину. И Сын также есть абсолютная Истина. То же и Святой Дух — абсолютная Истина. Но Истина Единая, а не три абсолютных истины. Как Един Бог и Он же Троица Лиц. В своем финальном осуществлении и Человек должен стать Единым Человеком во множестве ипостасей.

Вот другой антиномический момент: Персону в Боге мы живем как носителя абсолютной полноты Бытия; и вместе — Персона не существует одна. Для формальной логики это есть показатель недостаточности одной Персоны, следовательно — отрицание абсолютности. Но именно такова Святая Троица, Бог любви совершенной. Совершенная любовь не живет замкнуто в Себе, но в другой, в других Персонах. Вся совокупность Бытия

является неотъемлемым обладанием каждой из Трех Ипостасей. Но таковою Она — Ипостась — является в акте совершенной любви, которой свойственно такое же полное истощание, умаление Себя.

«Нет большей той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»... «Иисус... возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их»... «Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Ин. 15, 13–15; Мф. 23, 11). Из приведенных слов Христа видим, что тот же род самоистощающейся любви, что открылся нам во Святой Троице, заповедан человечеству: чрез предельно доступное нам истощание в акте своего покаяния становимся мы способными воспринимать полноту и Божественной любви, и любви к ближнему (ср.: Мф. 22, 37–40). *«На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»*, и в духе их содержится святая вечность.

В двух словах: Вечность и Истина — тема настоящих страниц. И вот, когда прикасается к нам сила любви Божией, тогда вне всяких сомнений мы живем, пребываем в Истине и в Вечности.

Наше догматическое сознание суммарно можно представить так: *«Аз Есмь Сый»*, *«Аз есмь Бытие»*, *«Аз Есмь Истина»*. Персональное Начало в Божественном Бытии есть онтологическое ядро его. Это Тот, Кто воистину живет. Первый и Последний, Альфа и Омега, безначальное Начало и бесконечный Конец всего. Так мы понимаем Синайское Откровение, восполненное затем воплощением Логоса Отца и сошествием Святого Духа в день Пятидесятницы на Церковь.

Сей Бог — в Его извечном Существе есть искомая нами абсолютная Истина. Познание сей Истины возможно не иначе, как чрез пришествие внутрь нас Ее силы, как чрез бытийное соединение с Нею. Персональная Истина опознается тем же персональным принципом, который заложен в нас актом творения *«по образу и по подобию»* Богу. Поскольку сие в нас свободное начало не подлежит никакому насилию извне, постольку наше соединение с Истиной зависит не только от Бога дающего (ср.: Мф. 11, 27), но и от человека — приемлющего (ср.: Ин. 1, 9–12; Деян. 13, 46).

Сам собою тварный дух (человек) не может достигнуть сей Истины, однако, как образ Божий он способен на догадку (постулат) об Истине, но не дальше сего. Бытийное познание Истины дается нам как дар любви Творца к разумной твари. В наших личных отношениях с нашим Личным

Богом ничто не совершается по воле только одной стороны, но всегда наличествует согласие, содействие, синергия, соединение двух воль: Божией и человеческой, — в этом наша жизнь.

«Всякий человек ложь» (Пс. 115, 2) в самом себе, как взятый из «ничто». Только чрез вселение в нас Бога-Истины и мы становимся истинными. Живая Истина преображает нас Своим пришествием внутрь нас. Абсолютная, она и всеобъемлющая, все содержащая. «Познавшие» сию Истину (ср.: Ин. 8, 32), по слову Самой Истины, освобождаются от власти над ними греха, в котором смерть. Вечная, Она и нас творит бессмертными. Бог-Истина и нас делает истинно богами. «Богами» не для других разумных тварей, но по сообщенному нам образу бытия и по содержанию жизни сей.

Божественно универсальная — никем из тварей в пределах Земли не вмещается в Ее полноте. Мы знаем Истину, подобно Апостолу Павлу, лишь *«отчасти»* (1 Кор. 13, 12). Но это не значит, что Истина в Себе совсем иная, чем мы Ее разумеем. Одно дело знать Истину, другое — не вмещать Ее абсолютной полноты; быть недостаточным для выявления Ее во всем совершенстве в акте земной жизнедеятельности. Вместе с Апостолом Филиппом мы говорим без колебаний: мы обрели Истину; мы знаем Ее: это Христос (ср.: Ин. 1, 45).

Многоипостасное человечество является образом Святой Троицы: единая натура при множестве лиц. Но каждый из нас в отдельности носит в себе прежде всего образ Сына Единородного, и спасение наше чрез усыновление нас Отцу (Ср. Гал. 4, 5).

Итак, если мы исповедуем Христа равноабсолютным Отцу, Бога и Истину, то, естественно, чтобы постигнуть Истину, мы должны следовать за Ним. И здесь наступает трагический момент. Вот Он говорит: *«Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником»*. Также *«кто не несет креста своего и идет за Мною... кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»* (Лк. 14, 26–27, 33).

В моем случае произошло следующее: узрев духом Христа, Который возлюбил нас до конца (ср.: Ин. 13, 1), молящимся в Гефсимании и затем на Голгофе, *«не противящимся злому»* (Мф. 5, 39), я возненавидел себя, как я есмь, и в молитве, порожденной сей святой ненавистью, я воспринял

Его как абсолютную Истину, как воистину Вседержителя и Бога. В этой молитве мне было дано превзойти *«видимое временно»* и вступить в *«невидимое вечное»* (ср.: 2 Кор. 4, 18).

«В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). И мы видим из опыта, что *«желающие жить благочестиво... будут гонимы»* (2 Тим. 3, 12), войдут в конфликт с прочим миром (ср.: Мф. 5, 10–12). И еще: *«Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит... уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем»* (Ин. 16, 20–23). Почему не спросим Его ни о чем?

Когда Дух Святой дает нам видеть Христа как Он есть, чрез любовь, от Духа Святого исходящую, тогда становится для нас очевидным, что Он, Христос, все: в Нем полнота Божества и полнота человека; Он есть Истина в двух ее аспектах: 1) Он — изначальный факт Бытия; 2) Он по Своему «этическому» характеру Истинен. Истинен, т. е. Свят; Свят, т. е. Благ; Благ, т. е. *«Свет, в Котором нет никакой тьмы»*.

Мы малодушествуем, когда нам бывает дано увидеть надмирный характер Евангелия. Мы хотели бы как-то сузить его подлинные измерения, приблизить к нашей немощи в нашем хрупком теле, но Он никак не соглашается на умаление Своих заповедей. В предельном напряжении нашего покаяния мы начинаем прозревать: сие Откровение есть конечное, будучи всесовершенным. Оно дано на все века для всех племен и народов до скончания земной истории.

Блаженный Старец Силуан говорил: «Кто не любит врагов, тот еще не познал Бога, как должно Его знать».

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... будьте совершенны, как совершен Отец ваш...» (ср.: Мф. 5, 44–48). И снова: Когда Дух Святой сообщает нам любовь Христову — *«любите врагов ваших»*, — тогда и ум-дух услаждается Истиной этой любви. Подобно тому, как телесно мы ощущаем или силу в себе, или тепло извне от солнечных лучей, так непосредственно всем нашим существом мы знаем, что эта любовь есть Истина вечная. Знает тогда человек, что он *«перешел от смерти в жизнь»* (Ин. 5, 24).

Чудное ощущение пришествия Бога внутрь нас сопровождается всецелым согласием ума с сердцем. Божественная гармония сего духовного состояния есть радование для сердца и свет для ума. Весь человек: ум-дух, сердце и даже тело испытывают *«мир Божий, превысший всякого ума»* (Флп. 4, 7). И Любовь, и Свет, и Мир — душа осознает исходящими от Всевышнего (ср.: Иак. 1, 17).

Великое благо — узнать Истинного Бога и знать Его неотъемлемым знанием (Лк. 10, 42). Все сие дано миру чрез Воплощенного Сына Отчего, Христа Иисуса, и благодарная душа влечется к Нему (древле на Синае открывшему Себя с Именем *«Аз Есмь»*, и повторившему сие не раз в Своем явлении во плоти нашей). Он сообщил нам сей *«преизбыток жизни»* (Ин. 10, 10). И душа знает происходящее с нею и говорит:

«Ныне, Христе мой, в Тебе и Тобою — и аз есмь».

Кому за веру в Христа-Бога было дано хотя бы отчасти войти в вечный поток Его Гефсиманской молитвы и затем, тоже лишь отчасти, подняться и на бессмертную Голгофу, тому беспрекословным образом открывается *«великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам...»* (1 Тим. 3, 16). С того времени он, верующий, «не знает» Его по плоти, т. е. как естественного человека, но как вездесущего Вседержителя, пришедшего в мир грешных спасти (ср.: 2 Кор. 5, 16; 1 Тим. 1, 15).

Так подлинно *«верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом»* (1 Ин. 5, 10).

Послесловие

В начале сего века было слово от Господа к Старцу Силуану:

«Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Точной даты сего события я не узнал. Оно могло иметь место в 1906 году. Немного на год раньше этого — в 1905 году — миру стало известным уравнение Эйнштейна: $E = mc^2$. Сие последнее легло в основу современной науки и техники. Оно открыло колоссальные источники жизненной энергии, но с другой стороны — положило начало приготовлению апокалиптического огня, готового пожрать всякую жизнь на Земле (ср.: 2 Пет. 3, 7; Сол. 1, 8; Евр. 10, 27; Лк. 21, 35). Первое же, данное Силуану, непревосходимое по своему достоинству, для многих верующих является путеводной звездой к Царству непоколебимому

(Евр. 12, 28). По духу, в нем заложенному, оно подобно учению древних Египетских Отцов: Антония, Макария, Сисоя, Паисия великих и других, менее известных, но, возможно, не менее великих в своих деяниях.

Слово Христа: «и не отчаивайся» — дано чрез Старца Силуана нашей эпохе, отмеченной исключительно тяжким всеобщим отчаянием. Люди нашего века нередко против своей воли все же становятся моральными соучастниками нескончаемых локальных и даже планетарных братоубийств. Как таковые, т. е. моральные соучастники нераскаянные, они, естественно, теряют благодать Духа Святого и уже не могут верить в свое бессмертие чрез воскресение. Да и не стремятся к сему. Именно в этом приговоре самих себя на полное уничтожение по смерти заключена духовная сущность отчаяния.

Силуан, получив слово Господа, всецело приложил его к себе. Вот как он пишет об этом: «Я стал делать, как научил меня Господь, и мой ум очистился, и Дух свидетельствовал спасение». «*Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но (уже) перешел от смерти в жизнь*» (Ин. 5, 24).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие: **3**
Иеромонах Арсений (Минин) **9**
О молитве 10
Иеросхимонах Агафодор (Буданов) **27**
О молитве Иисусовой 28
Схимонах Леон (Воскресенский) **43**
Что такое монашество 44
Схимонах Иулиан (Троянский) **65**
О молитве 65
Схимонах Варнава **83**
Два слова о безмолвии 83
Схимонах Петр (Козлов) **93**
Наставление афонского инока о молитве 94
Схииеродиакон Сисой (Савченко) **119**
О внимании во время молитвы 122
Схимонах Герасим **129**
Об умной сердечной молитве 129
Преподобный Силуан Афонский **133**
Писания старца Силуана 138
Архиепископ Василий (Кривошеин) **305**
Тайна и смысл христианства 306
Иеросхимонах Феодосий (Харитонов) Карульский **313**
Молитвенный дневник старца Феодосия Карульского 314
Схимонах Никодим (Мушкарин) Карульский **363**
Дневник о молитве старца Никодима 364
Иеросхимонах Серафим Карульский **401**
О молитве и трезвении 401
Схиархимандрит Софроний (Сахаров) **429**
Видеть Бога как Он есть 430